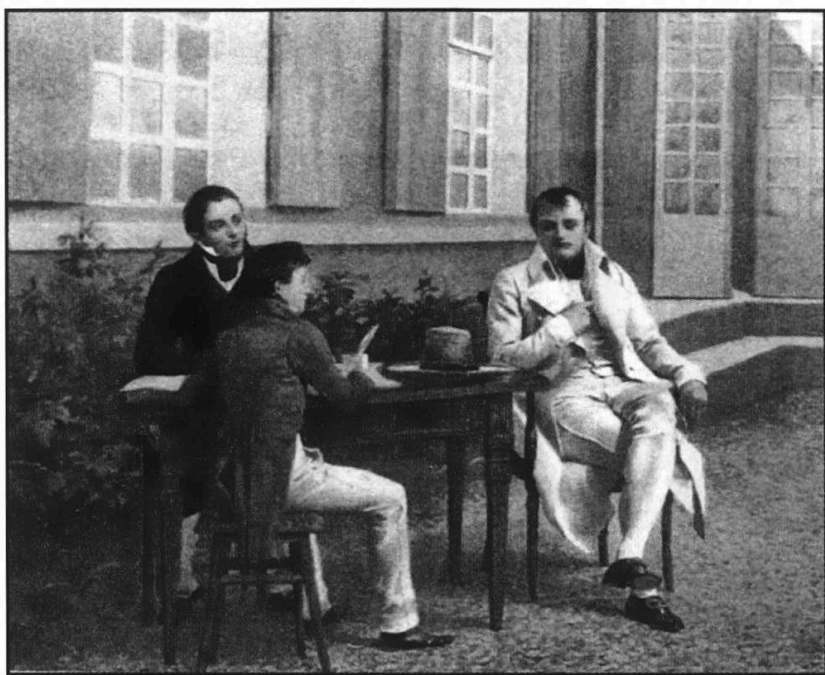

ГРАФ
ЛАС-КАЗ

**Наполеон диктует «Мемориал»
графу Лас-Казу и его сыну**

ГРАФ ЛАС-КАЗ

М Е М О Р И А Л
СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

II

УДК 82-94
ББК 84.4Фр
Л26

Mémorial de Sainte-Hélène par le c^{te} de Las Cases:
suivi de Napoléon dans l'exil.

*Первое издание «Мемориала» увидело свет в 1822—1823 годах.
В 1831 году вышло последнее прижизненное дополненное издание;
оно и приводится с некоторыми сокращениями чрезмерных
подробностей военных сражений, а также последних 100 страниц,
описывающих жизнь Лас-Каз после изгнания со Святой Елены.
Гравюры на дереве, воспроизведённые в этой книге, взяты
из первого иллюстрированного издания 1842 года.*

Лас-Каз граф

Л26 Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре
Наполеоне : в 2 кн. / Граф Лас-Каз ; [пер. Л.Н.Зайцева.] ; [илл.
Н.Шарле, О.Верне и др. фр. худож. первой пол. XIX в.]. — М. :
«Захаров», 2010. — 584 с. : ил.
ISBN 978-5-8159-0996-0 (общий)
ISBN 978-5-8159-0998-4 (кн. II)

«Мемориал Святой Елены» — культовая книга, в своё время потрясшая современников, — дневник, который вёл граф Лас-Каз, последовавший за Наполеоном в изгнание на остров Святой Елены. Лас-Каз день за днём записывал всё, что делал и говорил император. Часть дневника продиктована самим Наполеоном.

Впервые «Мемориал» вышел после смерти Наполеона в 1822—1823 годах и сразу же стал бестселлером. Почти все историки, как бы они ни оценивали Наполеона и его роль в построении европейской цивилизации, цитируют эту книгу, — поистине бесценную для тех, кого интересует французский император и его время.

В России книга издаётся впервые.

**Падение моего сына с лошади — Грабёж во время
войны — Характер французских солдат —
Подробности сражения при Ватерлоо**

1 — 4 июля 1816 года

Вчера, когда мой сын совершал верховую прогулку, его лошадь внезапно резко понесла. Мой сын, опасаясь, что лошадь может ударить его о дерево, посчитал за лучшее спрыгнуть с неё. Он так сильно растянул связки ноги, что был вынужден пролежать в течение месяца.

Император изволил зайти в мою комнату около одиннадцати часов утра, чтобы узнать о состоянии здоровья моего сына, которого он сильно отчитал за проявленную неловкость. Я последовал за императором в сад, где он стал завтракать на новом месте.

Наш разговор коснулся проблемы солдатских грабежей и ужасов этих преступлений.

Павия, как рассказал император, была единственным городом, который он отдал солдатам на разграбление. Он разрешил солдатам грабить город в течение двадцати четырёх часов, «но после трёх часов грабежа, — признался он, — я более не мог выдерживать этого зрелища и положил ему конец. У меня было всего 1200 солдат, но крики местных жителей заглушили все остальные звуки. Если бы солдат было 20 000, то они заглушили бы жалобные вопли жителей, и я бы ничего не услышал. К счастью, наша политика и мораль были чужды системе грабежа. Я часто раздумывал над этой проблемой, и от меня часто требовали, чтобы я потворствовал солдатам в этом. Но ничто так не дезорганизует и не разлагает

армию, как грабёж. Солдат совершенно забывает о дисциплине, как только получает возможность грабить; и если, благодаря грабежу, он богатеет, то сразу же становится плохим солдатом и перестаёт сражаться. Кроме того, — продолжал император, — солдатский грабёж несовместим с французскими нравами: у наших солдат хорошие сердца, и когда у них проходит первый порыв ярости, они сразу же приходят в себя. Французские солдаты не могут грабить в течение двадцати четырёх часов. Многие из них потратят последнюю часть времени на то, чтобы ликвидировать последствия вреда, который они нанесли вначале. Потом, вернувшись в расположение своей воинской части, они порицают друг друга за совершённое ими и подвергают сильнейшему осуждению тех солдат, чьё поведение было особенно отвратительным».

В три часа дня императору были представлены новый адмирал, сэр Пултни Малькольм, и все его офицеры. Сначала на протяжении почти двух часов адмирал наедине беседовал с императором. Эта беседа, должно быть, произвела на него большое впечатление: выйдя, он сказал, что получил замечательный и ценный урок по истории Франции. Император предположительно сказал ему в конце беседы то, что, как я думаю, уже нашло отражение в настоящем дневнике. «Вы обложили Францию контрибуцией в размере 700 миллионов. Я обложил вашу страну контрибуцией в размере более 10 000 миллионов. Вы взимали контрибуцию с помощью штыков, мою же

я заставил взимать с помощью вашего парламента». — «Да, это краткое изложение сути дела», — ответил адмирал.

Адмирал перевозил из Америки войско численностью 12 000 солдат, не имея ни малейшего представления о новой ситуации в Европе. Он был в море, когда встречный корабль принёс ему известие о возвращении императора с острова Эльба и о последовавшей революции во Франции. Эта новость показалась адмиралу настолько сказочной, что он едва мог поверить ей. Но когда он прибыл на рейд Плимута, то получил приказ как можно скорее направиться в Остенде. Он прибыл туда вовремя, и 4000 солдат, находившихся на бортах кораблей эскадры адмирала, смогли принять участие в сражении при Ватерлоо. Адмирал заявил, что эти солдаты, безусловно, были лучшими на протяжении всей битвы. Кто может определить, какое влияние они оказали на исход сражения? Англичане в течение всего дня считали сражение проигранным, и они признают, что это произошло бы, если бы не ошибка Груши.

Эпизоды 18-го брюмера — Сийес — Прокламатор-электор — Камбасерес — Лебрэн

5 июля 1816 года

Погуляв немного в саду, император сел в карету. Погода была прекрасная, и мы быстро сделали два круга. В карете мы были вдвоём с императором. Он много говорил о моём сыне и о его будущем и делал это с такой заинтересованностью и добротой, что это не могло не тронуть моё сердце. Император сказал, что пребывание моего сына на острове Святой Елены в числе высланных туда французов станет бесценным для его будущей жизни событием: оно должно закалить характер мальчика.

После обеда император возобновил разговор о событиях 18-го брюмера и рассказал нам бесчисленное количество подробностей. Так как он ранее диктовал воспоминания об этих событиях генералу Гурго, то я отсылаю читателя к его книге, в которой даётся их подробное изложение. В этом дневнике я приведу лишь некоторые эпизоды, которые не нашли места в книге Гурго.

Положение, в котором находился Наполеон после возвращения из Египта, было уникальным. Он сразу же оказался востребованным всеми политическими партиями, которые посвятили его в свои секреты. Выделялись три группировки, и каждая имела лидеров. Во главе *Умеренных* стоял Сийес, партию, которую император назвал *Гнилые*, возглавлял Баррас, генерал Журдан был одним из лидеров группировки *Манеж*.

Принятое Наполеоном решение примкнуть к группировке «Умеренных», по его словам, грозило ему большой опасностью. Объединившись с якобинцами, он бы ничем не рисковал, — они предложили ему стать диктатором. «Но если бы я победил вместе с ними, — заметил император, — то был бы вынужден следом победить их самих. Этот политический клуб не мог иметь постоянного лидера. Ему требовался новый вождь для каждого нового взрыва страстей. Использовать какую-либо политическую группировку и сокрушить её на следующий день, какие бы ни были на то причины, — предательство. Это несовместимо с моими принципами».

В другой раз, вновь коснувшись событий 18-го брюмера, император сказал, что эти события «сильно отличаются от заговора Реаля, который долго замышлялся, но не дал результатов. Мы же осуществили политический переворот одним ударом. Очевидно, что никогда ранее не было великой революции, которая бы причинила столь малые неудобства: наш политический переворот был желателен для всех и прошёл при всеобщем одобрении».

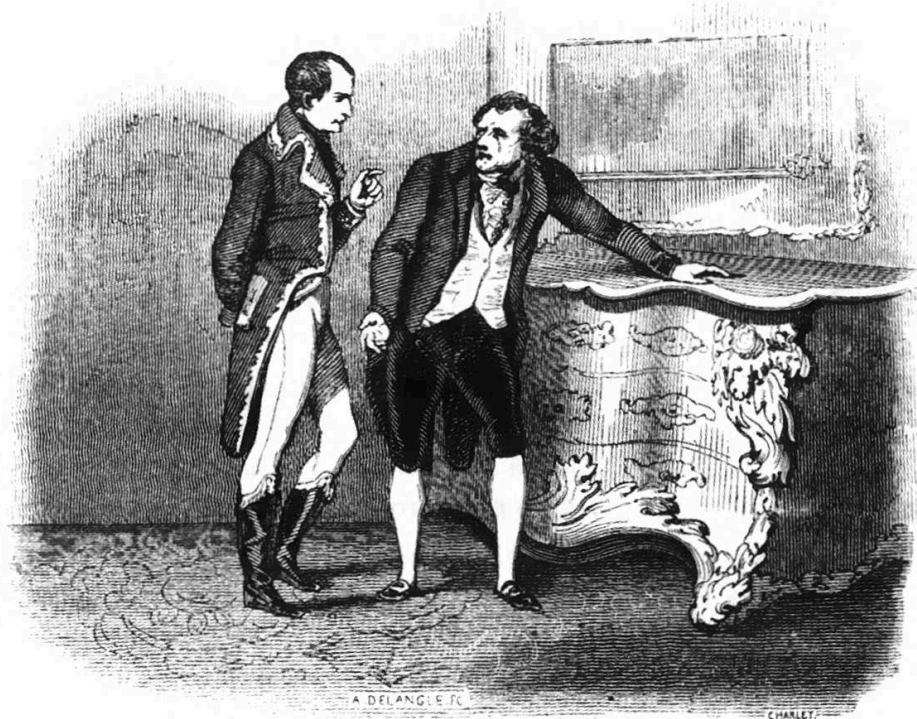
Что касается меня, то всё моё участие в осуществлении переворота ограничилось тем, что утром я собрал людей, пришедших ко мне с визитом в один и тот же час, возглавил их и увлёк за собой, чтобы захватить власть. Я повёл их к победе с порога моего дома, с верхней ступени моей лестницы, не сообщив о своих намерениях

друзьям. В окружении блестящего эскорта, который они составили, в атмосфере неподдельной радости и всеобщего энтузиазма я предстал перед советом старейшин и поблагодарил их за то, что они сделали меня диктатором.

Метафизики спорили и ещё долго будут спорить, не нарушили ли мы законы и не являлись ли мы преступниками, но все эти споры всего лишь абстракции, в лучшем случае пригодные для книг и для выступлений с трибуны. В условиях настоящей необходимости они превращаются в ничто. С таким же успехом можно обвинять моряка в лишних тратах и нанесении ущерба, когда он, чтобы спасти свою жизнь, срубает мачты корабля во время шторма, грозящего кораблекрушением. Всё дело заключается в том, что если бы не мы, то страна должна была погибнуть. Мы спасли её. Авторы и главные участники памятного государственного переворота, вместо того чтобы оправдываться, могут и должны отвечать своим обвинителям — гордо, как римляне: «Мы торжественно заявляем, что спасли нашу страну. Идите с нами и воздадим богам благодарение»».

Когда завершилась революция 18-го брюмера, назначили трёх временных консулов: Наполеона, Сийеса и Дюко. Необходимо было избрать председателя. Момент был критический, и генерал должен был действовать решительно. Поэтому он без лишних церемоний сел в президентское кресло, и два его партнёра не рискнули оспаривать у него это место. В эту минуту Дюко показал своё истинное лицо. Он заявил, что только генерал может спасти их. С тех пор он во всём соглашался с Наполеоном. Сийес очень обиделся, но был вынужден последовать примеру Дюко.

Сийес был эгоистичным человеком, очень любившим деньги. После первого заседания трёх консулов, оставшись наедине с Наполеоном, он с таинственным видом подошёл к дверям комнаты, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает, а затем, вернувшись к Наполеону, сказал ему с довольным видом, понизив голос и показывая на небольшой комод: «Вы видите этот прекрасный образчик мебели? Вы, вероятно, не подозреваете, насколько он ценен?» Наполеон подумал, что Сийес обращает его внимание на этот комод потому, что им, возможно, пользовался Людовик XVI. «Не в этом дело, — заявил Сийес, указывая на ошибку Наполеона. — Я собираюсь посвятить вас в одну тайну. В этом комод лежат 800 000 франков! — сказал Сийес и широко раскрыл глаза. — В нашей Директории мы подумали, что директор, покидающий свой пост, может вернуться к своей семье без единого гроша в кармане. Это весьма вероятно, и это очень неприятная вещь! Поэтому мы использовали этот комод для хранения денег, а потом брали из него соответствующую сумму для директора, покидавшего свой пост. Сейчас

больше нет директоров, поэтому мы являемся владельцами остатка этих денег. Что мы будем делать с ними?»

Наполеон, внимательно слушавший Сийеса, начал понимать, в чём дело, и заявил: «Эти деньги будут отданы государственному казначейству, но если я не должен был знать о них (а я всё ещё ничего не знаю о них), то вы и Дюко, будучи двумя прежними директорами, можете разделить эту сумму между собой. Только поторопитесь, ибо завтра может быть слишком поздно».

«Коллега не заставил себя ждать, — заметил император. — Сийес поспешно приступил к операции и поделил добычу, как лев в басне. Он разделил всю сумму денег на несколько долей. Он взял себе первую долю, так как был старейшим по возрасту директором, вторую — потому что он был на посту директора больше времени, чем его коллега, третью — потому что именно он был автором счастливой идеи, и т.д. Короче говоря, он присудил себе 600 000 франков и только 200 000 отправил бедняге Дюко, который, когда улеглись его первые эмоции, стал настаивать на ином принципе дележа и, судя по всему, готов был поссориться с Сийесом». Они постоянно возвращались к этому вопросу, желая, чтобы их третий коллега стал их арбитром, но последний всегда отвечал им: «Разбирайтесь с этим сами, но прежде всего, не поднимайте лишнего шума, ибо если слухи об этом деле дойдут до меня, то вы будете обязаны сдать все деньги в казначейство».

«Когда мы собирались написать текст конституции, — сказал император, — Сийес позабавил нас ещё раз. Обстоятельства и общественное мнение сделали его в некотором роде признанным авторитетом. Он же с необычайно таинственным видом, с явным сомнением и большой тщательностью представлял свои предложения в комитетах двух советов. Все его предложения — хорошие, плохие и посредственные — неизменно принимались. Наконец он увенчал свои труды, представив заключительное предложение, которое ожидалось с живым интересом и огромным нетерпением. Он предложил должность прокламатора-электора, который имел бы постоянную резиденцию в Версале, получал бы при этом шесть миллионов в год и олицетворял бы национальное величие. Он не имел бы никаких обязанностей, кроме назначения двух консулов, полностью независимых друг от друга, — одного по вопросам мира, другого по вопросам войны. Более того, если бы этот электор назначил плохого консула, то Сенат должен был *поглотить* самого электора. Термин *поглощение* означал увольнение электора и назначение на его место нового электора, причём Сенат должен был делать это в присутствии простых граждан».

Наполеон, не имевший опыта участия в заседаниях Государственного совета, проявлял необходимую в то время осторожность: он почти не участвовал в обсуждении повестки дня или вообще хранил полное молчание. Но когда обсуждался вопрос об электоре, он, по словам самого императора, рассмеялся прямо в лицо Сийеса и безжалостно положил конец всей его метафизической чепухе. Сийес не любил защищаться и не знал, как это делать. Но тут он попытался возражать, заявив, что король по своей сути не более чем тот же электор. Наполеон ответил: «Вы заблуждаетесь, когда хотите иметь тень вместо самой вещи. И можете ли вы представить, господин Сийес, чтобы человек со способностями, или хотя бы просто уважающий себя, решился играть роль свиньи на откорме?» После этого саркастического замечания, которое заставило всех присутствовавших разразиться безудержным хохотом, Сийес был окончательно сломлен. Он не в силах был вновь поднять вопрос о прокламаторе-электоре. Следом были определены полномочия Первого консула, который должен был принимать окончательное решение по вопросам управления государством и назначать на все государственные должности. Другие два консула получили право совещательного голоса. Именно с этого момента в стране фактически наступило единовластие. Первый консул получил полномочия, соответствующие полномочиям президента Соединённых Штатов Америки, но прикрытые флёром формальностей, которые всё ещё представлялись необходимыми с учётом легковозбудимого общественного мнения

того времени. Но в действительности его правление началось именно с этого дня, заявил император.

Император в какой-то мере сожалел, что Сийес не был назначен одним из консулов. Сийес, сначала отказавшийся от этого назначения, впоследствии сожалел об этом, но было уже поздно. «Он глубоко заблуждался, не понимая прав и обязанностей этих консулов, — сказал Наполеон. — Он боялся унижений со стороны Первого консула и необходимости спорить с ним по каждому поводу. Так бы и получилось, если бы все консулы имели равную власть. Тогда бы мы без конца враждовали друг с другом; но, в соответствии с конституцией, два консула подчинялись Первому консулу, поэтому не было оснований для вражды или соперничества между ними, зато была масса стимулов действовать сообща. Сийес это понял слишком поздно».

Император сказал, что Сийес мог быть очень полезным в работе Консулата — более полезным, чем другие консулы, так как в его голове иногда рождались новые и блестящие идеи; но что касается всего остального, то он был абсолютно неспособен руководить страной. «В конце концов, — заявил император, — для того чтобы править, нужно быть военным человеком. Нацией должен руководить человек в сапогах со шпорами».

Сийес, который, в сущности, не был человеком трусливым, всегда находился в состоянии страха. Его личные шпионы всё время нарушали его же собственный покой. В период временного Консулата он часто в Люксембургском дворце будил своего коллегу Наполеона и тревожил его слухами о новых заговорах, сведения о которых он каждую минуту получал от своей личной полиции. «Эти заговорщики, они что, подкупили нашу охрану?» — обычно спрашивал Наполеон. «Нет». — «Тогда идите спать. На войне, как и в любви, нужно сначала сблизиться, а затем уже приступать к решительным действиям. Беспокоиться будем, когда нас атакуют 600 человек».

Император сказал, что Камбасерес и Лебрэн, которых он выбрал для назначения членами правительства, были достойными людьми: они рассудительны, сдержанны и весьма способны, хотя и придерживались совершенно противоположных принципов, — один мог допустить злоупотребления властью, не был свободен от предрассудков, был сторонником старых порядков, восстановления почётных званий и т.д., другой был хладнокровен, суров, бесчувственен. Он не разделял убеждений первого, но уступал ему, не строя никаких иллюзий, и, естественно, подчинялся господствовавшей идеологии.

Подводя итог сказанному, император заявил, что Сийес с его своеобразным характером мог бы придать иной оттенок деятельности высшего органа власти, но ему сказали, что такой вариант состава

правительства может доставить Наполеону неприятности. Кандидатуры людей, которых он в конечном счёте выбрал, не вызвали возражений со стороны Европы. Выбор был верен и потому, что он успокоил общественное мнение во Франции, которое было резко настроено против Сийеса. Его имя и связанные с ним воспоминания были неприятны многим французам.

В своё время была популярна история, связанная с ним, которая свидетельствует о недоброжелательном отношении к Сийесу. Говорили, что во время его беседы с императором в Тюильри он невзначай назвал Людовика XIV *тираном*. «Господин аббат, — якобы ответил император, — если бы Людовик XIV был тираном, то вы бы никогда не служили мессу, а я бы не был здесь». Наполеон улыбнулся, выслушав эту историю, не подтверждая и не отрицая её подлинности. Впоследствии выяснилось, что она выдумана.

Новое осложнение отношений с губернатором

6 — 8 июля 1816 года

Некоторое время я не упоминал губернатора в дневнике. Мы старались, по возможности, не думать о нём. В наших разговорах мы редко когда ссылались на него. Его невоспитанность и неприятности, которые он нам причиняет, вынудили меня вновь обратиться на него внимание. Неприятностей стало больше: губернатор только что утаил от нас несколько писем, направленных нам из Европы и присланных во вскрытом виде. Он сделал это под тем предлогом, что они не прошли через руки английского статс-секретаря, не посчитавшись с тем, что это формальное упущение можно легко исправить в Англии, но невозможно на расстоянии в две тысячи лье. Если бы, выполняя так строго и так буквально свои инструкции, он всё же проявил бы каплю человечности, сообщив нам о том, что получил эти письма, и о том, кем они были направлены, то у нас было бы спокойнее на душе в отношении тех, чьё здоровье и чьё внимание к нам были так важны для нас. Но он проявил бесчеловечность, сделав тайну из всей истории с письмами.

Совсем недавно, когда графиня Бертран написала записку в город, губернатор перехватил эту записку и отослал обратно, поскольку послание было написано без его разрешения. Записка вернулась вместе с официальным сопроводительным письмом, в котором губернатор сообщал, что на будущее он запрещает нам любые письменные и даже устные контакты с жителями острова, если на то не будет его разрешения. Особенно абсурдным и невероятным было то, что он распространял это запрещение на наши контакты с людьми,

которым он, тем не менее, разрешает посещать нас по нашему желанию. К письму губернатор приложил текст своего распоряжения, адресованного жителям острова, относительно их контактов с нами, которое вызвало у них настоящий ужас. В письме он жалуется на чрезмерные расходы на покупку продовольствия для стола императора и настаивает на их значительном сокращении. Ему непонятно, зачем генералу Бонапарте так много слуг. Английские министры, простодушно сообщил он нам, никогда не сомневались в том, что их разрешение на выезд с острова Святой Елены склонит нас к тому, чтобы покинуть императора.

Трюкачество губернатора вызвало обмен весьма резкими по содержанию письмами. К нашему уже написанному ответу на одно из посланий губернатора, в котором он сообщал, что если ограничения, предписанные нам, кажутся слишком тягостными, то мы могли бы освободить себя от них, уехав со Святой Елены, император добавил следующие продиктованные им слова: «Считая за честь служить ему тогда, когда он был на вершине власти и в ореоле славы, мы с особым удовольствием служим ему сейчас, когда он ничего не может сделать для нас; и если кому-то непонятно такое наше поведение, то тем хуже для него».

Новые неприятности — Тристан — Басни Лафонтена — Желудок правит миром

9 — 11 июля 1816 года

Губернатор продолжает досаждать нам и постоянно усугубляет наше бедственное положение. Судя по всему, он полон решимости подвергнуть нас строгому аресту. В городе он опубликовал прокламацию и приказ, содержащий требование направлять ему в течение двадцати четырёх часов все письма и записки, адресованные нам жителями острова. Он также запретил всем обитателям острова посещать гофмаршала Бертрана и его жену, которые живут у входа на территорию нашего огороженного дома. В самом начале этой блокады жилища госпожи Бертран вышеупомянутое запрещение соблюдалось настолько строго, что лекарства, ранее посылавшиеся врачом умиравшему слуге гофмаршала, нельзя было доставлять по назначению; лишь благодаря любезности английского офицера эти лекарства стали передавать через забор.

Губернатор, прочитав письмо господина де Монтолона, направленное им в Европу, узнал, что тот просит прислать некоторые предметы одежды, постельного белья и т.д. Губернатор приехал в Лонгвуд

и сообщил господину де Монтолону, что тот мог бы выбрать для себя ряд вещей из числа тех, которые присланы английским правительством для Наполеона. И когда Монтолон ответил, что он предпочитает сам покупать для себя все эти предметы одежды и не желает одалживаться, губернатор сухо заявил, что господин де Монтолон может заплатить за предлагаемые ему бесплатно вещи, если ему по душе такая прихоть. На это господин де Монтолон ответил губернатору: «Извините, сэр, но я предпочитаю сам выбирать магазины». После этого разговора губернатор сообщил Монтолону через доктора О'Мира, что он будет жаловаться, поскольку господин де Монтолон *с презрением* отверг подарки английского правительства. Монтолон немедленно ответил губернатору, что будет ему весьма благодарен за это, поскольку счастлив предоставить губернатору возможность направить министрам, которым тот служит, отказ, а не просьбу.

Эти мелочные склоки и плохая погода стали причинами того, что император впал в меланхолию и не покидает своих комнат. Он читает книги. Его развлечения ограничиваются тем, что иногда, около пяти часов вечера, он наносит визит госпоже де Монтолон, которая пока ещё не выходит из дома после родов. Мы все встретились у госпожи де Монтолон, и император беседовал с нами минут тридцать или сорок пять, прежде чем вернуться в свои апартаменты.

Сегодня он уделил внимание маленькому Тристану, старшему сыну Монтолона, которому только семь или восемь лет и который весь день бегает по дому. Император подозвал его и, поставив мальчика

между колен, пытался заставить его прочитать на память басню Лафонтена, в которой бедный малыш понимал не более двух слов из десяти. Император смеялся от всего сердца и высказал упрёк тем, кто обязывает детей заучивать наизусть басни Лафонтена, не замечая, что дети не могут понять смысла этих басен. Он начал объяснять Тристану прочитанную им басню, пытаясь сделать её содержание более понятным для мальчика. Нет ничего более любопытного, чем простота, справедливость и логика объяснений императора.

Когда император объяснял Тристану смысл басни «Волк и овца», было чрезвычайно забавно слышать, как бедный малыш произносит слова *сир* и *Ваше Величество* и путает слово *волк* с обращением к императору. Объяснение императором смысла басни, вероятно, ещё более запутало мальчика.

Император считал, что ирония, заложенная в содержании басни, недоступна пониманию детей. Принцип и мораль басни несовершенны, заметил император; его это поразило только сейчас. Неправильно, что доводы сильнейшего всегда являются лучшими, и если это случается на самом деле, то это очень плохо и это нужно осуждать. Поэтому волку следовало подавиться, когда он стал пожирать овцу.

Тристан очень ленив. Он признался императору, что занимается не каждый день. «Но ты же ешь каждый день?» — спросил его император. «Да, сир». — «Хорошо, тогда ты должен учиться и работать с книгами каждый день; кто не работает, тот не должен есть». — «Если в этом всё дело, то я буду работать каждый день», — поспешил сказать мальчик. «Таково влияние желудка, — заявил император, похлопывая маленького Тристана по животу. — Именно голод приводит в движение весь мир. Давай, малыш, действуй; если ты будешь хорошим мальчиком, то мы сделаем тебя пажом». — «Но я не хочу им быть», — с надутым видом сказал помрачневший Тристан.

В дневные часы мы занимаемся чтением книг по выбору, надеясь тем самым убить час или два часа времени. Так, в эти дни мы читали книги о путешествии на Шпицберген, о кораблекрушении голландского корабля у острова Новая Земля, о знаменитых судебных процессах, включая судебный процесс в Кале, о судебном процессе над Мартиньером и над маркизой де Бренвилье. Автор книги об этих процессах отмечает, что лицо человека часто даёт неверное представление о его характере. Император сделал паузу, отложил книгу в сторону и убеждённо заявил: «Это действительно так. И так же абсолютно верно, что никакое тщательное изучение человека не поможет нам избежать этого обмана. Я имел множество доказательств подобного рода! Например, в моём окружении был один человек... у него был взгляд, в котором чувствовалось нечто злое, и мне следовало кое о чём догадаться».

Говоря о характере этого человека, он привёл некоторые подробности. Император сказал, что они знали друг друга с детских лет, он полностью доверял этому человеку, который от природы был очень одарённой личностью. Император считал его в наибольшей степени преданным ему. «Но он был чрезмерно алчным, — заметил император, — он слишком любил деньги. Когда мне приходилось диктовать ему и он иногда должен был написать на бумаге слово *миллионы*, выражение его лица странным образом менялось, он причмокивал и начинал беспокойно ёрзать, сидя в кресле. Такое поведение несколько раз вынуждало меня спрашивать его, что именно его мучает».

Император сказал, что алчность этого человека была слишком явной, и нельзя было разрешать ему оставаться в его окружении; но, учитывая другие качества его характера, императору, возможно, следовало удовлетвориться переводом этого человека на другую должность.

«Железная маска»

12 июля 1816 года

Сегодня мы завели разговор о «Железной маске». Мы вкратце вспомнили всё, что по этому поводу писали Вольтер, Дюшан и другие, а также то, что было обнаружено в мемуарах Ришелье. Хорошо известно, что в этих мемуарах говорится, что человек, известный как «Железная маска», был братом-близнецом Людовика XIV, причём старшим братом. Один из нас сказал, что в то время, когда его привлекали к работе над королевской генеалогией, к нему явился один человек, который самым серьёзным образом доказывал, что Наполеон — прямой потомок этой «Железной маски» и, следовательно, законный наследник Людовика XIII и Генриха IV, то есть он имеет преимущество перед Людовиком XIV и всем его потомством. Император сказал, что он тоже что-то слышал об этом, и добавил, что легковерие человечества и его любовь к чудесам настолько велики, что было нетрудно придумать что-нибудь в этом роде и затем представить эту выдумку массам; в Сенате не было бы недостатка в тех, кто подтвердил бы истинность этой истории. Вероятно, заметил император, это были бы те же лица, которые позднее с особой страстью ругали его в дни неудач.

Затем мы стали выяснять причины появления этой истории и её дальнейшее развитие. Губернатор острова Святой Маргариты, которому была поручена охрана «Железной маски», носил фамилию

Бонпарт, — удивительное обстоятельство. Утверждалось, что этому человеку было известно происхождение его пленника. У губернатора была дочь, она и пленник были молоды, они виделись друг с другом, и у них возникла взаимная любовь. Когда губернатор сообщил об этом королевскому двору, то было решено, что нет особых препятствий для того, чтобы позволить несчастному пленнику искать в любви облегчение его страданий, и влюблённых поженили.

Тот, кто рассказывал нам об этом, сказал, что в то время, когда явившийся к нему человек поведал ему эту историю, она весьма позабавила его, и он невзначай обмолвился, что вся эта басня искусно придумана. Тогда его посетитель не на шутку рассердился и стал уверять, что факт женитьбы можно легко проверить, сверившись с книгой записей актов гражданского состояния в одном из церковных приходов Марсея, который он назвал. Он добавил, что дети, рождённые от этого брака, были тайно перевезены на Корсику, где разница в языке случайно или, возможно, намеренно изменила имя Бонпарта на Бонапарте и Буонапарте, что, в конце концов, одно и то же.

После обсуждения этой истории один из нас добавил, что во время революции в ходу был аналогичный вымысел в пользу Орлеанской ветви королевской династии. История была основана на документе, найденном в Бастилии. Анна Австрийская после двадцати трёх лет бесплодия родила девочку. Людовик XIII, опасаясь, что у королевы больше не будет детей, отправил эту девочку из королевского дворца и тайно заменил её мальчиком, который потом стал Людовиком XIV. Однако на следующий год королева родила вновь, и на этот раз мальчика, ставшего главой Орлеанской династии и названного Филиппом, который, таким образом, являлся законным наследником трона, в то время как Людовик XIV и его дети были всего лишь самозванцами и узурпаторами власти. В соответствии с этой историей, «Железная маска» была девушкой. Об этом было написано в брошюре, которая распространялась в провинции в то время, когда пала Бастилия, но всей этой истории не особенно верили. Она, судя по всему, ни на минуту не привлекла внимание столицы, и о ней постепенно забыли.

Жюно и его жена

13 июля 1816 года

Разговор вновь зашёл о Жюно. Из всех значительных состояний, созданных императором, состояние, которым он одарил Жюно, было одним из самых больших. Суммы, которыми император награждал

Жюно, были невероятными, и тем не менее Жюно всегда был в долгах. Он безрассудно и бездумно пускал богатство на ветер, не обращая внимания на приличия и, как добавил император, устраивая непристойные оргии.

Неоднократно случалось, что после обильного завтрака в роскошном парижском особняке Жюно вскипал от гнева, причиной которого было скромное требование какого-нибудь мелкого кредитора. Тогда он угрожал вместо оплаты долга изрубить кредиторов саблями. Всякий раз, когда он встречался с императором, он говорил о своих новых финансовых затруднениях. Император бранил его, но вновь ссужал деньгами.

В дни Аустерлицкой кампании Жюно явился к императору в Шенбрунн, но на этот раз он ходатайствовал не за себя. В то время он проявлял живейший интерес к красавице госпоже Рекамье. Жюно только что приехал из Парижа и начал свой разговор с императором с того, что разразился яростной филиппикой против Марбуа, тогдашнего министра казначейства, который, по его словам, подло поступил с господином Рекамье, отказав ему в кредите размером в два миллиона, хотя эта сравнительно небольшая сумма спасла бы Рекамье от банкротства. Весь Париж был возмущён. Этот Марбуа, добавил Жюно, — дурной человек, недостойный гражданин отечества, он не любит императора. Жюно отправился к Марбуа, старался переубедить его, но всё было напрасно. Он долго объяснял Марбуа всю чудовищность его поведения и заверял его, что если бы император был в столице, то он немедленно приказал бы выдать деньги господину Рекамье (и это мнение, добавил Жюно, разделял весь Париж).

«Жюно шёл по ложному пути, — сказал император, — ибо я спокойно ответил этому страстному любовнику, который почти потерял способность мыслить: “Париж ошибается, равно как и вы: я бы не приказал выдать и двух тысяч су; и я был бы очень недоволен господином Марбуа, если бы он поступил по-другому. Я не любовник госпожи Рекамье и не прихожу на помощь купцам, которые имеют великолепный дом и расходуют на его содержание шестьсот тысяч франков в год. Знайте это, Жюно, а также имейте в виду, что казначейство не кредитует тех, о ком известно, что они давно находятся на пути к банкротству. Оно должно приходить на помощь тем, кто действительно нуждается в поддержке”. Жюно, — добавил император, — был вынужден успокоиться, подумав, вероятно, что бессердечные люди есть не только в Париже, но и в Вене».

Жюно путешествовал с такой же скоростью, как сам император. Он содержал сотни лошадей, меняя их, и был склонен к другим излишества.

Император рассказал, что однажды пригласил к себе госпожу Жюно, чтобы поговорить с ней, но не как монарх, а просто как

человек, любящий Жюно. Он хотел дать ей отеческие наставления по поводу расточительного поведения её супруга, сделать ей замечание в связи с тем, что она, вернувшись из Португалии, открыто щеголяла в Париже чрезмерно роскошными бриллиантами, а также предупредить её, что её интимная связь с неким иностранцем может иметь неблагоприятные политические последствия. Но она отвергла его советы, продиктованные заботой о её же интересах. «Она рассердилась, — сказал император, — и повела себя со мной так, словно с ней разговаривал ребёнок. Мне ничего не оставалось, как выводить её и оставить на произвол судьбы. Она воображала себя принцессой из династии Комненов, и Жюно убедили в этом, когда склоняли к женитьбе на ней. Её семья была родом с Корсики и проживала по соседству с моей семьёй. Они были многим обязаны моей матери, не только за её доброе отношение к ним, но и за помощь более существенного свойства».

Император затем рассказал следующую историю:

«Генуэзцы, покидая Морею, до этого основали колонию маниотов на Корсике и поселили их в окрестностях Аяччо. Господин де Верженн, который был послом в Константинополе, женился на гречанке. Когда он вернулся во Францию, то, пользуясь большой благосклонностью со стороны Людовика XVI, решил, что теперь он должен жениться на принцессе. Так случилось, что некоторые политические обстоятельства благоприятствовали исполнению его желания. Тогда надеялись на скорое падение Константинополя, и это устроило бы Францию в том смысле, что она могла бы предъявить претензии на часть Османской империи. Один человек, по имени Комнен, родственник госпожи де Верженн, был вызван из греческой колонии под Аяччо в Версаль. Вскоре после этого, на основании письменной грамоты Людовика XVI, Комнен был признан потомком императоров Константинополя. Вышеупомянутый Комнен был крупным фермером, а его сестра стала женой француза, чиновника департамента поставок провианта, имя которого было П. После повышения социального статуса семьи и благодаря покровительству со стороны господина де Верженна этот П., обычный чиновник, стал весьма влиятельным человеком, получив контракт на снабжение всей армии Рошамбо. Дочь чиновника и была той самой госпожой Жюно, герцогиней Абрантес.

Жюно во время русской кампании глубоко разочаровал меня, — сказал император. — Он стал совсем другим человеком и совершил массу ошибок, которые обошлись очень дорого».

Когда Жюно вернулся из Москвы, то вследствие недовольства им со стороны императора он потерял должность губернатора Парижа.

Император направил его в Венецию, однако этот вид опалы был почти сразу же смягчён назначением его генерал-губернатором Иллирии; но удар Жюно уже был нанесён. Непоследовательность, часто наблюдавшаяся ранее в поведении Жюно и бывшая причиной разных эксцессов, которые он позволял себе, наконец привела его к полному сумасшествию. Тогда решили обезопасить его и переправить на родину в усадьбу его отца, что и было сделано. Там он вскоре умер жалкой смертью, покончив с собой.

Маршал Ланн — Мюрат и его жена

14 июля 1816 года

Во время обеда, когда разговор зашёл об одежде, кто-то сказал, что среди высокопоставленных особ того времени никто не мог пышностью своего платья перещеголять Мюрата. Наряды Мюрата часто были настолько необычными и фантастическими, что в светском обществе столицы его называли королём Франкони.

Император рассмеялся от души и признался, что некоторые наряды Мюрата и его манеры делали его похожим на шамана или шута. Кто-то добавил, что и Бернадотт и Ланн были очень разборчивы

в выборе одежды и уделяли указанному занятию много времени. Император очень удивился тому, что он услышал о двух последних, и опять сказал, что потеря маршала Ланна вызвала у него большое, искреннее сожаление. «Бедняга Ланн, — сказал император, — ночь накануне сражения провёл в Вене, занимаясь подготовкой к баталии вместе со своими подчинёнными. Он появился на поле сражения голодным и сражался весь день. Врач сказал, что эти три обстоятельства стали причиной его смерти. Ему требовалось много сил после ранения, но, к сожалению, его организм был уже почти истощён.

Обычно говорят, — заметил император, — что смерть лучше, чем некоторые ранения, но я уверяю вас, что такие случаи крайне редки. Именно в ту минуту, когда приходится расставаться со своей жизнью, мы всеми силами цепляемся за неё. Ланн, храбрейший из храбрейших, лишившись обеих ног, и слышать не хотел о возможной смерти. Он был в высшей степени раздосадован и заявил, что два хирурга, оперировавшие его, заслуживают виселицы за то, что они так варварски обошлись с ним. К сожалению, он услышал, как хирурги, считая, что их не слышат, шептали друг другу, что у него нет надежды выжить. Каждую минуту несчастный Ланн звал меня; всё, что осталось в его жизни, он связывал только со мной, он хотел слышать одного меня, он думал только обо мне. Это был своего рода природный инстинкт! Несомненно, он любил жену и детей сильнее, чем меня. Тем не менее он не говорил о них. Конечно, он заботился о них, в то время как я был его покровителем. Для него я был чем-то неопределённым и неясным, каким-то высшим существом, его провидением, которое он звал на помощь!»

Один из нас сказал, что все думали иначе: ходили слухи, что Ланн умер, как помешанный, изрыгая проклятия в адрес императора, на которого он был разгневан. При этом добавляли, что он всегда чувствовал антипатию к императору и часто открыто и дерзко проявлял её в разговоре с ним. «Какой абсурд! — воскликнул император. — Ланн, напротив, обожал меня. Вне всяких сомнений, он был одним из тех, на кого я мог положиться. Действительно, он иногда позволял себе запальчиво высказывать мне в лицо необдуманные слова, но он, вероятно, разбил бы голову любому, кто случайно подслушал бы их».

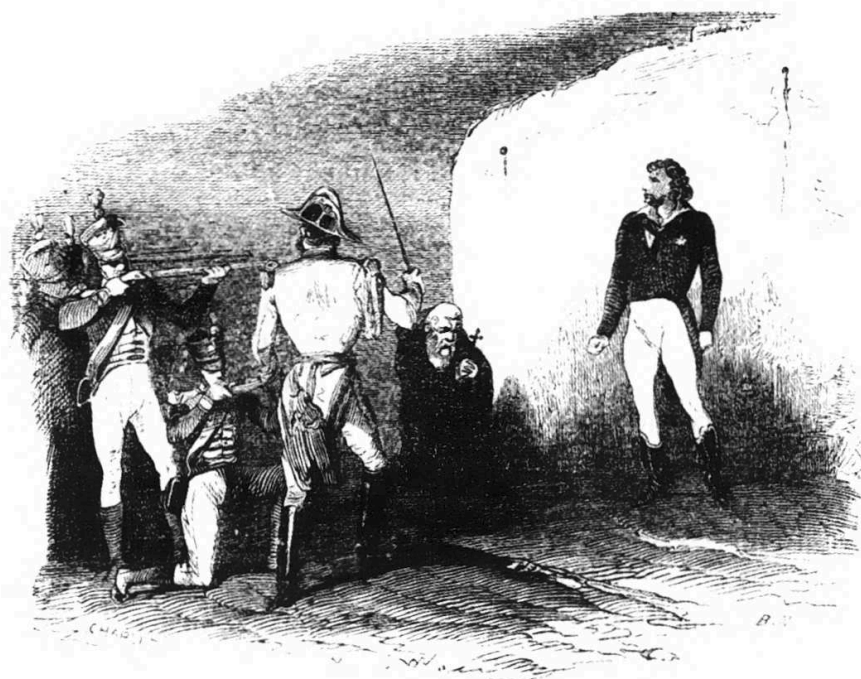
Один из нас высказал мнение, что Мюрат оказал сильное негативное влияние на ход событий 1814 года, ставших для нас катастрофическими. «Да, он повлиял на них, что в итоге привело к нашей катастрофе, — заявил император, — он является одним из главных виновников того, что мы находимся здесь. Но основная вина лежит на мне. Есть несколько человек, которых я слишком возвеличил, и их положение оказалось чересчур высоким для их умственных

способностей. Несколько дней тому назад я читал прокламацию Мюрата, в которой он объявил о том, что покидает вице-короля. Раньше я не видел этого документа. Трудно представить себе что-либо более подлое: он заявлял в этой прокламации, что настало время выбрать одно из двух знамён — знамя преступления или знамя нравственности. Это моё знамя он называл знаменем преступления! И это тот самый Мюрат, создание моих рук, муж моей сестры, человек, который всем был обязан только мне, который существовал благодаря мне и которого знают потому, что знают меня! И этот Мюрат пишет такое! Невозможно с большей жестокостью бросить в беде несчастных, невозможно быть более низким предателем-беглецом».

С этой минуты Мадам Мер отказалась иметь что-либо общее с Мюратом и его женой. На все их настойчивые просьбы она неизменно отвечала, что питает отвращение к предателям и к измене. Как только она приехала в Рим после катастроф 1814 года, Мюрат поспешил направить ей восемь великолепных лошадей из своих конюшен в Неаполе. Мадам Мер отказалась принять этот подарок. Таким же образом она отвергала все попытки задобрить её со стороны её дочери Каролины, которая постоянно повторяла, что она ни в чём не виновата, что она никак не участвовала в измене Мюрата, что она не могла воздействовать на своего мужа. Но Мадам Мер отвечала подобно Клитемнестре, жене Агамемнона: «Если ты не могла воздействовать на него, то ты должна была, по крайней мере, противиться его предательству, но что ты сделала для этого? Только через твой труп мог твой супруг замахнуться на твоего брата, вашего благодетеля и повелителя!»

«Когда я вернулся с Эльбы, у Мюрата, узнавшего, что я высадился во Франции, вскружилась голова. Первые сведения, которые он получил, были о том, что я нахожусь в Лионе. Он привык к большим переменам в моей судьбе и неоднократно был свидетелем того, что я оказывался в самых необычных обстоятельствах. В данном случае он считал, что я уже стал хозяином всей Европы, и попробовал вырвать у меня Италию. Именно в этом были его надежды. Когда он ранее пытался склонить к восстанию против меня некоторых людей, обладавших большим влиянием в Италии, они бросились к его ногам, заверяя его, что он совершает ошибку: у итальянцев есть король, и они любят и уважают его. А в 1815 году ничто не могло остановить его. Он погубил себя и способствовал тому, чтобы мы пали во второй раз, поскольку Австрия, предполагая, что он действует по моему наущению, не стала верить моим заверениям и отнеслась ко мне с подозрением.

Поведение Мюрата предопределило его бесславный конец. Природа одарила его чрезвычайной храбростью и небольшим умом.

В этом несоответствии — суть личности Мюрата. Трудно, даже невозможно быть бóльшими храбрецами, чем Мюрат и Ланн, но Мюрат оставался только храбрецом. Ум Ланна, наоборот, возвысился до уровня его храбрости; он стал гигантом. Тем не менее, — сказал император, заканчивая этот разговор, — смертная казнь Мюрата была ужасной. Это мрачное событие в истории нравов Европы, это нарушение общественных приличий. Король расстреливает другого короля, признанного всеми монархами! Какие чары он разрушил!...»

Постановление о нашей ссылке — Бомарше — Работы в Шербуре

15 июля 1816 года

Около десяти часов утра император посетил мою комнату; он зашёл неожиданно, так как хотел совершить прогулку. Некоторое время мы шли по направлению к лесу, где сели в поджидавшую нас карету; император уже давно ею не пользовался. В карете с ним был только я один, и в течение всей поездки темой нашего разговора было постановление английского парламента. Императору сообщили о документе, но его дословный текст нам не известен.

Когда мы вернулись, император сначала хотел завтракать в саду, но, подумав немного, решил отправиться в свои апартаменты, где и оставался весь день. Он обедал в одиночестве.

После обеда он вызвал меня. Я увидел его читающим номера журнала «Меркурий» и старые газеты. В них он обнаружил различные статьи о Бомарше, которого во времена Консулата, несмотря на его острый ум, постоянно порицал за дурной характер и непристойную безнравственность. Отличие поведения Бомарше от нынешних общепринятых манер придавало пикантность статьям о нём, хотя разница во времени была незначительной.

Император нашёл в журнале и в газетах описание визита Людовика XVI в Шербур. Этот визит привлёк особое внимание императора ещё и потому, что напомнил ему о работах по строительству дамбы в гавани Шербура, о которых он сделал краткий обзор в обычной для него манере, когда всему, о чём он рассказывал, сопутствовало ясное, точное и яркое описание.

Шербур расположен у основания полукруглого залива, двумя крайними точками которого являются остров Пеле — справа и мыс Керкевиль — слева. Воображаемая линия, соединяющая эти две точки, проходит по диаметру от востока к западу.

На противоположной стороне пролива Ла-Манш, к северу, на очень небольшом расстоянии, около двадцати лье, находится знаменитый Портсмут, главный военно-морской арсенал англичан. Английский берег простирается почти параллельно нашему берегу. Природа одарила наших соперников всем, ничего не оставив нам. Их побережье безопасно и никогда не создаёт им никаких помех. Море у английского побережья изобилует глубокими местами и предоставляет массу возможностей для укрытия от штормовой погоды. Вдоль английского побережья много природных гаваней, удобных для сооружения отличных портов. Наше побережье, наоборот, отличается мелководьем, усыпано скалами, и прибой ежедневно засоряет камнями и песком весь берег. В этих местах у нас нет ни одного крупного порта. Поэтому можно сказать, что англичане одновременно находятся и у себя дома и у нашего берега, поскольку для их эскадр, бросивших якорь в Портсмуте, нет необходимости выходить в море и досаждать нашим кораблям. Англичанам достаточно иметь несколько небольших быстроходных кораблей в Ла-Манше, чтобы осуществлять наблюдение за передвижениями наших малочисленных кораблей и, не прилагая особого труда и не подвергая себя опасности, в мгновение ока набрасываться на свою жертву.

Если, напротив, наши эскадры отваживаются появиться в Ла-Манше, который в действительности следует называть Французским морем, то они подвергаются постоянной опасности; их полное уничтожение может быть результатом или сильнейшего шторма, или военно-морского превосходства противника, поскольку в обоих

случаях у наших кораблей нет никакого безопасного укрытия на французском побережье. Именно это и случилось во время знаменитого морского сражения при Ла-Хогге, когда Турвиль имел возможность присовокупить к славе упорного и беспрецедентного сражения триумф искусного отхода своей эскадры, если бы в его распоряжении был порт, где он мог найти убежище.

Принимая во внимание столь неблагоприятную ситуацию, сложившуюся для наших кораблей вдоль французского побережья Ла-Манша, весьма дальновидные лица, беспокоящиеся о благополучии своей страны, убедили правительство, представив ему соответствующие планы и памятные записки, принять необходимые меры, чтобы изыскать ресурсы, которыми нас обделила природа. После продолжительных раздумий и сомнений разного рода наконец был выбран залив Шербура, который решили защитить огромной дамбой, далеко выступающей в море. В этом случае мы бы имели, даже вблизи противника, искусственный морской рейд, откуда наши корабли могли бы в любое время и в любую погоду атаковать врага и скрываться от его преследования.

«Это было, — сказал император, — величественное и прекрасное предприятие, очень трудное в то время, с точки зрения его выполнения и финансового обеспечения. Дамбу предстояло соорудить из огромных деревянных конусов, полых внутри. Эти конусы, после их изготовления, должны были доставлять к намеченному месту, загружать их пустоты внутри камнями и погружать, используя тяжесть этих камней, в море*, поистине остроумное изобретение. Людовик XVI оказал честь этим работам своим присутствием. Его отъезд из Версаля стал большим событием. В те времена король никогда не покидал своей резиденции, его выезды из Версаля ограничивались охотой в лесу вокруг королевского дворца; короли особенно не торопились — не то что в наше время, и я думаю, это я немало способствовал скорости их передвижений.

Однако необходимо учитывать, что на ход запланированных работ повлиял дух того времени, когда вечное соперничество между ведомством военно-морских сил и ведомством сухопутных вооружённых сил никогда бы не позволило приступить к реализации задуманного первоначального плана. В этой связи можно сказать, что во Франции были два короля и что тот король, который правил, поставил перед собой две цели и должен был бы обладать, ради их достижения, двумя волями, но, как выяснилось в результате, он

* Диаметр этих конусов, высотой в двадцать метров, у основания был равен 35 метрами и 20 метрам у вершины.

вообще не обладал никакой волей. В данном случае единственным предметом внимания были интересы военно-морского ведомства; тем не менее вопрос был решён в пользу ведомства сухопутных вооружённых сил. И не потому, что в споре между двумя ведомствами аргументация второго была более убедительной, но потому, что восторжествовало преимущественное право второго ведомства. Там, где на кону стояла судьба империи, вопрос приоритета подменялся, и в результате достижение великой цели было обречено на провал. Ведомство сухопутных вооружённых сил установило контроль над островом Пеле и над фортом на мысе Керкевиль; они использовались этим ведомством всего лишь в качестве помощи в строительстве дамбы, которое первоначально и было главной целью всего предприятия. Но вместо достижения этой цели ведомство сухопутных вооружённых сил начало с того, что возглавило работы по осуществлению задуманного проекта, и добилось, что дамба стала инструментом для получения им собственных выгод и средством для свободного выполнения им своих планов.

И каков был результат всего этого? Гавань Шербура, в которой, по первоначальному плану, должна была базироваться основная часть военно-морского флота страны, могла теперь принять не более пятнадцати кораблей. Мы же хотели, чтобы в гавани нашлось место для более чем ста кораблей, и это могло быть достигнуто без особых дополнительных работ и с небольшими затратами, если бы строительство дамбы было продолжено дальше в море, всего лишь немного за пределы тех участков дамбы, которые присвоило себе ведомство сухопутных вооружённых сил.

Была совершена ещё одна весьма характерная, едва ли постижимая, ошибка. Все основные данные по осуществлению запланированных работ в гавани были утверждены, строительство дамбы началось; один из каналов, вдоль восточной части гавани, был завершён, а другой канал, вдоль западной части гавани, уже было хотели начать прокладывать, так и не измерив точную глубину моря у побережья всего Шербурского залива. Допущенная оплошность была настолько велика, что канал вдоль восточной части гавани, шириной в пятьсот морских сажений, оказался проложен слишком близко к форту и с огромным трудом принимал корабли во время морского отлива. Другой же канал, который предполагалось проложить вдоль западной части гавани, стал бы непригодным или, по крайней мере, очень опасным, если бы не усердие одного офицера (господина де Шаваньяка), который вовремя обратил внимание на это важное упущение и тем самым содействовал тому, чтобы работы у левой оконечности дамбы Шербурского залива

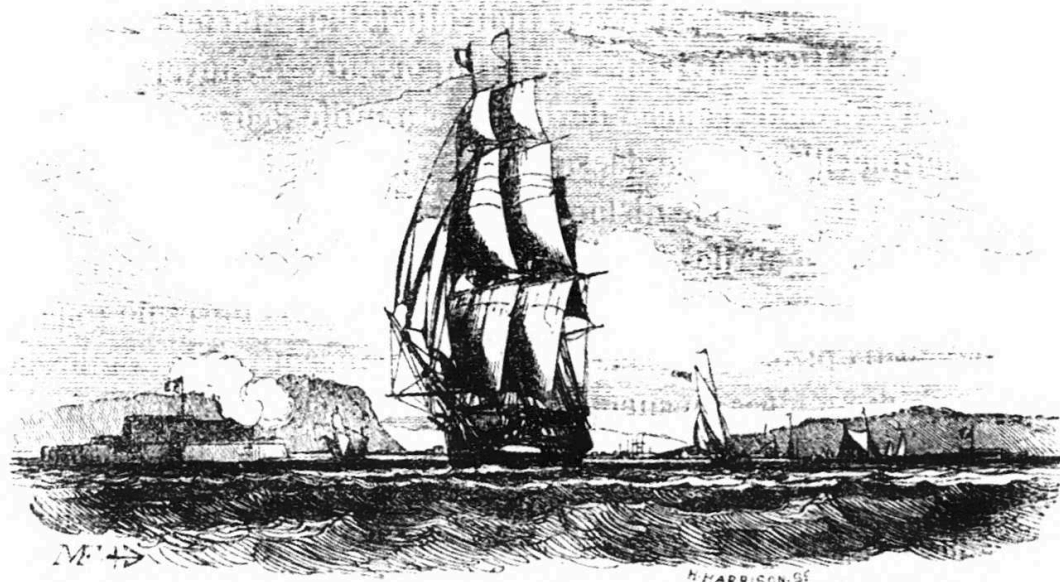
прекратились на расстоянии четырёхсот метров от форта Керкевиль, который должен был защищать канал*.

Система, применявшаяся при строительстве дамбы, которая находилась на расстоянии более одного лье от берега и протянулась на 600 метров в длину и 30 метров в ширину, также подвергалась многочисленным изменениям, продиктованным опытом, приобретённым во время работ. Так, например, деревянные конусы, которые должны были вплотную соприкасаться друг с другом на дне моря своими основаниями, оказались разъединёнными или по воле случая, или из-за экономии на количестве конусов. Дерево, из которого они изготовлялись, разрушалось штормами, его стачивали черви, и оно со временем становилось гнилым. В конце концов на эти конусы махнули рукой, а дамбу продолжили сооружать с помощью камней, сбрасываемых наугад в море; но, когда было замечено, что волны своей силой разбрасывали эти камни в разные стороны, то было решено применить огромные каменные глыбы, что, наконец, оправдало все ожидания.

Работы по сооружению дамбы продолжались без перерыва при Людовике XVI. Наши законодательные собрания прилагали немалые усилия, чтобы активизировать эти работы, но из-за последовавших вскоре политических беспорядков строительство дамбы было полностью прекращено, и уже во времена Консулата нельзя было обнаружить ни малейшего следа от той знаменитой дамбы: всё было разрушено в результате первоначального несовершенства плана, течения времени и неистовства волн.

Как только я встал у власти в стране, одно из первых дел, на которое я обратил внимание, был важный вопрос о сооружении дамбы в Шербурском заливе. Я распорядился учредить специальную комиссию для расследования вопросов сооружения дамбы. Обсуждение результатов расследования проходило в моём присутствии. Я лично ознакомился на месте с обстоятельствами, сопутствовавшими ходу работ, и принял решение об ускорении сооружения дамбы, а также о том, чтобы со временем началось строительство двух мощных фортификационных сооружений на двух крайних точках Шербурского залива — на острове Пеле и на мысе Керкевиль. Вместе с тем я решил принять немедленные меры для установки в одном из этих двух мест временной батареи с пушками крупного калибра.

* Только в 1789 году, через пять лет после начала этих работ, правительство отдало распоряжение об измерении глубины гавани и об уточнении состояния дна Шербурского залива. До этого времени работы проводились лишь на основании смутных и неопределённых представлений о том, что являло собой дно Шербурского залива! (*Из мемуаров барона Кашена, генерального инспектора мостов и дорог.*)

В связи с этим решением мне тогда пришлось столкнуться с открытой оппозицией моим замыслам, с различного рода возражениями и частными мнениями, которые зависели от воззрений той или иной личности. Некоторые утверждали, что вообще невозможно соорудить подобную дамбу, но я продолжал стоять на своём, и работы были осуществлены. Менее чем через два года, словно по мановению волшебной палочки, изумлённому всеобщему взору предстал появившийся из моря в центре Шербурского залива настоящий остров, на котором была установлена батарея с пушками крупного калибра. До того момента наши работы почти постоянно были предметом насмешек со стороны англичан. Как говорили, англичане с самого начала были уверены, что работы эти окажутся бесполезными, они предсказывали, что конусы сами по себе разрушатся, а мелкие камни будут смыты волнами. Но прежде всего англичане надеялись на нашу апатию и на наше непостоянство. Но когда положение вещей с сооружением дамбы полностью изменилось, они попытались демонстративно досажать нашей работе, повысив активность своего военно-морского флота в Ла-Манше у входа в Шербургский залив. Однако они опоздали: я уже был готов к встрече с ними.

Проход для кораблей в Шербургский залив вдоль его западного побережья оставался очень широким. Батареи, установленные на острове Пеле — с одной стороны залива и на форте Керкевиль — с его другой стороны, защищающие соответственно морские проходы вдоль их берегов, не были в состоянии поддерживать перекрёстный огонь. Поэтому предприимчивый противник способен был

воспользоваться широким проходом вдоль западного побережья залива, его корабли могли бросить якорь у самой дамбы и там устроить нам новую Абукирскую катастрофу¹. Но против этого я уже принял меры предосторожности, установив на острове в центре залива мою временную батарею. Тем не менее, поскольку я был сторонником принятия постоянных, а не временных мер, то приказал построить в центре дамбы, в качестве дополнительной оборонительной линии поддержки, громадное овальное фортификационное сооружение, прикрывающее временную батарею на острове, которое, в свою очередь, могло бы служить также и оборонительным прикрытием самой дамбы. Это фортификационное сооружение с бомбоубежищами было снабжено батареями с пятьюдесятью пушками крупного калибра и с двадцатью мортирами с большой дальностью, а также имело казармы, пороховые склады, цистерны с питьевой водой и т.д.

Я удовлетворён тем, что оставил это величественное сооружение в законченном виде.

Обеспечив защиту гавани Шербура, я поставил перед собой задачу подготовить наступательные операции, которые состояли в том, чтобы собрать основную массу нашего военно-морского флота в Шербуре. Однако гавань Шербура могла вместить только пятнадцать кораблей; чтобы увеличить это число, я приказал вырыть котлован для нового порта. Древние римляне никогда не отваживались решать более важную и более трудную задачу! Котлован был практически не вырыт, а высечен в гранитной породе на глубину до двадцати метров. Я распорядился, чтобы открытие нового порта почтила своим присутствием императрица Мария Луиза, так как сам в это время находился на полях сражений в Саксонии. Благодаря этому новому порту я обеспечил стоянку ещё для двадцати пяти кораблей. По-прежнему это количество было недостаточным, и поэтому я надеялся на другие средства, чтобы усилить французский военно-морской флот. Я был полон решимости повторить в Шербуре чудеса Египта. Я уже воздвиг мою пирамиду в море; теперь я хотел иметь своё озеро Морис².

Я поставил перед собой цель сконцентрировать все наши военно-морские силы для того, чтобы в то время, когда они станут достаточно мощными, я смог нанести решающий удар противнику. Я готовился к такому развитию событий, которое предусматривало бы, чтобы обе страны, полностью мобилизованные, были в состоянии вступить в схватку лицом к лицу. Её исход не мог вызывать сомнений, поскольку с нашей стороны было бы более 40 миллионов французов против 15 миллионов англичан. Я бы выиграл войну, одержав победу в битве, подобной Акцийской³. И после этого чего

бы я хотел от Англии? Её уничтожения? Конечно нет. Я всего лишь хотел положить конец невыносимым незаконным захватам. Я хотел, чтобы все народы пользовались неотъемлемыми и священными правами. Я хотел избавления от ига, свободы мореплавания, независимости, уважения. Я бы говорил от имени всех и ради всех, и я бы добился успеха, прибегая к уступкам и к силе. На моей стороне были власть, неоспоримое право и пожелания народов Европы».

У меня есть все основания полагать, что император, обескураженный поражениями, понесёнными в отдельных морских сражениях, и вооружённый печальным опытом, выработал новую систему ведения боевых действий на море.

Война между Англией и Францией незаметно приняла аспект настоящей борьбы не на жизнь, а на смерть. Раздражение всех англичан в отношении Наполеона достигло крайнего предела. Его Берлинский и Миланский декреты, его континентальная система и его обидные высказывания в адрес Англии глубоко ранили разумных людей на другой стороне Ла-Манша. В свою очередь, английские министры, вызвав своими клеветническими заявлениями, сфабрикованной ложью и всеми доступными средствами гнев населения Англии, добились того, что ссора между двумя странами приняла общенациональный характер. На этом основании английский парламент единогласно объявил, что война стала *постоянной* или, по крайней мере, *пожизненной*. Император посчитал долгом составить свои планы в соответствии с создавшимся положением вещей, и с этой минуты, опираясь в большей степени на трезвый расчёт, чем на требования необходимости, он отказался от всякого рода крейсерских набегов, отдалённых военных экспедиций и от рискованных предприятий. Он принял решение придерживаться строгой оборонительной системы до тех пор, пока его континентальные дела не будут окончательно урегулированы и пока усиление его военноморских сил, в том числе за счёт их количественного увеличения, не позволит ему с большей уверенностью нанести удар противнику в более поздние сроки. Поэтому он держал все свои корабли в портах, ограничиваясь постепенным наращиванием наших военноморских ресурсов и не подвергая их какому-либо дополнительному риску. Всё было рассчитано на отдалённый результат.

Наш военноморской флот потерял много боевых кораблей, большая часть наших моряков оказалась в плену в Англии, все наши порты были блокированы английским флотом, который создал препятствия морским коммуникациям между ними. Император приказал прорыть каналы в Бретани, благодаря которым, вопреки усилиям врага, удалось установить связь водным путём между Брестом и портами Бордо, Рошфора, Нанта, Антверпена и Шербурга. Он хотел

иметь в своём распоряжении плавучие доки во Флиссингене или в его окрестностях, чтобы там держать антверпенскую эскадру, полностью экипированную и готовую к выходу в море в двадцать четыре часа, — эта эскадра была вынуждена укрываться в устье реки Шельды в течение четырёх-пяти месяцев в году. Наконец, император наметил строительство около Булони или в другом каком-нибудь месте на побережье Ла-Манша такой же дамбы, как и в Шербурском заливе, а также удобной гавани на острове Иль-а-Буа, находящемся между Шербуром и Брестом. Всё это было запланировано для того, чтобы обеспечить постоянную и полную безопасность линии коммуникации для наших больших кораблей между Антверпеном и Брестом.

Чтобы восполнить недостачу кадрового состава матросов и решить трудную проблему их подготовки, император приказал обучать молодых призывников во всех наших портах. Сначала их должны были направлять на небольшие лёгкие корабли — плавать на севере Голландии в заливе Зейдерзее; обученных морскому делу новобранцев затем следовало отправлять на большие корабли, а их место на небольших кораблях должны были немедленно занять новые призывники. Кораблям с обученными новобранцами было приказано ежедневно ходить под парусами, совершать всевозможные манёвры и даже перестреливаться с кораблями противника, не подвергая себя опасности быть втянутыми в настоящее морское сражение.

Последняя проблема, которую предстояло решить, касалась мощи и количества наших кораблей. Их количество было значительным, несмотря на все наши понесённые потери, и император рассчитывал ежегодно строить от двадцати до двадцати пяти кораблей. Новые корабли должны были обеспечиваться экипажами по мере необходимости, и таким образом лет через пять император мог иметь в своём распоряжении двести боевых больших кораблей, а возможно, и триста, если это будет необходимо. И что значили пять-десять лет по сравнению с постоянной или пожизненной войной, которую нам объявили? Дела континента тем временем были бы завершены, вся Европа восприняла бы нашу систему, император собрал бы большую часть своих войск на нашем берегу и именно тогда стал бы уверенно решать вопрос схватки с противником. Все соответствующие ресурсы были бы уже полностью мобилизованы, и мы тогда бы, по мнению императора, подавили врагов всей нашей нравственной энергией и задушили их нашей материальной мощью.

Император предусматривал несколько проектов по улучшению боеспособности военно-морского флота, в которых частично использовал элементы своей военной тактики. Он намерен был создать наступательную и оборонительную линию от мыса Финистерре до

устья Эльбы. Он планировал включить в эту линию три эскадры, возглавляемые адмиралами, подобно тому, как три генерала стояли во главе армейских корпусов, дислоцированных на этой линии. Адмирал центральной эскадры должен был держать свою штаб-квартиру в Шербуре, штаб-квартира второй эскадры должна была находиться в Бресте, а штаб-квартира третьей эскадры — в Антверпене. Небольшие дивизионы кораблей следовало разместить в крайних точках оборонительной линии, слева — в Рошфоре и в Эль-Ферроле и справа — у острова Тексел в Северной Голландии и в устье Эльбы, с тем чтобы отбивать атаки кораблей противника и охватывать врага с флангов. Все эти точки должны были соединяться промежуточными вспомогательными военно-морскими постами, их командиры были обязаны постоянно поддерживать контакт друг с другом с помощью телеграфа, обеспечивающего вдоль всего побережья линию непрерывной связи между отдельными частями этой величественной оборонительной и наступательной системы.

Однако давайте поразмышляем о том, какого поведения придерживались бы англичане в течение всех этих наших подготовительных работ и усиления нашей военно-морской мощи. Продолжали бы они блокировать наши порты? Нам бы доставило удовольствие стать свидетелями того, как будут метаться, вплоть до полного износа, их эскадры. Мы бы заставили англичан держать у наших берегов от ста до ста пятидесяти кораблей, постоянно подвергающихся жестоким морским бурям, опасности разбиться о прибрежные скалы и прочим бедствиям. Мы, напротив, имели бы все шансы добиться успеха, если случится какая-нибудь непредвиденная природная катастрофа или их адмиралы допустят ошибки, что могло произойти с течением времени. Какие только выгоды мы бы не извлекли из создавшегося положения! Полные сил и находящиеся в прекрасном состоянии, мы бы поджидали удобного случая, всегда готовые поднять паруса и ринуться в схватку!

Если бы англичане, полагаясь на своё искусство ведения морского боя и на свою храбрость, приняли бы решение дать нам генеральное сражение, то оно стало бы решающим. Именно такое сражение император называл Акцией битвой, в котором, если бы мы потерпели поражение, мы всего лишь понесли бы потери, в то время как в случае нашей победы противник прекратил бы своё существование. Но, утверждает император, наша победа была бы безусловной, ибо обе нации схватились бы друг с другом единой массой, и у нас было бы преимущество сорока миллионов человек против пятнадцати миллионов. Это — любимая точка зрения императора, к которой он постоянно обращается. Создание оборонительной и наступательной системы вдоль побережья Франции было одной из его великих идей, одним из его грандиозных замыслов.

Наполеон был автором или стоял у истоков проектов столь многих творений в различных областях человеческой деятельности, что его работы и оставшиеся после него результаты этих работ своим количеством, разнообразием и важностью затмевают их собственное значение. Я искренне хочу, чтобы на свет появилось полное описание работ, которые он осуществил в Шербуре, и других дел, запланированных им. Одна персона, соответствующей профессии и наиболее подходящая для того, чтобы максимально точно оценить грандиозность строительства Шербурской дамбы, обещала мне составить описание этих работ. Ниже будет сказано, сдержала ли эта персона своё обещание.

Длительная аудиенция, которую император дал губернатору

16 июля 1816 года

В девять часов утра император совершил прогулку в карете. В море в пределах видимости оказался какой-то корабль, император стал рассматривать его в подзорную трубу. Он пригласил доктора О'Мира принять участие в прогулке в карете; доктор тоже любит, как выяснил император, рассматривать в подзорную трубу корабли в море. Вернувшись с прогулки, мы завтракали в саду в тени деревьев. Довольно долго император беседовал с доктором о поведении губернатора в отношении нас, ссыльных французов, и о его бесчисленных придириках.

Примерно в два часа дня императору доложили, что губернатор хочет знать, может ли император принять его для беседы. Император дал губернатору аудиенцию, которая продолжалась почти два часа. Как потом рассказал император, он спокойным тоном, не впадая в состояние гнева, высказал губернатору все наши накопившиеся претензии в адрес последнего и обсудил главные вопросы наших с ним взаимоотношений. Император напомнил ему о всех наших обидах, перечислил все его дурные поступки, поочерёдно взывал к его разуму и к его сердцу. Император приложил максимум усилий, чтобы приуменьшить вред, нанесённый нам губернатором, и настоять на новом плане взаимоотношений с ним. Но всё было напрасно, ибо этот человек, заявил император, лишён человеческих чувств. Ничего хорошего от него нельзя ожидать.

Губернатор, сказал император, уверял его в том, что, когда был взят под стражу слуга господина де Монтолона, он, губернатор, не знал, что тот слуга служит нам. Губернатор добавил, что он не читал

запечатанное письмо госпожи Бертран. Император заявил ему, что письмо губернатора графу Бертрану несовместимо с нашими манерами и откровенно противоречит нашим убеждениям. Что если бы он, император, был всего лишь генералом и частным лицом и получил подобное письмо от губернатора, то он бы вызвал его на дуэль. Что такого известного и уважаемого в Европе человека, каким является гофмаршал Бертран, нельзя подвергать оскорблению, не опасаясь при этом общественного порицания. Что губернатор не имеет правильного представления о своём положении в отношениях с нами. Что все его поступки здесь, на острове, станут достоянием истории и что даже этот разговор тоже будет принадлежать истории. Что губернатор своим поведением ежедневно наносит вред своему правительству и своей стране и в своё время почувствует последствия подобного поведения. В конце концов его правительство осудит его поведение, запятнавшее его имя и опозорившее его детей.

«Вы позволите мне, — спросил император, — сказать вам, что именно мы думаем о вас? Мы думаем, что вы способны на всё. Да, *на всё*; и пока вы будете сохранять ненависть к нам, мы будем продолжать придерживаться в отношении вас именно этого мнения. Я ещё подожду некоторое время, так как люблю действовать, опираясь на факты, а затем я должен буду жаловаться — не на то, что ваши министры совершили дурной поступок, выслав меня на остров Святой Елены, но на то, что они назначили вас губернатором этого острова. Для нас вы представляете собой наибольшее несчастье из всех тех, которыми знаменита эта ужасная скала».

На всё сказанное императором губернатор отвечал, что намерен представить доклад своему правительству, что он, по крайней мере, выяснил у императора, что мы относимся к нему вызывающе и сами ухудшаем своё положение.

Что касается представителей союзнических держав, которых губернатор хотел представить императору, то последний ответил отказом принять их в качестве политических деятелей, заверив при этом губернатора, что он с готовностью примет их как частных граждан. Император сказал, что не испытывает недоброжелательных чувств ни к одному из них, и даже к французскому представителю, господину де Моншеню, который является, возможно, весьма достойным человеком, — он десять лет был подданным императора и, будучи в своё время эмигрантом, вероятно, находится перед императором в неоплатном долгу за счастье вернуться во Францию. Что, помимо всего прочего, господин де Моншеню является французом, а право называться французом в глазах императора является неотъемлемым, и никакое мнение не способно уничтожить это право при оценке императором личности человека.

В связи с вопросом о строительстве новых зданий в Лонгвуде — главной целью визита губернатора — император заявил, что он уже ранее ответил на сообщение губернатора по этому поводу, а именно — он не хочет этих зданий. Он предпочитает нынешнюю неудобную резиденцию лучшей резиденции, расположенной на далёком расстоянии и полученной за счёт чрезмерной суеты и огромного беспокойства, связанного с переездом; строительство зданий, о которых губернатор только что упомянул, займёт несколько лет, и к тому времени, когда оно будет закончено, или мы не будем стоять средств, потраченных на это строительство, или Провидение избавит его, губернатора, от нас.

Об итальянских красавицах — Грассини — Маркиза Висконти и Бертье

17 июля 1816 года

В два часа дня император послал за мной, оделся и вышел из дома прогуляться в карете. В этой прогулке императору и мне компанию составила госпожа де Монтолон. Это был её первый выход в общество после разрешения от бремени. Разговор во время поездки коснулся, в частности, итальянских женщин, их характера и красоты.

Молодой генерал, совершивший завоевание Италии, с самого начала вызвал в этой стране всеобщее чувство восторга и повышенное внимание к своей особе. Императору нравилось слушать рассказы о том, как его восторженно принимали в Италии, и он часто вспоминал об этом. Более того, не было ни одной итальянской красавицы, которая бы не стремилась понравиться молодому генералу и тронуть заветные струны его сердца, но все их попытки были напрасными. «Я обладал слишком сильным рассудком, — сказал император, — для того, чтобы оказаться жертвой западни. Я предполагал, что разбросанные передо мной цветы прикрывают яму. Моё положение было необыкновенно деликатным. Мне пришлось командовать испытанными и старшими по возрасту генералами; задача, которую мне предстояло решить, была грандиозной. Каждый мой шаг находился под пристальным взглядом завистливых глаз; мне приходилось быть крайне бдительным. Моя счастливая судьба заключалась в моём благоразумии. Я мог бы забыться на час, но сколько моих побед зависело от гораздо меньшего количества времени!»

Несколько лет спустя, во время коронации в Милане, внимание Наполеона было привлечено Грассини, знаменитой певицей. Обстоятельства тогда складывались более благоприятно. Император пожелал

встретиться, и когда её представили императору, она напомнила ему, что её дебют на оперной сцене точно совпал с его первыми военными достижениями в Италии. «В то время, — сказала она, — я была в полном расцвете красоты и таланта. Моё исполнение партии в опере “Девственницы Солнца” стало главной темой разговоров в салонах всего мира. Я обворожила всю Италию и воспламенила сердца всех мужчин. Лишь один молодой генерал не поддался моим чарам, но именно он был единственным объектом моих желаний! Какая причуда, какая странность! Когда я что-то значила, когда вся Италия была у моих ног, я героически пренебрегла её восхищением ради единственного вашего взгляда, которого я не смогла добиться. И теперь — какая странная перемена обстоятельств! Вы снизошли до того, чтобы заметить меня теперь, когда я мало что значу и более недостойна вас!»

Знаменитая маркиза Висконти тоже была среди этого скопища Армид, но, напрасно потратив своё время, она довольствовалась тем, что свои притязания ограничила личностью Бертье, для которого она сразу же стала играть главную роль в его жизни. Главнокомандующий французской армии однажды подарил Бертье великолепный бриллиант стоимостью свыше 100 000 франков. «Вот, возьмите это, — сказал он Бертье. — В нашей жизни нам часто приходится рисковать слишком многим, сберегите его на чёрный день». Но не прошло и двадцати четырёх часов, как госпожа Бонапарт поведала своему мужу о бриллианте, который вызвал у неё искреннее восхищение. Это был тот самый бриллиант, который следовало сберечь на чёрный день, но который, попав в руки Бертье, тут же украсил госпожу Висконти. Бертье с тех пор во всех обстоятельствах своей жизни безоговорочно подчинялся воле госпожи Висконти.

Император, постоянно осыпавший Бертье щедрыми дарами и почестями, часто пытался уговорить его жениться, но Бертье всякий раз отвечал на это отказом, заявляя, что только госпожа Висконти могла бы сделать его жизнь счастливой. Тем временем сын госпожи Висконти познакомился с герцогиней Баварской, которая приехала в Париж в надежде выйти замуж, полагаясь на покровительство императора. Госпожа Висконти посчитала, что она совершит чудо и обеспечит счастливую судьбу своего сына, если заставит жениться своего любовника. Уверовав в это, она настояла на том, чтобы Бертье женился на баварской принцессе. Но, как сказал император, не существует ни одного плана, каким бы он ни был прекрасным, который бы не стал игрушкой в руках судьбы: едва состоялась женитьба Бертье, как муж госпожи Висконти умер, сделав свою жену свободной. Это событие стало для неё и для Бертье источником настоящего

отчаяния, в своём горе они были безутешны. Бертье явился к императору с глазами, полными слёз, чтобы сообщить ему о своей несчастной судьбе. Император от души рассмеялся, услышав о беде Бертье. «В какое ужасное положение, — воскликнул император, — попал несчастный: проявив немного выдержки, госпожа Висконти могла бы стать женой Бертье!»

Предместье Сен-Жермен — Аристократия и демократия

18 июля 1816 года

Примерно в четыре часа дня меня вызвал к себе император; он чувствовал себя очень нездоровым. Он принимал горячую ванну в течение трёх часов, прочитал за это время две книги и по рассеянности ошпарил правое бедро кипятком из ванного крана. После этого он побрился, но не стал одеваться.

В половине восьмого император распорядился, чтобы в его кабинете накрыли стол двумя скатертями, и был весьма рассержен, что со стола в беспорядке убрали его бумаги, когда выполняли его распоряжение. Под его присмотром бумаги вновь разложили на столе, а принесёнными скатертями накрыли другой, маленький стол.

Мы долго беседовали. В разговоре император обратился к обсуждению тем, которые он часто затрагивает, когда мы остаёмся вдвоём, и из-за которых я должен стараться, чтобы меня не стали обвинять в желании повторяться, тем более ещё и потому, что они представляют для меня особый интерес. Мы посвятили много времени беседе о наших молодых годах и о годах, проведённых в военной школе. Обсуждение этой темы вновь привело императора к разговору о новых школах, которые он учредил в Сен-Сире и в Сен-Жермене, и, наконец, об эмигрантах и о тех, кого он называл *нашими закоснелыми французами*. Он повеселел и явно оживился, выслушав несколько моих забавных историй о его особе, которые пользовались популярностью в Сен-Жерменском предместье. Когда же разговор об этих историях принял несколько более серьёзный оборот, император сказал:

«Я ясно представляю себе, что мой план в отношении вашего Сен-Жерменского предместья выполнялся плохо. Я или слишком усердствовал, или делал очень мало. Я достаточно много сделал для того, чтобы вызвать недовольство оппозиции, и недостаточно — чтобы полностью привлечь её на мою сторону. Хотя некоторые из аристократов Сен-Жерменского предместья явно любили деньги, но большинство из них были бы удовлетворены той трескотнёй, которую я мог навязать им, не причиняя особого вреда нашим

новым принципам. Мой дорогой Лас-Каз, я сделал много, хотя и недостаточно много, и я искренне занимался моими отношениями с Сен-Жерменским предместьем. К сожалению, этим делом серьёзно занимался только я. Все, кто был вокруг меня, мешали выполнению моего плана, вместо того чтобы содействовать ему. Существовали только две грандиозные меры, которые можно было бы принять в отношении вас, аристократов: или уничтожить всех вас, или попытаться сделать вас частью общества. Мысль о реализации первой меры не могла прийти мне в голову, а осуществление второй меры было нелёгкой задачей, но я не считал её для себя непосильной.

Хотя я не имел никакой поддержки и даже ощущал противодействие моим планам и усилиям, всё же я, в конце концов, почти претворил эту идею в жизнь. Если бы я оставался у власти, реализация этой идеи была бы завершена. Она показалась бы удивительной тому, кто знает, как следует понимать сердце человека и разбираться в создавшемся в обществе положении. Я не думаю, что история может дать другой пример подобного рода или что можно обнаружить в ней случай достижения такого важного результата, полученного в столь короткий период времени. Я должен был добиться осуществления коалиции аристократии с обществом и скрепить прочную связь этого союза. Он сделал бы нас непобедимыми. Противоположная линия поведения, приведшая к противостоянию аристократии и общества, погубила нас и надолго продлит наши бедствия, которые, вероятно, станут последними болезненными вздохами несчастной Франции.

Я вновь повторяю, что я сделал для страны слишком много, но в то же время и слишком мало. Мне следовало привлечь на свою сторону эмигрантов, когда они вернулись во Францию. Я легко мог стать предметом обожания аристократии. Создание подобного рода союза с аристократией было необходимо для меня. Такой союз является истинной и единственной поддержкой монархии — её ориентиром, её рычагом, её точкой опоры. Без этого союза государство становится кораблём без руля, простым воздушным шаром, подвластным ветрам в воздухе. Но сущность аристократии, её счастливые чары следует искать в её древности, в продолжительности её существования. Это именно то, что я не был в состоянии создать. Требовались промежуточные средства. Господин де Бретейл, завоевавший моё доверие, ободрял меня. С другой стороны, Талейран, самым решительным образом выступавший против эмигрантов, делал всё, чтобы мешать мне. Благоразумная демократия довольствуется тем, что бережёт равенство для всех, обеспечивая справедливую основу для требования и владения. Наиболее правильной линией поведения было бы использовать остатки аристократии, опираясь на демократические нормы. Прежде всего необходимо было собрать вместе

представителей старинных аристократических семей, прославивших себя в нашей истории. Только таким образом можно было немедленно придать вид вечности самым современным учреждениям. В отношении этого вопроса у меня были идеи, которые казались странными мне самому.

Если бы со стороны Австрии и России возникли какие-либо затруднения, то я бы женился на француженке. Я бы выбрал для себя в качестве жены представительницу одной из самых прославленных монархических семей Франции. Такой была моя первоначальная идея, моё истинное желание. Если этому помешали мои министры, то их действия явились результатом их искренних убеждений, основанных на требованиях политического характера. Если бы вокруг меня сплотились выходцы из аристократических семей Монморанси, Нель и Клиссон, то я, удочерив их дочерей, связал бы их брачными узами с иностранными монархами. С какой гордостью и с каким удовольствием я бы породнил Европу с этими знатными французскими семьями, если бы они встали на нашу сторону и примкнули к нашим рядам! Они и те, кто входил в моё окружение, считали, что только предвзятое мнение руководило моими идеями и действиями, но на самом деле я поступал в соответствии с самыми глубокими мотивами. Как бы то ни было, но ваши аристократические друзья упустили многое из того, о чём они и не подозревают, не сблизившись со мной!

Они лишены элементарной душевности, чувства истинной славы. Из-за глупых предрассудков они предпочли погрязнуть в трясине интриг союзников, вместо того чтобы последовать за мной на вершину горы Симплон и завоевать уважение и восхищение остальной Европы. Глупые люди!.. Однако, — продолжал император, — у меня в портфеле лежал план. Мне необходимо было только время, чтобы довести до полного совершенства этот план, который способствовал бы сплочению вокруг меня большинства аристократии и который, в конце концов, был бы совершенно справедливым. В соответствии с этим планом, каждый потомок старинных маршалов, министров и т.д. считался бы имеющим право называться герцогом, представив для этого необходимые доказательства своего происхождения. Все сыновья генералов и губернаторов провинций, следуя этому же принципу, имели бы право на титул графа, — и так далее в определённой последовательности. Реализация моего плана возвысила бы одних, вызвала бы надежды у других, способствовала бы соперничеству всех и не задела бы ничью гордость. Это был грандиозный план, полностью лишённый какого-либо показного шума. Помимо прочего, он соответствовал моей политической системе и моим нравственным правилам.

Нынешними закорячавшими и коррумпированными людьми правят не так, как ими правили в древних и добродетельных странах. Ибо в настоящее время на одного человека, кто не щадит себя ради общественного блага, приходится тысячи и миллионы тех, кто равнодушен ко всему, кроме собственных интересов, удовольствий и личного тщеславия. Поэтому попытка претендовать на то, что можно мгновенно полностью обновить страну с такой же лёгкостью, как, скажем, промчаться по ней в почтовом дилижансе, равносильна проявлению сумасшествия. Гений мастерового должен состоять в его умении использовать те материалы, которые находятся у него под рукой; и в этом заключается одна из причин возвращения к жизни всех форм монархического правления, восстановления титулов, званий, общественных классов, знаков отличия и орденов. Секрет законодателя должен заключаться в его понимании того, каким образом следует извлекать преимущество даже из своенравия и безнравственности тех, кем он, как он считает, правит; и, в конце концов, эти пустяковые знаки отличия не доставляют неудобств и не лишены пользы. В той точке развития цивилизации, к которой мы подошли, эти знаки отличия рассчитаны на то, чтобы вызывать уважение масс, но всегда при том условии, что человек, их удостоенный, сохраняет уважение к собственной личности. Они могут удовлетворять тщеславие слабых, ни в малейшей степени не отпугивая мощных духом здравомыслящих мужей... Уже поздно, — сказал, прощаясь со мной, император. — Это был ещё один прекрасно проведённый вечер».

Пожар в нашем доме — Поддержание этикета в Лонгвуде

19 июля 1816 года

Ночью в дымоходе гостиной возгорелась сажа, но языки пламени не вырвались наружу к рассвету. Если бы пожар продлился ещё часа два, то весь дом превратился бы в пепелище.

Император совершил прогулку на свежем воздухе. Его сопровождали несколько членов его свиты, пройдя вместе с ним несколько кругов в саду.

Во время прогулки одна из пряжек на башмаке императора расстегнулась, и каждый из нас поспешил нагнуться, чтобы застегнуть её; тот, кому удалось это сделать первым, посчитал себя счастливым. Императору, который не позволил бы подобное в Тюильри, судя по всему, здесь, на острове Святой Елены, доставляет удовольствие наше поведение. Он не мешает нам делать то, что нам нравится,

когда вопрос касается нашего повышенного внимания к его особе. Мы благодарны ему за готовность быть снисходительным к проявлению подобного рвения, которое, с нашей точки зрения, делает нам честь.

Этот случай напомнил мне, что я ещё пока не говорил о наших обычных манерах, которым мы следуем в отношении особы императора. И я тем более склонен сейчас упомянуть о них, так как мы получили несколько лондонских газет, распространяющих тысячу вздорных историй по этому вопросу и утверждающих, что императорский этикет так же строго поддерживается в Лонгвуде, как и в Тюильри.

Отношение императора к нам отличается добротой, в которой чувствуется отеческая теплота. Со своей стороны, мы являем собой образец самых внимательных и почтительных придворных. Мы постоянно стремимся предвосхитить любое желание императора; мы тщательно следим за тем, чтобы он ни в чём не испытывал недостатка, и стоит ему только начать подавать знак рукой, чтобы выразить своё желание, как мы уже стремимся наперебой выполнить его.

Никто из нас не входит в апартаменты императора без его предварительного вызова, и если следует сообщить ему что-либо важное, то необходимо обратиться за разрешением о личном приёме. Если император прогуливается отдельно с кем-нибудь из нас, то никто не смеет без его приглашения бесцеремонно присоединиться к его прогулке. Вначале мы постоянно оставались в присутствии его особы с непокрытой головой. Это обстоятельство казалось странным для англичан, которые снова надевают шляпы после обмена приветствиями. Этот контраст между нашим поведением и поведением англичан казался императору столь нелепым, что он дал нам указание, раз и навсегда, вести себя так же, как и они. Никто, за исключением двух дам из его свиты, не садится в его присутствии, если он не предлагает этого. Никому не разрешается начинать разговор, если император не заговаривает первым, и всегда, во всех случаях, ход беседы остаётся под его контролем и направляется им. Таков порядок этикета в Лонгвуде, который, и это должно быть очевидным, полностью соответствует нашим чувствам.

После прогулки в саду император принял капитана корабля «Ньюкасл», с которым он долго говорил.

В связи с пожаром в гостиной стол для бильярда был переставлен в столовую, и мы обедали в картографическом кабинете. После обеда, так как у нас не было другой комнаты, куда мы могли бы удалиться, мы долгое время продолжали оставаться за обеденным столом. Однако это обстоятельство придало дополнительный интерес беседе, и она нас ещё больше сблизила; мы активно участвовали в разговоре, и вечер прошёл намного быстрее обычного.

**Исправительные заведения для нищих во Франции —
Планы Наполеона относительно Иллирии — Больницы
и приюты для подкидышей — Государственные
заключённые — Идеи императора**

20 июля 1816 года

Утром меня вызвал к себе император. Я застал его за чтением английской книги, содержащей статистические данные о бедных. Для них собираются огромные денежные суммы. Множество бедняков существуют за счёт церковных приходов; на содержание миллионов людей расходуются сотни миллионов фунтов стерлингов.

Император опасался, что он не совсем правильно понял прочитанное. Как заявил император, то, что написано в книге, представляется совершенно невозможным. Он не может вообразить себе, в силу каких пороков и недостатков такое множество бедных может оказаться в стране столь богатой, столь трудолюбивой и столь изобилующей возможностями трудиться, как Англия. Ещё меньше он способен понять, в силу какого чуда класс английских собственников, отягощённый налогообложением, в состоянии обеспечить потребности такой массы бедствующего народа.

«Ничего подобного, — заметил император, — у нас нет во Франции, даже в сотой и в тысячной доле. Разве вы не рассказывали мне, как я направлял вас в разные департаменты страны с заданием провести инспекцию исправительных заведений для нищих? Давайте посмотрим, какое же у нас количество нищих? В какую сумму нам обходилось их содержание? Сколько исправительных заведений для нищих я учредил? Какое количество нищих могли разместить эти заведения? Как эти заведения способствовали тому, чтобы избавиться от нищих на улицах городов страны?»

На всё это множество вопросов я был вынужден ответить, что с тех пор прошло довольно много времени и моя голова была занята несколько иными проблемами, так что по памяти я не в состоянии дать точный ответ на каждый вопрос императора. Однако я располагаю официальным отчётом о проделанной работе, который хранится среди других сохранённых мною документов. «Отправляйтесь за отчётом и немедленно разыщите его, — сказал император. — Вещи перестают быть полезными, если ими не заниматься своевременно. Я тут же перелистаю ваш отчёт *моим большим пальцем*, как просто-душно говаривал аббат де Прадт. Хотя, сказать по правде, мне не очень-то нравится думать о подобных проблемах: они напоминают мне горчицу после обеда».

Через две минуты отчёт был в его руках. «Ну что ж! — сказал мне император по прошествии нескольких минут, ибо он почти не перелистывал страницы отчёта. — Итак, положение дел с нищими у нас, во Франции, действительно совсем не такое, как в Англии. Однако создание исправительных заведений для нищих себя не оправдало. Я подозревал об этом и именно поэтому поручил вам инспекционную поездку. Ваш отчёт точно соответствовал тогдашним моим взглядам. Вы добросовестно рассмотрели проблему, как и подобает честному человеку, не опасаясь вызвать недовольство министра тем, что лишали его возможности делать много назначений на должности по его усмотрению.

Я доволен большим количеством приведённых вами в отчёте подробностей. Почему вы не пришли ко мне, чтобы лично доложить о них? Тем самым вы бы доставили мне удовольствие, и я бы знал, как оценить ваше служебное рвение». — «Сир, учитывая сложившееся тогда положение дел в стране, я не мог поступить подобным образом: в то время мы все занимались урегулированием всякого рода общественных беспорядков, возникших в результате наших национальных бед». — «Ваше замечание является абсолютно правильным, а занятая вами в отчёте позиция была, несомненно, верной. Всё дело в том, что в процветающем государстве, которым стала моя империя, нельзя было найти где-либо людей, лишённых какого-нибудь занятия. Только безделье и порок могли вызвать нищенство.

Вы считаете, что полное исчезновение нищих было возможно; что касается меня, то я придерживаюсь такого же мнения. Ваш план — собрать вместе всех нищих, построив для них одно огромное пристанище в каждом департаменте страны, — содействовал бы поддержанию спокойствия общества и обеспечивал бы благополучное существование для тех, кого содержали бы там; эта ваша идея привлекла моё внимание. Это грандиозное мероприятие, его полезность, его значение, постоянство достигаемых им результатов — всё это полностью соответствовало моему образу действий.

Что же касается вашего народного университета, то я очень опасюсь, что подобное учреждение стало бы всего лишь красивой химерой филантропии, достойной простодушного аббата де Сен-Пьера. В этих идеях есть некоторые достоинства, но для того, чтобы, реализуя их, добиться какого-нибудь положительного результата, потребовались бы энергичность характера и непреклонная настойчивость, чем мы, французы, вообще-то не отличаемся.

В остальном здесь, на острове Святой Елены, я ежедневно заимствую у вас идеи, на которые, как я считал, вы не были способны. Но в этом совсем не моя вина. Вы были в моём окружении. Почему

вы не раскрыли мне свою душу? Я не обладаю даром прорицания. Если бы вы были министром, то ваши идеи, какими бы фантастическими они ни показались мне поначалу, не остались бы без моего внимания, поскольку, с моей точки зрения, не существует идей, полностью лишённых положительных моментов, и даже ошибочное мнение, правильно контролируемое и регулируемое, часто приводит к верному решению. Я бы направил вас к членам специально назначенной комиссии, которые занялись бы анализом ваших планов. Вы бы аргументированно защитили их, и после того, как проблема была бы досконально рассмотрена и изучена, я бы сам принял по ней окончательное решение, в соответствии с моей собственной оценкой предложенной идеи. Таков был мой образ действий, и таковы были мои намерения. Я дал толчок развитию промышленности, я способствовал тому, чтобы оно приняло характер мощной активности во всех странах Европы. Мне хотелось сделать то же самое для всех отраслей применения человеческого интеллекта, но время не позволило мне добиться этой цели. Я не мог завершить мои планы, прилагая все возможные усилия, и, к сожалению, я слишком часто строил их на зыбкой основе и вверял их исполнение рукам, которые оказывались беспомощными и бесполезными. Какие другие поручения я давал вам?» — «Однажды вы послали меня с поручением в Голландию, в другой раз направили меня в Иллирию». — «У вас есть здесь отчёты о выполнении этих поручений?» — «Да, сир, есть». — «Принесите их». Но не успел я подойти к двери, как он сказал: «Впрочем, не беспокойтесь, вернитесь, избавьте меня от необходимости тратить время на чтение отчётов о выполненных вами поручениях! Теперь они абсолютно бесполезны». Эти слова о многом поведали мне!

Император заговорил об Иллирии. «Овладев Иллирией, я никогда не ставил перед собой цели удерживать её. Я никогда не вынашивал идеи уничтожить Австрию. Напротив, существование Австрии было необходимо для выполнения моих планов. Но Иллирия, находясь в наших руках, была нашим передовым отрядом у самого сердца Австрии; он бы контролировал её. Этот часовой у ворот Вены должен был заставлять её постоянно действовать в наших интересах. Кроме того, я хотел ввести и закрепить в этой стране наши доктрины, нашу систему государственного управления и наши законы. Это был дополнительный шаг в направлении полного обновления Европы. Я овладел Иллирией, считая её своего рода залогом для того, чтобы в более поздний период иметь возможность поменять её на Галицию во время восстановления Польши, которое я спешил осуществить вопреки собственной точке зрения. Однако в отношении Иллирии у меня были и другие планы. Я часто менял

свои замыслы, и у меня было мало идей, не подлежащих изменениям, — результат того, что я скорее приспособлялся к обстоятельствам, чем стремился дать им толчок в нужном направлении. Вследствие этого я, как правило, составлял планы, не принимая сразу окончательного решения. Тем не менее моя основная идея, особенно после женитьбы на Марии Луизе, заключалась в том, чтобы, в результате восстановления Польши, вернуть Австрии Иллирию в качестве компенсации за Галицию — в виде отдельного и независимого королевства. При том условии, что эта моя идея будет осуществлена на практике, для меня не имело никакого значения, на какую именно голову — друга, врага или союзника — будет возложена корона королевства Иллирии. Последнее было для меня безразлично.

Я составлял, мой дорогой Лас-Каз, обширные и многочисленные планы. Все они, бесспорно, имели своей целью развитие и благоденствие человеческой расы. Меня боялись, как бояться удара молнии. Меня обвиняли в том, что у меня железная рука, но в тот момент, когда этой руке предстояло нанести последний удар, она смягчалась ради всеобщего счастья. Сколько миллионов людей благословили бы меня и в прошлом, и в будущем! Но следует признать, какое множество фатальных бедствий соединились воедино, чтобы в конце моей политической карьеры вызвать падение! Мой несчастливый брачный союз, измены и вероломство, которые эта женитьба повлекла за собой; эта отвратительная война в Испании, от которой я не мог освободиться; эта роковая война с Россией, которая случилась из-за недоразумения; этот ужасный русский климат, поглотивший целую армию... И затем вся Вселенная восстала против меня! Разве не следует считать удивительным, что я всё ещё был в состоянии так долго оказывать сопротивление и что мне не один раз приходилось вплотную сталкиваться со смертельной опасностью, но я преодолевал возникавшие трудности и выходил из них, как никогда более сильный! О, судьба людская! Каковы человеческая мудрость, человеческое предвидение!»

И затем внезапно вновь вернувшись к разговору о моём отчёте, император сказал: «Я заметил, что вы объехали большое количество департаментов страны. Ваша миссия продолжалась долго? Доставила ли вам удовлетворение ваша поездка? Принесла ли она вам реальную пользу? Собрали ли вы обширную информацию? Были ли вы в состоянии составить правильное представление о положении страны, об общественном мнении? Теперь я припоминаю, что для этой миссии я выбрал именно вас потому, что вы только что вернулись из Иллирии, выполнив данное вам поручение, и я обнаружил в вашем отчёте о поездке туда некоторые моменты, которые произвели на меня сильное впечатление. Просто удивительно, как много вещей

сейчас всплывают в моей памяти, которые в своё время сильно поразили меня в вас, хотя в силу странного рока потом они сразу же были мною полностью забыты. Когда нужно было сделать назначение лиц для выполнения специальных и конфиденциальных миссий, то мне представляли текст декрета с пустым местом для имени, и я вписывал в декрет имя по собственному выбору, — вот я и вписал собственной рукой ваше имя в такой декрет».

«Сир, — ответил я, — вероятно, не было другой миссии, которая принесла бы мне большее удовлетворение со всех точек зрения. Я отправился в поездку ранней весной и проследовал из Парижа в Тулон, а затем из Тулона в Антиб вдоль линии морского побережья, изредка отклоняясь внутрь территории департамента. Я проехал почти тысячу триста лье, но, к сожалению, не располагал достаточным запасом времени. Министр, давая мне инструкции, строго ограничил период моей миссии тремя, максимум четырьмя, месяцами. Трудно адекватно описать все те наслаждение, удовольствие и пользу, которые я получил от этой поездки. Я был членом вашего Государственного совета, офицером вашего императорского двора. Повсюду я был одним из ваших *монарших посланцев*, и поэтому меня встречали с соответствующим уважением. Чем с большей вежливостью, выдержкой и простотой я вёл себя, встречаясь с местными высокопоставленными чиновниками, чьего содействия я имел право требовать, тем с более почтительным отношением и с большей обходительностью они принимали меня. И если, например, нет-нет да и находился чиновник, который относился ко мне с явным подозрением или проявлял симптом дурного настроения и зависти (ибо впоследствии я узнал от одного из таких чиновников, что моё положение аристократа, эмигранта и придворного императорского двора служило известным основанием для осуждения моей персоны), то, повторяю, наряду с одним таким чиновником, смотревшим на меня с завистью, я встречал многих других, совершенно откровенно обсуждавших со мной и такие проблемы, которые я и не предполагал расследовать. Они заверяли меня, что им доставляет удовольствие открывать мне свою душу, ничего не скрывая, что они рассматривают меня, придворного, занимавшего определённое положение вблизи особы монарха, как благоприятного для них посредника, через которого, как они надеялись, будут переданы *на Самый Верх* их сокровенные тайны. Чем больше я старался убедить их, что они ошибались в отношении моего положения и истинной сути моей миссии, тем больше они верили в правильность своего мнения.

Какой урок я получил за такое короткое время о природе человеческого рода! Ни один из этих высокопоставленных чиновников не отличался от ему подобных в отношении своих убеждений и способов

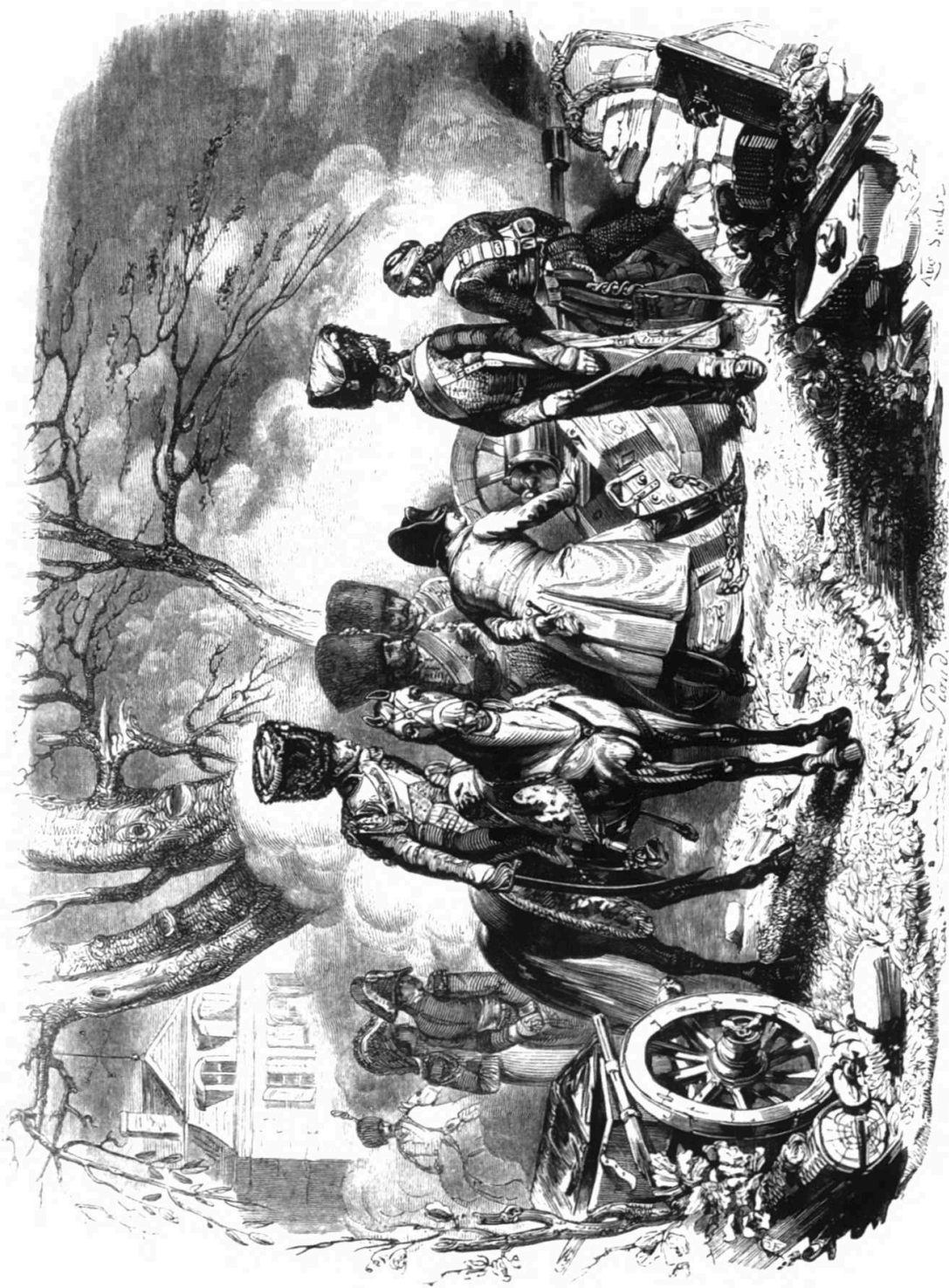
решения разных проблем. Тем не менее, все они были опытными людьми, тщательно отобранными для выполнения порученных им обязанностей и, в целом, достойными уважения. В неофициальной обстановке эти люди почтительно смотрели на меня как на луч Провидения, они обращались ко мне с просьбами и наедине со мной, и в присутствии других лиц. О чём только я не узнал! Какое множество обвинений и разоблачений доведено было до моего сведения! Какая масса местных злоупотреблений и мелких интриг была раскрыта мне!

Полностью незнакомый с положением дел на местах и будучи до того абсолютно неосведомлённым о порядке проведения официальных процедур, я использовал в своих интересах эту своеобразную возможность для получения информации. Я старался ознакомиться со всеми проблемами местных ведомств и подробными обстоятельствами ведения ими дел. Я не боялся демонстрировать свою неосведомлённость тем, кого принимал первым, поскольку таким образом я мог квалифицированно обсуждать дела с другими лицами.

В действительности, сир, моя специальная миссия ограничивалась инспектированием исправительных заведений для нищих и тюрем, но, чувствуя необходимость максимально пополнить запас знаний о деятельности местных ведомств, что полезно для Государственного совета, и используя преимущества данного мне поручения, я сочетал, по собственной воле, тщательную инспекцию тюрем, госпиталей и благотворительных учреждений с обследованием всех наших портов и приписанных к ним военно-морских эскадр.

Таким образом, какая величественная картина предстала моему взору! Повсюду я созерцал абсолютное умиротворение и полное доверие правительству. Все люди работали, каждая отрасль промышленности не знала простоя. Сельское хозяйство процветало (а это была лучшая пора года). Дороги были отличные. Почти везде общественные работы шли полным ходом. Арльский канал, замечательный мост в Бордо, общественные работы в Рошфоре, каналы из Нанта в Брест, в Ренн, в Сен-Мало, основание Наполеонвиля, который должен был занять ключевую позицию на всём полуострове Бретань, величественные работы в порту Шербура и в порту Антверпена, шлюзы, молы и дамбы, а также другие усовершенствования в городах вдоль побережья пролива Ла-Манш — вот краткий перечень всего того, что я видел.

В портах Тулона, Рошфора, Лорьяна, Бреста, Сен-Мало, Гавра и Антверпена наблюдалась чрезвычайная активность. Наши рейды заполнились кораблями, и их количество ежедневно увеличивалось; несмотря на все препятствия, экипажи наших кораблей неустанно тренировались, а молодые новобранцы становились хорошими моряками,

НАПОЛЕОН ЗАРЯЖАЕТ ПУШКУ

готовыми для будущей морской службы. Я, принадлежавший к старой морской школе, был удивлён всем тем, что увидел на бортах кораблей, настолько огромными были успехи, достигнутые в морской службе, и настолько они превосходили всё то, чему я ранее был свидетелем.

Корабли эскадр ежедневно поднимали паруса и выходили в море, где выполняли регулярные манёвры, подобно тому, как дают парады войска гарнизонов, и всё это происходило в пределах видимости англичан, которые считали наши корабли нелепой военно-морской силой, не предвидя опасности, которая им, англичанам, угрожала, ибо никогда, ни в какой период времени, наш военно-морской флот не был более могущественным, а количество наших кораблей не было столь большим. У нас уже было более ста кораблей на море и на стапеле. Это число ежедневно увеличивалось. Наши морские офицеры были отлично подготовлены и отличались воодушевлением и рвением. Я совершенно не представлял себе, как далеко продвинулась подготовка нашего флота, пока лично не убедился в этом: если бы мне это сказали, я бы не поверил.

Что касается исправительных заведений для нищих, инспекция которых была специальной целью моей миссии, то ваши намерения, сир, в отношении организации таких заведений в департаментах были превратно поняты, и весь план завершился неудачей. В большинстве департаментов нищенство не только осталось, но и никаких шагов не было предпринято для его ликвидации. Всё дело было в том, что некоторые префекты не стремились сделать эти исправительные заведения *местом страха для нищих*, считая их всего лишь *приютом для бедных*. Вместо того, чтобы заключение в таком исправительном заведении стало наказанием для тех, кто занимается попрошайничеством, ряд префектов устроили из этого заведения благопристойное убежище, место, в которое стремятся попасть нищие. Таким образом, житейская доля мнимых заключённых могла стать поводом для зависти со стороны крестьян в округе, занятых тяжким трудом, и повсюду во Франции могли возникнуть подобные приюты, заполненные до отказа; но они не смогли бы сократить количество тех нищих, которые обычно занимаются профессиональным попрошайничеством. Однако я полагаю, что искоренение этого зла возможно, и пример некоторых департаментов, в которых префекты принимали более решительные меры в этом отношении, достаточен для того, чтобы стать причиной подобного убеждения. В некоторых департаментах попрошайничество вообще полностью исчезло.

Одно наблюдение производит поразительное впечатление: при всех других равных условиях нищенство является более редким явлением в бедных и неплодородных районах страны и гораздо

более обычным в тех частях, которые отличаются плодородием и изобилием. Кроме того, намного труднее искоренить нищенство в тех местах, где духовенство обладает огромным богатством и властью. В Бельгии, например, нищие попрошайки не стеснялись считать за честь заниматься своей профессией и гордились тем, что следуют ей на протяжении нескольких поколений. Они обладали исключительными правами на занятие этой профессией, и Бельгия, соответственно, была пристанищем нищенства».

«Но я не удивлён этим, — сказал император. — Трудность этого важного соображения заключается в том, что оно безошибочно делает различие между *бедным человеком*, который внушает уважение, и *нищим попрошкой*, который должен вызывать наше возмущение. Кроме того, наши религиозные глупости так тесно смешивают эти две прослойки общества, что, по-видимому, ставят в заслугу профессию нищенства, делают из него некоторого рода добродетель и поощряют его обещанием вознаграждений в потусторонней жизни. Нищие попрошайки в действительности являются теми же ничтожными монахами, живущими только за счёт подаяний. Таким образом, в числе их мы находим даже нищенствующих монахов. Разве возможно было, чтобы подобные идеи не вызвали смущение в умах и замешательство в обществе? Было канонизировано огромное количество святых, чья единственная очевидная заслуга заключалась в том, что они занимались нищенством. Их, видимо, переселили в рай именно за то, что они занимались нищенством, которое, по здравому смыслу, должно было в этом мире подвергнуть их суровому осуждению и тюремному заключению. Тем не менее это не мешало им быть достойными рая... Но продолжайте!»

«Не без волнения, сир, я ознакомился с подробностями деятельности благотворительных организаций и заведений. Размышляя о заботах, внимании, ревностном милосердии столь многих полных сочувствия сердец, я имел возможность убедиться, что мы далеки от того, чтобы уступить пальму первенства любому другому народу, и что мы всего лишь менее хвастливы и меньше используем искусственные средства, чтобы повысить наши заслуги. Юг Франции прежде всего и Лангедок в частности проявили энтузиазм и воодушевление, которые трудно было представить. Повсюду многочисленные, прекрасно обслуживаемые больницы и дома призрения. После революции количество подкидышей увеличилось в десять раз, и я тотчас отнёс это обстоятельство на счёт развращённости времени. Но я хотел отметить одно явление. Постоянное размышление убедило меня в правильности вывода о том, что, напротив, увеличение количества подкидышей следовало приписывать весьма убедительным причинам.

Меня заверили в том, что ранее за подкидышами настолько безобразно ухаживали, их настолько плохо кормили, что все они были хилыми, болезненными и нежизнеспособными и из десяти подкидышей семь, а то и девять погибали. В настоящее же время их питание и уход за ними таковы, что почти все они выживают и составляют прекрасное поколение детей. В значительной мере этому также способствовала вакцинация. Уход за этими детьми сейчас осуществляется настолько внимательно, что он дал повод для появления своеобразного злоупотребления. Матери, даже находящиеся в достаточно благополучных жизненных условиях, поддаются искушению подкидывать своих младенцев. Потом они обращаются в больницу или дом призрения и, под предлогом оказания благотворительной помощи, предлагают свои услуги для воспитания собственного ребёнка. Им возвращаются именно их дети плюс небольшая денежная дотация. Всё это делается через посредников.

Другой пример злоупотребления подобного рода, не менее своеобразный, я наблюдал в Бельгии. Там будущие родители заранее вносили свои фамилии в больничный список с той целью, чтобы иметь право потом отдавать своих детей в больницу. Молодая пара, поженившись, старалась внести свою фамилию в такой список, чтобы впоследствии она могла отдать ребёнка в больницу, имея на то право. Такое условие бывало одним из пунктов брачного договора».

«О Боже! — воскликнул император, пожимая плечами и смеясь. — И после всего этого попробуй-ка утверждать законы и постановления!»

«Но что касается тюрем, сир, то они почти все представляли собой зрелища ужаса и непритворного страдания, стыда и позора наших провинциальных департаментов, беспримерной клоаки морального разложения и инфекций. Чтобы я не мог в полной мере осознать реальность этих зрелищ, меня вынуждали с невероятной быстротой проходить по тюремным помещениям и затем, несмотря на все мои старания задержаться, тут же увозили прочь. В прошлом я посещал некоторые тюрьмы в Англии, и я позволял себе улыбаться при виде тех роскошных условий, в которых там содержались заключённые; но английские тюрьмы отличались от наших тюрем как небо и земля, и эта противоположная крайность вызывала у меня сильнейшее возмущение. Не существует правонарушений — я мог бы даже сказать — преступлений, — которые в недостаточной мере наказываются подобными прибежищами; и те, кто покидает их, не должны больше, по строгой справедливости, заглаживать свою вину. Однако в такие тюрьмы попадают те, кто был обвинён в мелких правонарушениях, в то время как настоящие преступники и закоренелые злодеи попадают в исправительные заведения, где

с ними иногда обращаются слишком хорошо. В последнем случае честные подёнщики имеют причину завидовать участи преступников и могут делать сравнения далеко не в пользу Провидения и общества. В этих тюрьмах заметно другое поразительное противоречие: укоренившаяся привычка помещать в них вместе представителей всех классов общества, которым был вынесен приговор. Одних заключали в тюрьму сроком на один год за мелкие правонарушения, а других заточали в эту же тюрьму на пятнадцать, двадцать лет и на пожизненный срок за совершённые ими чудовищные преступления. Из этого неизбежно следует, что все заключённые будут сведены к единому нравственному уровню — не из-за незначительности проступков первых, но скорее из-за морального разложения последних.

Меня также сильно поразило то обстоятельство, что в Вандее и примыкавших к ней округах количество маньяков было, вероятно, в десять раз больше, чем в любом другом месте империи, а также тот факт, что в заведениях для нищих и в других местах насильственного заключения содержались люди, с которыми обращались как с бродягами или почти как с бродягами. Были и такие, которых помещали в эти заведения, когда они ещё находились в детском возрасте, ничего не зная о своих родителях и о своём происхождении. На теле некоторых из них были шрамы от ран, но они не знали, каким образом им были нанесены эти раны. Несомненно, что они их получили в своём раннем детстве. Не было никакой возможности как-то использовать этих людей, которые не приобрели какой-либо социальной идеи: они ни к чему непригодны».

«Эх! — воскликнул император. — Это результат гражданской войны и её отвратительного наследия! Её неизбежные следствия и её явные плоды! Если её отдельные вожаки сколачивают себе состояния и делают всё, чтобы избежать опасности, то остальное население попирают ногами, и оно становится жертвой каждого нового бедствия!»

«Что касается других вопросов, то в этих заведениях я обнаружил значительное количество лиц, которые, как мне сказали, — не знаю, правда это или нет, — были политическими заключёнными, их арестовали по приказу высшего и среднего звена полиции, а иногда и низшего её звена. Я видел всех этих заключённых, слушал их жалобы и получал от них петиции, конечно, без каких-либо обязательств с моей стороны, ибо я не имел права брать их на себя. Кроме того, я полностью сознавал, что, всего лишь выслушав их, я не мог кого-либо обвинять. За исключением, однако, некоторых печально известных злодеев, другие выслушанные мною заключённые реально заслуживали обычного наказания в исправительном заведении.

В тюрьмах Ренна я обнаружил среди заключённых мальчика лет тринадцати, которого, когда ему было только несколько месяцев, забрала с собой бандитская шайка. Всех их казнили, а мальчик остался в тюрьме, не имея решения по своему делу. Можно легко понять его нравственные способности. Он никогда никого не видел, никого не слышал, за исключением преступных негодяев; они были единственными людьми, чьё существование могло дать ему представление о человеческом роде.

В Мон-Сен-Мишель моё внимание привлекла женщина, имя которой я забыл. У неё было довольно привлекательное лицо, она обладала приятными манерами и умением держать себя. Она провела в тюрьме уже четырнадцать лет за то, что принимала активное участие в беспорядках в Вандее. Она постоянно сопровождала своего мужа, который был командиром батальона повстанцев, а после его смерти сменила его на посту командира. Перенесённые ею несчастья и слёзы, которые она проливала, заставили заметно потускнеть красоту её лица. Я напустил на себя строгий вид во время её рассказа о своих бедах, но я сделал это, чтобы скрыть душевное волнение, которое она вызвала у меня. Добротой и другими положительными качествами своего характера она сумела добиться власти над грубыми и развращёнными женщинами, окружавшими её. Она посвятила себя уходу за больными; ей поручили руководство работой тюремного лазарета, и она пользовалась всеобщей любовью.

За исключением этой женщины, а также нескольких священников и трёх пожилых шуанских шпионов, остальные заключённые представляли собой отвратительную смесь мерзкой и сумасбродной порочности.

Я встретил женатого мужчину, обладавшего ежегодным доходом в 15 000 ливров, который попал в тюрьму в результате интриг его жены. Я разговаривал с проститутками, которые заверяли меня в том, что они попали в тюрьму не потому, что их наказали за неразборчивую расточительность их благосклонности, но потому, что они вызвали злобу недостаточной благосклонностью к одной персоне. Они лгали мне, а может быть, и не лгали; но, в любом случае, разве следовало почтить их званием государственных заключённых и способствовать тому, чтобы представить правительство одиозным и нелепым? Наконец, я встретил несчастного человека в одном бельгийском городе, который женился на одной из тех девушек, для которых муниципалитет предоставляет свадебное приданое по случаю крупных событий. Этот человек был отправлен в тюрьму по обвинению в том, что украл приданое, поскольку он не заработал его. От него категорически потребовали вернуть этот долг, но он так же решительно отказался сделать это. Вероятно, от него требовали сделать то, что для него было абсолютно невозможным.

Сразу же по возвращении в Париж я нанёс визит господину Реалю, префекту полиции округа, который я только что посетил. Я посчитал своим долгом, сказал я ему, довести *в дружеской манере* до его сведения результат моих наблюдений. Я должен отдать ему должное: то ли потому, что его сердце далеко не было чёрствым, то ли потому, что на него произвела впечатление искренность моего рассказа, или, возможно, потому, сир, что на него оказал магическое влияние вид моего придворного мундира, но он поблагодарил меня, заявив, что я оказал ему большую услугу, и заверил меня, что примет немедленные меры для *обеспечения и восстановления справедливости*, — таковы были его слова, — в тех судебных делах, о которых я ему рассказал. Однако, когда я встретил его через несколько дней, он с печальным видом сказал мне: “Это неудачное дело и весьма неблагоприятное для вашей амазонки (он сослался на активную военную операцию генерала Малле в Вандее), которое несколько дней назад я считал возможным решить самостоятельно. Теперь же я не могу претендовать на то, что решу его без приказа вышестоящей инстанции”. Я не знаю, как закончилось то дело с женщиной из Вандеи».

Некоторое время император размышлял о тех злоупотреблениях, о которых я рассказал ему, и затем заявил: «Прежде всего, для того чтобы действовать наверняка, вы были обязаны убедиться, что ваша информация хорошо обоснована, и ознакомиться со свидетельскими показаниями в отношении обвиняемых лиц. И тогда уже следует честно признать, что злоупотребления присущи каждому социальному заведению. Вы же видите, что почти всё, на что вы жаловались, является делом рук тех самых лиц, которым специально поручили осуществлять предохранительные меры. Можно ли обеспечить их осуществление, когда нельзя увидеть, что творится повсюду? Существует, так сказать, сеть, брошенная на места проживания бедных. В этой сети одна из её ячеек должна быть разорвана, прежде чем её сможет обнаружить удачливый наблюдатель вроде вас. Лишь тогда что-нибудь из судебного дела станет известным представителям высших слоёв населения страны. Соответственно этому, моей мечтой, одной из многих, была бы возможность, когда главные события войны полностью завершатся, спокойно вернуться к внутренним делам страны, оглянуться вокруг в поиске десятка настоящих филантропов из тех достойных уважения людей, которые живут ради добрых дел. Я бы направил их по всей империи, чтобы они тайно ознакомились с положением дел на местах и затем представили бы мне свои отчёты. Они были бы *тайными агентами добродетели*! Они бы обращались непосредственно ко мне и были моими духовными советчиками, и принятые мною с ними решения стали бы

моей доброй работой, выполненной тайно. Моим главным занятием в свободное от других забот время в период моей наивысшей власти было коренное улучшение состояния каждого класса общества. Я бы снизошёл до решения проблем поддержки отдельных личностей. И если бы я не нашёл причины для такого поведения в моём природном характере, то меня бы побудил к этому дух расчёта: ибо после того, как я добился столь огромной славы, какие другие средства остались бы мне, чтобы как-то приумножить её? Именно потому, что мне было хорошо известно о неизбежном существовании массы злоупотреблений, именно потому, что я стремился сохранить благополучие моих подданных и был полон желания чинить всевозможные препятствия на пути утверждения тирании со стороны моих подчинённых и моих посредников в сфере государственной службы, я замыслил систему государственных тюрем, адаптированную к любому возможному кризису».

«Да, сир, но ваша система была весьма плохо воспринята в наших салонах, это немало способствовало тому, чтобы сделать вас непопулярным. Повсюду стал слышаться гневный протест против *новых бастилий*, против возрождения *королевских указов о заточении*».

«Мне очень хорошо известно об этом, — сказал император. — Гневный протест, упомянутый вами, эхом пронёсся по всей Европе и сделал мою персону ненавистной. И тем не менее, обратите внимание на то, каким мощным было влияние слов, отравленных ядом вероломства! Всё недовольство было вызвано нелепым заголовком моего декрета, который ускользнул от моего внимания по рассеянности или по какой-то другой причине. Ибо, я утверждаю, закон сам по себе был чрезвычайно полезным и сделал свободу личности более полной и явной во Франции, чем в любой другой стране Европы.

Принимая во внимание кризис, из которого мы вышли, соперничавшие фракции, которые делили нас на противостоящие стороны, и заговоры, которые постоянно замышлялись, тюремное заключение стало обязательным. Оно в действительности оказалось благом, — поскольку вытеснило эшафот. Но я хотел санкционировать его законными указами и поставить его вне зависимости от своенравия, произвольной власти, ненависти и мести. Никто, в соответствии с моим законом, не мог быть отправлен в тюрьму и содержаться там в качестве государственного заключённого без решения на то моего Тайного совета, который состоял из шестнадцати человек — наиболее независимых и наиболее выдающихся личностей государства. Какое недостойное чувство посмело бы выставить себя напоказ перед таким трибуналом? Разве я по собственной воле не лишил себя права отправлять людей в тюрьму? Ни один человек не мог

содержаться в тюрьме свыше одного года без нового решения Тайного совета, и для освобождения заключённого достаточно было четырёх голосов из шестнадцати. Два государственных советника были обязаны внимательно выслушать заявления заключённых, и с этого момента они становились усердными соучастниками Тайного совета. Заключённые находились под защитой назначенного Сенатом комитета по соблюдению свободы личности. Польза от этого комитета была большой, поскольку он был готов оспорить неполную осведомлённость человеческого рода, предполагавшего, что сенаторы, которые ничего не ждали от министров и которые по своему рангу были им равны, не станут использовать свои исключительные права, чтобы противостоять министрам и критиковать их всякий раз, когда важность вопроса требует их вмешательства. Также следовало учитывать, что я передал трибуналам право надзора над заключёнными и над тюремной полицией. Трибуналы положили конец произволу административной власти. После принятия подобных мер предосторожности я без колебаний утверждаю, что гражданская свобода во Франции была эффективно защищена законом, насколько это возможно. Общественность страны имела неправильное мнение на этот счет или делала вид, что имеет, ибо мы, французы, ворчим по любому поводу.

Факт остаётся фактом: в то время, когда я был лишён власти, в государственных тюрьмах едва насчитывалось 250 заключённых, когда же я стал консулом, то обнаружил в них 9000 человек. Будет очевидным, если изучить список лиц, которые находились в заключении, и расследовать причины их содержания в тюрьмах, что почти все они заслуживали смертной казни и были бы приговорены к этой мере наказания в соответствии с обычным законным процессом суда. Отсюда следует, что их тюремное заключение было, с моей точки зрения, дарованным им благом. Почему в настоящее время ничего не опубликовано против меня по этому вопросу? Где можно обнаружить те серьёзные упрёки в мой адрес, которыми меня осыпали? Фактически, ни одного из них нет. Если некоторые заключённые позже ставили себе в заслугу свои страдания вместе с королём и ради него, то разве они тем самым не объявляли свой собственный приговор и не подтверждали, что я был справедлив? То, что в глазах короля может казаться добродетельным поступком, при мне, бесспорно, было преступлением; и именно потому, что я чувствовал отвращение к пролитию крови вследствие политических преступлений, и потому, что подобные судебные процессы были бы направлены на продолжение беспорядков и затруднений в центре страны, я заменил наказание смертной казнью на простое тюремное заключение.

Я повторяю, французы в моё время были самыми свободными людьми во всей Европе, даже включая англичан; поскольку в Англии, если чрезвычайная опасность служит причиной для приостановления действия закона *о неприкосновенности личности*, то любой человек может быть арестован и посажен в тюрьму по простому желанию министров, у которых нет необходимости оправдывать мотивы своих поступков и объяснять своё поведение. Мой закон имел совершенно иные ограничения».

Император закончил свои замечания словами: «И в конце концов, если, несмотря на мои добрые намерения и вопреки моей предельной заботе, всё то, что вы только что рассказали, и, несомненно, многое другое, чего вы не упомянули, существовало, то всё же не следует считать лёгкой задачей, как это полагают многие, создание полезных для страны исправительных заведений. Удивительно, что страны, отделившиеся от нас, сожалеют о законах, с помощью которых я правил ими. Тем самым они воздают должное превосходству моих законов. Действенный и единственный способ вынести мне окончательный приговор в отношении недостатков моих законов — создать более совершенный свод законов в любой другой стране. Приближаются новые времена, и тогда мы посмотрим».

В пять часов дня гофмаршал Бертран сказал мне, что он только что покинул императора, который теперь желает видеть меня. Император оставался в своих апартаментах весь день. Я увидел его в тот момент, когда он осматривал новый стол для бильярда. Он опасался, что погода слишком сырая для прогулки, и поэтому до обеда играл в шахматы. Вечером он читал нам трагедию Кребийона «Атрей и Тиест». Эта трагедия показалась нам ужасной, мы нашли её отвратительным и ни в коей мере не трагедийным произведением. Император не смог закончить чтение трагедии.

Египет — Сен-Жан д'Акр — Пустыня — Различные истории

21 июля 1816 года

Около трёх часов дня император вызвал карету. Он послал за мной, и мы вместе прошли до конца парка, где его поджидала вызванная им карета. Я сообщил императору о нескольких незначительных событиях, которые касались лично его. Во время нашей поездки мы заметили в океане два корабля, плывущих к острову.

Во время обеда император был очень разговорчив. Он только что занимался диктовкой истории его кампании в Египте. Как он сказал,

рукопись будет такой же интересной, как любовная история. Говоря о положении его войск у крепости Сен-Жан д'Акр, император заметил: «Конечно, с моей стороны это было дерзким поступком — расположить в центре Сирии войско в количестве всего лишь 12 000 солдат. Я находился в пятистах лье от Дезэ, который образовал другой фланг моей армии. Как рассказал Сидней Смит, я потерял в сражении у крепости Сен-Жан д'Акр 18 000 человек, хотя всё моё войско в том сражении насчитывало только 12 000 солдат. Малоизвестный человек, М., только что окончивший колледж, ничего не знающий, судя по всему, о том, что он описывает, чей единственный талант состоит в том, что он соединяет вместе несколько предложений с целью превратить их в свой заработок, недавно опубликовал нечто вроде книги о кампании в Египте. Между прочим, его брат был мною осыпан милостями и являлся членом Государственного совета. Так вот, я перелистал эту книгу, и она вызвала у меня раздражение своей глупостью и попыткой очернить славу и достижения моей армии в Египте.

Если бы я был хозяином моря, я бы владел всем Востоком. Решение вопроса о том, чтобы стать хозяином моря, было практически реальным; этот план провалился только из-за глупости и недостойного поведения некоторых моих моряков.

Волней, путешествуя по Египту перед нашей революцией, высказал мнение, что нельзя завоевать Египет без трёх больших войн, а именно — против Англии, Турции и местного населения. Последние ему казались наиболее трудным и опасным противником. В этом отношении он полностью ошибался, поскольку египтяне не вызвали у нас никаких затруднений. Нам даже удалось в кратчайшие сроки подружиться с местным населением, объединившись с ним ради общего дела. Таким образом, горстки французов было достаточно для завоевания этой прекрасной страны, которую они никогда не должны были потерять. Фактически мы совершили чудеса в войне и в политике. Предпринятая нами кампания в Египте во всём отличалась от крестового похода: крестоносцев было бесчисленное количество, и их подгонял фанатизм. Напротив, моя армия была очень малочисленной, и солдаты настолько сильно были предубеждены против всего предприятия, что часто испытывали искушение вернуться домой, захватив с собой знамёна. Мне, однако, удалось близко познакомить их со страной, которая снабжала их всем в изобилии и настолько дёшево, что в какой-то момент я был готов выплачивать им половину их жалованья, с тем чтобы другую половину сохранить для их собственных нужд по возвращении во Францию. Я возымел над ними такую власть, что был бы в состоянии простым приказом по армии сделать их мусульманами. Они бы восприняли

этот приказ как шутку, но местному населению это доставило бы удовольствие, а сами христиане Востока посчитали бы себя в выигрыше и одобрили бы моё решение, зная, что ничего лучшего для них и для себя мы не могли бы сделать.

Англичане пришли в ужас, увидев, что мы овладели Египтом. Мы продемонстрировали Европе средство, с помощью которого могли бы вырвать Индию из их рук. Они всё ещё не оправились от ужаса перед подобной перспективой, и они правы. Если когда-либо 40 000 или 50 000 европейских семей удастся в Египте наладить свою промышленность, установить свои законы и учредить своё правительство, то Индия будет быстрее потеряна для англичан под влиянием этих обстоятельств, чем с помощью силы оружия».

Во время вечерней беседы гофмаршал напомнил императору его разговор с Монжем, математиком, в самом сердце пустыни. «Что вы, гражданин Монж, думаете обо всём этом?» — спросил Наполеон. «Ну что ж, гражданин генерал, — ответил Монж, — я думаю, что, прежде чем в этом месте когда-нибудь можно будет увидеть столько же великолепных карет, как и у здания Оперы в Париже, на Земном шаре должны произойти несколько великолепных революций». Император от всего сердца рассмеялся от этих воспоминаний. Однако, как он напомнил в свою очередь, в этом месте сирийской пустыни у него уже была карета, запряжённая шестью лошадьми. Несомненно, он был первым, кто ездил по пустыне в карете, и она вызывала неопишное удивление у арабов.

Император отметил, что пустыня всегда оказывала странное влияние на его душевное состояние. Пересекая её, он всегда чувствовал, что пустыня необъятна и безгранична, не имеет ни начала, ни конца. Это был океан, раскинувшийся на твёрдой земле. Вид пустыни давал положительный импульс творческому воображению императора, и ему доставило удовольствие напомнить нам, что имя Наполеон означает *Лев Пустыни*.

Император также рассказал нам, что когда он уехал из Египта в Сирию, то в Каире были убеждены, что его там больше никогда не увидят. Но император вернулся и сразу же заметил, что один из его слуг, китаец, в его отсутствие дерзко воровал его имущество. «Он был, — сказал император, — маленьким уродливым карликом, который приглянулся Жозефине в Париже. Он был единственным китайцем во Франции. Жозефина заполучила его, и он с тех пор, сопровождая её в поездках по городу, всегда стоял сзади на запятках её кареты. Она взяла его в Италию, но поскольку у него была привычка постоянно что-то красть, то она решила от него отделаться. Имея это в виду, я забрал его с собой в египетскую экспедицию. Египет был для него промежуточным пунктом на полпути к его родине. Этому маленькому чудовищу была поручена забота о моём винном погребе, и не успел я ещё пересечь пустыню, как он продал по очень низкой цене две тысячи бутылок отборного кларе. Его единственной целью было накопить деньги. Он был уверен, что я никогда не вернусь в Каир, но его ничуть не расстроило моё возвращение. Он поспешил, как верный слуга, увидеть меня, чтобы сообщить, что моё вино разграблено. Его воровство было настолько явным, что он был вынужден сам признаться в этом. Мне очень хотелось повесить его, но я отказался от этой мысли, поскольку, строго говоря, мне следовало повесить тех высокопоставленных персон, которые, зная источник, покупали и распивали моё вино. Я довольствовался тем, что выгнал его со службы и отослал в Суэц, где он был предоставлен самому себе».

В связи с этой историей я должен заметить, что мы были вынуждены в тот момент вспомнить о весьма своеобразном совпадении. Несколько месяцев назад нам сообщили, что на борту одного из китайских торговых кораблей, который тогда покидал остров, возвращаясь в Европу, находится один китаец, бывший, как говорили, в услужении у императора в Египте. Император тут же воскликнул, что это тот самый воришка, история которого была только что здесь рассказана, но в действительности это был повар Клебера.

Император внезапно резко сменил тему разговора и более оживлённо, чем обычно, сказал, улыбаясь, повернувшись к госпоже Бертран: «Когда вы будете в ваших апартаментах в Тюильри? Когда вы

снова дадите ваши великолепные обеды в честь послов? Но вам придётся сменить мебель в ваших апартаментах, ибо, по слухам, мода полностью изменилась». Понятно, что беседа сразу же коснулась великолепия и роскоши, свидетелями которых мы были при императоре.

Отеческие наставления — Калиостро, Месмер, Лафатер и прочие

22 июля 1816 года

В десять часов утра император зашёл в мою комнату и взял меня с собой на прогулку. Потом все завтракали в тени деревьев. Погода была прекрасная, а жара хотя и сильная, но вполне терпимая. Император вызвал карету, двое из его свиты сели в неё, а третий из нас сопровождал карету верхом на лошади. В нашей прогулке не смог принять участия гофмаршал. Император возобновил разговор об одном недоразумении, которое возникло среди нас несколько дней назад. Он оценил сложившуюся ситуацию и дал анализ нашим природным недостаткам. «Вы обязаны, — заявил он, — когда в один прекрасный день возвратитесь в нормальный мир, ради меня считать себя *братьями*. Память обо мне будет диктовать вам это поведение. Пусть так и будет именно с этой минуты!»

Затем он объяснил нам, как мы могли бы быть полезными друг другу, как в наших силах облегчить друг другу страдания, и т.д. Это был одновременно семейный урок и нравственный урок, урок чувства и поведения. Слова императора следовало записать золотыми буквами. Он говорил в течение часа и пятнадцати минут, и я думаю, что никто из нас не забудет эти его наставления. Что касается меня, то я никогда не забуду не только его слова, но и тон, которым он говорил, их выразительность, их воздействие на нас и, прежде всего, сердечность, вложенную им в каждое слово.

В пять часов дня император пришёл в комнату, где я вместе с сыном работал над главой о сражении при Арколе. Он хотел что-то сказать мне, и я последовал за ним в сад, где он вновь вернулся к разговору, который произошёл в карете.

Теперь мы обедаем в старом картографическом кабинете, примыкающем к кабинету императора и к комнате, в которой ранее проживала семья господина Монтолона. Эта комната стала довольно сносной библиотекой, после того как книжные полки вдоль стен недавно заставили книгами, присланными из Англии.

Так как ущерб, нанесённый гостиниой в результате пожара, ещё не ликвидирован и её ремонт затягивается, мы вынуждены после обеда оставаться за столом в нашей новой столовой до тех пор, пока нас не покинет император. Однако это обстоятельство только усиливает интерес к проходящим там беседам.

Сегодня император был очень общителен. Разговор коснулся значения снов, объяснения предчувствий и дара предвидения, который англичане называют *ясновидением*. Мы исчерпали все обычные темы, связанные с этими вопросами, и перешли к разговору о колдунах и привидениях. Император завершил этот разговор, заявив: «Все эти знахари, шарлатаны и многие другие, такие как Калиостро, Галль, Лафатер и т.д., не в силах противостоять единственному и простому аргументу: *всё это может существовать, но всё это не существует*.

Человек испытывает любовь к чудесам, они обладают для него непреодолимым обаянием, он всегда готов бросить всё, что находится у него под рукой, чтобы мчаться за выдуманным. Он добровольно поддаётся заблуждению. В результате всё, что окружает нас, является чудом и феноменом. Но всё в природе является феноменом. Существование моей личности является феноменом. Полено, которое кладут в огонь камина и которое согревает меня, является феноменом. Вот та свеча, которая даёт мне свет, является феноменом. Причина всех причин, мой разум, мои способности — всё это феномены, ибо все они существуют, но мы не можем дать им точное определение. Я прощаюсь с вами здесь, — продолжал император, — и вот, представьте себе, я в Париже, вхожу в свою ложу в опере. Я кланяюсь зрителям, я слышу их приветственные возгласы; я вижу актёров, я слушаю музыку. Но если я могу преодолеть расстояние в пространстве от острова Святой Елены до Парижа, то почему я не смогу преодолеть расстояние во времени и перенестись в другие века? Почему я не смогу увидеть будущее так же хорошо, как и прошлое? Почему один человек должен быть более необычным, более прекрасным, чем другой? Единственная причина заключается в том, что всё это может существовать, но всё это не существует. Это именно тот самый аргумент, который всегда восторжествует, не дав возможности возразить всем фантастическим чудесам. Все эти шарлатаны занимаются весьма остроумными спекуляциями, их рассуждения могут быть обоснованными и соблазнительными, но их выводы лживы, так как не подтверждаются фактами.

Месмер и месмеризм так и не оправились от удара, нанесённого им докладом багьи от имени Академии наук. Месмер добился положительных результатов с помощью гипноза, экспериментируя с человеком, когда тот стоял лицом к нему. Но когда тот же человек

стоял спиной к Месмеру и последний пытался загипнотизировать его, то эксперимент не дал абсолютно никакого результата. По мнению Месмера, это произошло из-за погрешности воображения, из-за бессилия чувств; это было проявлением лунатизма, когда лунатик ночью бегает по крыше, не чувствуя опасности, поскольку он не боится; но тот же лунатик ломает себе шею днём, так как его чувства поставят его в тупик.

Однажды во время одной из моих публичных аудиенций я резко критиковал шарлатана Пюизегюра по поводу его экспериментов в области лунатизма. Он позволил себе говорить весьма высокомерным тоном. Я поставил его на место, сказав только следующее: “Если ваша доктрина является столь поучительной, то пусть она сообщит нам что-нибудь новое! Человечество, несомненно, сделает колоссальный прогресс во всех областях деятельности в течение ближайших двухсот лет; так пусть же ваша доктрина назовёт хотя бы одно достижение, которого человечество добьётся в этот период времени! Пусть она скажет мне, чем я буду заниматься в течение следующей недели! Пусть она объявит выигрышные номера лотереи, которая будет проведена завтра!”

Подобным же образом я поступил в отношении Галля и в немалой степени способствовал тому, чтобы развенчать его теорию. Корвисар был его основным последователем. Он и его коллеги проявляли большую склонность к материализму, который, как они считали, должен подкрепить их теорию и увеличить их влияние. Но природа не настолько бедна. Если бы она была столь дикой, что её можно было бы познать по её внешним формам, то мы совершали бы наши дела намного быстрее и знали бы намного больше. Но её тайны являются более скрытыми, более утончёнными, более эфемерными, и они до сих пор не поддаются самым тщательным исследованиям. В маленьком горбуне мы обнаруживаем великого гения, а человек с внушительными внешними данными оказывается простым глупцом. Крупная голова с массивным лбом иногда лишена каких-либо идей, в то время как человек с маленькой головой, казалось бы, имеющий мало мозгов, обладает, как выясняется, обширным умом. И обратите внимание на глупость Галля. Из-за того, что у человека есть несколько выпуклостей на черепе, он делает вывод о склонности этого человека к преступлениям, не существующим в природе, но являющимся результатом общественных условий и обычной деятельности человеческого рода. Что бы стало с черепными выпуклостями вора, если бы не существовало частной собственности, пьяницами, если бы не было спиртных напитков, и честолюбцами, если бы не было никакого общества?

То же самое можно сказать и об отъявленном шарлатане Лафатере с его соотношениями физических и нравственных свойств человека. Наше легковерие лежит в пороках человеческой природы. Едва мы бросим взгляд на лицо человека, как уже делаем вывод, что знаем его характер. Мы должны быть достаточно благоразумны для того, чтобы отвергнуть эту мысль и свести на нет влияние этих обманчивых внешних данных незнакомых людей. Один человек, имевший серые глаза, обокрал меня, — и что, разве с того момента я, увидев человека с серыми глазами, должен опасаться, что он что-нибудь украдёт у меня? Нож нанёс мне рану, и я буду бояться всякий раз, когда увижу его, но разве именно серые глаза меня обокрали? Здравый смысл и опыт, — а я имел возможность получать немалую пользу и от первого, и от второго, — доказывают, что такие внешние признаки оказываются огромной ложью. Мы не можем слишком остерегаться их, и единственно правильный путь для оценки и познания сути человека заключается в том, чтобы подвергать его испытанию и стремиться общаться с ним. В конце концов, мы встречаем столь отвратительные лица, что следует признать (и в качестве примера император дал описание отвратительных черт лица губернатора острова Святой Елены), что при виде их самый мощный интеллект встаёт в тупик, осуждая их вопреки всему».

Своеобразная серия неприятностей

23 июля 1816 года

Император вызвал меня в три часа дня, — он хотел совершить прогулку. У него был мрачный вид, и он чувствовал себя гораздо хуже, — так на него подействовала сильная жара во время вчерашней поездки в карете. Он увидел, что в стене дома пробивают новую наружную дверь, которая изменит весь внутренний интерьер картографического кабинета и бывшей комнаты госпожи Монтолон. С императором не посоветовались по поводу этой двери, и это обстоятельство его сильно огорчило. Он немедленно послал за человеком, который распорядился сделать новую дверь, и его неудачные объяснения ещё более рассердили императора.

Мы вышли на прогулку, но, казалось, всё было направлено на то, чтобы ещё больше испортить настроение императора в этот день. Во время прогулки он увидел нескольких английских офицеров и почти в состоянии гнева свернул в сторону, заявив, что вскоре ему нельзя будет выходить из дома. Через несколько шагов к нему присоединился доктор О'Мира, сообщивший ему, достаточно неуместно,

ФРИДЛАНД

о частичной перестройке дома, которую губернатор затеял ради него, императора. Доктор передал императору просьбу губернатора высказать своё мнение об этом плане, что ещё больше испортило настроение императора. Он ничего не сказал доктору в ответ. Это был обычный способ императора выражать свою досаду, но на этот раз он хранил молчание с явным раздражением, которое и не пытался скрыть. Он подошёл к карете и сел в неё, но на нашем пути мы встретили другую группу английских офицеров, и император приказал кучеру перейти на галоп и ехать в другом направлении.

Однако мысли о новой наружной двери, которую начали прорубать в стене дома без его ведома и которую он посчитал неудобной, продолжали усугублять его плохое настроение. Он попытался улучшить его наигранно весёлым тоном в разговоре с находившейся в карете супругой того господина (Монтолона), который приказал прорубить дверь в стене дома. «Ага, — сказал он, — вы здесь?! Вы находитесь в моей власти, вы будете наказаны. Ваш муж виновен, следовательно, его жена ответит за него». Но вместо того, чтобы поддержать шутливый тон разговора, что госпожа Монтолон могла бы сделать без малейших усилий, добившись при этом, несомненно, удовлетворительного результата для всех присутствовавших в карете, она стала упорно оправдывать поступок мужа, повторив причины его самоуправства, и это вернуло плохое настроение императора. Наконец, для того, чтобы прекратить неприятный разговор, полный взаимных упреков, один из нас, увидев палатки английского военного лагеря, сообщил императору, что вчерашняя оживлённая деятельность английских офицеров и солдат и их манёвры были посвящены празднованию одной из побед, которую англичане одержали в Испании, и что английский полк, проводивший вчера манёвры, был почти полностью уничтожен в том победоносном для Англии сражении. «Полк, сударь, никогда не уничтожается противником. Такой полк становится бессмертным», — последовал краткий ответ императора. Следует признать, что император сказал это весьма сухим тоном.

Для наблюдателя это был драгоценный момент. Я попытался в уме оценить ту степень обиды, которую, должно быть, чувствовал император, и с восхищением отметил, что он почти ничем не выдал себя. Я сказал себе: «Какой же он негибемый человек, это же настоящий деспот!» Можно было предположить, что император догадался, о чём я размышлял, ибо, когда мы покинули карету и на несколько шагов опередили других лиц, идущих позади, он сказал мне приглушённым тоном: «Если вам нравится изучать человеческий род, то знайте же, как сильно можно испытывать терпение и всё, что связано с этим...»

Вернувшись домой, император распорядился подать ему чай. Я никогда не видел, чтобы он пил чай. Госпожа де Монтолон стала обладательницей собственного салона. Император захотел осмотреть его и потом сказал, что она будет размещена в доме намного лучше, чем кто-либо из нас. Император распорядился зажечь камин и стал поочерёдно играть в шахматы с членами свиты. У него постепенно улучшилось настроение, и под конец он восстановил своё обычное душевное состояние. Он немного поел за обедом и принял активное участие в общей беседе, вновь вспомнив свои молодые годы, что обычно действовало на него самым благотворным образом. Он много говорил о своих друзьях в его молодые годы и о трудностях, с которыми они сталкивались, когда хотели добиться приёма у него после того, как он оказался на вершине власти. В связи с этим император заметил, что если и невозможно было переступить порог его дворца, то совсем не по его воле. «Какое же тогда, — воскликнул он, — должно быть положение у других монархов в этом отношении!»

Мы продолжали беседовать до одиннадцати часов вечера, не заметив позднего часа.

Госпожа де Бальби — Различные истории об эмигрантах

24 июля 1816 года

Сегодня император опробовал бильярдный стол, который только установили, и затем вышел из дома, но погода была очень сырая, и он почти сразу же вернулся.

До обеда он беседовал со мной в своих апартаментах об эмигрантах, и во время разговора было упомянуто имя госпожи де Бальби, фрейлины императрицы, которая отвечала за её гардероб и была очень заметной особой в период становления императорского двора Наполеона. В связи с упоминанием её имени император заметил: «Но не та ли это госпожа де Бальби, очень опасная женщина?» — «Никакой опасной она не была, — ответил я. — Она была одной из самых лучших женщин в мире, обладала большим умом и превосходным здравым смыслом». — «Если это так, — сказал император, — то у неё немало причин быть недовольной мной. Таково болезненное следствие ложных заявлений: мне её характеризовали как очень опасную женщину». — «Да, сир, вы сделали её очень несчастной. Всё её счастье заключалось в том, чтобы наслаждаться обществом, а вы её изгнали из Парижа. Я встретил её во время одной из моих миссий, она отбывала наказание в качестве ссыльной в пределах её

провинциального департамента и изнывала от незаслуженных притеснений. Тем не менее, она не выражала никакой обиды в отношении Вашего Величества и говорила о вас с большой выдержкой». — «Хорошо! Почему же вы не пришли ко мне и не поправили меня?» — «Ах, сир, ваш характер тогда был настолько неизвестен нам, по сравнению с тем, что я знаю о вас в настоящее время, что я бы не посмел сделать это. Но я, с вашего позволения, расскажу вам одну историю о госпоже де Бальби, когда она была в Лондоне в разгар нашей эмиграции. Эта история даст вам возможность узнать её лучше, чем всё, что я мог бы сказать о ней. Во время вашего вступления в должность консула одно лицо, только что прибывшее из Парижа, было приглашено на небольшой вечерний приём в её доме. Этот человек привлёк всеобщее внимание гостей подробностями о последних событиях в Париже, которые он должен был сообщить. Ему задали несколько вопросов о консуле, и он ответил, что консул не сможет прожить долго, у него крайне болезненный вид. Таковы были слова эмигранта из Парижа. Он всё более и более воодушевлялся и, наконец, предложил нам тост: «Смерть Первому консулу!» — «Какой ужас! — немедленно в ответ воскликнула госпожа де Бальби. — Каково — пить за смерть собрата по человеческому роду? Стыдитесь! Я предлагаю гораздо лучший тост: за здоровье короля!»».

«Ну что ж, — сказал император, — я повторяю, что очень дурно поступил с ней из-за того, что мне её плохо характеризовали. Её описали мне как женщину, погрязшую в политических интригах и знаменитую своим сарказмом. Сейчас я припоминаю одно выражение, которое, возможно неверно, приписывается ей, но которое, однако, поразило меня своим остроумием. Меня уверяли, что один знаменитый человек, весьма ей близкий, был охвачен приступом ревности, а она ему доказывала, что не давала никакого повода для его ревности. Он настаивал на своём, заявив, что ей следовало знать: жена Цезаря должна быть свободна от подозрений. Госпожа де Бальби ответила, что его замечание содержит две важные ошибки, ибо всему миру известно, что она ему не жена, а сам он не Цезарь».

После обеда император читал нам отрывки из комедий «Расточитель» и «Гордец», но они настолько не понравились ему, что он бросил их чтение; они не представляли никакого интереса. Император почувствовал острую боль в правом боку. Это было следствие сырой погоды. У нас возникло опасение, что боль является симптомом болезни, обычной для этого убийственного острова.

Вернувшись в свою комнату, я обнаружил письмо из Англии и пакет, содержащий некоторые предметы для моего туалета. Корабль английского военно-морского флота «Гриффин» только что прибыл из Англии.

**Император получает письма от своей семьи —
Беседа с адмиралом Малькольмом —
Полномочные представители союзнических держав**

25 июля 1816 года

В девять часов утра я получил от гофмаршала Бертрана три письма для императора. Они были от Мадам Мер, принцессы Полины и от принца Люсьена. Последнее письмо было вложено в конверт, направленный мне принцем Люсьеном из Рима и датированный 6-м марта. Я также получил два письма от моего агента-посредника в Лондоне.

Император провёл всё утро за чтением газет, датированных с 25 апреля по 13 мая. Они содержали информацию о смерти императрицы Австрии, о перерыве в работе палат ассамблеи Франции, об оправдании Камброна, об осуждении генерала Бертрана и т.д. Император высказал много замечаний в связи с этими событиями.

Около трёх часов дня адмирал Малькольм обратился ко мне с просьбой, чтобы его принял император. С собой он привёз подборку номеров газеты «Журналь де Деба», датированных вплоть до 13-го мая. Император распорядился, чтобы я представил ему адмирала, и затем беседовал с ним почти три часа. Адмирал произвёл приятное впечатление на императора, который с первой же минуты беседы, принявшей откровенный характер, отнёсся к нему столь доброжелательно, что можно было подумать, что адмирал его старый друг. По большому количеству проблем адмирал полностью разделяет мнение императора. Адмирал подтвердил, что было бы чрезвычайно трудно сбежать с острова Святой Елены, и заявил, что не видит каких-либо затруднений в том, чтобы разрешить императору свободное перемещение по всему острову. Он считает абсурдным то обстоятельство, что императору не предоставили «Колониальный дом» в качестве его резиденции, и полагает, — но только по прибытии на остров, как он сам признался, — что применение титула *генерал* в отношении императора может быть оскорбительным. Адмирал удивлён поведением госпожи Лоудон на острове и считает, что оно станет предметом насмешек в Лондоне. Адмирал полагает, что губернатор имеет добрые намерения, но не знает, как ему следует поступать.

С точки зрения адмирала, император доставляет английским министрам одно беспокойство, но они не испытывают к нему чувства ненависти; они не знают, как избавиться от него. Оставаясь в Англии, император наводил бы ужас на весь континент, который по-прежнему страшится его; он был бы слишком опасным и эффективным орудием в руках оппозиции и т.д. Однако адмирал опасается,

что все эти обстоятельства, вместе взятые, приведут к тому, что нас будут держать на острове в течение продолжительного времени. Он выразил уверенность, что министры намерены, за исключением принятия необходимых предупредительных мер, чтобы помешать побегу Наполеона с острова, обращаться с ним на острове Святой Елены по возможности самым снисходительным образом. По всем этим вопросам адмирал высказывал свое мнение в столь благожелательной манере, что император, обсуждая их с ним, вёл себя настолько хладнокровно, словно все эти проблемы касались кого угодно, только не его.

Лишь раз император несколько изменил себе, чем заметно удивил адмирала. Это было, когда император, ссылаясь на полномочных представителей союзнических держав, твёрдо заявил, что не сможет принять их. «В конце концов, сэр, — сказал он адмиралу, — мы с вами мужчины. Объясните мне, возможно ли, чтобы император Австрии, на дочери которого я женился, который умолял меня на коленях об этом брачном союзе, который вновь держит у себя мою жену и моего сына, направил ко мне своего полномочного представителя, не послав мне вместе с ним хотя бы одну строчку, не написав мне хотя бы маленькую записку о состоянии здоровья моего сына? Могу ли я принимать такого представителя? Могу ли я что-либо сказать ему? Я могу то же самое сказать и о полномочном представителе императора Александра, который считал за честь называть себя моим другом и с которым, действительно, я вёл политические войны, но у меня с ним не было личных ссор. Это прекрасно быть монархом, но мы, монархи, в неменьшей степени имеем право на человеческое обращение. Сейчас я претендую только на то, чтобы со мной обращались как с человеком! Разве могут монархи быть лишёнными человеческих чувств? Уверяю вас, сэр, что когда я протестую против титула генерала, то делаю это не потому, что чувствую себя оскорблённым. Я отвергаю этот титул всего лишь потому, что согласие на него означало бы признание, что я не был императором; и в этом отношении я выступаю больше в защиту других, имеющих честь называться императором, чем в защиту самого себя. Я выступаю в защиту чести тех, с кем я делил этот титул, с кем был связан договорами, семейными узами и политическими союзами. Единственный, кого я мог бы, возможно, принять из этих полномочных представителей, так это представитель Людовика XVIII, который мне ничем не обязан. Этот полномочный представитель был в течение долгого времени моим подданным, он ведёт себя всего лишь в соответствии с обстоятельствами, вне зависимости от своих личных убеждений. Я бы принял его хоть завтра, если бы не опасался, что нашу с ним встречу представят в ложном свете и потом лживо опишут нашу беседу».

После обеда император вновь завёл разговор о временах консульства, о многочисленных заговорах против его особы, о выдающихся личностях того периода. Я уже уделял много внимания этим темам в моём дневнике. Наша беседа затянулась до часа ночи, — весьма необычный час для нас.

Императорский двор Наполеона — Расходы императорского двора, охота, конюшни, пажы и т.д.

26 — 28 июля 1816 года

Эти дни мы провели в соответствии с нашим обычным образом жизни: поездки в карете в середине дня, беседа вечером.

27 июля император принял ненадолго одного полковника, родственника семьи Уолш-Серран, который возвращался с Мыса Доброй Надежды и на следующий день должен был отплыть в Европу. Он был губернатором острова Бурбон и доставил нам удовольствие своим рассказом о любопытных подробностях, связанных с этим островом.

После обеда наш разговор коснулся старого королевского двора и нового императорского двора, их повседневной деятельности, расходов, этикета и т.д. Я уже упоминал о большинстве этих вопросов в других местах моего дневника, и обсуждение многих из них повторилось во время нынешнего разговора. Я пропускаю сейчас то, что явилось бы повтором.

Императорский двор был во всех отношениях намного более великолепным, чем любой другой двор до него, тем не менее, как заявил император, расходы на его содержание были значительно меньшими. Эта разница была достигнута за счёт пресечения злоупотреблений и наведения порядка в финансовой отчётности. Проведение императорской охоты, за исключением некоторых бесполезных и нелепых её видов, например, как соколиная охота и некоторые другие, всегда отличалось таким же блеском, такой же многочисленностью охотников и таким же потрясающим результатом, как и проведение охоты во времена Людовика XVI. Но, как заверил нас император, ежегодные расходы на императорскую охоту были равны всего лишь 400 000 франков, в то время как расходы на королевскую охоту доходили до семи миллионов. Расходы императорского двора на питание регулировались такой же системой экономии денежных средств. В этом отношении Дюрок, благодаря своей педантичности и строгости, творил чудеса. Во времена правления королей дворцы

не были меблированы, и одни и те же предметы мебели перевозились из одного дворца в другой; придворные не снабжались мебелью за счёт королевской казны, и каждый из них был обязан сам заботиться о меблировке своих апартаментов. При императоре, напротив, не было ни одного придворного, которого бы не обеспечивали в предоставленных ему апартаментах необходимой мебелью, которая была не хуже, а подчас и лучше, чем мебель во дворце императора.

Содержание императорской конюшни обходилось в три миллиона франков, а расходы на содержание одной лошади в среднем составляли 3000 франков в год. Расходы на одного пажу составляли от шести до восьми тысяч франков. Эти расходы, отметил император, были наиболее значительными в императорском дворце, и, соответственно, образование и воспитание пажей являлись предметом всеобщего восхищения. Первые семьи империи наперебой ходатайствовали о том, чтобы отправить своих детей на службу пажами при императорском дворе, и они для этого имели все основания, заявил император.

Что касается этикета императорского двора, то, по словам императора, он был первым, кто отделил *службу чести* (выражение, введённое при императоре) от службы по необходимости. Он отверг всё, что было в службе тяжким и трудоёмким, и заменил тем, что было в ней только номинальным и декоративным. «Монарх, — сказал он, — не является творением природы, он всего лишь создан цивилизацией. Нет голых королей, они все должны быть одеты...»

Император заметил, что нет никого, кто бы лучше его был осведомлён о делах, поскольку все они были упорядочены им самим в соответствии с прецедентами прошлого времени; он изъясил всё, что было нелепым, и оставил всё, что казалось удобным.

Беседа продолжалась вплоть до начала двенадцатого часа ночи. Она велась в непринуждённом духе, и император вновь заявил, покидая нас, что, судя по всему, мы, должно быть, люди доброжелательные, поскольку способны вести столь удовлетворительным образом такую жизнь, как жизнь на острове Святой Елены.

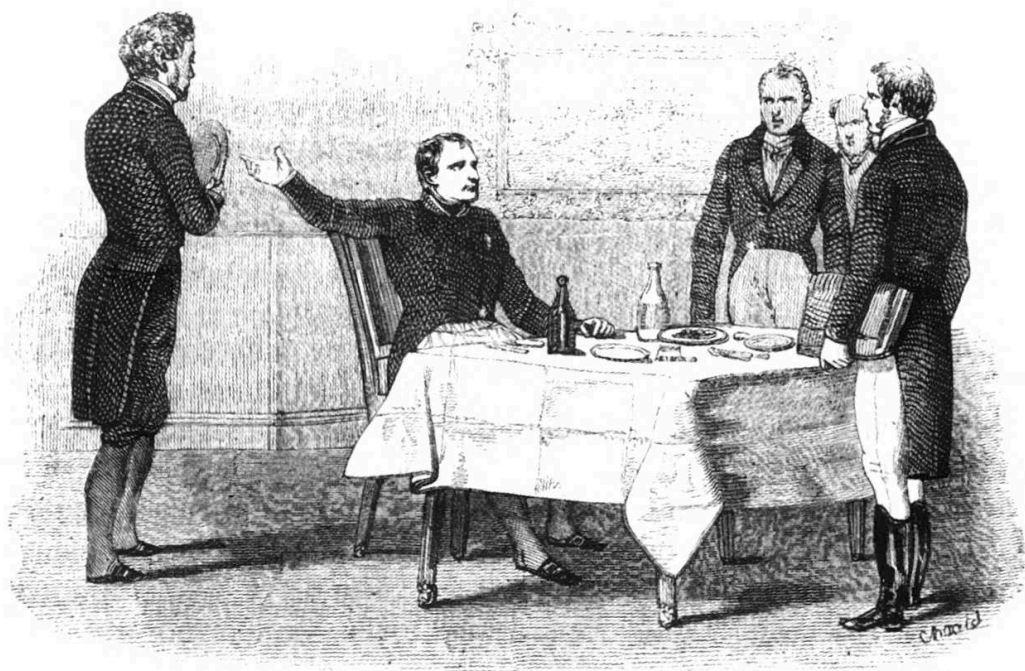
Новый пример недоброжелательности губернатора — Отчаянный замысел корсиканца Сантини

29 июля 1816 года

В последние дни установилась скверная погода; император, воспользовавшись недолгим её улучшением, осмотрел шатёр, который адмирал предложил любезно возвести для него недалеко от дома, когда во время последней с ним беседы император пожаловался на

отсутствие необходимой ему тени от деревьев в саду и на невозможность наслаждаться свежим воздухом. По приказу адмирала шатёр для императора возвели матросы с адмиральского корабля. Император разговаривал с офицером и матросами, которые завершали работу по возведению шатра, и приказал выдать каждому матросу по наполеондору.

Сегодня мы узнали, что с последним кораблём императору была выслана книга о состоянии государственных дел, написанная, как было сказано, членом английского парламента. Книгу выслал сам автор, на обложке была надпись, выполненная золотыми буквами: *Великому Наполеону*. Это обстоятельство заставило губернатора оставить книгу у себя. Губернатор совершил безжалостный поступок, который странным образом контрастировал с его стремлением снабжать нас клеветнической литературой.

Во время обеда император, повернувшись к одному из слуг, обслуживавших нас, окинул его суровым взглядом и воскликнул, к нашему неописуемому ужасу: «Итак, вероломный убийца, ты намеревался убить губернатора! Негодяй! Если подобная мысль вновь придёт тебе в голову, то будешь иметь дело со мной! Ты увидишь, что я сделаю с тобой». И затем, обратившись к нам, он сказал: «Господа, перед вами тот самый Сантини, который полон решимости убить губернатора. Этот негодник был готов поставить нас в весьма затруднительное положение. Я посчитал необходимым проявить всю мою власть, выразить всё моё возмущение, чтобы обуздать его».

Для того, чтобы стало понятным это чрезвычайное происшествие, мне необходимо сказать, что Сантини был раньше привратником у кабинета императора; его крайняя преданность императору стала причиной того, что он повсюду следовал за своим хозяином, чтобы служить ему — неважно, в каком качестве. Он был корсиканцем, обладавшим сильными чувствами и горячим воображением. Объятый яростью от жестокого обращения губернатора с нами, более не в силах спокойно выносить оскорбления, которые, как он видел, без конца наносились императору, озлобленный ухудшением состояния его здоровья и сам ставший жертвой сильнейшей меланхолии, он какое-то время ничего не делал дома и, под предлогом добычи дикой птицы для стола императора, занимался тем, что охотился в окрестностях Лонгвуда. Как-то в минуту доверительной беседы он признался своему соотечественнику, Киприани, что замыслил убить губернатора выстрелом из своей двустволки, а вторым выстрелом застрелиться самому. Это будет сделано, как он сказал, чтобы освободить мир от чудовища.

Киприани, знавший характер своего земляка, был в шоке от услышанного и сообщил об этом нескольким другим слугам. Слуги объединились в общей попытке уговорить Сантини отказаться от задуманного плана, но их старания, вместо того чтобы умиротворить Сантини, казалось, только усилили его раздражение. Тогда они решили раскрыть замысел Сантини императору, который немедленно вызвал его к себе. Как сказал мне император через несколько дней, «только благодаря *императорской*, благодаря *папской* власти я наконец добился, чтобы этот негодяй полностью отказался от своего замысла. Представьте себе на минуту все те роковые последствия, к которым он собирался нас привести. Я бы тоже считался вероломным убийцей губернатора; и действительно, было бы очень трудно развеять подобное впечатление в умах многих людей».

Император читал нам «Гибель Помпеи». Эта книга, как писали газеты, стала предметом всеобщего интереса в Париже вследствие наличия в ней политических намёков. Данное обстоятельство дало повод заметить, что правительство было обязано запретить представление «Ричарда» пятого и шестого октября⁴, но Людовик XVI мало думал о том, чтобы запрещать «Ричарда» за имевшиеся в этой пьесе намёки. «Всё дело в том, — заявил император, — что времена удивительным образом изменились».

30 июля 1816 года

Император, сделав несколько прогулочных кругов по саду, отправился в комнату генерала Гурго, где он довольно долго, вооружившись циркулем и карандашом, вместо генерала занимался составлением контура берега Сирии и плана крепости Сен-Жан д'Акр. Отметив

некоторые места в крепости, император сказал: «Я провёл там несколько неприятных минут».

Вечером мы читали «Женитьбу Фигаро», которая понравилась нам и заинтересовала нас гораздо больше, чем мы ожидали от этой пьесы. «Здесь революция, — заметил император, закрывая книгу, — уже в разгаре».

«Мелания» Лагарпа — Монахини — Монастыри — Французское духовенство

31 июля 1816 года

В три часа дня погода стала просто ужасной, и император, выйдя из дома, с трудом смог добраться до входа, в отдельном флигеле, в апартаменты госпожи де Монтолон. Там он сначала принялся читать «Тысячу и одну ночь», но некоторое время спустя, заметив переплетённый том «Монитора», с которым работал господин де Монтолон и который лежал раскрытым как раз в том месте, где описывались переговоры о морском перемирии 1800 года, углубился в чтение описания этих переговоров почти на целый час.

После обеда император сначала читал «Преступную мать», показавшуюся нам интересной, а затем «Меланию» Лагарпа, которую мы сочли отвратительно задуманной и очень плохо выполненной. «Эта пьеса, — заявил император, — представляет собой напыщенную декламацию. Она написана в полном соответствии со вкусами своего времени и основана на модной клевете и абсурдной лжи. Когда Лагарп писал эту пьесу, отец, конечно, не имел уже права заставить свою дочь постричься в монахини: закон никогда не позволил бы такое. Эта пьеса, которую играли в начале революции, своим успехом была обязана экстравагантности общественного мнения. Теперь же, когда страсти улеглись, пьеса должна считаться ужасной! Характеры всех действующих лиц пьесы неестественны. И автор не должен был нападать на несовершенные общественные институты, используя несовершенные средства».

Император заявил, что Лагарпу настолько не удалось доказать правоту своих убеждений, что все чувства императора оказывались на стороне отца, и он был шокирован поведением дочери. Император всегда, когда смотрел пьесу на сцене, испытывал желание вскочить со своего места и крикнуть дочери: «Ты только должна сказать “Нет!” — и мы все охотно встанем на твою сторону; ты у всех найдёшь защиту».

Император рассказал, что когда он служил в своём полку, то часто был свидетелем церемонии посвящения девушек в монахини.

«Офицерам полка нравилось посещать эту церемонию, которая вызвала наше возмущение, особенно когда её жертвами были хорошенькие девушки. Мы толпами посещали эту церемонию и живо реагировали на малейшие инциденты. Если бы девушки только сказали «нет», мы бы похитили их с саблями в руках. Следовательно, это неправда, что применялось насилие: мы прибегали только к мерам обольщения. Тех девушек, по отношению к которым применялись эти меры, содержали в условиях изоляции — вероятно, как рекрутов. Дело в том, что до церемонии их посвящения в монахини они должны были пройти испытание со стороны монахинь, настоятельницы монастыря, духовного наставника, епископа, гражданского чиновника и, наконец, обычных граждан. Разве можно было предположить, что все они согласились действовать сообща в совершении преступления?»

Император заявил, что он вообще был противником монастырей как бесполезных заведений, способствовавших деградирующей праздности. Однако он допускал, что существуют некоторые доводы в их пользу. По мнению императора, золотая середина заключается в том, чтобы относиться к монастырям с терпимостью, обязывая их обитателей быть полезными для общества и позволяя им давать монашеский обет только на один год.

Император жаловался, что у него не было достаточно времени, чтобы завершить создание задуманных им заведений. Он хотел расширить заведения Сен-Дени и Экуана, чтобы предоставить убежища солдатским вдовам и престарелым женщинам. «Надо признать, — добавил он, — что есть люди с самыми разными характерами и фантазиями; не следует применять принуждение к людям с эксцентричным складом ума, при условии, что их странности безобидны. Империя, подобная Франции, может и обязана иметь дома для сумасшедших, которых зовут *траппистами*⁵. Что касается последних, — заявил император, — то, если кто-нибудь когда-либо думал о том, чтобы навязать другим порядок, которому он следует сам, то это справедливо рассматривалось как самая гнусная тирания, хотя такой порядок может доставлять радость тому, кто добровольно применяет его в отношении самого себя. Таков человек, таковы его причуды и его глупости!..» Император проявлял терпимость по отношению к монахам Мон-Сени, но они, «по крайней мере, были полезны, очень полезны, и их можно было бы даже назвать геройскими людьми», добавил он.

Император следующим образом высказался на заседании Государственного совета, когда предстояло учредить Университет: «Я придерживаюсь того мнения, что монахи были бы наилучшими воспитателями молодого поколения, если бы было можно осуществлять над ними соответствующий контроль и сделать их независимыми

от иностранного хозяина. Я склонен положительно относиться к ним. Я, вероятно, воспользовался бы своей властью, чтобы восстановить их право жить в монастырях, но они сами сделали это невозможным. Стоит мне только что-либо сделать для духовенства, как тут же оно даёт мне повод сожалеть об этом. Я не жалею о старом признанном духовенстве, поскольку я в достаточной мере удовлетворён его поведением, но молодые священники воспитаны в духе мрачной фанатичной доктрины; в молодом духовенстве нет ничего галликанского».

Император продолжил: «Я ничего не имею против старых епископов, они показали себя людьми, благодарными за то, что я сделал для религии. Они оправдали мои ожидания... Кардинал де Буажелен был разумным человеком, отличавшимся добродетельным характером, он проникся ко мне доверием... Архиепископ Тура, Баррал, человек больших знаний, оказал нам существенную помощь в наших разногласиях с папой римским, он был всегда очень предан мне... Достойный кардинал дю Беллой и добродетельный епископ Рокелор проявляли искреннюю привязанность к моей особе... У меня не возникло никаких сомнений, когда я включал епископа Боссе в число попечителей Университета, и я уверен, что он был одним из тех, кто в этом качестве вёл себя самым искренним образом и в соответствии с моими убеждениями.

Все эти старые епископы пользовались моим доверием, и никто из них не предал меня. Странно, что именно те, кто более всего

досаждал мне, оказывались как раз теми людьми, кого я выбирал сам. Таким образом, совершенно верно, что святое помазание, хотя оно и вводит нас в царство небесное, не избавляет нас от земных пороков, от земного дурного поведения, от земного неприличия, от земной развращённости».

Разговор затем зашёл о проблеме недостаточного количества священников во Франции, об обязательстве становиться священником в возрасте шестнадцати лет и о трудности, даже о невозможности найти их в возрасте двадцати одного года.

Император желал, чтобы посвящение в духовный сан проводилось в более зрелом возрасте. Ответ епископов и самого папы римского на это пожелание был следующим: «Очень хорошо, ваши доводы вполне справедливы; но если вы будете дожидаться этого возраста, то никого не найдёте для посвящения в духовный сан, а вы ведь сами признаёте, что во Франции недостаточно священников».

«Я не сомневаюсь, — заявил император, — что после меня будут приняты другие принципы. Во Франции, возможно, дождутся “религиозной повинности” — набора священников и монахинь, как в моё время дождались рекрутского набора для исполнения воинской повинности. Мои казармы, возможно, будут превращены в монастыри и духовные семинарии. Так устроен мир. Бедные народы! Несмотря на весь ваш багаж знаний, на всю вашу мудрость, вы продолжаете, подобно каждому отдельному человеку, оставаться рабами модного каприза».

Был почти час ночи, когда император удалился в свои апартаменты. Наша беседа стала, как он сказал, настоящей победой над скукой и большим облегчением в борьбе с бессонницей.

Мария-Антуанетта — Этикет Версаля — Различные истории — «Отец семейства» Дидро

1 августа 1816 года

Погода была ужасная. В три часа дня приехал гофмаршал Бертран, чтобы разыскать меня; но так как в это время я рискнул выйти из дома, то меня не нашли. Меня искали из-за нескольких англичан, которых гофмаршал хотел представить императору.

Император вызвал меня в пять часов дня; у него было плохое настроение и, как он сказал, в немалой степени из-за меня. Визит англичан, плохая погода, отсутствие гостиной и переводчика — всё вместе соединилось, чтобы вызвать у него раздражение.

Он прочёл «Бессонные ночи в замке», которые, как он сказал, были скучны, и стал читать новеллы Маргариты, королевы Наваррской.

Затем император заговорил о Версале, о королевском дворе, о королеве, о госпоже Кампан и о короле. Некоторые из этих историй я уже записал в своём дневнике. Заканчивая разговор, император сказал, что Людовик XVI был идеальным человеком в частной жизни, но жалким королём. Королева, несомненно, была бы во все времена украшением любого круга общества, но её легкомыслие, непостоянство и её недостаточные умственные способности немало способствовали созданию условий для катастрофы и её ускорения. По словам императора, королева привела в беспорядок нормы этикета в Версале; многовековую серьёзность и строгость этикета королевского двора она превратила в беспорядочную и легковесную болтовню. Ни один разумный и достойный человек, хорошо известный в стране, не мог избежать высмеивания со стороны молодых придворных, чья природная склонность к подшучиванию только усиливалась благодаря аплодисментам молодой и красивой королевы.

Вот одна из наиболее характерных историй тех дней. Один доблестный и достойный генерал приехал в Париж со специальным посланием королеве от императора Иосифа, её брата. Королева сочла, что она должна оказать ему особую честь, пригласив на один из её приёмов в узком кругу. Генерал быстро обнаружил, что находится не совсем в своей компании, но все приглашённые на приём стремились обходиться с ним с подчёркнутым уважением, и он был вынужден играть ведущую роль в завязавшейся беседе. Но генерал выбрал неудачную тему для разговора и представил её в свойственной ему манере. Он стал многословно распространяться о *своей белой кобыле и о своей серой кобыле*, которых он ценил превыше всего. Предмет разговора дал повод для многочисленных игривых вопросов со стороны молодых придворных. Генерал подробно отвечал на эти вопросы, словно они представляли огромную важность. В заключение разговора один из придворных спросил генерала, какую из двух кобыл он предпочитает больше. «По правде сказать, — многозначительно ответил генерал, — я должен признаться, что если бы в день сражения я был на моей белой кобыле, то не думаю, что мне следовало бы спешиться с неё, чтобы оседлать серую». В конце концов генерал откланялся, и можно легко представить взрыв смеха, раздавшийся после его ухода. Теперь, когда австрийский генерал удалился, разговор гостей королевы принял новый оборот: прелести белой и серой красавиц были подвергнуты долгому и остроумному обсуждению. Когда королева спросила одного из гостей, какую из двух красавиц предпочитает он, то последний, приняв серьёзный вид и имитируя напыщенный тон австрийца, ответил: «По правде сказать, госпожа, если бы в день сражения я был на...» — «Достаточно, — прервала его королева. — Избавьте нас от остального».

После обеда император читал нам «Отца семейства». Эта книга, в частности, подверглась резкой критике со стороны императора. Нам она показалась пустяковым произведением. Что более всего озадачило императора, так это то, что «Отец семейства» написан самим Дидро, этим корифеем философов и «Энциклопедии». Всё, что содержится в книге, заявил император, фальшиво и нелепо. Император долго анализировал отдельные подробности сюжета и потом сказал: «Какой смысл в том, чтобы поучать сумасшедшего, когда тот находится в самом разгаре приступа горячки? Больной нуждается в лекарствах и в убедительных способах лечения. Кто не знает, что единственное спасение от любви заключается в бегстве от неё? Когда Ментор хочет спасти Телемаха от любви, он отправляет его в море. Когда Одиссей стремится спастись от сирен, он заставляет себя ускорить движение своего корабля, залепив воском уши своих спутников».

Исторический очерк об эмиграции в Кобленце и другие истории

2 августа 1816 года

Ужасная погода с проливными дождями продолжается. Император нездоров, его не покидает состояние нервного раздражения.

Он послал за мной, чтобы я с ним завтракал. В течение всего завтрака и после него разговор вновь коснулся проблемы эмиграции французских аристократов в результате революции. Я уже отмечал в моём дневнике, что император часто в беседах со мной возвращается к обсуждению этой темы. Сегодня он расспрашивал меня о подробностях того, что происходило в Кобленце, о нашем положении в этом немецком городе, о нашем настроении, об устройстве там наших дел, о наших суждениях и о нашем времяпрепровождении. Когда я ответил на все его вопросы, император сказал: «Вы уже несколько раз подробно познакомили меня с этой проблемой, и всё же я не сохранил в памяти все детали. Сведите их вместе в один последовательный исторический очерк. Каким образом можно было бы ещё лучше занять вас работой на этом острове? Кроме того, мой дорогой Лас-Каз, у вас будет готовая глава для вашего дневника». Эта просьба была подобна той, с которой Дидона обратилась к Энею, и я также мог бы воскликнуть: «*Infandum regina, jubes...*»⁶ Однако я написал требуемый очерк, постаравшись сделать его настолько подробным, насколько позволяли мне это моя память и здравый

смысл, ибо сама проблема уже несколько устарела, а я в то время был очень молодым. Я привожу свой очерк в том виде, в котором я вскоре прочитал его Наполеону.

«Сир, после тех знаменитых событий, в результате которых пала Бастилия и вся Франция пришла в состояние всеобщего возбуждения, большинство наших принцев, оказавшихся вовлечёнными в самую гущу революционных событий, поспешили сбежать из страны с единственной в тот момент целью — для сохранения своей личной безопасности. Вскоре к ним присоединились высокопоставленные персоны и ряд молодых дворян; первые — в силу своих связей с принцами, а последние — в силу своих политических убеждений и отчасти благородной лояльности и не знающей колебаний преданности. Когда собралось заметное количество сбежавшей из страны французской знати, сама по себе возникла мысль превратить в политическую цель то, что до этого было лишь следствием рвения и случая. Думалось, что, если, опираясь на эти группы эмигрантов, создать некую небольшую силу, то она будет в состоянии воздействовать с пользой на внутреннее положение Франции, стать там рычагом восстания, оказывать влияние на общественное мнение и сдерживать волнение народа. В то же время за границей подобная сила стала бы основанием или предлогом для обращения к иностранным державам с требованием проявить внимание к французским эмигрантам. Таково происхождение эмиграции. По секрету утверждалось, что эту великую идею придумал господин де Калонн*, когда он, на пути из Турина в Германию проезжая Швейцарию, был гостем одного из наших принцев.

Первое собрание эмигрантов было проведено в Вормсе под председательством принца де Конде. Наиболее известное собрание эмигрантов состоялось в Кобленце под председательством двух братьев короля, один из которых приехал из Италии, где он обрёл пристанище в королевском дворе короля Сардинии, его тестя. Другой брат короля приехал в Кобленц из Брюсселя, избежав критической ситуации, в результате которой Людовик XVI стал пленником в Варенне.

Я был одним из первых, кто собрался в Вормсе. Когда я приехал, окружение принца едва насчитывало пятьдесят человек. Я поспешил в Вормс с чистым сердцем и с наивной душой, весь объятый благородным порывом юности. Каждое утро моим чтением и моей

* Один человек, считающий себя хорошо информированным, заверял меня, что это утверждение ошибочно, так как господин де Калонн не был в Германии до того, как была решена проблема эмиграции; этот человек добавил, что господин де Калонн не только не автор этой идеи и не способствовал её распространению, но даже осуждал её.

молитвой была глава, посвящённая легендарному французскому герою-воину Баяру. По прибытии в Вормс я ожидал, что попаду в объятия множества моих братьев по оружию; но, к моему огромному удивлению (и это было моим первым уроком познания человеческого рода), вместо приветливого приёма меня и моего спутника с первых же минут стали тщательно изучать и следить за нами, чтобы убедиться, что мы не шпионы. У нас дотошно выпытывали, с какими целями мы прибыли, каковы наши убеждения и на что мы претендуем. Далее, были предприняты огромные усилия, чтобы убедить нас и принца (и этот план действий возобновлялся с каждым новым прибытием эмигрантов), что численность эмигрантов значительно возросла и, несомненно, уже превысила количество вакантных мест. Мой спутник был настолько шокирован оказанным нам приёмом, что предложил мне немедленно вернуться в Париж.

Мы, то есть те, кто стал участником собрания эмигрантов, чтобы показаться полезными и повысить значимость своих персон в глазах окружения принца, сформировали нечто вроде регулярной охраны особы принца, в составе четырёх человек, и шли на дежурство поочерёдно днём и ночью, ибо мы уже ни о чём не думали, кроме возможных заговоров против принца и даже убийства, настолько мы считали себя сильными и грозными. Когда нас освободили от этой добровольной охраны, нам оказали честь быть приглашёнными за стол принца. Украшением стола стали три поколения Конде, — весьма своеобразное обстоятельство, повторённое с ещё бóльшим

эффектом в армии Конде. Во время боя старший Конде, дед, сражался в центре, в то время как его сын и внук командовали правым и левым флангами армии. Они оба были ранены в одном сражении в один и тот же день.

Принцесса Монако последовала за принцем Конде. Впоследствии он женился на ней, она правила его владениями и обеспечила ему доброе имя.

За столом мы имели возможность слышать, как некоторые гости вновь и вновь доказывали принцу, что нас, эмигрантов, уже достаточно много для того, чтобы вступить во Францию, что для этого достаточно его имени и белого носового платка, что вновь предстоит засиять звезде Конде, что сейчас сложились исключительно благоприятные обстоятельства и что необходимо воспользоваться ими; и я не стал бы уверять, что, стараясь польстить принцу, я не предложил ему свои весьма интересные идеи.

Вормс, с точки зрения сути его собраний и характера лидера собравшихся там эмигрантов, всегда демонстрировал большую регулярность в проведении собраний и более строгую дисциплину, чем Кобленц, где наблюдались всеобщая возбуждённость, роскошь и погоня за удовольствиями. Соответственно, Вормс называли *лагерем*, а Кобленц — *городом* королевского двора. Значение лидера находилось в прямой зависимости от войска, которым он командовал, и принц Конде сознавал это; он никогда не видел, чтобы кто-нибудь покидал его без сожаления, и он помнил это долгое время. По этой причине я меньше всего стремился поехать в Кобленц, — решение, требовавшее в определённой степени благородства. В Кобленце у меня были родственники и друзья. Кроме того, Кобленц был местом более привлекательным, с точки зрения большего величия, большей активности и большего величия. В короткое время Кобленц оказался в центре иностранных и сугубо внутренних французских интриг. В Кобленце можно было чётко видеть две различные фракции: господина д'Авари, де Жокур и некоторые другие были друзьями, советниками и министрами графа Прованского, который стал теперь Людовиком XVIII; епископ Арасский, граф де Водрей и другие принадлежали к фракции графа д'Артуа. Даже тогда эти принцы достаточно явно проявляли те политические разногласия, которые, как утверждает, по-прежнему их характеризуют. Господин де Бретей, постоянно проживавший в Брюсселе и, в соответствии с его собственным заявлением, облечённый Людовиком XVI безграничными полномочиями, сформировал третью фракцию и тем самым ещё более запутал наши политические дела в Кобленце.

Господину де Калонну доверили ведение наших финансовых дел, а пожилой маршал де Брольи и маршал де Кастри возглавляли наше

военное ведомство. Отважный и талантливый господин де Буйе, покинувший Францию после события в Варенне, посчитал невозможным оставаться с нами и последовал за королём Густавом III в Швецию.

Эмиграция завоевала репутацию благодаря мерам, принятым для умножения своей численности. Представители эмиграции изъездили вдоль и поперёк провинции Франции, в дворянские поместья и замки направлялись письма, призывавшие присоединиться к принцам и действовать сообща с ними ради защиты алтаря и трона, мщения за их поруганную честь и возвращения их прав. Эффективно проповедовался крестовый поход. Среди всей знати и всех привилегированных классов не было ни одного человека, который не чувствовал бы себя задетым за живое декретами Конвента. Все, начиная от самого высокопоставленного аристократа и кончая беднейшим провинциальным помещиком, были лишены того, что являлось для них самым дорогим: первый потерял свой титул и своих вассалов, а второй видел, что его поместье с башенками и его голубятня насильственно захвачены, а его кролики пристрелены. Соответственно, возникшее движение за крестовый поход было немедленным и всеобщим; от него нельзя было отказаться под страхом позора, и женщин наставляли посылать веретено тем, кто колебался или проявлял медлительность. То ли из-за разгоревшихся страстей, то ли из-за малодушия, то ли из-за вопроса чести, но эмиграция стала настоящей заразной болезнью, — множество людей неистово устремились в другие страны; и что в немалой степени усиливало зло, так это те средства, которые использовали лидеры революции, чтобы тайно способствовать этому злу, при этом публично его порицая. Действительно, они с трибуны в туманных выражениях и с пафосом клеймили это зло, но одновременно тщательно заботились о том, чтобы все пути из страны были открыты.

Ослабло ли рвение эмигрантов покинуть страну? Хулители эмиграции ожесточились, и было решено более строго препятствовать бегству эмигрантов, и те, кто остался в стране, были в отчаянии, что так и не воспользовались благоприятным моментом. Но, случайно или по невнимательности, препятствия на пути эмигрантов были вновь устранены, и те, кто ещё оставался, уехали.

Разумные люди Конвента с самого начала осознали, что поощрение эмиграции избавит их от той части разнородного населения страны, которая препятствовала их успехам, а собственность всех этих добровольных эмигрантов обеспечит их несметными ресурсами. Офицеры полагали, что они совершают чудеса смелости, незаметно исчезая из своих полков, в то время как лидеры революции умышленно подстрекали солдат к мятежу, чтобы вынудить офицеров

к бегству. Прибегая к подобным средствам, лидеры революции избавлялись от опасных врагов и взамен получали ревностных сторонников в лице сержантов, ставших национальными героями: именно эти сержанты, превратившиеся в великих полководцев, разгромили отборные войска иностранных держав.

В результате Кобленц собрал всё то, что было блестящим достоинством королевского двора Франции, и всё то, что было пышным и изысканным в провинции. Нас были тысячи, представлявших все рода войск, все мундиры и звания. Кобленц был переполнен нами, и мы наводнили дворец курфюрста. Наши ежедневные сборища вокруг принцев казались чередой великолепных праздников. Двор курфюрста стал столь блестящим, а наши принцы были настолько его монархами, что бедный курфюрст оказался заслонённым и потерялся среди нас. Кое-кто однажды сказал курфюрсту очень дружеским тоном — то ли по простоте душевной, то ли шутки ради, — что среди всех тех, кто толпится в его дворце, он единственный чужак.

Во время больших торжеств мы иногда давали гала-представления для местного населения, и respectable жителям города разрешалось обозревать наши праздничные столы. В этих случаях нас охватывало ликование при виде восхищения, которое испытывали приглашённые местные жители, не отрывавшие взглядов от приятной и благородной внешности графа д'Артуа, и мы гордились тем уважением, которое они проявляли по отношению к знаниям и талантам Господина, нашего монарха. Особое зрелище представляло наше высокомерное шествие по городу: всем своим видом мы

демонстрировали достоинства аристократии Франции, великолепие нашей монархии и, прежде всего, превосходство нашего монарха над всеми европейскими монархами и величие наших принцев. *Его величество король* — таково было выражение, которое мы напыщенно использовали в кругах немецких знакомых, чтобы обозначить короля Франции; это был или должен был быть, по нашему мнению, его титул, указывавший на его превосходство в отношении всей Европы. Аббат Мори, которого мы сначала приняли с бурной радостью, но который потом быстро потерял наше уважение, пришёл к выводу, как он заверял нас, что подобное положение нашего монарха было его правом и его прерогативой. Должен ли я приводить другой пример чрезмерной гордости и высокомерного тщеславия?

Позднее, во время наших великих несчастий, когда наше дело было полностью провалено, один высокопоставленный австрийский офицер, направленный в Лондон с донесениями для королевского двора, пригласил на обед наших офицеров, с которыми он ранее познакомился на континенте. После обеда, то есть в то время, когда у всех участников развязываются языки, завязалась беседа на политические темы и случилось так, что австрийский офицер сказал, что, когда он покидал Вену, у всех на устах был разговор о брачном союзе французской принцессы (ныне герцогини д'Ангулемской) с эрцгерцогом Карлом, который в то время пользовался большой известностью. “Но это невозможно!” — воскликнул один из французских гостей. “И почему?” — “Потому что это неподходящий брак для французской принцессы!” — “Как?! — воскликнул австриец, оскорблённый до глубины души и почти потерявший дар речи. — Его Королевское Высочество эрцгерцог Карл недостойн того, чтобы жениться на вашей принцессе?!” — “Да, сударь, для неё это означало бы всего лишь гарнизонный брак!”

Помимо всего прочего, эти высокомерные претензии были привиты нам нашим воспитанием. Это были наши национальные чувства, и принцы не были свободны от них.

Густав III сказал в Э-ла-Шапель: “Ваш королевский двор в Версале был недоступным; он слишком увлекался высокомерием и высмеиванием других. Когда я находился там, на меня почти не обращали никакого внимания, и когда я уехал, то увёз с собой прозвища *болвана* и *олуха*”.

Герцогиня Камберлендская, супруга брата короля Англии, вынуждена была жаловаться в то же самое время и в том же городе, что принцесса де Ламбаль не оказала ей чести открыть для неё раздвижные двери.

Пожилой герцог Глостерский, в свою очередь, жаловался позднее в Лондоне на одного из наших принцев из королевской семьи

и добавил, что принц Уэльский хохотал от всего сердца, потому что, обратившись к тому же французскому принцу, он использовал титул монсеньора. Последний в ответ усердно пытался так построить свою речь, чтобы не возратить комплимент принцу Уэльскому.

Однако, когда обстоятельства изменились, наши принцы в Кобленце соизволили изменить свои манеры и снизили до уровня иностранных принцев. Тогда они были с курфюрстом Тревеса, принцем Саксонии, братом их матери, которого они в то время обедали, а впоследствии лишили его владений в свою пользу; они соизволили называть его своим *дядей*, а ему было позволено называть их *племянниками*. Утверждалось, что однажды он сказал им: “Именно вашим невзгодам я обязан этими нежными выражениями: в Версале вы бы обращались со мной как с простым аббатом, и я не уверен, что вы бы принимали меня каждый день”.

Принцы обычно проводили свои вечера в обществе близких друзей. Один из принцев, граф д’Артуа, большую часть времени находился в доме госпожи де Поластрон, которой он оказывал знаки внимания, оправданные её постоянством и её поведением. Предпринимались частые попытки, чтобы положить конец этой близости, но все они не имели успеха, поскольку госпожа де Поластрон была выше всех интриг, затевавшихся ради этой цели. Она, в дополнение к её приятным манерам и отличному поведению, была абсолютно бескорыстной и тщательно избегала любого вмешательства в политические дела. Она виделась только с весьма узким кругом избранного общества. Я весьма признателен одной женщине, входившей в этот круг, за удовольствие быть принятым в это общество; но, так как мне приходилось удаляться из дома госпожи де Поластрон до прихода принца, я никогда не имел чести встречать его там.

Граф Прованский проводил свои вечера в доме госпожи де Бальби, фрейлины его жены. Госпожа де Бальби, яркая и остроумная женщина, отличавшаяся верностью друзьям и непримиримостью к врагам, пользовалась искренним уважением всех самых известных личностей. Считалось честью быть принятым в её доме, центре вкуса и моды. Граф иногда засиживался у неё в доме до позднего часа, и когда большинство гостей удалялось и круг приглашённых резко сокращался, будущий Людовик XVIII становился весьма общительным. Следует признать, что он превосходил всех нас в умении вести содержательную беседу, так же, как своим титулом и чувством собственного достоинства.

Это всё, что касается нашего образа жизни и внешней стороны пребывания в Кобленце, — она была довольно сносной, но с политической точки зрения мы были менее счастливы: это была унижительная сторона нашей жизни».

«Хорошо! — заявил император. — Меня начинают утомлять ваши подробности гостинной аристократов. Однако что касается вас, это извинительно. Обсуждение этой темы приятно для вас, тогда вы были молоды. Но продолжайте».

«Сир, вся наша группа была всего лишь титулованной и блестящей толпой и являла собой образец полного беспорядка. Это была анархия, не прилагавшая особых усилий для того, чтобы установить порядок внутри самой себя, — настоящая демократия, стремившаяся к восстановлению собственной аристократии. Мы представляли собой в уменьшенном масштабе и всего лишь с небольшими различиями копию всего, что происходило во Франции. Среди нас были ревностные приверженцы старинных форм жизни и страстные поклонники новизны; у нас были конституционалисты, сторонники нетерпимости ко всему и приверженцы умеренных взглядов. У нас были эмпирики, которые искренне сожалели о том, что они не завладели особой короля, чтобы решительно действовать от его имени, и были те, кто честно признавался, что они вынашивали план объявить о его неспособности править страной. Наконец, у нас были свои якобинцы, которые хотели, вернувшись во Францию, убивать, сжигать и уничтожать.

Наши принцы руководили эмигрантами. А они являлись нашими монархами, но мы были весьма непослушными подданными и раздражались. Мы ворчали по каждому поводу и особенно нападали на тех эмигрантов, которые присоединились к нам последними. Мы заявляли, что они отбирают у нас славу, которую мы заслужили нашими подвигами. Каждого нового приехавшего эмигранта мы считали прибывшим слишком поздно и утверждали, что никаких заслуг поэтому у него нет. Если будет продолжаться поток эмигрантов, говорили мы, то вся Франция вскоре окажется на нашей стороне, и на родине никого не останется, кого можно будет обвинять.

С течением времени эмигрантов распределили по корпусам и по провинциям, расквартировали по казармам и снабдили оружием. Была создана охрана короля, которой выдали форму, экипировку и определили денежное содержание. Каждый офицер впредь становился всего лишь подлежащим муштре рядовым солдатом. Мы заслуживали лучшей судьбы, или, более правильно, мы были достойны лучшей участи. Офицеров, служивших в одних и тех же полках, сводили вместе в одно подразделение для того, чтобы они были готовы принять на себя командование над своими солдатами, которые, как мы считали, поспешат присоединиться к ним, как только их увидят. Таково было наше заблуждение! По этой же причине эмигранты из гражданских лиц были распределены по группам,

каждая из которых состояла из коренных жителей соответствующих провинций, в надежде на их эффективное влияние на массу населения. Наша слабость проистекала из убеждения, что нас продолжают ждать с нетерпением, что к нам по-прежнему относятся с уважением и с любовью.

У нас своим чередом назначались генералы, формировались штаты подразделений и организовывалось всё, что отличает штаб-квартиры, вплоть до службы начальника военной полиции. Наши принцы постепенно окружались всем тем, что составляет настоящее правительство. У них были министры для ведения текущих дел и даже для Франции, когда мы туда вернёмся, настолько явным и близким представлялось это время.

У нас также были установлены прямые отношения почти со всеми монаршими дворами Европы. Принцы имели послов при этих дворах и принимали в Кобленце их послов. Я полагаю, что граф д'Артуа посещал с визитом Вену, но я могу уверенно заявить, что он был в Пильнице. Эмигрантская знать в полном составе направила письмо Екатерине II, русской императрице, от которой мы получили

господина Румянцева в качестве её посла. Императрица с удовольствием наблюдала за поднимавшейся на юге Европы бурей; она охотно раздувала пламя, которое могло оказаться очень выгодным для её планов, не вводя её ни в какие расходы. Она проявила себя ревностным сторонником французских эмигрантов и с энтузиазмом не скупилась на обещания. В создавшемся кризисе она не теряла надежду одурачить Густава III, активность которого по соседству с её империей вызывала у неё беспокойство. Говорили, что она уговаривала его предпринять крестовый поход против французской

революции, обещая произвести его в генералиссимусы. Я не знаю, позволил ли этот монарх, который, конечно, был выдающейся личностью своего времени и обладал большим умом и способностями, русской императрице ввести его в заблуждение. Однако он проявлял искреннюю преданность нашему делу и заявлял о своём желании лично сражаться за него. Когда он покидал Э-ла-Шапель, я слышал, как он говорил, прощаясь с принцессой де Ламбаль: “Вскоре вы вновь увидите меня, но я, тем не менее, обязан в собственных интересах выполнить некоторые дела, придерживаясь определённых мер предосторожности, ибо та роль, которую мне предстоит играть, по своей сути весьма деликатна. Знайте, что я, который стремится вернуться, чтобы сражаться во Франции во главе ваших аристократов, в то же самое время дома являюсь первым демократом своей страны”.

Какие только иллюзии, праздные сплетни и вздорные слухи не питали наше нетерпение! Независимо от того, предвкушали ли те, кто их придумывал, наше разочарование, или они были сами ими обмануты. С удовольствием подсчитывалось, что, в соответствии с полученными нами письмами и газетами, на протяжении почти восемнадцати месяцев на помощь нашей эмиграции двинулись в общей сложности почти два миллиона солдат, хотя мы сами ни одного из них не видели. Но те, кто был посвящён в эту тайну, заверяли нас, в условиях строжайшей конфиденциальности, что эти войска передвигаются только ночью, чтобы с бóльшим эффектом застать врасплох демократов, или что они в дневное время продвигаются отдельными группами и не в военной форме... Одного эмигранта оповестили, что только что для его страны были отправлены пятьдесят тысяч богемских бокалов, другому сообщили, что десять тысяч предметов посуды из саксонского фарфора будут высланы в самое ближайшее время, а третий получил извещение, что ему будут адресованы двадцать пять тюков какао.

Как это было возможно, спрашиваю я себя сейчас, что умные люди, — ибо очевидно, что среди нас было немало таких, — министры, ранее правившие нами, и те, кому суждено стать их преемниками, могли быть одурачены такой нелепицей, а обычный здравый смысл, которым мы обладали в своём большинстве, не заставил нас смеяться, слыша подобный вздор? Но нет! Мы были убеждены, что недалёк тот день, когда исполнятся наши надежды, что этот день вот-вот наступит, что это неизбежно произойдёт, что мы должны только проявить себя, что нас с нетерпением ждут и что всё будет повергнуто к нашим ногам».

В этом месте моего рассказа император, часто смехом и шутками прерывавший меня, серьёзным тоном сказал: «Как правдива картина, которую вы нарисовали! Я узнаю в ней толпу ваших друзей.

Действительно, мой дорогой Лас-Каз, — и я говорю это, не имея в виду как-то оскорбить вас, — пустословие, непоследовательность, сама глупость, несмотря на их ум, стали их участью. Когда мне хотелось развлечься и отрешиться от всех дел, дать этим людям возможность полностью проявить себя и поощрить их доверие ко мне, я выслушивал от них в Тюильри во времена Консульства и Империи многие вещи, не менее нелепые, чем те, о которых вы сейчас рассказываете. Ни одна из них никогда не вызывала и тени сомнения. Любовь французов к своему королю, уверяли они меня, концентрировалась в моей особе, поэтому впредь я могу делать всё, что мне хочется: я никогда не встречу на своём пути каких-либо препятствий, за исключением горстки неисправимых личностей, которые вызывают у всех отвращение. Другой говорил мне, что контрреволюция, вызывавшая такой страх, была для меня всего лишь детской игрой: я справился с ней с необыкновенной лёгкостью. “Единственное, чего нам недостаёт, — сказал он мне вкрадчивым тоном, — так это замены старинным белым цветом тех цветов, которые нанесли нам столь много вреда во всех странах”. Болван! Это было единственное пятно, которое он мог найти в нашем гербе. Я смеялся от жалости, с трудом сдерживая свои чувства, но что касается его, то его искренность была несомненной, он был полностью убеждён, что говорит именно то, что у меня на уме, и более того — что большинство людей думает так же, как он*. Но продолжайте».

«Появление герцога Брауншвейгского в Кобленце и прибытие туда короля Пруссии во главе своих войск вызвали огромную радость и новые ожидания у всех французских эмигрантов. Мы восклицали: “Наконец небо для нас очистилось от туч!” И мы были готовы вернуться на землю обетованную. Однако с самого начала мнение опытных людей, обладавших здравым смыслом, было таково,

* Нашей натуре явно присуща слабость обманывать самих себя в отношении чувств, которые питают к нам другие люди. В Кобленце, где мы буквально сорили деньгами, так много приятных и блестящих молодых людей, которые, несомненно, должны были больше внушать страх от избытка, чем от недостатка воспитания, искренне верили, что их должны любить, и, соответственно, считали, что их обожают. Ну что ж! Во время моей ссылки на Мысе Доброй Надежды я находился, в силу удивительного случая, под стражей жителя Кобленца, который был свидетелем многих блестящих событий нашей эмиграции. Я с чувством большого удовольствия предавался с ним воспоминаниям о днях нашей эмиграции в Кобленце. У нас не могло быть никаких секретов друг от друга по этому поводу: прошло двадцать пять лет. «Знаете, тогда вас не то что страстно ненавидели, — сказал он, — но наша истинная любовь была зарезервирована для ваших противников, ибо их дело было нашим делом. Благодаря вам к нам проникла свобода. Там, среди вас, даже на ваших глазах, мы создавали клубы, и одному Богу известно, как часто мы смеялись в них над вами».

что в результате мы станем всего лишь орудием в руках иностранцев, не испытывавших к нам никаких чувств, и окажемся предлогом для достижения ими только собственных интересов. Что же касается нас, составлявших большинство эмиграции, то мы были далеки от того, чтобы предвидеть бедствия, подстерегавшие нас. Мы бодро начали наш поход. Не было ни одного из нас, кто бы не ожидал оказаться дома через две недели и торжествовать среди своих покорных и униженных вассалов.

Но как только мы приступили к боевым операциям, как только мы вступили на французскую землю, сразу же стало ясно, что мы — жертвы собственного безрассудства. Мы оказались в окружении пруссаков, которые сковывали наше движение, мы не могли сделать и шага без их разрешения, а они его никогда нам не давали.

Наше существование, все наши дела целиком зависели от их воли; мы испытывали стыд от того, что появились в качестве рабов на земле, которой собирались править. Что же касается наших соотечественников, то вместо того, чтобы принять нас как своих освободителей, они продемонстрировали нам доказательства своей неприязни и антипатии. За исключением немногих владельцев мелких поместий и других лиц, которые присоединились к нам, вся масса населения бежала при нашем приближении: на нас смотрели как на врагов, с чувством сурового осуждения во взгляде.

Я же воспользовался своей привилегией добровольца, чтобы покинуть ряды эмигрантского войска, и постарался сбежать как можно скорее, падая от усталости после долгих походов по грязи под

проливным дождём, сгибаясь под тяжестью мушкета и груза личного снаряжения. Я сделал это, как только подвернулся удобный случай; я не стал дожидаться обычного места для привала, нашёл убежище на ближайшей деревенской ферме и перешёл границу без каких-либо осложнений. Только некоторое время спустя я смог понять всю ту опасность, которой подвергался, когда прочитал в газетах, что от пятнадцати до восемнадцати эмигрантов, которые стояли рядом со мной в строю нашего войска, были схвачены, доставлены в Париж и там публично казнены.

Как только мы оказались вне пределов Франции, мы получили извещение о нашем расформировании, но это указание было ненужным, ибо данная мера оказалась абсолютно необязательной, учитывая, что мы лишились всего необходимого. Мы разошлись в разные стороны в полном отчаянии, ослеплённые гневом из-за наших товарищей. Мы, словно изгнанники, бродили по земле родной страны большую часть времени пешком, и некоторые из нас почти без одежды, мимо мест нашего прошлого великолепия и роскоши, испытывая счастье, когда перед нашими лицами не захлопывались двери и когда нас не прогоняли прочь грубой бранью! В какое-то мгновение нас отовсюду официально изгнали: нам было запрещено не только селиться во всех соседних странах, но даже появляться в них. Мы были вынуждены искать прибежище в отдалённых странах и выставлять напоказ всей Европе картину наших страданий, которые должны были стать большим нравственным и политическим уроком для народов, для великих людей и для монархов.

Подвиги французов требовали, тем не менее, от иностранцев мучительного искупления вины за унижение, которому они подвергали нас, в то время как с нашей стороны мы испытывали своего рода утешение в том, что честь эмиграции обрела приют в армии Конде, которую могла видеть европейская общественность и которая вписала своё имя на страницы истории как образец лояльности, доблести и верности.

В отношении большого количества людей наше роковое решение эмигрировать может рассматриваться только как заблуждение молодости и неопытности. Однако никто, кроме них самих, не обладает правом порицать их за допущенную ошибку. Чувства, которыми мы руководствовались, были чистыми, естественными и благородными; пожертвовав всё и ничего не ожидая, не имея состояния, так же как и надежд, мы проявляли истинно героическую преданность, поскольку наша единственная цель заключалась в том, чтобы выполнять священный долг. Наше поражение было результатом политического воспитания, которое не научило нас различать наши обязанности и заставляло посвящать принцам то, что принадлежало

стране в целом. Поэтому в будущем, когда угаснут враждебные страсти и исчезнут следы диссонирующих интересов и партийных увлечений, то, что было для нас сомнительным, станет положительным фактором, ясным для других; то, что было извинительным и даже позволительным для нас, находившихся между старомодным порядком вещей, который был на грани исчезновения, и новым порядком, который только-только начинался, будет считаться заслуживающим наказания с учётом набирающих силу новых доктрин.

Во-первых, что величайшим из всех преступлений является введение вооружённых сил иностранной державы в самое сердце страны. Второе, что верховная власть не может быть неустойчивой, — она неотделима от территории страны и должна оставаться вместе с массой граждан. Третье, что страну нельзя переместить на чужую землю за границей; она должна оставаться на священной земле, которая даровала нам жизнь и хранит прах наших предков. Таковы великие принципы, и, кроме них, существуют многие другие, которые останутся результатом нашей эмиграции. Таковы истины, познанные во время наших бедствий!»

«Замечательно! — воскликнул император. — Очень хорошо! Это то, что я называю “быть свободным от предрассудков”! Это настоящие философские взгляды! И о вас будет сказано, что вы смогли обратить в свою пользу уроки времени и превратностей судьбы».

«Сир, во время нашего пребывания на борту “Нортумберленда” англичане неоднократно упоминали эту деликатную тему. Введённые в заблуждение войной, которую они яростно вели против нас, а также принципами, которыми, в результате сиюминутных выгод, были заполнены их газеты, даже вопреки их национальным доктринам, англичане говорили о заслугах эмиграции и о её положительных качествах и порицали свою страну за то, что она не признавала нашу эмиграцию. И когда доводы с обеих сторон становились слишком запутанными, или когда мы хотели положить конец разгоравшемуся спору, мы прибегали к следующему убедительному возражению. Мы говорили им: “Вспомните период вашей революции. Представьте себе, что Яков II угрожал бы вам с противоположного берега пролива, находясь под французскими знамёнами; хотя вы были бы в окружении верных вам подданных, как бы вы поступили в этом случае? И если бы Людовик XIV во главе 50 000 французов привёл Якова II обратно в Лондон и разместил затем по вашей стране гарнизоны, то каковы были бы ваши чувства?” — “Ах!.. Но... Ах!..” — восклицали они, пытаясь обнаружить какую-либо разницу, но, будучи не в состоянии найти её, они смеялись и замолкали».

«И действительно, — сказал император, — не найдёшь, что ответить на это».

Затем со свойственными ему быстротой мышления и талантом он начал анализировать различные темы моего повествования, подчёркивая абсурдность, непостоянство, огромные ошибки наших эмигрантов и реальный ущерб, нанесённый ими Франции, королю и самим себе.

«Вы создали и освятили в политической Франции, — заявил он, — разобщение, подобное тому, которое католики и протестанты ввели в религиозной Европе; и к каким бедствиям это привело! Мне удалось ликвидировать его результаты, но разве сейчас оно не близко к тому, чтобы возродиться?»

Затем император рассказал о средствах, которые он использовал, чтобы уничтожить это бедствие, мерах предосторожности, которые он был вынужден принимать, и результатах, которые он имел в виду. «При этом, — говорил он, — своеобразие моей ситуации заключалось в том, что наряду со всеми этими делами я постоянно вёл государственный корабль среди скал. Обычно люди, делая выводы в соответствии с собственным критерием оценки существа дела, оперируют эмоциями, предвзятым мнением и мелочностью. Однако я делал выводы только вследствие глубоких убеждений, величественных концепций и самых возвышенных государственных принципов. Можно сказать, что я правил только пигмеями — по их интеллектуальным способностям. Меня никто не понимал. Сторона, представлявшая нацию, чувствовала только ревность и возмущение при виде того, что я делал в пользу эмигрантов, а последние, в свою очередь, были убеждены, что с их помощью я стремлюсь добиться блеска моего положения. Ничтожные существа!..

Тем не менее, я добился своей цели, и, несмотря на предубеждения, я с удовлетворением оставил всё спокойным в порту, когда отплыл в море, чтобы осуществить мои грандиозные замыслы».

После моего возвращения в Европу, когда я упомянул об этих высказываниях Наполеона высокопоставленному придворному императорского двора, который неоднократно имел честь беседовать наедине с ним (граф де Сегюр), он сообщил мне о своём разговоре с императором на эту же тему. Совпадение было настолько удивительным, что вынуждает меня вставить содержание этого разговора в это место дневника.

Император однажды спросил его: «Как вы думаете, для чего я попытался приблизить к себе представителей первых семейств прежней монархии?» — «Вероятно, сир, для придания блеска вашему трону, а также, чтобы предстать в определённом свете в глазах Европы». — «Ах! Это так похоже на вас, с вашим чувством гордости и с вашими предрассудками в отношении титулов! Так знайте же тогда, что мои победы и моя власть являются гораздо лучшей моей

рекомендацией в Европе, чем ваши великие имена, и что моя явная склонность к ним наносит мне немалый вред и делает весьма непопулярным здесь, во Франции. Вы отдаёте предпочтение ограниченным взглядам, которые исходят из самых распространённых убеждений. Я занят обновлением общества и нации, и в связи с этим различные общественные слои и прослойки, которые я вынужден использовать, находятся в состоянии вражды по отношению друг к другу. Аристократия и эмигранты являются всего лишь частичкой общества, и это общество враждебно к ним и продолжает испытывать озлобление в их адрес; оно едва ли прощает меня за то, что я призвал их. С моей стороны, я считал этот поступок своим долгом, но если я допущу, чтобы они оставались единым целым, то однажды они могут стать полезными для иностранных держав, оказаться вредными для нас и будут представлять собой огромную опасность. Следовательно, моя цель состоит в том, чтобы разрушить их союз и сделать их независимыми друг от друга. Если я определю некоторых из них на должность в моём окружении, в различных отраслях государственного управленческого аппарата и в отдельных армейских службах, то только с целью их объединения с обществом и для того, чтобы свести все классы в единое целое. Ибо я смертен, и если мне придётся покинуть вас до того, как состоится это объединение, то вы вскоре увидите, какие бедствия принесут стране эти разнородные части общества! Таким образом, сударь, мои убеждения полностью связаны с человечеством и с возвышенными политическими соображениями, а вовсе не с поверхностными и глупыми предрассудками».

Когда я обратил внимание моего собеседника, рассказавшего мне эту историю, на то, как мало мы знали об истинном характере Наполеона и о великих и превосходных качествах его души и сердца, он мне ответил, что ему лично в этом отношении повезло больше и он может привести доказательства. Например, такие. «Однажды император появился на заседании своего Совета в состоянии крайнего раздражения в отношении генерала Лафайета, которого он стал резко критиковать, заявив, что мнения и принципы генерала способны привести к полному развалу государства. Всё более распаляясь, император, в конце концов, довёл себя до настоящего приступа гнева. Я присутствовал на заседании в качестве члена Совета. Меня недавно приняли в состав Совета, и я был мало знаком с нравом императора. Хотя два члена Совета, сидевшие рядом со мной, попытались остановить меня, я отважился выступить в защиту обвиняемого, заявив, что его оклеветали перед императором и что он спокойно жил в своём поместье, придерживаясь убеждений, которые абсолютно никому никакого вреда не наносили. Император, всё ещё находившийся в состоянии крайнего гнева, возобновил свои

обвинения с ещё большей горячностью, но после пяти-шести слов он вдруг прервал свою обвинительную речь и, обратившись ко мне, сказал: «Но он ваш друг, месье, и вы правы. Я забыл об этом. Давайте поговорим о чём-нибудь другом»».

«А почему, — спросил я своего собеседника, — вы раньше не познакомили нас с этим случаем?» — «В силу фатальности, которая, казалось, была неотъемлема от окружавшей Наполеона среды и являлась результатом нашего предвзятого мнения. Мы считали, что о подобной истории можно рассказать только самому близкому другу, поскольку всё это было бы воспринято как неуклюжая выдумка придворного, который рассказывает не то, что он считает правдой, а то, что, по его мнению, будет более подходящим для получения почестей и наград».

Поскольку я упомянул этого высокопоставленного придворного, который известен изяществом своего ума и вежливостью манер не менее, чем своим благородным характером, то я приведу здесь один из его ответов Наполеону, замечательный по своей откровенной и деликатной лести. На одном из утренних приёмов Наполеон, вынужденный некоторое время ждать появления этого придворного, громко, в присутствии всех, сделал ему строгий выговор за опоздание, когда тот наконец пришёл. Этот утренний приём проводился как раз в то время, когда в Париже находились пять или шесть монархов (и среди них короли Баварии, Саксонии и Вюртемберга). «Сир, — ответил виновный, — я, несомненно, приношу миллион извинений Вашему Величеству, но в эти дни простому человеку не так-то легко пройти по улицам столицы. Только что я имел несчастье оказаться в *толпе королей*, из которой мне долго не удавалось выбраться. Такова, сир, причина моего опоздания». Все присутствовавшие улыбнулись, а император смягчившимся тоном сказал: «Какова бы, сударь, ни была причина, в будущем принимайте меры предосторожности и в любом случае никогда вновь не заставляйте меня ждать».

Сентиментальное путешествие Наполеона — Настроение общества того времени — События 10 августа

3 августа 1816 года

Погода несколько улучшилась, и император решил прогуляться в саду. Генерал Бингем и полковник 53-го пехотного полка попросили разрешения встретиться с императором, который довольно долго беседовал с ними. Появление губернатора заставило нас разойтись.

Генерал Бингем исчез, а мы отправились в лес, чтобы избежать встречи с губернатором.

Во время прогулки император много рассказывал о поездке, которую он совершил в Бургундию в начале революции. Эту поездку он назвал своим *сентиментальным путешествием* в Ньюи. Там он вместе с капитаном Гассенди, своим тогдашним товарищем по полку, ужинал в доме местного врача, на дочери которого выгодно женился Гассенди. Молодой путешественник вскоре обратил внимание на различие политических убеждений тестя и зятя: Гассенди, дворянин, был на стороне аристократов, а врач оказался пламенным патриотом. Последний нашёл в незнакомом госте союзника и настолько был от него в восхищении, что на следующий день, с рассветом, нанёс ему визит вежливости. Появление молодого артиллерийского офицера, обладавшего ясным, логическим мышлением и красноречием, было, по словам императора, ценным и редким приобретением для городка Ньюи. Молодой путешественник легко понял, что произвёл благоприятное впечатление на местную публику. Было воскресенье, и каждый встречный на улице галантно с ним раскланивался, снимая шляпу. Его триумф не оказался незамеченным. В результате его пригласили на ужин в дом некой госпожи Маре или Мюре, где обычно встречалась аристократия округа; хотя хозяйка дома была всего лишь женой виноторговца, она обладала большим состоянием и была довольно хорошо воспитана. Она была, как сказал император,

герцогиней городка. У неё можно было встретить всё окрестное дворянство. Молодой офицер Бонапарт, помимо его воли, оказался в настоящем осином гнезде, соотношение сил было явно неравным. В самый разгар спора объявили о прибытии мэра города.

«Я надеялся, что сами Небеса послали мне помощника в столь критический момент, — сказал император, — но он оказался самым худшим из всех моих оппонентов. Как сейчас вижу перед собой этого типа со зверской физиономией, тучного и оплывшего жиром, в просторном ярко-красном пиджаке. Меня благополучно вывела из затруднительного положения сама хозяйка дома, — вероятно, благодаря тайной симпатии к моим убеждениям. Она беспрестанно довольно остроумно отражала все удары, направленные в мою сторону, и с достоинством держала щит, который безуспешно пытались пробить вражеские стрелы. Она оберегала меня от возможной раны, и я всегда с удовольствием вспоминаю оказанную ею мне услугу в этой своего рода стычке.

Такое же разнообразие убеждений и мнений, — продолжал император, — тогда можно было встретить в любом уголке Франции. В гостиных, на улице, в тавернах все были готовы принять участие в жарком споре, и не было ничего более лёгкого, чем кому-либо составить ошибочную оценку влияния партий и мнений, в зависимости от местных условий, в которых он находился. Так, можно было легко ввести в заблуждение патриота, когда он вступал в спор в гостиной частного дома или в среде собравшихся вместе офицеров, где большинство спорщиков было решительным образом против него; но, когда он появлялся на улице или был среди солдат, то он будто оказывался в совершенно другой стране. Настроения дня обращали в новую веру самих офицеров, особенно после знаменитой клятвы на верность стране, закону и королю. До этого времени, если бы я получил приказ направить мою пушку против народа, то, несомненно, обычай, предрассудки, воспитание и имя короля вынудили бы меня подчиниться; но ранее данная мною клятва тогда бы перестала существовать, и я бы признал только страну. Мои естественные наклонности впредь стали бы гармонировать с моими обязанностями и успешно согласовывались бы со всей метафизикой народного собрания. Следует признать, что патриотически настроенные офицеры, тем не менее, составляли меньшинство; но вместе с солдатами, ставшими настоящим рычагом движения, они вели за собой полк и устанавливали свои законы. Наши товарищи, тоже офицеры, но придерживавшиеся противоположных нашим политических убеждений, всякий раз, когда возникала критическая ситуация, обращались к нам за помощью. Вспоминаю, например, как я спас от ярости толпы офицера, моего брата по оружию, преступление которого состояло

в том, что он, высунувшись из окна нашей офицерской столовой, напевал слова знаменитой сатирической песенки *О, Ричард! О, мой король!* Тогда я и подумать не мог, что эта песенка однажды будет снова запрещена уже из-за меня. Равным образом, когда 10 августа я был свидетелем того, как брали штурмом дворец Тюильри и схватили короля, мои мысли, конечно, были весьма далеки от того, что однажды я заменю особу короля и что этот дворец станет местом моей резиденции».

Подробно остановившись на событиях 10 августа, император сказал: «В это ужасное время я был в Париже, жил на улице Майл, около площади Побед. Услыхав звук набатного колокола и узнав о штурме Тюильри, я побежал на площадь Карусели к дому владельца магазина обоев Фовеле, — это был брат Бурьена, моего товарища по учёбе в Бриенской военной школе. Именно из этого дома, который, между прочим, я впоследствии никогда не мог отыскать из-за больших перестроек, я хорошо видел все обстоятельства штурма Тюильри. До того, как я добрался до площади Карусели, мне повстречалась группа отвратительно выглядевших людей, которые несли человеческую голову, нанизанную на пик. Увидев меня, прилично одетого и с внешностью дворянина, они заставили меня кричать: “Да здравствует нация!” — что, как можно легко догадаться, я, не задумываясь, и сделал. На дворец напала самая подлая чернь.

Король, несомненно, для своей защиты имел столько же войск, сколько потом имел Конвент 13-го вандемьера, и враги последнего были намного более дисциплинированными и более внушительными.

Бóльшая часть национальной гвардии была настроена в пользу короля; за это им следует воздать должное».

В этом месте рассказа императора гофмаршал Бертран заметил, что он был в составе одного из батальонов, который проявил самую решительную преданность королю. Бертран несколько раз подвергался смертельной опасности быть растерзанным толпой, когда в одиночку возвращался домой. Со своей стороны, мы отметили, что в целом национальная гвардия Парижа постоянно проявляла достоинства, присущие её классу: любовь к порядку, преданность власти, неприязнь к грабежу и отвращение к анархии. Таким же было и мнение императора.

«Дворец Тюильри был захвачен силой, и король нашёл приют в Национальном собрании, — продолжал император. — Я решился проникнуть в сад дворца. Никогда после, ни на одном поле сражений, я не видел столько мёртвых тел, как те груды убитых наёмных швейцарских солдат; то ли место было слишком небольшим и, казалось, увеличивало количество погибших, то ли моё восприятие увиденного было результатом первого впечатления от знакомства с обстоятельством подобного рода. Я видел, как хорошо одетые женщины позволяли себе совершать чрезвычайно вульгарные непристойности над телами убитых швейцарцев. Я обошёл все кафе по соседству с Национальным собранием; повсюду гнев их посетителей достигал предела: ярость кипела в каждом сердце и отпечатывалась на каждом лице, хотя люди, столь воспламенённые, вовсе не принадлежали к низшим слоям населения. Все эти общественные места, должно быть, ежедневно посещались одними и теми же людьми, и хотя моя одежда ничем особенным не отличалась, но, вероятно, потому, что моё лицо выражало большее спокойствие, чем лица остальных завсегдатаев, я понимал, что привлекаю враждебные и недоверчивые взгляды как человек, которого не знают и в чём-то подозревают».

**Маскарады — Пьемонт и пьемонтцы —
Каналы Франции — Планы относительно Парижа —
Версаль — Фонтенбло**

4 августа 1816 года

Погода значительно улучшилась. Император заказал карету и прошёл пешком значительную часть пути, прежде чем сесть в неё.

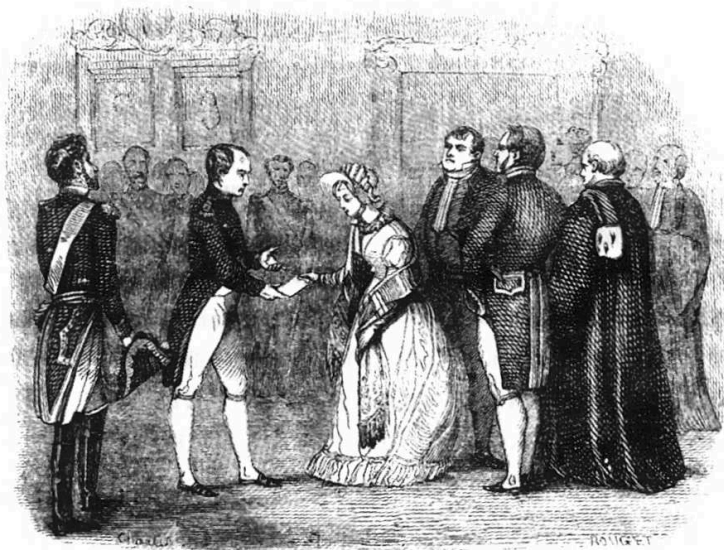
Темой разговора были маскарады, которые император особенно любил и часто приказывал устраивать. Он всегда был уверен, что во

время маскарада у него состоится некое свидание, и оно действительно происходило. На каждом маскараде с ним, как он рассказал, постоянно заговаривала одна и та же маска, владелица которой напоминала ему о старых тесных связях и горячо умоляла принять её и представить к императорскому двору. Владелица маски была приятной, доброй и красивой женщиной, и император всегда отвечал: «Я не отрицаю, вы очаровательны, но немного подумайте о вашей ситуации, будьте собственной судьёй и примите решение. У вас два или три мужа и дети от нескольких любовников. В первом проступке можно было бы увидеть неразделённое счастье, второй проступок вызвал бы боль, но всё же мог бы быть оправдан, но бесконечное продолжение!.. Вообразите себя императором и судите сами, что бы вы делали на моём месте. Я, который обязан возрождать и поддерживать определённый этикет!..» Прекрасная просительница или не отвечала, или говорила: «По крайней мере, не лишайте меня надежды», — и откладывала свои притязания на счастье до следующего года. «И тогда всё повторялось», — улыбнулся император.

Императору нравилось, когда на этих маскарадах его не узнавали, и ему приходилось выслушивать грубости и оскорбления в свой адрес. Он от всего сердца смеялся, когда однажды в доме Камбасереса некая госпожа сказала ему, что на маскараде были люди, которых следовало немедленно выдворить из дворца, и что они явно попали на маскарад с помощью украденных билетов.

В другой раз император довёл до гнева чувствительную и застенчивую госпожу де Мегриньи и вынудил её встать и покинуть маскарад. Её глаза были полны слёз, и она пожаловалась, что свобода, допускаемая на маскараде, в её случае стала объектом вопиющего злоупотребления. Дело в том, что император только что напомнил ей о весьма значительной помощи, которую он соблаговолил оказать ей, и добавил, что, по всеобщему предположению, за это она оплатила императору правом первой ночи феодала. «Но никто, кроме меня, — заявил император, — не мог бы сказать это, не оскорбив её, поскольку, хотя об этом ходили слухи, я знал, что они лживы». Факты этой истории таковы.

Когда император ехал в Милан на свою коронацию, он по пути остановился на ночь в Труа. Ему были представлены местные власти; вместе с ними была молодая девушка, собиравшаяся выходить замуж, — она передала императору петицию с просьбой о покровительстве и помощи. Поскольку император, помимо всего прочего, хотел сделать нечто такое, что могло бы произвести на страну благоприятное впечатление, данное обстоятельство показалось ему весьма кстати, и он воспользовался им весьма изящно и с большим тактом. Молодая девушка (госпожа де Мегриньи) принадлежала к одной из

самых знатных семей в этой провинции, но семья была полностью разорена в результате эмиграции. Едва девушка после встречи с императором вернулась в жалкое жилище своих родителей, как появился паж с декретом императора в руках: её семье было пожаловано поместье в 30 000 франков годового дохода. Легко представить себе произведённый эффект от такого поступка. Однако, поскольку девушка была весьма очаровательна и отличалась совершенством женской красоты, возникло всеобщее мнение, что её женские чары сыграли немалую роль в галантном поведении императора, хотя он покинул город всего лишь несколько часов спустя и сразу же забыл обо всей этой истории. Но всеобщее мнение по поводу случившегося не изменилось ни на йоту. Хорошо известно, как формируются слухи; и так как госпожа де Мегриньи потом вышла замуж за придворного Тюильри, имевшего должность императорского конюшего, и, соответственно, была принята при императорском дворе, то всё это было до такой степени сведено вместе, что, когда её впоследствии назначили второй гувернанткой Римского короля, строгая госпожа де Монтескью была просто в шоке, подозревая, как сказал император, что это назначение — результат заранее продуманного плана.

Император сказал, что в Турине, в лице госпожи де Ласкарис, он вновь проявил, как и в Труа, аналогичную галантную щедрость и что в обоих случаях у него имелись все основания быть довольным результатами своего великодушия. Обе семьи не раз доказывали императору свою преданность и признательность.

Мы поинтересовались у императора, какие чувства испытывал к нему Пьемонт. По словам императора, у него было особенное чувство любви к этой провинции. Господин де Сен-Марсан, в верности которого он никогда не сомневался, заверял его в период наших неудач, что Пьемонт доказал, что являлся его лучшей провинцией.

«И действительно, — продолжал император, — жители Пьемонта не хотят, чтобы их провинцию считали маленьким государством. Их король был настоящим феодальным владыкой, у которого необходимо было искать расположения или которого следовало бояться. У него было больше силы и власти, чем у меня, императора Франции, который оставался только верховным судьёй, обязанным следить за исполнением законов и неспособным лично отправлять правосудие. Обладал ли я достаточной властью для того, чтобы помешать аресту придворного за долги? Мог ли я приостановить исполнение законов, вне зависимости от того, на кого они распространялись?»

Во время разговора за обедом император спросил, подсчитывалось ли количество воды в тех реках, которые впадают в Средиземное и Чёрное моря. Он выразил желание, чтобы было подсчитано количество пресной воды в Европе и установлено количественное соотношение пресной воды, поставляемой каждой долиной и каждым речным потоком. Он очень сожалел, что в своё время не предложил изучить эти вопросы. Подобные исследования, отметил император, являлись частью его системного подхода к развитию науки. Как только какая-нибудь полезная, любопытная или интересная мысль приходила ему в голову, он предлагал, во время своих утренних приёмов или во время общения в узком кругу, аналогичные вопросы членам Института. Их решение становилось объектом общественного внимания: оно анализировалось, о нём спорили, его принимали или отвергали. Это был сильный рычаг для развития науки великой страны, обладающей огромным интеллектуальным потенциалом и большими знаниями, сказал император.

По его словам, география никогда так успешно не развивалась, как в настоящее время, и этому в определённой степени способствовали его экспедиции.

Затем император привлёк наше внимание к проблеме каналов, которые он велел прорывать на территории Франции; в особенности он напомнил о канале из Страсбурга в Лион, в строительстве которого, как надеялся император, был достигнут значительный прогресс, побуждающий других всё-таки завершить его. Он полагал, что из тридцати миллионов франков, предусмотренных на строительство канала, уже должны были израсходовать двадцать четыре миллиона.

«Внутри страны уже установлена коммуникационная связь от Бордо к Лиону и Парижу. В соответствии с моими указаниями завершено строительство большого количества каналов, и я планировал проложить ещё много других». Один из нас напомнил, что императору представили предложение о строительстве очень полезного канала, но что были приняты меры, чтобы ввести его в заблуждение

и помешать ему принять это предложение. «Несомненно, — заявил император, — план строительства был привлекательным, но только на бумаге. Я предполагаю, что авторам просто хотелось получить ссуду». — «Нет, сир, отказ был результатом интриги. Ваше Величество обманули». — «Это невозможно! Вы говорите, не обладая информацией в полном объёме». — «Но я уверен в этом. Я был знаком с планом, со сметой строительства и с людьми, готовыми субсидировать проект. Цель проекта заключалась в том, чтобы соединить реки Мёз и Марну. Длина канала должна была быть менее семи лье». — «Но вы не всё нам говорите: вероятно, требовалось, чтобы я дал разрешение на вырубку больших участков национальных лесов вблизи указанных рек, а на это я бы не согласился». — «Нет, сир, весь проект был результатом интриги в вашем управлении мостов и дорог». — «Но даже тогда они должны были привести какие-то причины, какую-то видимость общественного интереса. Какие причины они представили?»

«Сир, они утверждали, что доходы будут весьма значительными». — «Но в этом случае проект следовало представить мне лично на рассмотрение. Я повторяю, что ваше заявление не подтверждается фактами. Вы сейчас говорите с человеком о проблеме, которая постоянно занимала его внимание. Управление мостов и дорог всегда было радо, когда его задействовали. И не было случая, чтобы предложение сотрудника управления построить мост отклонялось. Если такой сотрудник просил рассрочку платежа на двадцать пять лет, то я был готов дать её ему на тридцать лет. Если строительство моста ничего мне не стоило, то мне было всё равно, будет ли этот мост полезен. Я обогащал Францию, когда знал, что осуществляемый проект принесёт выгоду. Вместо того, чтобы отвергать предложения о строительстве каналов, я охотно содействовал этому. Но, мой дорогой, нет двух более разных вещей, чем разговор в гостиной и обсуждение проблемы в административном совете. Проектировщик всегда прав в гостиной, его проекты могут быть замечательными и непогрешимыми, если он сумеет интересно рассказать о них. Но соедините его страдания от полученного отказа принять его проект с несколькими бутылками вина и с интригой, осуществлённой его женой или любовницей, как всей идее наступит конец, и это будет как раз то, что вы, вероятно, слышали. Но административный совет не функционирует подобным образом, он принимает решение, основываясь только на фактах и на точных расчётах. Так какой же канал вы упоминали? Я не могу не знать его».

«Сир, от реки Мёз до Марны, расстояние всего лишь в семь лье». — «Отлично! Вы имеете в виду канал от реки Мёз до реки Эна, там расстояние меньше семи лье, сейчас я вспоминаю этот

проект. Однако с ним была связана одна небольшая трудность: сомнение, что этот проект оправдает себя на практике. В подобных случаях врачи, последователи Гиппократы — говорят *да*, а Гален говорит *нет*. Тарбе утверждал, что строить канал в этом месте нельзя, и настаивал, что в том месте, где предполагалось начать рыть канал, воды для него будет недостаточно. Я уверен, что вы разговаривали именно с ним. Как раз он более других внимателен к рассмотрению этих проблем, особенно вблизи Парижа. Все мои думы были постоянно посвящены тому, чтобы сделать Париж настоящей столицей Европы. Например, мне иногда хотелось, чтобы Париж стал городом с населением в два, три или четыре миллиона человек, то есть сделался поразительным, огромным и беспримерным для наших дней городом, причём с общественными заведениями, удобными для городского населения».

Один из нас сказал, что если бы Провидение даровало императору возможность править страной шестьдесят лет, как оно поступило с Людовиком XIV, то он бы оставил после себя множество величественных памятников.

«Если бы Провидение даровало мне шестьдесят лет и ещё немного времени для отдыха, — оживлённо заметил император, — то тогда напрасно искали бы старый Париж: от него не осталось бы и следа. Я бы изменил лицо Франции. Архимед обещал перевернуть весь мир, если ему дадут точку опоры. Я бы сотворил не меньше его, если бы повсюду мог найти точку опоры для моей энергии, настойчивости и для бюджета. Я бы показал разницу между конституционным императором и королём Франции. У королей Франции никогда не было административных и муниципальных учреждений. Они были всего лишь владыками, которых погубили те люди из их окружения, которым они доверили управление государством.

Французская нация по своему характеру и по своим наклонностям отличается любовью к преходящему и брэнному. Всё делается ради удовлетворения сиюминутного желания и каприза, но ничего для вечности. Это наш девиз, и он подтверждается нашими нравами. Каждый из нас проводит жизнь в мелочных заботах или в праздности, после нас никогда ничего не остаётся. К лицу ли нам, что Париж не может даже получить французский театр или здание для оперного театра, во всех отношениях достойные его высоких притязаний?

Я часто выступал против празднеств, которые город Париж хотел устраивать в мою честь. Эти празднества, состоявшие в устройстве пышных обедов, балов, фейерверков, обходились каждый в четыреста, шестьсот и восемьсот тысяч франков. Их подготовка отвлекала общественность города от полезных дел на несколько дней, а потом устранение их последствий стоило столько же, сколько и их

подготовка и проведение. Я доказывал, что вместо того, чтобы попусту тратить эти деньги, можно воздвигнуть долговечные и величественные памятники архитектуры.

Следовало пройти столько же испытаний, сколько их выпало мне, чтобы понять всю трудность свершения добра. Если дело касалось устройства дымохода для камина, установки перегородки в апартаментах и расстановки мебели для какого-нибудь придворного в императорских дворцах, то работа делалась быстро; но если было необходимо расширить сад Тюильри, сделать какие-то кварталы в городе красивыми и цветущими, прочистить трубы для стока нечистот и выполнить полезную работу для населения города, то для этого мне требовалось призывать на помощь всю энергию моего характера и писать шесть, десять писем в день, и в итоге доводить себя до белого каления. Именно таким образом я потратил до тридцати миллионов франков, чтобы проложить сточные трубы, за что никто никогда не поблагодарил меня. Я снёс дома стоимостью в семнадцать миллионов франков перед дворцом Тюильри, чтобы создать площадь Карусель и представить вид Лувра во всём его блеске. То, что я сделал, было огромно, то, что я планировал сделать, было ещё более грандиозным».

Один из нас высказал мнение, что труды императора не ограничивались только Парижем и Францией, — почти в каждом городе Италии остались следы его творческой энергии. Где бы ни оказался путешественник, будь то у подножья или на вершине Альп, на побережье Голландии или на берегах Рейна, — всюду можно было увидеть творения Наполеона, всегда там незримо присутствовал Наполеон.

На это император заявил, что у него было намерение осушить Понтийские болота. «Цезарь собирался сделать это, — сказал он, — но ему помешала смерть». Затем, возобновив разговор о Франции, он сказал: «У королей было слишком много загородных дворцов и бесполезных построек. Любой беспристрастный историк будет прав, обвинив Людовика XIV в чрезмерных и пустых тратах на благоустройство Версаля, и это при том, что его страна была обременена войнами, налогами и пребывала в бедственном состоянии. Он изнурял себя ради того, чтобы, в конце концов, создать неполноценный город».

Затем император стал анализировать преимущества управленческой системы в регулировании жизнедеятельности города, то есть системы, рассчитанной на объединение различных отраслей администрации города, работа которых казалась ему сомнительной.

Император не скрывал своего мнения, что не всегда столица была подходящей резиденцией для монарха, но, с другой точки зрения, Версаль не был пригоден для сильного мира сего, для министров и для придворных. Поэтому Людовик XIV совершил ошибку,

когда решил построить Версаль только в качестве резиденции королей, хотя Сен-Жермен во всех отношениях подходил для этой цели; казалось, что сама природа создала Сен-Жермен специально для устройства резиденции королей Франции. Наполеон сам совершал ошибки в этом отношении. Как он сказал, неправильно хвалить его за всё то, что он сделал. Например, ему следовало отказаться от Компьена, и он сожалел, что отпраздновал свой брачный союз там, вместо того чтобы выбрать для этого Фонтенбло. «Это место, — сказал он, имея в виду Фонтенбло, — является настоящим жилищем для королей, их домом на века; он, строго говоря, не является дворцом, но, несомненно, построен с расчётом и в высшей степени удобен. Вне всяких сомнений, он очень просторен и удачно расположен».

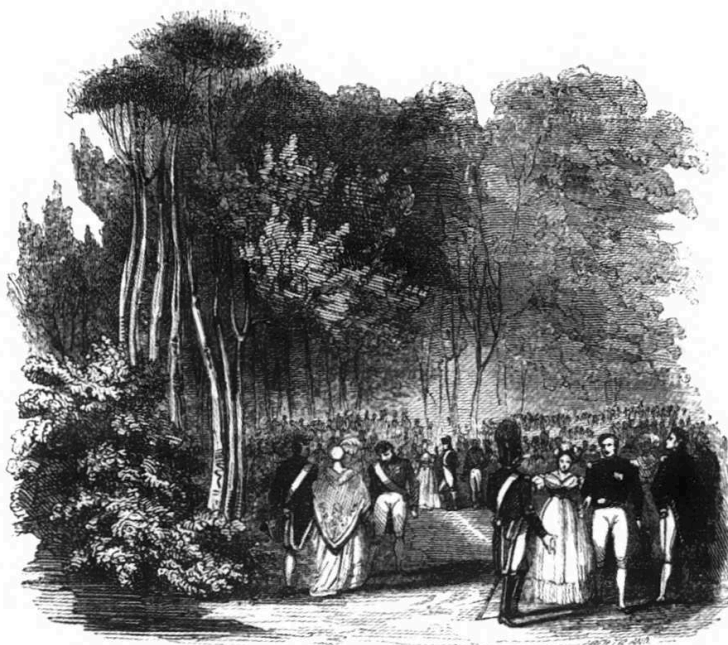
Затем император вспомнил о столицах, которые он посетил, и о дворцах, которые он видел, и высказался решительным образом в нашу пользу. Фонтенбло, далее добавил он, также занимал наиболее удобное, со стратегической точки зрения, положение. Император порицал себя за потраченные суммы денег на Версаль, но всё же, сказал он, это было необходимо, чтобы он не превратился в развалины. Во время революции рассматривался вопрос об упразднении значительной части дворца: предлагалось убрать центр дворца и, таким образом, отделить друг от друга два его крыла. «Это оказало бы мне неоценимую услугу, — заявил император, — ибо ничто не было столь дорогостоящим и столь бесполезным, как это множество дворцов. И если, тем не менее, я планировал строительство ещё одного, а именно — для Римского короля, — то только потому, что имел виды на этот дворец для самого себя. Кроме того, я никогда не думал идти в его строительстве далее закладки фундамента. Именно на этом я и должен был остановиться*.

Мои ошибки в расходах подобного рода не могли быть, в конце концов, очень большими. Благодаря принятым мною бюджетам, эти расходы подлежали проверкам, их, в случае необходимости, ежегодно корректировали, они никогда не превышали небольшой части затрат, случавшихся из-за допущенной вначале ошибки».

* Весь мир знает, или ему следует знать (из-за стечения роковых обстоятельств, в целом присущих Наполеону, большая часть его самых похвальных деяний была в своё время утаена под тяжестью недоброжелательности и клеветы), историю жалкой хижины, находившейся в пределах строительства дворца Римского короля. Владелец хижины последовательно требовал за неё в десять, в двадцать, в пятьдесят и в сто раз больше её истинной цены. Когда он наконец остановился, император, который до этого шёл ему навстречу, неожиданно приказал прекратить торговлю с владельцем хижины, воскликнув, что этот жалкий хлев среди великолепия дворца Римского короля будет, в конце концов, виноградником Набота — убедительным свидетельством его справедливости и благородной награды его правления. (Набот — библейский персонаж, владевший виноградником на территории Израиля в IX веке до нашей эры. Ахав, царь Израиля, по требованию своей жены Иезавели убил Набота, чтобы завладеть виноградником.)

Император уверял, что ему пришлось испытать всевозможные трудности, чтобы сделать систему бюджетов понятной и провести её в жизнь. «Всякий раз, — сказал он, — когда предлагался проект, реализация которого обошлась бы в сумму до тридцати миллионов и который удовлетворял меня, я отвечал: “Согласен, но этот проект должен быть исполнен в течение двадцати лет, то есть каждый год на его выполнение будет выделяться полтора миллиона франков”. Но, добавлял я, что же я буду получать в течение этих лет? Ибо, хотя мои расходы делятся на части, я был полон решимости ежегодно иметь желаемый результат и выполненную работу, в известной мере полную и законченную. Не имело значения, что именно, но что-нибудь законченное. Архитекторы, казалось, делали вид, что не понимают моего требования: оно ограничивало их грандиозные планы. Они бы с удовольствием сразу же возвели весь фасад здания, который в течение долгого времени оставался бы бесполезным и, таким образом, ввёл бы меня в огромные расходы.

Именно в таких условиях, которые были странными и для меня самого, и несмотря на столь огромное количество политических и военных препятствий, мне удалось осуществить так много важных дел! Я приобрёл мебель для императорских дворцов на сумму в сорок миллионов франков и серебряную посуду, стоившую почти четыре миллиона. Какие только дворцы мне не приходилось восстанавливать! Вероятно, я восстановил слишком много дворцов. Благодаря моему методу их реставрации я смог превратить Фонтенбло в жилое помещение в течение всего одного года с начала ремонтных работ, и они мне обошлись не более чем в 600 000 франков. Если бы я увеличил расходы на его реставрацию до шести миллионов,

то ремонт растянулся бы на шесть лет. Ремонт всегда стоит намного больше с течением времени. Моя главная цель заключалась в том, чтобы не увеличивать расходы, а уменьшать их, но чтобы результаты работы были долговечными.

Во время моих посещений Фонтенбло туда приглашались от 1200 до 1500 персон, и они там размещались со всеми удобствами; в обеденном зале можно было одновременно обслуживать 3000 гостей, и мне это стоило очень мало благодаря превосходному порядку, установленному Дюроком. Более двадцати пяти принцев, или высокопоставленных лиц, или министров имели возможность быть одновременно гостями Фонтенбло вместе со всем своим обслуживающим персоналом.

Мне не нравилось здание Версаля, но в моих планах относительно Парижа — а они были гигантскими, — я думал о том, чтобы сделать здание Версаля полезным и сам Версаль превратить со временем в предместье великой столицы, своего рода её украшение; и с целью эффективного осуществления моей идеи я сделал наброски. Я был намерен избавить все красивые парки и сады Версаля от этих скульптур нимф — продуктов отвратительного вкуса — и всех этих украшений в стиле *Тюркаре* и заменить их панорамами кирпичной кладки, изображавшими все столицы, в которые мы вступили победителями, и все знаменитые сражения, которые прославили наше оружие. Это было бы собрание памятников наших побед и нашей национальной славы, расположенное у самых ворот столицы Европы, его бы обязательно посещали для осмотра люди со всего мира».

В этот момент император неожиданно замолчал и стал читать комедию «Рассеянный», но почти тут же отложил книгу в сторону, то ли взволновавшись от собственных дум, то ли в результате нервного кашля, который на короткое время часто возникал у него после обеда. Он явно стал чувствовать себя значительно хуже, его состояние здоровья вызывает всё бóльшую тревогу.

План создания «Истории Европы» — Селим III — Войска турецкого султана — Мамелюки — О регентстве

5 августа 1816 года

Император не выходил из своих апартаментов до пяти часов вечера. Его мучили боли, и, чтобы уменьшить их, он принял ванну, которую долго не покидал ещё и потому, что приехал Хадсон Лоу, и император не хотел покидать ванну до его отъезда из Лонгвуда.

Император, пока находился в ванне, читал «Историю Оттоманской империи» в двух томах. У него была идея многотомного издания, посвящённого истории всех стран Европы начиная со времени Людовика XIV и подготовленного на основании дипломатических материалов, принадлежащих нашему министерству иностранных дел, где хранятся регулярные официальные отчёты всех послов. Он сожалел, что в своё время не смог осуществить эту идею.

«Моё правление, — заявил император, — было бы идеальным временем для этой цели. Превосходство Франции над всеми другими окружающими её странами, её независимость и её полное обновление дали бы возможность правительству опубликовать подобный сборник без каких-либо помех. Это было бы подобно публикации книги по истории Древнего мира, и ничто не могло бы быть более полезным».

Затем император перевёл разговор на султана Селима III, которому, как он сказал, он однажды написал: «Султан, выйди из сераля, возглавь войска и возобнови славные дни своей монархии».

«Селим, этот турецкий Людовик XVI, — сказал император, — был нам очень предан и относился к нам хорошо, но в своём ответном послании он сообщил лишь то, что полученный им совет хорош только для принцев его династии, что нравы с того времени очень изменились и что в настоящее время предложенное ему поведение было бы несвоевременным и совершенно бесполезным. Тем не менее, никто не знал, как с уверенностью определить тот возможный взрыв активности, которую мог бы проявить султан, способный встать во главе своего народа, вдохнуть в него новый духовный порыв и вызвать у него невероятный подъём фанатизма».

Что касается императора, то, если бы он смог объединить мамелюков с французами, он бы считал себя хозяином мира. «С моим отборным войском и с этим сбродом мамелюков, — добавил император, улыбнувшись, — быстро набранных и увеличенных в числе в момент необходимости, я не знаю ничего, что могло бы противостоять мне. Алжир страшился этого».

«Если султану, — однажды сказал губернатор Алжира французскому консулу, — однажды придёт в голову идея нанести нам визит, то разве мы сможем надеяться, что наша страна останется в безопасности? Ведь он разгромил мамелюков...» Мамелюки, по словам императора, были предметом благоговения и страха на всём Востоке; до нашего времени они считались непобедимыми.

Император, ожидая в нашем обществе обеда, раскрыл книгу, которая лежала рядом с ним на диване. Это было «Регентство». Он заклеил его как один из самых отвратительных периодов в нашей истории; императора раздражало, что этот период описан в книге с необычайной легкомысленностью и лишён необходимой

исторической точности. Основное внимание в книге уделено описанию светской жизни, вместо того чтобы представить этот период с помощью скрупулёзной справедливости. Как заявил император, регентство на самом деле было правлением развращённого сердца, распущенного разума и грубой безнравственности. Да, заявил император, он верит всем тем ужасам и мерзостям, которыми регента (герцога Орлеанского) попрекали в кругу его же собственной семьи; в то же время он ставит под сомнение те истории, которые распространялись о Людовике XV, который хотя и предавался глупейшему и самому безобразному разгулу, однако не особенно потворствовал ему. Император считал период регентства периодом гибели всех видов собственности и уничтожения общественной морали. Не осталось ничего святого ни в нравах, ни в принципах. Сам регент был покрыт позором. В отношении законных принцев он проявил самую презренную низость и совершил огромное злоупотребление властью. Только король мог санкционировать подобные действия, и он, регент, получал удовольствие, позоря себя в лице своей супруги, внебрачной дочери Людовика XIV, на которой он женился, когда этот король ещё был на троне.

6 августа 1816 года

Мы хотели обновить шатёр, который только что был возведён, и в нём накрыли стол. Мы пригласили английских офицеров, руководивших работой по возведению шатра, позавтракать вместе с нами.

Император послал за мной в свои апартаменты; он переоделся, и мы некоторое время прогуливались в глубине леса, обсудив ряд важных вопросов. Когда мы вернулись, император посетил шатёр и выразил английским офицерам и матросам, занимавшимся его возведением, удовлетворение их работой.

Военные кампании в Италии — 1815 год — Густав III, Бернадотт и Павел I

7 августа 1816 года

После завтрака в шатре император захотел вновь посмотреть некоторые главы «Военных кампаний в Италии»; он послал за моим сыном, чья нога наконец стала сгибаться, и зрение намного улучшилось. Император закончил главы, посвящённые Павии. Затем он проследовал вглубь леса, приказав, чтобы за ним ехала карета. Прогуливаясь в лесу, император сказал, что он считает работу над военными кампаниями в Италии и в Египте завершённой и готовой для опубликования. Император отметил, что эта работа, несомненно, будет прекрасным подарком для французов и итальянцев: это история их славы и их прав. Тем не менее он считает, что ему не следует ставить своё имя в качестве автора этой рукописи; он повторил, что различные периоды его воспоминаний будут увековечены под именем его верных соавторов.

Когда прибыла карета, беседа продолжалась на ту же тему. Спутники императора самым настоящим образом уговаривали его закончить рукопись о 1815 годе; они горячо обсуждали важность этой рукописи, интерес к ней и её значение. «Хорошо! — согласился, улыбаясь, император. — Придётся полностью отдаться этой работе: когда тебя на что-то воодушевляют, так это одно удовольствие. Но, чтобы начать подобную работу, требуется соответствующее настроение, а здесь, на острове, всё — отвращение и обман; даже воздух, которым мы дышим, насыщен завистью».

Император вернулся в свои апартаменты. Я последовал за ним, и между нами завязался чрезвычайно интересный и знаменательный разговор. Он касался Густава III, Швеции, России, Густава IV, Бернадотта, Павла I и других.

Я ранее говорил, что в Э-ла-Шапель Густав III жил среди нас в качестве частного лица под именем графа де Хага. Он привносил в общество особое обаяние живостью своего ума и интересом, который он придавал каждой беседе. Из его уст я услышал о знаменитой революции 1772 года, благодаря ему мне повезло получить основательные знания о том периоде в истории Швеции. Я был хорошо знаком тогда с бароном де Спренгпортенем, который служил верой и правдой Густаву III, а потом, к несчастью, уехал в Россию и вернулся во главе иностранного войска, чтобы сражаться против своей страны. За это его приговорили к смертной казни в Швеции. Он также находился в Э-ла-Шапель в то время и уехал оттуда из-за приезда Густава III. Однако он отъехал от Э-ла-Шапель не далее,

чем на пол-лье, так что всё, что я слышал от короля вечером, оспаривалось или подтверждалось мне на следующее утро за завтраком у барона. В своё время он пользовался значительным доверием у Густава III, и он сообщил мне как непреложные факты многочисленные и мельчайшие подробности романтического рождения Густава IV, который, по словам барона, не был отпрыском по крови Густава III.

Император вспомнил, что как раз именно этого Спренгпортена русский император Павел направил к нему в качестве посла во времена Консульства. Что касается Густава IV, то, как сказал император, он, став королём, стремился предстать перед всем миром новым явленным героем, но закончил свою карьеру почти сумасшедшим. В молодые годы он прославился весьма своеобразными свойствами своего характера. Ещё юношей он оскорбил Екатерину II отказом жениться на её внучке в самый последний момент, когда великая русская императрица уже села на трон, окружённая пышным императорским двором, чтобы начать праздновать эту свадьбу.

Позднее Густав IV в неменьшей степени оскорбил императора Александра отказом, после трагедии с Павлом I, позволить одному из офицеров русского императора появиться на территории Швеции. В ответе на официальную жалобу, адресованную ему по этому поводу, Густав IV сообщил, что Александру следует быть довольным тем, что он, Густав, который всё ещё скорбит в связи с убийством Павла I, захлопнул двери своего государства для одного из тех, кого общественное мнение обвиняет в том, что они сделали его (Александра) жертвой политического преступления, убив его отца.

«При моём восхождении на вершину власти, — заявил император, — Густав IV объявил себя моим главным противником. Можно было предположить, что ничто не удовлетворит его, кроме повторения подвигов великого Густава Адольфа. Он объехал всю Германию, чтобы принудить немецких монархов объединиться против меня. Во время событий, связанных с гибелью герцога д'Энгиенского, Густав IV поклялся лично отомстить за него; и позднее он нагло возвратил вручённый ему королём Пруссии орден Чёрного Орла из-за того, что последний принял от меня орден Почётного легиона.

Наконец, настал роковой для него момент: в результате необычного заговора его сбросили с трона и изгнали из Швеции, когда население страны единодушно поверило доказательствам совершённых им ошибок. Я готов признать, что Густав IV вёл себя непростительно и даже был несколько сумасшедшим, но, тем не менее, в подобном кризисе беспримерно то обстоятельство, что ни один меч не был вытаскен из ножен в его защиту, будь то из-за любви, благодарности, добродетельных чувств и даже, если хотите, из-за глупости. Это делает мало чести королю.

Ставший разменной монетой в руках англичан и обманутый ими, хотевшими сделать его орудием своих интриг, и отвергнутый своими родственниками, он, казалось, был полон решимости отречься от всего мира. Он добровольно затерялся в гуще людей, словно чувствовал, что его существование опозорено его презрением к роду человеческому и отвращением ко всему, что было создано этим родом».

Император рассказал, что после сражения при Лейпциге ему сообщили от имени Густава IV, что тот долгое время продолжал оставаться врагом Наполеона, но что уже длительное время Наполеон является монархом, к которому Густав IV испытывает только чувства восхищения и симпатии, что нынешние бедствия императора позволяют ему, не стесняясь, выразить свои чувства, что он предлагает ему свои услуги в качестве его адъютанта и просит предоставить ему политическое убежище во Франции. «Меня это тронуло, — заявил император, — но затем я подумал, что если я приму его, то чувство моего собственного достоинства обязало бы меня проявить старания в его пользу. Кроме того, я более не правил миром, и мировое общественное мнение не преминуло бы обнаружить в моём интересе к Густаву IV бессильную ненависть к Бернадотту. Наконец, Густав был лишён трона голосом народа, а именно народ вознёс меня самого на трон. Встань я на его сторону, я был бы обвинён в непостоянстве и в непринципиальности. Короче, я опасался, что ещё больше осложню всё дело, и подавил в себе чувство великодушия. Я велел ответить, что весьма признателен Густаву за его предложение, но что политический интерес Франции не позволяет мне быть снисходительным к моим личным чувствам и что этот интерес даже возлагает на меня в данный момент мучительную обязанность отказать в предоставлении ему политического убежища во Франции, но что он, однако, будет глубоко заблуждаться, если предположит, что я испытываю к нему иные чувства, кроме крайней доброжелательности, и не желаю ему счастья.

Вскоре после изгнания Густава, когда трон освободился, шведы, желая снискать моё покровительство и обеспечить безопасность своей страны с помощью Франции, попросили меня назначить им короля. Какое-то время я подумывал о Евгении Богарне, но тогда ему следовало поменять религию, что я считал ниже моего достоинства, а также достоинства всех тех, кто принадлежал к моей семье. Кроме того, я не считал, что в этом случае полученная политическая выгода будет достаточной для того, чтобы оправдать поступок, столь противоречивший нашим нравам. Тем не менее я придавал большое значение тому, чтобы трон Швеции принадлежал французу. Это было, в моём положении, достаточно легкомысленно. Настоящим

королём, в соответствии с моей политической системой и с истинными интересами Франции, был бы король Дании, поскольку тогда я бы правил Швецией, используя моё влияние на датские провинции. Был избран Бернадотт, и он обязан восхождением на трон Швеции своей жене, золовке моего брата Жозефа, который тогда правил в Мадриде.

Бернадотт, находившийся в большой зависимости от меня, пришёл просить моей санкции, при этом явно давая понять, что не примет корону, если это будет неприемлемым для меня.

Я, избранный народом монарх, должен был ответить, что не могу противостоять выбору других народов. Именно это я и сказал Бернадотту, напряжённый вид которого выдавал его беспокойное состояние, вызванное ожиданием моего ответа. Я добавил, что он только должен использовать в своих интересах ту доброжелательность, которую проявляет к нему народ Швеции, что я не хочу, чтобы говорили, будто я оказываю влияние на исход выборов, но что я согласен с его кандидатурой в качестве претендента на шведский трон и желаю ему успеха на выборах.

Однако я должен сказать, что меня мучило предчувствие, что вся эта история с возведением Бернадотта на шведский престол принесёт нам неприятности и окажется для нас болезненной. И действительно, Бернадотт стал той змеей, которую я пригрёл на своей груди: едва он покинул нас, как сразу же примкнул к стану врагов, и мы были вынуждены внимательно следить за ним и опасаться его. Позже он явился одной из главных причин наших несчастий: именно он указал тот путь, который привёл врагов на нашу священную землю! Тщетно он старался оправдать себя тем, что, принимая корону Швеции, он впредь обязан быть только шведом. Жалкое оправдание, проникнутое честолюбием и веское только для черни и простонародья! Женившись, мужчина не отказывается от собственной матери, и тем более он не должен пронзать её грудь шпагой и разрывать её внутренности. Говорят, что Бернадотт впоследствии раскаивался в содеянном, когда время уже прошло и зло было совершено. Дело в том, что, оказавшись вновь среди нас, он понял, что общественное мнение требовало поступить с ним по справедливости. Он был смертельно напуган. Тогда завеса спала с его глаз, но неизвестно, к каким мечтам могли бы побудить, в его слепоте, его наглость и тщеславие».

В конце разговора о Бернадотте и на другие темы я осмелился сказать императору, что случай с Бернадоттом фантастичен и необычен, поскольку Бернадотт, солдат, был вознесён до королевского трона, и протестантизм был для него необходимым условием. Бернадотт действительно был рождён протестантом, и его сын, которому предопределено править скандинавами, носит их национальное имя *Оскар*. «Мой дорогой Лас-Каз, — ответил император, — всё дело в том,

что этот случай, столь часто упоминаемый, ежедневно удивляющий нас и каждую минуту поражающий, из которого древние народы наверняка сотворили бы божество, не является, в конце концов, столь исключительным, столь удивительным и столь необычным. Скорее это следствие нашего невежества в отношении тайных и в основном естественных причин, которые создали этот случай. И всё же комбинация сопутствующих обстоятельств достаточна для того, чтобы породить чудо. Но что касается вашего первого пункта в отношении Бернадотта, а именно — о том, что он родился протестантом, — то пусть это обстоятельство не будет причислено к счастливому случаю. Зачеркните этот пункт. Что же касается второго пункта, связанного с именем Оскар, то я был его крёстным отцом, и это я дал ему имя Оссиан. Совершенно естественно, что он превратился в Оскара. Теперь вы видите, насколько просто всё то, что так сильно поразило вас».

В конце этой беседы император завёл разговор о русском императоре Павле. Он рассказал о вспышках гнева, вызванных у того вероломством английского кабинета министров. Павлу была обещана Мальта, когда англичане овладеют ею, и, соответственно, Павел с нетерпением ожидал, что он будет назначен гротмейстером Мальты. Мальта была покорена, но английские министры отрицали, что обещали её Павлу. Достоинство доверия сообщение о том, что, прочитав эту бесстыдную ложь англичан, Павел был настолько возмущён, что, схватив депешу английских министров, он на глазах у всех членов своего правительства шпагой проткнул её насквозь и приказал

отправить её обратно в виде его ответа. «Если это было актом безумия, — заявил Наполеон, — то следует признать, что это было безумие благородной души: так выражает негодование добродетель, которая неспособна подозревать о подобной подлости.

Когда английские министры, обговаривая с нами условия обмена военнопленными, отказались включить в их число русских военных, взятых в плен в Голландии и воевавших на стороне англичан, я был охвачен душевным состоянием сродни состоянию Павла. Я воспользовался благоприятным моментом, собрал этих русских, взятых нами в плен, снабдил их одеждой и безвозмездно отправил обратно на их родину. С этой минуты благородное сердце Павла было предано мне полностью, а поскольку я не был заинтересован в противостоянии с Россией и всегда вёл себя с ней справедливо, то не было никаких сомнений в том, что в будущем я смог бы иметь кабинет министров Санкт-Петербурга в моём распоряжении. Наши враги почувствовали опасность, и я думаю, что великодушие Павла оказалось для него роковым. Дело могло обстоять именно так, ибо существуют кабинеты министров, для которых нет ничего святого».

Я уже упоминал, что император жаловался: стоило князю Понте-Корво, т.е. Бернадотту, появиться в Швеции, как он сразу же воспользовался случаем, чтобы вызвать недоверие у императора и противодействовать его планам. Следующее письмо служит убедительным доказательством этого утверждения; оно также содержит важное толкование континентальной системы.

«Тюильри, 8 августа 1811 года

Месье, Ваше Королевское Высочество Швеции, мне доложили Ваше личное письмо. Я признателен Вам за это послание, которое я рассматриваю как доказательство дружбы, испытываемой Вами по отношению ко мне, и как свидетельство Вашей лояльности. Нет никакой политической причины, которая бы помешала мне ответить Вам.

Несомненно, Вы по достоинству оцениваете мотивы моего Берлинского декрета от 21 ноября 1806 года. Этот декрет не устанавливает Европе никаких законов. Он всего лишь намечает шаги, которые должны последовать, чтобы добиться одной и той же цели; договоры, которые я подписал, составляют остальное. Право блокады, которое Англия нагло присвоила себе, наносит вред торговле Швеции; оно враждебно чести шведского флага и пагубно для торговли Французской империи. Я даже буду утверждать, что претензии Англии ещё более оскорбительны в отношении Швеции, ибо Ваша торговля является в большей степени морской, чем континентальной. Военно-морской флот составляет такую же реальную силу Швеции, как и её армия, тогда как военная мощь Франции является целиком

континентальной. Мне удалось создать в пределах моих государств Европы систему внутренней торговли, которая распространяет средства к жизни и деньги от окраин империи к центру с помощью сельского хозяйства и промышленности, а также с помощью жёсткого запрещения иностранных товаров. Положение таково, что я не могу решить, много ли выиграет французская торговля от мира с Англией.

Поэтому сохранение, соблюдение и принятие Берлинского декрета отвечают, я рискну сказать, больше интересам Швеции и Европы, чем частным интересам Франции.

Таковы причины, в силу которых моя очевидная политика может быть направлена против очевидной политики Англии.

Тайные причины, которыми руководствуется Англия, являются следующими: Англия не желает мира; она отвергла все мои мирные инициативы, которые я направил ей; её торговля растёт, а её территория расширяется благодаря войне; она опасается реституции, так как не сможет укрепить свою новую систему в результате мирного договора; она не хочет, чтобы Франция стала могущественной державой. Я же хочу мира, я хочу, чтобы на Земном шаре наступил абсолютный мир, поскольку только мир может обеспечить надёжность новым интересам и государствам, созданным завоеваниями. Я надеюсь, что в этом вопросе мнение Вашего Королевского Высочества не должно отличаться от моей точки зрения.

У меня большое количество кораблей, но не хватает моряков; я не могу вести успешную борьбу с Англией, чтобы заставить её заключить мир. Только континентальная система может помочь мне добиться успеха. В этом отношении я не испытываю каких-либо препятствий со стороны России и Пруссии: их торговля сможет только выиграть от континентальной системы, запрещающей импорт английских товаров.

Ваш кабинет министров состоит из опытных и просвещённых людей. Шведской нации свойственны чувство собственного достоинства и патриотизм. Ваше Королевское Высочество пользуется, в целом, влиянием в правительстве, но Вам придётся столкнуться с некоторыми препятствиями в попытке повлиять на Ваш народ, чтобы он отказался от коммерческого подчинения иностранной державе. Не позволяйте поймать себя на крючок соблазнительной наживкой, которую Англия может подбросить Вам. Будущее докажет Вам, что, какими бы ни были революции, которые должны произойти со временем, монархи Европы введут запретительные законы, гарантирующие им положение хозяев их владений.

Вы сообщаете мне, что не можете обойтись без колониальных товаров и что из-за недостаточного их импорта в страну доходы Вашей таможенной службы снижаются. Я предоставляю Вам колониальные

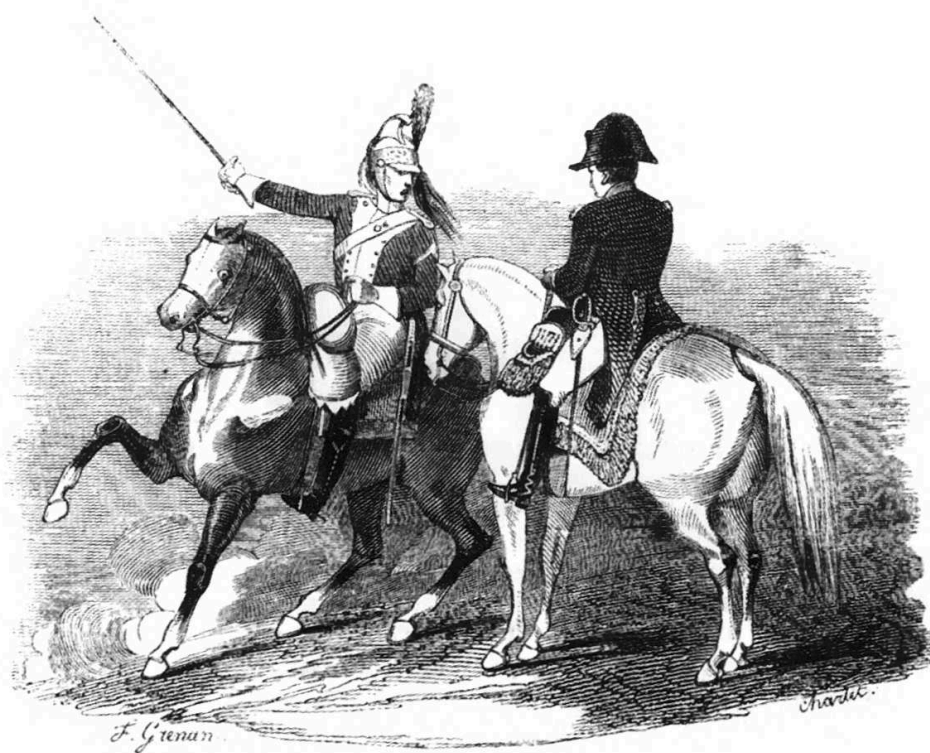
товары на сумму в двадцать миллионов, которые лежат у меня на складах Гамбурга; Вы передадите мне железную руду на эту же сумму. Отдайте эти колониальные товары купцам, — они выплатят Вам налоги на импорт; Вы же избавитесь от своей железной руды. Эта сделка будет отвечать моим целям: мне необходима железная руда в Антверпене, и я не знаю, что мне делать с английскими товарами.

Выполняйте условия декрета: гоните английских контрабандистов с рейдов Гётеборга, гоните их от берегов Швеции, где они открыто занимаются контрабандной торговлей. Даю Вам слово, что я, со своей стороны, буду тщательно выполнять условия этого договора. Я пресеку попытки Ваших соседей присвоить себе Ваши континентальные владения. Если же Вы станете нарушать свои обязательства передо мной, то я буду считать себя свободным от своих обязательств перед Вами.

Моим желанием всегда остаётся дружеское взаимопонимание с Вашим Королевским Высочеством. Мне доставит удовольствие ознакомиться с Вашим мнением по поводу этого моего ответа на письмо короля Швеции, добрые намерения которого я всегда высоко ценю.

Мой министр иностранных дел направит официальный ответ на последнюю ноту, которую граф д'Эссен представил на моё рассмотрение.

Наполеон».

Наследственный виноградник Наполеона и его отцовский дом — Слёзы Жозефины

8 августа 1816 года

Я направился в апартаменты императора около одиннадцати часов утра. В этот момент он одевался и вместе со своим камердинером рассматривал туалетные принадлежности, полученные из Англии. Он задавал вопросы о назначении каждого предмета, не будучи знаком ни с одним из них, и от всей души смеялся над собственным, как он его назвал, колоссальным невежеством. Он захотел завтракать в шатре, и мы все составили ему там компанию.

Император пожаловался на плохое качество вина и просил своего метрдотеля Киприани, корсиканца, подтвердить, что лучшее вино делают на Корсике. Потом он рассказал, что получил в наследство лучший виноградник на острове, обширный и плодородный, с сортом винограда, названным «Эспозате». Император сказал, что вспоминает этот виноградник только с чувством благодарности, поскольку был обязан ему своими поездками в Париж; именно этот виноградник приносил ему доход, который он использовал на оплату своих каникул. Мы спросили императора, что стало с этим виноградником. Он ответил, что уже давно отдал его своей кормилице, которой он подарил земельные участки на Корсике с домами — общей стоимостью не менее чем сто двадцать тысяч франков. Он даже принял решение передать ей свой родовой дом, но, посчитав, что это было бы слишком для её социального положения, подарил его семье Ромалино, своим ближайшим родственникам по материнской линии, при том условии, что те передадут его кормилице во владение их прежний дом*.

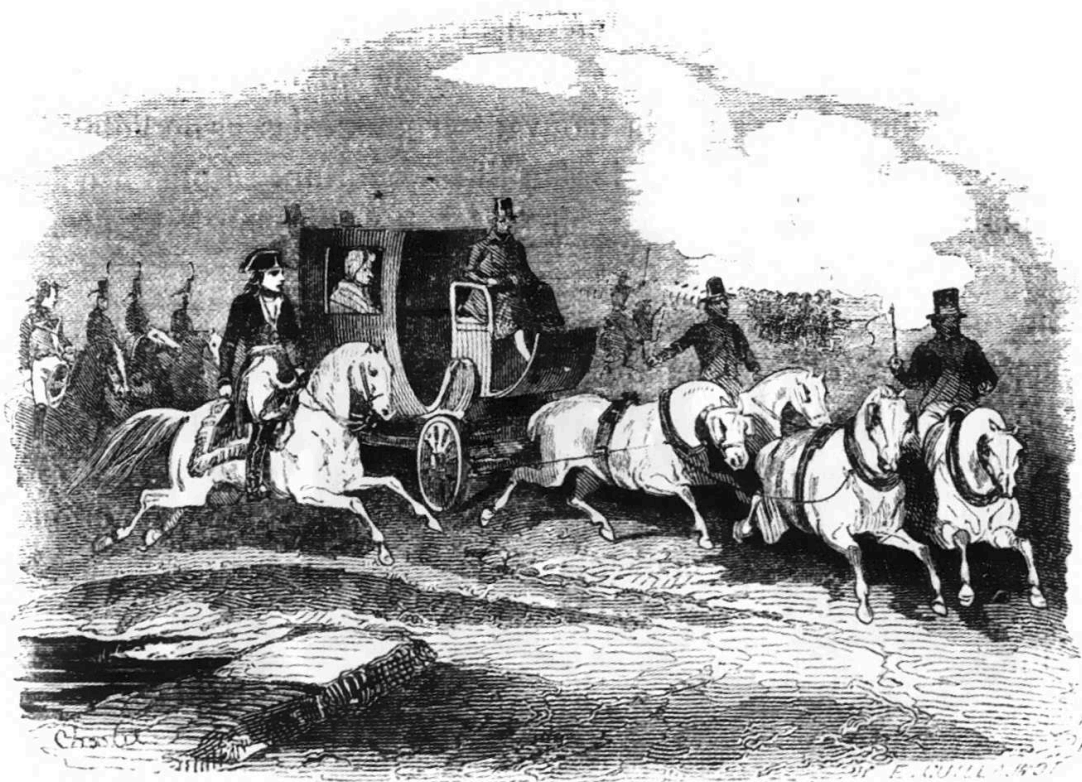
Он сделал из кормилицы важную даму, сказал Наполеон. Во время коронации она приехала в Париж и была принята папой римским, который беседовал с ней более часа. «Бедняга папа римский! —

* Родовой дом Наполеона, в настоящее время (1824) находящийся во владении господина Ромалино, члена Палаты депутатов, является, как это можно легко предположить, объектом острого любопытства и огромного почитания со стороны путешественников и в особенности военных.

Меня уверяют очевидцы, что с прибытием каждого полка на Корсику солдаты немедленно толпами мчатся к этому дому и получают разрешение войти в него с особым на то основанием. Попадая внутрь, они ведут себя в соответствии с той силой чувств, которые охватывают их: один вздымает руки к небесам, словно стремясь увидеть там Наполеона, другой падает на колени, третий целует пол, а четвёртый весь бьётся в рыданиях. Есть и такие, у которых, кажется, наступает приступ безумия. Нечто подобное, говорят, можно увидеть у могилы Фридриха Великого. Таково воздействие героев на людей.

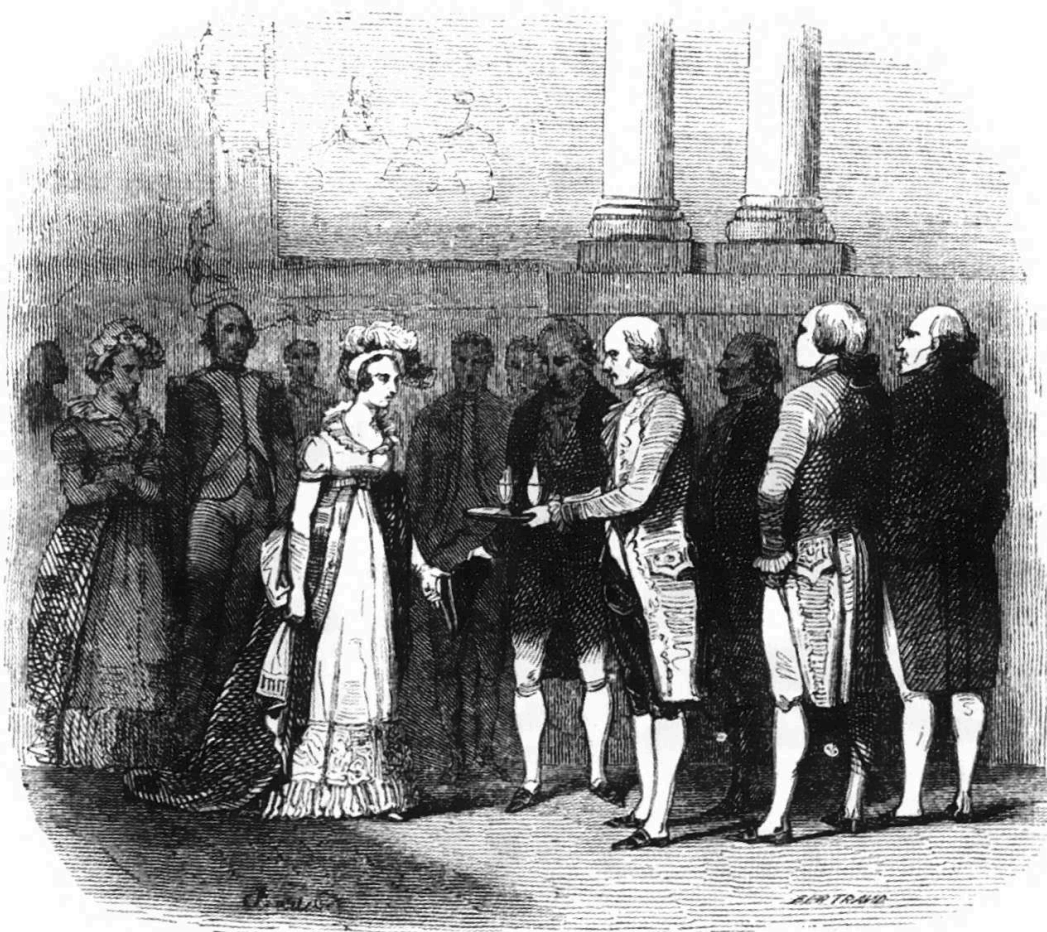
воскликнул император. — У него, должно быть, уйма свободного времени! Она, однако, была чрезвычайно набожной женщиной. Её муж занимался каботажной торговлей на Корсике. Её с большим удовольствием приняли в Тюильри, и она очаровала всю императорскую семью живостью своего характера и языка. Императрица Жозефина подарила ей украшения из бриллиантов».

После завтрака император, придерживаясь решения, принятого вчера, приступил к работе. Он закончил правку главы о Кастильоне и затем отправился в лес, где был намерен поджидать карету. Продолжая думать о Кастильоне, император рассказал, что Жозефина вместе с ним выехала из Брешии и, таким образом, приняла участие в начале военной кампании против Вюрмсера. Приехав в Верону, она стала свидетельницей начала перестрелки. Когда она вернулась в Кастель-Нуово и увидела транспортируемых раненых, то решила добираться до Брешии, но её дальнейший путь преградили вражеские войска, которые были уже в Порто-Марко. Создавшаяся беспокойная и тревожная обстановка вызвала у неё состояние сильного страха, и, прощаясь с мужем, она не могла сдержать рыданий. Наполеон обнял её и вдохновенно воскликнул: «Вюрмсер дорого заплатит за эти слёзы!» Жозефина была вынуждена ехать в карете

в непосредственной близости от фортификационных сооружений крепости Мантуи, осаждённой французскими войсками. Из крепости стреляли по проезжавшей карете Жозефины, и один придворный из её свиты даже был ранен. Она переправилась через реку По, проехала Болонью, Феррару и остановилась в Лукке. На протяжении всего пути она не могла избавиться от страха, тем более, что до неё доходили малоутешительные слухи, которые обычно распространялись вокруг наших армий, но её душа была полна чрезвычайной уверенности в счастливую судьбу мужа.

Однако, как сказал император, ситуация в Италии и благожелательные чувства к французскому генералу уже были такими, что, несмотря на политический кризис момента и на все лживые слухи, сопровождавшие Наполеона, к его жене относились в Лукке с уважением, оказываемым самым знатным принцессам. Местный сенат явился к ней в полном составе, чтобы приветствовать её и засвидетельствовать своё почтение. Сенат имел все основания поступать именно таким образом: курьеры доставили новость о новых достижениях её мужа и о полном поражении Вюрмсера.

Император посетил гостиную дома в первый раз со времени её пожара и ремонта. Гостиная постепенно заполнилась предметами мебели, специально присланными из Лондона, что сделало её довольно сносной. После обеда император принялся читать «Тюркаре», к которому, несмотря на всё его остроумие, он испытывает отвращение из-за вульгарности содержания; но в «Тюркаре», как он отметил, всё равно чувствуется талант Лесажа. Потом он стал читать «Адвоката», и эта книга доставила ему истинное удовольствие своим неподдельным юмором.

9 августа 1816 года

Император завтракал в шатре и правил главу о военной кампании в районе реки Бренты. В три часа дня он совершил поездку в карете. Во время нашей поездки Лонгвуд посетил губернатор. Как мы поняли, он хотел переговорить с императором по поводу празднования дня рождения принца-регента, который должны были отмечать в следующий понедельник, 12 августа, и он хотел предупредить императора, что по этому случаю будут даны салюты и залпы из пушек в английском военном лагере, расположенном совсем близко от нас. С другой стороны, говорят, что губернатор распорядился снабжать продовольствием только императора и что каждый из нас будет взят на особое пониженное содержание, так как он выяснил, что расходы на нас превышают его кредитоспособность. Ну что ж, поживём — увидим.

Екатерина II — Павел I — Планы в отношении Индии

10 августа 1816 года

Император почувствовал себя нездоровым и принял ванну. В три часа дня он вышел из дома и распорядился вызвать карету. Он только что прочитал книгу об истории правления Екатерины II. «Она была, — заявил император, — властной женщиной. Она достойна того, чтобы на её подбородке росла борода. Катастрофа Петра III и Павла I была результатом революции в серале, делом рук янычар. Эти дворцовые солдаты просто ужасны, и они становятся всё более опасными по мере усиления абсолютизма монарха. Моя императорская гвардия также могла бы стать роковой силой при любом другом монархе, кроме меня».

Император заявил, что у него с Павлом I сложились очень дружеские отношения. Убийство Павла привело к тому, что налаженные

царём отношения с другими странами и его союзники были потеряны для России. Павел I, накануне его убийства, договаривался с императором об экспедиции в Индию, и Наполеон непременно уговорил бы царя осуществить этот план. Павел I часто писал ему, причём его письма были многословными. Его первое письмо было своеобразным и самобытным: «Гражданин Первый консул, — написал Павел I собственноручно, — я не обсуждаю достоинства и недостатки прав человека, но когда нация ставит в качестве своей главы человека с выдающимися заслугами и достойного уважения, тогда у неё есть правительство, и в моих глазах у Франции теперь есть правительство».

Возвращаясь с прогулки, мы встретили адмирала и его жену. Император пригласил их в карету и распорядился сделать ещё один круг. Потом он немного погулял с госпожой Малькольм, с которой был очень любезен.

После обеда император перелистывал страницы двух томов подшивки журнала «Французский театр», но не смог найти в них что-либо заслуживающее его внимания.

Император-епископ

11 августа 1816 года

После нашего завтрака в шатре и нескольких кругов по саду император в последний раз прочитал правку главы о сражении при Арколе.

Во время поездки в карете кто-то из нас напомнил, что сегодня воскресенье. «Если бы мы находились в христианской стране и у нас был священник, — сказал император, — то мы бы присутствовали на обедне. И это было бы для нас приятным времяпрепровождением. Я всегда любил звон колоколов деревенских церквей... Мы должны, — добавил он весёлым тоном, — решить вопрос о выборе священника из нашего числа. Он был бы викарием острова Святой Елены». — «Но как посвятить его в духовный сан без епископа?» — спросили мы императора. «А разве я не являюсь епископом? — ответил он. — Разве я не был помазан тем же маслом и не был посвящён тем же способом? Разве Кловис и его преемники в своё время не были помазаны, следуя непреложной истине: *христианский король священен*? Разве они не были в реальности настоящими епископами? Разве последующее отрицание этой непреложной истины, этой догмы не было вызвано ревностью и особой политической епископов и пап римских?»

Я не прикоснулся к пище во время обеда, и император захотел узнать причину моего отказа есть. Я чувствую острую боль в животе — болезнь, которой я очень подвержен. «Мне повезло больше, чем вам, — сказал он. — Никогда в жизни у меня не болела ни голова, ни живот». Император часто повторял эти слова в нашем кругу в различных ситуациях*.

12 августа 1816 года

Это утро император провёл в ванне, читая подшивку «Журналь де Деба» за март и апрель, полученную вчера с корабля, находившегося на пути из Европы на мыс Доброй Надежды. Император был полностью занят этим чтением, оно вызвало у него большое волнение.

Вообще, когда император получает книги и особенно газету «Монитор», он большую часть времени остаётся в своих апартаментах и почти не выходит из дома. Он перестаёт ездить на лошади и даже кататься в карете, он едва находит минуту, чтобы подышать свежим воздухом в саду. Из-за всего этого ему не становится лучше, а черты его лица и состояние здоровья меняются к худшему.

Сегодня я застал императора за чтением книги Мишо «Крестовые походы», которую он отложил в сторону, чтобы перелистать страницы мемуаров Безенваля. Он остановился на описании дуэли между графом д'Артуа и герцогом Бурбонским. Он находит подробности этого дела довольно любопытными, но они кажутся ему имеющими весьма отдалённое отношение к нам. «Трудно, — сказал он, — совместить времена, столь недалёкие от нас, с делами, столь отличными от наших проблем».

В ходе состоявшейся сегодня беседы император повторил то, о чём я уже ранее упоминал: что он осуществил свой самый блестящий манёвр в сражении при Экмюле; однако он не стал далее распространяться об этом событии.

* Я обычно пропускаю в дневнике все мелочи подобного рода как тривиальные, пока не представляется случай, знаменательный своей полезностью, чтобы записать его; и, к сожалению, у меня нечасто бывает время обращать внимание на подобные вещи. Однако незначительное обстоятельство, о котором я рассказываю сейчас, приобретает огромную важность по причине длительной и ужасной агонии человека, который умер в муках от болезни тела, разума и сердца. Он намного меньше страдал бы от рук каннибалов! И эти страдания, эти муки хладнокровно причиняла ему варварская администрация, которая своим поведением опозорила историю народа, столь справедливо прославившегося своим сочувствием и своей симпатией к людям в беде! Но ужасная и тягостная известность будет всегда сопровождать имена палачей Наполеона. Возмущение благородных сердец людей всех возрастов и всех стран обречёт их на вечное осуждение!

Роковые обстоятельства — Талейран и де Сталь

13 августа 1816 года

В ранний утренний час я сопровождал императора в его прогулке в самую глубину леса. Почти час он говорил о положении во Франции, а потом — о лицах, которые предали его, и о многочисленных роковых обстоятельствах, которые подталкивали его к новым бедам: о предательской уверенности в будущем, вызванной его брачным союзом с Австрией, о безрассудстве турок, которые заключили мир именно тогда, когда им следовало начать войну, о такой же безрассудности Бернадотта, который скорее руководствовался эгоизмом и обидчивостью, чем своим истинным благородством и постоянством, об огромном дипломатическом таланте, проявленном господином де Нарбонном, который, узнав планы Австрии, заставил её перейти к активным действиям. Наконец, император обратился к успешным сражениям при Лютцене и Баутцене, которые, заставив короля Саксонии вернуться в Дрезден, предоставили в распоряжение Наполеона враждебные ему документы с подписями Австрии, лишив её тем самым возможности прибегнуть к дальнейшим уловкам. «Какое неудачное стечение обстоятельств! — воскликнул император. — И тем не менее, — продолжал он, — уже на следующий день после Дрезденского сражения император Франц направил мне своего представителя для проведения мирных переговоров. Надо же, чтобы поражение Вандаммы случилось именно в ту минуту, чтобы поддерживать, так сказать, декрет судьбы».

Талейран, поведение которого император часто анализирует, чтобы, как он говорит, выяснить, когда же именно тот стал предавать его, настоятельно убеждал императора, вернувшегося из Лейпцига, заключить мир с союзными державами. «Надо отдать ему должное, — заявил император, — отдать ему должное. Он считал ошибочной мою речь в Сенате, но горячо поддержал моё выступление в Законодательном собрании. Он постоянно утверждал, что я обманываюсь в отношении возможности нации принести максимум жертв, что она не станет поддерживать мои усилия и что мне необходимо привести в порядок свои дела. Судя по всему, тогда он был искренен. Исходя из моего собственного опыта, я никогда не считал Талейрана красноречивым и обладавшим даром убеждения. Он размышлял об одной и той же идее много и долго. Возможно также, поскольку мы были с ним очень давно знакомы, он просто привык к такой линии поведения в отношении меня. Он был настолько искусен в своих уклончивых ответах и в разглаговольствованиях на самые отвлечённые и неуместные темы, что, поговорив

несколько часов со мной, он удалялся, часто не дав никаких объяснений и не ответив на конкретные вопросы, ради которых я и приглашал его к себе».

Что же касается текущих дел в Европе и содержания последних газет, которые описывают Францию как страну, находящуюся в состоянии постоянно возрастающего волнения, то наш вывод таков: для всей Европы, судя по всему, шансы на будущее представляются крайне неясными, а количество проблем только увеличивается. В данный момент в Европе считается неоспоримым факт, о котором нам сообщают со всех сторон: а именно то, что никто в Европе не считает своё положение стабильным. Каждый, кажется, предвидит новые неприятности.

Император задержал меня, чтобы я разделил с ним завтрак в шатре. Затем он распорядился, чтобы ему принесли «Коринну» госпожи де Сталь. Император сказал, что он не мог дочитать книгу до конца. В персонаже героини книги так много сходства с самой госпожой де Сталь, что ей удалось убедить императора в том, что в книге она писала о себе самой. «Я встречался с ней, — заявил император, — я слушал её, я понимал её, я старался избегать её, и я бросаю её книгу прочь. Об этой книге у меня было лучшее мнение. Вероятно, потому, что в своё время я не читал её, а только перелистывал. Я, тем не менее, своего добьюсь, я принял решение дочитать книгу до конца, поскольку всё ещё полагаю, что она не лишена некоторого интереса. Однако я не могу простить госпожу де Сталь за то, что в своём романе она недооценивает французов. Бесспорно, семья госпожи де Сталь является единственной в своём роде: её отец, её мать и она сама, все трое, постоянно пребывают в состоянии преклонения друг перед другом, восхваляют друг друга до небес, в назидание и для мистификации публики. Тем не менее, госпожа де Сталь, возможно, торжествовала победу, взяв верх над своими благородными родителями, когда она осмелилась написать, что её чувства к отцу были таковы, что она ощутила в себе ревность к собственной матери.

Де Сталь, — продолжал император, — была пылкой в своих страстных увлечениях, неистовой и экстравагантной в их выражении. Вот что было обнаружено полицией, когда она находилась под её наблюдением. «Я нахожусь далеко от тебя (писала она, вероятно, своему мужу), приезжай немедленно, я требую, я настаиваю, я стою на коленях. Я умоляю тебя — приезжай. Моя рука сжимает кинжал. Если ты не решишься приехать, то я убью себя, и лишь ты один будешь виновен в моей гибели». Но это же Коринна!»

Она, сказал император, собрала воедино все свои усилия и все свои средства, чтобы произвести впечатление на генерала, командующего французской армией в Италии. Не зная о нём ничего, она писала ему, когда была вдали от него, досаждала ему, когда была рядом с ним. Если ей верить, то союз гения с маленькой ничтожной креолкой, неспособной оценить и понять его, должен был считаться настоящим безобразием. К её сожалению, единственной реакцией на все её женские уловки было полнейшее равнодушие, которое женщины никогда не забывают и которое действительно, заметил император с улыбкой, едва ли следует забывать.

Когда он прибыл в Париж, она преследовала его с прежней страстью, а он сохранял всё ту же сдержанность, всё то же безмолвие. Тем не менее госпожа де Сталь решила вытянуть из него несколько слов и вступить в словесную перепалку с завоевателем Италии, столкнувшись с ним лицом к лицу на большом приёме, данном господином Талейраном. Находясь среди многочисленной группы гостей, она бросила ему вызов, спросив, кто, по его мнению, величайшая женщина в мире из числа живущих и усопших. «Та, которая имела наибольшее количество детей», — простодушно ответил Наполеон. Де Сталь была слегка смущена и, пытаясь восстановить своё хладнокровие, заявила, что, как говорят, он не очень любит женщин. «Извините меня, мадам, — вновь ответил Наполеон, — я очень люблю мою жену».

Генерал французской армии в Италии, сказал император, мог бы, несомненно, взволновать воображение женевской Коринны до самой высокой степени, но он опасался её политического вероломства и её страстного стремления быть знаменитостью. Возможно, он ошибался. Она, однако, была слишком энергична в своих домогательствах

и слишком часто получала отказ, чтобы в конце концов не стать яростным врагом. «Она спровоцировала одного человека, который находился под её влиянием, и он, — сказал император, — принялся за дело не совсем благородным образом. При назначении Трибуната он обратился ко мне с настойчивой просьбой включить его в этот состав в качестве одного из членов. В одиннадцать часов вечера он ещё продолжал умолять выполнить его просьбу, но в двенадцать часов, когда его просьба была удовлетворена, он встал в вызывающе оскорбительную позу. Первое же заседание Трибуната предоставило ему блестящую возможность выступить против меня с обличительной речью. Ночью особняк госпожи де Сталь был иллюминирован. Она восторженно приветствовала своего Бенжамена в кругу блистательного сблища, провозгласив его новым Мирабо. За этим фарсом, самым по себе достаточно одиозным, последовали более опасные действия. Во времена Конкордата, который госпожа де Сталь встретила с неужемной яростью, она сразу же объединила против меня аристократов и республиканцев. “У вас, — взывала она к ним, — не осталось ни одной свободной минуты: завтра в распоряжении тирана окажутся сорок тысяч священников”».

В конце концов госпожа де Сталь исчерпала моё терпение и была отправлена в ссылку. Ранее её отец серьёзно оскорбил меня во времена сражения при Маренго. По пути домой я захотел встретиться с ним, но он произвёл на меня впечатление всего лишь тупого и надменного учителя колледжа. Вскоре, явно надеясь с моей помощью вновь появиться на сцене общественной жизни, он опубликовал брошюру, в которой доказывал, что Франция не могла быть ни республикой, ни монархией. Чем же Франция могла быть, — заметил император, — совершенно не было ясно из текста брошюры. В этой брошюре он назвал Первого консула *необходимым человеком* и тому подобным. Ему ответил Лебрен письмом на четырёх страницах в свойственном ему превосходном стиле, вложив в ответ всю мощь своего сарказма; он спросил отца де Сталь, не достаточно ли он уже нанёс вреда Франции и не исчерпаны ли уже его претензии править Францией с помощью его экспериментов с Конституционным собранием.

Госпожа де Сталь, находясь в опале, одной рукой продолжала вести против меня враждебные действия, а другой — просила о снисхождении. Ей сообщили от имени Первого консула, что он предоставляет ей всю Вселенную в качестве театра её действий, отказывается от всего мира в её пользу и для себя оставляет только Париж, к которому запрещает ей приближаться. Но именно Париж был предметом вожделений госпожи де Сталь, и она время от времени возобновляла свои попытки. Консул, однако, был непреклонен. Во времена Империи она пожелала стать фрейлиной императорского

двора, но каким образом можно было бы утихомирить госпожу де Сталь во дворце?..»

После обеда император читал нам трагедию Корнеля «Гораций», и мы часто прерывали его чтение возгласами восторга. Никогда Корнель не казался нам более великим, более благородным и более выразительным, чем на нашей скале.

Попытка охоты на острове Святой Елены — Канун 15 августа

14 августа 1816 года

Император вышел из дома рано. Около девяти часов утра он послал за мной. Он был намерен оседлать лошадь и попытаться подстрелить одну из тех куропаток, которых мы видели каждый раз, когда совершали прогулки в карете, но ни одна из них не позволяла приблизиться к ней с охотничьим ружьём. Теперь же император не смог обнаружить хотя бы одну куропатку. Он вскоре устал и, сев на лошадь, заявил, что попытка поохотиться не очень-то

напоминает охоту в Рамбуйе и в Фонтенбло. Вернувшись, мы заказали завтрак в шатёр. Увидев маленького Тристана, пробежавшего через луг, император посадил его за стол, и мальчик немало позабыл нас во время завтрака.

После завтрака император попросил перечитать ему главу из рукописи об итальянских кампаниях, посвящённую Риволи, чтобы завершить её правку. Но мы успели прочитать только три четверти главы, когда нам сообщили о приезде губернатора. Мы поспешно

ретиrowались из шатра, и каждый спрятался в своей берлоге. Император менее любого из нас был склонен видеться с губернатором: разговор с губернатором был весьма неприятен ему. «Я полон решимости, — заявил он, — ничего общего более не иметь с ним. Я не могу удержаться от резких высказываний, которые отрицательно действуют на моё настроение и на чувство моего достоинства. Из моих уст должны исходить только добрые и приятные слова». Он почувствовал себя уставшим после утренней прогулки и отправился принимать ванну.

В пять часов он проехал в карете один круг, погода была прекрасная.

Губернатор выражал настойчивое желание встретиться с императором: он хотел, как он сказал, обсудить с ним деловые вопросы. Мы предполагаем, что губернатор хотел сказать императору, что у него кончились деньги, что все денежные ресурсы исчерпаны и он не знает, как поступать дальше. Но к этой проблеме император проявляет полнейшее равнодушие. Он не упустил случая вновь повторить, чтобы его оставили в покое.

Перед обедом император в гостиной играл в шахматы; он выпил немного пунша. Было поздно, когда я пришёл. Император сказал мне, когда я вошёл в гостиную, чтобы я выпил свою долю пунша, но выяснилось, что не было ни одного свободного бокала. «О да, — сказал император, передавая мне свой бокал, — и он выпьет из него, я в этом уверен». Затем он добавил: «Это же английская привычка, не так ли? В нашей стране редко кто пьёт из чужого бокала, кроме бокала своей любовницы».

Во время обеда кто-то заметил, что сегодня канун 15 августа. Император в связи с этим добавил: «Завтра будет произнесено много тостов в Европе в честь острова Святой Елены. Несомненно, через океан к нам перенесётся немало тёплых чувств и пожеланий». Об этом же он высказал ряд мыслей во время нашей утренней конной прогулки.

После обеда император читал нам трагедию Корнеля «Цинна». Корнель показался нам божественным.

День рождения императора

15 августа 1816 года

Этот день, 15 августа, был днём рождения императора. Мы решили все вместе встретить его в одиннадцать часов. Он расстроил наши планы, появившись в весёлом настроении у наших дверей в девять часов. Было тепло, он направился в сад, и мы все последовали за ним.

К нам присоединился гофмаршал с женой и с детьми. Император, окружённый своими верными слугами, завтракал в большом и красивом шатре, который для нас оказался и впрямь удачным приобретением. Погода была прекрасная, и сам император был бодрым и красноречивым. В некоторые минуты он, казалось, полностью разделял наши чувства и пожелания. Он пожелал, как он нам сообщил, провести весь день в нашем обществе. Соответственно, мы провели день вместе, много беседовали на различные темы, гуляли в саду и катались в карете.

**Заккрытие Политехнической школы — Непристойное
поведение английских газет — Машина
для превращения воды в лёд**

16 августа 1816 года

С утра пораньше мой сын и я отправились в шатёр, где император продолжал работать над правкой различных глав рукописи о военной кампании в Италии до двух часов дня. Когда же в это время объявили о прибытии губернатора, император сразу же покинул шатёр, пробормотав вполголоса: «По-моему, этот негодяй завидует, что я дышу воздухом».

Во время завтрака император распорядился, чтобы ему принесли газету «Журналь де Деба», содержащую данные об организации академий: он хотел выяснить имена членов, которые были исключены из Института. Чтение этой газеты привело к тому, что он вновь вернулся к разговору о закрытии Политехнической школы, о которой было написано, что она якобы бесполезна и опасна. Английская газета, которую мы получили, не разделяла этого мнения. Она утверждала, что закрытие Политехнической школы ценнее для врагов Франции, чем достижение военной победы, и что ничто иное не могло более явно доказать миролюбие и сдержанность династии, правящей Францией в настоящее время. В газете в том же духе сообщалось и о других вещах.

Один из нас в этой связи высказал мнение, что английские газеты по отношению к французскому правительству проявляют недоброжелательство, которое граничит с грубостью и с непристойным поведением.

Лорд и леди Холланд, проявив исключительное чувство внимания, направили в Лонгвуд для императора изобретённую совсем недавно машину, которая превращает воду в лёд. Благодаря вмешательству адмирала Малькольма сегодня эту машину нам доставили. Император вышел из своих апартаментов в пять часов, желая быть свидетелем первого испытания машины, но эксперимент оказался неудачным.

Спустя некоторое время император отправился на прогулку в сопровождении адмирала. Их разговор коснулся самых разнообразных проблем. Император во время разговора проявлял по отношению к адмиралу доброжелательность и дружелюбие.

Религиозные убеждения Наполеона — Епископ Нанта — Папа римский — Вольности Галликанской церкви — Конкордат Фонтенбло

17 августа 1816 года

Когда император завтракал в шатре, двое из его свиты рассказали о беспорядках в армии, свидетелями которых они были в своё время и о которых императору ничего не было известно. Они отметили многочисленные нарушения его приказов, значительные злоупотребления властью и другие проступки. Император внимательно слушал, но некоторые истории были настолько шокирующими, что он не мог им поверить, заявив: «Полноте, господа, это всё клевета».

Поднялся сильный ветер; он привёл к настоящей буре, временами сопровождавшейся проливным дождём, что заставило императора вернуться в дом.

После обеда император читал «Заиру» Вольтера и «Эдипа» Софокла. В трагедии «Эдип» он особенно выделял наиболее замечательные и совершенные места.

Завязавшийся разговор о священниках и о религии заставил императора сказать: «Человек спрашивает себя: откуда я пришёл? кто я такой? куда я должен пойти? Существует множество таинственных вопросов, которые заставляют нас обращаться к религии. Мы со всей страстью бросаемся в её объятия. Мы пленены ею благодаря нашему же собственному предрасположению к ней, но по мере овладения знаниями наше движение к ней замедляется. Просвещение и история являются главными врагами религии, извращённой человеческим несовершенством. Почему, спрашиваем мы себя, религия Парижа отличается от религии Лондона и от религии Берлина? Почему религия Петербурга так мало имеет общего с религией Константинополя? Почему религия последнего отлична от религии Индии и Китая? Почему религия Древнего мира не похожа на религию наших дней? Тогда здравый смысл оказывается в нерешительности и печально восклицает: о, религии, религии! вы — дети человеческого разума!..

Мы, строго говоря, верим в существование Бога, поскольку всё вокруг нас свидетельствует о нём, и наиболее просвещённые умы верят в Бога: не только Боссюэ⁷, избравший своей профессией веру в Бога, но и Ньютон и Лейбниц, которые занимались совсем другим. Но мы не знаем, что думать о доктринах, которые руководят нами, и оказываемся в положении часов, которые идут, ничего не зная о часовщике, сделавшем их. И понаблюдайте немного за глупостью тех, кто воспитывает нас: они должны тщательно скрывать от нас идеи язычества и идолопоклонства, поскольку их абсурдность даёт первый толчок нашему самостоятельному мышлению и подготавливает нас к сопротивлению против пассивной веры. И, тем не менее, они воспитывают нас среди древних греков и римлян с их мириадами божеств. Что касается меня, то именно таков был прогресс моего понимания. Я чувствовал необходимость веры, и я действительно верил, но моя вера испытала потрясения, она пошатнулась, когда я стал приобретать знания и начал размышлять. И подобное случилось со мной впервые в раннем возрасте, когда мне исполнилось всего тринадцать лет. Может быть, я опять стану безоговорочно верить. Бог разрешит мне верить! Конечно, я не буду противиться, и я не прошу особого на это благословения: оно должно быть в моей душе великим и истинным счастьем.

Однако я никогда не сомневался в существовании Бога, ибо если мой здравый смысл не был способен постигнуть Его, то мой разум и чувства были расположены воспринять Его.

Когда я взошёл на вершину власти, я уже определил все основные идеи, с помощью которых намерен был осуществить объединение общества. Я взвесил всю важность религии, я был убеждён в необходимости восстановить религию и твёрдо решил сделать это. Вряд ли стоит недооценивать сопротивление, которое я должен был преодолеть, восстанавливая католицизм. За мной более охотно последовали бы в том случае, если бы я поднял флаг протестантизма. Это нежелание заходило настолько далеко, что в Государственном совете, в котором мне стоило больших трудов добиться принятия Конкордата, несколько членов Совета уступили только потому, что они были намерены устраниваться. “Пусть! — говорили они друг другу. — Мы станем протестантами, и это будет нас мало трогать”.

Бесспорно, что в том хаосе, который я наследовал, я оказался свободен выбирать между католицизмом и протестантизмом; и можно также сказать, не покрывив душой, что общее положение в тот момент было явно в пользу протестантизма. Но, помимо моей истинной приверженности к той религии, в которой я был рождён, у меня были весьма важные мотивы, оказавшие решающее влияние на моё решение. Какую выгоду я бы извлёк, провозгласив протестантизм? Я бы создал во Франции две примерно равные враждующие религиозные группировки, в то время как я не хотел, чтобы вообще существовали группировки. Я бы возродил ярость религиозных диспутов, когда нынешний просвещённый век и мои собственные чувства требовали их полной ликвидации. Эти две религиозные группировки своими распрями привели бы Францию к гибели и сделали бы её рабыней Европы, а я ставил перед собой цель сделать её хозяйкой европейского континента. С помощью католицизма я более эффективно добивался своих целей. Меньшая по своей численности религиозная группировка во Франции была поглощена более крупной, а я стремился одинаково обращаться как с первой, так и со второй группировкой, чтобы вскоре не было повода замечать разницу между ними. Что же касается границы, то папа римский оказался привязан ко мне католицизмом; и с моим влиянием и моими войсками в Италии я не терял надежду, что рано или поздно, тем или иным путём, я получу возможность руководить папой, и какой властью я бы тогда обладал! Какой бы тогда я получил в свои руки рычаг для утверждения моей точки зрения во всём мире!..»

Император закончил свои высказывания следующим образом: «Франциск I с момента рождения протестантизма был готов принять его и объявить себя главой этого религиозного движения в Европе.

Карл V, его соперник, был ревностным сторонником Рима, так как он считал, что приверженность к католицизму станет для него дополнительным средством в попытке поработить Европу. Разве этого одного обстоятельства не было достаточно для того, чтобы указать Франциску I на необходимость позаботиться о собственной независимости? Но он пренебрёг большей выгодой, чтобы устремиться за меньшей. Он упорно добивался выполнения своих безрассудных планов в Италии и, чтобы угодить папе римскому, сжигал протестантов в Париже.

Если бы Франциск I принял лютеранство, которое благосклонно к королевской власти, то он бы уберёг Францию от отвратительных религиозных потрясений, привнесённых в более поздний период времени кальвинистами, чьи республиканские усилия были направлены на низвержение трона и на разрушение нашей благородной монархии. К сожалению, Франциск I ничего этого не понимал. Он не мог представить в качестве оправдания свои угрызения совести, — он, который заключил союз с турками и привел их в нашу среду. Это произошло именно потому, что он был неспособен расширить свой кругозор. Безумие времени! Пределы феодального интеллекта! В конце концов, Франциск I был всего лишь героем рыцарских дуэлей и турниров и дамским угодником в дворцовых залах, ничтожеством в королевской мантии.

Епископ Нанта (де Вуази) сделал меня настоящим католиком благодаря эффективности своих аргументов, совершенству своих нравственных норм и своей просвещённой терпимости. Мария Луиза, у которой он был духовником, однажды осведомилась у него относительно правила воздерживаться от мяса по пятницам. “За каким столом вы обедаете?” — спросил её епископ. “За столом императора”. — “Вы распоряжаетесь тем, что подают на стол?” — “Нет”. — “Следовательно, вы не можете вносить изменения в меню обеда, обычно это делает он сам?” — “Думаю, что не могу”. — “Тогда будьте послушной и не давайте повода для скандала. Ваша первая обязанность заключается в том, чтобы повиноваться и делать всё, чтобы его уважали. У вас будут другие возможности изменить свою жизнь и не чувствовать себя обойдённой вниманием Бога”.

Таким же образом он повёл себя в отношении публичного празднования первого дня Пасхи, — эту идею кто-то внушил Марии Луизе. Однако она бы не дала согласия без совета своего рассудительного духовника, а тот отговорил её от этого празднования с помощью аналогичных аргументов. А если бы её духовником был какой-нибудь фанатик! — воскликнул император. — Сколько ссор и разногласий возникло бы тогда между нами! Какой вред он мог нанести, учитывая моё положение императора!»

Император рассказал нам, что епископ Нанта жил вместе с Дидро среди группы неверующих; его поведение всегда отличалось логичностью и последовательностью, и он был готов ответить любому человеку. Прежде всего, он проявлял здравый смысл, отказываясь обсуждать всё то, что невозможно было поддержать, и оставляя в стороне религию при рассмотрении всего того, что нельзя было защитить. Его спросили: «Разве у животного, которое двигается и думает, нет души?» — «Почему бы и нет», — последовал ответ. «Но куда же она уходит? Ибо она не равна нашим душам». — «Но что вам до этого? Она, вероятно, пребывает в забвении».

«Он обычно отступал до последнего окопа, — рассказывал император, — даже пускал нападающих внутрь самой крепости, и всё же находил прекрасные средства защитить себя. Он спорил лучше, чем папа римский, которого он часто ставил в тупик. Среди наших епископов он был самой замечательной опорой галликанских вольностей. Он был моим оракулом, моим светилом. В религиозных вопросах он пользовался моим безграничным доверием. Ибо в моих спорах с папой римским я главным образом, что бы там ни говорили интриганы и подстрекатели в рясах, заботился о том, чтобы не затрагивать догматические проблемы. Я настолько строго придерживался этой линии поведения, что в ту минуту, когда епископ Нанта говорил мне: “Будьте внимательным, вот вы опять боретесь с догмой”, — я немедленно менял тему разговора, чтобы потом вернуться к ней кружным путём, не позволяя себе вступать с папой в лишние дискуссии и стараясь понять смысл его слов. Если я не посвящал его в мою тайну, то как он, должно быть, изумлялся моим словесным обходным манёврам! Каким эксцентричным, упрямым, капризным и непоследовательным, должно быть, я казался ему! И всё потому, что я имел перед собой поставленную цель, которая ему была неизвестна.

Папы римские не могли простить нам вольностей Галликанской церкви. В частности, четыре знаменитых суждения Боссюэ вызывали у них крайнее возмущение. В соответствии с их мнением, эти суждения были настоящим вражеским манифестом, и поэтому они считали нас находящимися вне пределов церкви, как и протестантов. Они считали нас такими же виновными, как и протестантов, — возможно, даже более виновными; и если они не поражали нас ударами молний, то только потому, что опасались последствий — нашего отделения от них. Пример с Англией был свеж в их памяти. Они не хотели отрубить себе правую руку, но постоянно внимательно следили за благоприятной возможностью и верили, что их время придёт. Несомненно, они готовы верить, что теперь это время пришло. Однако они будут вновь разочарованы наступившим просвещённым веком и нынешними нравами.

За несколько дней до коронации папа римский захотел встретиться со мной и дал мне понять, что сам навестит меня. В разговоре со мной он пошёл на многие уступки. Он прибыл в Париж, чтобы короновать меня; он согласился с тем, что не будет сам возлагать корону на мою голову; он предложил отказаться от церемонии публичного причастия. Поэтому, с его точки зрения, он был вправе ожидать в ответ немалую компенсацию. Сначала он мечтал получить от меня Романью и папскую провинцию. Но вскоре понял, что должен отказаться от этих притязаний. Тогда он уменьшил свои аппетиты до самого пустякового одолжения с моей стороны, как он назвал свою просьбу, а именно — моей подписи на старом документе, на изношенном лоскуте пергамента, который он получил от Людовика XIV. “Сделайте мне это одолжение, — попросил он, — оно на самом деле ничего не значит”. — “Охотно, Ваше Святейшество, считайте, что дело сделано, если оно выполнимо”».

Однако этот документ заключал в себе заявление, в котором Людовик XIV, под влиянием госпожи де Ментенон и по настоянию его духовников, перед смертью выразил своё осуждение знаменитых условий 1682 года, основ вольностей Галликанской церкви. Император ответил, что, со своей стороны, он не имеет каких-либо возражений, но этот случай требует, ради соблюдения формальностей, чтобы он об этом переговорил с епископами. В ответ папа римский несколько раз повторил, что подобные консультации с епископами ни в коем случае не нужны и что всё это дело не заслуживает

того, чтобы из-за него поднимать столько шума. «Я никогда, — пообещал папа римский, — не покажу никому эту подпись, она будет храниться в тайне, так же, как и подпись Людовика XIV». — «Но если она ничего не значит, — спросил Наполеон, — то какая польза будет от моей подписи? А если она имеет какое-либо значение, то я обязан проконсультироваться с моими “врачами”».

Однако, желая избежать обвинения в постоянном отказе на любую просьбу, император решил показать, что он намерен удовлетворить эту просьбу папы римского. «Епископ Нанта и другие епископы спешно прибыли ко мне. Они были в ярости и смотрели на меня так, как они бы смотрели на Людовика XIV на смертном одре, чтобы помешать ему стать протестантом. Были вызваны священники из парижского церковного прихода Святого Сульпиция; они были карикатурой на иезуитов, они старались выяснить мои намерения и были готовы выполнить любое моё желание... Ради меня папа римский отказался от публичного причастия, и именно благодаря этому его решению у меня укрепились мнение об искренности его религиозной веры. Он созвал конгрегацию кардиналов, чтобы урегулировать порядок проведения обряда причастия. Большинство созванных кардиналов горячо настаивали на том, чтобы я причащался на публике, заявляя, что мой пример окажет сильнейшее воздействие на народ. Они также подчёркивали, что мне необходимо выдержать всю процедуру причастия до самого конца. Папа римский, напротив, опасаясь, что я буду выполнять эту обязанность так же, как я выполняю некоторые пункты императорского протокола, составляемого Сегюром, рассматривал мою манеру совершения обряда причастия на публике как богохульство и был непреклонен в своём решении не совершать его. “Наполеон, — заявил папа римский, — вероятно, не является верующим; несомненно, что придёт время, когда он обретёт веру, а до тех пор давайте не будем обременять его и нашу совесть”.

В своём христианском милосердии, поскольку он действительно является достойным, снисходительным и прекрасным человеком, — продолжал император, — папа римский неоднократно отчаивался увидеть меня раскаивающимся грешником перед своим судом. Он часто высказывал свои надежды и мысли по этому поводу. Мы иногда беседовали с ним об этом самым дружеским образом. “Рано или поздно это случится с вами, — говорил он с чувством нежной искренности в тоне. — Вы будете обращены в веру мною или другими, и тогда вы ощутите, насколько велико будет чувство удовлетворения”.

Моё влияние на него было таково, что я добился от него, всего лишь силой моего красноречия, согласия на тот знаменитый Конкордат Фонтенбло, в котором он отказался от светской власти и тем

самым совершил поступок, из-за которого, чего он не скрывал, он страшился осуждения со стороны потомков или, по крайней мере, порицания его преемников. Подписав Конкордат, он сразу же почувствовал муки раскаяния. Он должен был на следующий день быть в числе гостей у меня на званом обеде, но накануне вечером заболел или притворился, что заболел. Всё дело в том, что, как только я его покинул, он вновь оказался под влиянием своих обычных советников, и те рисовали ему ужасающую картину той ошибки, которую он совершил. Если бы папа оставался самим собой, то я мог бы делать с ним всё, что мне захочется: я бы правил религиозным миром с такой же лёгкостью, с какой правил политическим миром. Тогда он был агнцем, прекрасным человеком во всех отношениях, человеком редких достоинств, которого я уважал и очень любил. Он не выражал сильного недовольства в отношении моей персоны, и его прямые и личные обвинения против меня были не больше, чем у других монархов: туманная болтовня с критикой моего властолюбия и вероломства, но ничего определённого и откровенного. Государственные деятели хорошо знают, что, когда час клеветнических заявлений прошёл, никто из них не позволит себе прибегать к публичным обвинениям без подкрепляющих доказательств; а их-то никто не смог бы представить, — это будет только в компетенции истории. Я думаю, что появится всего лишь несколько гнусных летописцев, достаточно ограниченных, чтобы в исступлении размахивать дубинками и затевать интриги, основываясь на достоверных фактах, да несколько авторов мемуаров, которые, будучи введёнными в заблуждение мимолётной ситуацией, умрут, не успев исправить своих ошибок.

Когда обнародуют реальные подробности моих споров с папой римским, весь мир будет поражён моим огромным терпением, так как известно, что я далеко не всё мог легко выносить. Уехав после моей коронации, папа затаил тайную неприязнь ко мне за то, что не получил той компенсации, которую, как он считал, заслужил. Но хотя я умею быть благодарным в других случаях, я не мог, в конце концов, торговать интересами империи, оплачивая за её счёт собственные долги; кроме того, я был слишком гордым, чтобы казаться способным покупать его доброту. Едва папа ступил на землю Италии, как интриганы и смутьяны, враги Франции, воспользовались ситуацией, в которой он оказался, чтобы руководить им, и с этой минуты всё, что касалось моей личности, было ему враждебным. Он более не был тем кротким, миролюбивым Кьярамонти, тем почтенным епископом Имола, который ещё в молодости показал себя достойным нынешнего просвещённого века. Отныне его подпись скрепляла документы, которые скорее были характерны для таких

пап римских, как Григории и Бонифации, чем для него. Рим стал центром всех заговоров, тайно замышлявшихся против нас. Я напрасно стремился силой здравого смысла вернуть его обратно и обнаружил, что не могу выяснить его истинных чувств. Неправедные поступки стали настолько серьёзными, оскорбления в наш адрес приобрели столь возмутительный характер, что я, в свою очередь, посчитал необходимым принять соответствующие меры.

Я поэтому захватил его крепости, овладел несколькими провинциями и кончил тем, что оккупировал сам Рим. Одновременно я заявил — и строго придерживался своего заявления, — что я, сверх всех его ожиданий, оставляю его неприкосновенным в его духовном качестве. Однако кризис свершился сам собой: разнеслись слухи, что я потерпел поражение в Эслинге, и в Риме были приняты меры для немедленной подготовки к тому, чтобы вызвать волнение населения и поднять восстание. Французский офицер, командовавший в городе, посчитал, что он сможет отвлечь опасность, только избавившись от папы римского, и вывез его во Францию. Эта мера была осуществлена помимо моего приказа и находилась в прямом противоречии с моим личным мнением. Я направил немедленный приказ остановить перемещение папы римского, где бы он ни был, и содержать его в Савоне, чтобы с ним там заботливо обращались и оказывали ему всяческое внимание. Я не хотел, чтобы он боялся меня и считал, что я плохо обращаюсь с ним. Я хотел склонить его на свою сторону, не унижая его при этом; я разрабатывал самые различные проекты! Перевоз папы римского из Рима в Савону привёл только к тому, что разжёл дух возмущения и стал причиной новых интриг. До этого ссора была только временной; советники папы римского, надеясь восстановить свои пошатнувшиеся дела, постарались превратить ссору в самый настоящий хаос среди духовенства. Тогда я счёл необходимым провести схватку с папой римским на его же поле: у меня был Совет совести и церковные советы, и я облёк мои императорские дворы полномочиями решать апелляционные дела по вопросам злоупотреблений. Поскольку мои солдаты в этих делах были бесполезны, я посчитал необходимым сражаться с папой римским его же оружием. Против его эрудированных людей, специалистов по гражданскому праву и софистов, я был обязан выставить точно таких же моих.

Английский заговор заключался в том, чтобы забрать папу римского из Савоны, и этот заговор был мне на руку. Я приказал привезти его в Фонтенбло; всё это должно было стать периодом его страданий и возрождения его величия. Все мои грандиозные замыслы выполнялись тайно. Я доводил все дела до такого состояния, чтобы обеспечить их дальнейшее безошибочное развитие без каких-либо усилий и самым естественным путём. Такое моё отношение

к делам было соответствующим образом освящено папой римским в знаменитом Конкордате Фонтенбло, даже несмотря на мою катастрофу в Москве. Каков был бы тогда результат, если бы я вернулся из Москвы с победой? Я бы последовательно — что было так желательно мне, но так неуютно его святейшеству, — добился отделения духовной власти от светской: их соединение приводит к путанице в обществе во имя и от рук того, кто сам должен быть центром всеобщего согласия. Добившись этого разделения, я бы возвеличил папу римского вне всякой меры, окружив его великолепием и почестями. Мне бы удалось подавить в нём всякое сожаление по поводу потери им светской власти, я бы сотворил из него идола, он бы оставался рядом с моей особой. Париж превратился бы в столицу христианского мира, и я бы правил одновременно и религиозным и политическим миром. Это стало бы дополнительным средством для более тесного сближения всех федеративных частей империи и для сохранения спокойствия во всём, что находилось вне её. Я бы проводил религиозные заседания как законодательные; мои советы основали бы сообщество христиан всего мира, и папы римские были бы только их президентами. Я бы созывал и распускал эти ассамблеи христиан, одобрял и публиковал материалы их дискуссий, действуя подобно тому, как это делали Константин и Карл Великий; и если верховная власть ускользнула из рук императоров, то это случилось вследствие того, что они совершали ошибку, разрешая духовным лидерам проживать вдали от них, — духовные лидеры пользовались слабостью монархов и кризисными ситуациями для того, чтобы сохранять свою независимость и, в свою очередь, властвовать над ними.

Но для того, чтобы добиться этой цели, — продолжал император, — мне было необходимо действовать с большой долей хитрости: прежде всего, скрыть мой истинный замысел, направив общественное мнение по ложному пути и заняв умы публики самыми ничтожными проблемами, чтобы более эффективно утаить важность и глубину моего секретного проекта. Соответственно, я испытал своего рода удовлетворение, когда узнал, что меня обвиняют в варварском отношении к папе римскому и в проявлении тирании в вопросах религии. В частности, иностранцы немало играли мне на руку в этом отношении, дополнив свои клеветнические заявления оскорбительными выпадами в адрес моего презренного честолюбия, которое, по их мнению, заставляло меня поглощать несчастную церковную собственность Святого Петра. Но мне было хорошо известно, что дома, во Франции, общественное мнение вновь встанет на мою сторону и что за границей нет средств, чтобы воспрепятствовать моему плану. О, какие только меры не были бы приняты, чтобы помешать этому плану, если бы его могли предвидеть своевременно, и как безгранична

была бы моя будущая власть над всеми католическими странами, как велико было бы моё влияние даже в тех странах, в которых не доминирует католицизм, благодаря сотрудничеству католиков, живущих там, с представителями местных религиозных движений!»

Император заявил, что это освобождение от власти двора папы римского, этот законный союз монархов и их контроль над религией были в течение длительного времени постоянной темой его размышлений и целью его желаний. Англия, Россия, северные монархии и часть Германии, сказал он, знали об этом плане. Венеция и Неаполь благосклонно относились к нему. Ни одно правительство не может действовать без такой цели: в противном случае ежеминутно наносится ущерб спокойствию, достоинству и независимости страны.

«Но задача была очень трудной, — добавил император, — и я ясно представлял себе всю опасность. Я был склонен думать, что, если я займусь этим делом, меня не поддержит собственная страна. Неоднократно я обращался к общественному мнению, пытаясь добиться его помощи, но всё было напрасно, и я убедился, что никогда не добьюсь сотрудничества со страной. Этим объясняется глупость, очевидцем которой я стал».

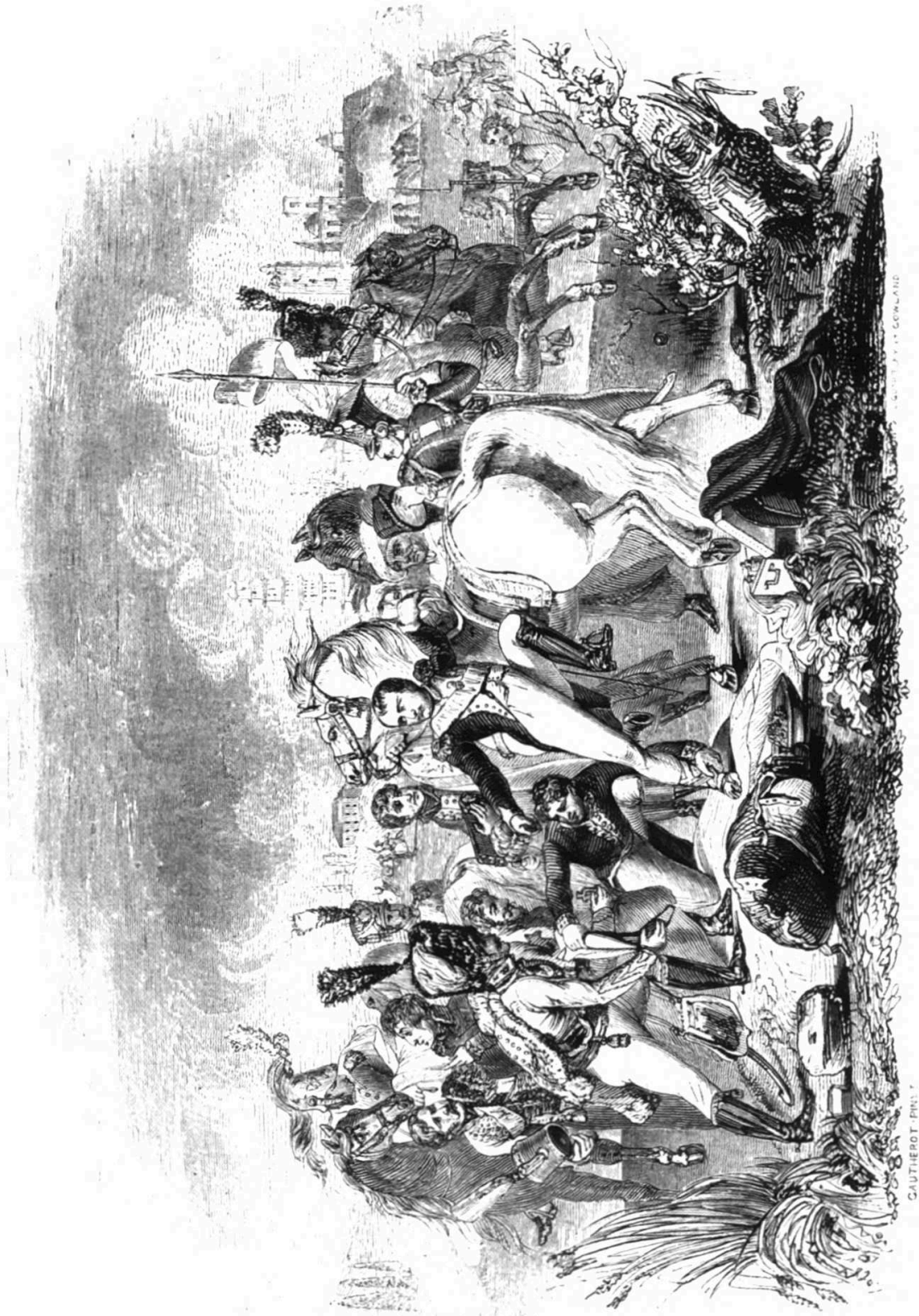
Император вспомнил, как во время одного большого воскресного приёма во дворце, на котором присутствовало много гостей, он обратился к архиепископу Тура, несколько повысив голос: «Итак, господин архиепископ, как идут наши дела с папой римским?» — «Сир, депутация ваших епископов готовится отправиться в Савону». — «Очень хорошо! Постарайтесь заставить папу римского прислушаться

к здравому смыслу. Убедите его вести себя благоразумно, — в противном случае последствия будут весьма неприятными. Скажите ему откровенно, что он более не живёт в обстановке времён пап римских Григориев и что я не являюсь благодушным и снисходительным человеком. У него перед глазами есть пример Генриха VII, и, имея его злобного характера, я обладаю большей силой и властью, чем обладал он. Скажите ему, что в любом случае в моём распоряжении находятся 600 000 вооружённых французов, которые при первой же возможности отправятся со мной в военный поход ради меня и с таким же настроением, как у меня. Крестьянство и ремесленники тоже находятся на моей стороне и испытывают безграничное доверие ко мне. Благоразумная и просвещённая часть среднего класса, то есть те, кому важны их собственные интересы и кто жаждет спокойствия, тоже последуют за мной; а немногие люди, кто поддерживают папу римского, будут во всё совать свои носы и заниматься пустой болтовнёй, но они забудут его через десять дней, чтобы поболтать о каких-нибудь свежих новостях».

И когда архиепископ, лицо которого выражало полное замешательство, попытался вымолвить несколько слов, император почти шёпотом сказал ему: «Вы здесь абсолютно ни при чём. Я разделяю ваши убеждения, уважаю вашу точку зрения и вашу личность!»

Император, — теперь-то я его прекрасно понимаю, — громко и публично делал эти заявления для того, чтобы мы могли с нужным эффектом распространить их дальше, но он заблуждался в отношении наших характеров или, по крайней мере, в отношении характеров некоторых придворных. Отдельные придворные, наименее мыслящая их часть, были решительны и громогласно осуждали эти заявления; другая часть придворных, имея самые лучшие намерения, была чрезвычайно осторожна и старалась, чтобы эти заявления не стали известны и не уронили императора в общественном мнении страны. А в целом наше неправильное представление о планах императора и наша своеобразная манера понимания высказываемых императором мыслей были таковы, что хотя мы это делали безо всякого злого умысла и лишь по легкомыслию, непоследовательности или в угоду моде, тем не менее, вместо того, чтобы способствовать популярности его особы, мы были как раз теми самыми людьми, которые наносили ему наибольший вред. Я очень хорошо помню то утро, когда текст знаменитого Конкордата Фонтенбло неожиданно появился на страницах «Монитора», — некоторые лица по секрету уверяли друг друга, что на свете нет ничего менее достоверного, чем этот документ, представляющий собой гнусную ложь. Другие шептали, что этот документ как таковой — гениальная вещь, но что он получен от папы римского под воздействием императорского гнева и насилия.

НАПЛЕОН ПЕРЕВЯЗЫВАЕТ НАПЛЕОНА, РАНЕННОГО В БИТВЕ ПОД РАТИСБОНОМ

Я бы не удивился, если бы пикантный эпизод, описывающий Наполеона в Фонтенбло таскающим папу римского за седые волосы, оказался не выдумкой политического прозаика, но вышел из уст придворных и даже был рассказан самими слугами императора: именно так пишется история!

Разговор на повышенных тонах с губернатором в присутствии адмирала

18 августа 1816 года

Погода была отвратительная в течение ночи и всего дня. Около трёх часов император воспользовался временным улучшением погоды и вышел из своих апартаментов. Он зашёл в мою комнату, и мы навестили заболевшего генерала Гурго. Затем мы зашли за госпожой де Монтолон, которая составила нам компанию в прогулке по саду. Император находился в прекрасном настроении, которое оживило разговор. Он предпринял попытку убедить госпожу де Монтолон сделать разные признания и, в частности, настаивал на том, чтобы она рассказала о своём первом грехопадении. «Давайте выкладывать, — сказал он, — рассказывайте без опасений, пусть наш спутник не стесняет вас, считайте, что он всего лишь ваш духовник. Через пятнадцать минут он всё забудет».

И я верю, что императору действительно удалось бы уговорить её, если бы появившийся губернатор не испортил нам приятную прогулку. Как только он появился, император сразу же, чтобы избежать встречи с ним, быстро удалился вглубь леса. Через несколько минут к нам присоединился господин де Монтолон, который сообщил императору, что губернатор и адмирал настоятельно просят оказать им честь, предоставив возможность переговорить с ним. Император решил, что они намерены что-то сообщить ему, и вернулся в сад, где и принял их.

Мы остались в отдалении вместе с офицерами губернатора. Разговор вскоре принял возбуждённый характер со стороны императора, который, пока шёл между губернатором и адмиралом, почти всегда обращался к последнему, даже тогда, когда говорил с первым. Мы продолжали идти за ними, но слишком далеко, чтобы что-то ясно услышать. Потом я узнал, что император вновь повторил — возможно, в ещё более повышенном тоне — всё то, что он говорил губернатору во время предыдущих бесед.

Вследствие обстоятельных объяснений, с помощью которых адмирал, действовавший в роли посредника, старался передать императору

суть намерений губернатора, император пришёл к следующему выводу: ошибки господина Лоу продиктованы приобретёнными им жизненными привычками. Он никогда не командовал армейскими подразделениями, но под его началом находились дезертиры из Пьемонта, с Корсики и Сицилии; все они были ренегатами и предателями своих стран, самыми настоящими мерзавцами и отбросами Европы. Если бы господин Лоу командовал английскими солдатами и был одним из них, он бы с уважением относился к тем, кто имеет право считаться честным человеком. В другой раз император заявил, что нравственное мужество так же необходимо, как мужество, проявляемое на поле сражения, и что господин Лоу здесь, на острове Святой Елены, не проявил нравственного мужества по отношению к нам, будучи озабоченным только угрозой нашего побега с острова, вместо того чтобы применять реальные, благоразумные и обоснованные средства для предотвращения побега. Император также сказал губернатору, что, хотя его тело находится в руках недоброжелательных людей, его душа всё так же величественна и независима, как тогда, когда он стоял во главе 400 000 солдат, восседал на троне и распоряжался государствами.

Что касается проблемы, связанной с сокращением наших расходов и с деньгами, которые следует востребовать у императора, то он сказал губернатору: «Все эти мелочи весьма тягостны для меня, они достойны презрения. Вы могли бы положить меня на пылающие тела Монтесумы и Гуатимосина, чтобы и я отдал золото, которого у меня нет. Кроме того, у вас кто-нибудь что-либо просит?

Кто просит вас кормить меня? Когда вы прекратите поставлять нам провизию, те храбрые солдаты, которых вы видите отсюда, — император показал рукой в сторону лагеря 53-го английского пехотного полка, — сжальтесь надо мной. Я сяду за стол гренадёров, и они, я уверен, не прогонят первого и старейшего солдата Европы».

Император упрекал губернатора за то, что тот удерживает у себя некоторые книги, адресованные лично ему. Губернатор ответил, что он поступает так в связи с тем, что книги адресованы *императору*. «И кто дал вам право, — взволнованно спросил император, — ставить под сомнение этот титул? Через несколько лет имена вашего лорда Каслри, вашего лорда Батхерста и всех других — и само ваше имя, имя человека, который сейчас говорит со мной, — будут покрыты пылью забвения, а если и вспомнят об этих именах, то только в связи с тем унижением, которому вы подвергали меня, в то время как имя императора Наполеона, несомненно, навсегда останется предметом гордости, украшением истории и звездой цивилизованных наций. Ваши клеветнические заявления на меня не действуют, вы потратили миллионы на них, — и чего вы ими добились? Правда проникает сквозь тёмные тучи, она сияет, как солнце, и, как солнце, она нетленна!»

Император признал, что в течение всего этого разговора он всерьёз и постоянно оскорблял губернатора, и отдал ему должное за то, что тот ни разу не проявил к нему неуважения; сэр Хадсон Лоу ограничивался тем, что иногда сквозь зубы бормотал какие-то фразы, которые невозможно было разобрать. Он среди прочего обмолвился, что обратился с просьбой отозвать его с острова. Император отметил, что это было самое приятное высказывание губернатора, которое он произнёс за всё время беседы. Губернатор также заявил, что мы пытаемся очернить его личность в Европе, но это наше поведение ему абсолютно безразлично. Единственный неуважительный поступок со стороны губернатора, заявил император, сам по себе весьма незначительный по сравнению с далеко не любезным приёмом, оказанным ему, заключался в том, что губернатор внезапно завершил разговор и, повернувшись, быстро ушёл прочь, в то время как адмирал, тепло попрощавшись с императором, медленно удалился.

Император всё же отметил, что он должен порицать себя за всю эту сцену с губернатором. «Мне не следует более видеть этого человека: он заставляет меня терять самообладание, и в результате я прихожу в ярость. Подобное поведение не соответствует моему достоинству; моя несдержанность приводит к таким выражениям, которые были бы совершенно непозволительны в Тюильри; если их можно извинить здесь, на острове Святой Елены, то только потому, что я нахожусь в его руках и подчинён его власти».

После обеда император распорядился, чтобы ему зачитали ответное письмо губернатору, который официально прислал нам текст договора от 2 августа, в котором монархи узаконили заточение Наполеона. С этим же документом сэр Хадсон Лоу прислал письмо с просьбой принять представителей союзнических держав в Лонгвуде. Император в течение дня продиктовал Монтолону свой ответ губернатору и пожелал, чтобы каждый из нас высказал свои возражения и свою точку зрения. Его письмо показалось нам образцом изъясления чувства собственного достоинства, нравственной силы и здравого суждения.

**Разговор с губернатором обсуждается снова —
Отношение Наполеона к клевете в его адрес —
Договор, подписанный в Фонтенбло — Книга
генерала Сарразина — «Тартюф»**

19 августа 1816 года

Погода продолжает оставаться отвратительной. В течение нескольких дней она напоминает наши суровые штормы в Европе. Император, тем не менее, выходил из дома и в десять часов утра пришёл в мою комнату. При входе он ногой напоролся на гвоздь, торчавший из двери, и его чулок порвался. К счастью, император только слегка оцарапал кожу. Он был вынужден вернуться в свои апартаменты, чтобы поменять чулки. «Вы должны мне пару чулок, — сказал он, пока камердинер натягивал ему на ногу новые. — Вежливый человек не подвергает своих гостей таким опасностям в своих апартаментах. Вы живёте словно моряк. Правда, это не ваша вина. Я считал, что безразличен к таким вещам, но вы фактически превзошли меня». — «Сир, — ответил я, — в этом нет моей заслуги, у меня нет иного выбора. Я действительно, должен признать, живу как свинья в грязи, но, как Ваше Величество говорит, это не совсем моя вина».

Когда погода слегка улучшилась, мы вышли в сад. Император вновь вернулся к разговору, который он провёл вчера с губернатором в присутствии адмирала, и опять порицал себя за несдержанность своих выражений. «С моей стороны было бы более достойно, более последовательно и более благоразумно высказываться сдержаннее, к тому же тогда мои слова произвели бы большее впечатление». В частности, он вспомнил, что назвал Лоу *писарем генштаба*, что, должно быть, задело его самолюбие, причём довольно сильно ещё и потому, что это соответствовало правде, а это, как мы знаем,

всегда вдвойне обидно. «Я сам, — сказал император, — испытал это чувство на острове Эльба. Когда я просматривал опубликованные клеветнические заявления, они ни в малейшей степени не трогали меня. Когда мне говорили или когда я читал, что я душил людей, отравлял их, насиловал женщин, что я устраивал бойню моим больным солдатам и в карете проезжал по раненым воинам, я лишь смеялся от души, сочувствуя моим бедным мнимым жертвам. Как часто мне приходилось говорить Мадам Мер: “Поторопитесь, матушка, приезжайте и посмотрите на этого дикаря, тигра в образе человека, пожирателя рода человеческого. Приезжайте и полюбуйтесь вашим ребёнком!” Но когда печатали хоть малейшую долю правды, результат моего восприятия прочитанного или услышанного был совершенно иным: я чувствовал необходимость защитить себя и копил доводы в своё оправдание, но даже тогда в моей душе оставались следы тайного страдания. Мой дорогой Лас-Каз, таков человек!»

Затем император заговорил о подготовленном им проекте письма с протестом против договора от 2 августа. Он зачитал нам этот проект после обеда. Я позволил себе спросить: разве он, после того как он явно заметил признание англичанами титула императора во время их переговоров в Париже и в Шатильоне, не забыл об этом случае, который должен был обрести своё место в Договоре Фонтенбло и который, к моему удивлению, был в тексте договора опущен? «Это было сделано специально, — поспешил ответить император, — я ничего общего не имею с этим договором. Я отрекаюсь от него, я далёк от того, чтобы гордиться им, я скорее стыжусь его. Условия договора обсуждались за моей спиной. Меня предал Ней, который принёс его мне. Это уже принадлежит моей истории, но моей истории в крупномасштабном плане. Если бы тогда я принял решение вести переговоры благоразумным образом, то получил бы в своё распоряжение королевство Италии, Тоскану или Корсику, — всё, чего бы захотел. Но моё поведение было результатом привычки, свойственной моему характеру, каприза с моей стороны, моей органической неводержанности. Меня охватило чувство антипатии и презрения ко всему, что меня окружало, на меня действовало также чувство пренебрежения к будущему: оно всегда доставляло мне удовольствие. Я бросил взгляд на пятнышко земли на географической карте, где я чувствовал бы себя неуютно, но откуда мог бы воспользоваться ошибками, допущенными другими. Я выбрал остров Эльба. Это был поступок окаменевшей души. Мой дорогой Лас-Каз, у меня, несомненно, весьма своеобразный характер, но мы не стали бы необычными, если бы были сделаны из другого теста. Я — осколок скалы, запущенный в космос! Вы, возможно, с трудом поверите мне, но я не сожалею о потерянной величии. Вы видите перед собой весьма призрачную тень того, кем я был».

«И почему, сир, — заявил я, — я не должен верить вам? О чём вы должны сожалеть? Жизнь человека представляет собой мельчайшую частицу в истории, но что касается Вашего Величества, то ваша жизнь настолько полноценна, что вам едва ли следует проявлять интерес к любой иной жизни. Если ваше тело страдает здесь физически, то ваша память обогащена во сто крат. Если бы вам была предназначена участь закончить жизнь в условиях постоянного благополучия, то сколько великих и удивительных событий прошли бы мимо незамеченными! Вы сами, сир, убедили меня в этом, и я остаюсь под впечатлением силы этой истины. Ведь не проходит и дня без того, чтобы те, кто были вашими врагами, не повторяли вместе с нами, вашими верными слугами, что вы здесь, на острове Святой Елены, представляете гораздо более величественную личность, чем в Тюильри. И даже на этой скале, на которую вас привезли силой и с помощью вероломства, разве вы по-прежнему не командуете миром? Ваши тюремщики, ваши хозяева находятся у ваших ног. Ваша душа пленяет каждого, кто оказывается около вас, вы представляете собой то, что даёт нам в качестве примера история, когда она описывает Святого Людовика в цепях сарацинов как истинного хозяина его завоевателей. Ваше непреодолимое доминирующее влияние сопровождает вас и здесь. Мы все, находящиеся вокруг вас, сир, придерживаемся именно такого мнения о вас. Представитель России недавно, как нас уверяли, выразил то же самое чувство, и его разделяют те, кто охраняет вас. О чём вы должны сожалеть?»

Когда мы вернулись домой, император, несмотря на почти штормовую погоду, приказал подать завтрак в шатёр, задержав меня рядом с собой. Дождь не проникал сквозь брезент шатра, единственное неудобство причиняли крайняя сырость и влажность воздуха, порывистый ветер с дождём кружил вокруг шатра, низвергая потоки воды в долину. Зрелище не было лишено красоты.

Император удалился в свои апартаменты около двух часов дня и вскоре вызвал меня к себе в кабинет. «Я только что читал книгу генерала Сарразина, — сказал он, откладывая её в сторону. — Он сумасшедший, у него ветер в голове, он пишет всякую чепуху. Тем не менее его книгу можно читать, и она забавна. Он критикует, стремится анализировать и выносить суждения, высказывается о людях и событиях. В некоторых случаях он, не колеблясь, даёт советы Веллингтону и утверждает, что тому следовало провести несколько военных кампаний под командованием Клебера, и т.д. Клебер, несомненно, великий генерал. А вот высказывания о Сульте не совсем верны: он отличный начальник и превосходный военный министр.

Сарразин, — продолжал император, — дезертировал из лагеря в Булони, захватив с собой все мои секреты. Это обстоятельство

могло привести к серьёзным последствиям. Сарразин был генералом, его поведение отвратительно и непростительно. Но обратите внимание, как человек в период революции может стать гнусной личностью, наглым и бесстыдным. Я встретился с ним, когда вернулся с острова Эльба. Он ждал меня с самоуверенным видом. Он написал мне длинное письмо, в котором пытался одурачить меня. Англичане, заявил он, — ничтожные существа; он долгое время прожил в их среде, ему хорошо известны их манеры и уловки, он мог бы быть очень полезен мне. Он знал, что я слишком великодушен, слишком велик, чтобы помнить всё то зло, которое он причинил мне. Я приказал отдать его под арест, его судили и вынесли ему приговор, и я нахожусь в недоумении, почему его не расстреляли. Или не было времени привести приговор в исполнение, или о нём просто забыли. Не может быть ни снисходительности, ни потворства генералу, который был настолько низок, что продал себя иностранной державе».

Пришёл гофмаршал. Император, через некоторое время продолжив разговор, увёл его, чтобы играть с ним в шахматы. Император очень страдает от дурной погоды.

После обеда он взялся за «Тартюфа», но настолько устал, что был не в состоянии внимательно читать пьесу. Император отложил книгу и, отдав дань восхваления Мольеру, сделал ряд высказываний, оказавшихся для нас несколько неожиданными. «Весь образ Тартюфа, — заявил император, — бесспорно, написан рукой мастера, он является лучшим творением неподражаемого драматурга. Однако герой пьесы наделён таким характером, что я совсем не удивлён, что появление подобного персонажа было предметом оживлённых разговоров в Версале и больших колебаний со стороны Людовика XIV. Если я имею право чему-то удивляться, то в первую очередь тому, что было разрешено представление этой пьесы. С моей точки зрения, пьеса рисует религиозное рвение весьма странными красками. Одна сцена в пьесе представляет столь определённую ситуацию, столь откровенно непристойную, что я, со своей стороны, без всяких колебаний заявляю, что, если бы пьеса была написана в моё время, я не разрешил бы ставить на сцене это творение Мольера».

Император смеётся над моим гневом

20 августа 1816 года

В соответствии с распоряжением императора я присоединился к нему около четырёх часов дня в бильярдной комнате. Погода по-прежнему оставалась отвратительной, она не позволяла императору

выйти из дома, но из-за запаха дыма он был, тем не менее, вынужден покинуть свои апартаменты и гостиную. Император заявил, что, судя по выражению моего лица, я чем-то очень взволнован. Я весь пылал от негодования, и император хотел знать причину моего состояния.

«Три года тому назад, — рассказал я, — один служащий военного министерства, очень достойный человек, насколько я знаю, посещал мой дом, чтобы давать моему сыну уроки правописания и латинского языка. У него была дочь, которую он хотел устроить на работу гувернанткой, и просил нас дать ей рекомендацию, если подвернётся для этого благоприятный случай. Госпожа Лас-Каз послала за ней. Она оказалась очаровательной и во всех отношениях приятной девушкой. С этого момента моя жена время от времени приглашала её к нам домой, чтобы ввести её в светское общество и чтобы она смогла завязать знакомства, которые окажутся для неё полезными. Но, насколько всё непредсказуемо! Эта молодая персона, наша знакомая, обязанная нашему дому, теперь является баронессой де С., женой одного из представителей союзнических держав, который месяц назад прибыл сюда, на остров.

Ваше Величество может судить о моём удивлении и о моей радости от этой удивительной причуды судьбы. В этом случае, говорил я себе, мне предстоит получить достоверную, подробную и даже весьма секретную информацию обо всём, что меня интересует. Прошло несколько дней, но никаких сообщений от баронессы я не получил. Меня это не слишком беспокоило, более того, я этим был даже доволен. Ибо, как я думал, чем тщательнее соблюдается осторожность, тем скорее мне следует ожидать чего-то большего. В конце концов, подстёгиваемый собственным нетерпением, три или четыре дня тому назад я послал своего слугу к госпоже де С. Слуге я подробно описал её внешность, и так как он житель этого острова, то без труда смог добиться, чтобы она приняла его. Вскоре он вернулся от неё с ответом, что она не знает человека, который направил к ней своего слугу. Я мог бы, при создавшихся обстоятельствах, считать, что её поведение было проявлением осторожности и что она не хотела довериться человеку, которого не знала. Но сегодня я получил письменное сообщение от губернатора, в котором он предупреждает меня, чтобы я не пытался устанавливать на острове какие-либо тайные связи или заводить знакомства и что мне следует учитывать опасность, которой я, тем самым, подвергаю самого себя, а также, что готовность с моей стороны осуществить попытку подобного рода не вызвала у него никаких сомнений, ибо он был поставлен в известность о ней той самой особой, к которой я адресовался. Ваше Величество теперь знает, что именно вывело меня из обычного

состояния равновесия. Такая гнусность, исходящая со стороны той, от которой я имел право ожидать помощи в моих делах и даже определённой благодарности, вызвала у меня безграничное раздражение. Теперь я совсем иной человек».

Император откровенно рассмеялся, услышав мой рассказ: «Как мало вы знаете о человеческом сердце! Её отец был наставником вашего сына или кем-то в этом роде, она пользовалась покровительством вашей супруги, когда это было ей необходимо, и она стала немецкой баронессой! Но, мой дорогой Лас-Каз, вы тот самый человек, которого она более всего страшится на этом острове, который держит её в постоянном напряжении. Она будет утверждать, что никогда не видела вашу жену в Париже, и, кроме того, этот злонамеренный Хадсон Лоу с большим удовольствием придаст гнусный оборот всему делу. Он в этом столь же искусен, сколь и злобен». И император вновь стал смеяться и надо мной, и над моим гневом.

После обеда император опять стал читать «Тартюфа», которого не дочитал вчера, на сегодня у него осталось ещё немало страниц. Император находится в подавленном состоянии, на него явно влияет плохая погода.

Корвисар — Истории, рассказанные в салонах Парижа

21 августа 1816 года

Как всегда, погода ужасная. Нас самым серьёзным образом беспокоит сырость в комнатах, дождь проникает всюду. Секретарь губернатора доставил мне письмо из Европы. Оно стало источником нескольких минут истинного счастья: письмо содержит раздумья и добрые пожелания моих самых дорогих друзей. Я отправился к императору и прочитал ему это письмо.

Нас известили о том, что на острове полностью истощился запас лекарств. При этом кто-то из нас заметил, что в этом нельзя обвинять императора, который ими не пользуется. Император вообще не помнит, чтобы он когда-либо принимал лекарственные средства. Однажды в Тюильри ему прописали три нарывных пластыря, но даже тогда он отказался использовать их. В Тулоне он был серьёзно ранен. Рана, как он сказал, была похожа на ту, которую получил Одиссей и благодаря которой его узнала старая няня. Император полностью вылечился от раны без применения каких-либо лекарств.

Один из нас осмелился спросить: «Если завтра Ваше Величество заболит дизентерией, станете ли вы всё же уважать медицинские средства?» Император ответил: «Сейчас, когда я сравнительно здоров,

я отвечу без колебаний, что да, но если я сильно заболею, то, вероятно, поменяю своё мнение, и тогда мои убеждения будут такими же, как у умирающего, который боится дьявола». Он опять упомянул о своём неверии в медицину, но не в хирургию. Император трижды начинал проходить курс анатомии, но каждый раз прекращал изучать её или из-за занятости другими делами, или из-за отвращения к предмету изучения. «Однажды в конце длительной дискуссии Корвисар, желавший подкрепить свои доводы вещественным доказательством, поступил настолько отвратительно, что принёс в Сен-Клу вырезанный человеческий желудок, который он завернул в носовой платок. При виде этого ужасного зрелища я немедленно был вынужден извергнуть всё, что находилось в моём собственном желудке».

После обеда император попытался читать комедию, но почувствовал себя настолько уставшим, что был вынужден прекратить чтение и удалиться к себе около девяти часов вечера. Он предложил мне последовать за ним и, поскольку не чувствовал склонности ко сну, сказал: «Давайте, мой дорогой Лас-Каз, послушаем одну из ваших историй о Сен-Жерменском предместье и постараемся посмеяться над ней, словно это одна из историй из “Тысячи и одной ночи”!»

«Хорошо, сир. Некогда у Вашего Величества числился один камергер, у которого был двоюродный дедушка, очень старый человек. И я помню, как Ваше Величество рассказывало историю об одном весьма грузном немецком офицере, который, взятый в плен в начале военной кампании в Италии, жаловался на то, что к ним был прислан командовать молодой тщеславный офицер, только портивший военную профессию и делавший её невыносимой. Так вот! Среди нас был его точный двойник — как раз тот старый двоюродный дедушка вашего камергера, который по-прежнему одевался в костюмы времён Людовика XIV. Он красовался в них всякий раз, когда вы присылали донесения о своих достижениях за Рейном; ваши бюллетени о победах при Ульме и Йене действовали на него так, словно у него избыток желчи: он был весьма не в восторге от вас. С его точки зрения, вы также портили военную профессию. Он часто говорил, что участвовал в военных кампаниях под командованием маршала де Сакса, которые действительно были чудесами войны, но не были достойно оценены. “Несомненно, тогда война была искусством, но теперь! — говорил он, пожимая плечами. — В наше время мы вели войну, придерживаясь правил хорошего тона. У нас были свои мулы, за нами следовали повозки маркитанток, у нас были свои палатки, мы жили прекрасно, нам даже давали театральные представления; армии двигались навстречу друг к другу, мы занимали прекрасные позиции, мы проводили сражения; иногда мы занимались осадой крепости, а затем отправлялись на зимние квартиры,

чтобы возобновить операции следующей весной. Именно это, — восклицал он торжествуя, — можно назвать ведением войны! А теперь целая армия исчезает в одном сражении с другой армией, монархов свергают с трона, сотню лье проходят маршем в течение одного дня; что касается сна и еды, то об этом не может быть и речи. Истинно, если вы называете этого человека гением, то я, со своей стороны, обязан подтвердить, что мне об этом ничего не известно; и, соответственно, вы вызываете у меня сожаление, когда я слышу, что вы называете его великим человеком”».

Император разразился приступом смеха, особенно когда были упомянуты мулы и маркитантки. Затем он добавил: «Конечно, вам было привычно слышать массу глупостей о моей особе». — «О да, сир, и в изобилии». — «Хорошо же! Мы сейчас одни, никто нам не помешает, расскажите мне некоторые из них».

«Некий изысканный господин, ранее служивший кавалерийским капитаном, который, судя по всему, был чрезвычайно доволен собственной персоной и своими достижениями в жизни, был в моём присутствии представлен избранному обществу. “Я приехал, — заявил он, — с равнины Саблон, где наблюдал манёвры *нашего Остгота*⁸. (Это были вы, сир.) Он направил друг на друга два или три полка в полном беспорядке, и они все заблудились в густых кустах. Я бы взял его и всё его войско в плен всего лишь с помощью моих пятидесяти солдат. Узурпированная репутация! — воскликнул он. — Понятно, почему Моро всегда придерживался того мнения, что он потерпит поражение в Германии. Говорят о войне с этой страной; если она произойдёт, то посмотрим, как он выберется из неё. Он получит всё, чего достоин”.

Война с Германией произошла, и Ваше Величество через несколько дней прислали нам свои победные бюллетени об Ульме и об Аустерлице. Наш изысканный господин вновь появился в той же самой компании, и мы, несмотря на нашу недоброжелательность к вам, не могли не воскликнуть: “И где ваши пятьдесят солдат?” — “Да, действительно, — заявил он, — невозможно что-либо понять: этот человек победоносно преодолевает все препятствия, сама судьба ведёт его за руку, и, кроме того, эта немчура просто ужасна, — они такие дураки!..”».

Император смеялся от души и пожелал выслушать другие истории, ещё более абсурдные. «Теперь, сир, уже довольно трудно вспомнить. Впрочем, я припоминаю одну престарелую даму с аристократическими замашками, которая до последнего дня своей жизни упрямо отказывалась верить в ваши успехи в Германии. Когда в её присутствии упоминались победы при Ульме и Аустерлице и взятие Вены, она говорила, пожимая плечами: “И вы всему этому верите?

Это всё его выдумки. Он не осмелится ступить ногой в Германию, он, несомненно, всё ещё на этой стороне Рейна, где умирает от страха и посылает нам эти глупые истории в своих бюллетенях. Я не из тех, кого можно обмануть...».

Когда я кончил рассказывать эти истории, император отпустил меня со словами: «Чем они сейчас занимаются, о чём они говорят в настоящее время? Я, несомненно, предоставляю им сейчас прекрасную возможность посплетничать».

22 августа 1816 года

Для меня это был день настоящей скорби: впервые со времени нашего отъезда из Франции я не видел императора. Я — единственный человек, который вследствие благоприятных обстоятельств до настоящего дня пользовался счастьем видеться с ним ежедневно. Он сильно страдает и полностью уединился. Он никого не приглашал к себе.

Император продолжает болеть — Замечательный документ, адресованный сэру Хадсону Лоу

23 августа 1816 года

Погода продолжает оставаться сырой и дождливой. Примерно в половине четвёртого император вызвал меня в свою комнату. Он одевался; вчера он очень плохо себя чувствовал, но благодаря собственному методу лечения, как он заявил, и полнейшему уединению весь день его болезненное самочувствие прекратилось. Император опять чувствует себя неплохо.

Я позволил себе выразить моё искреннее сочувствие по поводу его состояния. Я сказал, что записал в дневнике, что вчерашний день был несчастливый. Надо было сделать эту запись красными чернилами. Когда император узнал причину моей печали, то сказал: «Вот как, оказывается, — это был единственный день со времени нашего отъезда из Франции, когда вы не видели меня! И вы только один такой! — И после недолгой паузы он добавил тоном, явно рассчитанным на то, чтобы улучшить моё настроение: — Но, мой дорогой Лас-Каз, если вы придаёте этому такое значение, если вы считаете это столь важным, то почему вы не подошли к моей двери и не постучали в неё? Для вас я всегда доступен».

Слуги доложили о прибытии доктора О'Мира. Он уверял нас, что губернатор обещал никогда более не ступать ногой в Лонгвуд. Один из нас с иронией заметил, что губернатор начинает нам нравиться.

Император затем отправился в свою библиотеку, где мой сын прочёл ему длинное письмо, которое я написал в Рим*. Сырость в библиотеке заставила императора покинуть её, и на пути в гостиную и бильярдную комнату он соблазнился совершить небольшую прогулку. «Я знаю, — заявил он, — что поступаю неблагоприятно». К счастью, промозглая погода заставила императора немедленно вернуться. Он сел в кресло около камина, попросил воды, настоянной на листьях апельсина, и стал играть в шахматы.

После обеда император читал Мармонтеля, но вскоре отложил в сторону книгу этого самозванного философа. Император по-прежнему сильно кашлял и вновь попросил настойки из апельсиновых листьев. Он пространно и интересно говорил о писательской деятельности Жан-Жака, его таланте, влиянии, странностях и о его личных недостатках. Император удалился в свои апартаменты в десять часов. Я очень сожалею, что сейчас не могу вспомнить подробности всех этих высказываний императора.

Сегодня днём господин де Монтолон направил следующий официальный ответ губернатору, который ранее прислал нам письмо относительно представителей союзнических держав и плачевного состояния дел с финансами. Это было то самое письмо, о котором я уже упоминал в дневнике 18 августа.

«Генерал! Я получил текст договора от 2 августа 1815 года, заключённого между Его Британским Величеством, императором Австрии, императором России и королём Пруссии, приложенный к Вашему письму от 23 июля.

* Это было моё письмо принцу Люсьену, с тех пор ставшее столь знаменитым в истории моих гонений, но об этом дальше.

Император Наполеон выражает протест против содержания этого договора: он не является пленником Англии. Отрёкшись от престола и вручив себя представителям держав ради блага конституции, принятой французским народом, и в пользу своего сына, он по собственной воле и открыто отправился в Англию, чтобы жить там в качестве частного лица, ушедшего в отставку, под покровительством британских законов. Нарушение закона не может привести к созданию права. Особа императора Наполеона находится во власти Англии, но ни реально, ни в силу права он не находился и не находится во власти Австрии, России и Пруссии — в соответствии с законами и обычаями Англии, которая никогда не включала в обмен пленными русских, австрийцев, пруссаков, испанцев и португальцев, хотя была в союзе с этими державами и совместно с ними участвовала в войне. Соглашение от 2 августа, подписанное через пятнадцать дней после прибытия императора Наполеона в Англию, не может, по закону, иметь какой-либо силы. Оно представляет собой только фарс коалиции четырёх крупнейших держав Европы, устроенный ради угнетения одного человека, коалиции, которая не признаёт мнения народов и принципов морали.

Императоры Австрии и России и король Пруссии фактически не имеют права предпринимать какие-либо действия, касающиеся особы императора Наполеона, и поэтому они не могли принимать решений в отношении его. Если бы император Наполеон был во власти императора Австрии, то этот монарх вспомнил бы о взаимоотношениях, которые устанавливают религия и природа между отцом и сыном; такие взаимоотношения никогда не нарушаются безнаказанно. Он бы вспомнил, что Наполеон четыре раза возвращал его на трон: в Леобене в 1797 году и в Люневиле в 1801 году, когда армии Наполеона стояли у стен Вены, в Пресбурге в 1806 году и в Вене в 1809 году, когда армии Наполеона владели столицей и тремя четвертями австрийской империи. Этот монарх вспомнил бы о торжественных заверениях в дружбе, которые он делал Наполеону на биваке в Моравии в 1805 году и на встрече в Дрездене в 1812 году.

Если бы особа императора Наполеона была во власти императора Александра, то он бы вспомнил об узах дружбы, скреплённых в Тильзите, в Эрфурте и в результате почти ежедневного контакта в течение двенадцати лет. Он бы вспомнил поведение императора Наполеона на следующий день после сражения при Аустерлице, когда Наполеон, имевший возможность взять его в плен с остатками его армии, удовлетворился только устным словом Александра и позволил ему отступить. Он бы вспомнил те опасности, которым лично подвергался император Наполеон, чтобы потушить московский пожар и спасти для него столицу. Конечно, этот монарх не нарушил бы

долг дружбы и признательности по отношению к другу, ставшему жертвой превратностей судьбы.

Даже если бы особа императора была во власти короля Пруссии, то этот монарх не забыл бы, что после сражения при Фридланде именно от императора зависело решение посадить на берлинский трон другого короля; он бы не забыл торжественных заверений в преданности и в дружеских чувствах перед лицом врага, которые он выражал императору Наполеону в 1812 году в Дрездене. Поэтому можно видеть во 2-й и 5-й статьях вышеупомянутого договора от 2 августа, что, никоим образом не способные повлиять на судьбу императора Наполеона, которая не находится в их власти, эти монархи расходятся во мнениях относительно того, каким образом судьба императора Наполеона будет решаться Его Британским Величеством, и последний взял на себя приведение всех этих обязательств в исполнение.

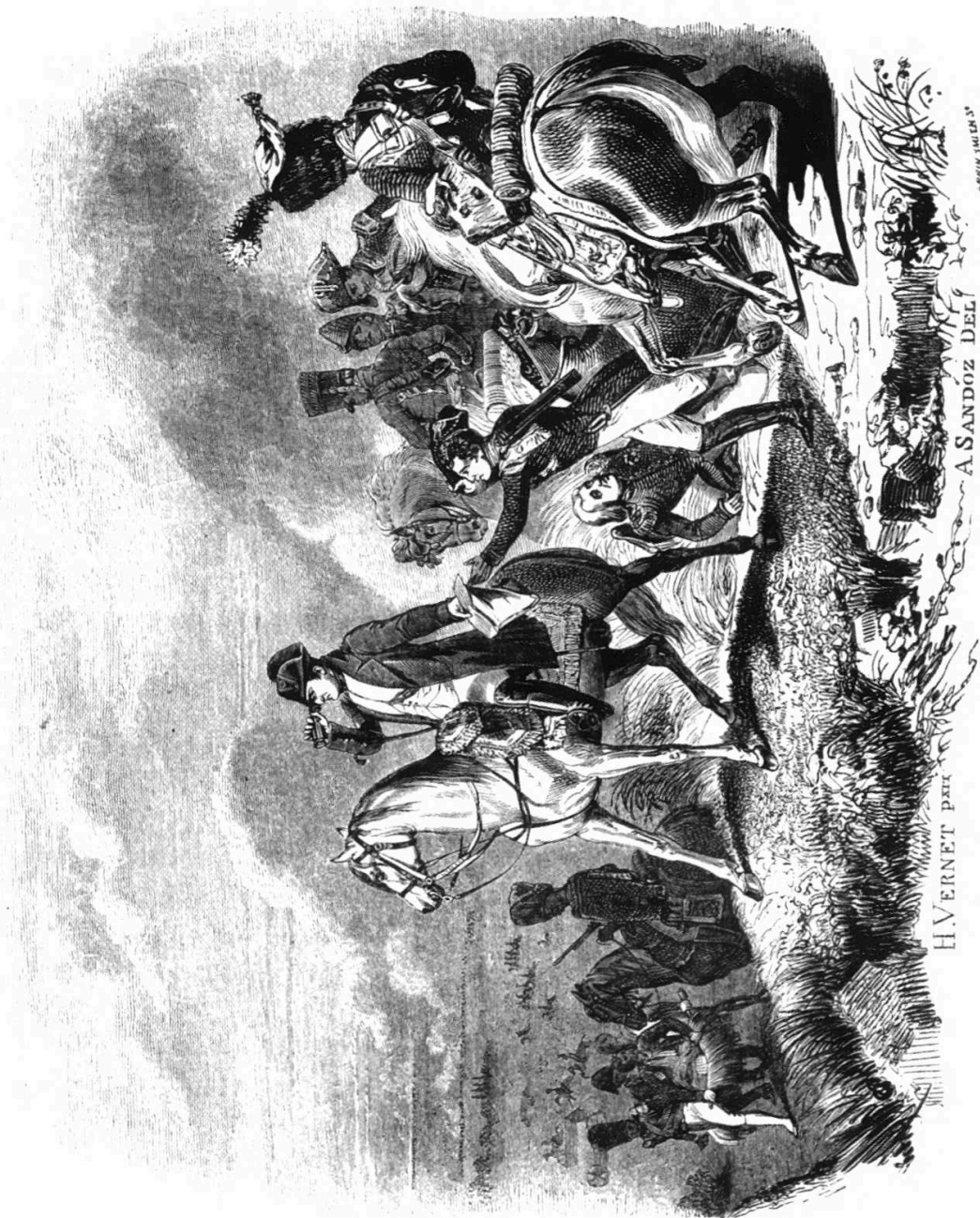
Эти монархи критиковали императора Наполеона за то, что он предпочёл защиту британских законов их законам. Ошибочные идеи, которые император Наполеон разделял, относительно либеральности британских законов и влияния, оказываемого великим народом, великодушным и свободным, на своё правительство, заставили императора Наполеона предпочесть защиту этих законов законам стран его тестя и его бывшего друга. Император Наполеон был всегда свободен обеспечить для себя то, что являлось его собственностью, посредством заключения дипломатического договора, или поставив себя во главе армии Луары, или во главе армии Жиронды, находившейся под командованием генерала Клозеля; но, стремясь только к уединению и к защите законов свободной нации, британской или американской, ставить условия для выхода в отставку он считал излишним. Он верил, что британский народ будет больше связан обязательствами по отношению к нему благодаря его честному, благородному и доверчивому шагу, чем в результате самой торжественной договорённости. Он ошибся, но эта ошибка станет причиной позора для истинных англичан, как для настоящего, так и для будущих поколений, она станет доказательством вероломства британской администрации.

Полномочные представители Австрии и России прибыли на остров Святой Елены. Если цель их миссии заключается в том, чтобы выполнять часть обязательств, которые императоры Австрии и России обусловили договором от 2 августа, и удостовериться в том, что британские агенты в маленькой колонии в самой середине океана преисполнены уважением к монарху, связанному с ними узами тесных отношений, а также в силу многих других причин, то в этом шаге можно увидеть проявление характера этих двух монархов. Но Вы,

сэр, заявили, что эти представители не имеют ни права, ни власти высказывать любое мнение о том, что происходит на этой скале.

Британский кабинет министров насильно выслал императора Наполеона на остров Святой Елены в 2000 лье от Европы. Эта скала, находящаяся ниже тропиков, в 500 лье от любого континента, подвержена зною этой широты; она девять месяцев в году покрыта облаками и туманом. Это одновременно и самое засушливое и самое сырое место на земле. Этот климат — наихудший, какой только возможен для здоровья императора. Именно ненавистью руководствовались те, кто выбрал это место, а также составлял инструкции британского кабинета министров для офицеров, командующих на этом острове. Им было приказано называть императора Наполеона генералом, чтобы вынудить его признать, что он никогда не правил Францией, хотя именно это обстоятельство заставило его принять решение жить под чужим именем, что он и собирался сделать, покидая Францию. Став первым пожизненным магистратом республики с титулом Первого консула, он провёл предварительные лондонские переговоры и заключил Амьенский договор с королём Великобритании. Он принимал в качестве послов лорда Корнуоллиса, господина Мерри и лорда Витворта, которые в этой должности находились при его дворе. Он аккредитовал при короле Англии графа Отто и генерала Андреосси, которые в качестве послов находились при Виндзорском дворе. Когда, после обмена письмами между министрами двух монархов, лорд Лодердейл прибыл в Париж с полномочиями от короля Англии, он вёл переговоры с полномочными представителями, наделёнными всеми правами выступать от имени императора Наполеона, и в течение нескольких месяцев оставался при дворе Тюильри. После этого, в Шатильоне, когда лорд Каслри подписал ультиматум, который союзнические державы вручили полномочным представителям императора Наполеона, он тем самым признал Четвёртую династию.

Этот ультиматум был более выгодным, чем Парижский договор, но от Франции потребовали, чтобы она отказалась от Бельгии и левого берега реки Рейн, что противоречило франкфуртским предложениям и декларациям союзнических держав, а также клятве, данной императором при его коронации, — сохранять целостность империи. Император тогда считал, что естественные границы необходимы как для безопасности Франции, так и для поддержания политического равновесия в Европе. Он полагал, что французской нации в условиях, в которых она оказалась, лучше пойти на риск войны, чем отказаться от своих естественных границ. Франция сохранила бы свою целостность и с ней свою честь, если бы измена не помогла союзникам.

BAÏRAM

Договор от 2 августа и закон, принятый британским парламентом, называют императора Наполеоном Бонапартом и удостоивают его званием только генерала. Титул “генерал Бонапарт” является, несомненно, в высшей степени прекрасным. Император носил это звание в сражениях при Лоди, Кастильоне, Риволи, Арколе, Леобене, при пирамидах в Египте и при Абукире, но в течение последних семнадцати лет он носил титул Первого консула и Императора. Согласие с титулом “генерал Бонапарт” означало бы, что он никогда не был ни первым магистратом республики, ни монархом Четвёртой династии. Те, кто считает, что нации являются всего-навсего толпами людей, которые, по священному праву, принадлежат нескольким семьям, не только отстали от времени, но даже не приемлют духа английского законодательства, неоднократно менявшего порядок своих династий. И это всего лишь потому, что основные изменения в общественном мнении, не разделяемые правящими монархами, сделали этих монархов врагами благополучия большинства этих народов. Ибо короли являются всего лишь наследственными магистратами, которые существуют для благополучия народов, а не для того, чтобы народы обеспечивали их благополучие.

Тот же самый дух ненависти предписал, чтобы императору Наполеону не было разрешено писать или получать письма без того, чтобы они не были вскрыты и прочитаны английскими министрами и офицерами на острове Святой Елены. Таким образом, ему было отказано в любой возможности получать новости от его матери, жены, сына и братьев. Когда же он хотел избежать неудобств, связанных с тем, что его письма прочитываются младшими офицерами, и захотел посылать запечатанные письма принцу-регенту, ему сообщили, что можно направлять только вскрытые письма, поскольку таковы инструкции британского кабинета министров. Эта мера не требует комментария, она даёт хорошее представление о сущности администрации, которая предписывает эту меру; от такой меры отказались бы и в Алжире! Для старших офицеров в окружении императора присылались письма, но Вы не вручали их адресатам, потому что они не прошли через британский кабинет министров. Письмам было необходимо пропутешествовать ещё 4000 лье, а офицеры с горечью узнавали, что на этой скале побывали новости от их жён, матерей и детей, но они могли ознакомиться с этими новостями только через шесть месяцев!!! Это вызывает отвращение у любого человека, имеющего честное сердце.

Нельзя получить разрешение на подписку “Морнинг Кроникл”, “Морнинг Пост” и на некоторые французские газеты, изредка в Лонгвуд присылаются разрозненные номера “Таймс”. В соответствии с просьбой, высказанной ещё на борту корабля “Нортумберленд”,

были присланы некоторые книги, кроме тех, которые касаются событий последних лет. После этого мы хотели связаться с книжным магазином в Лондоне, чтобы непосредственно заказывать необходимые нам книги, а также те, которые освещают текущие события; в этом нам было отказано. Английский автор, издавший в Лондоне отчёт о своём путешествии во Францию, позаботился послать эту книгу в подарок императору, но Вы не посчитали возможным передать её ему, потому что она дошла до Вас не по каналам Вашего правительства. Нам также стало известно, что несколько книг, высланных нам их авторами, не попали по назначению, потому что они содержали дарственные надписи “Императору Наполеону” и “Великому Наполеону”. Британский кабинет министров не уполномочен давать указания об осуществлении подобных вопиющих мер. Закон британского парламента, по существу аморальный, считает императора Наполеона военнопленным, но военнопленным никогда не запрещалось подписываться на газеты или получать книги. Подобное запрещение применимо только к темницам инквизиции.

Остров Святой Елены в окружности насчитывает десять льё; ни с какой стороны он не доступен. Военные бриги охраны курсируют вдоль береговой линии; посты наблюдения расставлены по побережью, они находятся в поле зрения друг друга и полностью исключают практическую возможность связи с морем. Корабли могут бросить якорь и отплыть, используя только гавань городка Джеймстаун. Для того, чтобы помешать кому-либо покинуть остров, достаточно наблюдать за берегом с острова или с моря. Единственная цель запрещения доступа к внутренней части острова может заключаться только в том, чтобы лишить императора восьми-десятимильной прогулки, которую легко совершить верхом на лошади, и, по мнению представителей медицинской службы, невозможность совершать такие прогулки сокращает дни императора.

Императора поселили в Лонгвуде, открытом для всех ветров, расположенном на неплодородной, непригодной для жилья земле, лишённой воды и неприспособленной для выращивания зерновых культур. На окружающей жилое помещение территории, равной примерно 7000 квадратных футов, полностью отсутствует растительность. В тысяче футов от дома на холме раскинулся военный лагерь, а ещё один только что устроен на таком же расстоянии от дома, но в противоположном направлении, с тем чтобы, находясь в самом тропическом пекле, можно было, независимо от того, куда смотришь, видеть только военные лагеря. Адмирал Малькольм, понимая полезность шатра в такой местности, распорядился, чтобы матросы возвели шатёр перед домом, в двадцати шагах от него. Это — единственное место, где можно обрести тень. Император, однако,

доволен отношением к нему со стороны офицеров и солдат 53-го пехотного полка, — так же, как он был доволен отношением к нему со стороны команды “Нортумберленда”.

Лонгвудский дом построили в качестве склада-хранилища фермы Восточно-Индийской компании; уже потом вице-губернатор острова оборудовал в этом складе несколько комнат. Он использовал его как загородный дом, но это жилище никоим образом не подходит для постоянной резиденции. С тех пор, как мы стали жить в этом доме, в нём не прекращаются строительные работы, и император постоянно ощущает на себе неудобства и нездоровую атмосферу процесса строительства. Комната, в которой он спит, слишком мала для того, чтобы поместить в ней кровать нормальных размеров, но любые новые строительные работы в Лонгвуде только продлят неудобства, связанные с пребыванием в нём рабочих. Однако на этом жалком острове есть несколько прекрасных мест, в которых можно обнаружить тенистые деревья, сады и хорошие дома; к числу этих мест можно отнести “Колониальный дом”, но особые инструкции британского кабинета министров запрещают Вам предоставить этот дом в наше распоряжение, что позволило бы Вашему казначейству значительно сэкономить средства, расходуемые на строительство нескольких лачуг, покрытых толем, которые уже сейчас непригодны для жилья.

Вы запретили любые контакты между нами и жителями острова. Вы фактически превратили лонгвудский дом в тайную тюрьму. Вы даже воспрепятствовали нашему общению с офицерами гарнизона. Принимаются все меры для того, чтобы лишить нас даже тех скудных возможностей, которые предлагает нам этот жалкий остров, и наше существование здесь превращается в точно такое же, как если бы мы оказались на дикой и необитаемой скале острова Вознесения. За четыре месяца Вашего пребывания на острове Святой Елены Вы, сэр, только ухудшили положение императора. Граф Бертран заявил Вам, что Вы нарушали законы даже Вашей законодательной власти, попирая права военнопленных старших офицеров. Вы ответили, что следовали букве Ваших инструкций, которые на самом деле ещё даже строже, чем Ваше нынешнее поведение.

Имею честь и т.д.

Граф де Монтолон

P.S. Сэр, я подписал это письмо, когда получил Ваше от 17-го. Вы приложили к нему подробный расчёт ежегодной суммы в 20 000 фунтов стерлингов, которую Вы считаете необходимой для оплаты расходов всего персонала Лонгвуда после всех возможных, как Вы считаете, сокращений. Расчёт этот не может иметь какого-либо отношения к нам: трапеза императора представляет собой едва ли не строжайший минимум, всё продовольствие — плохого качества и в четыре раза

дороже, чем в Париже. Вы просите у императора 12 000 фунтов стерлингов для покрытия всех этих расходов, так как Ваше правительство разрешает Вам использовать только восемь тысяч фунтов стерлингов. Я уже имел честь сообщать Вам, что император не обладает никакими фондами, что в течение года он не получил и не написал ни одного письма и что он ничего не знает о том, что происходит в Европе или что там может случиться. Вывезенный насильно на эту скалу за 2000 лье от Европы, лишённый возможности писать письма, он в настоящее время целиком находится в зависимости от решений, принимаемых британскими представителями. Император всегда желал и продолжает желать взять на себя все эти расходы, и он сделает это, как только Вы предоставите ему такую возможность, отменив запрет, в силу которого нельзя прибегать к услугам торговцев острова для осуществления его переписки, и как только эта переписка перестанет подвергаться цензуре с Вашей стороны и со стороны любого Вашего агента. В ту минуту, когда в Европе узнают о нуждах императора, те, кто проявляет к нему участие, вышлют ему необходимые суммы денег.

Письмо лорда Батхерста, которое Вы мне показали, оставляет странное впечатление. Неужели ваши министры не подозревают о том, что образ великого человека, столкнувшегося с невзгодами, представляет собой гораздо более величественное зрелище, чем их собственный вид? Разве они не знают, что Наполеон на острове Святой Елены, подвергаемый самого различного рода гонениям, которым он может противопоставить лишь выдержку, более велик, более священен, более почитаем, чем самая сильная монаршая власть в том мире, где он в течение продолжительного времени был вершителем судеб королей? Те, кто, обладая подобной властью, не проявляют уважения к Наполеону, только унижают достоинство собственной личности и нации, которую они представляют!»

**Мои дружеские отношения с одной английской семьёй —
Генерал Жубер — Петербург — Книга Ларрея — Москва**

24 августа 1816 года

В два часа дня я посетил императора в его апартаментах. Утром он распорядился, чтобы ему принесли мой «Атлас», и я застал его в тот момент, когда он заканчивал рассматривать географическую карту России и ту часть Америки, которая примыкает к территории России.

Император плохо себя чувствует, в течение ночи он сильно кашлял. Погода, тем не менее, понемногу улучшилась. Пока император

одевался, чтобы выйти погулять, он с одобрением отзывался об идее создания «Атласа», о достоинствах его исполнения и о масштабности содержания. Как обычно, свой отзыв об этой книге он закончил словами: «Какое огромное количество собранных материалов! Как много подробностей! Насколько полны все его части!»

Император отправился в сад. Я рассказал ему, что утром написал в Англию ответ на то письмо, которое прочёл ему три дня тому назад. «Знакомая вам английская семья, — сказал император, — судя по всему, очень хорошие люди, они вас любят, и вы, очевидно, привязаны к ним». Я ответил: «Сир, я заботился о них во Франции в течение десяти лет их жизни в неволе, и они заботились обо мне в течение десяти лет моей эмиграции в Англии. Мы оказали друг другу гостеприимство в стиле древних. Я полагаюсь на них во всех отношениях, и они свободны полностью распоряжаться всем, что у меня есть». — «Это, — заметил император, — очень удачное знакомство. Как вы познакомились? Чему вы обязаны этой связью?» Я рассказал ему, как познакомился с этой семьёй.

«Обломок дерева, с помощью которого несчастный, погибавший после кораблекрушения, спас свою жизнь, не будет ему дороже, чем эта семья для меня. Нет ни благ, сир, ни сокровищ, которые могут возместить доброту этой семьи, и счастье, которым она одарила меня.

Когда ужасные эксцессы революции вынудили нас искать прибежище в Англии, наша эмиграция вызвала живейший отклик в этой стране. Приезд столь многих знаменитых изгнанников, их прошлое богатство и их теперешнее жалкое положение произвели большое впечатление на каждого здравомыслящего человека и тронули жалостью каждое сердце. Наши эмигранты стали предметом внимания со стороны политических групп, религиозных обществ, в кругах высшего света и в частных семьях. Наша катастрофа взволновала все классы английского общества и вызвала к нам всеобщее сочувствие. Мы были окружены великодушными и сострадательными людьми. Мы стали объектами самого деликатного внимания и самого благожелательного расположения. Эта трогательная забота проявлялась к нам со стороны большей части английского общества несмотря на разницу убеждений.

Я был тогда в Лондоне со своей двоюродной сестрой, носившей то же имя, что и я. Её положение в Версале способствовало тому, что она оказывала некоторую помощь наиболее известным особам в Европе, — она была фрейлиной принцессы Ламбаль, которая управляла обслуживающим персоналом королевы. Это обстоятельство оказалось счастливым для нашей семьи. Моя кузина испытала на себе доказательства величайшего доброжелательства; многие

стремились оказать ей свои услуги, и среди многих других — некая молодая супружеская пара. Жена была очаровательной женщиной и отличалась элегантностью и достоинством своих манер, муж был спокойного нрава и обладал мягким и благородным характером. Их дом был почти постоянно открыт для моей кухни и для всех её родственников, которые чувствовали себя там так же непринуждённо, как если бы они находились в кругу своей семьи.

Эта достойная супружеская пара пользовалась любым случаем, чтобы оказать услугу и быть полезной для наших эмигрантов, и их дом часто посещали самые знаменитые эмигранты. Когда принц Конде, прибывший в Лондон, подыскивал для себя загородную резиденцию, эта госпожа N. попросила меня отправиться к нему и предложить роскошный особняк, которым она владела в графстве Дарем. Принц осмотрел здание и заявил, что, несомненно, этот особняк обойдётся ему в огромную сумму. Однако он был приятно удивлён, когда узнал, что особняк предоставляется ему бесплатно женщиной, которая, как она сказала, считала, что получит неоценимую награду, если Конде окажет ей честь поселиться в особняке. Он немедленно отправился к ней, чтобы лично выразить ей свою благодарность.

Эта семья посетила Париж после подписания мирного договора в Амьене, и благодаря её помощи я смог уже через несколько дней дышать воздухом моей страны. Я был освобождён, благодаря возможностям этой семьи, от утомительных и мучительных формальностей, которые требовались от меня на границе из-за акта об амнистии.

Время и обстоятельства в конце концов разлучили нас, но моя память полностью хранит их, и моя благодарность в отношении этих добрых и ценных друзей остаётся постоянной. Вот мой рассказ о том, что вам угодно было назвать “моей английской семьёй”».

Император распорядился, чтобы карета ждала нас в самом конце леса, но нам пришлось ждать довольно долго, поскольку госпожа де Монтолон внезапно занемогла. Её муж пришёл к нам и принёс свои извинения за задержку. Император пригласил его в карету.

Во время поездки беседа велась о генерале Жубере, шурина которого служил адъютантом у Монтолона.

«Жубер, — сказал император, — испытывал к моей персоне настоящее благоговение. Во время экспедиции в Египет он сожалел о моём отсутствии всякий раз, когда республику преследовали неудачи. В то время он возглавлял французскую армию в Италии. Я был образцом для него, он стремился имитировать мои планы, пытаясь совершить то, что я потом осуществил в брюмере; однако он нуждался

в помощи якобинцев. Принятые якобинцами меры и их интриги были нацелены на то, чтобы передать в руки Жубера средства для осуществления грандиозного мероприятия, повысив его сначала до должности командующего французской армией в Италии после катастроф Шерера⁹ — того самого Шерера, который был невежественным казнокрадом, заслуживавшим всяческого порицания. Но Жубер был убит в сражении при Нови, в первом же столкновении с Суворовым. Любая попытка Жубера в Париже провалилась бы: он ещё недостаточно возмужал, в нём чувствовалось непостоянство, и он далеко не достиг пика славы. Природой он был предназначен для того, чтобы обладать всеми вышеперечисленными качествами, но в тот момент он ещё не созрел для этого. Он был слишком молодым, и затея якобинцев была не для его способностей».

Император проехал в карете лишь один круг: он почувствовал себя сильно уставшим и был явно нездоров.

В половине девятого император вызвал меня к себе. Он сообщил мне, что вынужден принять ванну, так как его немного лихорадит. Он почувствовал, что внезапно простудился, но, когда стал принимать ванну, у него прошёл кашель. Император продолжал оставаться в ванне довольно долгое время. Он заказал себе обед, находясь в ней, и распорядился, чтобы мне для обеда накрыли рядом небольшой столик.

Темой нашей беседы стала история России. «Действовал ли Пётр Великий, — спросил император, — мудро, когда основал столицу России в Петербурге, потратив огромные средства? И не были бы результаты его деятельности более значительными, потрать он все эти деньги на Москву? Какую цель он поставил перед собой? Добился ли он её?» Я ответил: «Если бы Пётр остался в Москве, то её население приблизилось бы к европейцам, в то время как остальной народ продолжал бы оставаться азиатским. Необходимо было подвергнуть страну реформам и изменениям. Поэтому он выбрал участок земли у самых границ своей страны, изгнал с этого участка врага, основал там свою столицу и, собрав воедино все свои силы, сделал её неуязвимой. Он связал себя с европейским обществом и утвердил на Балтийском море свою власть, которая не давала возможности его национальным врагам, полякам и шведам, создавать против него коалиции и при случае позволяла ему вступать в союз со странами, находившимися в тылу Польши и Швеции».

Император сказал, что Пётр не ограничивался только этими соображениями. «Как бы то ни было, — продолжал он, — Москва исчезла, и кто может подсчитать всё то богатство, которое там пропало? Давайте поразмышляем о Париже, со всеми его зданиями и промышленными предприятиями, о многовековой работе по его созданию. Если бы его капитал за 1400 лет его существования каждый год возрастал на один миллион, то какую сумму мы бы получили! Давайте соединим эту сумму со складами, с мебелью, приложим ко всему этому союз науки и искусства, активность коммерческой деятельности и т.д., и тогда получим в нашем воображении всю картину Москвы. И всё это исчезло в одно мгновение! Какая катастрофа! Разве сама подобная идея не заставляет содрогнуться? Я не думаю, что Москву можно будет восстановить даже за два миллиарда».

Император довольно долго размышлял обо всём этом и в ходе беседы произнёс одно имя, которое настолько известно, что я не могу не привести его в моём дневнике. Растопчин. Я осмелился заметить, что оценка, данная в то время его патристическому поступку, сильно удивила меня, поскольку Растопчин очень интересовал меня, не вызывая моего возмущения, — более того, я завидовал ему!¹⁰ Император ответил со своеобразной живостью в голосе и с некоторым раздражением: «Если бы многие люди в Париже были способны чувствовать подобным образом, то, поверьте мне, я бы аплодировал этому! Но мне не было предоставлено такого шанса». Подводя итоги беседы о Москве, император сказал: «Никакое художественное произведение, даже призвав всю силу поэзии в описании пожара Трои, не способно сравниться с реальностью того, что случилось в Москве. Город в основном был застроен деревянными домами, ветер дул

сильнейший; все насосы для подачи воды заблаговременно вывезели из города. Москва представляла собой буквально океан огня. Ничего нельзя было спасти от него. Походный марш наших войск был стремителен, город был захвачен мгновенно. Дамы так спешили покинуть Москву, что в их домах мы даже находили бриллианты. Вскоре они написали нам, что искали спасения от первых грубых эксцессов опасной французской солдатни, но что они оставили свою собственность полагаясь на благородство победителей и постараются вернуться в город в течение ближайших дней, чтобы поблагодарить их. Местное население совершенно не замышляло эту жестокость с городом. Оно даже по собственной инициативе передало в наши руки до четырёхсот преступников, которые сбежали из тюрем и поджигали деревянные строения».

«Но, сир, осмелюсь спросить вас: если бы Москва не была сожжена, то не входило ли в планы Вашего Величества остаться в ней на зимние квартиры?»

«Конечно, — ответил император, — и я бы представил всему миру удивительное зрелище, когда армия остаётся на зимние квартиры в самом центре враждебной страны, подвергаясь давлению со всех сторон. Это был бы корабль, осаждённый льдом. Вы бы находились во Франции, не имея никаких новостей от меня в течение нескольких месяцев, но вы бы вели себя спокойно и действовали разумно. Как обычно, Камбасерес вёл бы дела от моего имени, и всё

было бы в таком же порядке, как если бы я сам находился в Париже. Зима в России тяжело подействовала бы на каждого, апатия была бы всеобщей. Весна всё вернула бы на свои места. Всё встало бы на ноги, и хорошо известно, что французы такие же находчивые люди, как представители любой другой национальности.

При первом же наступлении хорошей погоды я бы выступил против врага, я бы разгромил его и стал хозяином его империи. Можно было быть уверенным, что Александр не позволил бы мне довести его страну до такого состояния. Он бы согласился на все продиктованные ему условия, и Франция стала бы пользоваться выгодами своего положения. Фактически, мой успех зависел всего лишь от пустяка. Ибо я предпринял военную экспедицию, чтобы сражаться с вооружёнными солдатами, а не с природой в разгар её сильнейшего гнева. Я побеждал армии, но не мог справиться с пожарами, с морозом, с помрачением рассудка и со смертью! Я вынужден был уступить судьбе. И как в результате этого не повезло Франции! И даже всей Европе!

Мир, заключённый в Москве, завершил бы мои военные экспедиции. Он стал бы конечной точкой людских потерь и началом всеобщей безопасности. Открылись бы новые горизонты, были бы предприняты новые великие дела, направленные на всеобщее процветание и благополучие. Была бы заложена европейская система, и моей единственной оставшейся задачей была бы её организация.

Завершив все эти великие дела и обеспечив повсюду мир, я бы создал мой собственный Конгресс и мой Священный союз. Таковы были мои планы. В этой ассамблее монархов мы бы обсуждали интересующие нас дела по-семейному и приводили в порядок наши счета с народом так же, как управляющий делает это со своим хозяином.

Общее дело века было победоносным, революция завершилась; единственное, что оставалось, так это примирение настоящего с прошлым — тем, что не было разрушено. Но эта задача принадлежала мне. Я длительное время готовился к решению этой задачи, в ущерб моей популярности, но это не имело значения. Я стал аркой, соединившей Ветхий и Новый завет, естественным посредником между старым и новым порядком вещей. Я установил принципы и приобрёл доверие приверженцев старого порядка, я отождествлял себя с приверженцами нового порядка. Я принадлежал обоим; я должен был поступать добросовестно в пользу и тех и других. Моя слава состояла бы в моей беспристрастности».

И перечислив то, что он бы предложил в отношениях между отдельными монархами и между монархами и их народами, император продолжал: «Мы были настолько могущественными, что всё, что мы могли бы уступить, казалось огромным. Народ был бы нам

признателен. В настоящее время всё то, что люди могут вымолить для себя, никогда не покажется им достаточным, и они будут постоянно оставаться недоверчивыми и недовольными».

Затем император стал распространяться о том, что он предложил бы для процветания, влияния и благосостояния европейской конфедерации. Он хотел установить единые принципы, единую систему повсюду: европейский свод законов, европейский апелляционный суд с полными полномочиями исправлять неправильные решения, в том числе и неправильные решения французских судов, единую валютную систему в Европе, но с различными национальными денежными знаками, единую систему весов, мер.

«Таким образом, — продолжал император, — Европа стала бы местопребыванием одного и того же народа, и каждый путешественник на этом континенте оказался бы всюду в одной общей стране».

Он бы потребовал, чтобы все реки стали для всех свободными для навигации, а моря — открытыми для всех, чтобы огромные регулярные армии в будущем были бы сокращены и вместо них остались бы только гвардии, охраняющие монархов.

Император изложил множество идей, большая часть которых была высказана впервые; некоторые из них касались самых простых вещей, другие поражали своей грандиозностью и относились к различным областям политики, гражданских прав и юриспруденции, религии, искусства и торговли. Его идеи охватывали буквально всё на свете.

Император закончил свою речь следующим высказыванием: «Если бы я вернулся во Францию, в лоно своей страны, неожиданно великим, могущественным, миролюбивым и овеянным славой, я провозгласил бы неизменность границ, чтобы все будущие войны имели чисто оборонительный характер, всякое новое расширение территории я объявил бы антинациональным. Я бы привлёк сына к управлению империей; моя диктатура прекратилась бы, и настало бы время его конституционного правления.

Париж стал бы столицей мира, и французам завидовали бы все нации! Своё свободное время и старость я посвятил бы обществу императрицы и поездкам, как простая провинциальная супружеская пара, по всем уголкам империи, чтобы получать петиции и жалобы, исправлять зло, закладывать памятники и совершать добро повсюду и всеми средствами! Всё это, мой дорогой Лас-Каз, входило в число моих мечтаний!»

Император много рассказывал о внутренней территории России, о процветании этой страны, о котором, как он сказал, мы не имели никакого представления. Он много говорил о Москве, которая, со

всех точек зрения, весьма поразила его. Он сравнивал её с другими европейскими столицами, большинство из которых она превосходила. Императора особенно поразили позолоченные купола зданий Москвы, и именно это заставило его, когда он вернулся в Париж, позолотить купол Дома Инвалидов, он был намерен подобным же образом украсить многие другие здания в Париже*.

К сожалению, в этом месте я обнаружил лишь обрывочные записи в рукописи моего дневника, которые теперь уже не могу восстановить.

Поскольку Москва сильно отличается от того, как мы обычно представляем в нашем западном мире этот город, то я склонен думать, что её описание в этом дневнике, сделанное очевидцем, известным человеком, участником военной экспедиции в Россию, будет интересным. Это описание — барона Ларрея, главного хирурга французской армии. Я позаимствовал его из книги Ларрея «Мемуары военного хирурга», которая имела маленький тираж, так как была по своей природе сугубо специальной.

Рассказ о Москве начинается с того момента, когда французская армия вышла к этому городу после сражения при Можайске.

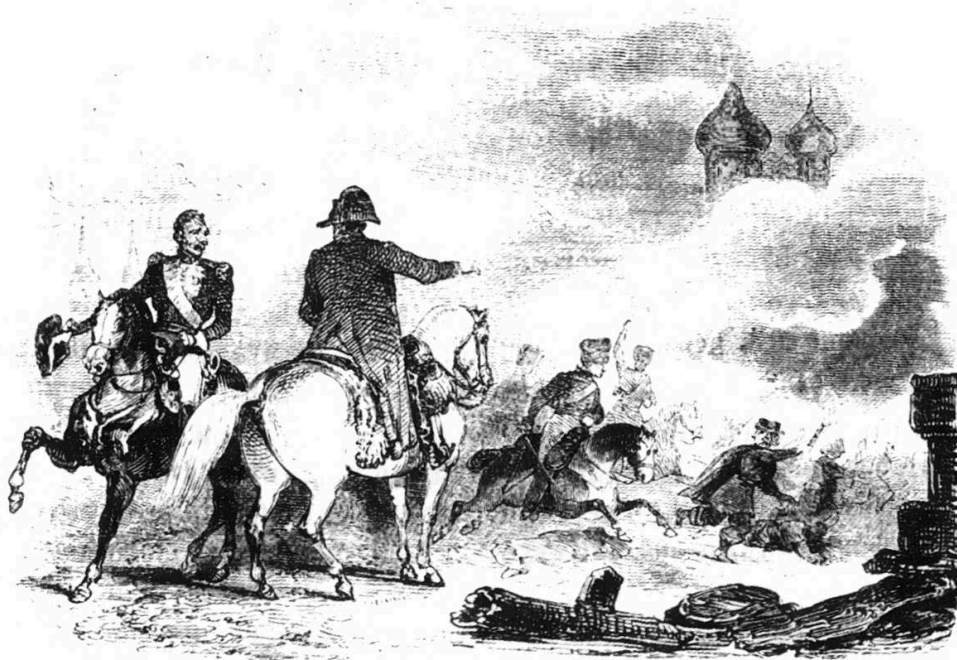
«Едва отойдя на несколько миль от Можайска, мы с удивлением обнаружили, что находимся перед одной из величайших столиц мира на песчаной, засушливой и полностью пустынной равнине. Зловещий вид этого уединённого места, который привёл в уныние солдат, показался нам предзнаменованием всеобщей заброшенности Москвы и тех несчастий, которые ожидали нас в этом городе, изобилие которого обещало нам множество благ.

Армия с трудом продвигалась походным порядком оставшийся отрезок пути до Москвы. Лошади были изнурены и истощены от голода и жажды, — крайне не хватало воды и фуража. Солдатам тоже выпала доля страданий, — их уже полностью одолела усталость и мучил недостаток пропитания. Войска в течение долгого времени не получали положенной нормы довольствия, а небольшое количество провизии, найденное в Можайске, оказалось достаточным только для гвардии. Множество солдат пали жертвами злоупотребления

* После первого появления этой работы мне пояснили, что данное утверждение является анахронизмом, поскольку позолоту на купол Дома Инвалидов начали наносить до кампании в России. Именно минареты Каира, а не колокольни Москвы, должно быть, подсказали идею Наполеону; несомненно, в своём рассказе он действительно имел в виду Москву; легко себе представить, что ошибка подобного рода могла быть сделана им в разговоре без какого-либо умысла, — фактически все люди склонны совершать подобные ошибки.

местными спиртными напитками: они медленно отходили на несколько шагов от своих товарищей, шатались, кружились на месте и потом падали на колени или непроизвольно садились; в этой позе они оставались неподвижными и вскоре умирали, не вымолвив ни слова жалобы. Эти солдаты были явно предрасположены к быстрому воздействию на них местных спиртных напитков, общей физической слабости, лишений и чрезмерной усталости.

14 сентября вечером мы вступили в одно из московских предместий. Мы узнали здесь, что, уходя из города, русская армия увела с собой всех горожан и чиновников, так что остались только некоторые представители простолюдин и прислуга. На следующий день, проходя по главным улицам, мы почти никого не встречали. Дома были покинуты. Особенно удивило нас появление огня во многих отдалённых кварталах, в которые ещё не вступил ни один из наших солдат. Горел и торговый Гостиный Двор Кремля — огромное здание с портиками, похожее на парижский Пале-Рояль.

После всего виденного нами мы были крайне удивлены огромными размерами Москвы, большим количеством её церквей и дворцов, прекрасной архитектурой её зданий, а также удобным расположением домов представителей знати, богатством их мебелировки и наличием в большей части из них различных предметов роскоши. Улицы были просторны, правильно расположены, и всё вообще гармонировало одно с другим. Всё говорило о богатстве города и размахе торговли со всеми странами света.

Красоту города значительно увеличивало разнообразие архитектурных стилей построек: дворцов, церквей, домов. В некоторых кварталах по своеобразию архитектуры можно было определить национальный состав населения: легко было обнаружить места проживания французов, китайцев, индусов и немцев.

Кремль можно назвать московской крепостью. Он находится в центре города на довольно значительной возвышенности и окружён зубчатыми стенами с башнями, на которых установлены пушки.

Упомянутый выше Гостиный Двор, обычно заполненный индийскими товарами и дорогими мехами, стал добычей пламени, так что воспользоваться можно было только тем, что хранилось в подвалах, куда наши солдаты проникли по окончании пожара. Наружные же части этого прекрасного здания были дотла истреблены огнём.

Остальную часть Кремля занимают дворец императоров, Сенат, Арсенал и два очень старинных храма. Все эти памятники роскошной архитектуры величественно возвышаются над внутренней площадью Кремля. Кажется, что вас перенесли на общественную площадь древних Афин, где можно любоваться с одной стороны Ареопагом и храмом Минервы, а с другой — Академией и Арсеналом.

Между двумя храмами возвышается почти цилиндрическая башня, известная под именем колокольни Ивана Великого. Она походит на египетский минарет. Внутри колокольни висит множество колоколов различной величины, а один — удивительной величины, о котором упоминают историки, — стоит возле неё на земле. С высоты башни можно видеть весь город, который предстаёт в виде звезды с четырьмя раздвоенными концами, а разноцветные крыши домов и покрытые золотом и серебром верхушки многочисленных церквей и колоколен придают картине весьма живописный вид.

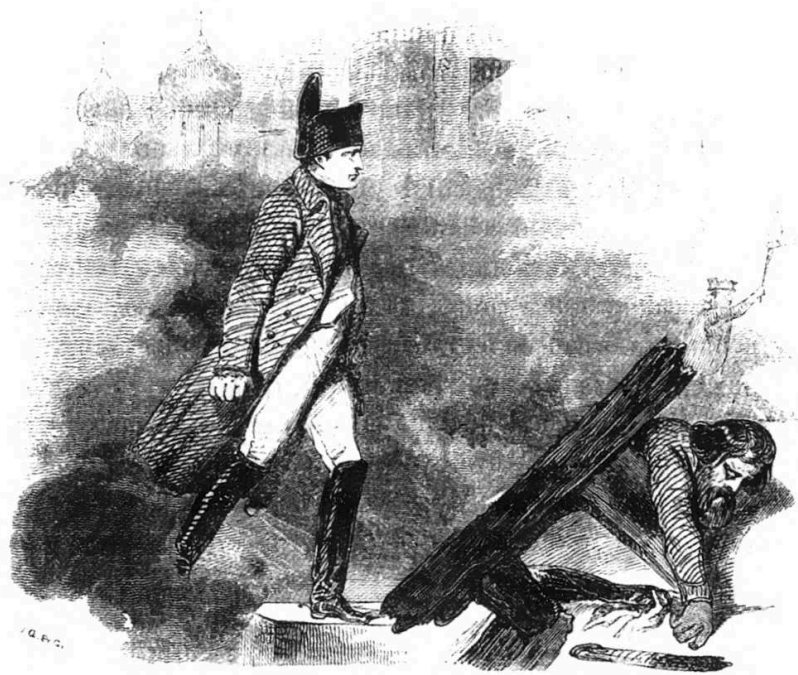
Едва ли найдётся что-либо богаче одного из храмов Кремля (того, где хоронили императоров). Его стены покрыты золотом и вызолоченными пластинками, толщиной в полдюйма, на которых рельефно изображена вся история Ветхого и Нового завета. Массивные серебряные паникадила поражают своими огромными размерами.

Привлёкшие моё особенное внимание больницы сделали бы честь самой цивилизованной нации. Они делятся на военные и гражданские. В обширном военном госпитале мы нашли очень немного больных, которых и перевели в другой, меньший, устроенный при институте для сирот военных.

Больницы гражданские менее примечательны. Четыре главные из них — это Шереметьевская, Голицынская, Александровская и Воспитательный дом. Воспитательный дом расположен на берегу Москвы-реки под охраной кремлёвских пушек. Это, без сомнения, лучшее во всей Европе из учреждений подобного рода. Воспитательный дом представляет собой два комплекса зданий. Первый — тот, где входная дверь, — включает в себе помещение для заведующего, назначаемого из старых заслуженных генералов, квартиры служащих, контору и т.п. Второй комплекс зданий образует по форме правильный четырёхугольник. Внутри расположен довольно обширный двор, посередине которого — фонтан и резервуар, снабжающий речной водой все части здания. Каждая сторона комплекса представляет собой четыре высоких этажа, внутри — достаточно широкие коридоры, далее идут палаты, в одних помещаются девочки, в других — мальчики. Кроватки с пологамы стоят в два ряда и соответствуют росту детей. Повсюду образцовый порядок и чистота.

Следует заметить, что в первой части здания и в главных залах второй потолки сводчатые и постройка настолько прочная, что может противостоять пожару. Кухни и все принадлежности устроены прекрасно. Русские, покидая Москву, увезли всех детей обоего пола старше семи лет, так что осталось всего лишь небольшое количество детей меньшего возраста. Их поместили в особом отделении, а больницу приготовили для французских больных, которых нельзя было перевозить. Выбрали это убежище в надежде, что казаки скорее его пощадят, если бы армии пришлось внезапно покинуть Москву.

Едва мы овладели городом и успели потушить пожары, устроенные русскими в лучших кварталах города, как пожары эти возобновились с новой силой, превращая весь город в сплошные руины. Одной из причин этих пожаров стали поджоги со стороны некоторых русских, среди которых, говорят, были и прежние арестанты, так как после ухода русской армии двери тюрем были открыты. Эти несчастные, исполняя, может быть, приказания свыше, а может быть и самовольно, но во всяком случае с целью грабежа, на глазах у всех бросались от одного дома к другому и поджигали их. Французские патрули, хотя и многочисленные и частые, не могли их удержать. Многих из них я видел взятыми на месте преступления с зажжёнными факелами или горючими смесями в руках. Смертная казнь, к которой приговаривали тех, кого ловили на месте преступления, не производила на других никакого впечатления, и пожар продолжался три дня и три ночи. Без перерыва. Тщетно наши солдаты растаскивали брёвна горевших домов в разные стороны, чтобы остановить огонь, — последний мгновенно проходил через пустыри, и через минуту загорался новый дом.

Второй причиной, благоприятствующей пожарам, стали очень сильные ветры. Они раздували огонь, который и распространялся с необычайной скоростью.

Трудно представить себе картину ужаснее той, какая была у нас перед глазами. Особенно зловещей выдалась ночь с 18-го на 19 сентября, когда пожар достиг своего апогея. Погода стояла сухая, ветер дул не переставая. В эту ночь, страшный образ которой навсегда сохранился в моей памяти, весь город был охвачен пламенем. Со всех сторон до самого неба, закрывая горизонт, вздымались огромные разноцветные столбы огня, ярко озаряя всё вокруг. Эти огненные снопы, разбрасываемые во все стороны и увлекаемые сильным ветром со зловещим свистом, быстро поднимались вверх и сопровождались взрывами воспламенившегося пороха, селитры, смолы, масла или водки, запасы которых имелись почти во всех домах и лавках.

Крашеное кровельное железо внезапно, под влиянием сильного жара, вздувалось и отскакивало в стороны. Большие куски горящих сосновых брёвен и балок отскакивали так далеко, что загорались дома, как казалось, вполне безопасные из-за своей отдалённости от очагов пожара. Всех охватил страх, ужас. Гвардия, главная квартира и император покинули Кремль и город и перебрались в Петровский дворец, расположенный по Петербургской дороге. Я со многими товарищами остался в уединённом каменном доме, находившемся во французском квартале недалеко от Кремля. Оттуда мы наблюдали этот ужасный пожар. Обозы свои мы направили в лагерь, а сами были постоянно настороже.

Оставшееся в Москве простонародье с жалобными стонами перебегало из дома в дом. Многие, желая спасти последнее имущество, нагружались такими узлами, которые едва были в силах нести и которые часто всё-таки бросали, спасаясь от огня. Женщины несли на плечах одного, а то и двух детей, таща остальных за руку. Чтобы избежать грозившей им со всех сторон смерти, они, подобрав юбки, метались по закоулкам в поисках убежища, из которого их снова выгонял пожар, и тогда они разбегались во все стороны и часто оказывались не в силах выбраться из этого лабиринта, ставшего для многих из них могилой. Я видел стариков с опалёнными бородами, которых их собственные дети спешили вывезти на тележках из этого ада.

Наши солдаты, мучимые голодом и жаждой, пренебрегали опасностями, лишь бы извлечь из подвалов и горящих домов съестные припасы и другие предметы первой необходимости. Они бегали вперемешку с потерявшими голову горожанами и тащили всё, что только могли вырвать у страшного огня.

Наконец, 8—10 дней спустя весь обширный и прекрасный город был превращён в пепел. Уцелели только Кремль и дворцы, некоторые богатые дома и церкви, — все эти здания были построены из камня.

Армию это бедствие повергло в уныние, оно предвещало нам большие несчастья. Всем казалось, что у нас уже не будет ни съестных припасов, ни одежды, ни всего того, в чём мы особенно нуждались. Какую более страшную картину могло нам нарисовать наше воображение?

Между тем после пожара главная квартира снова вернулась в Кремль, а гвардия заняла уцелевшие дома французского квартала, и каждый приступил к выполнению своих обязанностей.

Вскоре были обнаружены склады с запасами муки, мяса, солёной рыбы, масла, водки, вин и ликёров. Небольшое количество припасов раздали солдатам, а большую часть хотели сберечь, создав запас на будущее. Но эта излишняя предусмотрительность, которая иногда бывает одной отговоркой, привела к тому, что впоследствии мы были вынуждены сжечь или попросту бросить все эти запасы, которые нам бы оченьгодились и которых хватило бы на прокормление армии, если бы даже она осталась в Москве в течение шести и более месяцев. Особенно это касалось материй и мехов, из которых надлежало бы поскорее сшить тёплую одежду, чтобы защитить солдат от грядущих морозов. И солдаты, никогда не думающие о будущем, были далеки от мысли о том, чтобы выказать подобную предусмотрительность, они думали только, как бы добыть побольше спиртных напитков, золотых и серебряных вещей, пренебрегая всем остальным.

Изобилие, к которому привели неустанные розыски, повредило дисциплине армии и здоровью неумеренных людей. Уже одна эта причина заставила нас ускорить отступление в Польшу. Москва для нас стала тем же, чем стала Капуа для карфагенского полководца Ганнибала. Генералы противника обнадеживали нас возможностью достижения мира, предварительные условия которого должны были быть подписаны со дня на день. Тем временем казаки тучами нападали на наши обозы и ежедневно уводили с собой наших фуражиров. Фельдмаршал Кутузов собирал остатки своей армии и усиливался за счёт рекрутов, направляемых ему со всей страны. Незаметно, под предлогом различных отговорок о перемирии, его передовые посты всё ближе придвигались к нашим войскам. Наконец наступил момент переговоров, и в ту минуту, когда французский посол должен был принять первое решение, пришло известие, что армейский корпус Мюрата окружён. Наш посол, генерал Лористон, с большими трудностями сумел преодолеть препятствия, чтобы вернуться в Москву. Часть наших войск и артиллерии была уже захвачена русскими. Различные корпуса нашего авангарда, который сначала был отброшен русскими, сумели собраться вместе, разбили русскую колонну, которая окружила их, заняли удобную позицию и успешно атаковали многочисленную вражескую кавалерию, отобрав часть артиллерии и освободив пленных, которые попали к русским во время их первоначальной атаки. В конце концов прибытие генерала Лористона и наших раненых стало для нас, находившихся в штабе, подтверждением того, что военные действия с русскими возобновляются. Были немедленно отданы приказы о спешном отступлении армии из Москвы; раздалась барабанная дробь, — это был сигнал взять оружие. Мы наспех собрали некоторое количество провизии, и 19 октября начался наш обратный поход из России».

Коронация — Декреты Берлина и Милана — Основная причина ненависти англичан

25 августа 1816 года

Погода стала просто прекрасной. Император завтракал в шатре и пригласил всех нас к себе. Разговор коснулся церемонии коронации. Он стал расспрашивать подробности церемонии у одного из нас, который присутствовал на ней, но полученный ответ не удовлетворил его. Он задал те же вопросы другому члену свиты, но последний не присутствовал на церемонии. «Где же вы были в то время?» — спросил император. «В Париже, сир». — «Как же так?! Вы не видели коронации?» — «Нет, сир». Тогда император, искоса посмотрев на

него и взяв его за ухо, сказал: «Неужели вы были настолько глупы, что довели свой аристократизм до такой степени?» — «Но, сир, мой час тогда ещё не пробил». — «Но, по крайней мере, вы видели кортеж?» — «Ах, сир, если бы я сгорал от чрезмерного любопытства, то поспешил бы стать свидетелем того, что было наиболее достойным и интересным зрелищем. Хотя у меня был приглашенный билет, я предпочёл подарить его той английской даме, о которой недавно рассказывал Вашему Величеству и которая, между нами говоря, настолько сильно простудилась на церемонии коронации, что чуть было не умерла. Что касается меня, то я безмятежно оставался дома». — «Ну, это уже слишком, я не смогу смириться с этим, — заявил император. — Мерзкий аристократ! Как? И вы действительно виновны в том, что совершили подобную глупость?» — «Увы! Я в этом виновен, — сознался тот в содеянном. — И вот за это я здесь, рядом с вами, на острове Святой Елены». Император рассмеялся и отпустил его ухо.

После завтрака меня навестил капитан английской артиллерии, который в течение шести лет находился на острове Иль-де-Франс; ему предстояло на следующий день отплыть в Европу. Он горячо умолял меня, чтобы я осчастливил его возможностью увидеть императора. Он говорил, что готов отдать всё на свете, лишь бы ему была оказана такая честь, что его благодарность за это будет безграничной, и т.д.

Мы беседовали с ним довольно долго. Император в это время совершал прогулку в карете. Когда он вернулся, мне удалось выполнить пожелание английского офицера. Император принимал его почти пятнадцать минут, и радость англичанина была беспределельна, поскольку он знал, что подобная честь с каждым днём оказывается всё реже. По его словам, буквально всё поразило его в императоре: внешность, вежливость, звук его голоса, его высказывания, вопросы, которые он задавал. Английский офицер воскликнул после встречи с императором, что это герой, настоящее божество!

Император вместе с нами продолжал прогуливаться в саду. Он обсуждал неудачу переговоров, которые предпринял один из членов его свиты; делу, которое обсуждал император, он не придавал особого значения, но для персоны, которой оно было поручено, это дело являлось весьма деликатным. Проблема заключалась в том, чтобы уговорить некоторых английских офицеров опубликовать в Англии один документ.

Император выразил неодобрение по поводу неудачи проведённых переговоров в своей обычной рассудительной манере, проницательно и точно, что всегда характерно для него; тем не менее он был весьма разочарован неудачей переговоров, его замечания были очень строгими, и он высказал их с таким дурным настроением, которого

человек, допустивший промах, видимо, никогда ранее на себе не испытывал. Наконец он закончил свою тираду словами: «В конце концов, сударь, будь вы на их месте, вы бы сами приняли то, что предлагали другим?» — «Нет, сир, не принял». — «Ну ладно, — добавил император укоризненно, — вы не станете моим министром полиции». — «И Ваше Величество будет совершенно право, — быстро ответил его собеседник, который, в свою очередь, почувствовал себя раздражённым, — у меня нет никакой склонности к подобной должности». Незадолго до обеда император, увидев его входящим в гостиную, сказал: «А! Вот и наш сотрудник министерства полиции! Подойди-ка сюда, мой милый полицейский», — и император ущипнул его за ухо. Хотя прошло несколько часов со времени той беседы, император не забыл о ней. Он знал, что человек, получивший выговор, весьма чувствителен, и было очевидно, что император хотел загладить неприятное впечатление, которое осталось у его собеседника после того разговора. Таковы характерные особенности личности императора, и при возникновении самых пустячных дел именно они оказываются наиболее естественными и наиболее заметными.

После обеда император стал обсуждать серьёзные разногласия с Англией по морским делам. «Её попытки, — заявил он, — блокировать меня на море вызвали мой знаменитый Берлинский декрет. Когда британский кабинет министров в приступе негодования установил право досмотра всех кораблей в море, я немедленно ответил знаменитым Миланским декретом, и именно тогда началась война, принявшая в Англии истинно личный характер. Все, связанные с торговлей, были яростно настроены против меня. Англия была озлоблена моей беспримерной решимостью сражаться с нею в полную силу. До меня она обычно имела дело с теми, кто почтительно относился к ней».

В другой раз император рассказал о тех средствах, с помощью которых он вынудил американцев воевать против англичан. Как он сказал, он обнаружил способ связать их интересы с их правами, ибо люди, отметил император, более готовы сражаться за первое, чем за последнее.

Как сказал император, в настоящее время он ожидает со стороны англичан попытки полностью захватить власть на морях, чтобы установить право взимать пошлину в свою пользу. «Это, — сказал он, — один из последних ресурсов, оставшийся им для погашения долгов и для высвобождения из той пучины, в которую они повергнуты. Если среди них найдётся гений, человек незаурядного интеллекта, они непременно предпримут нечто в этом роде. Нет никого, достаточно сильного, чтобы противостоять Англии, и англичане предъявят свои претензии, прикрываясь справедливостью. Они могут

сослаться в своё оправдание на то, что именно ради безопасности Европы они оказались перед лицом трудностей, что они добились успеха и теперь имеют право на определённую компенсацию. И к тому же единственные военные корабли в Европе — английские. Сейчас они фактически правят морями. Существование общественных прав заканчивается, когда нарушается баланс.

Англичане в настоящее время могут стать всесильными, если они ограничатся своим военно-морским флотом. Но они рискуют потерять превосходство, осложнить себе жизнь и незаметно утратить значение своей державы, если будут и дальше упрямо держать солдат на континенте».

Рассказ о битве при Ватерлоо, продиктованный Наполеоном

26 августа 1816 года

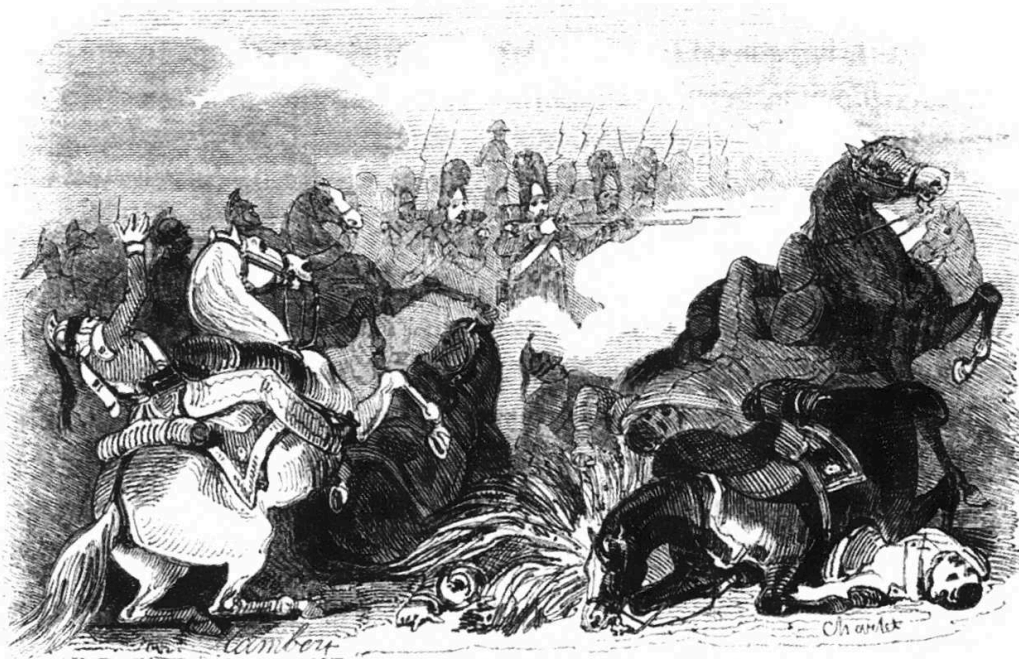
Император вышел из дома рано утром, ещё не было семи часов. Он не хотел беспокоить кого-либо из нас и гулял в одиночестве в саду, за шатром, в который затем пригласил всех нас завтракать вместе с ним. Он оставался там до двух часов дня.

Во время обеда император много говорил о нашем положении на острове. Он заявил, что не покинет Лонгвуд, что не возражает против гостей и хочет, чтобы наша жизнь была более разнообразной и мы нашли новые возможности для развлечений. Ему бы доставило удовольствие, сказал он, видеть нас больше в движении, совершать более продолжительные прогулки и т.д.

Император выразил желание прочитать нам свой рассказ о битве при Ватерлоо, который он продиктовал генералу Гурго. Какая битва! Мучительно думать о ней. Судьба Франции оказалась висящей на волоске!

Это описание было опубликовано в Европе в 1820 году, после того, как были найдены способы переслать его тайно с острова Святой Елены, несмотря на проявляемую бдительность властей. Когда его напечатали, ни у кого не осталось и тени сомнений в отношении авторства. Со всех сторон слышались восторженные восклицания о том, что только один Наполеон способен дать описание битвы в такой манере, и все с уверенностью утверждали, что сам Веллингтон без колебаний согласится с этим описанием. Какие замечательные страницы! Невозможно попытаться дать анализ этому рассказу или претендовать на то, чтобы передать его совершенство в выражениях, адекватных его достоинствам. Поэтому я дословно переписываю

сюда последние страницы этого повествования, содержащие девять замечаний Наполеона о тех ошибках, которые были совершены в этой битве. Эти замечания я предваряю описанием, тоже сделанным под диктовку Наполеона, тех ресурсов, которыми Франция всё ещё обладала после Ватерлоо.

«Положение Франции было критическим, но не отчаянным после битвы при Ватерлоо. Были приняты все подготовительные меры при том предположении, что наступление на Бельгию окончится неудачей. Семьдесят тысяч солдат были сосредоточены 27 мая между Парижем и Лаоном; от двадцати пяти до тридцати тысяч, включая учебно-запасные воинские части гвардии, шли походным маршем из Парижа и из военных лагерей. Генерала Раппа с 25 000 солдат отборных войск ждали на реке Марна в начале июля; все потери были возмещены, и материальная часть артиллерии была приведена в порядок. В одном Париже насчитывалось 500 пушек полевой артиллерии, и только 170 были непригодны. Таким образом, армия численностью в 120 000 солдат, равная той, которая переправилась через реку Самбру 15 июня, с подвижным составом артиллерии в количестве 350 пушек прикрыла бы Париж к 1 июля. Независимо от этих вооружённых сил, столица имела для своей защиты 36 000 солдат национальной гвардии, 30 000 отличных стрелков, 6000 артиллеристов, 600 батарейных пушек, основательно укреплённых на правом берегу реки Сены, а на левом её берегу установка артиллерийских батарей через несколько дней была бы полностью закончена.

Англо-голландская и прусско-саксонская армии, сокращённые более чем на 80 000 солдат и теперь насчитывающие 140 000 солдат, переправились через Сомму в составе более чем 90 000 солдат; там они должны были поджидать помощи со стороны австрийских и русских армий, которые не могли быть у реки Марны до 15 июля.

Соответственно, Париж имел в своём распоряжении двадцать пять дней, чтобы подготовиться к своей защите, закончить работу по вооружению жителей, завершить строительство фортификаций, подвезти запасы провизии и принять войска из всех уголков Франции. Даже к 15 июля не более тридцати или сорока тысяч солдат могли бы прибыть к реке Рейн, а основная масса русской и австрийской армий смогла бы занять боевые позиции лишь позже. Столица более не нуждалась ни в оружии, ни в амуниции, ни в офицерах; численность отличных стрелков могла быть легко увеличена до восьмидесяти тысяч, а количество полевой артиллерии — до шестисот пушек.

Маршал Суше, в соединении с генералом Лекурбом, имел бы до тридцати тысяч солдат у Лиона, не считая гарнизона этого города, который был хорошо вооружён, снабжён провизией и отлично защищён траншеями. Защита всех хорошо укреплённых городов была обеспечена, а их гарнизонами, составленными из верных войск, командовали отборные офицеры. Всё можно было привести в порядок и исправить, но необходимо было уметь принимать решения, проявлять энергию и твёрдость офицерам, правительству, обеим палатам и всей нации. Требовалось, чтобы Франция воодушевилась чувством чести, славы и национальной независимости, чтобы она устремила свой взгляд на Рим после битвы при Каннах, а не на карфагенян после битвы при Заме! Если бы Франция поднялась до таких высот, она стала бы непобедимой. Её народу более присущ боевой дух, чем любому другому народу в мире. Страна в изобилии обладала военными запасами и была готова восполнить любой недостаток.

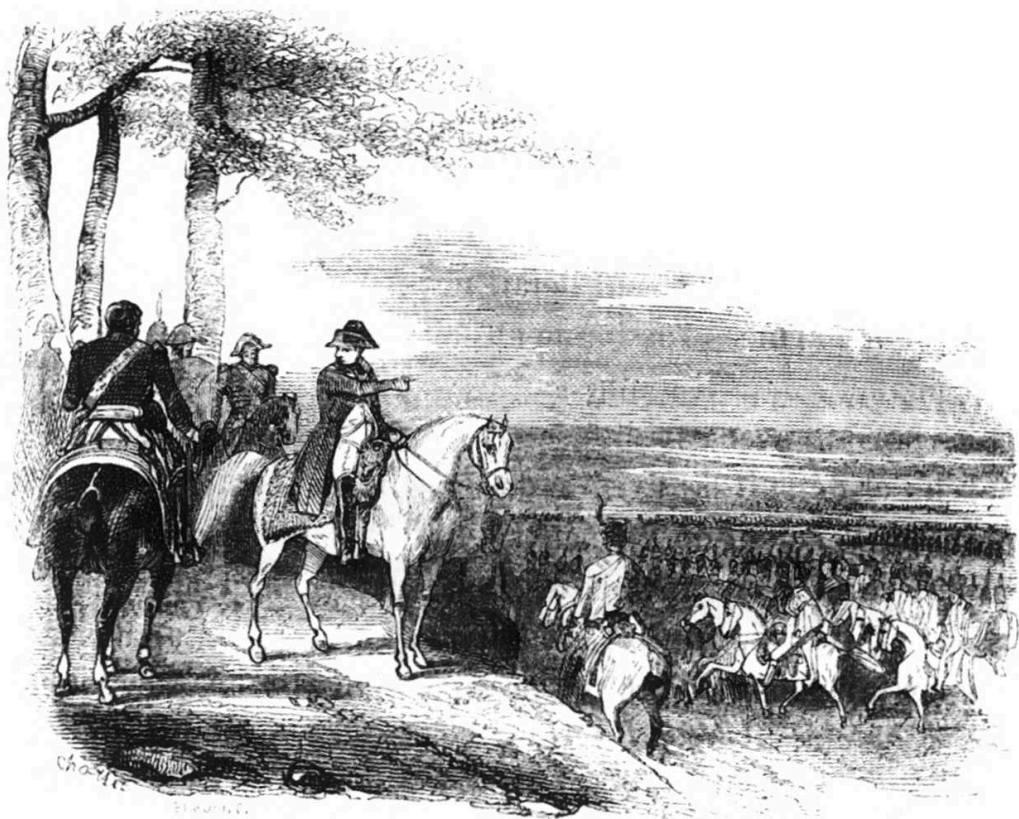
21 июня маршал Блюхер и герцог Веллингтон вступили на французскую территорию во главе двух колонн. 22 июня в Авен-сюр-Эльп взорвались пороховые склады, и город сдался. 24 июня пруссаки вошли в Гюиз, а герцог Веллингтон вступил в Камбре. В Перонне он был 26-го. В течение всего этого времени крепости первой, второй и третьей линии во Фландрии были блокированы. Однако 25-го числа оба генерала узнали об отречении императора, которое произошло 22 июня, о мятеже палат, об обезкураженности, вызванной этими событиями в рядах армии, и о воспрянувших надеждах среди наших внутренних врагов. С этого момента они думали только о походном марше к столице, под стенами которой они появились в конце июня во главе менее чем 90 000 солдат.

Подобный опрометчивый шаг мог бы оказаться для них фатальным и привёл бы их к полной гибели, если бы там присутствовал Наполеон, но этот монарх отрёкся от престола! Войска, стоявшие на линии Парижа, более 6000 солдат учебно-запасных воинских частей гвардии, отличных стрелков национальной гвардии, отобранных среди жителей этой великой столицы, были преданы Наполеону. В их силах было попытаться уничтожить вторгшегося врага! Но для того, чтобы объяснить мотивы, которыми руководствовался Наполеон в период этого важного политического кризиса, который привёл к таким роковым результатам и для Наполеона, и для Франции, необходимо в нашем рассказе вернуться назад, к более ранним событиям.

Первое замечание. Императора порицали, во-первых, за то, что он отказался от диктатуры в тот самый момент, когда Франция более всего нуждалась в диктаторе. Во-вторых, за то, что он менял конституцию в тот момент, когда необходимо было думать только о сохранении империи от вторжения врага. В-третьих, за то, что он позволил жителям Вандеи вновь подняться на борьбу, хотя сначала они отказывались взяться за оружие и выступить против правительства империи. В-четвёртых, за то, что он собрал членов палат на заседание, когда ему следовало собрать воедино армию. В-пятых, за то, что он отрёкся от престола и оставил Францию во власти разделённой на части и неопытной ассамблеи, ибо, в конце концов, если это правда, что монарх был не в состоянии спасти страну без доверия к нему всей нации, то неменьшая правда состоит в том, что страна не могла в этих критических обстоятельствах сохранить своё счастье и свою независимость без Наполеона.

Второе замечание. Искусство, с которым скрытно, без всякого ведома со стороны противника, проводились передвижения различных частей армии в начале военной кампании, заслуживает пристального внимания. Маршал Блюхер и герцог Веллингтон были поражены. Они ничего не видели, ничего не знали об операциях, которые проводились вблизи их передовых постов.

Для того чтобы атаковать две вражеские армии, французы могли обойти их справа или слева, или проникнуть через их центр. В первом случае они могли двинуться вперёд на Лилль и столкнуться с англо-голландской армией, во втором случае — выступить по направлению к Живе и Шарлемону и столкнуться с прусско-саксонской армией; эти две армии оставались объединёнными, поскольку вынуждены были жаться друг к другу. Император принял план прикрытия своих манёвров движением войск вдоль реки Самбра, вклинившись в позиции противника по линии, разделявшей обе армии у Шарлеруа, у точки соединения этих армий. Император осуществил свои манёвры быстро и с большим искусством. Тем

самым он обнаружил в тайниках военного искусства средство сосредоточить в одном месте 100 000 солдат, в которых он нуждался. План был осуществлён смело и благоразумно.

Третье замечание. На характер некоторых генералов повлияли события 1814 года: эти генералы в какой-то степени утратили боевой дух, решительность и уверенность, с которыми они раньше добились такой громкой славы и которые так много способствовали успеху прошлых военных кампаний.

1. 15 июня третий корпус должен был двинуться походным порядком в три часа утра и прибыть в Шарлеруа в десять часов утра; он прибыл туда только в три часа дня.

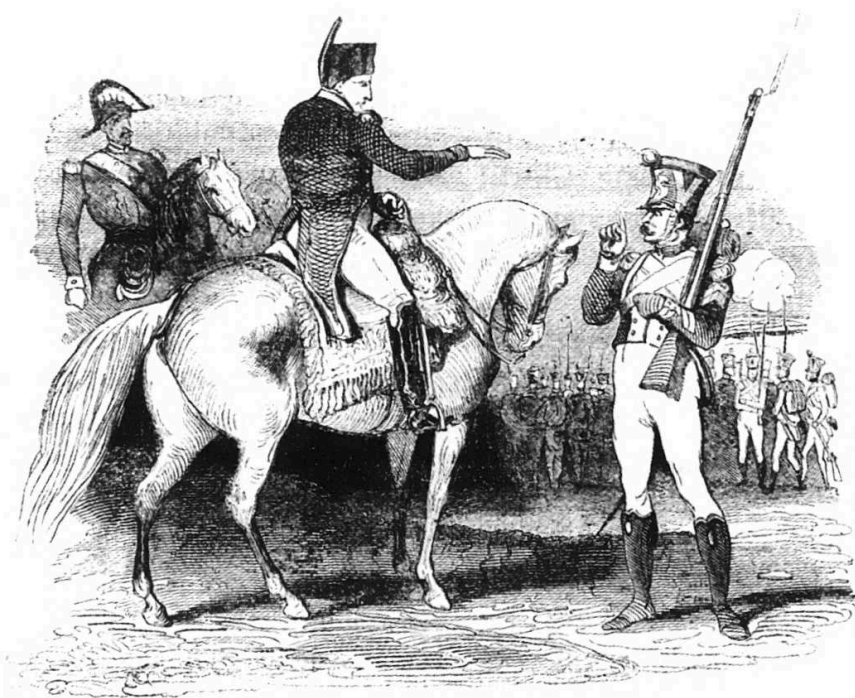
2. В тот же день атака в лесах перед Флёрюсом, которая по приказу должна была начаться в четыре часа дня, началась только в семь часов вечера. Ночь наступила до того, как войска вошли во Флёрюс, где главнокомандующий французской армии был намерен устроить в тот день свою штаб-квартиру. Потеря семи¹¹ часов оказалась очень огорчительной для начала всей кампании.

3. Ней получил приказ выступить в поход 16 июня во главе 40 000 солдат, которые составляли левый фланг французской армии под его командованием, и выйти к селению Катр-Бра, чтобы с рассветом занять там позиции и приступить к рытью траншей.

Ней промешкал и потерял восемь часов. Принц Оранский всего лишь с 9000 солдат удерживал эти важные позиции 16 июня вплоть до трёх часов дня. Когда, в конце концов, маршал Ней получил в двенадцать часов дня приказ из Флёрюса и увидел, что император готовится атаковать пруссаков, он выдвинулся к Катр-Бра, но только с половиной своих войск, оставив вторую половину для прикрытия своего отступления, на расстоянии двух лье в своём тылу; он вспомнил об этом только в шесть часов вечера, когда стал нуждаться в этих войсках для собственной защиты. В других кампаниях этот маршал стал бы хозяином положения на позициях перед Катр-Бра в шесть часов утра; он бы разгромил и взял в плен всю бельгийскую дивизию; он или отбросил бы прусскую армию, послав часть своих войск на дорогу в Намюр, чтобы напасть на тыл прусских войск, выдвинувшихся вперёд для наступления, или, стремительно продвигаясь вдоль дороги на Женап, неожиданно атаковал бы и разгромил находившуюся на марше брауншвейгскую дивизию и продвигавшуюся из Брюсселя пятую английскую дивизию. Затем он продвинулся бы вперёд, чтобы встретить третью и четвертую английские дивизии, которые двигались в направлении к Нивелю. Обе эти английские дивизии были без кавалерии и без артиллерии, к тому же их сильно одолевала усталость. Ней, который всегда первым бросался в самый разгар битвы, забывал о войсках, которые непосредственно не участвовали в сражении. Мужество, которое проявляет главнокомандующий армии, отличается от мужества дивизионного генерала точно так же, как мужество последнего должно отличаться от храбрости капитана гренадёров.

4. Авангард французской армии подошёл к Ватерлоо в шесть часов вечера 17 июня. Ему следовало выйти к Ватерлоо к трём часам дня, если бы не проявление досадной нерешительности. Император был очень подавлен этой задержкой и, показав рукой на солнце, воскликнул: «Чего бы только я не отдал сейчас, чтобы иметь власть Иосифа и остановить движение солнца на два часа!»

Четвёртое замечание. Французские солдаты никогда ранее не проявляли большего мужества, энтузиазма и бодрости. Они были воодушевлены чувством собственного превосходства над всеми солдатами Европы. Их преданность императору была совершенно неослабной, она, возможно, даже возросла; но французский солдат относился с подозрением к другим командирам, которым он не доверял. Измены 1814 года не выходили у него из головы, и он чувствовал себя неуверенно, совершая любой манёвр, который он не понимал: он считал, что его предадут. В тот момент, когда раздались первые пушечные выстрелы около Сент-Амана, пожилой капрал подошёл к императору и сказал: “Сир, остерегайтесь маршала

Сульта, я уверен, что он предатель”. — “Ничего не бойтесь, — ответил император, — я отвечаю за него как за самого себя”. В разгар сражения офицер сообщил маршалу Сульту, что генерал Вандамм перешёл на сторону врага и его солдаты во весь голос требуют, чтобы император узнал об этом. В конце сражения драгун с окровавленной саблей в руке галопом прискакал к императору и воскликнул: “Сир, немедленно выезжайте в дивизию, генерал д’Энен убеждает драгун переходить на сторону противника”. — “Вы сами слышали его?” — “Нет, сир, но офицер, который разыскивает вас, видел его и приказал мне сообщить об этом Вашему Величеству”. На самом деле доблестный генерал д’Энен отразил атаку врага, но пушечное ядро противника попало в него и оторвало ему ногу.

Вечером 14 июня генерал-лейтенант Бурмон, офицеры К. и В. дезертировали и перешли на сторону врага. Их имена будут проклинать до тех пор, пока существует Франция. Тревожные чувства войск были значительно усилены этим предательством. Почти нет сомнений в том, что среди солдат четвёртой дивизии в вечер битвы при Ватерлоо, когда маршал Блюхер атаковал деревню Ла-Хэ, раздался крик: “Спасайся, кто может!” Эту деревню защищали не так, как следовало бы*. В равной степени вероятно, что несколько офицеров, которым было поручено доставлять приказы, исчезли. Но даже

* Генерал Дюрютт, который был искалечен в этот злополучный день, командуя упомянутой здесь четвёртой дивизией, заявляет, что это ошибка или злой умысел по отношению к нему.

если отдельные офицеры дезертировали, ни один рядовой солдат не был виновен в этом преступлении. Некоторые раненые солдаты покончили с собой на поле битвы, узнав о поражении армии.

Пятое замечание. В течение дня 17 июня французская армия была разделена на три части; 69 000 солдат под командованием императора походным маршем двигались по направлению к Брюсселю из Шарлеруа; 34 000 под командованием маршала Груши вели операции против бельгийской столицы со стороны Вавра, преследуя пруссаков; около восьми тысяч солдат оставались на поле сражения при Линьи, из которых три тысячи, входившие в состав дивизии Жирара, были заняты тем, что помогали раненым и формировали резерв из-за неожиданных потерь в Катр-Бра; около пяти тысяч оставались в резерве во Флёрюсе и в Шарлеруа. Тридцать четыре тысячи солдат под командованием маршала Груши со ста восемью пушками было достаточно для того, чтобы обратить в бегство прусские тыловые части с любых позиций, которые они могли бы занять, продолжать оказывать давление на отступающую армию и следить за ней. Таков был славный результат победы в сражении при Линьи, когда 34 000 солдат противостояли армии, насчитывавшей 120 000. Шестидесяти девяти тысяч солдат под командованием императора было достаточно для того, чтобы разгромить англо-голландскую армию в составе девяноста тысяч. Диспропорция, которая существовала 15 июня между двумя воюющими сторонами в соотношении один к двум, существенно изменилась и более не превышала соотношения трёх к четырём.

Если бы англо-голландская армия разгромила противостоящую ей армию в количестве 69 000 солдат, то Наполеона можно было бы упрекнуть, что он плохо рассчитал свои планы; но нельзя отрицать, и это признаёт даже противник, что, если бы не прибыл Блюхер, англо-голландская армия была бы сметена с поля битвы между семью и девятью часами вечера. Если бы маршал Блюхер не прибыл на поле сражения в восемь часов вечера со своими первым и вторым корпусами, то марш на Брюссель двумя колоннами в течение дня 17 июня сопровождался бы рядом преимуществ. Левая колонна оказывала бы давление на англо-голландскую армию, продолжая её контролировать, правая колонна под командованием маршала Груши оказывала бы давление на прусско-саксонскую армию, сдерживая её операции, и вечером вся французская армия вышла бы к перекрёстку в пяти лье от плато Мон-Сен-Жан до Вавра, со своими передовыми отрядами на краю леса. Виноват маршал Груши, сделавший остановку 17 июня в Жамблу и затем в течение дня едва проходивший два лье, вместо того чтобы ускорить походный марш на Вавр, куда он прибыл в четыре часа после полудня, вместо того чтобы быть там в 6 часов утра.

1. Груши, которому было поручено преследовать маршала Блюхера, потерял его из виду почти на сутки, с четырёх часов дня 17 июня до двенадцати часов с четвертью днём 18 июня.

2. Использование кавалерии в открытом поле в то время, когда атаку генерала Бюлова ещё не отбили, оказалось катастрофой. Главнокомандующий планировал пустить в ход кавалерию, но только на час позже и с поддержкой шестнадцати пехотных батальонов, входящих в состав гвардии, и ста пушек.

3. Конные гренадёры и драгуны гвардии под командованием генерала Гюйо без приказа вступили в бой. Таким образом, к пяти часам дня армия оказалась без резерва кавалерии. Если бы в половине девятого этот резерв существовал, то буря, которая снесла всё на поле сражения, к этому времени рассеялась бы, атаки кавалерии противника были бы отбиты, и обе армии спали бы в поле, несмотря на успешное прибытие генерала Бюлова и маршала Блюхера. Преимущество было бы на стороне французской армии, так как находившиеся в свежем состоянии 34 000 солдат маршала Груши и его 108 пушек расположились бы биваком на поле сражения. Две армии противника ночью разместились бы под прикрытием леса Суаньи. Конные гренадёры и драгуны гвардии обязаны были в любом сражении не спускать глаз с императора и никогда не приступать к атаке без устного приказа монарха генералу, командовавшему этими гренадёрами и драгунами.

4. Маршал Мортье, главнокомандующий гвардии, сдал командование 15 июня в Бомоне, как раз перед началом боевых действий, и никто не был назначен на его место; это привело к целому ряду отрицательных последствий.

Шестое замечание.

1. 13-го и 14 июня французская армия маневрировала на правом берегу реки Самбры. Она расположилась лагерем в ночь с 14-го на 15 июня на расстоянии в половину лье от прусских передовых постов; тем не менее маршал Блюхер ничего не знал об этом, и когда утром 15 июня он узнал в своём штабе в Намюре, что император вступил в Шарлеруа, ему были необходимы два дня и преодоление расстояния в тридцать лье, чтобы соединить свои войска. Он был обязан начиная с 15 мая перевести свой штаб во Флёрюс, чтобы сконцентрировать армию в радиусе восьми лье с передовыми постами на реках Мёз и Самбра. Его армия могла бы тогда собраться в Линьи 15 июня в полдень, чтобы поджидать на этой позиции атаку французской армии или выступить против неё вечером 15 июня, чтобы сбросить её в реку Самбра.

2. Однако, несмотря на эту неприятную новость, маршал Блюхер упорно продолжал проводить план по сбору своих войск на высотах

Линьи позади Флёрюса, подвергая себя опасности быть атакованным до прибытия основной массы его армии. Утром 10 июня он собрал вместе только два корпуса, а французская армия уже находилась во Флёрюсе. В течение этого дня к нему присоединился третий корпус, но четвёртый под командованием генерала Бюлова не мог подоспеть к началу сражения. Маршал Блюхер в ту минуту, когда он узнал о прибытии французов в Шарлеруа, должен был, таким образом, вечером 15 июня назначить пунктом сбора своих войск не Флёрюс и не Линьи, которые были в зоне обстрела французских пушек, а Вавр, к которому французы могли бы подойти только 17 июня. Он также имел бы в своём распоряжении весь день 16 июня и ночь на 17 июня, чтобы полностью собрать свою армию.

3. Потерпев поражение в сражении при Линьи, прусский генерал, вместо того чтобы отступать к Вавру, должен был двинуться навстречу армии герцога Веллингтона или в Катр-Бра, где находился герцог, или в Ватерлоо. Всё отступление маршала Блюхера утром 17 июня противоречило здравому смыслу, поскольку обе его армии, которые вечером 16 июня находились друг от друга на расстоянии меньше трёх миль и располагали прекрасной дорогой для передвижения войск, оказались разъединены 17 июня расстоянием почти в двенадцать миль, а также теснинами и непроходимыми местами.

Прусский генерал нарушил три главных правила войны: первое — располагать свои лагеря для расквартирования вблизи друг от друга; второе — назначать пункт сбора для своих войск в таком месте, где они могут собраться раньше, чем соберётся противник; третье — совершать отступление, чтобы укрепить свои войска.

Седьмое замечание.

1. Герцог Веллингтон выбрал более чем странное место для расквартирования своих войск. Ему следовало сконцентрировать их в восьми лье от Брюсселя и держать передовые посты на дорогах из Фландрии. В течение трёх дней французская армия маневрировала вблизи его передовых постов; она уже двадцать четыре часа вела боевые действия, и её штабы двенадцать часов находились в Шарлеруа, а английский генерал всё ещё пребывал в Брюсселе, ничего не зная о происходящем, а все лагеря его армии по-прежнему были разбросанны в радиусе более двадцати лье.

2. Герцог Саксен-Веймарский, принадлежавший к англо-голландской армии, в четыре часа дня 16 июня посетил позиции перед селением Фран и знал, что французская армия находится в Шарлеруа. Если бы он немедленно направил адъютанта в Брюссель, тот прибыл бы туда в шесть часов вечера. Однако герцога Веллингтона не информировали о том, что французская армия уже в Шарлеруа, до одиннадцати часов вечера. Таким образом он потерял пять часов

во время кризисной ситуации, имея дело с человеком, для которого потеря даже одного часа представляла огромную важность.

3. Пехота, кавалерия и артиллерия этой армии находились в лагерьях, столь отдалённых друг от друга, что пехота сражалась при Ватерлоо без кавалерии и без артиллерии, что привело её к значительным потерям, поскольку она была вынуждена формировать тесные колонны, и их головные части принимали на себя атаки кирасир, которых поддерживал огонь пятидесяти пушек.

4. Английский генерал, что удивительно, назначил Катр-Бра, который находился в руках французов в течение последних двадцати четырёх часов, пунктом сбора своей армии. Он поставил свои войска под угрозу поражения по мере их прибытия на поле боя. Опасность, которой они подвергались, была тем более значительной, что они прибывали без артиллерии и без кавалерии. Английский генерал отдал свою пехоту противнику в качестве пушечного мяса, лишённого помощи двух других ветвей армии. Он должен был сделать Ватерлоо пунктом сбора своей армии; ему было бы достаточно 16 июня и ночи на 17-е, чтобы собрать вместе всю свою армию: пехоту, кавалерию и артиллерию. Ранее 17 июня французы не смогли бы дойти до его армии и обнаружили бы его войска в полной боевой готовности.

Восьмое замечание.

1. Английский генерал дал сражение при Ватерлоо 18 июня. Это решение противоречило интересам его нации, общей стратегии ведения войны, принятой союзниками, и всем правилам войны. Оно не соответствовало интересам Англии: ей требовалось так много рекрутов для армий в Индии, в американских колониях и в её обширных зарубежных мероприятиях, а она подвергала себя риску потерять в кровопролитной схватке единственную армию, имевшуюся в её распоряжении, и пролить лучшую кровь своей нации. План союзников заключался в том, чтобы действовать единой массой и избегать отдельных военных операций. Их интересам и их плану менее всего соответствовала возможность подвергнуть риску успех своего дела в сомнительной битве с участием примерно равных по силе противников, в битве, вероятный исход которой в целом был против них. Если бы англо-голландская армия была разгромлена при Ватерлоо, то какую пользу союзникам принесло бы огромное количество армий, которые готовились переправиться через Рейн, пересечь Альпы и Пиренеи?

2. Английский генерал, принявший решение начать битву при Ватерлоо, рассчитывал на взаимодействие с пруссаками, но это взаимодействие не могло осуществиться до полудня; поэтому он в одиночку находился перед лицом противника с четырёх часов утра до пяти вечера — другими словами, в течение тринадцати часов.

Но, даже рассчитывая на взаимодействие с пруссаками, он должен был понимать, что ему противостоит вся французская армия и, соответственно, что он должен будет защищать поле сражения в течение тринадцати часов армией в количестве 90 000 солдат разной национальности против французской армии, насчитывавшей 104 000 солдат. Очевидно, что этот расчёт ошибочен, — он не мог выстоять и трёх часов; судьба битвы была бы решена к восьми часам утра. Пруссакки прибыли бы только для того, чтобы их атаковали с фланга; обе вражеские армии были бы разгромлены французами в одной битве. Если он считал, что часть французской армии, в соответствии с правилами войны, станет преследовать прусскую армию, значит, он должен был быть уверен в том, что не получит от неё никакой помощи и что пруссаки, разгромленные при Линьи, потерявшие от двадцати пяти до тридцати тысяч солдат на поле сражения и до двадцати тысяч рассеянными по всей стране, не станут рисковать, чтобы заново вступить в бой, и будут считать себя обязанными занять лишь оборонительную позицию. В этом случае англо-голландская армия в одиночку не смогла бы выдержать атаку шестидесяти девяти тысяч французов в течение всего дня 18 июня. Нет ни одного англичанина, который бы не признал, что конечный

результат этой битвы не вызывал никаких сомнений и что английская армия не так сильна, чтобы быть способной выдерживать атаку французов в течение четырёх часов.

Ночью на 18 июня погода была ужасная, и дороги были непроходимы до девяти часов утра. Эта потеря шести часов, считая с рассвета, была полностью выгодна врагу, но могли ли английский генерал поставить исход такой битвы в зависимость от погоды? Маршал Груши с 34 000 солдат и со 180 пушками поразил всех, ухитрившись не вступить в бой 18 июня. Но, может быть, маршал Груши решил таким странным образом ввести в заблуждение английского генерала? Поведение маршала Груши было совершенно неожиданным.

Давайте резюмируем. Если бы маршал Груши был на поле сражения на возвышенности Мон-Сен-Жан, как это предполагалось английским и прусским генералами, в течение всей ночи между 17-м и 18-м и всё утро 18-го и погода позволила бы французской армии собраться для битвы в четыре часа утра, то англо-голландская армия была бы уничтожена и растерзана на куски до семи часов утра; её разгром был бы полным. А если бы погода не позволила французской армии начать сражение до десяти часов, то судьба англо-голландской армии была бы решена до часа дня. Остатки этой армии были бы вынуждены отойти за лес в направлении Халле, и тогда у французов было бы достаточно времени, чтобы днём выступить и, встретив маршала Блюхера, разделаться с ним подобным же образом. Если бы маршал Груши расположился лагерем перед Вавром в ночь на 18-е, то пруссаки не послали бы ни одного своего отряда, чтобы спасти английскую армию, которую полностью разбили бы противостоящие ей 69 000 французских солдат.

3. Позиция на Мон-Сен-Жан была неудачно выбрана. Главным требованием к полю битвы является отсутствие теснин в тылу. Английский генерал не получил никакой выгоды во время битвы от своего значительного преимущества в коннице; он не думал, что его будут атаковать слева, и считал, что его будут атаковать справа. Несмотря на отвлекающий манёвр, сделанный тридцатью тысячами пруссаков генерала Бюлова, он бы мог иметь значительное преимущество при своём отступлении во время битвы, если бы была возможна эта мера. А в результате — какими странными и непредсказуемыми становятся события, когда их вершат люди! Плохой выбор места для поля битвы, которое препятствовало любой возможности отступления, стал причиной успеха!

Девятое замечание. Уместно спросить, каким должно было быть поведение английского генерала после сражения при Линьи и схватки

при Катр-Бра? По этому вопросу у потомков не может быть двух мнений: английскому генералу следовало в ночь на 18 июня пересечь лес Суаньи по дороге в Шарлеруа; прусская армия также должна была пройти этот лес по дороге в Вавр. К рассвету обе армии соединились бы в Брюсселе, выиграв несколько дней, чтобы дать время пруссакам, рассеянным после сражения при Линьи, соединиться со своей армией, усилиться за счёт четырнадцати английских полков, которые входили в состав гарнизонов в Бельгии и только что высадились в Остенде, и тогда император французов мог бы маневрировать, как ему было угодно.

Стал бы он с армией в 100 000 солдат пересекать лес Суаньи, чтобы атаковать в открытом поле две объединённые армии, насчитывающие 200 000 солдат и занявшие укреплённые позиции? Вне всяких сомнений, это было бы самым выгодным для союзников. Удовлетворился бы он тем, что сам занял бы оборонительную позицию? Он не смог бы долго оставаться в состоянии бездеятельности, поскольку 300 000 русских, австрийцев, баварцев и т.д. находились на марше к берегам Рейна. Через несколько недель они были бы уже на берегах Марны, что заставило бы императора поспешить на помощь своей столице. Именно тогда англо-прусской армии следовало выступить из Брюсселя и соединиться с союзниками у стен Парижа. Подобные действия не подвергали союзников никакому риску, они бы избежали потерь и вели себя в соответствии с интересами английской нации и общим планом войны, принятым союзниками и обоснованным с точки зрения правил военного искусства. С 15-го по 18 июня герцог Веллингтон постоянно осуществлял манёвры своих войск именно так, как этого хотелось бы его противнику. Английская пехота представляла собой уверенную и прочную силу; английская кавалерия могла бы действовать лучше. Англо-голландскую армию спасли дважды в течение дня прусские войска — в первый раз благодаря прибытию генерала Бюлова с 30 000 солдат и во второй раз благодаря прибытию маршала Блюхера с 31 000 солдат. В этом сражении 69 000 французов убили 120 000 солдат противника. Победа была отобрана у них между восемью и девятью часами вечера объединёнными силами в составе 150 000 солдат.

Давайте представим себе чувства жителей Лондона, если бы им было predetermined узнать о разгроме их армии и о расточительной трате их лучшей крови ради поддержки дела королей против дела народов, поддержки привилегий против равенства, поддержки олигархов против либералов и поддержки принципов Священного союза против принципов власти народа!»

План политической защиты Наполеона, обрисованный им самим

27 августа 1816 года

Около четырёх часов дня я присоединился к императору, гулявшему в саду; всё утро он диктовал. Ветер был очень сильный, и император отказался от поездки в карете, поэтому он в сопровождении всей своей свиты довольно долго гулял по большой аллее в парке. Он в шутку поддразнивал одного из членов нашей компании, укоряя его в дурном настроении и обвиняя в том, что тот часто чем-то недоволен и находится в мрачном настроении.

Поднимаясь из-за обеденного стола, император в разговоре коснулся недавнего протеста против договора от 2 августа. Он горячо обсуждал эту тему, упомянув, быстро прохаживаясь по комнате, что намеревается подготовить другой протест, более подробный и более жёсткого характера, против решения британского парламента. Он докажет, что это решение несправедливо и является нарушением любого существующего закона. Наполеона объявили вне закона, но он не был судим по закону. Английский парламент совершил не то, что было справедливым, но то, что он считал целесообразным. Он скопировал Фемистокла, не выслушав Аристиды¹². Император затем заявил, что он готов предстать перед судом всех стран Европы, будучи уверен, что каждая из них оправдает его. Он напомнил нам различные законы, принятые в период его правления, и обосновал справедливость каждого из них.

«Французы и итальянцы, — заявил он, — сокрушаются по поводу моего отсутствия. Я ношу в своей душе благодарность поляков и даже запоздалые и мучительные раскаяния испанцев. Европа вскоре будет сожалеть о потере состояния равновесия на континенте, для поддержания которого была совершенно необходима Французская империя. Континент в настоящее время оказался в весьма опасной ситуации, он постоянно подвержен риску порабощения со стороны казаков и татар. Англичане будут сожалеть о своей победе при Ватерлоо! Положение дел станет настолько плохим, что последующие поколения, точно так же, как каждый образованный и благожелательно настроенный человек среди наших современников, будут жалеть, что я не добился успеха во всех моих начинаниях».

Высказывая свои мысли, император иногда достигал в выражении своих чувств самого верха величия. Я не буду подробно пересказывать его мысли. Он обещал продиктовать сделанные им замечания и сказал, что уже сделал набросок в четырнадцати параграфах плана его политической защиты.

Катина, Тюренн, Конде — Величайшие сражения императора

28 августа 1816 года

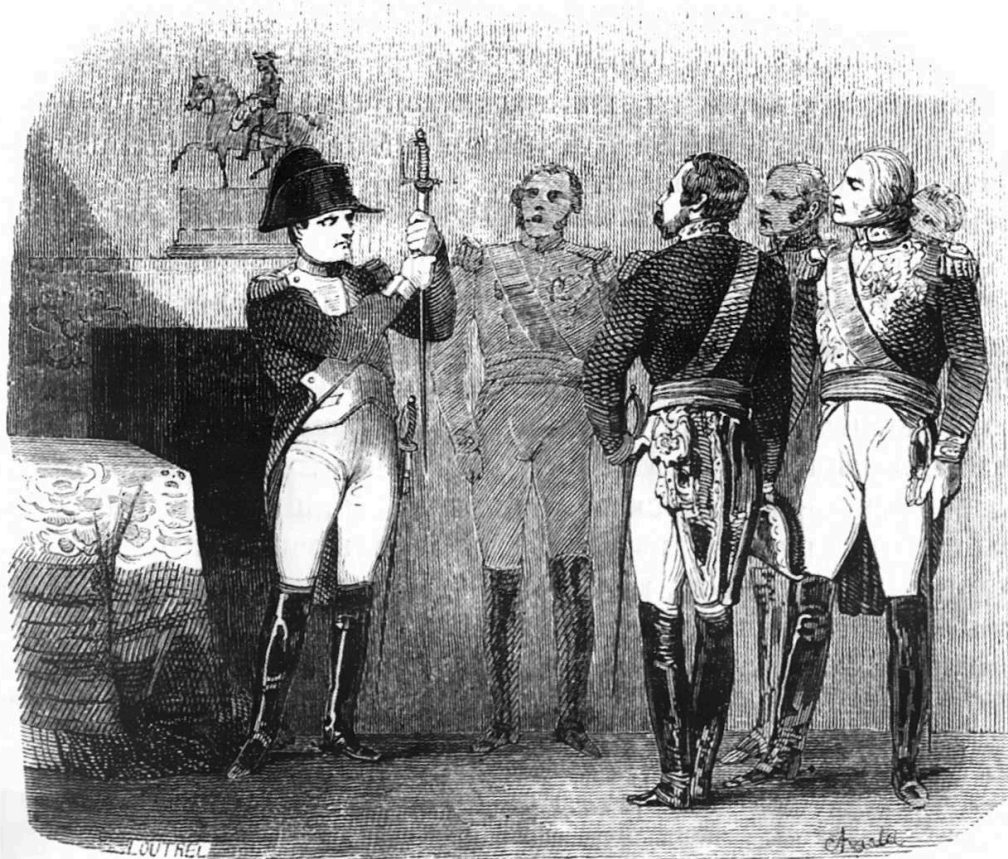
Император не выходил из дома до четырёх часов дня; он провёл в ванне три часа. Погода была очень неприятная, и император сделал всего несколько кругов в саду. Он только что написал письмо губернатору, сообщив ему, что впредь не станет принимать никаких незнакомцев, если у них не будет пропуска в Лонгвуд от гофмаршала Бертрана, как это было во времена адмирала Кокберна.

Император предложил сыграть партию в шахматы, но ещё до того, как он сел за стол, он взял в руки том Фенелона. Это было духовное наставление королю, написанное специально для Людовика XV. Император прочитал нам несколько мест из книги, нещадно критикуя и высмеивая их. В конце концов он отбросил книгу в сторону, заявив, что имя автора никогда не влияет на то мнение, которое он составляет о произведении, он всегда судит о книгах в зависимости от тех чувств, которые они вызывают у него, и всегда готов похвалить или осудить написанное. Он добавил, что, несмотря на то, что имя автора книги — Фенелон, он без колебаний заявляет, что книга, которую он только что просматривал, всего лишь набор высокопарных разглагольствований. Было трудно не согласиться в этом с императором.

После обеда император вспоминал события, связанные с прошлым нашего военно-морского флота, и напомнил нам об адмирале де Грассе и о его поражении 12 апреля¹³. Он захотел узнать подробности этого события и попросил принести ему «Словарь осад и сражений». Он стал перелистывать страницы книги, и содержание словаря вызвало у него множество замечаний. Его внимание привлёк Катина, и высказывания императора о нём привели к тому, что авторитет этого командира бесконечно низко упал в наших глазах. Наполеон заявил, что по его мнению, Катина не заслуживал той высокой репутации, которой он пользовался, что доказывают анализ его операций в Италии и чтение его переписки с Лувуа. «Выходец из среды третьего сословия, — сказал он, — он получил образование адвоката, был известен учтивостью своих манер и отличался чувством собственного достоинства. Он был приверженцем практической реализации проблемы равенства и, поселившись в Сен-Гратьен вблизи Парижа, стал фаворитом писак столицы и однодневных философов, которые возвеличили его намного выше того, чего он стоил. Его нельзя ставить в сравнение с Луи Жозефом де Вандомом».

Император сказал, что он попытался таким же образом проанализировать личности Тюренна и Конде, заподозрив, что они тоже были объектами преувеличенного восхваления, но убедился, что эти воины полностью заслужили все те похвалы, которыми их удостаивали. Отвага Тюренна, как отметил император, возрастала соразмерно с приобретением опыта; став пожилым, он проявлял большую смелость, чем та, которой он обладал в молодые годы. Обратную картину можно было видеть в личности Конде, который проявил неустрашимое мужество в начале своей карьеры.

Сейчас, приводя имена Тюренна и Конде и других замечательных людей, я заметил, в качестве любопытного факта, что никогда не слышал, чтобы Наполеон произносил имя Фридриха Великого. Однако многие обстоятельства доказывают, что Наполеон необычайно высоко ценил его. Большие серебряные часы, которыми он пользовался в качестве будильника и которые теперь висят около камина в его комнате на острове Святой Елены, рвение, с которым он при входе во дворец Фридриха Великого в Потсдаме стремглав бросился к шпаге прусского героя и воскликнул: «Пусть другие ищут иные трофеи, для меня эта шпага бесценна!» — наконец, его продолжительное и молчаливое раздумье у могилы Фридриха Великого, — всё

это в достаточной степени подтверждает тот глубокий интерес, который вызывало у Наполеона всё, что было связано с личностью этого монарха*.

В «Словаре осад и сражений», страницы которого сегодня перелистывал император, он обнаружил почти на каждой странице своё имя, но связанное или с лживыми историями, или с неправильно изложенными фактами. Это обстоятельство вынудило императора гневно высказаться против толпы бесталанных авторов и их недостойного использования пера. «Литература, — сказал он, — стала пищей простонародья, в то время как она должна сохраняться исключительно для людей с изысканным вкусом.

Например, — продолжал император, — утверждается, что в Арколе я однажды ночью встал на место часового, который заснул на посту. Подобная идея, несомненно, была придумана обычным гражданином, возможно, юристом, но, конечно, не солдатом. Автор этой истории, очевидно, хотел представить меня в выгодном свете. И он, конечно, представлял себе, что ничто не создаст мне лучшую репутацию, чем та история, которую он придумал. Он явно писал эту историю для того, чтобы оказать мне честь, но не знал, что я совершенно неспособен на те действия, которые он описал. Я был слишком уставшим, чтобы сделать это, и весьма вероятно, что я заснул бы гораздо раньше часового».

Мы насчитали около пятидесяти или шестидесяти больших сражений, в которых участвовал император. Кто-то из присутствовавших спросил, какое из этих сражений было наиболее великим, и император сказал, что на этот вопрос ответить трудно, поскольку сначала необходимо выяснить, что имеется в виду под великим сражением.

«Мои сражения, — продолжал император, — нельзя судить по отдельности. Они несравнимы по своей топографии, манёврам и целям. Они составляли лишь часть генерального плана, поэтому их можно судить только по общему результату. Сражение при Маренго, конечный результат которого долгое время не был ясен, обеспечило для нас владение Италией, Ульм уничтожил целую армию, Йена передала всю прусскую монархию в наши руки, Фридланд открыл для нас русскую империю, а Экмюль решил судьбу войны. Сражение под Москвой, хотя в нём были проявлены величайшие усилия и искусство, практически не дало никаких результатов. Сражение при Ватерлоо, в котором для нас всё было неудачным, спасло бы Францию и восстановило Европу, добейся мы в нём успеха».

* После моего отъезда из Лонгвуда Наполеон подготовил специальную работу о Фридрихе Великом, содержащую его заметки и комментарии о кампаниях этого прусского монарха.

Госпожа де Монтолон спросила, какие войска надо считать лучшими. «Те, которые одерживают победы, сударыня, — ответил император. — Но, — добавил он, — солдаты так же своенравны и непостоянны, как и вы, женщины. Лучшими воинами были карфагеняне во главе с Ганнибалом, римляне под командованием Сципионов, македонцы, когда их вёл Александр Македонский, и пруссаки при Фридрихе Великом». Император, однако, считает и с уверенностью утверждает, что французские войска, по сравнению с другими, были лучшими. «С войском в 40 000 или 50 000 солдат, полностью укомплектованными моими гвардейцами, я бы, ручаясь, победоносно прошёл всю Европу. Вероятно, можно было бы собрать войска такие же отличные, как те, которые составляли мою армию в Италии и в сражении при Аустерлице; но превзойти их не смогут, конечно, никакие другие войска».

Император, который долго обсуждал военные вопросы, которые были ему так интересны, внезапно прервал себя и спросил, который час. Ему сообщили, что уже одиннадцать часов вечера. «Ну что ж, — сказал он, вставая из-за стола, — по крайней мере мы можем поставить себе в заслугу, что провели вечер без помощи трагедии или комедии».

**«Матильда» госпожи Коттен — Дезэ и Наполеон
в сражении при Маренго — Сэр Сидней Смит —
Причина возвращения генерала Бонапарта
во Францию — Примеры каприза судьбы**

29 августа 1816 года

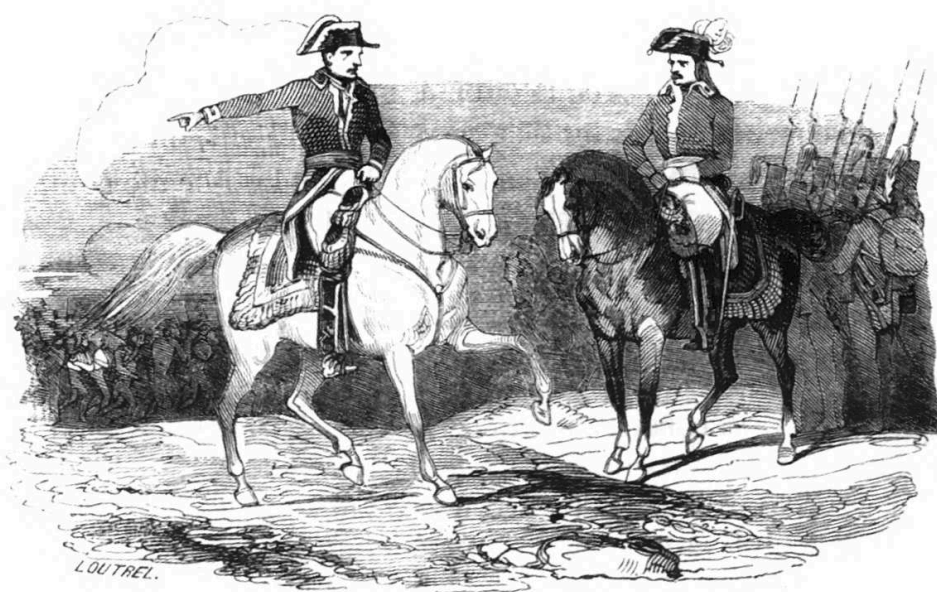
В два часа дня император пожелал, чтобы я пришёл в его комнату, и дал мне несколько личных поручений. В четыре часа я вновь присоединился к нему. Я нашёл его в шатре в окружении всех членов свиты. Он раскачивался взад и вперёд в кресле, смеялся, говорил не переставая и всем своим видом показывал, что находится в весёлом настроении, хотя в тоже самое время повторял, что ему скучно и его одолевает апатия. Он встал с кресла и отправился кататься в карете.

После обеда разговор зашёл о романах. Кто-то упомянул «Матильду», написанную госпожой Коттен. Действие романа происходит в Сирии. Император спросил того, кто упомянул эту книгу, встречался ли тот когда-либо с госпожой Коттен, была ли её книга написана в благожелательном тоне к Наполеону и т.д., но не получил

ясных ответов на свои вопросы и продолжал: «Все любили меня или ненавидели, каждый был на моей стороне и против меня. Я могу уверенно сказать, что нет ни одного француза, у которого я не вызывал бы живого интереса. Я был подобен солнцу, которое пересекает экватор, перемещаясь по эклиптике. Когда люди ощущали моё влияние, их надежды на меня увеличивались и меня славословили и обожали; но когда я уезжал, меня более не понимали и в отношении меня поднималась волна неприязни».

Следующей темой стал Египет, и император вновь обрисовал личности Клебера и Дезэ. Последний присоединился к Первому консулу накануне сражения при Маренго. Наполеон спросил Дезэ, как он мог подумать о подписании капитуляции в Египте, поскольку армия была достаточно многочисленна для того, чтобы удержать Египет в своих руках. «Мы не должны были терять Египет», — заявил Первый консул. «Это действительно так, — ответил Дезэ, — и армия, конечно, была достаточно многочисленна для того, чтобы мы смогли удержать страну. Но главнокомандующий армии покинул нас, и на таком расстоянии от дома главнокомандующий уже не является главной фигурой в армии, он теперь половина, три четверти, пять шестых от той фигуры. У меня не было иного варианта, кроме отказа от владения страной. Я сомневаюсь, мог ли я добиться успеха, если бы действовал по-иному. Кроме того, было бы преступно совершать попытку, ибо обязанность солдата заключается в том, чтобы подчиняться, что я и сделал».

Сразу же после прибытия в Маренго Дезэ стал командующим резервом армии. Перед окончанием сражения и среди усиливающегося очевидного беспорядка в рядах армии к Дезэ подъехал Наполеон.

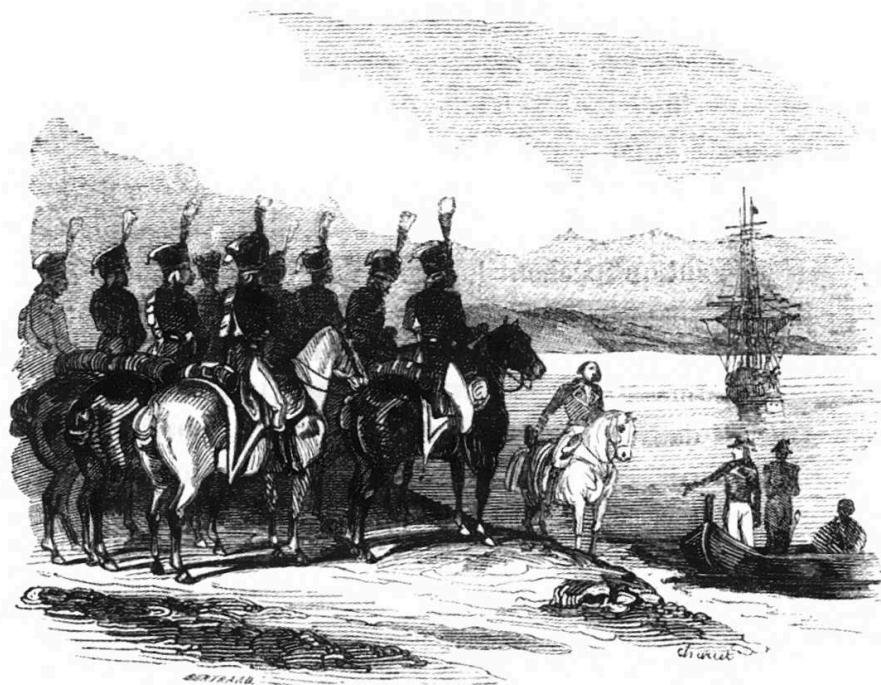

«Итак, — сказал Дезэ, — дела складываются очень плохо, мы проигрываем сражение. Я могу только обеспечить отступление. Разве не так?» — «Совсем наоборот, — заявил Первый консул. — Что касается меня, то я ни на минуту не сомневаюсь в победном исходе сражения. Те массы солдат, которых вы видите в состоянии беспорядка справа и слева, следуют на формирование в вашем тылу. Сражение выиграно. Отдайте приказ вашей колонне двинуться вперёд: вам останется только пожинать плоды победы».

Император затем заговорил о сэре Сиднее Смите. По его словам, он только что прочитал в «Мониторе» документы относительно конвенции, заключённой в Эль-Арише, и обратил внимание, что сэр Сидней проявил тогда большую долю здравого смысла и чувство собственного достоинства. Император сказал, что он привёл Клебера в недоумение историями, в которые заставил того поверить. Но когда Смит получил известие об отказе английского правительства ратифицировать договор, он был весьма расстроен и повёл себя очень достойно в отношении французской армии. «В конце концов, — заявил император, — Сидней Смит оказался неплохим человеком. Теперь я придерживаюсь о нём гораздо лучшего мнения, чем раньше — особенно после всего того, что я ежедневно наблюдаю в поведении его соратников».

Именно Сидней Смит, передавший Наполеону европейские газеты, стал причиной отъезда французского главнокомандующего из Египта и, соответственно, причиной событий брюмера. Французы, вернувшись из Сен-Жан д'Акра, были в полном неведении относительно того, что происходило в Европе в течение нескольких месяцев. Наполеон, стремившийся узнать европейские новости, направил парламента на борт корабля турецкого адмирала под предлогом ведения переговоров о выкупе пленных, которых он захватил в Абукире, не сомневаясь, что его посланец будет остановлен Смитом, который тщательно препятствовал прямому контакту между французами и турками. Французский парламент получил распоряжение от Смита подняться на борт его корабля, и ему оказали самый тёплый приём. Убедившись, что Наполеону ничего не известно о катастрофах в Италии, англичанин был столь снисходителен к французу, что со злонамеренным удовольствием передал для генерала подборку свежих европейских газет. Наполеон провёл всю ночь в своём шатре, просматривая газеты, и принял твёрдое решение немедленно вернуться в Европу, чтобы исправить бедственное положение, сложившееся во Франции, и спасти её от гибели.

Адмирал Гантом, который на борту фрегата «Мюирон» вывез Наполеона из Египта, часто рассказывал мне подробности этого путешествия. Адмирал оставался в штабе армии после разгрома флота

в сражении при Абукире. Вскоре после возвращения из Сирии и сразу после контакта с английской эскадрой главнокомандующий вызвал его к себе и дал ему указание направиться в Александрию, чтобы там, как можно быстрее, тайно снарядить в плавание один из венецианских фрегатов, стоявших на рейде этого порта, и затем дать ему знать, когда корабль будет готов к отплытию.

Все эти указания были выполнены. Главнокомандующий, совершавший инспекционный объезд войск, проследовал к пустынному месту на берегу моря с группой военного сопровождения. Лодки уже были готовы, и их переправили на фрегат, минуя Александрию.

Паруса фрегата были подняты вечером, чтобы не попасть в пределы видимости английских кораблей. К сожалению, стояло безветрие, и на рассвете фрегат всё ещё был виден с берега и с вершин мачт английских кораблей, стоявших на якоре в порту.

Состояние тревоги не покидало всех, кто находился на борту фрегата. Было предложено вернуться в Александрию, но Наполеон отказался. Жребий был брошен, и вскоре фрегат оказался вне пределов наблюдения.

Плавание было очень продолжительным и весьма беспокойным. Мысль о возможном захвате фрегата англичанами часто вызывала тревогу. Хотя никто не знал намерений генерала, но у каждого были свои собственные предположения, и поэтому на фрегате царила обстановка постоянного беспокойства. Только Наполеон сохранял хладнокровие и казался абсолютно безмятежным. Большую часть дня он проводил в своей каюте, где, как рассказал мне Гантом, он

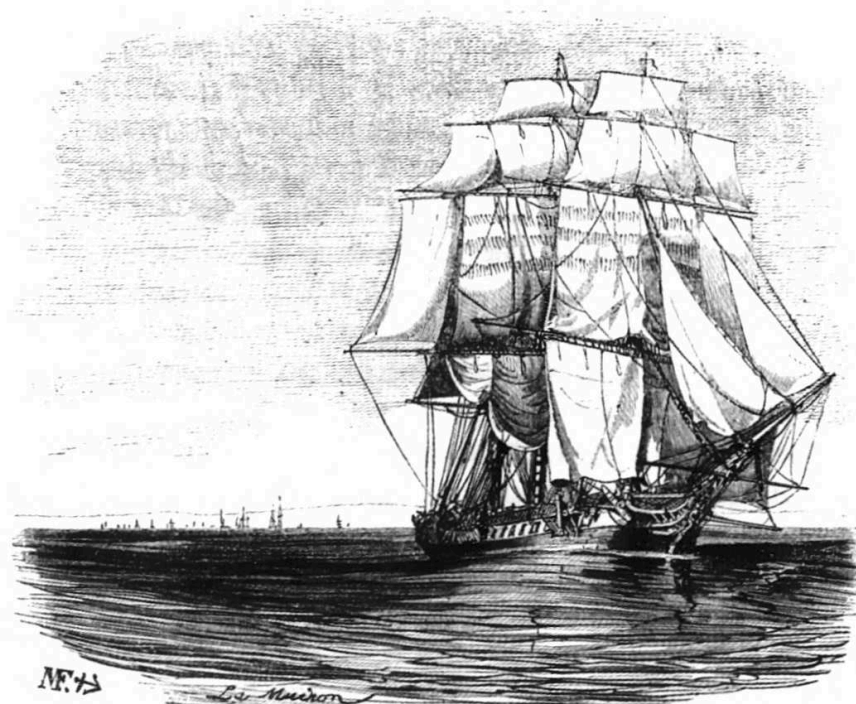
читал Библию и иногда Коран. Когда бы он ни появлялся на палубе, он излучал неподдельную бодрость и крайнее спокойствие, в основном беседа на самые разные темы.

Генерал Мену был последним человеком, с кем Наполеон разговаривал на берегу. Он сказал ему: «Мой дорогой генерал, вы должны беречь себя здесь. Если мне посчастливится достичь Франции, то власти пустословия придёт конец».

В результате чтения газет, предоставленных Сиднеем Смитом, Наполеон решил, что враг перешёл через Альпы и уже овладел некоторыми нашими южными департаментами. Поэтому, когда фрегат стал приближаться к берегам Европы, Наполеон приказал адмиралу направиться к Кольюру и к Порт-Вандру, находившимся в конце Лионского залива. Порыв сильного ветра отнёс фрегат к берегу Корсики. В результате этого фрегат причалил в порту Аяччо, где Наполеон получил более точные сведения о положении дел во Франции.

Гантом рассказал мне, что в Аяччо он видел дом, в котором жила семья Наполеона, их родовое имение. Прибытие знаменитого земляка немедленно привело всё население острова в состояние крайнего волнения. Толпа многочисленных родственников Наполеона пришла приветствовать его, а улицы были переполнены людьми.

Наполеон вновь вступил на борт фрегата, который, подняв паруса, последовал в сторону Марсея и Тулона. Однако, когда фрегат почти достиг пункта назначения, возник новый источник беспокойства. Вечером, в лучах заходящего солнца, с левого борта фрегата был

замечен караван парусных кораблей, приближавшихся к фрегату с попутным ветром. Гантом предложил спустить на воду самую длинную лодку фрегата с лучшими матросами, посадить в лодку генерала и, под покровом ночи, доставить его на берег. Но Наполеон отклонил это предложение, сказав, что ещё будет время для такого способа возвращения на землю Франции. Он приказал капитану продолжать следовать заданным курсом, как если бы ничего не произошло. Фрегат не был замечен, и на следующий день он бросил якорь во Фрежюсе. Всё остальное хорошо известно.

Император закончил вечернюю беседу рассказом о трёх любопытных случаях каприза судьбы, которые произошли в одном и том же уголке света и примерно в одно и то же время.

Капрал, дезертировавший из французской армии в Египте, присоединился к мамелюкам и стал у них беом. После своего возвышения он написал письмо своему бывшему генералу.

Жена толстого маркитанта, которая последовала за французской армией, стала фавориткой паши в Иерусалиме. Не умея писать, она послала гонца к своим старым друзьям с приветствиями и с заверениями в том, что она никогда не забудет свою страну и всегда будет оказывать помощь французам и христианам.

Молодая крестьянка с корсиканского мыса, захваченная из рыбацкой лодки корсарами, была переправлена берберам и стала главной фавориткой короля Марокко. Император, после некоторой дипломатической переписки, заставил привезти брата этой молодой девушки с Корсики в Париж и, после соответствующей экипировки, направил его к сестре; потом он уже никогда не слышал о них.

Было уже поздно, когда император ушёл отдыхать в свои апартаменты; в разговорах он провёл почти три часа.

30 августа 1816 года

Я посетил императора в четыре часа. Он занимался тем, что диктовал в шатре. Губернатор ответил на письма, которые по указанию императора ему адресовал господин де Монтолон.

На первое письмо, содержащее протест против договора от 2 августа, а также другие жалобы, никакого ответа не последовало, за исключением того, что губернатор хотел бы знать, какое именно письмо он задержал у себя. Этого мы не могли сказать ему, поскольку не видели всех задержанных писем. Мы задали этот вопрос ему, и только он мог ответить на него.

На второе письмо, в котором заявлялось, что император не станет принимать незнакомцев в Лонгвуде, если у них не будет пропуска от гофмаршала, как это было во времена адмирала Кокберна, губернатор ответил, что он сожалеет, что генерала Бонапарта беспокоили

незванные гости в Лонгвуде, и в будущем воспрепятствует подобной назойливости. Короче, это был отвратительный пример иронии со стороны губернатора, учитывая положение императора и характер письма Монтолона.

После обеда император отправился в гостиную и пожелал, чтобы мы все сели вокруг стола, приняв участие, как он сказал, в заседании академиков. Он начал диктовать нам свои идеи по различным вопросам, но когда ему прочитали часть продиктованного, решил прекратить это занятие. После этого возобновился довольно продолжительный разговор, частично в серьёзном, а частично в шутиливом тоне. Было почти уже около часа ночи, когда император удалился к себе. Это был хороший знак: император чувствовал себя лучше и был более весёлым и разговорчивым, чем прежде.

Исторические сомнения — Регентство герцога Орлеанского — Госпожа де Ментенон и её брак с Людовиком XIV

31 августа 1816 года

Император встал очень рано и в одиночку обошёл парк. Вернувшись с прогулки, он не захотел кого-либо беспокоить, но пожелал, чтобы мой сын, который уже встал с постели, в шатре писал под его диктовку. Император был занят этим в течение двух часов. Мы все завтракали вместе с ним.

Затем мы совершили прогулку в карете. Разговор коснулся сомнений в отношении разных исторических событий. В связи с этим император сделал ряд весьма примечательных замечаний, закончив их рассуждениями о регентстве. «Если бы, — заявил он, — Людовик XV умер в детстве, то кто бы стал сомневаться, что герцог Орлеанский отравил всю королевскую семью?¹⁴ Кто бы осмелился защищать его? Выживи хоть один ребёнок, этот принц нашёл бы способ с ним расправиться». Затем император обратился к личности герцога Орлеанского и особенно к его ошибкам в деле о законных принцах. «Он унизил себя, — сказал Наполеон, — не говоря уж о том, что их дело было правое. Людовик XIV узурпировал принцип наследственности. При исчезновении королевского дома выбор монарха, бесспорно, является прерогативой нации. Закон Людовика XIV был явной ошибкой, которую этот монарх сделал, упоённый собственным величием. Он полагал, что всё, что исходит от него, обязательно должно быть великим. Всё же иногда казалось, что у него зрело подозрение, что весь остальной мир придерживается иного мнения,

поскольку он предусмотрел меры по укреплению своей власти, отдавая своих внебрачных детей в брачные союзы с законными принцами и принцессами королевской семьи. Что же касается регентства, то совершенно очевидно, что оно по праву было передано герцогу Орлеанскому. Завещание Людовика XIV было явным абсурдом; оно нарушало наши фундаментальные законы. Франция была монархией, а он дал нам республику вместо регентства».

Император затем упомянул госпожу де Ментенон, карьера которой, как он сказал, была весьма необычайной. Она была, заметил император, Бьянкой Капелло* своего времени, но менее романтической и не такой занятой. Продолжая тему исторических сомнений, император много говорил о браке госпожи де Ментенон с Людовиком XIV. Он заявил, что иногда склонен считать этот факт сомнительным, несмотря на всё сказанное в мемуарах того времени.

«Дело в том, — заявил император, — что не существует и никогда не существовало какого-либо официального и достоверного доказательства этого брака. Зачем было Людовику XIV хранить подобное доказательство в тайне от своих современников и от грядущих поколений? И как могло так случиться, что семья Ноайль, с которой госпожа де Ментенон находилась в родственных связях, не вымолвила ни слова по этому поводу? Это тем более странно, если принять во внимание тот факт, что госпожа де Ментенон пережила Людовика XIV».

Император, чувствовавший себя несколько уставшим в этот вечер, удалился в свои апартаменты раньше обычного. Он казался нездоровым и пребывал в плохом настроении.

Французские министры — История с господином Дарю — Поблекшие наряды на острове Святой Елены

1 сентября 1816 года

Император вышел из своих апартаментов около трёх часов дня, он сказал, что чувствует себя слабым, вялым и находился в плохом настроении в течение всего дня. Мы все чувствовали себя таким же

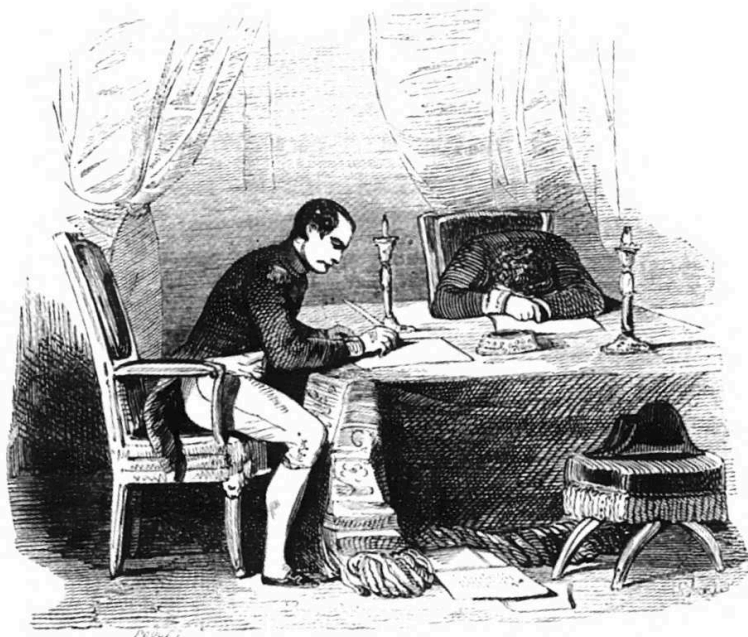
* Знатная венецианка, отличавшаяся редкой красотой, чья романтическая и драматическая биография была полна приключений. Она сбежала из отцовского дома с молодым флорентийским корабейником и дошла до нищенского состояния. Впоследствии она стала великой герцогиней Тосканы и закончила жизнь, хладнокровно отравив себя за обеденным столом в приступе раздражения, когда увидела, что великий герцог, её муж, решил отведать отравленную рыбу, приготовленную ею для своего шурина, кардинала де Медичи, который, со своей стороны, упорно отказывался есть эту рыбу.

образом — из-за погоды. Мы прошлись по главной дорожке, пока для нас готовилась карета, но тут хлынул дождь. Он был настолько сильным, что император был вынужден укрыться у подножия эвкалиптового дерева, на ветвях которого было так мало листьев, что они не спасали от потока дождя. Вскоре подъехала карета, чтобы забрать нас, и мы на большой скорости поспешили домой, но тут заметили губернатора, который направлялся в нашу сторону. Император немедленно приказал кучеру развернуться, заявив, что из двух зол мы должны выбрать меньшее; и мы поехали домой окружным путём, несмотря на ветер и дождь. Зато удалось избежать встречи с Хадсоном Лоу, — это была удача.

Перед обедом император стал вспоминать некоторых своих придворных, государственных советников и сотрудников различных министерств. Говоря о господине Дарю, император сказал, что этого человека отличали неподкупность и необычайная работоспособность. При отступлении из Москвы твёрдость и присутствие духа Дарю были удивительны, и император потом часто говорил, что Дарю работал как вол, проявляя при этом храбрость льва.

Работа, казалось, была для Дарю его родной стихией; он был постоянно чем-то занят. Вскоре после того, как его назначили государственным секретарём, один из его друзей выразил опасение, что громадная работа, которую возложили на его плечи, может оказаться для него чрезмерной. «Ничего подобного, — возразил Дарю, — заверяю вас, что с тех пор, как мне поручили новые обязанности, мне кажется, что мне абсолютно нечего делать».

Только в одном случае стало ясно, что даже такой энергичный человек нуждается в отдыхе. Император вызвал его после полуночи, чтобы тот писал под его диктовку. Дарю настолько одолела усталость, что он едва понимал, что именно он пишет; в конце концов он не выдержал груза усталости и, положив голову на свои бумаги, заснул. После короткого, но крепкого сна он проснулся и, к своему изумлению, увидел рядом с собой императора, который что-то писал. Огарки свеч подсказали Дарю, что его сон продолжался довольно долго. Просидев несколько минут со смущённым видом, он бросил взгляд на императора и тут же встретил ответный взгляд Наполеона, который сказал ему: «Видите, я делаю вашу работу, поскольку вы не занимаетесь ею сами. Я предполагаю, что вы насладились отменным обедом и потом провели приятный вечер, но о деле нельзя забывать». — «Да, я провёл приятный вечер, сир! — сказал господин Дарю. — Но до этого я провёл несколько бессонных ночей, ни минуты не отрываясь от работы. Последствия всего этого Ваше Величество только что видели, и я чрезвычайно огорчён этим». — «Почему вы мне ничего об этом не сказали? — спросил император. — Я не хочу доводить вас до смерти. Идите в постель. Спокойной ночи, господин Дарю».

Такое поведение императора было доказательством одной из его характерных черт и опровергало лживые представления о грубом и резком нраве Наполеона. Не знаю, в силу какого рока факты подобного рода скрывались от нас, в то время как всякие абсурдные измышления, неблагоприятные для императора, активно распространялись. Не потому ли, что придворные хранили свою лесть для внутренних помещений дворца и стремились создать своего рода

противовес, напуская на себя вид некоторой оппозиционности к императору и своей независимости от него? Как бы то ни было, но если бы в салонах Парижа кто-нибудь стал рассказывать о реальных фактах, характеризовавших личность императора, то ему, вероятно, сказали бы, что он фантазёр, который сам придумывает эти истории, или дурак, который верит им.

Гофмаршал Бертран и его супруга приехали в Лонгвуд на обед, что они обычно делали каждое воскресенье.

Во время обеда император сделал шутливое замечание по поводу поблекших от времени нарядов присутствовавших дам. Он сказал, что их наряды скоро будут напоминать пёструю одежду тех скупых пожилых женщин, которые покупают для себя гардероб у продавцов поношенного платья, и пожалел, что они более не демонстрируют элегантных нарядов, сшитых по последней моде для торговых домов Леру, Депо, Эрбо и т.д. Дамы просили снисхождения ради острова Святой Елены, а их мужья напомнили императору о его привередливости в отношении женских нарядов в Тюильри, которые, как говорили, стали причиной разорения некоторых семей. Это замечание вызвало у императора смех, и он сказал, что идею о его безупречном вкусе распространяли сами придворные дамы, которые использовали эту выдумку в качестве оправдания за свой экстравагантный внешний вид. Разговор затем коснулся великолепия нашей одежды на острове Святой Елены. Император сообщил, что он сказал Маршану, что будет ежедневно носить охотничий сюртук, в котором он был сегодня, пока тот полностью не износится; сюртук был уже почти изношен.

До и после обеда император сыграл несколько партий в шахматы; у него было плохое настроение, чувствовалось, что он нервничает. В свои апартаменты он удалился рано.

Кампания в Саксонии в 1813 году — Сражения при Лютцене и Вурцене — Пражский конгресс — Сражения при Дрездене, Лейпциге, Ганау

2 сентября 1816 года

Сегодня в лагере пехотного полка англичан проводились конные скачки, на которых присутствовал один из членов императорской свиты.

Император поздно вышел из своих апартаментов и тут же направился к карете, но дул сильный ветер, и император отказался от

намерения совершить поездку. Он присел около шатра, но, обнаружив, что сидеть на ветру не очень приятно, вернулся в дом и зашёл в библиотеку, где взял с полки «Письма» госпожи де Шатору, затем просмотрел страницы «Экспедиции в Богемию» и закончил тем, что стал подробно разбирать «Жизнь маршала де Бель-Иль». Он вновь вышел из дома, чтобы прогуляться в саду, но сразу же вернулся и велел мне следовать за ним.

Он взял книгу, имевшую отношение к нашим последним кампаниям, но, перелистав несколько страниц, отбросил её в сторону и сказал: «Это явная ерунда, мешанина противоречий и глупостей».

Он долго рассуждал о двух знаменитых кампаниях в Саксонии; его высказывания были главным образом нравственного порядка и не касались военной стороны. Я записал следующие его высказывания как наиболее примечательные.

«Эти знаменательные кампании, — сказал император, — будут рассматривать как пример торжества храбрости и мужества молодых французов, как пример интриганства и коварства английских дипломатов, как пример здравого смысла со стороны русских и как пример бесстыдства австрийского кабинета министров. Они будут знаменовать период наступления беспорядка в политических обществах, решительного отхода подданных от своих монархов и, наконец, разложения главных военных добродетелей — верности, лояльности и чести. Сколько бы ни писали иного, в конце концов придут к этому позорному и обидному выводу; время покажет и их правду, и их последствия.

Но удивительным в этом случае является то обстоятельство, что весь позор этих событий снят с монархов, солдат и с народа. Он — результат действий нескольких военных интриганов и безрассудных политиков, которые под благовидным предлогом избавления от иностранного порабощения и восстановления национальной независимости преднамеренно продали своих собственных правителей завистливым соперничающим кабинетам министров. Результаты вскоре стали очевидными: король Саксонии потерял половину своих владений, а король Баварии был вынужден пойти на дорогостоящее возмещение понесённого ущерба. О чём беспокоились эти предатели? Они наслаждались своими наградами и своим богатством, а тех, кто оказался наиболее честным и бесхитростным, постигли суровые наказания. Короля Саксонии, наиболее честного человека из тех, кто когда-либо был на престоле, лишили половины его территорий, а у короля Дании, столь верного всем своим договорам, отобрали корону! Всё это, тем не менее, выдают за восстановление и торжество нравственности! Такова распределительная справедливость этого мира!

Отдавая должное человеческой натуре и даже королям, я должен ещё раз заявить, что никогда не проявлялось больше добродетели, чем среди подлости, которой отмечен тот период. Я не имел причины быть недовольным нашими монархами-союзниками. Добрый король Саксонии продолжал оставаться верным до конца; король Баварии, подчёркивая свою преданность, признавался мне, что он более не является хозяином своей страны; благородство короля Вюртемберга было крайне примечательным; принц Баденский держался до самого конца и уступил только силе. Все они, я обязан это признать, предупреждали меня о приближающейся буре, чтобы я мог принять необходимые меры предосторожности. Но, с другой стороны, каким отвратительным было поведение лиц, занимавших в этих странах более низкое положение! Военная история никогда не сотрёт со своих страниц бесчестье саксонцев, которые вернулись в наши ряды, чтобы уничтожать нас! Их предательство вошло в поговорку среди наших войск, которые по-прежнему используют глагол *саксонировать*, чтобы обозначить поступок солдата, убившего другого солдата. В довершение всего именно француз, которому французская кровь дала возможность получить шведскую корону, нанёс решающий удар, повлёкший за собой наши катастрофы! Боже правый!

Но в положении, в которое я был поставлен, обстоятельство, служившее мне мерой моего несчастья, заключалось в том, что я наблюдал, как постепенно приближается решающий час. Звезда тускнела, я чувствовал, что вожжи ускользают из моих рук, и, тем не менее, ничего не мог поделать. Только внезапный поворот фортуны мог спасти нас: вести переговоры, заключать соглашения означало бы уступить, как дурак, врагу. Я был уверен в этом, и события в достаточной степени доказали, что я не ошибался. Поэтому у нас не было иной альтернативы, кроме как сражаться; и ежедневно, в силу какого-то рока или по другой причине, наши шансы уменьшались. Измена стала проникать в наши ряды. Огромное количество наших солдат опускали руки и впадали в уныние. Мои лейтенанты падали духом, и, соответственно, их преследовали неудачи. Это были уже не те люди, которые стали символами храбрости в начале революции и в блестящие моменты моего успеха. Мне говорили, что некоторые люди осмеливались утверждать в свою защиту, что сначала они сражались за республику и за свою страну, в то время как впоследствии они сражались только за одного человека, за его личные интересы и за его честолюбие.

Подлая увёртка! Спросите молодых французских солдат и офицеров среднего ранга, задумывались ли они когда-либо над подобным расчётом, видели ли они когда-либо перед собой кого-либо, кроме врага, и позади себя что-либо, помимо чести, славы и триумфа

Франции?! Эти люди никогда не сражались лучше, чем в то время. Зачем закрывать глаза на это? Почему не сделать откровенное признание? Правда заключается в том, что офицеры высших рангов достигли всего, чего требовало их честолюбие. Они были пресыщены богатством и почестями. Они испили чашу удовольствий и впредь желали только отдыха, который они были готовы купить за любую цену. Священное пламя потухло. Они хотели опуститься до уровня маршалов Людовика XV».

Если речь, процитированная выше, требует каких-либо комментариев, если мысли, выраженные здесь или в других аналогичных местах моего дневника, будут сочтены неполными, то за это я не несу ответственности. Я дословно записываю всё то, что говорит Наполеон, и отвечаю только за то, что он говорит, не более того. Я уже несколько раз упоминал, что когда император говорит, то я никогда не осмеливаюсь прерывать его вопросами. Что же касается знаменитой кампании 1813 года, то я могу добавить, основываясь на различных отдельных замечаниях Наполеона, которые я не записал сразу в дневник, что он далёк от того, чтобы чувствовать себя обманутым в отношении кризиса, угрожавшего Франции, и он правильно оценивал опасность, которая ему угрожала со всех сторон, когда он начинал кампанию в России. Как только Наполеон вернулся из Москвы, он, по его словам, увидел опасность и пытался предотвратить её. С тех пор он решил пойти на большие жертвы, но выбор соответствующего момента для объявления об этих жертвах был трудным вопросом. Если влияние материальной силы является огромным, сказал он, то сила общественного мнения ещё больше, — она совершает настоящие чудеса. Его целью было сохранение этой силы, — ведь ошибочный шаг, неосторожно сказанное слово может навсегда уничтожить иллюзию. Наполеон считал обязательным проявлять величайшую осторожность и демонстрировать предельную уверенность в собственной силе. Прежде всего необходимо было смотреть в будущее.

Его большой ошибкой, его фундаментальным просчётом являлось предположение, что его противники, подобно ему, обладают таким же здравым смыслом и такими же знаниями. С самого начала он полагал, что Австрия воспользуется затруднительным положением, в которое он был поставлен, чтобы обеспечить для себя получение преимуществ; но он никогда не мог поверить тому, что австрийский монарх будет настолько слеп, а его советники столь вероломны, чтобы желать его (Наполеона) падения и тем самым оставлять собственную страну во власти неконтролируемой мощи России. Император следовал такому же ходу мыслей в отношении Рейнской конфедерации, которая, как он сам признавал, могла иметь причину

быть недовольной им, но которая, как он считал, должна была больше опасаться оказаться во власти Австрии и Пруссии. Наполеон говорил, что аналогичные аргументы пригодны и для Пруссии, которая, как он полагал, не могла желать полного нарушения равновесия в Европе, которое было необходимо для её собственной независимости и для самого её существования. Наполеон учитывал ту ненависть, которую испытывали к нему его враги, а также то недовольство и недоброжелательство, которые, вероятно, существовали в рядах его союзников; но он не мог предполагать, что кто-либо из них желает его гибели, поскольку он чувствовал себя необходимым для них всех; и он поступал соответствующим образом. Такова была главенствующая идея Наполеона в течение всего этого периода, ключ к пониманию всего его поведения вплоть до самого последнего часа и даже в момент его падения. Это нелегко понять, но это объясняет многие вещи — а возможно, и всё: его враждебное отношение, его надменный язык, его отказ от переговоров, его решимость сражаться и т.д.

Если бы в итоге Наполеону сопутствовал успех, то, по его мнению, тогда он мог бы пойти на почётные жертвы и на благородные условия мира, ведь иллюзия о его превосходстве над всеми оставалась бы неуменьшенной. Если бы, напротив, он потерпел поражение, то было бы ещё достаточно времени пойти на уступки; и он сделал вывод, что интересы австрийцев и всех истинных немцев должны обеспечить ему поддержку их оружием и их дипломатией, ибо он предполагал, что они уверены, так же, как и он, что его власть необходима для устойчивой структуры, спокойствия, безопасности и существования Европы. Но то, в чём он имел причины сомневаться, оказалось наиболее удачным: победа продолжала быть верной ему, его первые успехи были замечательны и почти невероятны. С другой стороны, то, что он считал надёжным, стало как раз тем, что подвело его: союзники предали его и ускорили его падение.

В поддержку того, о чём я только что писал, и с той целью, чтобы чётче прояснить вышеупомянутые высказывания императора, я вставляю в это место дневника краткое резюме событий той фатальной кампании. Во Франции в своё время мы были знакомы только с её результатами. Оперативные бюллетени французской армии сообщали нам только фактические сведения о событиях, а иностранных газет и журналов мы не получали. Кроме того, тот период времени сейчас далёк от нас, и с тех пор произошло так много важных событий, полностью занявших общественное внимание, что те подробности могут быть частично забыты даже теми, кто когда-то знал их.

Я позаимствовал это резюме из книги, написанной господином де Монверан; она была опубликована в 1820 году. Автор отнёсся

с большим вниманием к сбору официальных и достоверных документов, потратив на это много времени и энергии; и он воспользовался информацией, собранной более ранними авторами. Я поэтому придерживаюсь мнения, что эта книга является лучшей из всего, написанного на эту тему. Господин де Монверан далеко не всегда положительно относится к Наполеону, однако следует признать, что он сохраняет ту беспристрастность, которая делает ему честь и в то же время повышает достоинства его книги.

«2 мая Наполеон начал кампанию в Саксонии победой в сражении при Лютцене, — событие на редкость поразительное, из разряда тех, которые покрывают неувядаемой славой имя победителя. Вновь созданная армия, без кавалерии, вышла лицом к лицу с опытными войсками России и Пруссии, но гений главнокомандующего и героизм его молодых войск всё компенсировал. У французов не было кавалерии, но солдаты пехоты, двигавшиеся каре и прикрытые с флангов большим количеством артиллерии, представляли собой вид движущихся крепостей. Восемьдесят четыре тысячи солдат пехоты, составлявших французские войска, и войска Конфедерации, имевшие только четыре тысячи солдат кавалерии, разгромили сто семь тысяч русских и пруссаков, у которых было двадцать тысяч солдат кавалерии. Император Александр и король Пруссии лично наблюдали за развитием событий на поле сражения. Их знаменитые гвардейцы не смогли устоять против наших безусых новобранцев. Враг потерял 18 000 человек, наши потери были близки к 12 000 человек, и нехватка кавалерии помешала нам собрать обычные плоды победы. Тем не менее, моральный аспект нашей победы был огромным. Энтузиазм наших войск достиг высшей точки, и император вновь обрёл безоговорочное влияние на общественное мнение. Союзники отступали, не рискуя начать новое сражение*.

9 мая Наполеон в качестве победителя вступил в Дрезден вместе с королём Саксонии, который, понимая собственные интересы и желая оставаться верным своим обязательствам, ранее выехал из собственной столицы при приближении войск союзников, чьи предложения он постоянно отвергал.

* Одержав победу в сражении при Лютцене, император вместе с тем понёс жестокую потерю, когда в этом сражении погиб храбрый и верный ему маршал Бессьер, герцог Истрийский, который был искренне предан Наполеону. Король Саксонии воздвигнул памятник в его честь на том самом месте, где маршал получил смертельную рану. Этот памятник схож с памятником Густаву Адольфу, воздвигнутым почти рядом. Он представляет собой простой камень, окружённый тополями. Этот памятник является не единственным примером, когда иностранцы воздают должное памяти храбрых французов, о которых забывают их соотечественники.

21-го и 22 мая Наполеон одержал новые победы в сражениях при Вурцене и при Баутцене. Союзники выбрали место сражения, которое блестящие кампании Фридриха Великого сделали классическим. Они окопались и считали свою позицию неприступной, но ничто не устояло перед глубокими мыслями и прекрасно осуществлёнными планами французского генерала, который перед самым началом сражения заявил, что уверен в победе.

Союзники потеряли от восемнадцати до двадцати тысяч человек, не смогли удержать позиции и беспорядочно отступили. Император преследовал их. Он уже вышел к Одеру, когда союзники попросили перемирия, чтобы приступить к мирным переговорам, и Наполеон, считая, что настал благоприятный момент, дал на это согласие.

4 июня в Плесвице было подписано перемирие. Это событие оказало самое пагубное влияние на развитие всех наших последующих бедствий. Это был роковой узел, к которому сходились все нити наших возможностей и судьбы наших кампаний.

Должен ли был император соглашаться на это перемирие, или ему следовало до конца добиваться своих выгод? Это была в тот момент проблема, которую время и события, ставшие столь фатальными для нас, решили слишком поздно. Император, увенчанный победой, остановился перед своими поверженными врагами; он мог теперь пойти на уступки, не скомпрометировав своё достоинство; его жертвы теперь могли рассматриваться как сдержанность. Австрия, до того времени не определившая, какого курса ей следует придерживаться, под впечатлением наших ошеломляющих успехов присоединилась к нам. Теперь Наполеон разумно надеялся на то, что мирный договор, которого он так желал, будет подписан, и он не мог позволить себе упустить столь благоприятную возможность, рискнув допустить задержку, из-за которой всё могло быть потеряно, — особенно учитывая вероятность всего, что могло случиться, поскольку его армия продвигалась в спешке и в крайнем беспорядке, а его тыл не был прикрыт, и противник не давал ему покоя. Он признавал, что перемирие в любом случае даст ему возможность сгруппировать войска и наладить сообщение с Францией, чтобы получить пополнение для армии и создать кавалерийский корпус».

К сожалению, несмотря на все расчёты императора, это роковое перемирие оказалось выгодным только нашим врагам: оно было принято всего на три месяца и стало причиной их торжества и нашей гибели. Австрия, которая всё ещё была нашим союзником, обманно воспользовалась им, чтобы противостоять нам с большой для себя выгодой; ежедневно предъявляя нам то одно, то другое требование, она получила то, что хотела. Россия, ждавшая пополнения, получила

его, пруссаки удвоили численность своих войск, англичане тоже увеличили численность своих войск, а шведская армия присоединилась к нашим врагам. Создавались тайные союзы; всё немецкое население подстрекалось к восстанию; в то же самое время нас предал кабинет министров Рейнской конфедерации, и выяснились факты продажности офицеров союзных нам армий. Измена стала проникать в ряды высших офицеров. Генерал Жомини, начальник штаба одного из наших армейских корпусов, перешёл на сторону противника со всей информацией, которую он мог собрать относительно планов кампании*. И так далее.

Подобный результат убедительно доказал императору ошибочность перемирия и убедил его в том, что для него было бы лучше, если бы он продолжал преследовать разгромленного противника. Если бы он продолжал развивать свой успех, то союзники, встревоженные тем, что они лишились помощи Австрии, с которой более не могли бы поддерживать тайную связь, а также тем, что они оказались отрезанными от короля Швеции, который остался бы позади, увидели бы, что начата блокада крепостей на Одере и что военные действия вновь развернулись на территории Польши, вплоть до Данцига, среди народа, готового поднять массовое восстание, — тогда союзники безотказно пошли бы на мирные переговоры. Если бы, с другой стороны, мы потерпели поражение, то его последствия не могли бы быть более фатальными, чем те, которые мы уже испытали. Рассудительные расчёты императора погубили его; то, что казалось неблагоразумием и безрассудной смелостью, вероятно, спасло бы его.

Пражский конгресс 29 июля

После двух месяцев трудностей и преодоления препятствий Конгресс открылся при посредничестве Австрии, — если только термин «Конгресс» можно применить к собранию, в котором отсутствовали дискуссии и где одна из сторон заранее решила, что на нём не будет принято никаких решений.

Посредник и соперники были нашими врагами: все они действовали сообща в своей враждебности к нам, и они уже решили воевать. Почему же тогда они ждали? Потому что Австрия по-прежнему проявляла некоторую сдержанность и хотела в ходе переговоров

* В примечании графа Монтолона к мемуарам Наполеона указывается, что император считает ложными обвинения против Жомини, который, как сказал Наполеон, не был знаком с его планами.

получить предлог для объявления нам войны, а Пруссия и Россия считали необходимым укрепить свою репутацию в Европе, лживо пытаясь сохранить мир. Все они скрепляли печатью свою макиавеллиевскую систему.

Для них настоящий Конгресс проходил не в Праге, — он уже прошёл два месяца тому назад. С тех пор мы получили достоверные записи интриг, махинаций и даже договоров, которые они заключили в течение этого периода времени; и ныне очевидно, что идеей перемирия воспользовались мнимые друзья и открытые враги, ради того, чтобы искусно сцементировать союз, которому предстояло свергнуть Наполеона и создать триумvirат для угнетения Европы под предлогом её освобождения.

Австрия, по своим личным мотивам, долго задерживала открытие Конгресса в Праге. Решив возместить любой ценой свои потери, она без колебаний пожертвовала честью, чтобы легче добиться успеха. Она маскировала своё вероломство, прикрываясь дружбой. Объявляя себя нашим союзником и с жаром расхваливая нас после каждого нового триумфа, она с видом чрезвычайной заинтересованности настаивала на том, чтобы стать нашим посредником, одновременно предлагая нашим врагам сообща сражаться против нас. Её предложение было принято. Но она хотела выиграть время и поэтому ежедневно ставила новые препятствия; в преодолении их была видна крайняя медлительность.

Австрия сначала предложила свои услуги в качестве посредницы, но, меняя свой тон соразмерно с усилением своей военной мощи, вскоре высказала пожелание стать арбитром, одновременно делая намёки, что она ожидает большую компенсацию в ответ за те услуги, которые она могла бы предложить. Наконец, после двух месяцев перемирия, когда Австрия посчитала себя совершенно готовой к войне, между союзными державами было принято решение не вести мирные переговоры и не устанавливать дружеские отношения, но проявить свои истинные чувства и намерения и откровенно подвергнуть нас оскорблениям.

Особенно русские вели себя на редкость нелюбезно. Они больше не были теми, кто просто умолял подписать перемирие после их разгрома в сражениях при Лютцене, Вурцене и Баутцене. Теперь они считали себя диктаторами Европы, которыми с тех пор и в самом деле стали благодаря своей опытной дипломатии, политической слепоте их союзников, своему географическому положению и, наконец, своим вооружённым силам.

В этих условиях от Конгресса нельзя было ждать многого: в течение нескольких дней заседаний наши противники всего лишь

составили ряд проектов дипломатических нот язвительного характера, в то время как поведение Австрии было отмечено крайней пристрастностью.

10 августа русские и пруссаки с надменным видом покинули зал заседаний. 12 августа Австрия, этот наш верный союзник, подобострастный и преданный друг, который так настойчиво добивался права стать нашим посредником и арбитром, неожиданно вручила нам ноту об объявлении войны. Австрия не предоставила нам даже времени для подписания манифеста о войне, который она тайно обговаривала со своими новыми союзниками. Этот манифест навеки останется свидетельством её позорного поведения и нравственного вырождения, поскольку оправдывает принесение в жертву эрцгерцогини ради необходимости заискивать перед ненавистным союзником.

История рассудит эти поступки. Однако, к чести трона и морали, есть основания считать, что большинство этих поступков, и в особенности реальный ход событий, были неизвестны императору Францу, о котором говорят, что он по своему характеру самый мягкий человек, самый честный, самый высоконравственный и самый религиозный из всех монархов. Утверждают, что многие из этих отвратительных поступков задумывались и совершались без его ведома, а те, о которых ему докладывали, сообщались в ложном свете. Все эти позорные дела должны быть приписаны британскому золоту, коварству русской дипломатии и энтузиазму австрийской аристократии, побуждаемому английской кликой, которая в то время правила Европой.

Работа Конгресса была прервана в обстановке взаимного раздражения, на что император выразил свои чувства в официальных и общественных документах самыми резкими словами и весьма властным тоном. Но он сделал это с той целью, чтобы произвести благоприятное впечатление на общественное мнение, ибо он настолько владел собой, что, хотя в запальчивости и готов был взяться за оружие, тем не менее потребовал возобновления переговоров, которые вновь были продолжены в Праге. Наполеон полагал полезным не терять выгод от постоянных дипломатических контактов: Австрию можно было бы легко отлучить от её союзников, если бы мы получили преимущество, и её также можно было бы легко убедить, если бы мы стойко перенесли неудачи. Таков был этот Конгресс в Праге.

Вероятно, будет задан вопрос: а не был ли Наполеон обманут Конгрессом и последовавшими в результате его обстоятельствами? Ответ таков, что он не был им обманут, или, по крайней мере, не

полностью. Если он и не знал о каждом факте, то никогда, ни на минуту не ошибался в отношении намерений и настроений, которые превалировали на Конгрессе.

Наполеон с момента своей первой победы в сражении при Лютцене, как это достоверно известно, предлагал провести всеобщий конгресс. Он считал, что подобный конгресс является единственным средством достижения всеобщего мира, который обеспечил бы независимость Франции и гарантировал бы сохранение современной политической системы. Любой другой вид переговоров представлялся ему всего лишь безобидной приманкой; и если он, казалось, отходил от этого принципа, принимая посредничество Австрии и соглашаясь на проведение конференции в Праге, то это было потому, что ситуация становилась всё более сложной. Поражение при Виттории, эвакуация французских войск из Испании, упадок морального духа французского народа — всё это значительно ухудшало положение императора. Он предвидел результаты переговоров, но хотел, в свою очередь, выиграть время и ждал развития событий. Он не был обманут ролью, которую играла Австрия; не зная точно, как далеко зайдёт её обман, Наполеон видел, судя по её странному поведению и по её стремлению медлить с решением любого вопроса, каково примерно будет её решение.

В Дрездене он даже лично переговорил с главным представителем австрийского правительства на Конгрессе, и тот ясно обрисовал линию поведения, которой он был намерен придерживаться. Император обратил внимание собеседника на то, что в его распоряжении находятся восемьсот тысяч солдат. Его собеседник поспешил добавить: «Ваше Величество может сказать — один миллион двести тысяч солдат, поскольку, если вам будет угодно, вы можете присоединить наши войска к своим». Но какой будет цена этого преимущества? Ни много ни мало как возвращение Иллирии, уступка герцогства Варшавского, граница по реке Инн и так далее. «Тогда, — спросил император, — чего добьюсь я благодаря этой сделке? Пойдя на все эти уступки, не будем ли мы ими унижены, ничего не получив взамен, но предоставив Австрии возможность настаивать на новых требованиях, а потом выступить против нас, имея большое преимущество?» Он никогда не оставлял мысль о том, что, поскольку истинные интересы Австрии тесно связаны с нашими, мы скорее вернём её на свою сторону благодаря нашим бедствиям, а не посредством уступок ей. Наполеон поэтому был глух к любому требованию Австрии, но у него не осталось никаких сомнений относительно тех тайных соглашений, которые Австрия уже заключила с нашими противниками, о чём он, как говорят, полушутя-полувозмущённо

сказал своему австрийскому собеседнику (Меттерниху) в Дрездене: «Ладно-ладно, признавайтесь: скажите мне, сколько они заплатили вам?»

Как тяжело страдал Наполеон в то время! Как только не испытывали его терпение! Его обвиняли в том, что он не хочет мира!

«До какой степени я чувствовал себя озадаченным, — говорил он, — когда, беседуя на эту тему, я оказывался единственным человеком, способным определить масштабы угрожавшей нам опасности и принять меры для того, чтобы предотвратить её. С одной стороны мне не давали покоя объединившиеся державы, а с другой стороны — настроение моих собственных подданных, которые в своей слепоте, казалось, действовали воедино с этими странами. Меня ставили в затруднительное положение наши внешние враги, которые добивались моей гибели, и назойливость и докучливость моего собственного народа и даже моих министров, которые настаивали на том, чтобы я сдался на милость иностранцев. И я был вынужден не падать духом в этой затруднительной ситуации: высокомерно отвечать одним и резко давать отпор другим, кто за моей спиной создавал трудности, поощряя ошибочный курс общественного мнения, вместо того чтобы искать правильное направление, и мучая меня требованиями мира, когда те же самые лица должны были доказывать, что единственный способ достижения мира заключается в том, чтобы заставить меня воевать.

Тем не менее решение я принял. Я следил за развитием событий, твёрдо решив не делать никаких уступок и не вступать в переговоры, которые могли бы привести только к временному исправлению положения и после которых неизбежно следовало ожидать роковых последствий. Любая попытка держаться среднего пути опасна; только победа обеспечивает безопасность, которая сохранила бы мне власть, а в случае некоторых неудач заставила бы моих союзников вернуться ко мне».

Я прошу читателя обратить внимание на эту последнюю мысль, которую я ранее приводил в моём дневнике. Вероятно, подумают, что я придаю этой мысли большое значение, но я повторяю её потому, что чувствую необходимость сделать её понятной. Я сам долго не понимал её, и она представлялась мне парадоксальной и утончённой.

«В каких только ситуациях я не оказывался! — продолжал император. — Я видел, что Франция, её судьба и её принципы зависят от меня одного!» — «Сир, — осмелился я заметить, — эта точка зрения повсеместно разделяется, но, однако, есть люди, которые упрекают вас за неё, восклицая с горечью: “С чего бы это он всё связывает со своей личностью?”». — «Это вульгарное обвинение, — горячо возразил император. — Ситуация, в которой я оказался, не была моим собственным выбором, и она возникла не потому, что я совершил

ошибку. Она была целиком результатом самой природы и силы обстоятельств, результатом конфликта двух противоборствующих сторон. Предпочли бы те лица, которые прибегают к подобным высказываниям, если они действительно искренние люди, вернуться назад, во времена, предшествовавшие брюмеру, когда наша страна находилась в полном развале, иностранное вторжение было неминуемым и гибель Франции неизбежной? С той минуты, когда мы решились на концентрацию силы, которая одна только и могла спасти нас, когда мы решились на единство доктрин и ресурсов, сделавшее нас мощной нацией, судьба Франции зависела исключительно от характера, действий и принципов того, кого она облекла этим неожиданным диктаторством: с этой минуты общественное благосостояние и государство стали моими. Эти слова, которые я адресовал тем, кто способен понимать их, были решительно осуждены недалёкими и недружелюбными людьми; но враг чувствовал всю силу этих слов и поэтому поставил перед собой в качестве главной цели мою гибель. Тот же гневный протест был вызван другими словами, которые я произнёс со всей искренностью моей души, — когда я сказал, что *Франция больше нуждается во мне, чем я в ней*. Эта глубокая правда была расценена как моё чрезмерное тщеславие. Но, мой дорогой Лас-Каз, вы теперь видите, что я смог оставить всё, а что касается того, что я терплю здесь, то мои страдания не будут продолжаться долго. Моя жизнь ограничена, но не существование Франции!»

Затем, развивая свою прежнюю мысль, император сказал: «Условия, в которых мы оказались, чрезвычайны и беспрецедентны, напрасно я пытался найти нечто подобное им. Я представляю собой основу абсолютно нового здания, воздвигнутого на хрупком фундаменте! Его стабильность зависела от каждой из моих побед! Если бы я потерпел поражение в сражении при Маренго, то Франция немедленно столкнулась бы со всеми бедствиями 1814-го и 1815 годов, но без всех тех последовавших чудесных проявлений славы, которые останутся бессмертными. То же самое произошло бы и после Аустерлица и Йены, а также после Эйлау и других битв. Дурачье не упускало возможности обвинить меня в честолюбии, считая его причиной всех этих войн. Но не я хотел их, они были порождены самой природой и силой обстоятельств; они возникли в результате конфликта между прошлым и будущим — постоянной и неизменной коалиции наших врагов, которые хотели заставить нас подчиниться, так как боялись сами оказаться подчинёнными».

Но вернёмся к переговорам 1813 года. Изучая документы и манифесты, опубликованные в своё время обеими сторонами, мы теперь — то ли потому, что сейчас мы можем читать их более беспристрастно, то ли потому, что теперь у нас открылись глаза на поведение

тех, кто торжествовал победу, — не в состоянии избавиться от чувства изумления, обнаружив двойную ошибку, заставившую немцев выступить столь яростно против того, от чьего порабощения они пытались освободить себя, встав на сторону тех, от кого они ожидали своего возрождения!

*Возобновление военных действий —
Дрезденское сражение — 26-е и 27 августа*

Вражеские державы вновь предстали на поле сражения. Французы, силой в 300 000 солдат, из которых 40 000 кавалерии, заняли центр Саксонии на левом берегу Эльбы; союзники с 500 000 солдат, включая 100 000 кавалеристов, угрожали французам с трёх направлений: со стороны Берлина, из Силезии и Богемии, а также со стороны Дрездена. Эта огромная диспропорция в численности войск не произвела какого-либо впечатления на Наполеона. Он сконцентрировал свои войска и смело двинулся в наступление. Укрепив фортификационными сооружениями позиции вдоль Эльбы, которые теперь стали его точками опоры, и защитив свой правый фланг горами Богемии, он направил значительную часть войск на Берлин против Бернадотта, командовавшего армией пруссаков и шведов, в то время как другая часть его войск вступила в Силезию против Блюхера, командовавшего объединённым корпусом пруссаков и русских. Третью часть своих войск Наполеон расположил в Дрездене, ключевом месте его стратегической позиции, чтобы не выпускать из поля зрения многочисленную армию австрийцев и русских в Богемии. Наконец, четвёртая часть его войск была оставлена в резерве, в Зиттау, с тройной задачей: во-первых, проникнуть в Богемию в том случае, если мы получим преимущество над Блюхером; во-вторых, сдерживать огромную массу союзных войск в Богемии возможной угрозой атаки на их тыл, если они попытаются выйти к берегам Эльбы; в-третьих, оказать помощь, если это будет необходимо, во время внезапной атаки Блюхера или во время защиты Дрездена, если будет атакован этот город.

Император, который уже провёл быстрое наступление против войск Блюхера, постоянно атакуя его передовые части, неожиданно был отозван для защиты Дрездена, где 60 000 французских войск сражались против 180 000 союзных войск. Князь Шварценберг, главнокомандующий союзными войсками в Богемии, 26 августа провёл вялую атаку на Дрезден, вместо того чтобы осуществить стремительное и решающее наступление, которое советовал дезертир Жомини, хорошо понимавший сложившуюся обстановку. Наполеон

прибыл к месту сражения с быстротой молнии во главе 100 000 французов. Исход сражения ни на минуту не вызывал сомнения, а весь успех сражения следовало отнести на счёт дальновидности и проницательности Наполеона. Враг был разгромлен, он потерял 40 000 человек, и некоторое время ему грозило полное уничтожение. На поле сражения присутствовал император Александр. Генерал Моро был убит ядром, выпущенным из пушки, принадлежавшей нашей гвардии, всего лишь через несколько минут после его беседы с русским императором*.

Наконец появилась счастливая возможность, на которую с таким волнением надеялся Наполеон, восстановить наши дела, обеспечить мир и спасти Францию: на следующий день Австрия направила к императору своего представителя с мирными предложениями. Но такова уж непредсказуемость человеческой судьбы! С этого момента, в силу беспримерной фатальности, Наполеону пришлось иметь дело с цепью следовавших одно за другим бедствий. Повсюду, за исключением тех мест, где он лично присутствовал, мы терпели поражения. Наша армия в Силезии, сражаясь против Блюхера, потеряла 25 000 человек, наши войска, которые атаковали Берлин, потерпели поражение с большими потерями от войск под командованием короля Швеции, и, наконец, почти весь корпус Вандамма, после победы в Дрездене направленный в Богемию, чтобы атаковать тыл врага и завершить его разгром, будучи предоставленный самому себе и безрассудству своего командующего, был разбит той частью союзнической армии, которая ранее поспешно отступила. Эти фатальные бедствия были следствием внезапного ухудшения здоровья Наполеона: в какой-то момент предполагали, что его отравили. Из-за его отсутствия французские войска больше не были настроены продолжать преследование; возобладали нерешительность и уныние; войско Вандамма было разгромлено, и все плоды блестящей победы в сражении при Дрездене были потеряны!

После всех этих неудач и усиления сопротивления противника французские войска охватило уныние, а войска союзников — воодушевление. Число вражеских войск росло, и наша катастрофа, казалось, была не за горами. Отчаянные усилия Наполеона были тщетны: он спешил во все опасные места, но его тут же призывали туда, где складывалось ещё более катастрофическое положение. Где бы он ни появлялся, союзнические войска немедленно отступали, но как только он поворачивал лошадь, чтобы уехать, они сразу же переходили в наступление¹⁵. Тем временем вся масса вражеских войск постепенно

* Гибель знаменитого Моро, хотя и сражавшегося под русским знаменем против французской армии, была и всегда останется источником печали для его искренних друзей и ревностных сторонников.

продвигалась вперёд, и вскоре они образовали полукольцо, постепенно замыкавшееся вокруг французов, которые были отброшены к Эльбе и которым угрожало полное окружение. С другой стороны, наш тыл, ничем не прикрытый, подвергался атакам со стороны отдельных отрядов врага. Всё королевство Вестфалии охватило открытое восстание; связь между нашими транспортными колоннами всё время прерывалась, и мы более не могли поддерживать сообщение с Францией.

Именно при таком положении вещей участники Конгресса в Праге представили императору результат новых совместных переговоров между союзниками. В дополнение к многочисленным требованиям к Наполеону и к его союзникам о возмещении убытков они выдвинули два новых условия: первое — отказ от всякого влияния Франции в Италии и возвращение захваченных итальянских территорий и второе — отказ от французского влияния в Германии и возвращение немецких территорий. Наполеону предстояло сделать выбор в пользу одного из этих двух разделов власти; но другая половина этого раздела должна была полностью отойти в распоряжение союзников, без какого-либо вмешательства с его стороны. Ни друзья, ни враги Наполеона не сомневались, что он с радостью примет эти предложения. «Ибо, — говорили они ему, — если вы выбираете Италию, то остаётесь у ворот Вены, а союзники вскоре рассорятся между собой относительно раздела Германии. Если, напротив, вы предпочтёте отказ от Италии, то тем самым обеспечите себе дружбу с Австрией, которой достанется часть итальянской территории при разделе, и вы останетесь в центре Германии. В любом случае, вы вернётесь на политическую арену в качестве посредника или правителя». Наполеон, однако, не разделял этого мнения: он отказался и от первого, и от второго предложения и настойчиво продолжал следовать собственным планам.

Конечно, говорил он себе, подобные предложения по своей сути и при нынешнем естественном развитии событий являются более чем приемлемыми, но где гарантия их искренности? Он ясно видел, что союзники пытаются всего лишь заманить его в ловушку. Они были полны решимости впредь не следовать ни обещаниям, ни законам. Они не чувствовали себя связанными законом наций и долгом чести в их поведении в отношении нас.

Высказываясь против предложений своих советников, Наполеон заявил: «Если я откажусь от Германии, то Австрия будет только ещё более настойчиво сражаться, пока не овладеет Италией. Если, с другой стороны, я уступлю ей Италию, то она потом попытается вытеснить меня из Германии. Таким образом, одна сделанная уступка только послужит стимулом для того, чтобы добиваться новых. Достаточно

вытащить один камень из фундамента здания, чтобы неизбежно рухнуло всё здание. От меня станут требовать одну уступку за другой, пока я не отправлюсь назад в Тюильри, откуда французский народ, разгневанный моей слабостью и обвиняющий меня в своих бедствиях, несомненно, изгонит меня и, возможно, вполне справедливо, хотя потом он сразу же станет добычей для иностранцев».

Разве это не точное пророчество событий, которые последовали после вероломных деклараций Франкфурта, предложений Шатильона и т.д.?

«В тысячу раз лучше погибнуть в сражении среди ярости торжествующих врагов, — продолжал император, — ибо даже поражения оставляют после себя уважение к сопернику, когда они сопровождаются его благородной стойкостью. Поэтому я предпочитаю дать сражение, поскольку, если я буду побеждён, политические интересы большинства наших противников останутся прежними. Но если я одержу победу, то могу спасти всех. У меня всё ещё есть шансы, и я далёк от того, чтобы впасть в отчаяние».

Предполагаемое наступление на Берлин

В этой ситуации король Баварии, глава Рейнской конфедерации, написал письмо императору, конфиденциально заверив его, что его союз продолжит своё существование ещё шесть недель. «Это достаточно много времени», — заявил Наполеон и немедленно принял решение сделать попытку осуществить большое наступление, которое он уже давно задумал и которое свидетельствовало о наличии неограниченных возможностей для инициативного ума. Прижатый к Эльбе, правый берег которой был уже занят огромной массой союзных войск, почти готовых наброситься на тыл армии Наполеона, он придумал смелый план — поменяться позициями с врагом: проникнуть внутрь вражеской линии, чтобы сконцентрировать свои войска в его тылу и заставить его, в свою очередь, всей массой войск переправиться на левый берег реки. Если бы в этой ситуации он лишился связи с Францией, то у себя в тылу получил бы вражескую территорию, часть страны, пока ещё не опустошённую войной, где он мог бы держать свои войска, — Берлин, Бранденбург и Мекленбург, и где он вновь обрёл бы крепости с их мощными гарнизонами. Наполеон теперь ожидал новых оперативных комбинаций и новых перспектив будущего успеха: перед собой он видел только ошибки, растерянность и состояние недоумения его врагов и великолепие своих собственных надежд и деяний.

Сражение при Лейпциге 16-го, 18-го и 19 октября

Поначалу казалось, что фортуна улыбается императору. Но вскоре король Вюртемберга письмом уведомил его, что баварская армия, соблазнённая интригами и господствующим духом времени, присоединилась к австрийцам, против которых она должна была воевать, что эта армия находится на марше к берегам Рейна, чтобы прервать коммуникации с Францией, и что сам король Вюртемберга вынужден уступить обстоятельствам. Это неожиданное событие заставило Наполеона отложить подготовку своих операций и отступить, чтобы обеспечить свою безопасность. Сложность этих неудачных манёвров была на руку союзникам, которые усилили наступление и окружили нас; грандиозное сражение казалось неизбежным. Наполеон собрал свои войска на равнинах под Лейпцигом. Его армия состояла из 157 000 человек и имела шестьсот пушек, но в распоряжении союзников были тысяча пушек и 350 000 солдат. В первый же день сражение приняло самый яростный характер. Французы перехватили инициативу, и победа была бы решительной, если бы один из корпусов, находившийся в Дрездене, принял участие в битве, на что и надеялся император. Был взят в плен генерал Мерфельд, но его освободили под честное слово, чтобы он передал союзникам, что император наконец готов отказаться от Германии. Но союзники, воодушевлённые прибывшим огромным подкреплением, на следующий день возобновили сражение. Численность их войск была настолько большой, что, когда солдаты падали от изнеможения, их постоянно сменяли свежие корпуса, словно дело происходило не на поле брани, а на параде. Непостижимая фатальность теперь соединилась с неравенством численности противостоящих войск. Неожиданно в наших рядах произошло позорное предательство: саксонцы, наши союзники, изменили нам, перешли на сторону врага и повернули пушки против нас. Однако присутствие духа, энергия и искусство французского генерала, плюс мужество наших войск, компенсировали всё, и мы вновь стали хозяевами поля битвы.

Эти два ужасных сражения, которые история назвала битвой гигантов, стоили врагу ста пятидесяти тысяч его лучших солдат, пятьдесят тысяч из которых погибли на поле битвы. Наши потери достигли только пятидесяти тысяч солдат. Таким образом, разница между нашими силами была значительно сокращена; третье сражение ещё более сократило эту разницу в нашу пользу. Но боеприпасы и военное снаряжение были на пределе: наша артиллерия могла произвести не более шестнадцати тысяч залпов, тогда как за два предыдущих дня мы произвели двести двадцать тысяч залпов. Мы были вынуждены готовиться к отступлению в сторону Лейпцига,

которое началось ночью. С рассветом союзники атаковали нас; они вошли в Лейпциг вместе с нами, и сражение продолжалось на улицах города. Наши тыловые части доблестно защищались и избежали больших потерь, но роковой случай погубил всё: единственный мост через реку Эльстер, по которому могло осуществиться наше отступление, был взорван. Таким образом, наши войска на лейпцигской стороне реки были потеряны, а на противоположном берегу французские солдаты спешно и в беспорядке двигались в сторону Меца. В Ганау мы должны были пробиваться сквозь преграждавших нам дорогу 50 000 солдат баварских войск. Только остатки нашей армии вернулись во Францию и — чтобы сделать нашу катастрофу полной, — занесли с собой в страну инфекционные заболевания.

Такова была наша фатальная кампания в Саксонии, наше последнее национальное усилие, могила нашей гигантской державы. Противопоставленный объединённым усилиям всей Европы, несмотря на все возможности, которые были использованы против нас, гений одного человека был в течение четырёх кампаний почти готов восстановить наше господство и прочно закрепить его мирным договором — после побед при Лютцене и Баутцене, после сражения в Дрездене, во время последнего наступления на Берлин и, наконец, во время битвы при Лейпциге.

Наполеон потерпел неудачу в результате редкостного сочетания фатальности и вероломства, примеров которых история не знает. Я привожу здесь только те, которые по прошествии времени приходят мне в голову.

Примеры фатальности

1. Внезапное заболевание Наполеона.
2. Неожиданное наводнение на реке Бобёр.
3. Конфиденциальное письмо от короля Баварии.
4. Приказы, которые не получил французский корпус в Дрездене.
5. Взрыв моста на реке Эльстер.

Примеры вероломства

6. Интриги и измена Австрии, первая и истинная причина наших бедствий.
7. Нарушение перемирия в Плесвице в отношении блокады крепостей.
8. Дезертирство начальника штаба 3-го корпуса.

9. Ренегатство правительства Баварии.
10. Предательство саксонцев.
11. Нарушение условий капитуляции Дрездена.

Ниже я привожу свои объяснения.

1. После победы в сражении при Дрездене кто-то поздравил Наполеона с его большим успехом. «О! Это пустяк, — заявил Наполеон, хотя его лицо сияло от радости. — Вандамм находится в их тылу, и именно там мы должны ожидать крупного успеха». Император собирался лично помочь завершить эту решающую операцию, когда, к сожалению, после одного из блюд во время обеда у него случился такой сильный приступ рвоты, что предположили, что он отравлен, и было признано необходимым переправить его обратно в Дрезден. Таким образом, военные операции были прерваны. Последствия хорошо известны. Насколько тривиальной была причина, и насколько злосчастными оказались результаты!

2. Внезапное наводнение на реке Бобёр стало главной причиной несчастий маршала Макдональда. Его корпус, находившийся в полной боевой готовности, был застигнут врасплох наводнением, которое затруднило его дальнейшие операции и вызвало огромные потери, о которых уже писалось выше.

3. Примерно в конце сентября король Баварии направил конфиденциальное письмо Наполеону, в котором заявлял, что продолжит поддерживать с ним союз на протяжении от шести недель до двух месяцев и в течение этого времени будет упорно отказываться от любых выгодных предложений, которые могли быть ему сделаны. Император, находившийся в весьма критической ситуации и способный, вероятно, если бы не это обстоятельство, прислушаться к сделанным ему предложениям, теперь более не колебался и немедленно решил начать смелое наступление на Берлин, которое он задумал ранее. Он полагал, что шести недель будет достаточно для того, чтобы изменить положение дел и избавить своих союзников от каких-либо опасностей. К сожалению, интриги военных в Баварии оказались сильнее желаний короля, поэтому Наполеон был вынужден остановить наступление и дать сражение при Лейпциге в неблагоприятных для него условиях. Мы уже видели последствия всего этого.

4. Наполеон готовится к битве при Лейпциге, но возлагает надежды на отвлекающий удар со стороны тех корпусов армии, которые он оставил в Дрездене, — это могло бы сделать победу при Лейпциге решительной и дало бы толчок новому развитию событий. Но, к сожалению, войска противника были настолько многочисленны, а мы оказались столь плотно окружены, что приказы императора не были переданы в Дрезден.

5. После двух кровопролитных сражений при Лейпциге французы начали отступление на другой берег реки Эльстер по единственному мосту. Для охраны моста был поставлен офицер с приказом взорвать его, если у моста объявится враг, преследовавший наши отступавшие войска. К несчастью, этот офицер, по ошибке или по другой причине, получил сообщение, что его хочет видеть император. Офицер немедленно подчинился приказу, и в его отсутствие капрал сапёров при первом же появлении в его поле зрения нескольких отрядов русского корпуса поджёг пороховой шнур и взорвал мост. Он, таким образом, обрек на гибель ту часть наших войск, которая всё ещё оставалась на лейпцигском берегу реки. Все отступавшие войска, двести пушек и тридцать тысяч пленных (отставшие от армии, раненые и больные) попали в руки врага. Публикация оперативного бюллетеня, содержавшего эти сведения, вызвала гневный протест всех недовольных политикой Наполеона в Париже. Утверждалось, что всё дело было сфабриковано и что сам император отдал приказ о взрыве моста, чтобы обеспечить собственную безопасность за счёт остальной армии. Напрасной оказалась ссылка на заявление офицера, который подтвердил всё то, что произошло на самом деле, когда он пытался оправдать самого себя. Его объяснение расценили как новую фабрикацию и попытку оказать услугу императору. Таковы были нравы того времени*.

6. Двуличность и измена Австрии, многочисленные противоречия между её поступками и заверениями уже отмечались. Забыв о щедрости, которой она пользовалась после сражений при Леобене, Аустерлице и Ваграме, она платила свой долг благодарности в соответствии с правилами политики, страстно стремясь не упустить возможность любой ценой возместить свои потери.

Она погубила нас, заставив дать согласие на перемирие в Плесвице; и её поведение было тем более отвратительным, что она уже приняла решение вести войну против нас и всего лишь через несколько дней, хотя она по-прежнему считалась нашим другом

* Когда я посетил Лондон в 1814 году, внимание общества было занято недавними событиями на континенте, и битва при Лейпциге являлась главной темой обсуждений. Говорилось о том, что в момент поражения Наполеона полностью покинуло присутствие духа. Он ездил по городу, плутая среди безлюдных улиц. Хотя он был верхом на лошади, физическая слабость вынуждала его прислоняться к стенам домов, и, находясь в подобном положении, он попросил у старой женщины показать ему дорогу и дать стакан воды. Взрыв моста не был забыт, и вся история с мостом рассказывалась именно так, как и в Париже. Этим подробностям, которые передавались из уст в уста в гостиных и распространялись на улицах, верили и среди высших слоёв населения, и среди простонародья. Плакаты, представлявшие различные сцены и эпизоды сражения, выставлялись в витринах магазинов и в окнах лавок; сюжет одной из этих картинок представлял собой описанный выше случай на улице Лейпцига. Распространялось такое множество подобных глупостей, что люди со здравым смыслом лишь пожимали плечами.

и союзником и предлагала свои услуги в качестве посредника, вступила в переговоры, направленные против нас. Факты её участия в соглашениях в Райхенбахе в середине июня и в конференции в Трахенберге в начале июля теперь хорошо известны. Необходимость поддерживать некоторую видимость внешнего приличия была причиной того, что эти соглашения и конференция держались в тайне целый месяц после начала военных действий. Сначала они были предложены Францу лишь в качестве условных мер, зависящих от будущих обстоятельств, и императора вынудили поставить подпись на документах этих конференций только по настоянию его министров, которые представляли Наполеона как божью кару и приписывали ему задержки в открытии Конгресса, которые, в действительности, вызывали они сами.

Но, несмотря на поведение Австрии, Наполеон всё ещё лелеял надежду вновь видеть её своей союзницей, — не потому, что он предполагал существование какого-то недоразумения между нею и другими коалиционными державами, но потому, что он считал её достаточно проницательной в отношении своих собственных интересов. Эта мысль никогда не покидала его, вплоть до момента подписания документа о его отречении от престола*.

7. Крепости, оккупированные французскими войсками на той территории, которая находилась в распоряжении союзных войск, должны были иметь свободный проход в пределах одного лье и получать снабжение продовольствием каждый пятый день; но этот пункт соглашения не выполнялся.

Когда срок перемирия был продлён, французские представители потребовали, чтобы офицеры французской армии были допущены к командирам крепостей; но русский главнокомандующий не согласился на требование, и обстоятельства сложились так, что мы были вынуждены отказаться от этого пункта соглашения.

8. Начальник штаба 3-го корпуса, швейцарец по рождению, сделавший военную карьеру в рядах нашей армии, перешёл на сторону врага за несколько дней до возобновления военных действий, передав ему всю информацию, которую он мог собрать. В благодарность за эту измену император России сделал его одним из своих

* Это предположение не вполне обоснованно, ибо по-прежнему остаётся сомнительным, было ли согласие Австрии в отношении отречения императора принудительным или добровольным. В силу одной из тех фатальностей, которые сопровождали окончание карьеры Наполеона, внезапный успех отделил австрийцев от русских, и идея марша на Париж, а также знаменитая декларация об объявлении вне закона Наполеона и его семьи исходили исключительно от Александра. Когда императору Францу было предложено подписать декларацию, у него не было иного варианта, кроме как дать своё согласие на принятие мер, вопрос о которых уже был решён; но многие обстоятельства заставляют нас верить, что он сделал это с большим неудовольствием.

адъютантов. Говорили, что этот офицер, обладавший большими способностями, имел причину жаловаться на несправедливое отношение к нему; но может что-либо извинить такой поступок и смыть пятно бесчестия, сопровождающее подобные действия?

9. Часть плана кампании, задуманной Наполеоном, заключалась в том, чтобы баварская армия, размещённая на Дунае, действовала совместно с Итальянской армией, находившейся в Иллирии, и в том, чтобы их объединённые усилия были направлены против Вены. Легко понять, насколько серьёзно могли бы повлиять эти меры на судьбу кампании. Но глава баварской армии, под тем или иным предлогом, а в действительности потому, что он пришёл к соглашению с противником, оставался пассивным и тем самым парализовал все усилия итальянского вице-короля Евгения, который должен был противостоять всей массе австрийских вооружённых сил.

10. Ничто не может сравниться с позорным и бесчестным предательством саксонцев, которые, хотя они тогда служили в рядах нашей армии и были нашими товарищами во времена опасности и славы, неожиданно выступили против нас. Какими бы ни были роковые результаты их дезертирства, сам факт этого бесчестия намного превышает вред, который они нам нанесли.

Поведение Наполеона в то время, когда его описывали как олицетворение обмана и вероломства, представляет собой, напротив, пример исключительного величия души. Он ввёл корпус саксонцев в состав императорской гвардии, но, в результате дезертирства их соотечественников, отправил этот корпус в распоряжение их монарха, которого он оставил в Лейпциге*, освободив его от всех его обязательств. В армии Наполеона было также некоторое количество баварцев, и он написал их командиру письмо, в котором сообщил, что Бавария, вероломно объявив ему войну, тем самым вынуждает его разоружить и взять в плен всех баварцев, находящихся на его службе, но что подобная мера лишила бы его доверия войск, находящихся в его подчинении. Поэтому он приказал снабдить всех баварцев провизией и отпустить их**.

11. Передо мной лежит рукопись известного офицера о капитуляции Дрездена. Оценивая численность войск, которые мы оставили

* Почтенный и верный король Саксонии последовал за своим союзником Наполеоном, в штабе которого он устроился. Представители коалиционных держав, вступив в Лейпциг, захватили короля и объявили о своём плане лишить его всех его земель. Несчастья короля Саксонии известны всей Европе. Они вызвали искреннее сочувствие у каждого благородного человека.

** Среди всеобщего предательства поведение короля Вюртемберга представляло собой благородное исключение. Этот монарх, хотя уже находившийся в состоянии войны с нами, распустил кавалерийскую бригаду и пехотный корпус, которые перешли на сторону врага, и отобрал свои ордена у офицеров, которые ранее были награждены ими.

в крепостях и от которых были отделены, он подсчитал, что они в сумме должны составлять 177 000 человек. У императора в Лейпциге было только 157 000 солдат. Насколько иначе могла сложиться наша судьба, если бы эта масса войск или даже часть их оказалась в его распоряжении в том решающем событии! Но это несчастливое рассредоточение гарнизонов в отдельных крепостях было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, а не являлось результатом какой-либо регулярной системы. Следующие подробности относительно нарушения условий капитуляции Дрездена процитированы из вышеупомянутой рукописи:

«Прежде всего необходимо понять, что в соответствии с планом коалиции против Франции, заслуга в создании которого принадлежала князю Шварценбергу, было решено, что условия капитуляции каждого из многочисленных гарнизонов должны быть справедливыми и почётными, но их не следует выполнять. Об этом намерении союзных войск стало известно, и причина отказа от капитуляции, подписанной в Дрездене маршалом Сен-Сиром и генералами Толстым и Кленау, заключалась в том, что князь Шварценберг не мог ратифицировать документ о капитуляции, так как граф де Лобау, адъютант Наполеона, который был захвачен в Дрездене вместе с маршалом, выразил протест против капитуляции. Некоторое время спустя капитуляция гарнизона Данцига во главе с генералом Раппом была отклонена под тем гнусным и ложным предлогом, что гарнизон Дрездена, несмотря на условия своей капитуляции, прибыв в Страсбург, немедленно принял участие в боевых действиях; и, как следствие этого, капитуляция Данцига не может быть принята, дабы не подвергать риску союзные войска.

Дополнительным доказательством вероломства союзников является тот факт, что гарнизон Дрездена, включавший два армейских корпуса общей численностью 45 000 солдат, капитулировал 11 ноября*.

* Решение о капитуляции было далеко не единодушным в гарнизоне. Мнения по этому вопросу разделились. Некоторые высказывались за использование капитуляции для возвращения во Францию, и этот путь возвращения на родину был принят частью гарнизона. Другие выступали за более кардинальное решение вопроса: прорыв из Дрездена силами отборных войск гарнизона, спуск к Эльбе, снятие блокады Торгау, гарнизон которого насчитывал 28 000 солдат, блокады Виттемберга с гарнизоном в 5000 солдат и Магдебурга с гарнизоном в 20 000 солдат, и затем марш к Гамбургу, гарнизон которого составлял 32 000 солдат. Собранная таким образом армия насчитывала бы от шестидесяти до восьмидесяти тысяч солдат и направлялась бы во Францию, пробиваясь сквозь ряды вражеских войск и манёврами в их тылу заставляя их отступать, в то время как массовый набор рекрутов, которые могли выступить против наших ветеранских частей, был бы парализован. И даже если бы этот план не удался, его реализация, вероятно, не была бы столь фатальной, как капитуляция. Это мнение горячо отстаивал граф Лобау, генералы Тест, Мутон-Дюверне и другие. Этот план был величественен и достоин нашей славы, и вполне гармонировал с нашими прошлыми героическими деяниями. Император был намерен реализовать этот план, и с этой целью

В соответствии с условиями капитуляции, французы должны были эвакуироваться из крепости шестью колоннами в течение последующих шести дней и направиться в Страсбург.

Церемония капитуляции была выполнена, по крайней мере, в той части, которая касалась нашей эвакуации и оккупации крепости противником; но едва наша шестая колонна совершила дневной переход от города, как было объявлено, что капитуляция отменена командующим союзными войсками на данном театре военных действий князем Шварценбергом — его приказом от 19 ноября.

Когда маршал Сен-Сир стал протестовать, ему предложили, в виде компенсации за допущенную несправедливость, вновь войти в Дрезден с войсками и получить в своё распоряжение все средства защиты, которые он имел до капитуляции, — это была явная насмешка. Напрасно маршал вёл переговоры о точном выполнении всех статей документа о капитуляции, согласованных с графом Кленау, который имел для этого все надлежащие полномочия; несчастный гарнизон, уже распущенный, был поставлен перед необходимостью ремонтировать и приводить в порядок различные казармы и бараки, которые были отведены ему в Богемии, вместо того чтобы продолжить походный марш к Рейну. Возмущённый этим нарушением общечеловеческого доверия, маршал направил высокопоставленного офицера к Наполеону, чтобы доложить ему о случившемся; но союзные власти под различными предлогами задерживали отъезд этого офицера, и он добрался до Парижа только 18 декабря».

После ряда вероломных поступков и предательств, о которых я писал ранее и которые союзники сделали системой своего поведения, ничего удивительного не было в том, что Наполеон не оказывал никакого доверия знаменитой декларации Франкфурта и что у него вызвала чувство возмущения слепота нашего Законодательного собрания, комитет которого или из-за злонамеренных замыслов, или из-за ошибочных мнений довершил полное расстройство наших дел. Наполеон уверял меня, что он несколько раз собирался вызвать к себе членов этого комитета, чтобы обсудить с ними конфиденциально и откровенно реальное положение дел и неизбежную угрозу, которая надвигалась на всех нас. Иногда он

он отдал соответствующий приказ, который, однако, не был доставлен до места назначения. Отчаяние, вызванное мыслью о капитуляции, было таким, что часть войск потребовала, чтобы офицер, возглавлявший противников капитуляции, принял командование этими войсками на себя. Уважение к дисциплине в конце концов превалировало над энтузиазмом, но вышеупомянутый офицер на совете командного состава гарнизона высказал свою точку зрения самым резким образом. Говорят, что, охваченный возмущением, он воскликнул в адрес командующего гарнизоном: «Император скажет, что, имея пистолет в руке, мне следовало принять командование на себя».

думал, что должен призвать их к порядку, чтобы они честно выполняли свои обязанности; иногда он, напротив, опасался, что упрямство и злобные намерения участников обсуждения вызовут ненужные споры, которые, учитывая дух времени, ослабят наши возможности и ускорят развал страны.

Император часто обращался в своих беседах к этому критическому моменту в судьбе Франции, но я воздерживался от описания в дневнике подробностей темы, которая не представляет ничего приятного или утешительного.

**Великодушные поступки императора — Его визит
в Амстердам и замечания по поводу поведения
голландцев — Резня третьего сентября —
Общие замечания о революциях —
Несчастливая судьба Людовика XVI**

3 сентября 1816 года

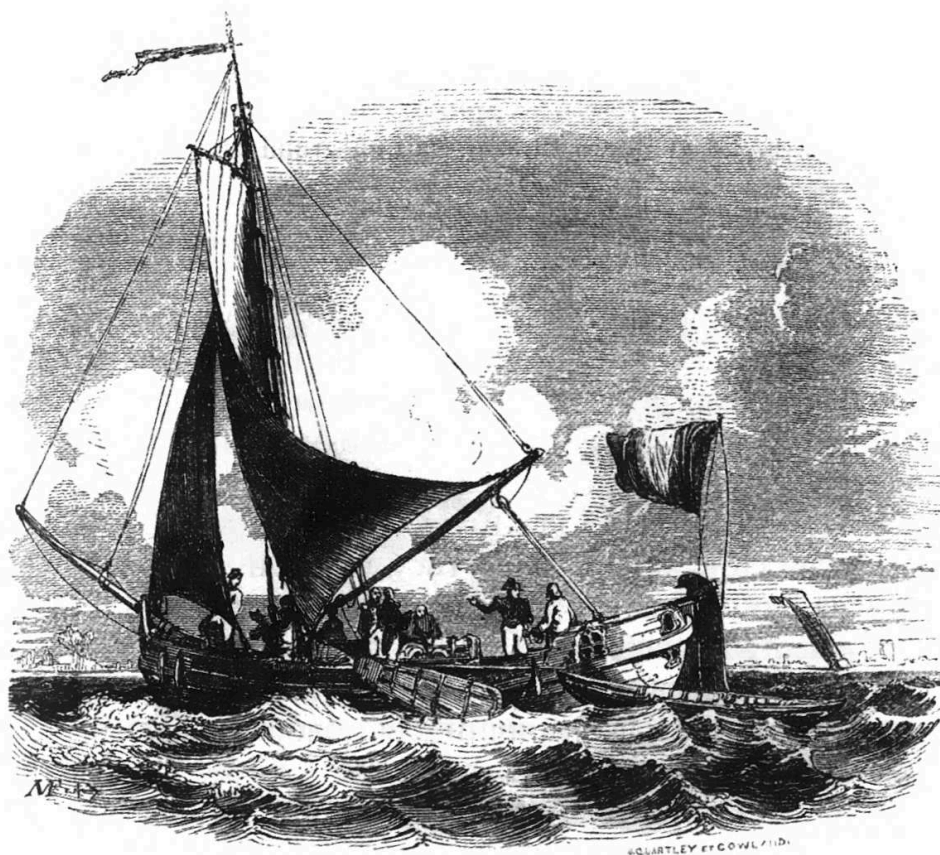
Около трёх часов дня император вызвал меня в свою комнату. Он только что закончил одеваться; и так как в это время шёл дождь, он направился в гостиную, где рассказал мне о некоторых весьма любопытных подробностях, которые касались его жизни и в которых я играл заметную роль.

Некоторое время спустя император решил совершить прогулочный круг по лужайке, прилегавшей к его библиотеке, но, обнаружив, что дует сильный ветер, тут же вернулся в дом и стал играть в бильярд, чем он занимается весьма редко.

Днём император рассказал о том, что когда он однажды путешествовал с императрицей, то остановился позавтракать на одном из

островков Рейна. Неподалёку находился небольшой крестьянский дом, и, пока император завтракал, он послал за его хозяином. Император попросил крестьянина смело сказать, что именно сделало бы его счастливым. Чтобы придать ему большую уверенность, император заставил его выпить несколько стаканов вина. Крестьянин, который оказался более благоразумным и менее требовательным в своём выборе, чем персонаж сказки о трёх желаниях, без колебаний назвал ту вещь, которую он хотел бы приобрести. Император немедленно приказал префекту округа обеспечить крестьянина тем, на чём он остановил свой выбор; сумма, потраченная на удовлетворение желания крестьянина, не превышала шести или семи тысяч франков.

Наполеон потом рассказал, как в другой раз, когда он был на борту яхты в Голландии, он вступил в разговор с рулевым и спросил его, сколько стоит его судно. «Моё судно? — воскликнул рулевой. — Оно мне не принадлежит, я был бы счастливым человеком, если бы оно было моим, оно бы решило мою судьбу». — «Ну что ж, — сказал император, — я дарю его вам». Но подарок императора не особенно обрадовал рулевого. Его безразличие было приписано чертам характера, типичным для его соотечественников, но дело было не в этом. «Какую пользу я имею от его подарка? — сказал рулевой

одному из своих друзей, поздравившему его. — Он просто сказал так, и всё, он подарил мне то, что не принадлежит ему, — вот уж действительно — прекрасный подарок!» Тем временем Дюрок купил судно у его владельца, и расписка бывшего владельца яхты в получении денег была вручена рулевому, который, перестав сомневаться в реальности своей счастливой судьбы, принялся в самой экстравагантной форме выражать свою радость. Расходы на покупку яхты были примерно такими же, как и на покупку подарка рейнскому крестьянину. «Таким образом, — сказал император, — очевидно, что человеческие желания не столь уж неумеренны, как это обычно предполагают, и поэтому сделать людей счастливыми не представляет особого труда! Эти двое, несомненно, почувствовали себя полностью счастливыми».

Когда император посетил Амстердам, местные жители, как он сам признал, были настроены к нему очень враждебно, но вскоре он полностью снискал их доверие. Он отказался от какой-либо другой охраны, кроме почётной охраны, принадлежавшей городу; и этот знак доверия немедленно вызвал к нему уважение со стороны голландцев.

Император постоянно появлялся среди различных социальных слоёв местного населения. Однажды он обратился к толпе в следующей откровенной манере: «Говорят, вы проявляете недовольство. Но почему? Франция не завоевала, она усыновила вас: вам не отказывают во всех благах, которыми пользуются французы, вы — часть нашей семьи и имеете все её преимущества. Смотрите сами: я подобрал себе префектов, камергеров и государственных советников из вашего числа, соблюдая строгую пропорциональность в соответствии с количеством вашего населения, и увеличил свою охрану за счёт голландцев. Вы жалуетесь на своё бедственное положение, но у Франции гораздо больше причин для подобных жалоб. Мы все страдаем и вынуждены продолжать страдать до тех пор, пока наш общий враг, тиран морей, вампир вашей торговли, не образумится. Вы жалуетесь на жертвы, которые вам пришлось принести; но приезжайте во Францию и посмотрите на всё то, чем вы по-прежнему обладаете, сравнив это с тем, чем обладаем мы, и тогда, возможно, вы посчитаете себя менее несчастными. Почему бы вам не поздравить себя по поводу союза с Францией? При нынешнем состоянии Европы кем бы вы были, предоставленные самим себе? Рабами всего мира. Вместо этого, отождествляя себя с Францией, вы в один прекрасный день будете обладать всей торговлей великой империи. — Затем, переходя на весёлый тон, он сказал: — Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы угодить вам. Разве я не направил к вам в качестве губернатора именно того, кто устраивает вас, — доброго

и миролюбивого Лебрена? Вы сочувствуете ему, он сочувствует вам, вы вместе сокрушаетесь по поводу вашего бедственного положения. Что ещё я мог сделать для вас? — Эти слова вызвали у собравшихся дружный взрыв смеха, и император обеспечил себе благосклонность большинства голландцев. — Однако, — продолжал император, — будем надеяться, что нынешнее положение вещей не продлится долго. Поверьте мне, я так же стремлюсь к его изменению, как и вы. Каждый проницательный человек среди вас должен знать, что я считаю: существующее положение не должно оставаться таким, как сейчас».

Император оставил жителей Амстердама в полном восторге от своей особы; и он, в свою очередь, увёз с собой самые лучшие впечатления от голландцев. До этого путешествия он часто жаловался, что, кого бы он ни направлял в Голландию, тот немедленно становился голландцем. После своего возвращения в Париж он вспомнил об этом на заседании Государственного совета и сказал, что сам стал голландцем. Однажды, когда один член Государственного совета пренебрежительно отозвался о голландцах, император сказал: «Господа, вы, может быть, более приятные люди, чем они, но лучшее, что я могу пожелать себе, — это обладать их нравственными качествами».

После обеда кто-то из нас случайно упомянул, что сегодня третье сентября. По этому поводу император высказал несколько знаменательных замечаний, среди них были следующие: «Сегодня, — сказал он, — годовщина ужасающих и потрясающих всякого здравомыслящего человека смертных казней, повторения, в миниатюре,

Варфоломеевской ночи; менее позорных, правда, казней, потому что было меньше жертв и потому что зверства совершались не с санкции правительства, которое, напротив, делало попытки пресечь преступление. Зверства совершались чернью Парижа, необузданной силой, которая контролировала законодательный орган.

Зверства третьего сентября были результатом скорее фанатизма, чем абсолютно животного состояния: участники зверских убийств казнили даже своих сообщников за то, что те совершали воровство во время смертных казней. Причиной этого ужасного события, — продолжал император, — были сила обстоятельств и дух времени.

Политические изменения часто сопровождаются общественным неистовством; народ никогда не подвергнется опасности, не совершив беспорядков и не принеся в жертву человеческую жизнь. Пруссаки вступили на французскую территорию, и народ, прежде чем встретить их, решил отомстить их сторонникам в Париже. Возможно, это обстоятельство повлияло на состояние безопасности Франции. Кто сомневается в том, что, если бы во время недавних событий друзья оккупантов стали жертвами подобных ужасов, Франция не попала бы в рабство к иностранцам? Но это не могло случиться, поскольку мы стали послушны закону. Устоявшаяся власть, наши победы, наши

договоры, восстановление наших прошлых норм поведения, — всё это сделало наше правительство таким, каким оно и должно быть. Мы не могли участвовать в преступлениях, совершаемых другими; что касается меня, то я не смог бы и не стал бы королём толпы.

Ни одна социальная революция никогда не происходит без жестокости. Каждая революция подобного рода является в первую очередь бунтом. Время и успех одни могут прославить её и сделать её законной, но всё же она никогда не может состояться без грубого нарушения закона. Если от народа, который пользуется благами власти и богатства, требуют отказаться от этих преимуществ, то он, конечно, сопротивляется; тогда прибегают к силе, и народ вынужден уступить. Во Франции этот вопрос был решён с помощью уличных фонарей, которые использовались в качестве виселиц, и публичных смертных казней. Власть террора началась 4 августа с упразднения аристократических титулов, церковной десятины и ещё существовавших феодальных прав. Именно тогда впервые народ почувствовал интерес к революции, — до того у людей настолько были сильны чувство зависимости и религиозный дух, что многие сомневались, созреет ли урожай без короля и уплаты церковных десятин.

Революция, — завершил размышления император, — является одним из величайших бедствий, которые могут постигнуть человечество. Она становится наказанием для того поколения, которое было её движущей силой; и все преимущества, которые она приносит с собой, не могут избавить от нищеты и бедствий, отравляющих жизни участников революции. Она обогащает бедного, который по-прежнему остаётся неудовлетворённым, и она делает бедным богатого, который не может забыть своего падения. Она всё уничтожает; и когда она начинается, то приносит нищету и несчастье всем, а счастье — никому.

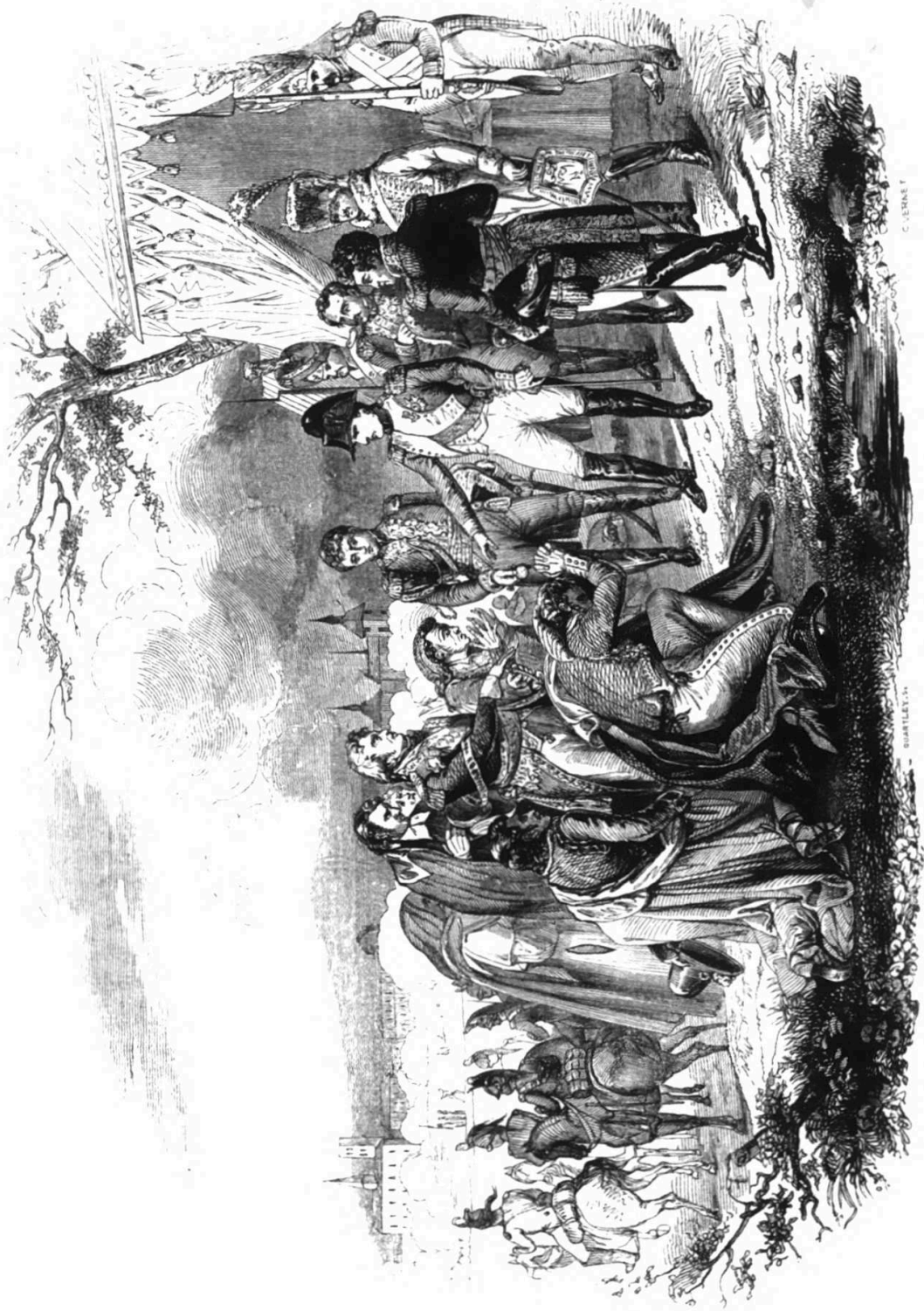
Вне сомнения, истинное социальное счастье заключается в гармонии и мирном обладании радостями каждым классом людей. В обычные мирные времена у каждого человека есть своя доля счастья: сапожник в своей убогой каморке так же доволен жизнью, как и король на троне; солдат не менее счастлив, чем генерал. Даже самая совершенная революция на своём начальном этапе приносит всеобщее разрушение; преимущества, которые она может дать, откладываются на будущее. Кажется, что наша революция была непреодолимой фатальностью; она была моральным извержением, которое так же невозможно было предотвратить, как и физическое извержение вулкана. Когда заканчивается процесс соединения химических элементов, необходимый для извержения вулкана, то происходит взрыв; во Франции моральные элементы общества, достигнув своей

зрелости, вызвали начало революции, и, соответственно, произошёл взрыв народного гнева».

Мы спросили императора, считает ли он возможным подавить революцию при самом её рождении; он ответил, что если это и возможно, то попытка сделать это была бы трудной. «Вероятно, — сказал он, — начало революционной бури можно было бы утихомирить или предотвратить, прибегнув к помощи какой-нибудь крупной макиавеллиевской меры, сильно ударив одной рукой по главарям начинающегося бунта, а другой сделав уступки стране. И всё же это только стимулировало бы революцию и её дальнейшее развитие». Император полагает, что некоторые планы подобного рода могли бы, возможно, принести успех 10 августа, если бы король держал власть в своих руках. «Эти два периода, — сказал император, — были единственными, которые предоставляли какой-либо шанс, пусть даже отчаянный, ибо во время событий в Версале народ ещё не полностью освободился от чувства преданности к королевской власти, а 10 августа люди уже стали уставать от беспорядка в столице. Но те, кто в первую очередь был заинтересован в подавлении революционного духа, оказались неспособны адекватно встретить трудности момента».

Император затем перечислил ряд ошибок, совершённых в то время. «Принятая тогда линия поведения, — сказал он, — была поистине жалкой. Людовику XVI следовало бы иметь премьер-министра, у которого в подчинении должен был находиться господин Неккер в качестве министра финансов. Сдаётся, что премьер-министры вообще были придуманы именно для последних французских монархов, но господствовавшие в то время ложные убеждения и тщеславие стали причиной того, что обходились и без них».

Много было сказано относительно двусмысленного поведения некоторых высокопоставленных лиц во время этого критического периода, в связи с чем император заметил: «Мы осуждаем Людовика XVI, но, независимо от слабости его характера, он был поставлен в специфические условия. Он был первым монархом, на ком испытывались современные принципы. Его воспитание, его врождённые идеи заставляли его искренне верить, что всё то, что он защищает, открыто или тайно, принадлежит ему по праву. Возможно, даже в его недостаточной вере имелся некий элемент честности, если мне позволительно выразиться подобным образом; в последующие времена такое поведение было бы недопустимым и даже предосудительным. Добавьте к этому, что все были против Людовика XVI, и можно представить себе те бесчисленные трудности, которые судьба скопила для этого несчастного монарха. Беды Стюартов не были столь жестокими».

КАПИТУЛЯЦИЯ МАДРИДА

Охранник короля Франции — Дезертир из свиты императора

4 сентября 1816 года

После завтрака император послал за мной. Он лежал, растянувшись на диване, бледный, в ночном колпаке на голове; вокруг было разбросано несколько книг. «Лас-Каз, — заявил он, — я нездоров. Просмотрел множество книг, но не могу найти ту, которая заинтересовала бы меня. Я чувствую себя уставшим. — Он бросил на меня взгляд; этот взгляд, всегда такой оживлённый, был теперь тусклым. — Присаживайтесь, — сказал он, показывая на заваленное книгами кресло рядом с ним, — и давайте поболтаем».

Он стал рассказывать об острове Эльба, о жизни, которую вёл там, о некоторых визитах, которые он там принимал. Затем он задал мне несколько вопросов о Париже и о королевском дворе в то время, когда он был на Эльбе. Во время разговора был упомянут телохранитель короля, и я отметил как курьёзное обстоятельство тот факт, что в числе лиц, составляющих свиту Наполеона на острове Святой Елены, есть один настоящий дезертир. «Каким образом? Объяснитесь», — потребовал император.

«Сир, — продолжал я, — во времена Реставрации один из капитанов королевской охраны, с которым я поддерживал самые дружеские отношения и который, несмотря на различие наших политических убеждений, всегда очень уважительно относился ко мне, предложил, чтобы мой сын вступил в его роту, заверив меня, что будет обращаться с ним как с собственным сыном. Я ответил, что мой сын слишком молод и что это назначение затормозит его образование. Но мой друг и слышать не хотел моих возражений. Однако я попросил немного времени, чтобы обдумать это предложение; и когда я сообщил о нём некоторым моим знакомым, они были удивлены моим отказом от такого предложения, заверив меня, что в кратчайший срок мой сын сможет добиться неплохого продвижения по службе, не прерывая своего образования. Я тогда явился к капитану королевской охраны, признав, что был недостаточно благодарен ему за его предложение; мой собеседник ответил, что он был уверен, что я не понял большой выгоды его предложения. Однако вы, Ваше Величество, вернулись с Эльбы до того, как мой сын имел честь быть представленным своему полковнику. И так как я забрал его из лица, чтобы вместе с ним отправиться на остров Святой Елены, то он дезертир». Император от всей души расхохотался и сказал: «Это ещё один результат революции! Какие они создают новые

возможности, средства общения, связи и убеждения! Счастье, если они не разделяют семьи и не ссорят друзей».

Затем император стал задавать вопросы о моей семье и закончил их замечанием: «В книге Альфонса де Бошана я обратил внимание, что ваше имя упомянуто среди лиц, которые 30 марта пытались организовать демонстрацию на площади Людовика XV в защиту королевской семьи. Я знаю, что это были не вы, — мне кажется, что вы однажды объясняли мне это дело, но я забыл подробности». — «Сир, — сказал я, — это был мой кузен, носящий такое же имя. Это обстоятельство в своё время основательно досаждало мне, и я помещал объяснения в газетах; забавно, что мой кузен тоже направил туда письма с просьбой указать, что именно о нём шла речь в книге Бошана. Я думаю, тот факт, что моё имя упомянуто в книге Альфонса де Бошана, просто означал доброжелательное отношение ко мне автора, который хотел подобным образом предоставить мне возможность снискать расположение правящей верхушки страны, если бы я захотел добиться этого. Впрочем, когда я получил назначение к императорскому двору, то несколько раз предлагал походатайствовать за него о должности, но моё предложение он постоянно отклонял». Император вновь повторил, что всем частным интересам революция нанесла немалый ущерб. «И именно эти личные душевные раны приводят ко всеобщему возбуждению, а революция делает их особенно острыми и мучительными».

Весь день погода была настолько плохая, что невозможно было выйти из дома. Император отпустил меня и послал за генералом Гурго, которому за четыре часа, от двух до шести, продиктовал почти весь текст о военной кампании Моро во время Консульства. После обеда он читал нам знаменитое письмо госпожи де Ментенон брату, в котором она перечисляла свои ежегодные домашние расходы на сумму в шесть тысяч франков. Император распорядился принести ему несколько томов издания «Великие люди» и, пробежав взглядом несколько статей, довольствовался тем, что посмотрел ряд портретов в конце каждого тома.

Упрёки Наполеона — Губернатор торгуется, во сколько мы обходимся английской казне

5 сентября 1816 года

Сегодня, во время утренней беседы с императором, я случайно упомянул о некоторых действиях, сопряжённых с тиранией и несправедливостью, которые вызвали неудовольствие у общества

и способствовали непопулярности императора, потому что эти действия осуществлялись от его имени и решения о них, по мнению многих, исходили от него. «Но каким образом, — спросил он, — не нашлось ни одного из тех, кто окружал меня, ни одного из моих камергеров, кто обладал бы достаточной смелостью и независимостью убеждений, чтобы пожаловаться мне и доложить об этих действиях? Я бы обеспечил соблюдение справедливости всякий раз, когда оно нарушалось». — «Сир, мало кто решился бы привлечь ваше внимание к этим вещам». — «Неужели вы действительно так сильно боялись меня? Я предполагаю, что страшились моих резких отказов, но вам следовало знать, что я всегда с готовностью выслушивал каждого и никогда не отказывался соблюдать справедливость. Вы должны были сопоставлять награду за хороший поступок с опасностью выговора. В конце концов я признаю, что мои упрёки в большинстве случаев были результатом расчёта. Часто они были единственным средством, которым я обладал, чтобы выяснить характер человека, понять его нрав. У меня не было времени для подробных расспросов, и выговор был одним из моих экспериментов. Например, недавно вы получили от меня отказ, и это дало мне возможность выяснить, что по своему характеру вы несколько упрямый, чрезвычайно впечатлительный, искренний, но замкнутый человек, и, могу сказать, слишком чувствительный, — добавил император, ущипнув меня за ухо. — Я был обязан, — продолжал он, — окружить самого себя, так сказать, ореолом страха; в противном случае, поскольку я вышел из самой гущи народной массы, многие бы спокойно ели из моих рук и похлопывали меня по плечу. Люди по своей природе склонны к фамильярности».

Погода продолжала оставаться скверной, и император провёл большую часть дня, занимаясь своей рукописью.

Губернатор возобновил свои придирки по поводу нашего снабжения, не гнушаясь мелкими подробностями о нескольких бутылках вина или о нескольких фунтах мяса. Вместо восьми тысяч фунтов стерлингов — суммы, назначенной правительством, — он теперь запросил надбавку до двенадцати тысяч, но настаивает, чтобы разницу вручали ему лично, иначе он угрожает нам сокращением расходов. Он долго торговался. Когда мы доложили об этом императору, он ответил, что губернатор может делать всё, что ему угодно. Император не хочет, чтобы его беспокоили по этим делам.

Вечером разговор вновь коснулся госпожи де Ментенон, и император сделал ряд замечаний о её письмах, её характере, её влиянии на события того времени. Он попросил «Исторический словарь», чтобы прочесть статью о семье Ноайль, и отправился спать в одиннадцать часов.

Конфиденциальный разговор — Письма Ментенон и Севинье

6 сентября 1816 года

Сегодня погода такая же, как вчера. Закончив туалет, император отправился в свою библиотеку в сопровождении одного из членов свиты, с которым он имел продолжительный конфиденциальный разговор по вопросу, полностью касавшемуся нас.

«Мы находимся, — сказал он, — на Святой Елене уже более года, и что касается некоторых вопросов, мы остаёмся точно такими же, как и в первый день приезда. Я должен признаться, что до настоящего времени не пришёл к определённому решению по этим вопросам. Это на меня очень непохоже; но сколько ещё обид мне предстоит испытать! Жертва гонений судьбы и людей, я являюсь объектом нападок со всех сторон и ото всех. Даже вы, мои верные друзья и утешители, помогаете терзать рану. Я огорчён, и мне причиняет боль ваша ревность и ваши разногласия». — «Сир, — ответило лицо, к которому обратился император, — Вашему Величеству не следует замечать эти вещи. Во всём, что касается вас, наша ревность является всего лишь соперничеством; и все наши разногласия прекратятся, как только вы выразите в связи с этим ваше малейшее желание. Мы живём только ради вас и всегда готовы подчиняться вам. Для нас вы *Старец Гор*; вы можете командовать нами во всём, за исключением преступления». — «Ну что ж, — заявил император, — я серьёзно обдумаю этот вопрос, и каждый из вас получит специальное задание». Император продиктовал несколько фраз и потом отправился в сад, где он недолго прогуливался в одиночестве, а затем ушёл в свои апартаменты.

Император не выходил из своей комнаты, пока не объявили об обеде. Он вновь стал высказывать свои замечания относительно госпожи де Ментенон, чьи письма он сейчас читает. «Я очарован, — заявил он, — её стилем, её тактом и чистотой её языка. Если меня жестоко оскорбляет всё дурное, то я в то же время очень чувствителен к хорошему. Я думаю, что больше предпочитаю письма госпожи де Ментенон письмам госпожи де Севинье; они больше говорят душе. Конечно, Севинье навсегда останется образцом эпистолярного стиля; её произведения на редкость обаятельны и изящны, но в них есть один существенный недостаток: можно прочесть множество её книг, но в памяти у читателя не остаётся ничего из того, что он прочитал. Её книги напоминают сладкие бисквиты, которые человек может есть, пока не устанет, но при этом не почувствовав, что набил желудок».

Император сделал несколько замечаний в отношении грамматики. Он попросил принести ему учебник грамматики Домерона, который был нашим профессором в военной школе в Париже, и перелистал книгу с очевидным удовольствием. «Таково влияние юношеских впечатлений, — сказал он. — Я подозреваю, что учебник Домерона не самый лучший, тем не менее для меня он всегда будет самым полезным. Я всегда буду раскрывать его страницы с особым удовольствием».

Ошибки английских министров — Как ликвидировать государственный долг Англии

7 сентября 1816 года

На территории Лонгвуда в сопровождении многочисленной свиты появился губернатор, и при его приближении мы поспешили разойтись в разные стороны. В море замечено несколько кораблей.

Я был вызван к императору и обнаружил его изучающим книги о положении в Англии. Эта тема стала предметом нашего обсуждения. Император много говорил о громадном государственном долге Англии, о невыгодных для неё условиях мирного договора, который она заключила, и о различных средствах, с помощью которых она могла бы освободиться от трудностей своего положения.

Наполеон обладает инстинктом порядка и гармонии. Я знал человека, много занимавшегося арифметическими подсчётами, который признался, что, когда он входит в качестве гостя в какую-нибудь гостиную, у него возникает непреодолимое желание подсчитать количество людей, находящихся в ней, а когда он садится за обеденный стол, то не может удержаться, чтобы не пересчитать количество тарелок, бокалов и т.д. Наполеон, хотя в более возвышенной сфере, тоже обладает непреодолимой привычкой, а именно — совершенствовать всё хорошее и прекрасное в любом предмете, который привлекает его внимание. Если случается, что он ведёт разговор о каком-то городе, то он немедленно делает предложения по его улучшению и украшению; если предметом его размышлений является какая-нибудь страна, то он начинает предлагать средства её прославления, меры по повышению её благосостояния, по созданию полезных учреждений и институтов, и т.д. Многие его высказывания, которые уже приведены в настоящем дневнике, должны подтвердить читателю этот факт.

То ли чтение газет и другой текущей периодики, то ли наша ситуация здесь, на острове, но, наверное, всё вместе стало причиной

постоянного внимания императора к положению в Англии. Он часто касается того, что именно ей следует сделать, чтобы её будущее стало более процветающим. В этом месте дневника я собираю некоторые его замечания по данному вопросу, высказанные им в разное время.

«Колониальная система, — заявил он однажды, — в настоящее время завершается и для Англии, которая обладает колониями, и для других держав, у которых колоний нет. Господство на морях сейчас, бесспорно, принадлежит Англии, но почему она должна в новой ситуации продолжать старую, установившуюся практику? Почему она не принимает к реализации планы, которые будут более выгодными для неё? Она должна смотреть в будущее и определить возможности освобождения своих колоний. С течением времени многие её колонии освободятся от её владычества, и поэтому она должна воспользоваться текущим моментом, чтобы приобрести новые ценные бумаги и установить побольше выгодных связей. Почему бы ей не предложить большинству её колоний выкупить своё освобождение, взяв на себя часть общего государственного долга? Благодаря этой мере метрополия освободилась бы от своего бремени, однако сохранила бы свои преимущества. Она сохранила бы веру в заключённые договоры, взаимные интересы, общность языка и силу привычек; более того, она могла бы зарезервировать в разных местах Земного шара по одному укреплённому военными фортификациями пункту, гавани для кораблей, по типу факторий на берегах Африки. Что она потеряет? Ничего, и она бы уже не утруждала себя заботами и расходами по содержанию администрации, которая часто только представляет её в неприглядном виде. Её министры, и это действительно так, будут иметь меньше тёплых местечек, куда они могли бы пристроиться, но страна от этого определённо ничего не потеряет.

Я не сомневаюсь, — добавил император, — что при хорошем понимании проблемы можно было бы извлечь пользу из тех идей, которые я только что предложил, какими бы они ни казались ошибочными на первый взгляд. Даже в Индии можно получить огромную пользу благодаря принятию новой системы. Англичане, которые находятся здесь, на острове Святой Елены, уверяют меня, что Англия ничего не получает от торговли с Индией: расходы на торговлю с ней поглощают все доходы и даже превышают их. Поэтому Индия является всего лишь источником личной выгоды и нескольких частных состояний колоссальных размеров; но они стали слишком важной кормушкой для министерских чиновников, и поэтому делается всё, чтобы не трогать их. Эти набобы, как их называют, возвращаясь в Англию, пополняют ряды аристократии. Это неважно, что они несут на себе печать позора, так как приобрели состояние путём

грабежа, насилия и краж. Не имеет значения также то, что они оказывают губительное влияние на общественную мораль, вызывая в других желание приобрести такое же богатство теми же средствами; нынешние английские министры не столь безупречны, чтобы задумываться о подобных вещах. Эти люди дают им свои голоса; и чем более они продажны, тем легче их контролировать. При подобных обстоятельствах можно ли надеяться на реформы? Вот почему при малейшей попытке принять закон, предусматривающий улучшение положения дел, поднимается гневный протест! Английская аристократия ежедневно преодолевает трудности на пути к своему успеху, но как только вносится предложение слегка отступить назад, пусть всего лишь на расстояние одного дюйма, тут же происходит взрыв всеобщего возмущения. Если тронуть хоть один камень в фундаменте, всё сооружение начинает трястись. Это очень естественно. Если попытаться лишить прожорливое животное хоть кусочка еды, оно будет геройски защищать себя».

В другой раз император сказал: «После двадцати лет войны, после всего кровопролития и растраченного ради общего дела имущества, после триумфа и вопреки всем надеждам, какой же мир заключила Англия? Лорд Каслри имел весь континент в своём распоряжении, и, тем не менее, какое преимущество, какую компенсацию понесённых расходов он обеспечил для своей страны? Он подписал такой мирный договор, как будто он подписывал его, являясь побеждённой стороной. Если бы я выступал в роли победителя, то не стал бы требовать более значительных уступок. Но, вероятно, Англия считала себя достаточно счастливой от того, что она осуществила моё падение; в этом случае ненависть отомстила за меня! Во время нашей схватки Англия была воодушевлена своими национальными интересами и ненавистью ко мне. В момент победы жестокая ненависть пересилила национальные интересы, о них было забыто. Англия дорого заплатила за этот энтузиазм!»

Император стал развивать свою мысль, рассматривая различные меры, принятые английским правительством, которые демонстрировали грубые ошибки Каслри, и многие выгодные мероприятия, которыми он пренебрёг. «Пройдёт тысяча лет, — сказал он, — прежде чем появится другая такая возможность обеспечить благосостояние и счастье Англии. Что это — невежество или продажность со стороны Каслри? Он щедрой рукой раздал военные трофеи монархам континента и ничего не оставил для собственной страны; поступая так, разве он не опасался, что его будут считать скорее агентом, чем партнёром Священного союза? Он раздал громадные территории; Россия, Пруссия и Австрия получили многомиллионные населения. Где же что-либо равноценное этому для Англии? Она, которая была

душой всего этого успеха и так дорого заплатила за этот успех, теперь пожинает плоды *признательности* континента и ошибок или предательства своих участников мирных переговоров.

Моя континентальная система всё ещё в силе, и продукция английских фабрикантов не допускается на континентальный рынок. Почему бы не окружить континент независимыми приморскими городами, такими, например, как Данциг, Гамбург, Антверпен, Дюнкерк, Генуя, и другими, которые при необходимости стали бы главными агентами торговой системы Англии и размещали бы её товары по всей Европе, несмотря на мировую систему пошлин? Англия имеет право на это, такие решения были бы справедливы, и кто оспаривал бы их? Зачем она создаёт для себя трудности и, с течением времени, естественного противника, объединив Бельгию с Голландией, вместо того чтобы обеспечить два огромных ресурса для своей торговли, удерживая их каждую в отдельности? Голландия, которая не имеет собственного промышленного производства, стала бы естественным складом для английских товаров, а Бельгия, в качестве английской колонии, управляемой английским принцем, стала бы каналом для распространения этих товаров во Франции и Германии.

Почему бы не связать Испанию и Португалию торговым договором, заключённым на продолжительный срок, с помощью которого окупились бы все расходы, потраченные на их спасение, и которого можно было бы добиться под страхом освобождения их колоний, где Англия в любом случае продолжала бы хозяйничать? Почему не были оговорены преимущества для балтийских стран и равенство для государств Италии? Это были бы обычные привилегии, необходимые тем, кто владеет морями. После столь продолжительной борьбы в поддержку этого права как же так получилось, что о нём забыли в тот момент, когда оно наконец было обеспечено? Разве Англия, санкционируя незаконные захваты в других странах, опасалась, что выступят против её захватов? И кто мог бы выступить против неё? Возможно, Англия теперь раскаивается, но уже слишком поздно, — такую возможность вновь обрести нельзя; Англия допустила, чтобы благоприятный момент ускользнул от неё! Какое множество *почему* и *по какой причине* я мог бы привести! Всё это действия самого лорда Каслри, он превратил себя в агента Священного союза, и со временем он будет проклят. Лодердейлы, гренвилли и прочие уэлсли проводили бы совершенно иной политический курс; они, по крайней мере, поступали бы как англичане».

В другой раз император сказал: «Государственный долг является плодовым червём, который терзает Англию; он источник всех её трудностей. Он служит причиной чудовищного налогообложения, и это, в свою очередь, поднимает цены на продовольствие. Отсюда

следуют бедственное положение народа и высокая стоимость рабочей силы и промышленных товаров, которые вывозятся на континентальные рынки. Англии необходимо всеми силами бороться против этого жадного чудовища; она должна атаковать его со всех сторон и уничтожить его *окончательно и решительно*, уменьшив расходы и увеличив свой капитал.

Разве она не может уменьшить долю своего долга, высокие жалования, sinecуры и прочие расходы на армию и даже отказаться от неё, чтобы посвятить себя военно-морскому флоту? Много можно было бы сделать, о чём я сейчас не стану распространяться. Что касается увеличения капитала Англии, то разве она не может обогатиться за счёт церковной собственности, которая поистине огромна и которую она могла бы приобрести при помощи благотворной реформы и ликвидации высоких титулованных постов? Но если по этому вопросу будет произнесено хоть одно слово, то вся аристократия выступит в полной боевой готовности и добьётся подавления оппозиции, поскольку в Англии правит именно аристократия, и именно для неё и существует правительство. Они любят повторять изречение о том, что если тронуть хоть один камень в старом фундаменте, то рухнет всё здание. Это изречение преданно повторяет большинство народа; соответственно, реформа не проводится, а злоупотребления увеличиваются и умножаются.

Будет справедливо признать, что, несмотря на ряд негативных, устарелых и постыдных деталей, английская конституция является собой своеобразный феномен счастливого и огромного результата; и преимущества, проистекающие из неё, обеспечивают преданность народа, который пребывает в страхе от возможности потерять хоть одно из благ, которыми он пользуется...

Англия, — продолжал император, — представляет собой пример опасных результатов позаимствованной системы. Я бы никогда не стал слушать даже намёки на то, чтобы принять эту систему во Франции; я всегда был её твёрдым противником. В своё время утверждалось, что я не брал займы из-за отсутствия кредита, и поскольку не мог найти ни одного желающего ссудить меня деньгами; но это ложь. Те, кто что-нибудь знает о человеческом роде и о спекулятивных биржевых сделках, убеждён, что всегда можно взять займы, предлагая шанс получить прибыль и почувствовать привлекательность самого процесса спекуляции. Но подобная система была не для меня, и специальным законом я определил государственный долг в размере, который бы способствовал всеобщему процветанию страны, а именно — восьмидесяти миллионов при простом проценте для самой Франции и ста миллионов после её союза с Голландией. Эта сумма была разумной и правильной; её увеличение повлекло

бы за собой неблагоприятные последствия. Каков результат этой системы? Какие достижения я оставил после себя? Франция, после многих гигантских усилий и ужасных бедствий, теперь процветает как никогда! Разве её финансовое положение не самое лучшее в Европе? Благодаря кому и чему Франция получила эти преимущества?»

В ходе другой беседы император заявил: «Англия, как говорят, торгует всем. Почему тогда она не продаёт свободу, за которую могла бы запросить высокую цену, совершенно не опасаясь того, что у неё иссякнут запасы свободы, поскольку современная свобода по существу моральна и не изменяет своим обязательствам? Например, чего бы только бедные испанцы не отдали Англии, чтобы освободиться от ига, которому они вновь себя подвергли? Я уверен, что они с готовностью выплатили бы любую сумму, чтобы вернуть свою свободу. Именно я внушил им это чувство, и ошибка, которую я совершил, может быть использована другим правительством с большой выгодой для себя. Что касается итальянцев, то я навсегда посеял в их сердцах семена свободы. Что лучше может сделать Англия, чем отдать свои силы для поощрения и помощи благородному порыву современного возрождения? Рано или поздно, но это возрождение должно быть завершено. Монархи и старая аристократия могут попытаться оказать сопротивление этому процессу, но их усилия будут напрасными. Они обрекают себя на наказание богами Сизифа, царя Древнего Коринфа: рано или поздно их руки устанут вкатывать камень на вершину горы, и при первой же неудаче вся их воля ослабеет. Не лучше ли просто уступить? Таково было моё намерение.

Почему Англия отказывается воспользоваться славой и выгодой, которые она будет иметь, следуя этому пути? В Англии всё проходит так же, как и всюду. Администрация Каслри завершит срок своей деятельности, и та администрация, которая станет её преемницей и которой предопределено наследовать плоды столь многих ошибок, может сделаться великой, только приостановив использование системы, которой следуют до настоящего времени. Тот, кто окажется во главе английского кабинета министров, должен всего лишь позволить всему продолжать идти своим путём. Сделавшись лидером либеральных принципов вместо стремления, подобно Каслри, к абсолютной власти, он станет объектом всеобщего благословения, и Англия забудет о своих заблуждениях. Фокс был способен действовать подобным образом, но Питт не был способен; всё дело заключается в том, что в Фоксе сердце питало гения, тогда как в Питте гений иссушил сердце.

Уместно спросить, почему я, столь всемогущий, каким я был, не следовал курсу, который я здесь сейчас набросал? Как я могу говорить

так хорошо, а действовать так плохо? Я отвечаю тем, кто задаёт этот вопрос, совершенно искренне, что не существует никакого сравнения между моей ситуацией и положением английского правительства. Англия может работать на пластах, которые доходят до самых недр земли, в то время как я мог трудиться только на песчаной поверхности. Англия правит установленным порядком вещей, в то время как я должен был взвалить на свои плечи огромный груз и колоссальные трудности по консолидации и установлению порядка. Я очистил революцию, несмотря на враждебные фракции. Я соединил разбросанные блага, которые можно было сохранить, но я был вынужден защищать их сильной рукой против нападков со стороны всех партий; и в этой ситуации правильно сказать, что общественные интересы, интересы государства были моими интересами.

Наши принципы были подвергнуты нападкам извне; и во имя именно этих принципов я был подвергнут резкой критике дома. Позволь я себе хоть немного расслабиться, и мы вскоре были бы отброшены во времена Директории; я стал бы объектом преследования, а Франция — безусловной жертвой сторонников *контр-брюмера*. Мы по своей природе столь неутомимы, столь деятельны, столь болтливы! Если бы у нас произошло двадцать революций, то мы бы имели двадцать конституций. Это один из предметов, который более всего изучается и менее всего соблюдается. Нам очень нужно повзрослеть на этом прекрасном и славном пути, ибо пока наши великие люди ведут себя как дети. Так пусть же нынешнее поколение воспользуется совершёнными ошибками и докажет, что у него столько же ума, сколько энтузиазма!»

С сегодняшнего дня губернатор приступил к выполнению своей программы резких сокращений. Сочли необходимым лишить нас восьми английских слуг, которые ранее были пожалованы нам для оказания помощи нашему обслуживающему персоналу. Для уволенных английских слуг это решение стало предметом глубокого сожаления. Нам было приятно видеть, что мы завоевали уважение всех тех, кому позволили общаться с нами. Нам теперь стало не хватать обычных предметов первой необходимости; чтобы пополнить их запас, император предложил распродать его серебряную столовую посуду; это — его единственный ресурс.

После обеда император читал и потом сразу же удалился к себе, хотя ещё было рано. Он плохо себя чувствовал и не мог заснуть. Около полуночи он вызвал меня к себе. Случайно в это время я ещё не отправился спать, и я оставался у него, проведя в беседе около двух часов.

**Императорский двор в Тюильри — Представление
дам ко двору — О возрасте женщин —
Рукопись, задуманная на Эльбе**

8 сентября 1816 года

Император вызвал меня очень рано; он только что закончил свой туалет. Он не спал всю ночь и казался очень уставшим. Погода стала несколько более терпимой, и император пожелал, чтобы ему сервировали завтрак в шатре. Пока завтрак готовился, император несколько раз обошёл сад и возобновил со мной разговор, который мы вели в предыдущую ночь.

Он пригласил госпожу де Монтолон на завтрак, и потом мы совершили поездку в карете, которой император давно не пользовался. Несколько дней он вообще почти не дышал свежим воздухом.

Разговор вновь коснулся темы императорского двора в Тюильри, людей, составлявших его, и манеры, в которой император проводил церемонию представления ко двору. Я пропускаю многие его высказывания во время этого разговора, чтобы избежать повторений в дневнике.

«Гораздо труднее, чем это кажется, — заявил император, — беседовать с каждым в зале, битком набитом людьми, и, тем не менее, ничего конкретного никому не сказать; надо делать вид, что знаешь массу людей, из которых девять десятых являются для тебя совершенно неизвестными».

Вновь обратившись к тому периоду, когда он пользовался всей полнотой власти, император заметил, что было и легко и трудно приблизиться к нему, общаться с ним и понравиться ему; от самого малого шанса зависело, улыбнётся ли фортуна придворным в результате беседы с ним, или они пропустят своё счастье. «Теперь, когда речь обо мне уже не идёт, — сказал он, — сейчас, когда я являюсь всего лишь частным лицом и могу философски обзирать то время, когда я был призван исполнять волю Провидения, я вижу, насколько сильно зависела судьба тех, кем я правил, от простого шанса, и как часто благосклонность и доверие доставались людям совершенно случайно. Интрига столь проворна, а достоинство бывает часто столь неуклюжим, и эти противоположности иногда так сближаются, что, вынашивая самые лучшие в мире намерения, я обнаруживаю, что мои блага распределяются, словно призы в лотерее. И всё же, могли ли я поступать лучше? Был ли я неправ в моих намерениях или нерадив в моих усилиях? Поступали ли другие монархи лучше, чем я? Только таким образом можно судить обо мне. Вся беда заключалась в природе моего положения и в силе обстоятельств».

Затем мы заговорили о церемонии представления дам к императорскому двору, об их состоянии замешательства при этом, а также о планах, мнениях и надеждах, которые они связывали с этой церемонией. Госпожа де Монтолон раскрыла тайны некоторых её знакомых. Выяснилось, что если в салонах Парижа некоторые дамы во весь голос высказывали возмущение грубостью манер императора, резкостью его выражений и его некрасивой внешностью, то другие дамы, которые были гораздо лучше расположены к императору, лучше о нём информированы и испытали на себе положительное влияние его особы, расхваливали мелодичность его голоса, изящество его манер, нежность его улыбки и, прежде всего, его руки, которые, как утверждалось, были на редкость красивы.

Эти привлекательные качества, соединённые с большой властью и с ещё большей славой, естественным образом были рассчитаны на то, чтобы вызвать и породить романтические истории. Какое множество попыток предпринималось в Тюильри, чтобы угодить монарху! Как много дам стремились вызвать чувство, которое, весьма вероятно, они испытывали сами!

Император улыбался, выслушивая наши откровения, и признался, что, несмотря на массу дел и облако лести, которым он был окутан, он не раз отмечал те чувства, о которых мы говорим. Некоторые из наименее скромных его поклонниц, сказал он, даже молили о встрече с ним и получали её. Теперь уже мы смеялись и говорили, что временами эти романтические истории становились предметом шуток и большого веселья. Но император самым серьёзным образом протестовал в ответ, заявляя, что эти истории не имеют под собой никакого основания. В более неофициальной беседе, во время нашего проживания в «Бриарах», когда мы совершали прогулку при лунном свете, император, как я уже сообщал об этом в предыдущей части моего дневника, говорил то же самое, отрицая все слухи подобного рода, за исключением одной истории.

Нашей следующей темой разговора было стремление женщин скрывать свой истинный возраст, и император высказал по этому поводу ряд интересных замечаний. Была упомянута одна женщина, которая предпочла проиграть важный судебный процесс, но не признаться, сколько ей лет. Судебное дело должно было решиться в её пользу, но она представила свидетельство о своём крещении, дата которого вызывала сомнения.

Была упомянута ещё одна история подобного рода. Некая дама сильно привязанная к одному господину, была уверена, что брачный союз с ним сделает её счастливой; но она не могла выйти за него замуж, не представив свидетельства о дате своего рождения, и она предпочла остаться незамужней.

Император рассказал нам историю о том, как одна известная дама во время оформления своего брачного союза обманула будущего супруга, заявив, что она на шесть лет моложе её действительного возраста, и представила свидетельство о крещении своей младшей сестры, которая умерла задолго до того.

«Однако, — заявил император, — делая это, бедняжка Жозефина довольно сильно рисковала. Этот проступок мог бы оказаться причиной аннулирования брачного союза». Эти слова снабдили нас ключом для определения некоторых дат, которые в Тюильри были предметом шуток и насмешек и которые мы тогда приписывали исключительно галантности и учтивости «Имперского альманаха».

Около четырёх часов дня император вышел на небольшую прогулку. Я не сопровождал его. Вернувшись, он рассказал нам, что посетил сад Восточно-Индийской компании, где встретил несколько очень хорошеньких женщин. «Но со мной не было моего переводчика, — добавил он, показав на меня. — Плутиска покинул меня, и это было крайне досадно, поскольку я никогда не был так склонен воспользоваться его помощью». Эта небольшая прогулка, однако, не доставила удовольствия императору, поскольку сейчас он страдает от сильной зубной боли.

Корабль, который недавно прибыл с мыса Доброй Надежды, сегодня отплыл в Европу. Несколько английских военных офицеров, которые были пассажирами этого корабля, не получили разрешения нанести визит императору, несмотря на их неоднократные просьбы, — новый пример недоброжелательности губернатора. Эти офицеры были известными в Англии людьми, и их информация по возвращении домой могла бы иметь определённый вес. Губернатор солгал им, сообщив, что Наполеон решил никого не принимать.

Некоторое время тому назад император сделал для нас анализ одной проблемы, который, как он сказал, он намерен продиктовать в виде рукописи, составляющей четырнадцать глав, и который сильно поразил меня своей правдивостью, мощью рассуждений, сильной аргументацией и прочими достоинствами. Я часто напоминал императору об этой рукописи, когда мне случалось оставаться с ним наедине; и он не раз смеялся над проявляемой мной настойчивостью, которая, как он сказал, необычна для моего характера. Сегодня он сообщил мне, что наконец кое-что написал, хотя и не четырнадцать глав, и не по обещанной проблеме, но что я должен быть доволен и этим. Я прочитал его рукопись, и она оказалась действительно замечательным документом. Я не думаю, что революция создала более исчерпывающий и более глубокий анализ деятельности правительств в течение последних двадцати пяти лет во Франции, то есть во времена Республики, Консульства и Империи.

Изложение и раскрытие содержания десяти глав, которые составляют эту рукопись, дают идеальное рассмотрение темы. Стил ь удивительно прост и выразителен. Каждая глава является законченным произведением и производит сильное впечатление. Вся рукопись, включающая пятьдесят страниц, написана рукой мастера. Я понял, что изложенные там идеи должны были стать основой манифеста императора при его высадке на берег Франции после отъезда с Эльбы.

После моего возвращения в Европу это небольшое произведение было опубликовано под названием «Рукопись с острова Эльба», хотя у меня есть все основания полагать, что сначала имелось намерение дать рукописи другое название. Как бы то ни было, поскольку эта работа малоизвестна и те, кто читал её, возможно, не знают об истинных причинах её создания, то я здесь, на страницах моего дневника, переписываю почти слово в слово несколько её глав, которые послужат доказательством её авторства и её подлинности.

«Глава I. В шестнадцатом веке папа римский, Испания и “Шестнадцать”¹⁶ тщетно пытаются посадить на трон Франции четвёртую династию. Генрих IV, сменивший на троне Генриха III, справляется с Лигой, но выясняет, что единственный способ остаться на троне заключается в том, чтобы, примкнув к стороне, составляющей большинство в стране, получить её полную поддержку.

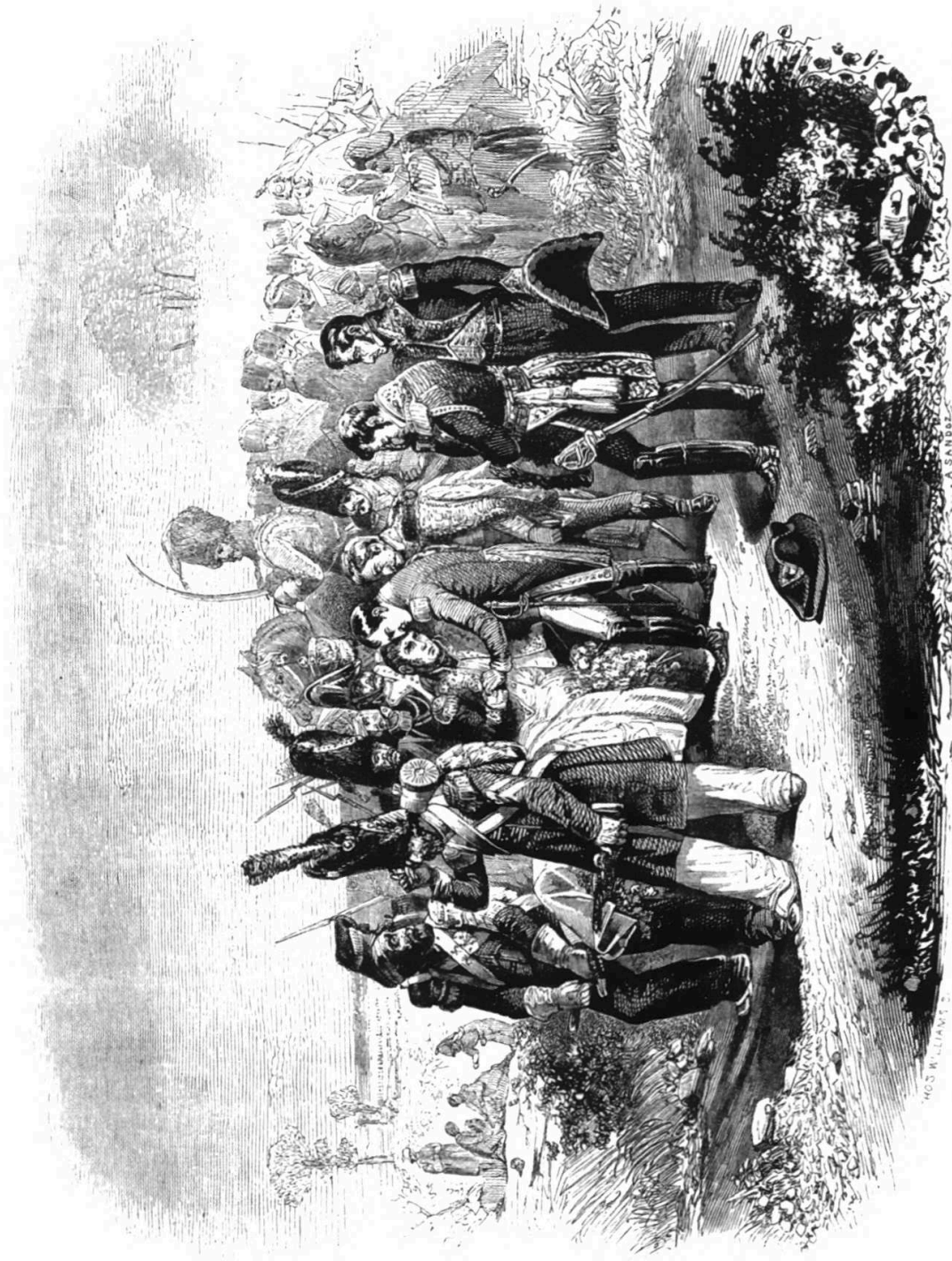
Генриха IV провозгласили королём в Сен-Клу в тот же день, когда Генрих III скончался. Он был признан монархом всеми протестантскими церквями и частью католической аристократии. Католическая Священная Лига, которая была создана против Генриха III из-за ненависти к протестантам и с целью мести за смерть герцога Гиза, являлась полноправным хозяином Парижа и командовала пятью шестыми всего королевства. Члены Лиги отказывались признавать Генриха IV, но никакого другого монарха они не провозглашали. Герцог Майенн, глава Лиги, осуществлял власть в качестве генерал-лейтенанта королевства. Восхождение Генриха IV на престол не повлияло на изменение форм правления страной, принятых Лигой для осуществления своей власти; каждый город управлялся, как во времена раскола и внутренних беспорядков в стране, местными или военными властями. Ни в какой период времени, даже в день вступления в Париж в качестве короля, Генрих IV не признавал законов Лиги, и последняя не предъявляла ему требования сделать это.

Никаких законов, никаких постановлений от Лиги не поступало. Парламент Парижа был разделён на две враждующие группировки:

одна выступала за Лигу и обосновалась в Париже, другая поддерживала Генриха IV и проводила свои заседания в Туре. Но эти две группировки практически бездействовали и занимались только тем, что регистрировали судебные постановления. Провинции сохраняли собственные организации и привилегии, руководствуясь только собственными общественными законами. Уже отмечалось, что Лига не провозгласила никакого монарха, но она какое-то недолгое время признавала в качестве короля кардинала де Бурбона, дядю Генриха. Кардинал, однако, не согласился поддерживать планы врагов его семейного рода. Кроме того, Генрих практически держал кардинала под домашним арестом; от него не исходили никакие постановления, и Лига продолжала подчиняться власти генерал-лейтенанта...

Лига была расколота на несколько группировок. Сорбонна решила, что права рождения не могли предоставлять прав короновать монарха, который был врагом церкви. Папа римский объявил, что Генрих IV, взявшись за старое, навсегда утратил свои права, и что он не сможет восстановить их, даже если вернётся в лоно церкви. Генрих IV, король Наваррский, был рождён протестантом, но после Варфоломеевской ночи был вынужден жениться на Маргарите де Валуа и отречься от реформированной веры. Тем не менее, как только он покинул королевский двор и оказался среди протестантов на левом берегу Луары, он объявил, что его отречение было целиком принудительным и что он вновь принимает протестантскую веру. Этот поступок стал причиной того, что его характеризовали как упрямого вероотступника; но большинство Лиги придерживалось того мнения, что было бы правильным призвать Генриха обратно в столицу и вернуть его в лоно католической апостольской Римской церкви, чтобы признать его монархом, как только он отречётся от протестантизма и получит прощение епископов.

Лига созвала Генеральные штаты королевства в Париже. Приехавшие испанские послы раскрыли планы своего монарха и потребовали от Генеральных штатов восшествия на французский престол четвёртой династии на том основании, что Генрих и Конде, из-за своего отступничества, потеряли права на корону и теперь мужская линия Капетов прекратила своё существование. Соответственно, они предъявили притязания на трон от имени испанской инфанты, дочери французского короля Генриха II, которая была первой в списке женской линии. Даже признавая, что после прекращения мужской линии наследования страна обладает правом распорядиться короной, испанцы настаивали на том, что выбор должен пасть на инфанту по двум причинам: во-первых, потому, что нельзя выбрать принцессу из более знаменитой семьи, и, во-вторых, потому, что Франция находится в долгу перед Филиппом II за его усилия в поддержке

Тур. Лагерь и Сел.

СМЕРТЬ МАРШАЛА ЛАННА

дела Лиги. Инфанта должна была выйти замуж за французского принца — герцога Гиза, сына герцога, которого убили в Блуа. В Париже уже находилась испанская воинская часть под командованием герцога Майенна; было предложено, чтобы пятидесятитысячная испанская армия содержалась в Париже королевским двором Мадрида, дабы отдать все свои возможности и силы для обеспечения победы четвёртой династии. Комитет “Шестнадцати” поддержал эти предложения, которые были санкционированы Римом и нашли полное одобрение со стороны папского посла в Париже. Если бы план испанской стороны увенчался успехом, если бы Генеральные штаты объявили, что корона утрачена потомками Гуго Капета¹⁷, если бы четвёртая династия была возведена на трон, принята страной и санкционирована религией, признанной среди европейских держав, то права третьей династии были бы пресечены. Но всё оказалось тщетно: общественное настроение было раздражено идеей захвата иностранным государством трона Франции. Та часть парламента, которая заседала в Париже, направила протест герцогу Майенну, генерал-лейтенанту королевства, и потребовала от него, чтобы он обеспечил соблюдение фундаментальных законов монархии.

Генрих одержал победу над войсками Лиги в сражениях при Арке и на равнинах Иври, а затем осуществил осаду Парижа. Однако он был уверен в том, что невозможно править Францией без поддержки большинства её населения. Поэтому обе стороны сражались, имея в своих рядах практически только французов, — иностранных наёмников было мизерное количество; национальная честь и независимость не могли быть скомпрометированы, неважно, какая сторона окажется победительницей. *Порази меня гром! Париж стоит мессы!* — обычно восклицал Генрих, выражая мнение гугенотов; и когда он собрал основных лидеров протестантов, чтобы обдумать решение, которое было бы наиболее целесообразным, то большинство, включая самых здравых лидеров, посоветовало королю отречься от своей веры и присоединиться к верующим, составлявшим основную массу французской нации. Генрих объявил в Сен-Дени о своём отречении от протестантизма и получил прощение епископов; ворота Парижа были распахнуты перед ним, и всё королевство признало его правление. Теперь он искренне встал на сторону национального большинства. Почти все государственные должности были заняты членами Лиги. Протестанты, те, которые так долго служили королю и которых он оставил в неоплаченном долгу, часто выражали своё недовольство и упрекали его в неблагодарности. Тем не менее страна продолжала подозревать Генриха в тайных намерениях, — в народе говорили, что *природу не скроешь*.

Глава II. Республика санкционирована волей народа, Церковью, победой и всеми державами Европы.

Гуго Капет взошёл на трон по выбору парламента, который состоял из дворян и епископов, представителей двух классов, являвшихся тогда основой страны. Французская монархия никогда не была абсолютной: всегда было необходимо вмешательство Генеральных штатов для санкционирования основных актов законодательных органов и для обложения населения новыми налогами. Впоследствии французские парламенты — под тем предлогом, что Генеральные штаты утратили своё значение в обществе, — узурпировали, при поддержке королевского двора, права нации. В 1788 году парламенты были первыми, кто признал эти права. В 1789 году Людовик XVI созвал Генеральные штаты и страна использовала частичку суверенитета. Конституционное собрание выработало для государства новую конституцию, которая была санкционирована одобрением всего французского народа, Людовик XVI принял её и поклялся сохранять. Законодательное собрание временно отстранило короля от власти. Конвент, который состоял из депутатов первичных конституционных собраний королевства и был наделён специальными правами, провозгласил отмену монархии и установление республики. Сторонники королевского правления бежали из Франции и обратились к монархам Европы с просьбой о помощи в виде иностранных вооружённых сил. Австрия и Пруссия подписали договор в Пильнице о совместных действиях против Франции, и австрийские и прусские армии вместе с французскими роялистскими войсками начали *войну первой коалиции*, чтобы покорить французский народ. Вся Франция взялась за оружие, и австрийцы и пруссаки были побеждены. После этого Австрия, Англия и Россия создали вторую коалицию, но и она, как и первая, была разгромлена, и все державы Европы признали Французскую республику. Вот их список:

1. Генуэзская республика, чрезвычайным посольством 15 июня 1792 года.
2. Порта (султанская Турция), декларацией от 27 марта 1793 года.
3. Тоскана, договором от 8 февраля 1795 года.
4. Голландия, договором от 18 мая 1795 года.
5. Венецианская республика, чрезвычайным посольством 30 декабря 1795 года.
6. Король Пруссии, договором, подписанным в Базеле 5 апреля 1795 года.
7. Король Испании, договором, подписанным в Базеле 22 июля 1795 года.
8. Гессен-Кассель, договором от 28 июля 1795 года.
9. Швейцария, договором от 19 августа 1795 года.
10. Дания, декларацией от 18 августа 1795 года.

11. Швеция, посольством 23 апреля 1795 года.
12. Сардиния, договором, подписанным в Париже 28 апреля 1796 года.
13. Америка, чрезвычайным посольством 30 декабря 1796 года.
14. Неаполь, договором от 10 октября 1796 года.
15. Парма, договором от 5 ноября 1796 года.
16. Вюртемберг, договором от 7 августа 1796 года.
17. Баден, договором от 22 августа 1796 года.
18. Бавария, договором от 24 июля 1797 года.
19. Португалия, договором от 19 августа 1797 года.
20. Папа римский, договором, подписанным в Толентино 19 февраля 1797 года.
21. Император Германии, договором, подписанным в Кампо-Формио 7 октября 1797 года.
22. Император России, договором, подписанным 8 октября 1801 года.
23. Король Англии, договором, подписанным в Амьене 27 марта 1802 года.

Правительство республики направило послов во все державы Европы и приняло в ответ послов этих держав. Трёхцветный флаг был признан на всех морях и во всём мире. В Толентино папа римский вёл переговоры с республикой в качестве светского монарха, но он также признавал и вёл переговоры с республикой в качестве главы католической церкви в соответствии с Конкордатом, подписанным в Париже 18 апреля 1802 года. Большинство епископов, последовавших за роялистами за границу, потом подчинились республиканскому правительству, а те, кто отказался сделать это, лишились своих епархий. Короче, Французская республика, одобренная гражданами страны, была признана всеми монархами, всеми державами и всеми религиями мира, и в частности, католической церковью.

Не только Республика была признана всеми державами мира, но после смерти Людовика XVI ни одна из этих держав никогда не признавала его наследника. Поэтому в 1800 году третья династия завершила своё существование так же окончательно, как первая и вторая. Права и титулы Меровингов были ликвидированы правами и титулами Каролингов, права и титулы Каролингов были ликвидированы правами и титулами Капетингов, а права и титулы Капетингов подобным же образом были ликвидированы республикой. Каждое законное правительство аннулирует права и законность правительств, которые предшествовали ему. Республика была властью и по факту и по праву, она стала законной по воле нации, была санкционирована церковью и единогласием всего мира.

Глава III. Революция сделала Францию новой страной: она освободила галлов от тирании франков, она создала новые возможности и новый порядок, который привёл к подъёму благосостояния страны, утверждению справедливости и росту знаний.

Французская революция не была вызвана столкновением интересов двух семей, оспаривавших трон; она была общим восстанием всей массы страны против привилегированных классов. Французская аристократия, подобно аристократии каждой страны в Европе, исчисляет своё происхождение со времён вторжения варваров, которые разделили между собой Римскую империю. Во Франции аристократов представляли франки и бургунды, а остальное население страны — галлы. Введённая феодальная система установила принцип, в соответствии с которым земля должна была иметь владыку. Всеми политическими привилегиями пользовались священники и знать, крестьяне являлись рабами и были частично приписаны к церковным землям. Прогресс цивилизации и образования освободил народ. Это новое положение вещей способствовало развитию промышленности и торговли. В восемнадцатом веке основная часть земли, богатств и знаний принадлежала народу. Однако аристократия по-прежнему продолжала оставаться привилегированным классом: ей была дана возможность управлять правосудием, и она обладала феодальными правами различных названий и форм; она пользовалась привилегией быть освобожденной от любого бремени в государстве, она занимала самые почётные должности. Все эти злоупотребления вызвали возмущение граждан. Главная цель революции заключалась в том, чтобы уничтожить все привилегии, упразднить феодальное правосудие, ликвидировать феодальные права как рудимент бывшего порабощения народа, возложить бремя государства в равной степени на всех граждан и на всю собственность. Вкратце, революция провозгласила равенство прав. Каждый гражданин мог получить любую должность в государстве в соответствии с его способностями и шансами фортуны.

Королевство было составлено из провинций, присоединённых к короне в различное время; у них не было естественных границ, и они были по-разному разделены — неравноценно по размерам и численности населения. Они имели собственные законы, гражданские и уголовные, они пользовались различными привилегиями и облагались налогами в неравной степени, как в отношении размера, так и в отношении их номенклатуры, что создавало необходимость держать внутренние таможи. Франция была не государством, но комбинацией нескольких государств, плохо объединённых. Всё это было определено случайно, событиями прошлых веков. Революция, руководимая принципом равенства как в отношении граждан,

так и в отношении различных территорий, ликвидировала все эти небольшие страны: перестали существовать Бретань, Нормандия, Бургундия, Шампань, Прованс и Лоррен; все они образовали Францию. Новое деление территории страны разрушило границы всех провинций. Теперь они имели одну и ту же судебную и административную организацию, одни и те же законы, одну и ту же систему налогообложения. Мечты всех честных и справедливых людей были реализованы. Соппротивление, которое королевский двор, духовенство и аристократия оказали революции, и война с иностранными державами породили закон об эмиграции и об аресте эмигрантской собственности, которую впоследствии было признано необходимым продать, для того чтобы обеспечить расходы на войну. Бóльшая часть французской аристократии встала под знамя принцев семьи Бурбонов и сформировала армию, которая двинулась в поход в союзе с австрийскими, прусскими и английскими вооружёнными силами. Дворяне, которых воспитывали в условиях полного достатка, служили в армии простыми солдатами; многие из них погибли от усталости, болезни и меча, многие умерли от лишений в иностранных государствах; войны с Вандеей и шуанами унесли тысячи жизней. Три четверти французской аристократии были, таким образом, уничтожены; и все должности — гражданские, судебные и военные — были заняты гражданами, которые вышли из общей массы народа.

Изменения, произошедшие в людях и их собственности, были не менее значительны, чем те, которые были вызваны принципами революции. Была создана новая церковь; епархии Вьена, Нарбонна, Фрежюса, Систерона, Реймса и т.д. заменили шестьюдесятью новыми епархиями, границы которых были очерчены в Конкордате новыми буллами, соответствующими современному состоянию французской территории. Были приостановлены деятельность религиозных орденов, продажа монастырской и всей церковной собственности, духовенство стало получать пенсию от государства. Всё, что было результатом событий, которые происходили со времён Кловиса, перестало существовать. Все эти изменения оказались настолько выгодны народу, что они были осуществлены с необычайной лёгкостью, и в 1800 году более не оставалось каких-либо воспоминаний о старых привилегиях и провинциальных монархах, прежних парламентах, округах и епархиях. Прогресс сельского хозяйства и промышленности превзошёл самые оптимистические надежды. Франция представляла собой страну с естественными границами и населением свыше тридцати миллионов, состоявшим из одного общественного класса граждан, подчинявшихся единому закону, общему правлению и друг другу. Все эти изменения способствовали благоденствию и праву, а также законности и интеллектуальному развитию человечества.

Глава IV. Французский народ установил императорское правление, чтобы объединить новые запросы страны. Четвёртая династия не сразу стала преемником третьей династии, — она стала преемником Республики. Наполеон был коронован папой римским и признан в качестве императора державами Европы. Он создавал других королей, и армии всех континентальных держав воевали под его командованием.

Пять членов Директории не имели между собой общего мнения. Враги республики проникали в состав Советов, и, таким образом, люди, враждебно относящиеся к правам народа, становились близки к правительству. Подобное положение вещей держало страну в состоянии волнения, и огромные надежды, которые французский народ возлагал на республику, постоянно рушились. Всеобщий голос, исходивший с равнин Франции и из её городов и деревень, требовал сохранения принципов республики и установления наследственной системы правления, которая могла бы поставить принципы и запросы революции вне пределов достижимости отдельных фракций и влияния иностранцев. В соответствии с конституцией VIII года (по новому, революционному календарю) Первый консул республики стал консулом на десятилетний срок, потом страна сделала его правление пожизненным. Народ впоследствии возвысил его до трона, что сделало его императорское правление наследственным для его семьи. Теперь были утверждены и укреплены принципы суверенности народа, свободы и равенства, уничтожения феодальной системы, невозможности перепродажи национальных территорий и свободы вероисповеданий. При четвертой династии правительство Франции в своей деятельности основывалось на тех же принципах, что и во времена Республики. Это была умеренная и конституционная монархия. Существовала большая разница между правительством Франции при четвёртой династии и при третьей династии. Четвёртая династия была наследницей Республики, или, правильнее сказать, она была всего лишь её модификацией.

Ни один будущий монарх никогда не восходил на трон с более законными правами, чем те, с которыми Наполеон стал императором. Корона не была вручена ему несколькими епископами и представителями французской знати, он был вознесён на императорский трон единодушным согласием граждан, которое торжественно трижды подтверждалось. Папа римский Пий VII, глава католической религии, той самой религии, которую исповедует большинство французского народа, пересёк Альпы, чтобы собственноручно помазать императора в присутствии епископов Франции, кардиналов римской церкви и депутатов всех округов империи. Монархи Европы с воодушевлением признали Наполеона в качестве императора, все с удовлетворением следили за развитием Республики, которая поставила Францию

в равное положение с остальной Европой, и сразу же подтвердила её конституцию и счастье этого великого народа. Послы Австрии, России, Пруссии, Испании, Португалии, Османской империи и Америки прибыли поздравить императора. Одна лишь Англия не прислала посла: она нарушила договор, заключённый в Амьене, и в результате вновь объявила войну против Франции; но даже Англия одобрила изменения во Франции. Лорд Витворт, во время секретных переговоров при посредничестве графа Малуэ, которые предшествовали разрыву Амьенского мира, предложил от имени английского правительства признать Наполеона в качестве короля Франции, при условии его согласия на передачу Англии Мальты. Первый консул ответил, что, если когда-либо благоденствие Франции потребует, чтобы он занял трон, то это произойдёт, если на то будет свободное и добровольное волеизъявление французского народа.

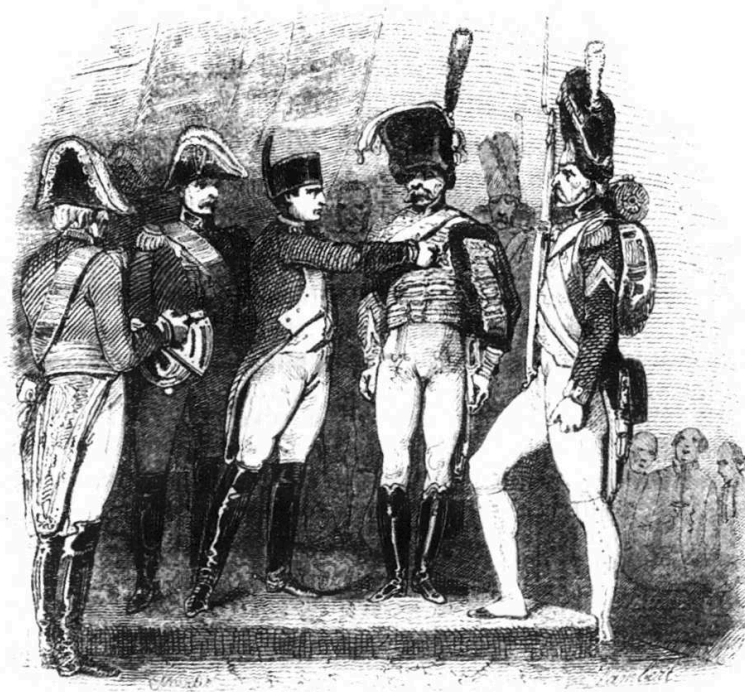
В 1806 году, когда лорд Лодердейл приехал в Париж для проведения мирных переговоров между королём Англии и императором, он обменялся верительными грамотами, как это подтверждается протоколом переговоров, которые он вёл с полномочным представителем императора. Смерть Фокса положила конец переговорам лорда Лодердейла. Английский министр был в силах устранить возможность прусской кампании* и предотвратить сражение при Йене. Когда в 1814 году союзники предъявили ультиматум в Шомоне, лорд Каслри, подписывая этот ультиматум, вновь признал существование империи в личности и в семье Наполеона. Если последний не принял предложений конгресса в Шатильоне, то потому, что он не считал себя свободным уступить часть империи, целостность которой он, во время своей коронации, поклялся сохранить.

* В то время, когда лорд Лодердейл находился в Париже и вёл переговоры с полномочным представителем императора, Пруссия взялась за оружие, не скрывая своего враждебного отношения к Франции. Лорд Лодердейл, видимо, не одобрял подобного поведения Пруссии, считая, что она вступает в весьма неравную для себя схватку. Узнав, что Наполеон намерен выступить во главе армии, лорд Лодердейл осведомился, не согласился бы император отложить свой отъезд и вступить в переговоры с Пруссией, если Англия примет за основу этих переговоров согласие обеих сторон оставить за собой то, что они имеют в настоящий момент, включая Ганновер. Основная дискуссия велась в отношении Ганновера, который Англия хотела вернуть себе независимо от переговоров. По указанию кабинета министров Англии лорд Лодердейл был отозван из Парижа, император во главе войск двинулся в поход, и вскоре произошло сражение при Йене. Фокса уже не было в живых.

В то время мы стали непосредственными свидетелями проявленных Наполеоном сожаления и отрицательного отношения к необходимости вести войну с Пруссией. Он был склонен оставить Ганновер в распоряжении Пруссии и признать Конфедерацию Северной Германии. Он считал, что Пруссия, поскольку она никогда не терпела поражения от Франции и никогда не была ею унижена, а её вооружённые силы по-прежнему не были ослаблены, не могла быть враждебной к нему, но что, если она однажды потерпит поражение, тогда её следует уничтожить.

Курфюрстов Баварии, Вюртемберга и Саксонии Наполеон сделал королями. Армии Саксонии, Баварии, Вюртемберга и Гессена сражались в союзе с французскими армиями; русские и французские войска сражались вместе в 1809 году в войне против Австрии. В 1812 году император Австрии заключил в Париже союз с Наполеоном, и князь Шварценберг, находясь в подчинении у Наполеона, командовал австрийским контингентом во время русской кампании, в которой он получил звание фельдмаршала по ходатайству французского императора. Аналогичный договор о союзе был заключён в Берлине, и прусская армия также сражалась вместе с французами во время кампании в России.

Император залечил раны, которые революция нанесла Франции: эмигранты вернулись, и список изгнанников был уничтожен. Наполеон заслужил славу, более всего лестную для любого монарха, когда он возвратил и восстановил в правах свыше 20 000 семей. Им вернули их непроданную собственность; и после того, как прошлое было покрыто пеленой забвения, представители всех общественных классов, независимо от того, какой они ранее придерживались линии поведения, были допущены к любой государственной службе. Семьи, которые отличились на службе у Бурбонов, даже те, кто проявил себя наиболее преданным королевской семье, заняли должности при императорском дворе и в кабинете министров, а также получили назначения в армию. Названия всех партийных группировок и общественных классов были забыты: о людях больше не говорили, что они аристократы или якобинцы, а институт Почётного

легиона, орден которого был наградой за военную, гражданскую и за судейскую службу, сделал равным солдата, учёного, художника, священника и судью. Этот орден стал эмблемой согласия среди всех общественных классов, партий и группировок.

Глава V. Кровь императорской династии смешалась с кровью других монархических домов Европы — России, Пруссии, Англии и Австрии.

Императорский дом Франции заключил союз со всеми монаршими семьями Европы. Принц Евгений Наполеон, приёмный сын императора, женился на старшей дочери короля Баварии, принцессе, прославившейся своей красотой и своими добродетелями. Этот брачный союз, заключённый в Мюнхене 14 января 1806 года, доставил глубокое удовлетворение баварскому народу. Наследный принц Бадена, шурина императора России, просил руки принцессы Стефании, приёмной дочери императора Наполеона, — эта свадьба была отпразднована в Париже 7 апреля 1806 года. 22 августа 1807 года принц Жером Наполеон женился на старшей дочери короля Вюртемберга, немецкой кузине императора России, короля Англии и короля Пруссии. Другие брачные союзы подобного же рода были заключены с монаршими принцами Германии из дома Гогенцоллернов. Эти брачные союзы оказались счастливыми, и все они не были бездетными, дав жизнь принцам и принцессам, которые передадут будущим поколениям воспоминание о Французской империи...

Когда интересы Франции и Империи заставили императора и императрицу Жозефину разорвать брачные узы, которые в равной степени были дороги для них обоих, первые монархи Европы стали добиваться брачного союза с Наполеоном. Если бы не вопросы веры и не задержка переговоров из-за дальности расстояния, то, вероятно, русская великая княжна заняла бы трон Франции. Но на трон Франции взошла эрцгерцогиня Мария Луиза, вышедшая замуж за императора в Вене 11 марта 1810 года по доверенности, вручённой эрцгерцогу Карлу, и в Париже — 2 апреля.

Как только император Австрии узнал, что обсуждается вопрос о женитьбе Наполеона, он выразил удивление, что не обдумывался брачный союз императора Франции с императорским домом Австрии, — выбор делался между русской и саксонской принцессами. Император Франц высказал свои чувства по этому поводу графу де Нарбонну, губернатору Триеста, который тогда находился в Вене, и вследствие этого соответствующие инструкции были направлены князю Шварценбергу, австрийскому послу в Париже.

В феврале 1810 года в Тюильри был созван Тайный совет; министр иностранных дел представил Совету донесения герцога Вишенцкого, французского посла при императорском дворе России. Эти донесения свидетельствовали о том, что император Александр

весьма склонен отдать свою сестру, великую княжну Анну, замуж за Наполеона; но император Александр придавал слишком большое значение тому, чтобы великой княжне было бы разрешено публичное отправление своих религиозных обрядов и чтобы ей выделили часовню для православных религиозных ритуалов. Донесения из Вены раскрывали суть намёков и желаний австрийского императорского двора. Во французском Тайном совете произошло разделение мнений: русский, саксонский и австрийский брачные союзы — все они нашли своих сторонников, но большинство Совета проголосовало за эрцгерцогиню Австрии. Так как принц Евгений был первым, кто предложил австрийский брачный союз, то император, закрывший заседание Совета в два часа ночи, поручил ему прощупать почву на предмет заключения брачного союза с австрийской эрцгерцогиней во время беседы с князем Шварценбергом. Одновременно император поручил министру иностранных дел написать совместно с австрийским послом в течение дня текст брачного контракта; и для того, чтобы избежать затруднений в отношении деталей, он велел министру иностранных дел переписать, слово в слово, текст контракта, который был подготовлен для бракосочетания Людовика XVI и эрцгерцогини Марии-Антуанетты.

Утром принц Евгений провёл беседу с князем Шварценбергом; текст контракта был подготовлен в тот же день и с курьером доставлен приятно удивлённому императору Францу. Обстоятельства, сопровождавшие подписание брачного контракта, вызвали у императора Александра подозрения, что переговоры с ним велись несерьёзно и что императорский двор в Тюильри одновременно проводил переговоры и с ним, и с императорским двором Вены. Но это было ошибкой: переговоры с Веной начались и закончились в один день*.

Никогда рождение какого-либо принца не вызывало столь огромного энтузиазма среди народа и столь сильного волнения во всей Европе, как рождение Римского короля. Пока не раздался первый выстрел пушки, оповестивший о разрешении императрицы от бремени, всё население Парижа находилось в состоянии напряжённого ожидания. Когда же он раздался, то на улицах, в местах

* Активно распространялись слухи, что брак эрцгерцогини Марии Луизы с императором Наполеоном был обусловлен секретной статьёй Венского договора. Эта идея лишена основания: Венский договор датирован 15-м октября 1809 года, а брачный контракт подписан в Париже 7 февраля 1810 года.

Каждый, кто присутствовал на заседании Тайного совета во время обсуждения вопроса о женитьбе императора, может подтвердить, что обстоятельства заключения второго брака императора были именно такими, как они описаны выше, что идея брачного союза с австрийской эрцгерцогиней не рассматривалась до тех пор, пока не стало известно содержание донесений графа де Нарбонна, и что брак с эрцгерцогиней Марией Луизой был предложен, обсуждён и решён во время этого заседания Тайного совета и затем в течение ближайших двадцати четырёх часов договор подписан.

гуляний и развлечений для массовой публики и внутри всех домов — словом, повсюду в Париже — люди с напряжённым вниманием считали количество выстрелов. Двадцать второй выстрел вызвал всеобщий восторг: обычно двадцать один выстрел пушки означал рождение принцессы, а сто один выстрел извещал о рождении принца. Все европейские державы делегировали наиболее знатных представителей своих императорских и королевских дворов, чтобы поздравить императора. Император России прислал своего министра внутренних дел, а император Австрии направил в Париж одного из самых высокопоставленных лиц австрийского императорского двора, графа Клари, который привёз с собой, в качестве подарка юному Римскому королю, цепи всех орденов австрийской монархии, украшенных бриллиантами. Крещение Римского короля было отпраздновано с необычайной пышностью в присутствии французских епископов и депутатов из всех частей империи. Император Австрии был крёстным отцом юного короля через доверенное лицо, своего брата эрцгерцога Фердинанда, великого князя Тосканы».

Глава VI содержит краткое изложение событий кампании в Саксонии и свидетельствует о том, что коалиция 1813 года не ставила перед собой цели реставрации власти Бурбонов.

Главы VII, VIII и IX аргументируют, что Бурбонам, после их возвращения во Францию, следовало дать начало пятой династии и не пытаться продолжать третью династию. Первый вариант сделал бы всё лёгким, второй вариант сделал всё трудным.

Глава X заканчивается абзацем из нескольких фраз, которые ярко описывают волшебный эффект, произведённый возвращением императора во Францию 20 марта. Эти последние главы содержат самые выразительные и энергичные строки, но заявления имеют глубоко личный характер.

Мои денежные дела — Император оценивает собственную щедрость

9 — 10 сентября 1816 года

Император провёл плохую ночь и велел вызвать меня к нему рано утром. Когда я пришёл, он сообщил мне, что чувствует себя полуживым, что он не спал ночью и что его лихорадило. В течение этих двух дней император продолжал чувствовать себя очень больным и почти постоянно лежал на диване, который по вечерам пододвигали к зажжённому камину. У него совершенно не было аппетита, и он ничего не пил, кроме подогретого лимонада.

В течение этих двух дней я был постоянно около него; на какое-то время он иногда засыпал, в остальные часы беседовал со мной на различные темы. Он говорил о расходах на проведение приёмов в императорских дворцах в Париже и, обсуждая эту тему, перешёл на мои домашние дела, пожелав, чтобы я ознакомил его с ними во всех подробностях.

Я сообщил ему, что мой доход составлял только 20 000 франков в год, 15 000 из которых мне приносила моя личная собственность, а 5000 — жалованье в качестве государственного советника. Услышав это, император воскликнул: «Вы, должно быть, были сумасшедшим! Как вы осмелились приблизиться к Тюильри со столь ограниченным доходом? Расходы членов императорского двора были огромными!» — «Сир, — ответил я, — я ухитрялся поддерживать моё достоинство, но никогда ни о чём не просил у Вашего Величества». Император заявил: «Я не говорю, что вы о чём-то просили, но вы должны были разориться не менее чем за пять лет». — «Нет, сир, — возразил я, — большую часть моей жизни я был эмигрантом; я жил, претерпевая постоянные лишения, и, за некоторыми исключениями, я по-прежнему им подвергался. Верно, что, несмотря на все мои старания экономить, я ежегодно тратил из моего капитала от семи до восьми тысяч франков. Но я считал так: хорошо известно, что каждый придворный в вашем окружении должен своим рвением на службе и тщательным выполнением своих обязанностей рано или поздно привлечь ваше внимание к своей персоне и что

тот, кто однажды снискал ваше расположение, мог считать, что он разбогател. У меня ещё оставалось несколько лет для того, чтобы попытаться воспользоваться этим шансом; по истечении этого срока, если бы фортуна не улыбнулась мне, я был готов отречься от иллюзий и покинуть столицу, имея доход в десять или двенадцать тысяч ливров. Достаточно скромно, разумеется, но, тем не менее, более богато, чем когда-либо во время моего пребывания в Париже». — «Ну что ж, — сказал император, — ваш план был не совсем плох, и теперь пришло время, когда вы будете вознаграждены за все ваши потери. Я как раз собирался кое-что сделать для вас, и это целиком ваша ошибка, что вы не нажили быстро блестящее состояние. По-моему, я уже говорил вам ранее, что вы не знали, как воспользоваться благоприятными возможностями для продвижения по службе».

Этот разговор послужил поводом для того, чтобы мы упомянули о тех огромных денежных суммах, которые император щедро раздавал лицам из своего окружения, и постепенно всё более оживляясь, он сказал: «Трудно подсчитать всё то, что я раздавал подобным образом. Меня не раз могли обвинить в расточительности, и я огорчён, что оно принесло мне мало пользы. Определённо, меня преследовал какой-то рок, или тех людей, к которым я был благосклонен, был какой-то существенный недостаток. В какое же трудное положение я был поставлен! Нельзя считать, что моя расточительность была вызвана тщеславием. Не в моём вкусе было играть роль эдакого азиатского монарха. Я не руководствовался ни тщеславием, ни причудой, — всё, что я делал, было результатом расчёта. Хотя к определённым лицам я мог быть благосклонным, я не одаривал их щедро всего лишь потому, что они мне нравились: среди них я хотел найти те аристократические семьи, которые сумели бы стать центром притяжения сил во время крупнейших национальных кризисов. Высшие чины моего императорского двора, а также все мои министры, независимо от их огромных жалований, часто получали от меня прекрасные подарки — иногда большие денежные суммы, иногда полные сервизы и т.д.

Какова была цель расточительности? Я требовал, чтобы у них были элегантные дома, чтобы они давали великолепные обеды и блестящие балы! И для чего я хотел всего этого? Для того, чтобы объединить партии, сформировать новые союзы, сгладить утвердившиеся неровности в отношениях между людьми и придать французскому обществу и его манерам новый характер. Я задумывал хорошие идеи, но они всё портили, воплощая их в жизнь: например, ни один из моих главных придворных не содержал дом, соответствующий его положению. Если они давали обеды, то приглашали на них только своих друзей, связанных с ними общими политическими

убеждениями; и когда я посещал их дорогостоящие балы, то кого я встречал там? Весь императорский двор Тюильри, ни одного нового лица, ни одного из тех, кто был обижен новой системой правления страной, — тех замкнутых, недовольных людей, которых капля мёда привела бы обратно в улей. Они не могли попасть в поле моего зрения или не хотели этого. Напрасно я выражал неудовольствие, вмешивался и командовал: всё продолжалось по-старому. Я не мог быть повсюду, и они знали это, но тем не менее утверждали, что я правил железной рукой. Как же тогда должны обстоять дела у мягких по характеру монархов?»

Новая кровать императора — Часовые у знамени — История гасконского солдата

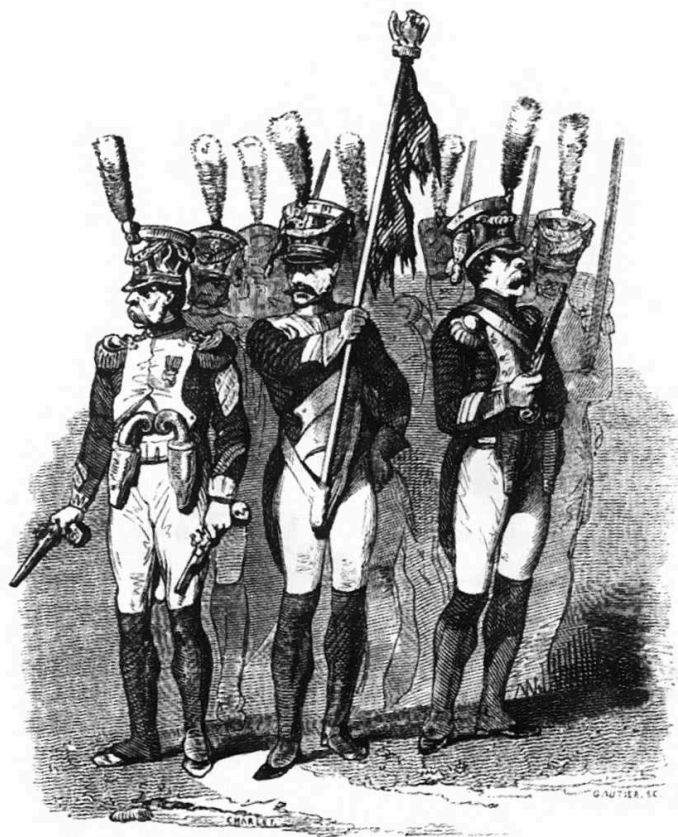
11 сентября 1816 год

Император продолжает болеть. Когда я пришёл к нему, он пребывал в очень плохом настроении. Он приказал переставить его кровати, — та походная кровать, которая так долго была постоянным товарищем его побед, теперь ложе больного. Император пожаловался, что она стала слишком маленькой для него, что он едва может в ней повернуться, но его спальня не даёт возможности поместить в ней кровать большего размера. Он распорядился, чтобы его походную кровать перенесли в кабинет и поставили рядом с диваном, дабы они вместе составили подобие одной кровати более терпимого размера. До каких крайностей доведён император!

Он растянулся во весь рост на диване и начал беседу, которая немного его оживила. Говоря о своём восшествии на высшую ступень Консульства и об ужасном беспорядке, который он обнаружил во всех ветвях государственной службы, император сказал, что был вынужден провести многочисленные реформы, которые вызвали гневные протесты, но нисколько не способствовали укреплению связей в обществе. Эти меры распространились и на армию, затронув офицеров и даже генералов, которые, по словам императора, неизвестно как ими стали.

В этом месте беседы я осмелился рассказать историю, которая одно время очень забавляла тот круг общества, в котором я вращался. Один из моих друзей (который был, как и я, очень недоволен существовавшим правительством) как-то ехал в небольшом версальском дилижансе. В числе пассажиров был солдат гвардии. Мой друг намеренно пытался вызвать его на разговор, чтобы тот высказал своё мнение о положении в стране. Солдат жаловался, что дела

пошли плохо, так как от него требуют, чтобы он научился читать и писать, если он хочет добиться повышения в звании. «Так что вы сами видите, — воскликнул солдат, — что *плохие времена вернулись*». Эта фраза так нам понравилась, что мы часто повторяли её в нашем кругу.

«Ладно, — произнёс император, — а что бы сказал этот солдат тогда, когда я ввёл в армии часовых у знамени? Эта мера, несомненно, восстановила бы хорошее мнение солдата обо мне. Я назначил двух сержантов специальными часовыми у знамени каждого полка. Они стояли по обе стороны знамени, и чтобы их пыл в самый разгар сражения не мог привести к потере из поля их зрения единственного предмета, который им следовало видеть, а именно знамени, этим часовым было запрещено иметь саблю или шпагу; их единственным оружием были несколько пар пистолетов, их единственной обязанностью было хладнокровно пускать пули в лоб врага, который попытается прикоснуться к знамени. Но до того, как солдат мог бы быть повышен в звании до сержанта, чтобы получить почётную должность часового у знамени, требовалось выяснить, умеет ли он читать и писать. Конечно, вы догадываетесь о причине этого». — «Нет, сир, не догадываюсь». — «Боже мой, какой простак! Каждому

человеку, овладевшему грамотой, обеспечена карьера в армии, но солдат, не имеющий этого преимущества, никогда не будет повышен в звании, за исключением случаев проявления особой храбрости или при чрезвычайных обстоятельствах».

Так как у меня было настроение посплетничать, то я рассказал другую историю, которая когда-то позабавила салоны Парижа. Говорили, что после того, как один полк потерял своё знамя, Наполеон обратился к солдатам с гневной речью по этому поводу и выразил возмущение тем, что они навлекли на себя позор, позволив врагам овладеть их знаменем с эмблемой орла. «Но мы обманули врага! — воскликнул гасконский солдат. — У них оказался только кусок ткани, а сама птичка лежит у меня в кармане», — и, сказав это, он вытащил из кармана орла, снятого со знамени.

Император рассмеялся и заявил: «Ну что ж, я не рискну утверждать, что нечто подобного этому не произошло. Солдаты особенно не стеснялись и вели себя со мной очень свободно, часто фамильярно обращаясь ко мне на “ты”».

Я упомянул, что мне как-то пришлось слышать, что накануне сражения при Йене или во время какого-то другого крупного сражения Наполеон с очень небольшим эскортом проезжал мимо одного боевого поста. Солдат, стоявший там часовым, отказался пропустить его, и когда император стал настаивать, солдат, рассердившись, поклялся, что не пропустит его, даже если бы перед ним был сам *Маленький капрал*. Когда же солдат убедился в том, что перед ним действительно был *Маленький капрал*, то нисколько не смутился. «Он вёл себя так потому, что был уверен, что выполняет свой долг;

и в самом деле, я прослыл ужасным тираном в салонах Парижа и даже среди офицеров армии, но не среди солдат. В них был заложен инстинкт правды и расположения ко мне, они знали, что я их защитник и в случае необходимости постою и отомщу за них».

Недомогание императора продолжается — Ужасная еда и отвратительное вино

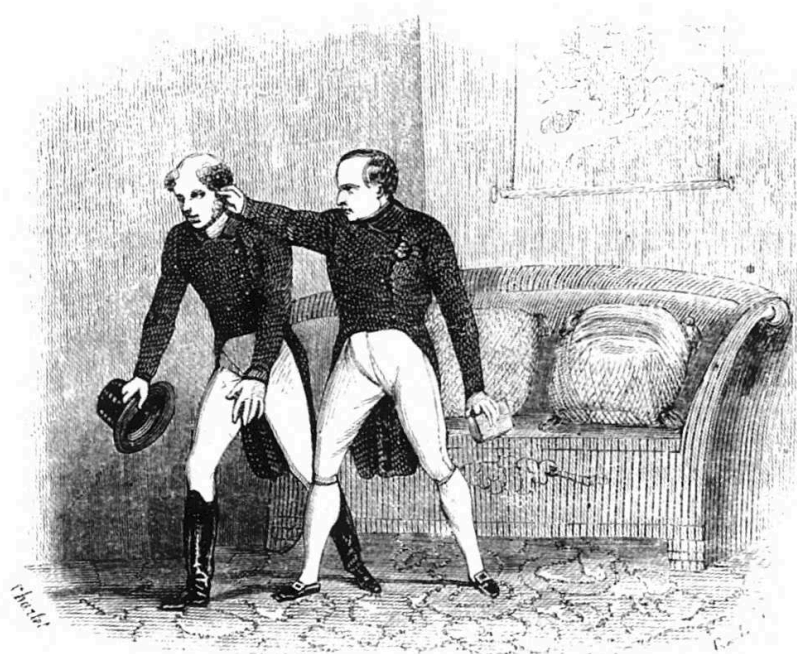
12 сентября 1816 года

Сегодня император, хотя он не чувствует себя лучше, чем в предыдущие дни, принял твёрдое решение, как он сказал, более не нянчиться с собой. Он оделся и отправился в гостиную, где два или три часа диктовал одному из членов его свиты. Он три дня ничего не ел, но ему не стало лучше, как он ожидал, от этого воздержания, которым он обычно пользуется в качестве своеобразной диеты, прописанной им самому себе. Император продолжает пить подогретый лимонад. Это обстоятельство привело его к желанию выяснить, как долго человек может прожить без пищи и в какой мере фруктовый напиток способен заменить твёрдую пищу. Он послал слугу за «Британской энциклопедией», в которой обнаружил весьма любопытные факты: например, он прочитал, что одна женщина существовала пятьдесят дней без твёрдой пищи и при этом пила только воду. Другой пример описывал человека, который жил на одной воде.

Кто-то из присутствовавших при беседе, продолжая развивать эту тему, рассказал, что Карл XII, из чувства противоречия лицам из его окружения, воздерживался от пищи в течение пяти или шести

дней. Однако по окончании этого срока он с жадностью проглотил целую индейку и баранью ногу, рискуя лопнуть от обжорства. Наполеон от души рассмеялся и заверил нас, что не чувствует желания прибегать к подобным крайностям, каким бы привлекательным ни казался этот опыт в других отношениях.

Император сыграл с госпожой де Монтолон партию карточной игры в пике. Когда в гостиную вошёл гофмаршал, император остановил игру и спросил его, как он выглядит. «Довольно болезненным», — последовал ответ, который соответствовал действительности. Император поднялся с кресла и, догнав в гостиной Бертрана, схватил его за ухо и воскликнул: «Довольно болезненным? Как бы не так! Вы намерены оскорбить меня, гофмаршал? Вы хотите сказать, что я человек раздражительный, угрюмый, желчный, необузданный, несправедливый, деспотичный?! Дайте-ка мне покрепче ухватить ваше ухо, и я таким образом отомщу вам».

Настал обеденный час, и император некоторое время колебался, то ли ему сесть за стол вместе с нами, то ли обедать в одиночестве в своей комнате. Он решил сделать последнее, чтобы, по его словам, не соблазниться подражанием Карлу XII, если сядет за общий стол. Он вернулся, когда мы ещё обедали, и, увидев нашу скудную трапезу, сказал, что ему, на самом деле, жаль нас, так как нам практически нечего было есть. Это обстоятельство вынудило императора прибегнуть к болезненной крайности: он тут же отдал приказ, чтобы часть его обеденного серебряного сервиза ежемесячно продавали для обеспечения нашего стола всем необходимым.

Худшая вещь в наших жалких обедах — вино, которое в последние дни настолько отвратительно, что сделало нас всех больными. Мы даже обратились с просьбой в лагерь английского пехотного полка, надеясь, что вино, которым нас снабжают, нам поменяют, так как получаемое вино мы пить не можем.

В ходе разговора о проблеме с вином император рассказал, что в своё время он получал большое количество советов и рекомендаций от химиков и врачей. Все они придерживались единого мнения о том, что вино и кофе — это напитки, в отношении которых он должен быть очень осторожным. Эти люди, профессионалы в своём деле, все как один предупреждали его о том, что он должен отказываться от вина и кофе, если чувствует в них какой-нибудь неприятный запах или вкус. Император обычно получал вино из Шамбертена, и поэтому редко случалось, чтобы он был недоволен им; но теперь дело обстояло совсем иным образом, и всякий раз, находя что-нибудь необычное во вкусе вина, он отказывался от него и потом долго от него воздерживался.

Критика поэмы принца Люсьена о Карле Великом — Гомер

13 сентября 1816 года

Погода очень плохая, и так продолжается уже почти месяц. Император вызвал меня в час дня, — он был в своём кабинете. Наш Амфитрион нанёс мне визит, и я проводил его к императору, который беседовал с ним по личным вопросам.

Внешне Наполеон сильно изменился.

Сегодня он пожелал заняться работой. Я послал за своим сыном, и он дописывал под диктовку императора главы рукописи о папе римском и о переходе через Тальяменто. Император продолжал работать до пяти часов. У него было плохое настроение; заметно, что он явно очень страдает из-за болезненного состояния. Он удалился в свою комнату, сказав, что попытается немного поесть.

В море появились два корабля. Было высказано предположение, что один из кораблей — «Эвридика», прибытие которого из Европы ожидалось каждый день. Однако один из них оказался кораблём Восточно-Индийской компании, а другой лишь случайно проплыл мимо острова.

Император пришёл к нам, когда мы обедали; он сказал, что сегодня обедал за четверых и что это вполне восстановило его здоровье.

Он пожелал что-нибудь почитать и стал просматривать поэму своего брата Люсьена о Карле Великом. Он проанализировал первую песнь поэмы и потом бегло ознакомился с несколькими другими песнями; затем он исследовал сюжет поэмы, её построение и т.д. «Как много труда, изобретательности и времени, — заявил он, — потрачено на эту книгу! И какое отсутствие здравого смысла и вкуса! В ней двадцать тысяч стихотворных строк, некоторые из них могут показаться неплохими, но они не представляют интереса; в поэме нет общего плана и нет эффектных мест. Поэма могла бы рассматриваться как принудительная работа, если бы её писал профессиональный автор. Почему же Люсьен, с его здравым смыслом, не учёл того, что Вольтер, этот мастер французского языка и искусства поэзии, потерпел неудачу в аналогичной попытке, хотя и предпринятой в Париже, в самом центре святилища! Как же Люсьен мог предположить, что можно написать французскую поэму, проживая вдали от французской столицы? Как он мог осмелиться представить себя новым мэтром французской поэзии? Он написал курс истории в стихах, а не эпическую поэму. Эпическая поэма не должна быть историей человека, она должна быть историей страсти или события.

И потом, ну и сюжет выбрал Люсьен! Какие варварские имена представил он читателю! Неужели он думает, что ему удалось возвысить религию, которая, как он считает, теряет своё влияние? Неужели поэма планировалась как произведение реакции? Она, несомненно, несёт на себе отпечаток той страны, где была написана; поэма перегружена молельщиками, священниками, светской властью пап римских и т.д. Как он додумался посвятить двадцать тысяч стихотворных строк глупостям, которые ничего общего не имеют с нынешним временем, предрассудкам, в которые он не мог вникнуть, и убеждениям, которых он не разделяет! Какое злоупотребление талантом! Он мог бы, несомненно, создать нечто такое, что сделало бы ему честь, ибо он обладает здравым смыслом, умением и прилежанием. Он был в Риме среди богатейших материалов и располагал средствами для проведения глубоких исследований. Он понимает итальянский язык; и так как у нас нет хорошей работы по истории Италии, то он мог бы написать такую книгу. Его способности, его высокое положение и знание дел могли бы предоставить ему возможность создать прекрасное классическое произведение. Оно было бы ценным приобретением литературного мира и принесло бы уважение его автору. Но кто такой Карл Великий? Какую репутацию приобретёт поэма? Она будет погребена в пыли библиотек, и самое большее, что получит её автор, так это несколько

скудных и, возможно, оскорбительных строк в библиографических справочниках. Если Люсьен не смог противостоять искушению стихоплётства, то ему следовало бы подготовить роскошную рукопись, украшенную изящными рисунками и великолепным переплётом, которой он мог бы время от времени услаждать взоры дам, иногда разрешая приводить некоторые цитаты из неё; и, наконец, он должен был оставить её своим наследникам со строгим запретом издавать её. Тогда можно было бы оценить его вкус».

Император отложил книгу и сказал: «Давайте обратимся к "Илиаде"». Мой сын сходил за ней, и император прочёл несколько песен из неё, останавливаясь на различных местах, чтобы, по его словам, вдоволь насладиться ими. Его замечания были детальны и оригинальны. Он настолько углубился в чтение, что было уже половина первого ночи, когда он отправился спать.

Скудная провизия и смехотворный рацион вина — О возвращении Наполеона с острова Эльба

14 сентября 1816 года

Ужасная погода всё ещё продолжается, заставляя нас отсиживаться в наших жалких хижинах. Мы все нездоровы.

Часть дня император диктовал и в результате почувствовал себя лучше.

Во время обеда мы почти ничего не могли есть. Губернатор продолжает свою программу последовательного сокращения нашего рациона, поэтому император распорядился делать дополнительные закупки провизии, которая будет оплачиваться за счёт продажи его серебряного сервиза.

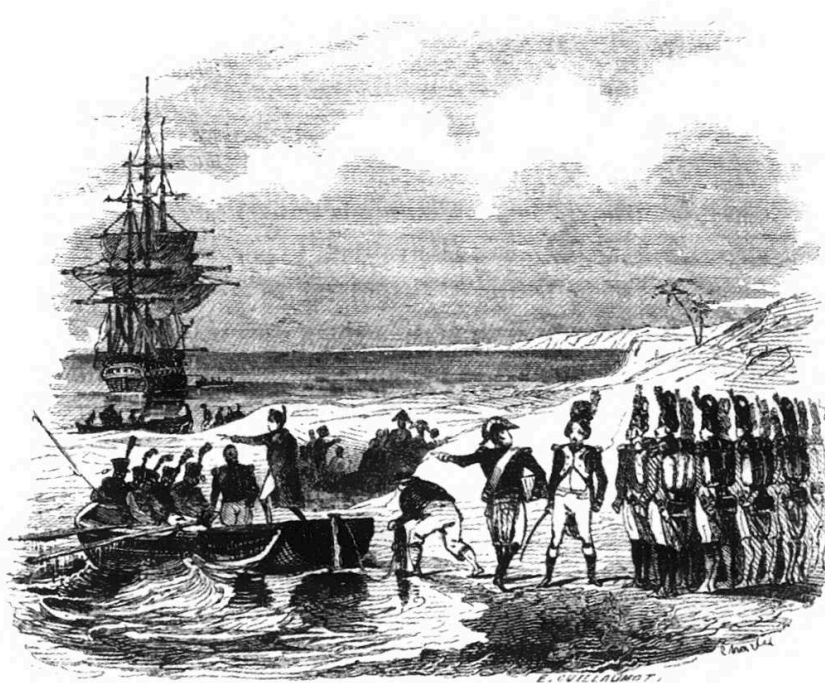
Губернатор поставил нас в известность, что рацион вина будет в дальнейшем определён в количестве одной бутылки на человека, включая императора. Можно ли этому верить? «Одна бутылка для матери и её детей!» — так написано в присланном нам предписании.

Император удалился в свои апартаменты и вызвал меня к себе. «У меня нет желания спать, — заявил он, — и я вызвал вас к себе, чтобы вы помогли мне бодрствовать; давайте немного поболтаем». Мы завели разговор об острове Эльба, занятиях императора, его впечатлениях и о его оценке событий, пока он оставался на этом острове, и наконец, о его возвращении во Францию и о сопутствовавшем этому возвращению блестящем успехе, в котором, по его словам, он ни на минуту не сомневался. Во время этого разговора император повторил многое, что я уже приводил в моём дневнике

в различное время. В какой-то момент император заявил: «Пусть объясняют события, связанные с моим возвращением с острова Эльба, как им будет угодно, но я заверяю вас, что никогда не испытывал ненависти к тем, кого я лишил власти. Для меня это была всего лишь политическая конфронтация: я сам удивился, обнаружив, что моё сердце свободно от чувства вражды, и могу добавить, что меня воодушевляло моё доброжелательное отношение к врагам. Вы видели, как спокойно я отпустил герцога Ангулемского, и я бы сделал то же самое по отношению к королю и даже предоставил бы ему убежище по его собственному выбору. Триумф всего мероприятия ни в коем случае не зависел от его особы, и я уважал его возраст и сочувствовал его бедам. Возможно, что я также чувствовал себя благодарным ему за определённое внимание, которое он оказал моей персоне. Правда, в то время он, насколько мне помнится, объявил меня вне закона и назначил цену за мою голову, но я смотрел на всё это как на *способ выражения политического манифеста*. Подобного рода заявления были сделаны также австрийским правительством, но не доставили мне, однако, особого беспокойства. Хотя я должен признать, что мой дорогой тесть был довольно суров по отношению к мужу его любимой дочери».

Поскольку я не раз уже упоминал о возвращении императора с Эльбы, то сейчас, вероятно, наступил удобный момент, чтобы выполнить обещание и изложить обстоятельства, связанные с этим удивительным событием. Я собрал здесь вместе всё, что говорил император по этому поводу в разное время.

Наполеон находился на острове Эльба, в соответствии с заключёнными договорами, когда узнал, что на Венском конгрессе рассматривается идея вывезти его за пределы Европы. При этом ни одна из статей Договора Фонтенбло не была выполнена. Информация, почерпнутая из газет, дала Наполеону возможность оценить настроения общества во Франции, и он сформировал своё решение. Он сохранял его в тайне до последней минуты; и под тем или иным предлогом были найдены средства для осуществления необходимой подготовки. Только когда войска оказались на борту кораблей, у них зародилось подозрение об истинной цели императора: тысяча сто человек отправились в плавание, чтобы вернуть владение империей с населением в тридцать миллионов! На бриге, на борт которого вступил Наполеон, находилось шестьсот солдат; экипаж, по словам императора, насчитывал семьдесят четыре моряка. В море они встретились с французским военным бригом, с командой которого вступили в разговор. Утверждалось, что капитан французского военного брига узнал их и, прощаясь с ними, три раза воскликнул:

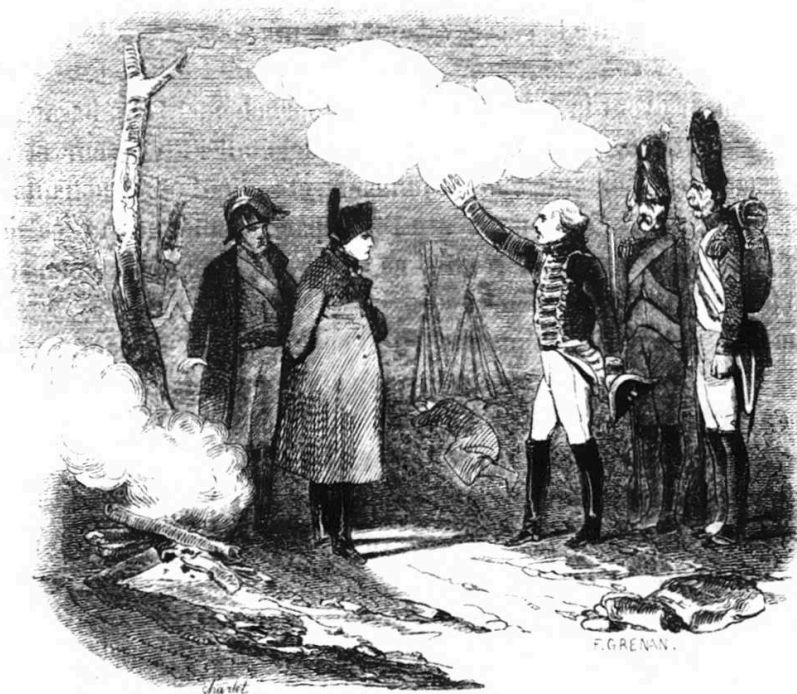

«Хорошего вам плавания!» Офицер, командовавший императорским кораблём, предложил начать преследование французского военного брига и захватить его, но император отказался от этой идеи, признав её абсурдной: подобный поступок простителен лишь в случае необходимости. «Ради чего, — заявил он, — я буду усложнять мой план новым инцидентом? Какая мне польза от успеха этой операции? И каким опасностям я подвергнусь в случае её провала!»

После высадки на берег Франции дальнейшее их продвижение приостановилось, так как двадцать человек, посланные в Антиб, чтобы потребовать сдачи города, были арестованы. В связи с этим сподвижники императора стали с некоторой горячностью высказывать различные мнения. Некоторые предлагали атаковать и захватить Антиб, чтобы избежать неблагоприятных последствий, из-за оказанного этим городом сопротивления и арест двадцати человек. Император ответил, что взятие Антиба не послужит шагом к завоеванию Франции, что во время краткой задержки, связанной с реализацией этого предложения, по всей стране будет объявлена всеобщая тревога и что на том пути, которым им целесообразно следовать, возникнут всевозможные препятствия. Он добавил, что в данный момент наиболее ценное — это время и что неблагоприятных последствий, связанных с Антибом, можно эффективно избежать с помощью быстрого походного марша, чтобы предвосхитить распространение новости о высадке на берегах Франции войска с острова Эльба. Один офицер гвардии императора заметил, что это неправильно — бросить двадцать человек, которых арестовали в Антибе. Но император заявил,

что у этого офицера сложилось ложное представление о важности всего мероприятия, что если бы половина его сподвижников оказалась в такой же ситуации, как двадцать человек в Антибе, то он без колебаний оставил бы их таким же образом и что если будут арестованы все его сподвижники, то он в одиночестве двинется вперёд*.

За несколько часов до наступления темноты сторонники императора высадились в бухте Жуан и поставили палатки. Вскоре после этого к императору был препровождён фореитор в роскошной ливрее. Оказалось, что этот человек ранее был в составе персонала, обслуживавшего императорский двор. Он был слугой императрицы

Жозефины и теперь служил принцу Монако, который сам был конюшим императрицы. Фореитор, расспрошенный императором, сообщил ему, что он только что приехал из Парижа и уверен: императора повсюду встретят с большой радостью. Он подтвердил, что вдоль всей дороги, по которой он ехал, вплоть до Авиньона, он слышал только сожаления по поводу отсутствия императора, что его имя у всех на устах и что как только он покинет Прованс, то увидит:

* Однако не следует думать, что император проявил равнодушие к этим двадцати арестованным в Антибе. Он дал указание своему военному уполномоченному Шарлю Вотье немедленно поспешить в Антиб и освободить арестованных, попытавшись склонить на свою сторону местный гарнизон. Когда Вотье отправлялся выполнять задание, император несколько раз прокричал ему вслед: «Берегите себя и не станьте тоже пленником».

всё население страны готово сплотиться вокруг него. Форейтор добавил, что его роскошная ливрея часто делает его объектом ненависти и оскорблений. Это было свидетельство одного из представителей простого народа; оно принесло огромное удовольствие императору, поскольку полностью соответствовало его ожиданиям. Сам принц Монако, когда его представили Наполеону, был менее откровенен, да и Наполеон воздержался от вопросов на политические темы: рядом присутствовали другие лица, и он не хотел выведывать у принца подробности, которые могли произвести неблагоприятное впечатление на его окружение. Поэтому разговор принял лёгкий характер и был полностью посвящён дамам императорского двора Тюильри, относительно которых Наполеон задавал малозначащие вопросы.

Как только взошла луна, примерно в час ночи, палатки разобрали, и Наполеон отдал приказ двинуться в направлении города Грасс. Там он ожидал найти дорогу, которую он приказал проложить ещё во времена Империи. Однако этот приказ не был выполнен, и Наполеон был вынужден продвигаться по узким теснинам, заваленным снегом. Поэтому он оставил позади себя, в распоряжении муниципалитета Грасса, свою карету и две пушки, которые были спущены с борта брига; в официальном правительственном бюллетене карету и пушки объявили военными трофеями.

Муниципалитет Грасса был на стороне роялистов, но неожиданное появление императора предоставило слишком мало времени для колебаний, и муниципалитет в полном составе явился к императору, чтобы подтвердить ему свою покорность. Император, проследовав

через город, остановился позади небольшого холма, где ему подали завтрак. Вскоре его окружило всё население города, и он ходил среди этой массы народа, словно вращался в кругу императорского двора в Тюильри. Император выслушивал те же самые выражения чувств и те же просьбы, что и до отъезда из Франции на остров Эльбу. Один пожаловался ему, что он не получил пенсию, другой выпрашивал прибавку к жалованью, третий рассказал, что у него изъяли его орден Почётного легиона, четвёртый умолял о повышении по службе. В городе уже успели написать петиции в адрес императора и теперь вручали их ему, как будто бы он приехал из Парижа и совершал инспекционную поездку по департаментам.

Охваченные энтузиазмом патриоты, хорошо знакомые с положением дел, по секрету сообщили Наполеону, что власти города настроены к нему враждебно, но что все местные жители преданы ему и что они только и ждут того момента, когда император уедет, чтобы разделаться с негодаями. «Не торопитесь, — посоветовал им император. — Пусть им будет стыдно, когда они узнают о нашем триумфе. Сохраняйте спокойствие и будьте благоразумны».

Император продвигался по стране со скоростью молнии*. «Победа, — заявил он, — зависела от моей скорости. Для меня Франция находилась в Гренобле. Этот город был от меня на расстоянии ста лье, но я и мои сподвижники достигли его за пять дней, и какими дорогами и в какую погоду! Я вступил в Париж как раз тогда, когда граф д'Артуа, предупреждённый по телеграфу, покидал Тюильри».

Наполеон настолько хорошо разбирался в положении дел в стране и в настроении народа, что знал: его успех ни в коей мере не зависел от войска, которое он мог привести с собой. «Небольшой отряд

* 1 марта император высадился в районе города Канны, в бухте Жуан.

2 марта вступил в Грасс.

3 марта спал в Бареме.

4 марта обедал в городке Динь и спал в деревушке Малиже.

5 марта спал в Гапе.

6 марта ночевал в городе Корп и на следующий день сразу же за городом выступил с речью перед солдатами 5-го пехотного полка, которые устроили братание с солдатами, сопровождавшими Наполеона. Несколько часов спустя к нему присоединился Лабедойер во главе солдат 7-го пехотного полка.

7 марта прибыл в Гренобль и там остановился.

8 марта спал в Бургуэне.

10 марта достиг Лиона, где остановился на несколько дней.

13 марта спал в Маконе. Выпущена знаменитая прокламация Нея.

14 марта спал в Шалоне.

15 марта спал в Отоне.

16 марта спал в Авалоне.

17 марта приехал в Осер, где остановился на один день и где к нему присоединился князь Московский.

20 марта прибыл в Фонтенбло в четыре часа утра, а в девять часов вечера был в Тюильри.

жандармов, — сказал он, — вот всё, что необходимо». Всё произошло именно так, как он и рассчитывал: «Победа приближалась, как пуля, летящая к цели, и национальное знамя развевалось от колокольни к колокольне, пока, наконец, его не водрузили на башнях собора Парижской Богоматери». Император, тем не менее, признал, что поначалу он пребывал в состоянии беспокойства и неопределённости. По мере того, как он двигался в направлении Парижа, всё население с энтузиазмом выступало на его стороне, но он не видел солдат, — их старательно отводили подальше от тех мест, где он проходил. И только когда он появился между Мюром и Визилем, в шести лье от Гренобля, на пятый день после высадки на берег Франции, ему встретился первый батальон солдат. Офицер, командовавший батальоном, отказался говорить с ним. Император, не колеблясь, двинулся вперёд в одиночестве, а сотня его гренадёров следовали за ним на некотором расстоянии, держа оружие прикладами вверх. Внешний вид Наполеона, особенно его серая военная просторная шинель, произвёл ошеломляющее впечатление на солдат батальона, и они остановились как вкопанные. Наполеон направился прямо к одному ветерану и, весьма бесцеремонно схватив его за бакенбарды, спросил, будет ли он столь бессердечным, чтобы убить своего императора. Солдат с глазами, полными слёз, немедленно вставил шомпол в свой мушкет, чтобы показать, что оружие не заряжено, и воскликнул: «Видишь, я не мог бы причинить тебе никакого вреда, и все другие солдаты тоже!» Крики «да здравствует император!» громогласно раздавались со всех сторон. Наполеон

приказал батальону развернуться, и все походным маршем двинулись вперёд, в столицу Франции.

Вблизи Гренобля к императору присоединился полковник Лабедойер во главе своего полка. Порыв войск затем повторялся, и вопрос был почти решён. Крестьяне Дофине, когда мимо проходил император, выстроились по обе стороны дороги; они находились в состоянии восторга и буквально сходили с ума от радости. Первый встреченный батальон, о котором только что говорилось, всё ещё проявлял некоторые признаки неуверенности, но тысячи людей, толпами идущие следом, своими возгласами «да здравствует император!» подбивали солдат батальона принять окончательное решение. В это время другие толпы людей, которые шли позади Наполеона, призывали его небольшое войско двигаться вперёд, заявляя, что ему абсолютно ничего не грозит.

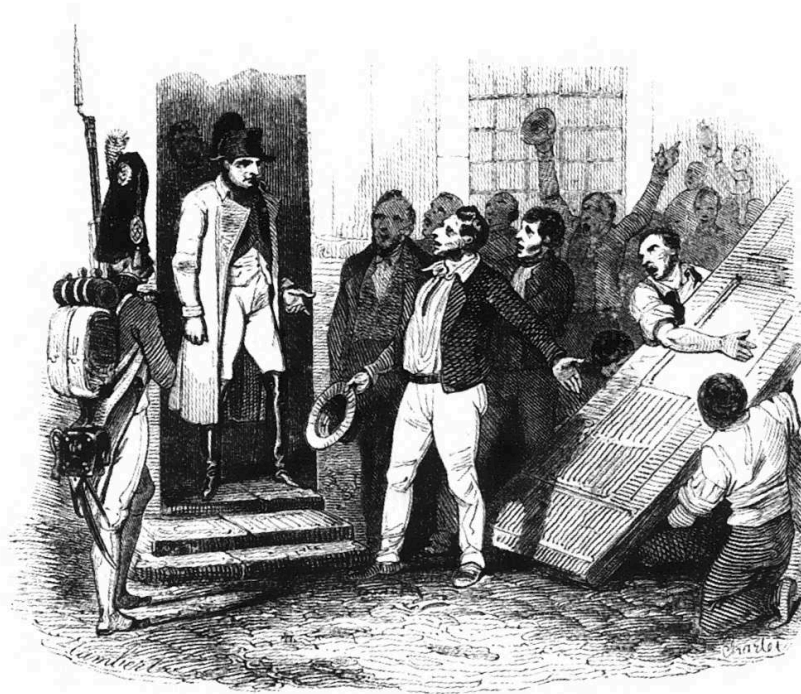
Когда они проходили одну долину, то увидели весьма трогательное зрелище: много местных общин собрались вместе в сопровождении своих мэров и священников. Среди массы народа обращал на себя внимание красивый молодой человек, гренадёр императорской гвардии, который, высадившись на берег Франции вместе с остальным войском Наполеона, сразу исчез. Его исчезновение дало повод для определённых подозрений. Сейчас же он вышел из толпы и бросился к ногам императора; его глаза блестели от слёз, одной рукой он поддерживал девяностолетнего старика, которого представил императору: то был его отец, на поиски которого он немедленно отправился после высадки. Когда император прибыл в Тюильри, он распорядился написать картину, сюжетом для которой стал этот случай.

Наступила ночь, когда Наполеон прибыл к стенам Гренобля; быстрота его походного марша расстроила все меры, которые следовало бы принять, чтобы оказать ему сопротивление. Не было времени, чтобы разрушить мосты и даже поднять по тревоге войска. Император обнаружил, что городские ворота закрыты. Полковник, командовавший крепостью, отказался открыть их. «Своеобразное обстоятельство, сопутствовавшее этой удивительной революции, — заявил император, — заключалось в том, что солдаты соблюдали дисциплину и слушались офицеров, своих командиров; их единственное сопротивление выражалось в бездействии, которое они считали своим неотъемлемым правом». Так, например, первый батальон выполнил все данные ему приказы, отступил и отказался общаться с войском Наполеона, но солдаты не стали заряжать свои пушки и не стали бы стрелять. Когда Наполеон появился у стен Гренобля, весь местный гарнизон собрался на крепостном валу и принялся кричать: «Да здравствует император!» Они обменивались рукопожатиями со сподвижниками Наполеона через открытые оконца крепостного вала, но они не отворили бы ворота, так как командир запретил им. Император счёл необходимым силой открыть ворота, и это было сделано под дулами десяти пушек на крепостном валу, заряженных крупной картечью. В довершение этой цепи своеобразных обстоятельств командир первого батальона и полковник, так открыто сопротивлявшиеся императору, теперь, когда он спросил их, может ли он на них положиться, ответили утвердительно: пусть войска покинули их, но они никогда не покинут своих солдат, и поскольку солдаты встали на сторону Наполеона, то и они будут верны ему. Император пригласил этих офицеров к себе на службу.

Ни в одном из своих сражений Наполеон не оказывался в такой опасности, как во время вступления в Гренобль. Казалось, что солдаты с угрожающим видом хотят наброситься на него и разорвать на куски. Но это были всего лишь порывы чувства любви и радости. Императора и его лошадь буквально несли на руках масса солдат, и едва он наконец свободно вздохнул в гостинице, где остановился, как на улицах города послышался всё возрастающий шум, — это пришли жители Гренобля, чтобы преподнести ему ворота города, поскольку они не могли вручить ему ключи от него. «Обосновавшись в Гренобле, — сказал император, — я достиг определённой власти и уже не уступил бы враждебным действиям, возникни в этом необходимость».

Наполеон в то время очень сожалел, что не взял с собой прокламации, отпечатанные на Эльбе, но, конечно, этого нельзя было сделать без риска, не обнаружив его тайные замыслы. Поэтому он диктовал свои прокламации на борту брига, где каждый, кто мог писать, был привлечён к их копированию. Необходимо было переписывать их вновь во время походного марша императора на Париж, чтобы распространять по дороге, настолько большой спрос был на них. Прокламаций не хватало, часто они были с ошибками и даже трудноразборчивыми, и всё же необходимость в них чувствовалась на каждом шагу, поскольку, где бы их не читали, они вызвали немедленную сильную реакцию. События последних двадцати лет способствовали просвещению народных масс, и при всей радости по

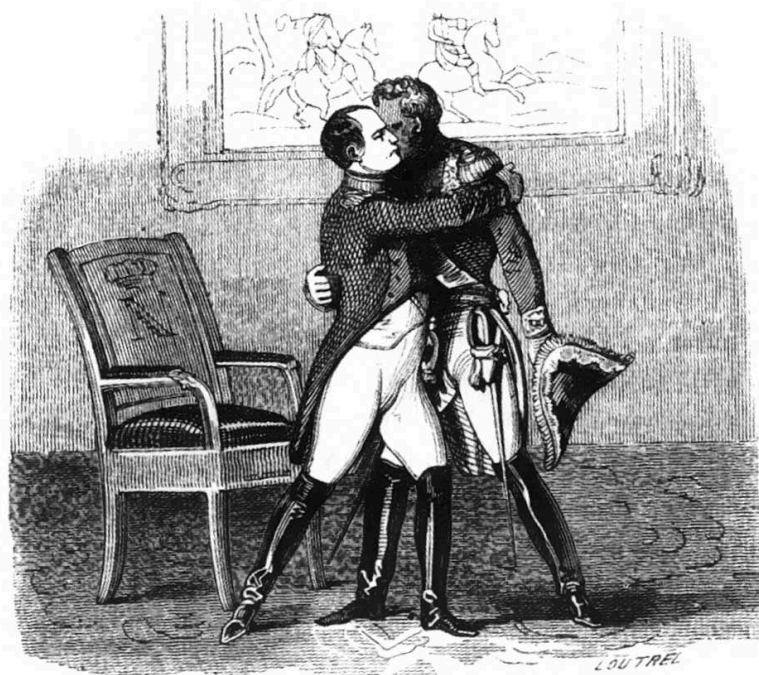
поводу возвращения императора народ страстно стремился узнать, какую цель он ставил перед собой. Все были довольны национальными чувствами и настроениями, высказанными в прокламациях; и наибольшая радость проявилась, когда народ понял, что Наполеон не привёл с собой иностранные войска. Его продвижение по стране было столь стремительным, а манёвры столь неожиданными, что повсюду распространялись тысячи разных слухов о размере и составе его вооружённых сил. Говорили, что его сопровождают неаполитанцы, австрийцы и даже турки.

Из Гренобля в Париж Наполеон совершил триумфальный походный марш. В течение четырёх дней пребывания в Лионе под его окнами беспрерывно собиралось до двадцати тысяч человек, и они без конца шумно приветствовали его, и император ни на минуту не отдалялся от своих подданных. Он подписывал декреты, давал распоряжения, проводил смотры войскам; военные, представители общественных организаций, граждане всех классов приходили к нему, чтобы засвидетельствовать своё уважение и продемонстрировать свою преданность. Даже национальная конная гвардия, в состав которой входили наиболее горячие приверженцы короля, обратилась с просьбой разрешить сформировать его эскорт; но это были единственные лица, которых император принял с нескрываемой холодностью. «Господа, — сказал он, — я благодарю вас за предложение поступить ко мне на службу, но ваше поведение в отношении графа д'Артуа в достаточной степени показывает, как вы будете действовать в отношении моей особы, если фортуна отвернётся от меня. Я не стану подвергать вас этому новому испытанию». Покидая Лион, граф д'Артуа, как говорят, нашёл только одного конного гвардейца, готового последовать за ним в Париж. Император, сердце которого было остро восприимчиво к каждому проявлению благородства, узнав о верности этого добровольца, распорядился наградить его орденом Почётного легиона.

В Лионе Наполеон отдал распоряжения, через посредство прокламаций, со всей той чёткостью, твёрдостью и уверенностью, которые обычно свойственны устоявшейся и непрерываемой власти. В его поведении не было заметно ни малейшего следа ужасных злоключений, которые он так недавно испытал, и огромного риска, с которым ему ещё предстояло столкнуться. Если позволительно вспомнить разные обстоятельства, которые имели место, то я хочу рассказать об одной весьма приятной неофициальной истории, показательной с точки зрения хладнокровия, проявленного Наполеоном во время крупного кризиса.

Как только император покинул Лион, он написал письмо Нею, который со своей армией находился в Лон-ле-Сонье, что тот немедленно должен двинуться со всем войском, чтобы присоединиться

к нему. Ней, оказавшийся среди всеобщей неразберихи, оставленный своими войсками, поставленный в тупик прокламациями императора, обращениями наследников королевского престола и дезертирством гарнизона Лиона, сломленный энтузиазмом жителей соседних провинций, — Ней, дитя революции, уступил общему порыву и отдал свой знаменитый приказ на текущий день. Но память о событиях Фонтенбло заставила его написать императору, что в своём поведении в последние дни он руководствуется главным образом интересами страны и что, убеждённый, что он потерял всякое право на доверие Наполеона, просит разрешения подать в отставку. Император вновь написал Нею, выразив пожелание, чтобы тот немедленно присоединился к нему, и уверив, что примет его так же, как принял его на следующий день после битвы под Москвой. Ней, представший перед императором, явно не мог оправиться от сильнейшего смущения и стал повторять, что если он потерял всякое доверие императора, то он ни о чём не просит, кроме как стать одним из его

гренадёров. «Конечно, — заявил император, — он вёл себя очень плохо по отношению ко мне, но как я мог забыть его изумительное мужество и героизм, которыми отмечена его прошлая жизнь! Я бросился обнять его, назвал *храбрейшим из храбрых*, — и с этой минуты мы помирились».

Весь путь из Лиона в Париж император проделал почти с курьерской почтовой скоростью. Он нигде не встретил сопротивления, и на всём пути не произошло ни единой вооружённой стычки. Его

присутствие вызывало всего лишь смену театральных актов на политической сцене. Его передовой отряд был составлен из войск, которые оказались впереди него на дороге, и именно к этому отряду были высланы курьеры. Таким образом Наполеон вступил в Париж, эскортируемый теми самыми войсками, которые ещё утром были посланы навстречу ему, чтобы оказать ему сопротивление. Полк, стоявший в Монтеро, стихийно перешёл мост, ведущий в Мелюн, и атаковал отряд личной охраны короля, размещённый в этом месте, — как говорят, это обстоятельство вызвало внезапный отъезд королевской семьи.

Император часто говорит нам, что если бы он посчитал необходимым, то смог бы привести с собой в Париж два миллиона крестьян. При его приближении народ массой вставал на его сторону; и император часто повторяет, что не было заговорщиков, выступавших против общего мнения.

На следующий день после прибытия Наполеона в Тюильри кто-то заметил, что его жизнь представляла собой сплошную вереницу чудес, но последнее чудо превзошло все остальные. Я слышал, как император в ответ сказал, что в этом последнем случае его единственная заслуга в том, что он составил правильное представление о положении во Франции и смог достучаться до сердец французов. В другой раз он сказал нам во время разговора на эту же тему: «Исключая Лабедойера, который устремился ко мне, полный энтузиазма и любви, и ещё одного человека, который открыто оказал мне важные услуги, почти все другие генералы, которых я встретил

на своём пути, проявляли неуверенность и неопределённость в своих планах: они уступали только в результате порыва своих войск и явно не показывали своего враждебного отношения ко мне.

Сейчас всем понятно — заявил император, — что Ней покинул Париж, преданный королю. И то, что он спустя несколько дней выступил против него, произошло потому, что, как он считал, он не мог поступить иначе.

Я был настолько далёк от того, чтобы полагаться на Массену, что, высадившись на берег Франции, я чувствовал себя обязанным пройти мимо него как можно быстрее; и когда я спросил его позже в Париже, как бы он поступил, если бы я не покинул Прованс так стремительно, он достаточно откровенно ответил, что затрудняется дать ясный ответ на мой вопрос, но что тот маршрут, которым я следовал, во всяком случае был наиболее безопасным и самым лучшим.

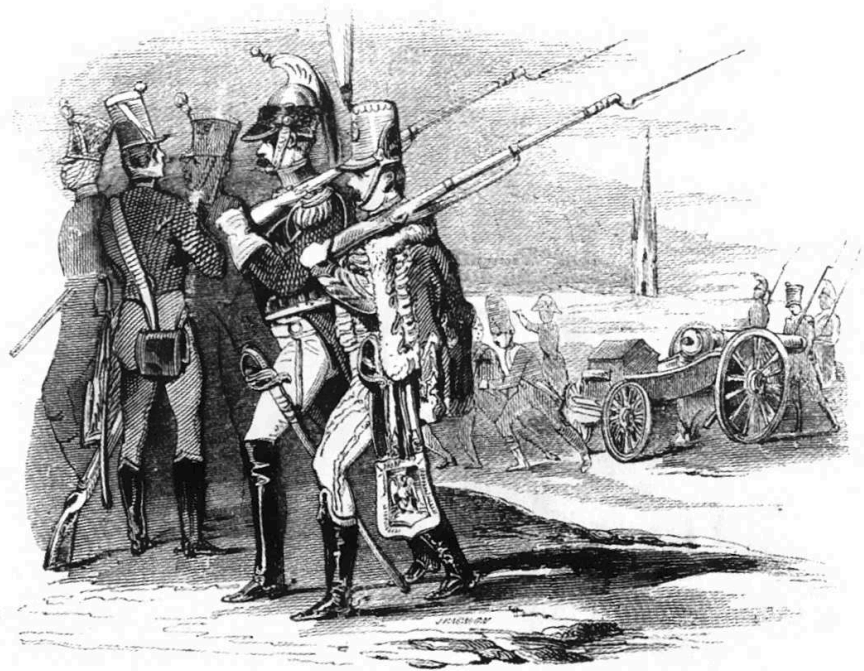
Сен-Сир чувствовал себя в опасности, пытаясь обуздать солдат, которыми он командовал.

Сульт признался мне, что испытывает искреннее уважение к королю, восхищается его правлением и не вернётся ко мне на службу раньше *Майского поля* — то есть ежегодного народного собрания.

Макдональд так и не появился, а маршал Виктор, герцог Беллуно, последовал за королём в Гент. Таким образом, — заявил император, — если у Бурбонов есть причина жаловаться на полное дезертирство солдат и народа, то, несомненно, у них нет права попрекать в нелояльности верхушку армии, тех учеников и даже лидеров революции, которые, несмотря на двадцатипятилетний опыт, оказались в данном случае всего лишь детьми в политике. Их нельзя рассматривать ни в качестве эмигрантов, ни в качестве патриотов!»

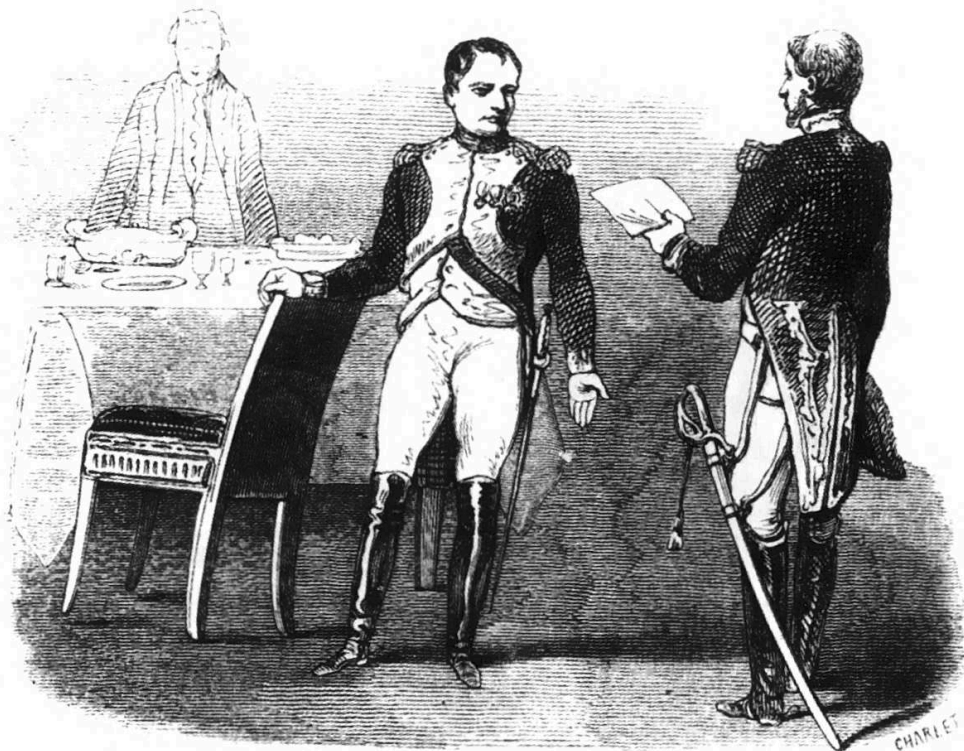
Наполеон, казалось, был инстинктивно привержен своему великому принципу воздействовать только на массы и действовать с помощью масс. И в начале задуманного возвращения во Францию, и после его высадки на её берег Наполеону не раз настоятельно советовали вступить в деловые отношения с некоторыми высокопоставленными лицами страны, но на это неизменно следовал один и тот же великолепный ответ: «Если народ по-прежнему хранит меня в своём сердце, то меня мало интересуют лица, стоящие у власти, а если я могу полагаться только на последних, то каким образом они могут помочь мне в противостоянии с народными массами?»

Следующий факт подтвердит, что Наполеон почти не придавал значения необходимости установить связь с высшими слоями населения столицы. Утром того дня, когда он вступил в Париж после возвращения с Эльбы, сто пятьдесят отставных офицеров вышли из Сен-Дени, где они были размещены принцами королевской семьи,

и двинулись в столицу, имея с собой четыре пушки. По пути их встретили несколько генералов, вставших во главе этой колонны; и затем это маленькое войско проследовало ко дворцу Тюильри, где оно объединилось с главами различных департаментов кабинета министров, которые все договорились между собой действовать от имени императора. Таким образом, в тот день Париж спокойно управлялся потоком различных мнений и порывом чувств личных привязанностей. Никто из главных сторонников императора, никто из его бывших министров, не получив от него никаких сообщений, не посмел подписать приказ или взять на себя какую-либо ответственность. Правительственные газеты не вышли бы на следующий день, если бы не усердие частных лиц, которые стихийно, действуя на свой страх и риск, заполнили страницы газет выражениями чувств, которыми они были охвачены, и сообщениями о происходивших событиях. Подобным же образом Лавалетт взял под свой контроль почтамт. В тот день Париж остался без полиции и без правительства, но всё же никогда столицей не владело большее спокойствие.

Император прибыл во дворец Тюильри примерно в девять часов вечера, сопровождаемый эскортом в составе ста конных гвардейцев, точно так же, как если бы он вернулся из одной из своих загородных резиденций. Когда он спешил, то был почти задушен в объятиях толпы военных и гражданских лиц, которые вплотную окружили его и пронесли императора на руках в его гостиную во дворце. Там он обнаружил приготовленный для него обед, и он только было уселся за стол, как прибыл офицер, отправленный утром в Венсенн,

чтобы потребовать сдачи крепости. Офицер доложил о капитуляции командира крепости, единственным условием для сдачи которой он поставил выдачу паспортов для него и для членов его семьи.

На следующее утро после того, как в Тюильри прибыл император, произошло любопытное событие. В то время, когда послали в город гонца в поисках трёхцветного флага, такой флаг был найден в павильоне Марсан во время обследования помещений дворца для принятия мер предосторожности. Флаг был немедленно поднят. Он был вполне новым и несколько больше обычного размера. Никто не мог объяснить, каким образом этот флаг попал в Тюильри и для какой цели он предназначался.

Фактически, чем больше проливается свет на события, связанные с возвращением императора во Францию с Эльбы, тем становится очевиднее, что в основе этого возвращения не было никакого иного тайного сговора, кроме естественного хода этих событий. Только отдельные политические группировки могут в нынешнее время выискивать возможность существования сомнений в этом вопросе. У истории никакого сомнения не будет.

Через несколько дней после переезда Наполеона в Лонгвуд его возвращение во Францию с Эльбы стало предметом разговора среди офицеров, которых ему представили. Один из них заметил, что это удивительное событие в глазах Европы выглядело контрастом между всем тем, что было ничтожным, и тем, что было величественным.

Бурбоны сбежали при приближении одного человека, который благодаря личным усилиям смело осуществил завоевание империи. «Сударь, — заявил император, — вы ошибаетесь, у вас неправильное представление о том, что произошло. Бурбонам нельзя отказать в мужестве, они сделали всё, что могли. Граф д'Артуа поспешил в Лион, герцогиня Ангулемская доказала в Бордо, что она настоящая героиня, и герцог Ангулемский оказывал мне всё сопротивление, на которое он был способен. Если, несмотря на это, они не смогли добиться положительного результата, то причину их неудачи следует искать не в их деятельности, а в силе обстоятельств. Бурбоны, каждый в отдельности, не могли сделать больше того, что они сделали, но зараза распространилась по всем направлениям»

Поэма о Карле Великом — Братья и сёстры императора, которые стали писателями

15 сентября 1816 года

Сегодня император воспользовался хорошей погодой, чтобы совершить прогулку в сад Восточно-Индийской компании. Я один сопровождал его. Я сделал несколько заявлений и отважился предложить ему ряд идей, но он их отверг, посчитав абсурдными. «Не

несите вздора, мой дорогой Лас-Каз, — сказал император. — Вы настоящий простофиля. Но не обижайтесь на этот эпитет, — добавил он, — я говорю его не каждому: для меня это всего лишь синоним честного человека».

После обеда император попытался читать поэму о Карле Великом, которую он взял вчера вечером, но вновь отложил её в сторону. Этот вечер, как и два предыдущих, был поделён между Карлом Великим и Гомером. О последнем император сказал, что он читает его ради улучшения настроения. Он вновь критиковал принца Люсьена и восхищался Гомером.

Кто-то из присутствовавших сообщил императору, что у Люсьена готова для печати другая поэма — «Шарль Мартель на Корсике», и добавил, что Люсьен, кроме того, написал дюжину трагедий. «Какого чёрта, да он взбесился!» — воскликнул император.

Тогда ему сообщили, что и его брат Луи написал роман. «В его произведении могут присутствовать ум и изящество, — заявил император, — но в нём будет смесь сентиментальной метафизики и философского абсурда».

Упомянули, что принцесса Элиза тоже написала роман и что даже принцесса Полина внесла какой-то вклад в литературу. «Да, — подтвердил император, — возможно, в качестве героини романа, но не в качестве автора... Получается, — продолжал он, — что все мои братья и сёстры — авторы литературных произведений, за исключением Каролины. Та в детстве считалась дурочкой и Золушкой, но с годами превратилась в очень красивую и очень умную женщину».

Нехватка провизии — Весёлая софистика — О невозможном

16 сентября 1816 года

Утром слуга пришёл мне сказать, что на завтрак не будет ни кофе, ни сахара, ни молока, ни хлеба. Вчера за несколько часов до обеда я, почувствовав голод, попросил кусок хлеба, но мне ответили, что хлеба для меня не найдётся. Таким образом, нам было отказано в предметах жизненной необходимости. Этому факту едва ли можно поверить, но, тем не менее, я пишу чистую правду.

Погода стала прекрасной. Несколько дней император был не в состоянии гулять на свежем воздухе, но сегодня он вышел в сад и потом заказал карету с намерением совершить свою обычную поездку, которые он на долгое время прекратил. Когда мы гуляли, госпожа де Монтолон отогнала прочь собаку, которая близко подошла

к ней. «Вы не любите собак?» — спросил император. — «Нет, сир». — «Если вы не любите собак, то вам не нравится верность; вы не любите тех, кто предан вам, и поэтому вы не заслуживаете доверия». — «Но... но...» — произнесла она. — «Но... но...» — передразнил её император. — Где ошибка в моей логике? Докажите несостоятельность моих аргументов, если сможете!»

Несколько дней тому назад один из членов императорской свиты предложил провести некоторые химические опыты. Позже император поинтересовался, добился ли тот успеха в их проведении. Его собеседник пожаловался, что у него не было необходимых инструментов. «Вот уж истинное дитя Сены, — воскликнул Наполеон, — настоящий парижанин! Вы думаете, что по-прежнему находитесь в Тюильри? Истинное мастерство состоит не в том, чтобы оно осуществлялось известными и проверенными средствами: доказательство искусства и гениальности заключается в том, чтобы добиться цели несмотря на трудности и избежать всего невозможного. Но на что вы жалуетесь? На отсутствие пестика, когда планка любого кресла могла бы выручить вас? На отсутствие ступы? Всё может служить ступой, если вы так решите: стол является ступой, любой горшок или котелок представляет собой ступу. Вы думаете, что по-прежнему находитесь на улице Сен-Оноре среди парижских лавок?»

В этот момент гофмаршал заметил, что данное обстоятельство напомнило ему о том, что произошло, когда он в первый раз имел честь быть представленным Наполеону и когда он услышал первые слова императора, обращённые к нему лично. Когда Бертран готовился покинуть французскую армию в Италии, чтобы проследовать с заданием в Константинополь, молодой генерал, узнав, что Бертран был офицером инженерных войск, дал ему поручение по этой части. «Вернувшись из штаба, — сказал Бертран, — я подошёл к вам и сообщил, что, как я выяснил, порученное мне дело выполнить невозможно. В ответ Ваше Величество, заметив, что я обратился к вам с большой неуверенностью, сказал ласковым тоном: “Давайте разберёмся, как вы собрались выполнять это задание. Вполне вероятно, что то, что вы нашли невозможным делом, может оказаться для меня не совсем таким”. Соответственно, — продолжал Бертран, — когда я упомянул о средствах, с помощью которых я предложил выполнить ваше поручение, вы немедленно заменили их другими. Через несколько минут я уже был полностью убеждён в превосходстве планов Вашего Величества; и это обстоятельство обогатило меня чувствами и воспоминаниями, которые с тех пор оказались для меня очень полезными».

Император рано отправился спать. Мы заметили, что он внешне очень изменился, особенно после своей последней болезни. Он очень ослабел и стал чувствовать усталость после двух кругов прогулки в саду.

Статистический расчёт — Израильтяне в Египте

17 — 18 сентября 1816 года

Полностью установилась прекрасная погода. Император отправился в сад, сопровождаемый всей своей свитой. Немного погуляв там, он направился в лес. Вернувшись с прогулки, мы все вместе завтракали в шатре; и, поскольку погода была приятной, император захотел проехаться в карете.

Примерно в пять часов вечера он пожелал, чтобы я явился в его кабинет и помог ему в поисках документальных материалов о внутренних областях Африки, граничивших с Египтом. Этот вопрос его занимает в течение последних дней, так как он намерен посвятить ему несколько глав в своей рукописи о кампании в Египте.

Он пожаловался на нездоровье и попросил заказать чай для него, что было несколько необычно для его установившихся привычек.

Вскоре после этого явился гофмаршал, который стал вместо меня писать под диктовку императора.

После обеда император с карандашом в руке стал исследовать данные о сравнительной продуктивности почвы Египта и Франции. Он выяснил, что продуктивность почвы Франции намного ниже продуктивности египетской почвы. Это расчёт был частично позаимствован из книги Пёше «Статистические отчёты Франции». Император был удовлетворён полученным им результатом: он соответствовал той точке зрения, которую он ранее сформировал. Это исследование, разумеется, привело к рассмотрению некоторых других проблем; например, какой была вероятная и возможная численность населения Египта в древние времена? Какой могла быть численность израильтян, если, пока они оставались в неволе, их численность возросла до уровня, упомянутого в Библии? И так далее. Император пожелал, чтобы я на следующий день представил ему возможный ответ на последний вопрос. Продолжительное обсуждение было посвящено проблеме вероятного увеличения продолжительности человеческой жизни. Таблицы с расчётами, связанными с этой проблемой, также были обнаружены в работе Пёше; и по этому вопросу император сделал ряд весьма непривычных и поразительных замечаний.

Я представил императору расчёты, которые он мне поручил сделать. Полученный результат несколько не удивил его и стал предметом продолжительного обсуждения. Вот суть моих расчётов, которые я представил императору.

Израильтяне оставались в Египте двести лет, в течение которых мы можем насчитать десять поколений, которые женились в довольно раннем возрасте, и их браки были очень плодовитыми. Я предположил, что дети Иакова, главы двенадцати колен, должны были все жениться; я также предположил, что каждый из них имел такое же количество детей, как их родители. Десятое поколение, следовательно, должно было бы дойти до 2 480 064 704 человек. Но девятое поколение и даже восьмое всё ещё существовали. Получается огромное число. Даже если вычесть детскую смертность, несчастные случаи, болезни и т.д., всё равно очевидно, что ни один сделанный расчёт не будет противоречить подсчёту Моисея. Довольно много времени император посвятил попыткам обнаружить ошибки в моей аргументации и потом показывал их мне.

Во время обеда он практиковался в английском, задавая моему сыну вопросы на этом языке по истории и геометрии. После обеда император взял в руки «Одиссею», чтение которой доставило всем нам истинное наслаждение.

Император теряет силы — Продажа серебряного столового сервиза

19 сентября 1816 года

Наполеон провёл утро за сбором данных об источниках Нила, используя труды нескольких современных авторов, включая Брюса, и я помогал ему в этой работе. В три часа дня он оделся и вышел на прогулку. Погода была сравнительно хорошая. Он заказал карету, и затем мы пешком отправились в лес и дошли почти до самого «Сигнального Холма». Он беседовал со мной о занятой нами нравственной позиции, и, даже учитывая наши с ним близкие отношения, всё вызывало его раздражение.

Нас догнала карета, в которой уже находились господин и госпожа де Монтолон. Император был этому очень рад, так как он сказал, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы пешком возвращаться домой. Он явно выглядел слабым, его поступь стала тяжёлой и замедленной, а его внешний вид изменился к худшему. Его сходство с братом Жозефом стало удивительным, — настолько, что, когда я на днях пошёл навстречу ему в саду, то мог поклясться, что передо мной Жозеф, до того момента, пока не подошёл к императору совсем близко. Другие, как и я, также заметили это сходство; и мы часто говорим, что если бы мы верили *ясновидению* шотландских горцев, то были бы склонны ожидать, что нечто чрезвычайное случится с Жозефом или с императором.

Вернувшись, император рассматривал большую корзину, наполненную разломанными предметами из серебряного столового сервиза, которые на следующий день должны были быть отправлены в город. Серебро предназначалось для оплаты будущих добавок к нашему столу, необходимых вследствие последних сокращений губернатором расходов на наше пропитание.

Мы знали, что капитаны кораблей, принадлежавших Восточно-Индийской компании, предлагали до ста гиней за каждую тарелку из сервиза. Это обстоятельство заставило императора приказать изъять с предметов сервиза императорские гербы и разбить каждый предмет сервиза, чтобы не было никакого следа того, что он принадлежал ему. Все крышки на тарелках были увенчаны маленькими орлами; это единственные предметы сервиза, которые император пожелал сохранить и которые он припрятал. Эти крышки были объектами вожделений каждого из нас; мы считали их реликвиями. В этом чувстве было что-то религиозное и одновременно скорбное.

Когда наступил момент ломать серебряную посуду, он вызвал самое тягостное душевное волнение и искреннее горе среди слуг.

С огромным нежеланием они принялись разбивать молотком предметы их благоговения. Это действие расстроило все их представления о существовании справедливости в этом мире; оно стало для них кошунством, причиной безысходного отчаяния. Некоторые из них не могли сдержать слёз.

После обеда император продолжил чтение «Одиссеи» и потом прочитал несколько отрывков из поэмы Эсменара «Навигация», которая ему очень нравилась.

Новые неприятности от губернатора — Карта Италии

20 сентября 1816 года

Император послал слугу разбудить меня ещё до восьми часов утра, пожелав, чтобы я составил ему компанию, приехав с каретой в лес, где он уже прогуливался с Монтолоном, разговаривая о домашних расходах нашей французской колонии. Погода наконец разгулялась, было восхитительное осеннее утро. Мы сделали два круга в лесу.

Сегодня губернатор доставил нам новую и непостижимую неприятность. Он запретил нам продавать нашу разбитую серебряную посуду кому-либо, за исключением того, кого он назначит. Что стояло за этим его намерением? Желание стать ещё более отвратительным человеком и продемонстрировать новый пример своего злоупотребления властью.

Император завтракал в шатре; потом он сразу же стал диктовать генералу Гурго рукопись о сражении при Маренго. Он велел мне остаться с ними и слушать. Около двенадцати часов дня он удалился в свои апартаменты, чтобы попытаться поспать.

В три часа дня император вновь пришёл в мою комнату и увидел, что мы с сыном занимаемся сверкой рукописи о сражении при Арколе. Он знал, что это моя любимая глава всей рукописи о кампании в Италии и что я называю её песнью из «Илиады». Он захотел сам прочитать эту главу ещё раз и выразил своё удовольствие от неё.

Чтение рассказа о сражении при Арколе пробудило у императора идеи относительно того, что он называет «этот прекрасный театр военных действий — Италия». Он велел нам следовать за ним в гостиную, где он диктовал нам в течение нескольких часов. Император приказал расстелить на полу громадную карту Италии, которая заняла большую часть гостиной, и, разлёгшись на ней, стал ползать по карте, опираясь на руки и колени, с компасом и красным

карандашом в руке, сравнивая и измеряя расстояние длинным обрывком нитки, один из концов которой держали мы. «Вот именно таким образом, — сказал он мне, сам смеясь над позой, в которой я видел его, — страна должна быть измерена, чтобы иметь правильное представление о ней и чтобы составить хороший план военной кампании».

**Знаменитые векселя Сан-Доминго — Инспектора
войск и планы администрации — Годен, Мольен,
Дефермон, Лакюе — Министр казначейства
и статс-секретарь**

21 сентября 1816 года

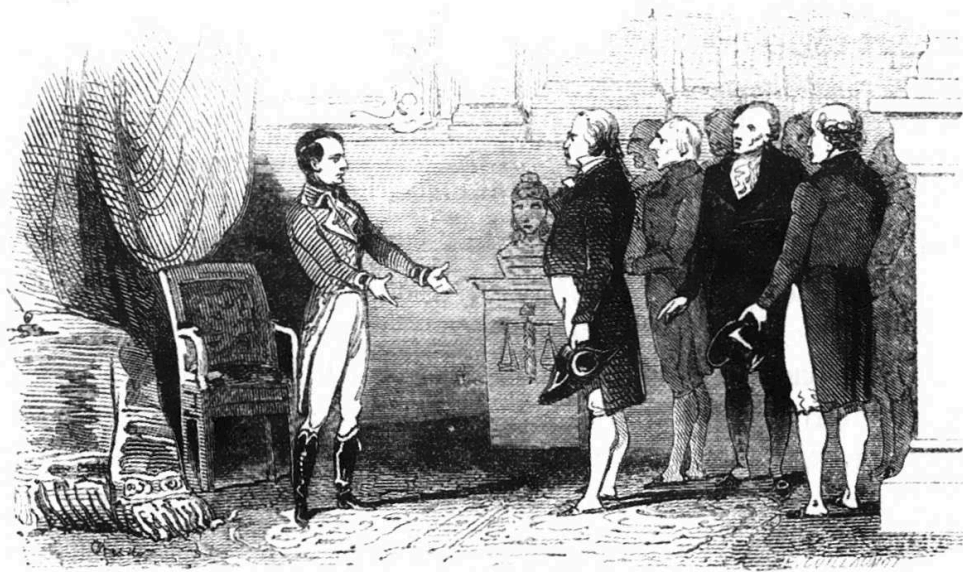
Сегодня мне нанёс визит адмирал Малькольм. Он пришёл попроситься со всеми нами; на следующий день ему предстоит отплыть на мыс Доброй Надежды, и он будет отсутствовать два месяца.

Мы очень сожалеем, что теряем адмирала; его манеры, всегда вежливые, и своего рода безмолвная симпатия, существующая между нами, постоянно контрастируют в наших мыслях с сэром Хадсоном Лоу, который так непохож на адмирала.

Адмирал встретился с императором, который тоже равнодушен к нему. Они сделали несколько прогулочных кругов в саду, и адмирал потом рассказал мне, что он получил отличную информацию относительно рек Шельда и Нивендип, а также морских учреждений в Голландии, которые были совершенно неизвестны ему; их основал Наполеон.

После обеда разговор зашёл о том, что император назвал делом о знаменитых векселях Сан-Доминго. Упоминание о них привело к рассказу о следующих любопытных подробностях. «В один прекрасный день распорядителю кредитов Сан-Доминго, — стал рассказывать император, — в голову пришла идея взять в банке на Мысе Доброй Надежды, не имея на то полномочий, сумму в шестьдесят миллионов в векселях на казначейство в Париже. Деньги по этим векселям должны были быть выплачены в тот же день. Франция тогда и, вероятно, никогда не была столь богатой, чтобы выполнить подобное требование. Кроме того, где и каким способом администрация Сан-Доминго получила такой кредит? Первый консул не мог в Париже распорядиться о выдаче такого кредита; разве только господин Неккер во времена пика своей популярности мог бы сделать это. Как бы то ни было, но когда эти векселя появились в Париже до прибытия уведомлений, то к Первому консулу обратилось казначейство с просьбой указать, что следует делать. “Подождите прибытия уведомлений, — ответил Первый консул, — чтобы выяснить сущность сделки. Казначейство является тем же самым капиталистом; оно обладает теми же правами и должно следовать той же деловой практике. Эти векселя не приняты, они, соответственно, не подлежат оплате”. Наконец необходимая информация и письменные поручительства прибыли. Эти векселя констатировали полученную сумму, но расписки чиновников, ведавших казначейством, в чьи руки были выплачены деньги, свидетельствовали о получении только одной десятой, одной пятой и одной трети суммы соответствующих векселей. Поэтому казначейство было готово признать и выплатить сумму, действительно и честно внесённую; векселя были объявлены фальшивыми.

Это решение вызвало большой шум и привело к волнению в среде купцов. Их делегация нанесла визит Первому консулу, который, несколько не стараясь избежать встречи с ней, сразу же открыл совещание, спросив купцов: не принимают ли они его за ребёнка, не думают ли они, что он не станет беречь народ и не будет стоять на страже интересов общества? То, что он отказался выдать, — заявил он, — не имеет отношения к его личным интересам, но является общественной собственностью, на страже которой он стоит, и именно поэтому она становится ещё более священной в его глазах. Затем,

обратившись к двум персонам, возглавившим делегацию, он сказал: “Вы, господа, будучи купцами, банкирами, людьми делового мира, дайте мне ясный ответ. Если один из ваших зарубежных представителей собирается взять с вашего счёта в банке очень большую сумму, вопреки вашим ожиданиям и вашим интересам, то вы согласитесь с этим, вы оплатите его векселя?” Те были вынуждены признать, что они не согласятся с этим и не будут оплачивать подобные векселя. “Тогда, — сказал Первый консул, — вы, будучи обычными собственниками, отвечающими только за свои действия, вы хотите иметь право, в котором отказываете мне, собственнику от имени всего народа, который в этом качестве всегда подчиняется обществу и подлежит проверке! Нет, господа, я буду пользоваться вашими привилегиями от имени народа и ради пользы народа; действительный размер суммы, полученной по вашим векселям, будет выплачен вам, но не сверх неё. Я не прошу купцов принимать векселя моих представителей: это такая честь, такой знак доверия, которых я не домогаюсь; если купцы возьмут их, то только на собственный страх и риск; я признаю акцептование векселей только моим министром казначейства и считаю это для себя священным”. Мои гости продолжали сетовать и завели долгий и пустой разговор. Они будут вынуждены, заявили они, объявить себя банкротами; они приняли эти векселя за наличные деньги; их зарубежные представители совершили ошибку, взяв их из-за уважения и доверия к правительству. “Ладно, — согласился Первый консул, — будьте банкротами”. Но они ими не стали, добавил император. Они не принимали эти векселя за наличные деньги, и их зарубежные представители не совершали никакой ошибки.

Это дело о векселях, — сказал император, — объясняет многие другие сделки, о которых немало говорилось в Париже при моей администрации. Коммерческий мир, в частности, заявлял и повторял, что мой поступок был беспримерным, что подобное нарушение доверия было прежде неслыханным явлением. На это Первый консул ответил, что он уладит весь вопрос, сославшись на имевшиеся прецеденты, и напомнил всем о биллях Людовика XIV, о ликвидации регентства и компании Миссисипи, о прекращении войн 1763-го и 1782 годов и т.д., и доказал коммерческому миру, что то, что они называли беспримерным поступком, было постоянной практикой монархии».

Обсудив дело о векселях, император начал разговор о деятельности различных ветвей своей администрации. Он защищал идею учреждения должности инспекторов войск. «Только благодаря им можно было установить действительное количество имевшихся в строю солдат; только благодаря их работе было получено это преимущество, имевшее громадное значение для проведения активных военных операций. И эти инспекторы были не менее полезны с административной точки зрения, ибо, какие бы пустяковые злоупотребления ни существовали и какими бы многочисленными эти злоупотребления ни были, благодаря инспекторам соблюдался главный принцип деятельности администрации: подобные злоупотребления подлежали расследованию. И для того, чтобы справедливо оценить полезность учреждения этой должности, следует спросить, какие другие злоупотребления могли бы возникнуть, не будь инспекторов войск? Что касается меня, — заявил Наполеон, — то при проверке понесённых расходов, выясняя, в какую сумму обходится содержание общего числа войск в соответствии с их фиксированным жалованьем, я всегда находил, что сумма, выплачиваемая казначейством, не оправдывает мои расчёты. Поэтому армия стоила меньше, чем она должна была стоять, — какой результат мог бы быть более полезным?»

Император сослался на министерство военно-морского флота как наиболее профессиональное и наиболее честное; оно стало образцом для других министерств. «В этом, — заявил он, — состоит большая заслуга Декре». Император считал, что Франция слишком большая страна, чтобы иметь только одного министра для руководства военным министерством. «Это, — заявил он, — непосильная задача для одного человека. Я долго раздумывал над планом учреждения во Франции двадцати или двадцати пяти военных округов, равных количеству армий. Было бы именно такое же количество воинских частей учёта и отчётности, было бы двадцать заместителей министра; для этого необходимо было найти двадцать честных человек. Министр имел бы только двадцать служащих; он бы централизовал всю деятельность министерства и заставил бы аппарат работать быстрее.

Господа Годен и Мольтен, — заявил император, — придерживались того мнения, что необходимо, чтобы главные сборщики податей, национальные финансисты и подрядчики обладали очень большими состояниями и имели возможность открыто получать значительные доходы, что позволяло бы сохранять к ним определённую степень уважения, а они тогда стали бы более осторожными, чтобы не поставить под угрозу это уважение и собственную честь. Иначе мы не имели бы возможности получать от них поддержку, верную службу и кредит в случае нужды.

Другая группа лиц, в том числе Дефермон, Лакюе и Марбуа, считала, напротив, что нельзя быть слишком на виду и слишком увлекаться обогащением. Что касается меня, то я был склонен придерживаться мнения первых, считая точку зрения вторых ограниченной и скорее пригодной для полка, а не для армии, для расходов одной частной семьи, а не огромной империи. Я называл их пуританами и янсенистами в своей профессии».

Император заявил, что министр казначейства и министр-статс-секретарь были именно те две должности, учреждением которых он особо гордился. От этих двух министров он получал наибольшую помощь. «Министр казначейства сконцентрировал у себя все денежные запасы и контролировал все расходы империи. От министра-статс-секретаря исходили все государственные акты. Он был министром министров, вдыхая жизнь во все промежуточные законы; он был великим нотариусом империи, подписывая и удостоверяя все документы. Посредством первого я знал в любую минуту состояние моих дел, и посредством второго я давал знать о моих решениях и о моих желаниях повсюду и по всем направлениям. Таким образом, именно с моим министром казначейства и с моим статс-секретарём и с полдюжиной чиновников я обычно осуществлял правление империей в отдалённых частях Иллирии или на территории у берегов реки Неман с такой же лёгкостью, как и в моей столице».

Император не мог понять, каким образом могли совершаться дела при четырёх или пяти статс-секретарях у наших королей. «Ведь каждый из них придумывал, выполнял и контролировал собственные операции. Они могли действовать в прямом противоречии друг с другом; а поскольку короли только ставили свою подпись на последней странице предлагавшихся планов или проектов своих указов, статс-секретари могли действовать, как им заблагорассудится, не боясь никакой ответственности. Добавьте к этому, что статс-секретари имели собственные печати, на которых были гравированы их подписи, — затея, которую они хотели, чтобы я одобрил, но которую я отверг как орудие труда, предназначенное для *ленивых королей*. У одних министров могли быть бюджетные деньги, для которых у них не было надлежащего применения, а другие были

неспособны что-то предпринять, поскольку не имели ни гроша. Не существовало общего центра, чтобы объединить их деятельность, обеспечить государственные потребности и руководить исполнением всех намеченных мер».

Переработка глав об Итальянской кампании

22 сентября 1816 года

Император возобновил свои исследования о Египте. Он дал мне просмотреть сборник научных работ древнегреческого географа и историка Страбона; сборник был издан по распоряжению императора. Он с одобрением отозвался о тщательности, с которой издан этот сборник, и сказал, что у него было намерение издать, со временем, все работы древних авторов, официальным распоряжением возложив эту обязанность на Институт. Перед обедом император вызвал меня с моим сыном и провёл с нами по крайней мере шесть часов, перечитывая и редактируя главы о Тальяменто, Леобене и Венеции.

Всё прекрасно в этих главах рукописи о кампании в Италии. В главе о реке Тальяменто мы видим, как одно-единственное незаметное перемещение сил на берегах этой реки, один из тех манёвров, которые император называет *мыслью сражения*, должно неизбежно привести французов к воротам Вены. Глава о Венеции написана в манере древних авторов. Тем не менее последняя прочитанная глава всегда кажется наиболее привлекательной.

Я чувствовал себя чрезвычайно больным и очень уставшим — не столько из-за усталости, вызванной работой, сколько из-за физического недомогания. Вечером мы наслаждались чтением — описанием отъезда Улисса с острова Калипсо и его пребывание среди феаков.

О чувствительности — О различиях между жителями Востока и Запада

23 сентября 1816 года

Утром император, беседуя с нами в своей комнате, после того, как были затронуты несколько тем, стал говорить о сентиментальности, о чувствах и о чувствительности. Сославшись на одного из нас (генерала Гурго), который, как заметил император, никогда не произносит имени своей матери без того, чтобы у него не появились слёзы в глазах, император сказал: «Но разве это характерно для него? Разве это является его обычным чувством? Разве вы тоже

испытываете такое чувство, или я бессердечен в этом отношении? Конечно, я люблю свою мать всем сердцем, и нет ничего такого, чего бы я не сделал ради неё, но, тем не менее, если мне придётся услышать о её смерти, то не думаю, что моё горе проявит себя даже единственной слезой. С другой стороны, я не стал бы утверждать, что не пролью слезу, если мне предстоит потерять друга, или мою жену, или моего сына. Не основана ли эта разница природой, характером человека? Что может быть причиной этого? Не потому ли это происходит, что мой разум заранее подготовил меня к ожиданию смерти моей матери в результате естественного хода событий, в то время как потеря жены или сына является неожиданным происшествием, ужасным ударом, нанесённым судьбой, с которой я пытаюсь бороться? Возможно также, что эта разница является всего лишь проявлением нашей естественной склонности к эгоизму. Я принадлежу своей матери, но моя жена и сын принадлежат мне». И он продолжал приводить различные доводы в поддержку своей точки зрения с его обычной изобретательностью, в которой всегда что-то есть оригинальное и удивительное.

Было очевидно, что император нежно относится к жене и к сыну. Те люди, которые служили ему в составе обслуживающего персонала императорского двора, теперь рассказывают нам, как он любил не отказывать себе в удовольствии изливать чувство нежности к своей семье, и отмечают некоторые черты его характера, о существовании которых в своё время мы совершенно не подозревали. Время от времени император брал сына на руки и обнимал его с самой

пылкой демонстрацией отцовской любви. Но чаще его любовь к сыну проявлялась в шутиливом поддразнивании или причудливых шалостях. Если он встречал сына в саду, то валил его на траву или разбрасывал его игрушки. Каждое утро во время завтрака к императору приносили сына, и он тогда не мешал ребёнку пачкаться всем, до чего тот мог дотянуться на столе. Что касается его жены, то ни дня не проходило здесь, на острове Святой Елены, чтобы император не упоминал её во время конфиденциальных бесед со мной; если беседы занимали продолжительное время, то какая-то их часть посвящалась ей, или она становилась целиком предметом нашего разговора. Не было ни одного обстоятельства, касавшегося её, которые император не повторил бы мне тысячу раз. Пенелопа после десятилетнего отсутствия Улисса, чтобы убедиться в том, что её не обманывают, задала ему несколько вопросов, на которое мог ответить только муж. Ну что ж! Я думаю, что мне будет нетрудно представить Марии Луизе удостоверение моей личности.

Вечером император, говоря о различных нациях, заявил, что ему известны только две — люди Востока и люди Запада. «Англичане, французы, итальянцы и т.д., — утверждал он, — составляют одну семью и образуют западный тип людей: у них одни и те же законы, одни и те же манеры и нравы, одни и те же обычаи; и они полностью отличны от восточных людей, особенно в отношении женщин и слуг. Восточные люди имеют рабов, — наши слуги обладают свободой; восточные люди держат взаперти своих женщин, — наши жёны во всём делят наши права; восточные люди содержат сераль, — на Западе ни в какой период полигамия не признавалась. Существуют и другие различия, — заявил император, — говорят, что их можно насчитать до восьмидесяти. Поэтому жители Востока и Запада представляют собой две различные нации: у восточных людей всё рассчитано на то, чтобы они могли контролировать своих жён и быть уверенными в них, тогда как все наши институты на Западе направлены на то, чтобы лишить нас власти следить за нашими жёнами и сделать так, чтобы мы только доверяли им.

У нас каждый человек, который не хочет, чтобы его считали за идиота, должен иметь какое-то занятие; и пока он внимателен к своему делу и выполняет обязанности своего положения, кто будет следить за его женой вместо него? Поэтому мы должны, при наших нравах, полностью полагаться на честь наших женщин и безоговорочно доверять им. Что касается меня, — добавил он добродушно, — то у меня были и жёны, и любовницы, но мне никогда не приходило в голову пользоваться особыми мерами предосторожности, чтобы следить за ними, так как я считал, что заниматься подобными

вещами — то же самое, что бояться кинжала и яда в определённых ситуациях; мучение от стремления защитить себя от них бывает более сильным, чем та опасность, которую мы хотим избежать, поэтому лучший выход заключается в том, чтобы довериться своей судьбе. Однако решение задачи, какой метод лучше, наш или восточных людей, — довольно запутанный вопрос. Хотя, вероятно, не для вас, милые дамы, — заявил император, бросив лукавый взгляд на тех дам, которые присутствовали при разговоре. — Тем не менее очевидно, что было бы большой ошибкой предполагать, что восточные люди имеют меньше радостей и удовольствий в жизни, чем имеем их мы, и менее счастливы, чем жители Запада. На Востоке мужа очень любят своих жён, и их жёны очень преданы своим мужьям. У них столько же шансов быть счастливыми, сколько и у нас, как бы ни казались они столь отличными от нас; ибо всё является традиционным для людей, даже в тех чувствах, которые, как можно предположить, продиктованы одной только природой. Кроме того, женщины на Востоке обладают своими правами и привилегиями, так же, как наши женщины обладают своими: было бы совершенно невозможно помешать им отправиться в общественную баню, как невозможно помешать нашим женщинам пойти в церковь; но и те и другие злоупотребляют своей свободой. Поэтому, как видите, воображение и чувства человеческой природы ограничены очень узкими пределами; одни и те же вещи, с небольшими исключениями и с небольшой разницей, можно встретить повсюду».

Затем он продолжил беседу тем, что стал объяснять или оправдывать в очень откровенной манере полигамию, существующую среди людей Востока. «Полигамия никогда не существовала на Западе, — заявил император. — Греки, римляне, галлы, немцы, испанцы, британцы никогда не имели больше одной жены. На Востоке, с другой стороны, полигамия существовала во все времена: евреи, ассирийцы, татары, персы, туркмены — все они имели несколько жён. Откуда могло возникнуть это всеобщее и постоянное отличие? Возникло ли оно благодаря случаю и простому капризу? Зависело ли оно от физиологических особенностей организма людей? Нет. Были ли женщины менее многочисленны, соразмерно, среди нас, чем в Азии? Нет. Были ли женщины более многочисленны на Востоке, чем мужчины? Нет. Было ли у них другое телосложение? Тоже нет. Все народы Запада имеют одну и ту же форму тела, один и тот же цвет кожи; они вместе составляют единую нацию, одну семью; вполне возможно, что в момент сотворения мира этим народам был определён только один помощник — счастливый, превосходный, милосердный закон, который очищает сердце мужчины, возвышает положение женщины и обеспечивает им двоим массу моральных

удовольствий! С другой стороны, народы Востока отличаются друг от друга не меньше, чем день ото дня, своими формами тела и цветом кожи, которая у них может быть и белой, и чёрной, и цвета меди, и смесью разных цветов. Первой вещью, о которой этим народам приходилось думать, было их сохранение, установление единокровного братства между ними, без которого они вечно подвергались бы гонениям, притеснениям и угрозе уничтожения друг другом. Задача сохранения этих народов могла быть решена только с помощью института полигамии, права иметь одновременно жён с белым, чёрным, оливковым цветом кожи и с кожей цвета меди. Женщины с различным цветом кожи стали частью одной и той же семьи и оказались объединёнными главой этой семьи.

Магомет, — добавил император, — судя по всему, был знаком с тайной сохранения народов Азии и руководствовался в своих действиях этой тайной — иначе, как же так получилось, что он, который так мало отклонялся от христианства, не пресёк полигамию? Вы мне хотите ответить, что он сохранил полигамию только потому, что его религия была полностью сенсуалистической? В этом случае он разрешил бы мусульманам безграничное число жён, в то время как он лимитировал их количество только четырьмя жёнами, которые, видимо, подразумевали одну с чёрной кожей, одну с белой кожей, одну с кожей цвета меди и одну с кожей мулатки.

Кроме того, давайте не станем предполагать, что благо этого закона распространялось на практике на всю нацию или что было много жён у каждого. В действительности одиннадцать двенадцатых населения имеют только одну жену, так как они не могут содержать больше одной, но полигамия была оправдана для достижения главной цели: смешение рас, существующее благодаря полигамии в высших слоях азиатских стран, достаточно для создания союза и полного равенства между всеми этими странами. Поэтому мы должны признать, — заключил император, — что если полигамия не была результатом некой политической комбинации, если она обязана своим происхождением только одному случаю, то этот случай создал не меньше, чем мог бы осуществить здравый смысл».

Император заявил, что он серьёзно думал о применении этого принципа полигамии в наших колониях, чтобы привести в соответствие благоденствие негров с необходимостью использовать их на работе. Он даже, как он сказал, консультировался со священниками по этой проблеме, чтобы выяснить, нет ли средств, учитывая местные условия, примирить религиозные доктрины с этой практикой.

Император продолжал рассуждать в том же духе до тех пор, пока не наступила полночь.

О Голландии и короле Луи — Недовольство императора членами его семьи — Письмо брату императора

24 сентября 1816 года

Император вызвал меня в свой кабинет днём, примерно в половине первого. Наш разговор зашёл об авторах, благодаря которым свет истории доставлен нам от отдалённых времён древних веков до настоящего времени. Обсуждение этой темы привело к тому, что император стал читать ту часть первой таблицы моего «Исторического Атласа», в которой приводится перечисление этих авторов и которая даёт возможность сразу же представить всю картину.

В разговоре был затронут вопрос о многообразии человеческого рода. Император распорядился, чтобы ему принесли работу Бюффона, проливающую свет на эту проблему, и некоторое время продолжал заниматься поиском информации по этому вопросу.

Одевшись, император послал за моим сыном, и мы четыре часа работали над главами о военной кампании в Италии.

Когда эта работа была закончена, речь, после обсуждения различных тем, зашла о Голландии и короле Луи, в отношении которого Наполеон высказал ряд замечаний, достойных внимания.

«Луи не лишён ума, — заявил император, — и у него доброе сердце; но даже с этими качествами человек может совершить много ошибок и принести немало вреда. Луи от природы склонен к причудам и к странностям, а произведения Жан-Жака Руссо способствовали усилению этих черт его характера. Стремясь завоевать репутацию восприимчивого и доброго человека, Луи, неспособный расширить свои воззрения и, в лучшем случае, компетентный в решении мелких локальных задач, поступал во всех делах скорее как префект, а не как король.

Как только он прибыл в Голландию, то, вообразив, что лучше всего будет заявить, что он отныне является истинным голландцем, полностью перешёл на сторону тех, кто благосклонно относился к англичанам, стал поддерживать контрабанду и, таким образом, попустительствовал нашим врагам. С этого времени возникла необходимость внимательно наблюдать за ним и даже угрожать нападением на Голландию. Тогда Луи, стремясь прикрыть слабость своего характера невероятным упрямством и принимая вызванное им возмущение в обществе за проявление героизма, сбежал с трона, обвиняя меня в ненасытном властолюбии и в невыносимой тирании. Что мне оставалось делать? Должен ли я был отдать Голландию врагам? Следовало ли мне дать ей другого короля? Но и тогда разве мог я ожидать от него большего, чем от собственного брата? Разве

все короли, которых я создал, не вели себя в той же манере? Поэтому я объединил Голландию с моей империей; и это решение вызвало в Европе в отношении меня самое неблагоприятное впечатление и немало содействовало тому, чтобы проложить дорогу к нашим бедам.

Луи нравилось приводить Люсьена в качестве примера: Люсьен вёл себя почти таким же образом; и если в поздний период времени он раскаялся и даже великодушно исправлял свои ошибки, то это его поведение делало честь его личности, но не могло привести положительное изменение в наши дела.

Когда в 1815 году я вернулся с Эльбы, Луи написал мне длинное письмо из Рима и прислал мне своего посла. Это было его соглашением со мной, писал он, условия, на которых он вернётся ко мне. Я ответил, что не пойду с ним ни на какие соглашения, что он — мой брат и что если он вернётся, то будет тепло принят.

Подумать только, одно из его условий заключалось в том, что он должен был получить право на развод с Гортензией! Я резко отчитал направленного ко мне посла за то, что тот посмел представить мне подобное абсурдное предложение, и за то, что он поверил, будто такое предложение когда-либо может стать предметом переговоров. Я напомнил Луи о том, что наши семейные правила решительным образом запрещают подобный поступок, и заявил ему, что предложенный им развод не может быть оправдан с политической и нравственной точек зрения, а также в глазах общественного мнения. Далее, руководствуясь этими мотивами, я заверил его в том, что если его детям предстоит потеря их положения из-за его ошибочного поведения, то я должен буду чувствовать себя обязанным больше заботиться о защите их интересов, чем его, хотя он и брат мне.

Вероятно, можно найти извинение причудам характера Луи в прискорбном состоянии его здоровья с юных лет, в тех ужасных обстоятельствах, при которых это состояние ухудшалось и которые должны были оказать значительное влияние на его рассудок: он иногда находился на краю смерти и с тех пор всегда был подвержен состоянию крайней немоги; половина его тела была почти парализована.

Так что очевидно, — добавил император, — что я получал мало помощи от членов моей семьи, и они нанесли огромный вред мне и моим великим планам. Энергию моего характера часто превозносили, но я был тряпкой в отношении моей семьи; и хорошо зная об этом, они, когда проходила первая минута моего гнева, всегда добивались своего настойчивостью и упрямством. Я уставал от споров с ними, и они делали со мной всё, что хотели. Я совершил большие ошибки. Если бы каждый из них дал общий толчок развитию всего того, что я поручал им, то мы бы прошли маршем по всему миру;

всё и вся уступали бы нам дорогу. Мы бы изменили лицо мира; Европа наслаждалась бы выгодами новой системы, и мы бы получили благословение человечества!

Я не был столь удачлив, как Чингизхан с его четырьмя сыновьями, каждый из которых соперничал с братьями в усердии на службе у отца. Как только я делал человека королём, он сразу же считал себя королём *Божьей милостью*, настолько заразительным является использование этого выражения. Таким образом, он больше не был моим помощником, на которого я мог бы положиться, он становился новым врагом, от которого я вынужден был защищаться. Его усилия направлялись не на то, чтобы поддерживать меня, а на то, чтобы сделать себя независимым. Все они немедленно воображали, что их подданные отдают предпочтение им, а не мне, и что их больше обожают, чем меня. С этого момента я превращался в препятствие на их пути, я становился угрозой для их существования! Законные монархи не стали бы вести себя по-иному, если бы они не считали, что их власть утвердилась. Слабоумные люди! А ведь, когда я пал, они имели основание убедиться в том, что враг даже не оказал им чести потребовать от них отказа от королевского звания, даже не стал упоминать об этом. Если сейчас они подвергаются притеснениям, то это из-за того, что победители желают продемонстрировать силу своей власти или стремятся удовлетворить чувство своей мести. Если члены моей семьи и вызывают живой интерес у человечества, то это потому, что они мои родственники и были связаны со мной общим делом; но, несомненно, никто из них и пальцем не пошевелит из риска оказаться малейшей угрозой для победителей. Вопреки философскому подходу к жизни некоторых из них (ибо кое-кто из них заявлял, по моде камергеров Сен-Жерменского предместья, что их *вынуждали* становиться королями), их падение должно бы стать весьма чувствительным для них, так как они быстро привыкли к удовольствиям и комфорту своего положения, — они действительно становились королями. Благодаря моим трудам все они наслаждались только выгодами королевской власти; я один решал их проблемы. Всё время я нёс мир на своих плечах; и это занятие, между прочим, достаточно утомительно.

Возможно, мне зададут вопрос: зачем я упорствовал в создании такого количества государств и королевств? Этого требовали нравы Европы и её положение. Каждый раз, когда очередная страна входила в состав Франции, это событие усиливало всеобщую тревогу, которая и так уже была немалой, вызывало громкие протесты и уменьшало шансы на установление мира в Европе. Тогда почему, спросят меня, я потворствовал своему тщеславию, усаживая каждого члена моей семьи на трон? (Ибо большинство людей считало, что меня к этому побуждало только тщеславие.) Почему я не делал

выбора в пользу других лиц, обладавших большими способностями? На это я отвечаю, что обязанности владельца трона ничего общего не имеют с функциями префекта; таланты и способности столь широко распространены в настоящее время в массе народа, что следует быть осторожным, надо избегать возможного соперничества. В том состоянии нестабильности, в котором мы пребываем, и с нашими современными институтами нам надлежит значительно больше думать о консолидации и концентрации наследственного права преемственности, чтобы избежать бесчисленных проявлений вражды, разногласия и неудач. Если и был какой-нибудь недостаток в моей личности и в моём быстром восхождении к вершине власти, согласно плану создания всеобщей гармонии, который я задумал ради покоя и счастья всего мира, то он заключался в том, что я вознёсся из самой глубины народной массы. Я чувствовал, что в одиночестве стою особняком и бросаю якоря в море во все стороны. Естественно, где ещё я мог бы искать поддержку, если не в среде моих родственников? Мог ли я ожидать большей поддержки от чужих людей? И следует признать, что если члены моей семьи имели глупость разорвать эти священные узы, то нравственность народа, стоящая выше их слепой безрассудности, частично достигла моей цели. С ними их подданные чувствовали себя более спокойными, более объединёнными, словно одной семьёй.

Подведём итоги: не следует поверхностно рассматривать решения подобной важности; они принимались с учётом установления наивысшего общественного строя, они были связаны с достижением состояния умиротворённости человечества, с возможностью коренного улучшения условий его существования. Если, вопреки тому, что все эти меры принимались с самыми лучшими намерениями, кажется, что поставленная цель сделать благо постоянным для народа не была достигнута, то мы должны признать правдивость того великого принципа, что управление государством является очень трудным делом для тех, кто хочет добросовестно заниматься этим».

Приводимое ниже письмо послужит тому, чтобы пролить свет на слова Наполеона о поведении его брата в Голландии.

«Замок Марраш, 3 апреля 1808 года

Сир и брат! Час назад ревизор Д. доставил мне Ваше послание, датированное 22-м марта. Я посылаю курьера, который отвезёт это письмо Вам в Голландию.

Применение привилегии помилования, которую Вы только что использовали, ничего не принесёт, кроме очень плохих последствий. Эта привилегия является одной из самых прекрасных и благородных атрибутов монаршей власти. Для того чтобы не дискредитировать её,

эту привилегию следует использовать только в тех случаях, когда королевское милосердие не наносит вреда целям законности или когда оно оставляет впечатление, что является результатом благородных чувств. Рассматриваемый случай является преступным актом со стороны шайки бандитов, которые напали и убили несколько офицеров таможни ради того, чтобы продолжать заниматься контрабандой. Эти люди приговорены к смертной казни; и Ваше Величество распространяет королевское милосердие на шайку убийц, на людей, которых никто не может жалеть. Если бы их схватили во время совершения ими акта контрабанды, если бы, защищая себя, они убили несколько офицеров, то тогда Вы могли бы принять во внимание положение их семей и их собственную судьбу и показали бы пример некоего отеческого чувства, смягчив строгость закона и заменив смертный приговор пожизненным заключением. Это, в случаях приговора за нарушение законов о налогах и особенно в случаях политических преступлений, оправдывает акт милосердия. В этих случаях применим тот принцип, что если совершается покушение на монарха, то можно проявить определённое великодушие в помиловании преступника. При первом сообщении о деле подобного рода немедленно возникает чувство симпатии общества в пользу правонарушителя, а не в пользу того, кому предстоит определить меру наказания. Если монарх смягчает приговор, то народ считает его стоящим выше совершённого проступка и возмущение общества направляется против тех, кто посягнул на особу монарха. Если монарх придерживается обратного образа действий, то его считают мстительным и деспотичным. Если же он прощает жестокие преступления, то его считают слабым или монархом, который руководствуется плохими намерениями.

Не предполагайте, что привилегию милосердия можно всегда использовать безопасно и что общество всегда будет хвалить её применение. Монарха порицают, когда он применяет её в пользу убийц и злостных правонарушителей, так как милосердие тогда становится вредным для интересов общества. Вы слишком часто проявляли королевское милосердие. Не следует прислушиваться к доброте Вашего сердца, когда она может стать пагубной для народа. В деле с евреями я поступил бы так же, как и Вы, но в деле с контрабандистами из Мидделбурга я ни в коем случае их не простил бы. По многим причинам Вам следует позволить правосудию идти своим курсом и дать пример исполнения закона, которое произвело бы отличный результат, предотвратив многие преступления подобного рода. Если в разгар ночи убивают офицеров, находящихся на государственной службе, то убийц должен ожидать самый суровый приговор. Ваше Величество заменяет смертную казнь несколькими годами

тюремного заключения. До какой же степени подобное решение ведёт к тому, чтобы лишить энтузиазма всех тех, кто занят сбором Ваших налогов! Политический эффект от этого решения также весьма неблагоприятен по следующим причинам: Голландия была тем самым каналом, по которому Англия в течение многих лет вывозила свои товары на континент. Голландские купцы извлекали огромные доходы благодаря этой торговой политике, и именно по этой причине голландская нация равнодушна к Англии и к контрабанде, и поэтому она ненавидит Францию, которая запрещает контрабанду и противостоит Англии. Милосердие, которое Вы проявили по отношению к этим контрабандистам и убийцам, является своего рода Вашим подарком голландцам с их склонностью к контрабанде. Вы производите впечатление их союзника. И против кого? Против меня.

Голландцы любят Вас: у Вас прекрасный характер, у Вас непринуждённые манеры, и Вы правите ими в соответствии со своими наклонностями; но Вы бы добились пользы от своего влияния, если бы категорическим образом решили положить конец контрабанде и открыли бы голландцам глаза на их истинные интересы; они бы тогда считали, что система запрещения контрабанды действительно хороша, поскольку эту систему поддерживает король. Я не могу понять, какую пользу Ваше Величество может извлечь из того вида популярности, которую Вы приобрели за мой счёт. Конечно, Голландия сейчас больше не та страна, какой она была во времена договора в Рисвике; и Франция не находится в том положении, в которое она была поставлена последние годы правления Людовика XIV. Поэтому, если Голландия не в силах следовать своей политике независимо от политики Франции, то она должна выполнять условия союза между нашими двумя странами.

Монархи не должны приспосабливать свою политику к сегодняшнему дню: объектом их внимания должно быть будущее. Каково в настоящее время положение Европы? С одной стороны — Англия, обладающая, благодаря исключительно собственным усилиям, властью, которой до настоящего времени был вынужден подчиняться весь мир. С другой стороны — Французская империя и континентальные государства, усиленные своим союзом, не могут согласиться с господством Англии. Эти государства также имели колонии и занимались морской торговлей; они владеют гораздо более протяжённым морским побережьем, чем Англия, но они оказались разединёнными, и Англия атаковала морские силы каждого из этих государств отдельно. В результате Англия торжествовала победу, а все военно-морские силы враждебных ей стран были уничтожены. Россия, Швеция, Франция и Испания, обладающие вполне достаточными средствами для того, чтобы иметь корабли и моряков, не

смеют рискнуть послать эскадру из своих портов. Именно поэтому Европа не может больше ожидать от конфедерации морских держав — конфедерации, которую, кроме всего, невозможно создать, учитывая дальние расстояния и столкновение различных интересов каждой державы с интересами других держав, — своего морского освобождения и принятия системы мирного сосуществования, которая может быть установлена только по желанию Англии.

Я хочу добиться мира на Земле, я хочу добиться его всеми средствами, совместимыми с достоинством могущества Франции, жертвуя всем, что может позволить себе наша национальная честь. С каждым днём я всё больше и больше чувствую, что мир необходим; и монархи других стран тоже стремятся установить мир. У меня отсутствует чувство страстного предубеждения против Англии, я не ношу в душе непреодолимую ненависть в отношении неё; против меня она настроена враждебно, против неё я принял континентальную систему — не столько из-за ревности властолюбия, как предполагают мои враги, сколько для того, чтобы заставить Англию признать необходимость урегулирования наших разногласий. Пусть Англия будет богатой и процветающей, — меня это не касается, при условии, что Франция и её союзники пользуются теми же преимуществами.

Континентальная система, поэтому, не преследует никакой другой цели, кроме той, чтобы приблизить момент, когда государственные права Французской империи будут окончательно признаны. Монархи северных стран Европы строго соблюдают и проводят в жизнь континентальную систему, и благодаря ей их торговля извлекла большую выгоду: промышленное производство Пруссии можно сейчас сравнить с нашим. Вам известно, что Франция и всё побережье от Лионского залива до Адриатического моря образующее в настоящее время часть империи, строго закрыты для товаров иностранной промышленности. Я собираюсь принять меры в отношении создавшейся ситуации в Испании, в результате которых Португалия будет оторвана от Англии и всё побережье Испании на обоих морях будет подчинено влиянию французской политики. Тогда побережье всей Европы будет закрыто для Англии, за исключением берегов Турции. Но Турция меня мало волнует, поскольку она не ведёт торговлю с Европой.

Разве Вы не понимаете из этого пояснения тех фатальных последствий, которые возникнут в результате предоставления Голландией благоприятных условий Англии для ввоза её товаров на континент? Они позволят Англии изымать у нас дотации, которые она потом предложит другим державам, чтобы они сражались против нас. Ваше Величество в такой же степени, как и я, заинтересованы в том, чтобы защитить себя от коварной политики английского кабинета

министров. Ещё несколько лет — и Англия захочет, так же сильно, как и я, установления мира на Земле. Посмотрите на положение дел в Вашем королевстве, и Вы увидите, что система, на которую я ссылаюсь, больше полезна для Вас, чем для меня. Голландия является морской и торговой державой; она имеет прекрасные морские порты, торговый флот, моряков, опытных морских командиров и колонии, которые не требуют никаких расходов от метрополии; и её жители так же хорошо понимают в торговле, как и англичане. Разве поэтому Голландия не заинтересована в защите всех этих преимуществ? Разве установление мира на Земле не вернёт ей то место, которое она раньше занимала? Допустим, что её положение может быть тяжёлым в течение нескольких лет, но разве это не предпочтительнее, чем опасность для короля Голландии стать всего лишь английским губернатором в этой стране, а для самой Голландии с её колониями — стать вассалом Великобритании? Тем не менее покровительство, которое Вы оказываете английской торговле, как раз и приведёт к этому результату. Примеры Сицилии и Португалии у Вас перед глазами.

Имейте терпение дождаться результатов. Вы хотите продавать спиртные напитки, а Англия хочет покупать их. Укажите место, куда английские контрабандисты могут приплыть и забрать их, но пусть они заплатят за них наличными деньгами, и никогда в виде товаров, *решительно никогда!* Мир будет наконец установлен, и тогда Вы заключите торговый договор с Англией. Вероятно, я тоже смогу заключить с ней торговый договор, но такой, в котором наши взаимные интересы будут обоюдно гарантированы. Если мы должны позволить Англии иметь превосходство на море, то это превосходство будет таким, за которое она заплатит своим богатством и своей кровью, оно будет естественным следствием её географического положения и её владений в трёх других частях Земного шара; по крайней мере, наши флаги будут свободно появляться в океане, не рискуя подвергнуться оскорблению, а наша морская торговля перестанет быть убыточной. В настоящее же время мы должны направить наши усилия на то, чтобы помешать Англии вмешиваться в дела континента.

К вышеупомянутым подробностям меня привели размышления над тем помилованием, которое Вы дали. Я решил высказать их Вам, так как я опасался, что Ваши голландские министры могут смутить Вас ложными точками зрения.

Я хочу, чтобы Вы серьёзно задумались над содержанием этого письма и сделали различные проблемы, затронутые в нём, предметом обсуждений на Вашем совете министров, чтобы Ваши министры могли дать надлежащее направление и тенденцию принимаемым

ими мерам. Ни под каким предлогом Франция не разрешит Голландии отделиться от континентальной системы.

Что касается тех контрабандистов, то, поскольку ошибка с ними уже допущена, сделанное не переделаешь. Тем не менее, я советую Вам не оставлять их в тюрьме Мидделбурга: она слишком близко от того места, где было совершено преступление; отправьте их в самую отдалённую часть Голландии. В настоящем письме я не затрагиваю других проблем, и т.д.

Наполеон».

Во время обеда император спросил конюха, как обстоят дела с его лошастью; конюх ответил, что её прекрасно кормят и её физическое состояние просто отличное. «Надеюсь, она не жалуется на меня, — сказал император. — Если лошади приходится вести жизнь каноника, несомненно, она не станет жаловаться». Прошло уже месяца три с тех пор, когда император последний раз ездил на лошади.

Рвение к работе — Идеи и планы Наполеона относительно нашей истории — Любопытные подробности о Меновале

25 — 27 сентября 1816 года

В течение нескольких последних дней император работал с большим усердием, каждое утро посвящая изучению Египта по работам античных авторов. Мы вместе просматривали работы Геродота, Плиния, Страбона и др., без какого-либо перерыва, за исключением того небольшого времени, которое требовалось для завтрака, сервированного на маленьком столе императора. Погода по-прежнему была плохая, и император ежедневно диктовал нам в течение всего дня.

За обедом он сообщил нам, что стал чувствовать себя намного лучше. Тогда мы сказали ему, что в течение последних дней он не выходил из дома, занимаясь работой по восемь, десять и двенадцать часов в день. «Это и есть причина, что я стал чувствовать себя лучше, — возразил он нам. — Работа — это моя стихия. Я был рождён и воспитан для работы. Я определил границы, за пределами которых у меня не оставалось сил даже идти пешком; я даже узнал меру возможностей моего зрения, но я никогда не знал пределов трудолюбия. Я почти угробил беднягу Меноваля; я был вынужден освободить его на некоторое время от его прямых обязанностей и отправить для поправления здоровья на службу к Марии Луизе, на должность, которая была всего лишь синекурой».

Император добавил, что если бы он был в Европе и у него было свободное время, то он стал бы писать работы по истории. Он высказал сожаление, что исторические труды часто пишутся с безразличием. Исследования, которыми он недавно занимался, подтвердили для него этот факт, причём в такой степени, о которой он даже не подозревал.

«У нас нет хороших книг по истории, — заявил он, — и мы не могли иметь их; и в этом отношении другие страны Европы находятся почти в таком же неприятном положении, как и мы. Монахи и привилегированные особы, то есть люди, которым не чужды злоупотребления и которые неприязненно относятся к объективной информации и к знаниям, монополизировали эту отрасль научной литературы; они говорят нам то, что сами считают нужным, то, что отвечает их интересам, потворствует их увлечениям и соответствует их точке зрения! Я составил план исправления, по возможности, этого зла. Например, я был намерен назначить комиссию из членов Института и других эрудированных людей, чтобы они с помощью общественного мнения могли подсказать мне, что необходимо исправить, раскритиковать и какие исторические летописи издать заново. Я также хотел добавить комментарии к работам античных авторов, произведения которых попадают в руки нашей молодёжи, чтобы объяснять им эти произведения, со ссылкой на наши современные институты. С хорошей программой, конкуренцией и наградами моё намерение было бы выполнено; всего можно добиться с помощью подобных средств».

Император затем повторил то, что, как я думаю, я уже упоминал ранее: что он был намерен дать распоряжение написать историю правления наших последних королей на основе подлинных документов, хранившихся в архивах министерства иностранных дел. Некоторые рукописи, античные и современные, хранились и в Императорской библиотеке, и он хотел, чтобы они были отпечатаны и классифицированы по различным отраслям науки, литературы, искусства и т.д.

У императора было несколько других планов подобного рода. И будет ли другое время, столь же благоприятное для выполнения этих планов? Будут ли вновь объединены в одном человеке гениальность, чтобы создавать их, и власть, чтобы выполнить их?

Для того чтобы прекратить издание бесчисленного количества слабых работ, которые наводнили всю страну, не посягая при этом на свободу прессы, император спросил, будут ли какие-нибудь возражения против создания Совета, составленного из членов Института, Университета и лиц, назначенных правительством, который бы проверял все работы в отношении следующих трёх позиций — науки, нравственности и политики, давал этим работам критическую

оценку и определял степень достоинства каждой из них. Этот Совет стал бы своего рода светом, при помощи которого общество могло бы лучше рассмотреть эти работы; он бы служил гарантом в пользу работ, обладавших истинными достоинствами, обеспечивал им успех и, таким образом, вызывал бы здоровое соперничество; в то же время Совет препятствовал бы публикации слабых произведений.

Все наши вечера посвящаются «Одиссее», от которой мы получаем настоящее наслаждение. Полифем, Тирезий и сирены просто очаровали нас.

Следующие подробности касаются господина Меневаль, которого император упоминал выше: они бесценны, так как представляют Наполеона в сфере его частной жизни.

Император, когда был Первым консулом, пожаловался, что у него нет секретаря. Он только что отказался от услуг секретаря, который служил ему в этом качестве во время военной кампании в Италии и экспедиции в Египет; тот человек (Бурьенн), обладавший большим умом, был его старинным приятелем ещё со времён совместной учёбы в военной школе. Император был очень привязан к своему секретарю, но ему пришлось расстаться с ним. Тогда его брат Жозеф предложил ему своего секретаря, служившего у него совсем недолго. Наполеон принял это предложение и приобрёл сокровище. Об этом император с тех пор говорил неоднократно. Это был Меневаль, которого император со временем сделал бароном, докладчиком в Государственном совете и секретарём императрицы Марии Луизы.

Когда Меневаль стал служить Первому консулу, он получил должность секретаря в ранге министра; в отношении него было даже принято пространное постановление, главная статья которого предписывала, что он никогда, ни под каким предлогом не должен иметь своего собственного секретаря и пользоваться услугами переписчика. Это условие строго соблюдалось.

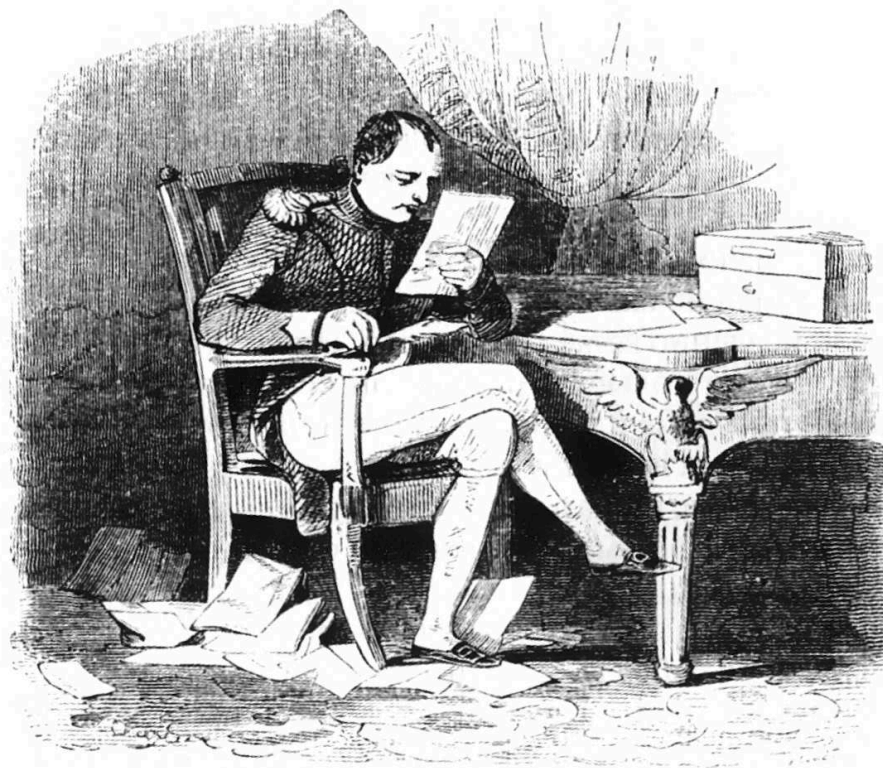
Господин Меневаль был человеком мягким и сдержанным, он мог работать в любое время и любое количество часов. У императора никогда не было причины быть недовольным им, и он очень привязался к господину Меневалю. Секретарь обычно занимался всеми текущими вопросами, а также всеми делами, которые возникали в результате непредвиденного случая или внезапной мысли, приходившей в голову императора. Какое множество дел, планов и замыслов обсуждалось и проходило через него! Он вскрывал и читал все письма, адресованные императору, сортировал их, писал под его диктовку.

Император диктовал настолько быстро, что чаще всего для того, чтобы поспеть за ним, секретарь был вынужден стараться запоминать

слова, вместо того чтобы пытаться записывать их в ту минуту, когда они произносились. В этом Меневаль особенно преуспел. Со временем Меневалю было поручено самому писать ответы по многим вопросам. Он легко мог бы приобрести большое влияние, но в его характере не было такого стремления.

Император почти всегда находился в своём кабинете, — можно сказать, что он проводил в нём целый день и часть ночи. Обычно он ложился спать в десять или в одиннадцать часов вечера и вновь поднимался с постели сразу после полуночи, чтобы поработать ещё несколько часов. Иногда он посылал за Меневалем, но чаще всего он ночью этого не делал; зная о его усердии, император обычно говорил ему: «Вы не должны убивать себя».

Когда утром император входил в свой кабинет, то находил на столе кипу документов, уже подготовленных для него Меневалем, который приходил в кабинет раньше императора. Если император иногда позволял себе не заходить в кабинет в течение суток или

даже двух, то его секретарь обычно напоминал ему об этом и говорил, что император накажет себя тем, что будет завален массой бумаг, которых скапливается всё больше и больше, и что вскоре кабинет будет весь полон ими. На это император обычно добродушно отвечал: «Не беспокойтесь, кабинет вскоре будет очищен». Так в действительности и происходило, ибо через несколько часов

все ответы императора были отправлены, и даже решены текущие вопросы. Верно и то, что он, просматривая большое число писем, не отвечал на многие из них, отбрасывая в сторону всё, что считал бесполезным, даже письма от своих министров. К этому они привыкли, и когда не получали ответа на свои письма, то понимали, что это значит. Император читал все адресованные ему письма; на некоторые он отвечал, написав несколько слов на полях полученного письма, ответы на другие письма он диктовал. Те письма, которые представляли большую важность, он всегда откладывал в сторону, чтобы потом перечитать и ответить на них спустя некоторое время. Покидая кабинет, император обычно перечислял дела особой важности, вкратце сообщая секретарю варианты их решения, и назначал час, к которому следовало подготовить для него проекты документов по этим делам. Его указания всегда пунктуально выполнялись. Если император не появлялся в назначенный час, то Меневаль следовал за ним по пятам по всем комнатам и залам дворца, напоминая о документах. В некоторых случаях император шёл в кабинет и решал срочный вопрос, в других он обычно говорил: «Завтра! Ночь — хороший советчик». Это была привычная для него фраза, и он часто говорил, что и правда работает намного усерднее ночью, чем днём; не потому, что мысли о деле мешали ему заснуть, но потому, что он спал с перерывами; когда он нуждался в отдыхе, ему было достаточно короткого сна.

Часто случалось, что во время военных кампаний императора внезапно будили ночью в связи с чрезвычайными обстоятельствами; он тогда немедленно вставал с постели, и нельзя было догадаться по его виду, что он только что спал: он сообщал своё решение по возникшей проблеме или диктовал ответ на срочный запрос так же ясно и с такой же свежестью мысли, как в любой другой час суток. Это своё состояние он называл *послеполуночным присутствием духа*, и он обладал им в весьма необычайной степени. Иногда случалось, что императора будили чуть ли не десять раз в течение одной ночи, и каждый раз, подходя к его постели, видели его вновь спящим, поскольку он не добрал необходимых ему часов сна.

Однажды, когда он с гордостью говорил одному из своих министров (генералу Кларку) о своей способности засыпать по желанию в любое время и о том малом количестве сна, которое ему требуется, Кларк ответил ему шутливым тоном: «Да, сир, и в этом заключена причина наших страданий, поскольку вы часто отдыхаете за наш счёт; поэтому мы приходим к вам иногда за нашей долей сна».

Император осуществлял непосредственное руководство государством, опираясь на свой кабинет министров. Чаще всего на вакантные министерские посты он назначал людей по своему выбору, а не

тех лиц, которых ему предлагали. Он читал предложения, подготовленные его министрами, и затем или принимал их, или отвергал, или корректировал. Он даже писал ноты своего министра иностранных дел, которые диктовал Меневалю. От Меневаля у него не было секретов. Именно через посредство Меневаля он осуществлял переписку с различными монархами; в обращениях к ним он соблюдал форму, которую почерпнул из стародавней корреспонденции глав государств и строгому соблюдению которой он придавал большое значение.

Все министры обсуждали государственные дела вместе с императором в один определённый день недели, назначенный для этой цели, если ничто не мешало этому. Доклад каждого министра обсуждался в присутствии всех других министров, которым разрешалось высказывать своё мнение относительно обсуждаемой проблемы, и, таким образом, каждый из них имел возможность сократить количество своих докладных записок императору; протоколы заседаний кабинета министров должны составлять множество томов. Документы с записью принятых решений представлялись на подпись императору через посредство его секретаря-министра, который ставил на документах вторую подпись. Иногда некоторые из этих документов возвращались неподписанными на заседание кабинета министров для повторной проверки и исправлений. Министр иностранных дел был единственным, кто, помимо участия в решении государственных вопросов на заседании министров, с учётом секретности его функций, обсуждал другие вопросы наедине с императором.

Одному из наиболее приближённых к императору адъютантов было поручено всё то, что касалось персонала военного министерства. В течение продолжительного времени эту конфиденциальную должность занимал Дюрок, потом Бертран и Лористон, граф Лобо был последним в этом списке.

Поскольку у Меневаля сильно ухудшилось состояние здоровья, его измотала усталость от чрезмерного усердия и ему требовалось какое-то время, чтобы отдохнуть, император направил его на службу к императрице Марии Луизе. Эта новая должность, по словам императора, была синекурой. Однако император расстался с Меновалем исключительно при условии, что тот вернётся к нему, как только состояние его здоровья будет в порядке; и император не забывал напомнить господину Меневалю об этом обещании всякий раз, когда видел его.

После ухода Меневаля ведение делопроизводства в императорском кабинете только одним человеком прекратилось; вместо Меневаля этой работой стали заниматься одновременно несколько человек, и кабинет превратился в своего рода контору. Один из тех, кого император взял на эту службу по рекомендации ряда лиц,

заявивших, что они отвечают за него как за самих себя, во время несчастий 1814 года получил приказ сжечь документы, хранившиеся в императорском кабинете. Вместо того, чтобы выполнить полученный приказ, этот человек настолько забыл о своём долге, что забрал документы с собой. После возвращения короля в Париж этот сотрудник императора написал одному из королевских министров письмо, предложив ему украденные документы. Император обнаружил доказательство этого предательства среди бумаг, оставленных в Тюильри

в результате событий 20 марта. Однажды утром, когда император пришёл в свой кабинет раньше всех, он на листе бумаги, словно пробуя перо, написал несколько раз: «Такой-то (указывалось имя) является предателем. Такой-то является предателем», — и положил этот лист бумаги на стол, за которым обычно сидел тот, кто рекомендовал этого предателя, но сам, по словам императора, был человеком, на усердие и верность которого можно было смело положиться. Это был единственный упрёк в адрес последнего и единственное проявление мести по отношению к предателю.

Должно существовать до тридцати томов большого формата и столько же томов в формате кварто, содержащих корреспонденцию военных кампаний в Италии и в Египте, собранную и рассортированную.

Должны существовать и от шестидесяти до восьмидесяти томов большого формата с протоколами заседаний Совета министров, собранными секретарями-министрами, герцогом Бассано и графом Дарю и, наконец, протоколы заседаний Государственного совета, которые велись и потом были приведены в порядок господином Локре.

Эти документы являются реальным и величавым основанием славы Наполеона. По этим бессмертным памятникам будущие правительства всех стран будут черпать необходимую для них информацию, — настолько прочную базу заложил Наполеон, настолько благоразумно расставлены вехи, настолько глубоки корни, настолько, одним словом, всё отмечено печатью гения.

Высказывания императора в отношении моей жены — Диктовка императором новой части его мемуаров

28 сентября 1816 года

Сегодня император воспользовался наступившей ненадолго прекрасной погодой, чтобы совершить в карете два круга: он сказал, что ему захотелось немного встряхнуться. Его левая щека всё ещё была опухшей. Около трёх часов дня император вернулся, и вскоре после этого, поскольку он ничем себя не занял, он вызвал меня, и мы немного прогулялись в саду. Заметив доктора О'Мира, император подозвал его к себе. Доктор подошёл к нам, и от него император узнал, что вчера полномочные представители России и Австрии хотели посетить Лонгвуд, войти в который им запретил часовой, поставленный губернатором.

Когда мы остались наедине, император, побеседовав со мной на разные темы, заговорил о моей жене, высказывая догадки о том, что она может сейчас делать, какой она теперь стала и т.д.

«Несомненно, — сказал он затем, — что ваша ситуация на острове Святой Елены вызывает живейший интерес и должна способствовать тому, чтобы мужчины и женщины добивались общества вашей жены. Всё, что касается моей личности, по-прежнему дорого для многих. С этой скалы я всё ещё раздаю короны! Да, мои дорогие друзья, когда вы вернётесь в Европу, вы обнаружите, что коронованы!»

Затем, вновь заговорив о моей жене, император сказал самым добродушным тоном: «Самое лучшее, что она могла бы сделать, так это, покинув Париж, провести время разлуки с вами в обществе Мадам Мер или кого-нибудь из членов моей семьи. Они, несомненно, были бы счастливы позаботиться о ней».

Когда мы вернулись в дом, император сел за стол и принялся работать. Рукопись о кампании в Италии была почти закончена, но он обеспечил меня работой над новой темой.

«Внимание, пишите...» — такие слова внезапно произносил император, когда у него возникала новая идея. То, что следует ниже, является точной записью продиктованного мне в тот день; ничего

не было потом изменено в продиктованном им тексте, и он никогда его не перечитывал.

«Внимание! Кампания в Италии завершена, Лас-Каз в течение недели возьмёт период от разрыва договора в Амьене до сражения при Йене. В 1802 году вся Европа находится в состоянии мира, но вскоре начинается война; республика превращается в империю; морской вопрос становится главной причиной разрыва договора в Амьене.

Лас-Каз начнёт делать выписки из “Монитора” того времени, ему будет помогать маленький Эммануэль; он должен в день просматривать по крайней мере шесть или семь номеров, что составит сто восемьдесят номеров, то есть шесть месяцев за один месяц. До того, как мы начнём, следует сделать выписки минимум за период в шесть месяцев.

Предыдущие и последующие периоды будут подготовлены и приведены в порядок другими лицами. Делая выписки, необходимо следовать плану, уже предписанному господину Монтолону, — а именно, нужно выписывать всё, что относится к одному событию, ссылаясь при этом на страницу и на месяц.

Главными событиями этого периода будут следующие:

1. История флотилии.
2. Объявление Австрией войны.
3. Движения флотов.
4. Трафальгарская битва.
5. Ульм — Аустерлиц.
6. Венский мир.
7. Переговоры лорда Лодердейла в Париже.
8. Битва при Йене.

Следует вставить в соответствующие места:

1. Заговор Жоржа.
2. Дело герцога Энгиенского.
3. Коронация императора папой римским.
4. Организация императорского правления.

Это — один из самых прекрасных периодов в истории Франции; за один год произошёл приезд во Францию папы римского, чтобы короновать императора, — событие, которое не происходило тысячу лет, французский флаг стал развеваться над столицами Австрии и Пруссии, Священная Римская империя была разрушена, а прусская монархия — уничтожена».

Легко представить себе, с каким усердием и энтузиазмом мы с сыном целиком отдались выполнению этой задачи, важность которой мы оценили по достоинству. Мы ещё не закончили анализ наших шести месяцев, когда я был оторван от Лонгвуда.

О яме в саду

29 сентября 1816 года

Во время обеда кто-то упомянул о яме в саду, недалеко от дома, наполненной водой и настолько глубокой, что в ней однажды утонул ягнёнок, попытавшийся напиться. В связи с этим император сказал одному из обитателей дома: «Возможно ли такое, сударь, что вы до сих пор не засыпали эту яму? До какой степени вы будете виновным и какое огромное горе вы будете испытывать, если ваш сын вдруг утонет в этой яме, а такое вполне может случиться!» Человек, которого так резко отчитал император, ответил, что он неоднократно намеревался сделать это, но невозможно договориться о присылке в Лонгвуд рабочих. «Это не оправдание! — резким тоном сказал император. — Если бы мой сын был здесь, я бы пошёл и засыпал яму собственными руками».

Император был уже в постели, когда послал за мной: он хотел, сказал он, задать мне несколько вопросов и спросить о некоторых датах, связанных с важными имущественными делами.

Выразительная диктовка императора

30 сентября 1816 года

Всякий раз, когда император принимается диктовать, и если он пребывает в слегка оживлённом состоянии, то произнесённое им можно тут же печатать. Он часто, когда ему в голову приходит яркая мысль, начинает с безукоризненной дикцией экспромтом диктовать кому-нибудь из нас, кто оказывается рядом с ним, целые страницы текста. У людей из его свиты должно быть немало таких страниц, представляющих огромную ценность. К несчастью для меня, слабое состояние зрения не позволяет мне много писать и часто лишает меня этих преимуществ.

Однажды, когда газеты, контролируемые английским кабинетом министров, сослались на те сокровища, которыми должен обладать Наполеон и которые он, несомненно, надёжно спрятал, император продиктовал следующее:

«Вы хотите узнать о сокровищах Наполеона? Это правда, что они безмерны, но все они открыты для обозрения. Вот они: замечательные гавани Антверпена и Флиссингена, способные принять самые крупные эскадры и защитить их зимой от морского льда; гидравлические сооружения в Дюнкерке, Гавре и Ницце; огромная гавань Шербура; морские сооружения в Венеции; прекрасные дороги из

Антверпена в Амстердам, из Майнца в Мец и из Бордо в Байонну; перевалы Симплона, Мон-Сени, Мон-Женевра и Ла Корниша, которые открывают дорогу через Альпы в четырёх различных направлениях и превосходят в величии замысла и в мастерстве исполнения все сооружения древних римлян. Далее: дороги из Пиренеев в Альпы, из Пармы в Специю, из Савоны в Пьемонт; мосты Йены, Аустерлица, Севра, Тура, Роанна, Лиона, Турина, Бордо, Руана, через реку Арк, через реку Изер, через реку Дюранс и т.д.; канал, соединяющий Рейн с Роной рекой Ду и, таким образом, объединяющий Северное море со Средиземным; канал, соединяющий реку Шельда с рекой Сомма и, таким образом, связывающий Париж с Амстердамом; канал, соединяющий реку Ранс с рекой Вилен; каналы Арля, Павии и Рейна; осушение болот Бургундии, Котантена, Рошфора; восстановление церквей, разрушенных во время революции, строительство новых церквей, сооружение многочисленных работных домов для искоренения нищенства; работы в Лувре; сооружение государственных зернохранилищ, банков, канала реки Урк; водоснабжение Парижа; канализация; набережные; памятники; работы по украшению Рима; восстановление фабрик Лиона; строительство многих сотен фабрик по производству хлопчатобумажных тканей, давших работу нескольким миллионам рук; накопление капитала для строительства фабрик по производству сахара из свёклы для его частичного потребления во Франции, которые бы предоставляли сахар по той же цене, что и сахар Вест-Индии; замена краски индиго краской из вайды, которая бы наконец сравнялась по своему качеству с краской индиго и не превысила бы цену последней, поставляемой из колоний; многочисленные промышленные предприятия; пятьдесят миллионов, израсходованных на ремонт и украшение императорских дворцов; шестьдесят миллионов, потраченных на мебель для императорских дворцов во Франции и в Голландии, в Турине и в Риме; шестьдесят миллионов на покупку бриллиантов для императорской короны, полностью за счёт самого Наполеона; *Регент* (единственный бриллиант, сохранившийся от бриллиантов, украшавших королевскую корону), возвращённый евреями в Берлине, которым он был отдан в залог за три миллиона; музей Наполеона, оцениваемый в четыреста миллионов, заполненный предметами искусства, законно приобретёнными или за деньги, или в соответствии с мирными договорами, в силу которых шедевры искусства, выставленные в музее, были получены вместо территорий и контрибуций; несколько миллионов, накопленных для поощрения развития сельского хозяйства; разведение во Франции породы мериносов и т.д. — вот сокровища, стоимостью в сотни миллионов, которые будут сохранены на века! Вот памятники, которые опровергнут клевету!»

История скажет, что всё это было достигнуто, несмотря на участие Франции в беспрестанных войнах, не прибегая к помощи и к ка-ким-либо займам, в то время как с каждым днём национальный долг всё уменьшался, и что налоги на сумму почти в пятьдесят миллионов были отменены. Очень большие суммы всё ещё оставались в личном владении императора; они были гарантированы ему условиями договора в Фонтенбло как результат сбережений сумм, которые он получал по гражданскому листу, а также в результате его других личных доходов.

В другой раз император прочитал в английской газете, что лорд Каслри сказал в Ирландии, будто Наполеон заявил на острове Святой Елены, что он никогда бы не заключил мирного договора с Англией, не обманув её, чтобы потом заставить её врасплох и уничтожить. И что если французская армия была предана императору, то это потому, что он имел привычку отдавать дочерей из богатых семей империи замуж за своих солдат. Император, движимый чувством негодования, продиктовал следующее:

«Эти клеветнические заявления сказаны в адрес человека, который подвергается варварскому угнетению и которому не позволено, чтобы его голос был услышан в ответ на такие слова. Все образованные и здравомыслящие люди не поверят этим клеветническим заявлениям. Когда Наполеон обладал первым троном в мире, тогда, несомненно, его враги имели право говорить всё, что им вздумается; его поступки и дела не скрывались от общественности и являлись достаточно убедительным ответом всем им, — во всяком случае, то поведение императора теперь принадлежит общественному мнению и истории. Но распространение новой клеветы в его адрес в настоящее время следует признать поступком чрезвычайной подлости и трусости, который не достигнет намеченной цели. Миллионы клеветнических заявлений публиковались и по-прежнему публикуются, но их эффективность равна нулю. Шестьдесят миллионов человек из самых цивилизованных стран мира поднимают свой голос, чтобы опровергнуть эти заявления, и пятьдесят тысяч англичан, путешествующих по Европе, поведают, вернувшись домой, всю правду жителям трёх королевств Великобритании, которые будут краснеть от того, что их так грубо обманули.

Что касается законопроекта, принятого парламентом Англии, на основании которого Наполеона затащили на эту скалу, то он является актом проскрипции, подобным тем, которые принимались в Древнем Риме диктатором Суллой, но ещё более жестоким. Римляне неумолимо преследовали Ганнибала до самых окраин Вифинии, и Фламиний убедил царя Прузия санкционировать смерть этого великого человека; однако в Риме Фламиния обвинили в том, что он так поступил для того, чтобы утолить личную ненависть. Напрасно,

защищая себя, он настаивал на том, что Ганнибал, находившийся в расцвете сил, мог по-прежнему быть опасным противником и что его смерть была необходима. Тысячи голосов отвечали ему, что несправедливые поступки и неблагородные действия никогда не могут быть полезны для великой страны и что убийство, отравление и другие преступления такого рода не могут быть оправданы даже вышеизложенными обстоятельствами! Последующие поколения осудили своих предков за этот подлый поступок. Они бы заплатили высокую цену, чтобы стереть это позорное пятно в их истории, и со времени возрождения литературы в современных странах нет ни одного поколения, не добавившего своих проклятий к тем, которые были произнесены Ганнибалом в ту минуту, когда он выпил содержимое роковой чаши: он проклинал Рим, который, в то время как его флотилии и легионы заполнили Европу, Азию и Африку, мстил одинокому и беззащитному человеку.

Однако римляне никогда не нарушали законов гостеприимства: Сулла нашёл прибежище в доме Мария. Фламиний, до того, как он объявил Ганнибала вне закона, не принял его на борт своего корабля и не сказал, что получил приказ оказать ему хороший приём; римская флотилия не перевезла Ганнибала в порт Остия; и он, вместо того, чтобы вверить себя под покровительство римлян, предпочёл довериться царю Азии. Когда он был объявлен вне закона, он не находился под защитой римского флага; он находился под защитой знамён царя, который был врагом Рима.

Если когда-либо, в результате будущих революций, король Англии должен будет предстать перед жестоким трибуналом своей страны, то его сторонники будут требовать, в его защиту, соблюдать священность его титула, проявлять уважение к трону, ко всем коронованным особам, к помазаннику Божию! Но его обвинители будут иметь право ответить следующим образом: “Один из предков этого короля, которого вы защищаете, в мирное время изгнал человека, который был его гостем; боясь предать его смерти на глазах нации, управляемой честными законами, он заставил свою жертву оказаться брошенным на произвол судьбы в самом нездоровом месте скалы, находящейся в другом полушарии посредине океана, где этот его гость погиб после долгой агонии, став жертвой климата, нужды и всевозможных оскорблений! А ведь этот его гость был великим монархом, вознесённым на трон на щитах тридцати шести миллионов граждан. Он был хозяином почти всех столиц Европы; его монарший двор составляли величайшие короли; он был щедр ко всем; в течение двадцати лет он был вершителем судеб наций; его семья была связана родственными узами со всеми правящими семьями, даже с правящей семьёй Англии; он дважды был помазанником Божиим; он дважды был освящён августейшими церемониями религии!!!”».

Этот отрывок прекрасен своей правдивостью, манерой выражения и, прежде всего, своей исторической ценностью.

Император всегда диктует без малейшей подготовки. Я никогда не видел, чтобы он занимался изучением материалов, касавшихся нашей истории или истории любой другой страны; и тем не менее ни один человек никогда не цитировал по памяти факты истории более верно, более кстати и более часто. Можно предположить, что император знает историю только благодаря цитатам и что эти цитаты приходят ему на ум словно по вдохновению. Но здесь я позволю себе упомянуть один факт, который часто поражает меня и который я никогда не мог объяснить самому себе; этот факт настолько примечателен, и я был его свидетелем так часто, что я не могу умолчать о нём. Дело в том, что Наполеон, кажется, обладает запасом информации по различным проблемам, который хранится в его памяти, так сказать, в резерве, для того чтобы с блеском вырваться наружу в подходящих случаях, и который в минуты беззаботности представляется не только дремлющим, но почти целиком неизвестным ему. Что касается истории, то, например, часто случается, что он спрашивает меня, правил ли Святой Людовик до или после Филиппа Доброго, и задаёт мне другие вопросы такого же рода. Но когда этого требует необходимость, когда наступает его момент, тогда он обычно цитирует, ни минуты не колеблясь и с самыми мельчайшими подробностями; и когда я, бывало, иногда сомневаюсь и ухожу, чтобы перепроверить процитированное им место из книги, то всегда обнаруживаю, что он прав и скрупулёзно точен, — я никогда не могу уличить его в ошибке.

Другая его странная особенность заключается в следующем. В повседневной жизни, в обычной беседе император иногда искажает имена, хорошо знакомые ему, даже наши имена, но я не думаю, чтобы подобное случилось с ним в официальной обстановке. Во время наших прогулок я слышу иной раз, как он цитирует знаменитую речь Августа; и он всякий раз говорит: «Садись, Сулла»*. Он обычно коверкает имена в соответствии со своей фантазией; и когда он использует новое имя, то оно остаётся зафиксированным в его памяти, хотя мы сто раз в день произносили это имя в его присутствии именно так, как его и следует произносить; но он был бы удивлён, если бы мы произнесли это имя в изменённом виде. То же самое касается и орфографии: обычно он не придерживается её правил, однако если наши записи его диктовки содержат какие-нибудь ошибки правописания, то он выражает своё недовольство. Однажды император сказал мне: «Вы не следуете правилам орфографии, не так ли?» Этот вопрос вызвал саркастическую улыбку на лице

* Вместо: «Садись, Цинна», — в трагедии Корнеля «Цинна», акт V, сцена I.

случайного свидетеля нашего разговора, посчитавшего, что этот вопрос означает своего рода упрёк в мой адрес. Император, заметивший это, продолжал: «По крайней мере, я предполагаю, что вы им не следуете, поскольку человек, занятый государственными или другими важными делами, министр, например, не может и не нуждается в том, чтобы следовать правилам орфографии. Его мысли должны литься быстрее, чем его рука может оставить на бумаге их след. У него есть время только для иероглифов; он должен писать буквы вместо слов и слова вместо предложений и оставлять всё секретарям, чтобы они потом всё это расшифровывали».

Император оставлял массу работы для секретарей; для них он был их мучением: его почерк представлял собой сплошной иероглиф, и часто он не мог расшифровать то, что написал сам. Однажды мой сын читал ему главу рукописи о кампании в Италии и внезапно остановился, не в силах разобрать написанное. «Дурачок, не может разобрать собственный почерк!» — воскликнул император. — «Это не мой почерк, сир». — «И кто же это написал?» — «Вы, Ваше Величество». — «Вот как, маленький плутишка, ты намерен оскорбить меня?» Император взял рукопись, долго пытался прочитать её и наконец отбросил в сторону, заявив: «Он прав, я не могу сказать, что здесь написано». Он часто посылал переписчиков его рукописей ко мне, чтобы я попытался прочитать им то, что он сам был не в состоянии расшифровать.

Император объясняет чёткость своих мыслей и способность, которой он обладает, тем, что различные проблемы систематизированы в его голове, словно в шкафу с ящиками. «Когда я хочу отвлечься от какого-нибудь дела, — говорит он, — я закрываю ящик, содержащий это дело, и открываю тот ящик, который содержит другое дело. Они не смешиваются друг с другом и не утомляют меня, и не причиняют мне никаких неудобств. А если я хочу заснуть, то закрываю все ящики и вскоре погружаюсь в сон». Таким образом, добавил он, он всегда мог заснуть, когда хотел отдохнуть, в любое время, когда ему вздумается.

Мой «Атлас» — Тема судьбы — Безуспешные попытки губернатора быть принятым императором

1 октября 1816 года

Войдя в комнату императора, я увидел, что он держит в руках мой «Атлас». Он перелистывал в нём генеалогические карты, взаимосвязь между которыми он теперь прекрасно понимал. Закрыв книгу, он сказал: «Как всё сказано! Как каждая часть плавно следует из

предыдущей, зримо разворачивается перед читателем и навсегда остаётся в памяти! Лас-Каз, даже если бы вы ничего не сделали, кроме того, что указали правильный метод обучения, вы бы уже оказали всем весьма существенную услугу. “Атлас”, несомненно, будет усовершенствован, но первоначальная концепция навсегда принадлежит вам...»

Среди многочисленных тем, которые мы затем стали обсуждать, была тема судьбы. Император высказал ряд интересных замечаний по этому вопросу, в том числе: «Скажите на милость, не говорят ли обо мне, что я верю в судьбу?» — «Да, сир, многие люди». — «Ну что ж, хорошо! Пусть говорят, иногда соблазн имитации может быть полезным... Но каковы люди! Насколько легче занять их внимание и возбудить их фантазию разными глупостями, чем рациональными идеями! Разве может человек со здравым смыслом слушать, хотя бы минуту, подобную ерунду? Или судьба признаёт существование свободной воли, или она отрицает её. Если она признаёт её, то о каком *предопределённом результате* можно говорить, если один шаг, одно слово способны бесконечно всё изменить? Если судьба, напротив, отрицает существование свободной воли, то это совершенно иной вопрос; в этом случае ребёнок нуждается только в том, чтобы его положили в колыбель, как только он родится, и нет необходимости тратить время на заботы о нём, ибо, если бесповоротно решено, что этому ребёнку предстоит жить, то он будет расти, даже если ему не давать никакой еды. Вы видите, что судьба является всего лишь словом, не имеющим значения. Сами турки, сторонники фатализма, не верят в эту доктрину, ибо тогда медицина перестала бы существовать в Турции; а человек, проживающий на третьем этаже, не станет утруждать себя долгим спуском по лестнице и выпрыгнет из окна, — вы видите, к какой серии глупостей всё это приводит!»

Около трёх часов дня императору сообщили, что губернатор хотел бы передать ему некоторые инструкции, которые он только что получил из Лондона. Император ответил, что он нездоров, что инструкции можно переслать или сообщить о них одному из членов его свиты, но губернатор настаивал, чтобы император его принял, заявив, что он хочет передать инструкции непосредственно ему. Он добавил, что хотел бы сказать несколько слов лично нам после его разговора с *генералом*. Император вновь отказался встречаться с губернатором, и губернатор покинул Лонгвуд, сказав, что он просит проинформировать его, когда он мог бы видеть генерала. Ждать этого губернатору придётся действительно очень долго: император, с которым я был в этот момент, сказал мне, что он решил больше никогда не принимать губернатора.

После обеда император пожелал, чтобы ему принесли книги Бюффона и Вальмона де Бомара. Он интересовался тем, что говорят эти авторы о многообразии человеческого рода, о различиях между

негром и белым человеком, но он был разочарован тем, что обнаружил в этих книгах по данному вопросу. Он рано удалился в свои апартаменты, чувствуя себя нездоровым.

2 октября 1816 года

Император сообщил мне, что он решил вновь учить английский язык, и поэтому я должен оказать ему услугу, выделив время для урока каждое утро. В связи с этим я пришёл к нему в половине первого, но мне не повезло: он спал на диване после завтрака. Я должен был потревожить императора, и меня самого это огорчило. Однако он не позволил мне уйти и минут тридцать читал мне английский текст. Император чувствовал себя неважно. Он встал и оделся. Когда я сообщил ему, что мы с сыном выполнили его задание, он сначала предложил нам поработать над главами рукописи о кампании в Италии, но потом изменил своё решение и весь день до вечера занимался своими делами. В пять часов он захотел выйти погулять, но решил, что погода слишком холодная. После обеда он попытался было почитать нам, но безуспешно: он чувствовал себя уставшим, сонным, больным и почти сразу же удалился к себе.

Юриспруденция — Архитектурные памятники Египта — Идея соорудить египетский храм в Париже

3 октября 1816 года

После завтрака император сделал три прогулочных круга в саду, его сопровождала вся свита. Он говорил о тех новостях, которые губернатор собирался сообщить нам, и дал оценку различным предположениям, частично хорошим, частично плохим, которые каждый из нас высказал по этому поводу. Погода была терпимая; он приказал подать карету, и мы сделали один круг по лесу. Жара и тяжёлый влажный воздух, хотя солнце было скрыто облаками, вынудили его вернуться домой. Он сел за стол и до пяти часов диктовал моему сыну.

Позже мы вновь хотели погулять в саду, но влажный воздух стал к вечеру холодным. Император вернулся в дом и попросил меня остаться с ним. Он стал перелистывать книгу на английском языке и, остановившись на страницах, посвящённых юриспруденции, начал сравнивать кодексы Франции и Англии. Все знают, что он чрезвычайно сведущ в наших кодексах, но ему почти незнакомы кодексы Англии, а я, за исключением некоторых общих положений, не мог ответить на его вопросы. В ходе беседы император сказал:

«Законы, которые в теории являются образцом ясности, при их применении превращаются в настоящий хаос, так как люди, со своими

страстями, портят всё, к чему они притрагиваются. Люди могут избежать своевольных действий судьи, только подчиняясь деспотизму закона. Я сначала вообразил, что можно свести все законы к простым геометрическим доказательствам; таким образом, каждый человек, который умеет читать и способен связать две идеи, в состоянии вынести приговор самому себе; но я убедился, почти немедленно, что эта мысль абсурдна. Однако, — добавил он, — мне хотелось начать с какого-то простого, твёрдо установленного правила и затем следовать путём, понятным всем: не иметь никаких законов, кроме тех, которые включены в Кодекс, и провозгласить, раз и навсегда, что все законы, не включённые в Кодекс, равны нулю и бесполезны. Но не так-то легко добиться простоты от практичных законоведов: они сначала доказывают вам, что простота в юриспруденции невозможна, что это всего лишь химера, и пытаются затем убедить вас, что простота несовместима со стабильностью в стране и с существованием власти. Сама по себе власть, говорят они, уязвима перед лицом непредвиденных интриг рода человеческого, поэтому она должна иметь, в случае необходимости, оружие в резерве. Таким образом, имея некоторые старые законы Хильперика или Фарамонда¹⁸, вытащенные из архива для такого случая, — заявил Наполеон, — никто не будет застрахован от того, что его повесят по всем правилам и в соответствии с законом.

Пока дискуссия в Государственном совете, — сказал император, — касалась Кодекса, я чувствовал себя очень сильным, но когда дискуссии по этому вопросу проходили вне стен зала заседания Совета, я оказывался словно в темноте, и тогда Мерлен был моим спасителем, — он был моим светочем. Не обладая блеском ума, Мерлен очень эрудирован, мудр, справедлив и честен; один из ветеранов нашего доброго старого общего дела, он был очень предан мне.

Как только Кодекс появился на свет, почти сразу же последовали комментарии к нему, объяснения, разъяснения и Бог знает что ещё. При виде всего этого я обычно восклицал: “Господа, мы расчистили Авгиевы конюшни; ради Бога, наполняйте их вновь!”».

Во время обеда император сделал ряд знаменательных высказываний относительно Египта, которые можно найти в главах, продиктованных Бертрану. Затем он перевёл разговор на тему экспедиции в Египет, заявив, что её главная цель заключалась в том, чтобы сотрясти мощь Англии во всех частях света, вызвав революцию, способную изменить всё лицо Востока, и наделить Индию новой судьбой. Египет, сказал он, должен был вместо Сан-Доминго и наших американских колоний добиться двух целей: свободы чёрных и процветания торговли. Эта новая колония вытеснила бы англичан из Америки, со Средиземного моря и даже с берегов Ганга.

Затем, отвечая на упрёки в свой адрес за то, что он покинул армию, император сказал: «Я всего лишь подчинился зову Франции, которая призвала меня, чтобы я её спас, и я имел право сделать это. Я получил от Директории карт-бланш на любые операции в бассейне Средиземного моря, в Африке и в Азии. Я имел все полномочия на то, чтобы вести переговоры с русскими, с турками, с берберами Северной Африки и населением Индии. Я был волен назначить своего преемника в Египте, вернуть с собой армию во Францию или вернуться один, если я считал это необходимым».

Император придерживался того мнения, что всё то, что он видел в Египте, и особенно все те древние знаменитые храмы и дворцы, которые сейчас представляют собой одни развалины и о которых так много говорят, не идут в сравнение с величием дворцов Парижа и с Тюильри. Главная разница между Египтом и нами была, с его точки зрения, в том, что Египет — благодаря чистоте воздуха и природе его строительных материалов — навечно сохранил свои монументальные памятники, в то время как наш европейский климат не позволяет сохранять образцы нашей монументальной архитектуры в течение продолжительного времени: все они вскоре подвергнутся действию коррозии и исчезнут.

Остатки храмов и дворцов, которые насчитывают несколько тысяч лет, можно найти на берегах Нила, но на берегах Сены ничего не сохранится. Император очень сожалеет, что он не возвёл в Париже египетского храма, он хотел бы украсить столицу Франции подобным памятником...

Примеры изобретательности во время эмиграции — Официальные уведомления и новые неприятности

4 октября 1816 года

Около двенадцати часов дня я отправился в апартаменты императора, и мы занимались английским языком, разбирая похождения Телемаха по английской книге: император решил вновь воспользоваться моим методом изучения иностранного языка; он одобрил этот метод, от которого получает немалую пользу. Император заявил, что, как он считает, у меня отличный характер для того, чтобы быть очень хорошим школьным учителем; я ответил ему, что это дело опыта. Затем он попросил меня поподробнее рассказать ему о том времени, когда я давал уроки в Лондоне во время эмиграции. Ему очень понравился мой рассказ. «Тем не менее вы, господа, — сказал он, — повысили престиж этого рода занятий если не вашими знаниями,

«ЧЕСТЬ И УВАЖЕНИЕ НЕУДАЧЛИВЫМ ХРАБРЕЦАМ!»

то, по крайней мере, вашими манерами». Я сказал императору, что один из наших принцев во время эмиграции преподавал математику. «Одно это, — оживлённо заявил император, — делает его настоящим человеком и показывает, что он достоин уважения; несомненно, это одна из величайших побед госпожи де Жанлис¹⁹».

Я тогда рассказал императору любопытную историю, которую слышал по этому поводу. «Принц находился в Швейцарии; и поскольку условия, в которые он был поставлен, оказались для него очень сложными, он посчитал необходимым скрыть своё пребывание в этой стране, взяв себе другое имя для маскировки. Один из наших епископов из южных провинций Франции предположил, что лучше всего взять имя молодого человека из Лангедока, в то время находившегося в Ниме, который был очень ревностным протестантом; что было весьма кстати, так как принц гостил в протестантском кантоне. Епископ добавил, что маловероятно, чтобы молодой человек когда-либо оказался на пути принца и, тем самым, помешал принцу воспользоваться его именем. Но случилось так, что этот молодой человек вступил в армию и стал адъютантом господина де Монтескью, и вскоре после этого он вместе со своим генералом эмигрировал именно в Швейцарию. Каково же было его удивление, когда он столкнулся в отеле во время ужина с человеком, носившим его имя, исповедовавшим одинаковую с ним религию и оказавшимся родом из одного с ним города! Это была сцена, в точности повторившая сцену встречи двух Созиев из комедии Мольера “Амфитрион”. Но самое забавное в этой истории было то, что молодой человек тоже изменил своё имя и тщательно скрывал его. Подобные происшествия можно встретить только в романах, — это в них придумывают невероятные случаи. Возможно, сочтут, что рассказанная история несколько приукрашена, но я могу подтвердить её достоверность, поскольку слышал её из уст героя, того самого молодого человека».

«Но, — уже потом спросил император, — те из вас, эмигрантов, которые за границей сумели выстоять и обзавестись некоторым состоянием, должно быть, почувствовали себя весьма подавленными, когда, вернувшись во Францию, оказались вновь разорёнными?» — «Конечно, сир, поскольку мы ничего не нашли из того, что оставляли во Франции, и только что оставили позади себя то небольшое, что нам удалось сделать. Мы не подсчитывали наши потери: наше нетерпение вновь увидеть родную землю перевесило все другие соображения, но вскоре некоторые из нас оказались в самом бедственном положении, испытывая нужду буквально во всём, хотя были знакомы и даже поддерживали дружеские отношения со многими высокопоставленными персонами того времени — с вашими

министрами, сир, с государственными советниками и т.д. Это обстоятельство стало причиной остроумного высказывания одного из наших остряков. Встретив меня в гостиной дома министра морских дел, один мой друг, который, как и я, едва сводил концы с концами, воскликнул, в виде утешения: “Ну что ж, мой друг, если мы умрём от голода, то на наших похоронах всё же, возможно, будут присутствовать два или три министра”». Император от души рассмеялся и признал, что эта шутка даёт точное описание положения дел того времени.

После урока английского языка и описанной выше беседы император вышел из дома погулять. Мы дошли до конца леса, где к нам подъехала карета.

Когда император вернулся, к нему пришёл доктор О’Мира, чтобы сообщить, что полковник Рид, которого император согласился принять вместо губернатора, хотел бы получить аудиенцию у императора. Полковник Рид вручил императору официальную ноту с довольно длинным текстом. Я был вызван, чтобы сделать её перевод. Она содержала уведомления, которые сэр Хадсон Лоу несколько дней назад безуспешно пытался лично сообщить императору. Текст ноты был изложен в самых оскорбительных выражениях, и губернатору хотелось насладиться удовольствием лично сообщить её содержание императору. Это характерная черта губернатора, она не требует комментария. Грубые выражения ноты и особенно всё время повторяемая угроза, что нас разлучат с императором, нас чрезвычайно огорчили и испортили нам настроение до конца дня.

Император читает мой дневник и диктует мне — Переговоры между гофмаршалом и губернатором

5 октября 1816 года

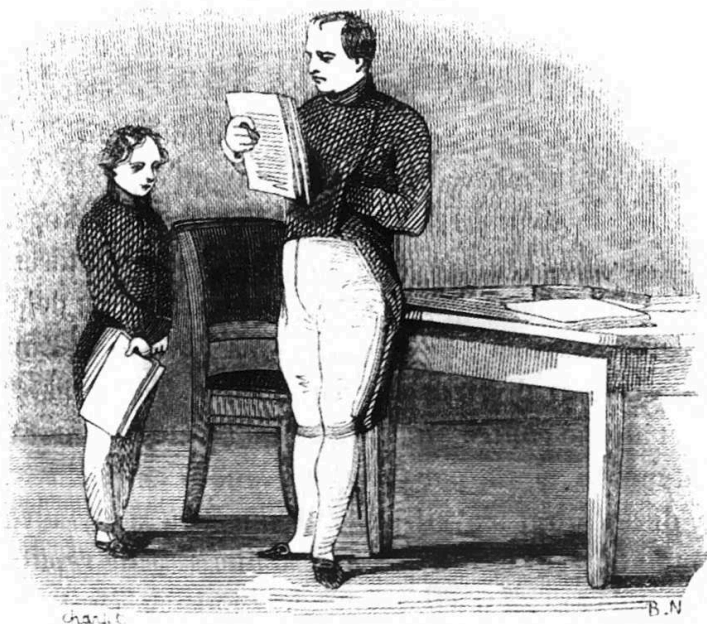
Рано утром, ещё до того, как я встал с постели, я услышал, как кто-то осторожно открывает дверь в мою комнату. Комната настолько загромождена моей кроватью и кроватью сына, что не так-то просто зайти в неё. Я различил руку, раздвигающую занавес, прикрывающий мою постель: это была рука императора. В этот момент я как раз читал книгу по геометрии, — обстоятельство, которое доставило большое удовольствие императору и которое, как он сказал, спасло мою репутацию. Я немедленно встал с постели и вскоре присоединился к императору, который в одиночестве уже ушёл в лес. Мы довольно долго обсуждали события предыдущего дня. Затем император вернулся в дом, чтобы принять ванну: он чувствовал себя очень больным и плохо провёл ночь.

Император вызвал меня в час дня. Он находился в гостиной и выразил желание взять урок английского языка. Погода была очень жаркая и душная. Император чувствовал себя утомлённым и подавленным, он не мог сосредоточиться, чтобы заниматься, и несколько раз засыпал. В конце концов он встал из-за стола, сказав, что хочет встряхнуться от апатичного состояния, и проследовал в бильярдную комнату, чтобы немного подышать свежим воздухом.

Разговаривая на тему о кампаниях в Италии, он спросил, что я сделал с первыми черновыми набросками об этих кампаниях после того, как все главы рукописи были переписаны несколько раз. Я ответил, что тщательно сохраняю их. Император пожелал, чтобы я принёс ему все рукописи, и, когда я выполнил его желание, он отложил в сторону две законченные копии, а всё остальное отправил в кухню, чтобы сжечь.

Я несколько раз упоминал о том, что императору известно, что я веду дневник. Это держится в тайне, и поэтому он никогда не говорит о моём дневнике, за исключением того времени, когда мы остаёмся наедине. Он часто спрашивает меня, продолжаю ли я вести дневник и чем я заполняю его страницы. В ответ я как-то сказал: «Сир, всем тем, что делает и говорит Ваше Величество с утра до ночи». — «Тогда, — заявил он, — вы должны чудовищно много повторяться и сообщать массу бесполезных вещей! Но неважно, продолжайте вести его, как-нибудь мы просмотрим его вместе».

Когда император заходит в нашу комнату, то он часто застаёт моего сына, занятого перепиской моего дневника, так как он любезно предложил заниматься этим делом в свободное время. Император иногда бросает взгляд на то, что пишет Эммануэль, и, прочитав

несколько строк, то есть выяснив, что именно тот пишет, он обычно отворачивается и начинает говорить о чём-либо другом, и никогда — о дневнике. Но вот что случилось в это утро: император, вспомнив о дневнике, сказал, что хочет ознакомиться с этой *кучей пустяков*. Мой сын принёс часть рукописи, и император провёл за её чтением почти два часа. Его внимание привлекло предисловие к дневнику, которое повествует обо мне лично; он дважды прочитал его и затем сказал: «Ну что ж, очень хорошо, это прекрасное наследство для маленького Эммануэля». Что касается самого дневника, то император одобрил форму его изложения и общий план. Собственной рукой он внёс несколько поправок в те части дневника, которые касаются его семьи и детства. Он попросил моего сына взять перо и затем продиктовал ему некоторые подробности о Бриенне, отце Патро и т.д. Закончив диктовку, он пожелал, чтобы я продолжал эту работу, так как она ему понравилась; и он пообещал предоставить мне много дополнительной информации, особенно об императоре Александре и о других монархах.

Потом он совершил поездку в карете. Я сопровождал его, и мой дневник вновь стал темой нашей беседы. Император много говорил о нём и высказал своё удовлетворение от идеи вести такой дневник. Он дал мне несколько подсказок в отношении ведения дневника и закончил тем, что сказал, что, учитывая своеобразные условия, при которых я работаю над дневником, он может стать произведением, уникальным по своему характеру, и бесценным сокровищем для его сына.

Вернувшись в Лонгвуд, мы застали там гофмаршала, который только что вернулся из «Колониального дома», где он проводил переговоры по поводу вчерашней ноты; мы с нетерпением ждали ответа, который он должен был привезти нам. Гофмаршал сообщил нам о переданном ему предложении, что не менее четырёх человек из окружения императора должны покинуть его. В переговорах были затронуты и другие, более мелкие проблемы весьма неприятного характера, но главная проблема заслонила все остальные. Губернатор, в конце концов, согласился на высылку с острова Святой Елены поляка Пионтковского и трёх слуг императора. В соответствии с информацией гофмаршала, я был тем человеком, в отношении которого бурная словесная перепалка в «Колониальном доме» ослабела только к концу переговоров и на которого губернатор больше всего жаловался. Как заявил губернатор, он обязательно добился бы моей высылки с острова, если бы не считал меня слишком полезным для императора. Он жаловался, что я постоянно пишу письма в Европу, резко выступая против английского правительства и против несправедливости и угнетения, допускаемых, как я утверждаю, в отношении нас. Губернатор также жаловался на то, что в беседах

с посетителями Лонгвуда я говорю об императоре так, чтобы вызвать у них интерес к нему, что я постоянно пытаюсь установить контакт с различными людьми, проживающими на острове (для примера губернатор упомянул госпожу Штюрмер), что я направлял или пытался переслать разные документы в Европу, и т.д. Однако, говоря обо мне самым гневным тоном, губернатор, по тем или иным причинам, попытался смягчить сказанное некоторыми лестными замечаниями. Он заявил, что не ожидал подобного поведения от человека, обладающего такими обширными познаниями и пользующегося уважением во всей Европе.

После обеда император развлекал себя, решая задачи по геометрии и алгебре, — это напомнило ему, сказал он, его юношеские годы; нас же всех поразило то, что эти предметы всё ещё так свежи в его памяти.

Странное обстоятельство, связанное с моим дневником — Влияние общественного мнения — Тальма, Кресчентини и другие

6 — 7 октября 1816 года

В течение этих двух дней случилось одно обстоятельство, которое столь близко связано с сутью настоящей работы, а, именно, с ведением моего дневника, что я не могу оставить его незамеченным. Я упоминал недавно, что император выразил удовлетворение по поводу моего дневника: он несколько раз в течение дня вспоминал о нём, заверяя меня в том, что ему доставляет удовольствие читать его и вносить в него поправки. Естественно, эти его слова были весьма лестны для меня. Момент, которого я так долго и с таким нетерпением ждал, наконец наступил. Те сведения, которые я собирал наспех и, возможно, с ошибками, теперь должны будут пройти бесценную проверку и необходимое одобрение. Несовершенные данные будут исправлены и дополнены, пробелы заполнены и неясные места объяснены. Какой неисчерпаемый запас исторической правды и политических секретов мне предстоит получить! Окрылённый этими ожиданиями, я шестого октября предстал перед императором в обычный час, взяв с собой мой дневник, но он начал диктовать мне текст совершенно по другому вопросу, и я вынужден был смириться с моим разочарованием. На следующий день эта сцена повторилась. Тогда я решил сам привлечь внимание императора к моему дневнику, но он сделал вид, что не понимает меня, и я понял его намёк.

Я так хорошо знаю Наполеона! Он в высшей степени обладает искусством делать вид, что он чего-то не понимает; он часто прибегает к этому, и всегда умышленно. В данном случае я достаточно хорошо понял его и не пытался вновь привлечь его внимание к моему дневнику. Сначала я терялся в догадках по поводу мотивов такого его поведения; для себя я сделал несколько предположений, которые, вероятно, пришли в голову читателю, так же, как и мне. Через некоторое время меня силой разлучили с императором, хотя я совершенно не предвидел этого рокового события. Я подробно останавливаюсь на этом обстоятельстве, так как полагаю, что оно даёт новую гарантию моей искренности и помогает объяснить суть моего дневника. Большая часть его содержания, особенно важнейшие события, описанные в нём, несомненно, заслуживают полного внимания. Однако некоторые невольные ошибки, возможно, вкрались в описание подробностей из-за той поспешной манеры, в которой они собирались, и из-за того, что я был лишён благоприятной возможности отдать рукопись на рассмотрение единственному человеку, способному исправить её погрешности.

Император, пока он одевался и ждал гофмаршала Бертрана — наступила его очередь писать под диктовку Наполеона, — занимался тем, что беседовал со мной на различные темы.

Он говорил о влиянии общественного мнения, на которое он так часто ссылается. Император проследил его тайный прогресс, его изменчивость и причуды его решений. Затем он обратился к вопросу о природной учтивости французов, которая, как он сказал, была совершенна в соблюдении этикета, в похвальной восприимчивости наших манер и в изящном поведении и вежливости в общении. Власть должна иметь в виду эти качества французов, если она попытается воздействовать на национальные чувства.

«В соответствии с моей системой объединения всех видов заслуг и придания одной и той же награде статуса универсальности, — сказал император, — у меня была идея наградить Тальма орденом Почётного легиона, но я воздержался от этого, учитывая наши причудливые нравы и глупые предрассудки. Я решил провести первый эксперимент в этом отношении, избрав для этого маловажное лицо. Соответственно, я наградил Кресцентини орденом Железной Короны. Награда была иностранной, и человек, которому я пожаловал её, также был иностранцем. Было маловероятным, чтобы это событие привлекло внимание общественности или сделало моё поведение объектом дискуссии; в самом худшем случае оно могло бы стать причиной немногих недоброжелательных шуток. Таково, — продолжал император, — влияние общественного мнения. По своему

усмотрению я распределял скипетры, и тысячи людей подчинялись их власти, но я не мог пожаловать небольшой орденской ленты без того, чтобы не вызвать всеобщего неодобрения: мой эксперимент в отношении Кресчентини оказался неудачным».

«Совершенно верно, сир, — подтвердил один из присутствовавших при разговоре, — это событие стало причиной гневного протеста в Париже; оно было предано проклятию во всех салонах столицы и обеспечило простор для выражения самых злобных чувств. Потом на одном из вечерних приёмов в Сен-Жерменском предместье одно

остроумное высказывание полностью остановило поток возмущений и оскорблений. Некий высокопарный оратор запальчиво разглагольствовал по поводу чести, оказанной Кресчентини. Он заявил, что награждение этого итальянского певца, этого кастрата, является позором, ужасом, полнейшей профанацией, и задал вопрос, какое право мог иметь Кресчентини на такую честь? На что госпожа Грассини, очень красивая женщина, присутствовавшая на приёме, величественно встала с кресла и с истинно театральными голосом и жестом воскликнула: “А его рана?! Разве это вы не принимаете во внимание?” Её заявление вызвало всеобщий взрыв смеха и аплодисменты, и бедная Грассини выглядела весьма растерянной от собственного успеха».

Император, впервые услышавший эту забавную историю, был в восторге от неё. Впоследствии он часто вспоминал о ней и иногда сам её пересказывал.

За обедом император заявил, что он работает уже на протяжении двенадцати часов и его рабочий день ещё не кончился. Он выглядел больным и уставшим.

Мысли, навеянные «Одиссеей»

8 октября 1816 года

Когда в это утро я вошёл в комнату императора, то застал его за чтением подборки номеров газеты «Журналь де Деба», которые недавно были нам доставлены. Он начал одеваться в три часа дня. Его главный камердинер заболел, и император сказал, что те, кто заменяют его, не могут сравниться с его ловкостью и умением ухаживать за ним.

Погода была терпимая, и мы прогулялись до конца леса, где нас ждала карета.

Я имел в Лондоне приличную сумму денег, которую переправил туда в 1814 году. Воспоминание о лишениях, которым я подвергался во время эмиграции, и возможность вновь столкнуться с ними в будущем побудили меня к этому акту предусмотрительности, и теперь я пожинал его плоды. Поэтому на острове Святой Елены я чувствовал себя более непринуждённо в отношении финансовых вопросов, чем другие лица из свиты императора; но что заставляло меня считать эти деньги бесценным сокровищем, так это счастье от того, что я мог положить их к ногам императора. Я уже несколько раз предлагал ему принять эти деньги, и сейчас я опять повторил это предложение, ссылаясь на новые оскорбления, которым император подвергся со стороны губернатора. В этот момент к нам присоединилась госпожа де Монтолон, которая поспешила следом за нами. Она сказала, что император шагал так быстро, что она, конечно, потеряла бы его из виду, если бы моя энергичная жестикуляция не помогала ей следить за нами, и что она была озадачена догадками о причинах моей горячности. «Сударыня, — заявил император с пленительным изяществом, — заявил император с пленительным изяществом, — он пытался заставить меня принять его подарок; он предлагал материально поддерживать нас здесь».

Мы вернулись домой почти сразу же, так как погода была сырая и император пожаловался на зубную боль; уже в течение некоторого времени его беспокоит обильное выделение слюны.

После обеда он возобновил чтение «Одиссеи», и мы приступили к тому месту, где описывается драка между Улиссом и Иром на

пороге дворца, где оба они облачены в рубища нищих. Император очень неодобрительно отозвался об этом эпизоде, назвав его слабым и несовместимым с достоинством короля. «И тем не менее, — продолжал он, — независимо от всех ошибок, которые, с моей точки зрения, присутствуют в этом эпизоде, я всё же нахожу в нём кое-что интересное для меня. Я представляю себя на месте Улисса и могу хорошо понять его страх быть поверженным жалким нищим. Не каждый монарх или генерал имеет широкие плечи, как у его гвардейцев или гренадёров; не у каждого человека есть силы каменотёса. Но Гомер исправляет всё это, представляя своих героев гигантами. В наши дни у нас нет таких героев. Что стало бы с нами, — добавил он, оглядывая всех нас, — если бы мы жили в те добрые времена, когда физическая сила составляла истинную власть? Пожалуй, Новерраз овладел бы скипетром и правил всеми нами. Следует признать, что цивилизация более благосклонна к разуму, чем к телу».

Арест Пионтковского — Размышления императора о своём сыне и об Австрии — Новые неприятности — Оценка Наполеоном новых ограничений

9 октября 1816 года

Когда мы гуляли в лесу, нам сообщили, что только что по приказу губернатора арестован поляк Пионтковский. Это был, конечно, всего лишь первый шаг — предупреждение о том, чего именно мы все должны ожидать. Судя по всему, запугивание становится системой, которую губернатор взял на вооружение со времени получения им последних инструкций. Он стремится выполнить их со всей изобретательностью, на которую способен. Посмотрим, как далеко он зайдёт.

Когда перед обедом я посетил императора, то нашёл его печальным и каким-то рассеянным. В разговоре он упомянул Австрию, коснувшись тех неприятностей, которые ему доставила эта держава, и ошибок её политики. Император подчеркнул слабохарактерность австрийского монарха, который, как он сказал, никогда не совершал энергичных поступков, за исключением тех случаев, когда его авторитет начинал опасно падать в глазах его подданных. Император подробно остановился на продажности и беспринципности, которые отличали людей, ответственных за планирование и исполнение мер австрийского кабинета министров. Он говорил о слепой политике Австрии и о том опасном положении, в котором она находится.

«В настоящее время, — сказал император, — ей грозит страшная опасность. Австрия движется прямо в объятия колосса, в то время как она не может отступить ни на шаг, так как на её флангах и в её тылу разверзлась пропасть».

Этот разговор об Австрии, естественно, привёл к тому, что император заговорил о своём сыне. «Какое образование они ему дадут? Какие принципы внушат его юношескому разуму? С другой стороны, если он окажется недалёким, вселят ли они в него ненависть к отцу? Эти мысли приводят меня в ужас! И существует ли противоядие всему этому? Больше нет постоянного средства связи, нет заслуживающей доверия традиции между ним и мною! В лучшем случае мои мемуары или, возможно, ваш дневник могут попасть в его руки. Но для того, чтобы преодолеть ложные наставления, усвоенные в раннем возрасте, чтобы противодействовать ошибкам плохого воспитания, требуется определённая способность, сила разума и решительность суждений, которые достаются не каждому».

Император выглядел глубоко взволнованным и после долгой паузы неожиданно резко предложил: «Но давайте поговорим о чём-нибудь другом», — однако продолжал держать паузу. Я сел за стол, и он начал мне диктовать. Часа через два пришёл гофмаршал и занял моё место.

Но только я покинул апартаменты императора, как вновь был вызван к нему, чтобы перевести для него документы, присланные в большом пакете от губернатора. Состояние моего зрения, которое сейчас окончательно ослабло, вынудило меня обратиться за помощью к господину де Монтолону, чтобы прочесть эти документы.

Их содержание было следующим:

1. Для нас введены новые ограничения, в соответствии с которыми обращение с императором допускается такое, которое можно назвать курьёзным: неприличие и неблагопристойность зашли настолько далеко, что императору предписывают содержание и пределы бесед, которые ему позволяется вести. Этому едва ли можно поверить!

2. Новая декларация, которую должен подписать каждый из нас, — ряд произвольных и бесполезных притеснений, порождённых местью.

3. Наконец, письмо губернатора гофмаршалу, содержание которого соответствует ноте, переданной ранее полковником Ридом. Эту ноту я тогда переводил императору, и полковник потом отказался оставить её нам; читатель помнит, что я уже писал о ней. Однако в письме, переданном сейчас императору, некоторые важные моменты бесхитростно опущены или изменены, — император часто отмечал, что

губернатор обладает особой способностью для подобных операций. Ниже я воссоздаю по памяти эту ноту. Хотя я читал её только один раз, а именно — в то время, когда я переводил её императору, тем не менее я думаю, что могу поручиться за точное воспроизведение её содержания.

«Французы, пожелавшие остаться с генералом Бонапартом, должны подписать заявление, которое будет передано им и в соответствии с которым они будут подчиняться всем ограничениям, введённым для генерала. Это постоянные ограничения. Те же, кто откажется подписать такое заявление, будут отправлены на Мыс Доброй Надежды. Свита генерала Бонапарта сокращается на четыре персоны. Те, кто останутся, обязаны будут рассматривать себя как лиц, ответственных перед законом в том же порядке, как если бы они были британскими подданными, особенно в отношении законов, которые были сформулированы для охраны генерала Бонапарта: то есть, они будут приговорены к смертной казни за оказание ему помощи в попытке совершить побег. Любой француз, оскорбляющий, наносящий какой-либо вред и дурно поступающий по отношению к губернатору или к британскому правительству, будет немедленно отправлен на Мыс Доброй Надежды, где ему не будут предоставлены какие-либо средства для возвращения в Европу; все расходы по возвращению в Европу оплачиваются им самим».

Во время обеда и большей части вечера эти документы стали предметом наших обсуждений.

Нас очень озадачила та часть письма губернатора, которая передаёт инструкции английского кабинета министров и сообщает о том, что тех, кто будет плохо относиться к губернатору или оскорблять его, отправят на мыс Доброй Надежды и они сами должны будут оплатить расходы по возвращению в Европу. Мы посчитали это весьма забавным, а император сказал: «Конечно, эта угроза кажется вам оригинальной и нелепой, но она совершенно естественна для лорда Батхерста. Рискну сказать, что он не мог представить себе более ужасного наказания. Это идея настоящего лавочника!»

Император завершил вечер чтением пьесы Аделаиды Дюгесклен, содержавшей претенциозную похвальбу Бурбонов.

Прочитав её, император сказал: «Во времена моего правления было дано указание о запрещении ставить эту пьесу под тем предлогом, что она будет оскорбительной для меня. Это обстоятельство случайно стало мне известно, и я отменил запрет. Происходило много вещей подобного рода; люди часто поступали очень неразумно, полагая, что они тем самым оказывают мне услуги и доставляют удовольствие».

Ниже я привожу текст ограничений, введенных для нас, о которых я только что писал. Они сами по себе нелепы и лучше, чем тома описаний, послужат для того, чтобы составить правильное представление о нашем положении; но что повышает ценность этого документа, так это замечания, которые сопровождают каждый пункт документа, — их сделал сам император.

Ограничения, введенные сэром Хадсоном Лоу и сообщенные в Лонгвуд 9 октября 1816 года, но которые он уже ввел в практику различными приказами ещё с августа, хотя он никогда не сообщал об этих ограничениях служившим на острове английским офицерам, которым, несомненно, было бы стыдно за их содержание:

«1. Границей для Лонгвуда будет служить дорога, ведущая к “Воротам Хатта” вдоль склона горы до сигнального поста охраны около “Дома тревоги”.

Замечание Наполеона. Предшественник сэра Хадсона Лоу расширил пограничную линию до вершин гор, но примерно через две недели он осознал, что, если передвинуть часовых немного дальше, дом и сад старшего секретаря администрации острова господина Брука будет находиться в пределах границ, и поэтому он дал приказ изменить их.

Примерно на расстоянии шестидесяти футов от обочины дороги, ведущей к “Воротам Хатта”, находится сад господина Корбетта, в котором растёт десяток дубов и находится родниковый фонтан, что даёт возможность насладиться прохладной и приятной тенью*. В соответствии с новыми ограничениями, которые определяют границы дорогой вдоль склона горы, дом Брука и сад Корбетта теперь находятся вне пределов границ.

2. Часовые поставят метки на границах, которые без разрешения губернатора запрещается пересекать всем, кто хочет добраться до Лонгвуда.

Замечание Наполеона. В соответствии с первоначально установленными правилами нашего проживания на острове, которые были санкционированы английским губернатором, в Лонгвуд допускались следующие лица: губернатор, адмирал, полковник, командир английского полка и лагеря, в котором размещался этот полк, два члена Совета Восточно-Индийской компании и генеральный секретарь администрации острова. Эти лица, обладавшие верховной властью на острове, могли проходить мимо линии часовых без всякого разрешения. Жителям острова было необходимо получить пропуск у губернатора; военные моряки должны были получать

* В том самом месте, которое описано Наполеоном, теперь находится его могила.

пропуск у своего адмирала, а военнослужащие — у своего полковника; и, наконец, жители города, моряки и офицеры могли посетить Лонгвуд, получив разрешение графа Бертрана, если император был согласен принять их. Этот установленный порядок действовал в течение восьми месяцев и не причинял никаких неудобств. В соответствии с нынешними правилами (которые вступили в силу с августа месяца, хотя нам о них официально не сообщали до тех пор, пока не вручили список новых ограничений), мы, можно сказать, оказались узниками одиночного заключения, лишившись всех контактов с жителями острова. И жители, и офицеры, и моряки, — все они в равной степени не расположены к тому, чтобы быть обязанными просить разрешения у губернатора на посещение Лонгвуда и подвергаться допросу о мотивах их визита в Лонгвуд. Посторонние люди, будь то гражданские или военные лица, посещавшие остров Святой Елены на пути из Индии в Европу или наоборот и пожелавшие встретиться с императором, обычно обращались к графу Бертрону, который назначал день и час, когда они будут приняты в Лонгвуде. Во время своего пребывания на острове они рассматривались как частные граждане и, с разрешения графа Бертрана, могли посещать Лонгвуд; необходимо ещё раз отметить, что такой порядок соблюдался в течение восьми месяцев, не причиняя никаких неудобств. Если кто-либо из транзитных пассажиров, остановившихся на острове, вызывал подозрение у губернатора, то он мог запретить им высадиться на остров или пройти первый пост часовых. Наконец, губернатор из доклада часовых ежедневно узнавал список лиц, посетивших Лонгвуд. Но в августе губернатор попытался вменить нам в обязанность принимать лиц, которым он хотел угодить, причём в те дни и часы, которые он сам считал подходящими. Это была кульминация его оскорбительного поведения! Чтобы положить конец всем этим оскорблениям, император счёл себя обязанным заявить, что в будущем он никого принимать не будет.

3. Будет устранено большинство сторожевых постов на дороге слева от “Ворот Хатта”, ведущей через Вудридж обратно к Лонгвуду, которой никогда не пользовался генерал Бонапарт со времени прибытия губернатора. Однако генерал не встретит каких-либо возражений, если пожелает в любое время совершить конную прогулку в этом направлении, заблаговременно информировав об этом дежурного офицера.

Замечание Наполеона. В первом замечании было доказано, что пространство передвижения в этой части острова уменьшено, а этим третьим пунктом инструкций оно подверглось ещё большему ограничению. Заявление, что долиной не пользовались в течение шести месяцев, является странной причиной для принятия подобного

решения. Конечно, верно, что Наполеон в течение нескольких месяцев отказывался выезжать на прогулку, вследствие поведения губернатора; но следует также отметить, что одна часть долины недоступна в дождливую погоду, а в другой её части расположен лагерь английского пехотного полка. Лорд Батхерст заявил в своей речи в парламенте, что “эту дорогу запретили для использования, когда выяснилось, что генерал Бонапарт злоупотреблял доверием, которое было ему оказано, и пытался развратить жителей острова”. Но в данном случае лорд Батхерст противоречит сэру Хадсону Лоу. Предложение совершать конную прогулку в долине всякий раз, когда император того пожелает, является фикцией: формальности, предписанные для получения этого разрешения, делают такую прогулку невозможной. Подобного предложения никогда не было, и оно никогда не может быть реализовано. Таким образом, конная прогулка в долине была запрещена, и стало невозможным посетить сад госпожи Мейсон, в котором есть большие деревья, дающие приятную тень. В тех пределах, которыми в настоящее время ограничены пленники, нет ни одного места, где бы они могли насладиться видом деревьев или водных источников; часовые расставлены по всей границе; и под предлогом непонимания приказов можно арестовать любого человека. Это уже часто случалось с французскими офицерами.

4. Если генерал Бонапарт пожелает продлить свою прогулку в каком-либо другом направлении, то офицер из губернаторского штаба, заранее проинформированный, будет готов сопровождать его. Если этому офицеру время не позволит, то его заменит дежурный офицер в Лонгвуде.

Офицеру, наблюдающему за генералом Бонапартом, приказано не приближаться к нему, если этого не требуют обстоятельства; офицеру приказано осуществлять наблюдение только для того, чтобы во время прогулок не происходило отклонений от установленных правил, и в этом случае вежливо информировать генерала о подобном отклонении.

Замечание Наполеона. Это правило абсолютно бесполезно. Император не выйдет на прогулку до тех пор, пока есть стремление подвергнуть его прямому наблюдению. Кроме того, офицеры губернаторского штаба имеют приказ докладывать обо всём, что говорят французы, когда вступают с этими офицерами в беседу. Это создаёт почву для предъявления клеветнических обвинений. Несколько английских офицеров отказались играть эту позорную роль, заявив, что они не позволят себе опуститься до уровня шпионов и докладывать о содержании разговоров, которые происходят в обстановке взаимного доверия во время конной или пешей прогулки.

5. Действующие уже правила, запрещающие общение генерала с кем-либо без разрешения губернатора, должны строго соблюдаться. Соответственно, от генерала Бонапарта требуют воздерживаться заходить в какой-либо дом или вступать в разговор с лицами, которых он может встретить (за исключением тех случаев, когда он отвечает на приветствие и обычные вежливые обращения к нему), если при этом не присутствует английский офицер.

Замечание Наполеона. До настоящего времени этой высшей степени оскорбления избегали. Император не признаёт ни за губернатором, ни за его агентами права навязывать ему какие-либо ограничения. Но в чём состоит цель этого пункта? Для того чтобы оскорбить и унижить личность пленников! В том, чтобы вызвать ссору между ними и часовыми? Решение запретить пленникам разговаривать с кем-либо и входить им в какой-либо дом означает в действительности отмену поездок и прогулок, разрешённых им. Всё это настолько удивительно, что мы теперь фактически вынуждены поверить в то, о чём многие люди уже подозревали, а именно, что сэр Хадсон Лоу иногда подвержен приступам помешательства.

6. Лица, которые с согласия генерала Бонапарта могут по-прежнему получать разрешение губернатора навещать его, не должны, несмотря на это разрешение, общаться с кем-либо из его окружения, если это специально не оговорено при получении санкций на встречу с генералом Бонапартом.

Замечание Наполеона. Это бесполезное правило, поскольку никто не был принят императором с тех пор, как нынешний губернатор отменил правила, введённые его предшественником. Однако вследствие этого ограничения таково, что, если Наполеон примет постороннего посетителя, когда никто из его свиты не сможет присутствовать при этом и никто из слуг не будет обслуживать эту встречу, то он будет вынужден сам открывать двери посетителю. Кроме того, так как император не говорит на английском языке, а посетитель, допущенный к нему, не сможет говорить на французском языке, то тогда они оба должны хранить молчание и, таким образом, встреча будет сведена к простой демонстрации внешности двух личностей.

7. С заходом солнца территория сада вокруг Лонгвуда будет считаться зоной, за пределы которой не разрешается выходить обитателям Лонгвуда. В это время по всей окружности территории сада будут расставлены часовые, но так, чтобы они не беспокоили генерала Бонапарта, наблюдая за ним, если он пожелает продолжить прогулку в саду. С наступлением ночи часовые займут пост у самого здания, как это делалось и раньше, и доступ в дом будет запрещён до следующего утра, когда часовых отзовут от дома и из сада.

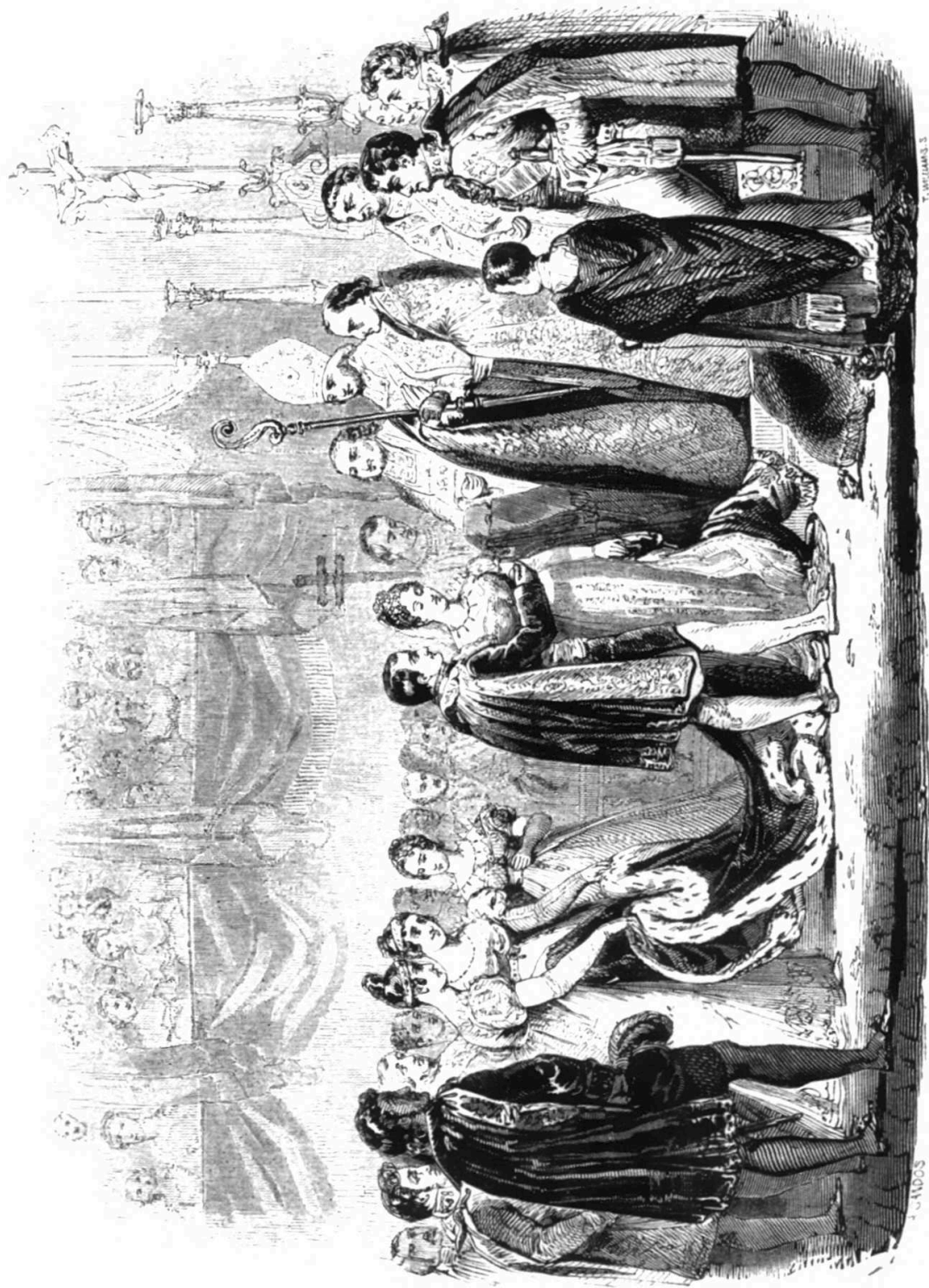
Замечание Наполеона. В период чрезвычайно жаркого времени года час после захода солнца является единственным, когда можно совершить прогулку пешком. Для того, чтобы избежать встречи с часовыми, император считает необходимым вернуться в дом тогда, когда ещё совсем светло; однако жара не позволяет ему выходить на прогулку днём, так как территория вокруг Лонгвуда лишена тени, водных источников и зелёной растительности. В соответствии с этим новым ограничением император не может получать удовольствие от прогулки вечером; таким же образом он лишён возможности совершать конные прогулки. Он заточён в маленьком доме, во всех отношениях непригодном для его размещения, скверно построенном, расположенном во вредном для здоровья месте и без запасов воды; и в дополнение ко всему этому используется любая возможность, чтобы подвергнуть его оскорблению и проявлению неуважения. Его организм, хотя от природы крепкий, сильно ослаблен из-за обращения, которому он подвергается.

8. Любое письмо для обитателей Лонгвуда будет вложено губернатором в запечатанный конверт и направлено дежурному офицеру, который, не вскрывая конверт, вручит его тому офицеру из окружения генерала Бонапарта, кому это письмо адресовано. Таким образом, этот французский офицер сможет быть уверен в том, что никто, за исключением губернатора, не ознакомился с содержанием письма.

Подобным же образом письма от любого из обитателей Лонгвуда должны вручаться дежурному офицеру вложенными во второй запечатанный конверт, адресованный губернатору. Тем самым обеспечивается уверенность в том, что никто, за исключением губернатора, не сможет ознакомиться с содержанием письма.

Ни одно письмо не может быть написано и отправлено, ни одно сообщение не может быть сделано, если не будет соблюдаться порядок переписки, предписанный выше. Запрещается любая переписка в пределах территории острова, за исключением писем поставщику продовольствия. Послания поставщику в незапечатанном виде должны вручаться дежурному офицеру, которому будет поручено переправлять их по назначению.

Замечание Наполеона. Последнее ограничение не касается императора, который не пишет и не получает писем, так что тут достаточно простого объяснения. Разве мнения, которые могут содержаться в личных письмах офицеров императора их друзьям, должны рассматриваться как преступление? Когда те, кто будут перлюстрировать эти письма, убедятся, что их содержание ни в коей мере не представляет опасности для государства, то забудут ли они содержание этих писем, с тем чтобы они никогда не стали предметом обсуждения или причиной злоупотребления? Это объяснение определит, подлежит ли вся переписка, или нет, запрещению.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ НАПОЛЕОНА И МАРИИ ЛУИЗЫ

Цель восьмого пункта инструкций, как это в достаточной мере доказывает установленная на острове инквизиторская система, заключается в том, чтобы помешать европейским газетам предавать гласности преступное поведение, которое здесь осуществляется. Затрачивается масса усилий, чтобы добиться этой цели, — было бы намного легче поступить так, чтобы сделать запрещение переписки ненужным. Письмо от 1 июля 1816 года, адресованное графу Бертрону, сообщает о мерах, идущих ещё дальше: они запрещают даже устные контакты с жителями острова. Принятие этих мер свидетельствует о проявлении иступления от ярости и ненависти или, скорее можно сказать, является доказательством явного сумасшествия. Меры, о которых здесь говорится, являются всего лишь незначительным примером притеснений, которым мы подвергаемся, и представляют собой изобретение, авторство которого, судя по всему, целиком принадлежит нынешнему губернатору. Может ли лорд Батхерст теперь утверждать, что сэр Хадсон Лоу не вводит никаких ограничений, что инструкции английского кабинета министров были, по сути, выгодны Наполеону и его окружению и не имели никакой иной цели, кроме той, чтобы обеспечить их безопасность? Император, в результате этого абсурдного и оскорбительного обращения, в течение нескольких месяцев не имеет моциона на свежем воздухе. Врачи, обслуживающие его, предвидят, что это его пребывание в четырёх стенах может оказаться фатальным для его организма. Это более верный и намного более бесчеловечный способ убийства, чем яд или меч». (Какое ужасное пророчество!)

**Беспокойство, вызванное новыми ограничениями —
Истории, связанные с переговорами в Кампо-Формио —
Господа Кобенцель, Галло и Кларк — Граф д'Антрег**

10 октября 1816 года

Этим утром мы договорились встретиться вместе у гофмаршала, чтобы обсудить ограничения, о которых губернатор недавно информировал нас, и принять в отношении них общее решение. Я был нездоров и не мог присутствовать на этой встрече. Однако я высказал свою точку зрения в письменной форме: я написал, что в том положении, в которое я поставлен, я не могу что-нибудь сделать и прийти к какому-нибудь позитивному решению; я всегда считал, что ноль равен нулю.

Вопрос действительно имеет весьма серьёзный и трудный характер. От нас требуют, чтобы мы подчинились новым ограничениям

и поставили себя в зависимость от губернатора, который бесчестно злоупотребляет властью, допускает самые оскорбительные выражения в адрес императора и объявляет, что мы должны сносить любые обиды под страхом немедленного разобщения с императором и последующей высылки на мыс Доброй Надежды и потом в Европу.

С другой стороны, император, возмущённый унижениями, которым мы подвергаемся из-за него, настаивает, чтобы мы больше не подчинялись им. Он убеждает нас, что нам лучше покинуть его и вернуться в Европу, чтобы свидетельствовать о том, что мы видели, как его практически погрёбают заживо.

Но каким образом мы можем, хотя бы на минуту, допустить подобную мысль?! Смерть будет предпочтительней разлуки с тем, кому мы служим, кем восхищаемся и кого любим, кому мы с каждым днём становимся всё более преданными благодаря его личным качествам и из-за страданий, вызванных несправедливостью и ненавистью. В этом истинная суть вопроса. При таких мучительных обстоятельствах мы не знаем, какое нам принять решение. Я закончил своё послание заявлением о том, что, если бы я был предоставлен самому себе, то без колебаний подписал бы всё, что предложит губернатор, и что если будет принято коллективное решение, то я безоговорочно поддержу его.

Губернатор теперь нашёл способ бороться с нами, атакуя каждого из нас в отдельности: он объявил о своём намерении удалять любое лицо из свиты Наполеона в соответствии со своим желанием и капризом.

Император болен: доктор О'Мира заметил начинающуюся цингу. Император попросил меня побыть с ним, и мы обсуждали вопросы, которые в данный момент более всего занимают наше внимание. Он захотел чем-нибудь развлечься и взял в руки главу о Леобене, которая оказалась рядом с ним. Когда мы кончили читать её, то разговор коснулся переговоров, которые привели к заключению договора в Кампо-Формио. Я сослался на эти переговоры ради того, чтобы обрисовать портрет и характер первого австрийского представителя на них, то есть господина де Кобенцеля, которого Наполеон прозвал *большим северным медведем* из-за того воздействия, которое он оказывал на ход переговоров: выступая в конференц-зале, он наваливался массивным телом на зелёный стол, положив на него тяжёлые руки, напоминавшие медвежьи лапы.

«В то время, — сказал император, — Кобенцель был дипломатическим представителем австрийской монархии, главной пружиной её планов и душой её дипломатии. Его назначили послом во все главные европейские страны, и он долгое время состоял послом при дворе Екатерины Великой, которая проявляла к нему своеобразную

благосклонность. Гордый своим высоким дипломатическим рангом, он, напуская на себя важный вид, не сомневался, что его величественные и изысканные манеры внушат благоговейный страх генералу, который только что вышел из стана революционных бурь. В соответствии с этим, — отметил император, — он проявил бестактность, безо всякого уважения обратившись к французскому генералу, но первых же слов, произнесённых последним, было достаточно, чтобы поставить австрийского дипломата на соответствующее ему место, с которого он потом никогда не пытался вознестись».

Сначала переговоры продвигались очень медленно: господин де Кобенцель, следуя привычке австрийского кабинета министров, оказался весьма опытным в искусстве спускать дела на тормозах. Однако французский генерал был полон решимости добиться результата от переговоров: первое же заседание, заявил он запальчиво, должно стать и последним. Наполеон пришёл на заседание, твёрдо настроенный получить определённый ответ на свои предложения; они были отвергнуты. Тогда он встал с кресла и в порыве гнева воскликнул: «Так вы хотите войны? Вы получите её! — И, схватив со стола великолепную фарфоровую чашу (которой с большим удовольствием пользовался Кобенцель, хвастаясь, что получил её в подарок от Екатерины Великой), он со всей силой швырнул её на пол, где она разбилась вдребезги. — Такой, — воскликнул он, — обещаю

вам, будет судьба вашей австрийской монархии менее чем через три месяца». С этими словами он покинул конференц-зал. Господин де Кобенцель буквально окаменел от ужаса, но господин де Галло, более склонный к примирению, поспешил за французским генералом, стараясь удержать его. «Он почти насильно вытащил меня из кареты, — сказал император, — и имел такой жалкий вид, что, несмотря на мой очевидный гнев, я не мог удержаться, чтобы не рассмеяться про себя».

Галло был неаполитанским послом в Вене, куда он в своё время сопровождал принцессу Неаполитанскую, вторую жену императора Франца. Принцесса полностью доверяла ему. Она, в свою очередь, полностью управляла своим мужем; таким образом, посол оказывал большое влияние на императорский двор Вены. Когда французская армия, продвигаясь к Вене, продиктовала условия перемирия в Леобене, австрийская императрица в этом критическом положении дел обратилась к своему доверенному лицу и обязала его принять меры, чтобы избежать надвигающейся опасности. Он должен был добиться встречи, словно случайно, с французским генералом и попытаться уговорить, чтобы тот принял его услуги в качестве посредника в переговорах. Наполеон, которому были хорошо известны все обстоятельства дела, принял решение использовать это в своих интересах. Соответственно, приняв Галло, он спросил его, кто он такой. Фаворит австрийского императорского двора, смущённый тем, что ему необходимо назвать своё имя, ответил, что он маркиз де Галло и что ему поручено императором Австрии попытаться нащупать почву на предмет заключения соглашения с Наполеоном. «Но, — заявил последний, — у вас не немецкое имя». — «Совершенно верно, — ответил Галло, — я неаполитанский посол в Вене». — «И как же так получается, — сухо заявил Наполеон, — что я должен вести переговоры с Неаполем? С ним мы находимся в состоянии мира. Разве у императора Австрии нет дипломатов старой школы для ведения переговоров? Разве старая аристократия Вены вымерла?» Господин де Галло, встревоженный мыслью о том, что подобные заявления будут официально сообщены кабинету министров Австрии, тут же принялся добиваться расположения и благосклонности молодого генерала.

Наполеон расспросил собеседника о последних новостях, которые тот получил из Вены, и упомянул в разговоре об армиях, стоявших у берегов Рейна, Самбры и Мёза. Он получил всю разведывательную информацию, которую хотел иметь, и когда он собирался удалиться, Галло спросил самым умоляющим тоном, может ли он надеяться, что французский генерал согласится видеть его в качестве посредника на переговорах, и должен ли он проследовать в Вену для получения

чрезвычайных полномочий. У Наполеона не было желания отклонять это предложение: он добился преимущества, которое не хотел терять. Господин де Галло, ставший впоследствии послом Неаполя в Париже во время правления Первого консула и затем послом Жозефа при дворе императора Наполеона, часто вспоминал эту сцену и откровенно признавался, что тогда он, как никогда в своей жизни, был напуган.

На переговорах со стороны Франции Кларк играл такую же второстепенную роль, как Галло со стороны Австрии. «Кларк, — заявил император, — был послан в Италию Директорией, которая начала считать меня опасным. Ему была поручена показная государственная миссия, но он имел секретный приказ следить за мной и выяснить, будет ли возможно, в случае необходимости, арестовать меня. Но в деле подобного рода нельзя было полагаться на офицеров моей армии, и поэтому первые запросы были направлены в адрес Цизальпийской Директории. Ответ был таков, что напрасно заниматься этим вопросом и лучше вообще отказаться от этой идеи. Как только я узнал об истинных инструкциях Кларка, так сразу же рассказал ему всё, что было мне известно; в то же время я заверил его, что меня мало беспокоят какие-либо доклады о моей особе, которые направляют в Париж. Кларк вскоре убедился в этом. Когда Директория сместила его с должности участника переговоров с Австрией, я предложил ему служить у меня, и он потом оставался со мной, хотя, возможно, в действительности мы друг другу не симпатизировали. Вернувшись во Францию, я, несомненно, вновь взял бы его на службу, если бы нашёл его рядом. Вы знаете, что мне трудно расставаться с теми, к кому я привыкаю: если люди, хотя бы раз, вместе со мной брались за какое-нибудь дело, я уже не мог заставить себя выбросить их за борт, — ничто, кроме крайней необходимости, не могло заставить меня сделать это. Главная заслуга Кларка заключалась в том, что он был хорошим деловым человеком».

После брюмера Кларк, как и следовало ожидать, стал адъютантом Первого консула. В то время во дворце этикет соблюдался мало, обязанности каждого не были чётко определены, и мы все вместе представляли собой нечто вроде семейного круга. Офицеры, напрямую связанные по службе с Первым консулом, обедали за общим столом. Кларк, который по своему характеру был чрезвычайно сварливым человеком и отличался крайним педантизмом, постоянно ссорился с одним из этих офицеров. Когда это обстоятельство стало известно Первому консулу, он отправил Кларка во Флоренцию послом при дворе королевы Этрурии. Само по себе это назначение было вполне приемлемым, но Кларк был отправлен во Флоренцию в качестве офицера, попавшего в немилость. Он настойчиво умолял вернуть его обратно в Париж и в конце концов, к его

немалому удовлетворению, получил приказ вернуться во Францию. Но его опала всё ещё продолжалась. Первый консул демонстративно отсылал его: он отправлял Кларка то в Тюильри, то в Сен-Клу, то в лагерь в Булони, не объясняя причин своих решений и не давая ему никаких поручений. Кларк в отчаянии заявил одному из своих друзей, что у него нет иного выхода, кроме как броситься в Сену, поскольку он не может более вынести унижение, которому подвергается, и чувство обиды из-за потери своего прежнего положения. Именно в это время он неожиданно получил должность секретаря топографического кабинета и стал государственным советником; его также назначили на некоторые другие посты, что вкупе обеспечило его жалованьем до 80 000 франков. Это было вполне в стиле Наполеона: за первым проявлением благосклонности обычно немедленно следовали и несколько других; в этих случаях его щедрость не знала границ. Но необходимо было быстро пользоваться наступившим периодом проявляемой благосклонности: он мог быть долгим или мог внезапно и безоговорочно прекратиться.

Я хорошо знал генерала Кларка; он был моим товарищем, когда мы учились вместе в военной школе. Он рассказал мне, что за несколько дней до сражения при Йене, император, под диктовку которого он только что написал многочисленные приказы и поручения, перешёл в разговоре с ним на доверительный тон и, прохаживаясь туда-обратно по комнате, заявил: «Через три или четыре дня я проведу сражение, в котором победа будет на моей стороне; она позволит мне продвинуться с моей армией до берегов Эльбы и, возможно, даже до берегов Вислы. Там я вступлю в сражение, которое также выиграю. Затем... затем... — продолжал император с задумчивым видом, приложив ладонь ко лбу, — но хватит, не имеет смысла фантазировать... Кларк, через месяц вы будете губернатором Берлина, и в истории будет отмечено, что в течение одного года и в результате двух различных войн вы были губернатором Вены и Берлина, — другими словами, монархий Австрии и Пруссии. Между прочим, — продолжал он, улыбаясь, — что вам дал император Франц за то, что вы управляли его столицей?» — «Абсолютно ничего, сир». — «Это уж действительно слишком! Ну что ж, в этом случае я должен оплатить его долг». И император вручил Кларку сумму, насколько мне помнится, достаточную для того, чтобы купить особняк в Париже или загородный дом в окрестностях столицы.

Ход последовавших событий даже превзошёл ожидания Наполеона. Осуществив только одно сражение, он в результате вступил в Берлин и вышел к берегам Вислы.

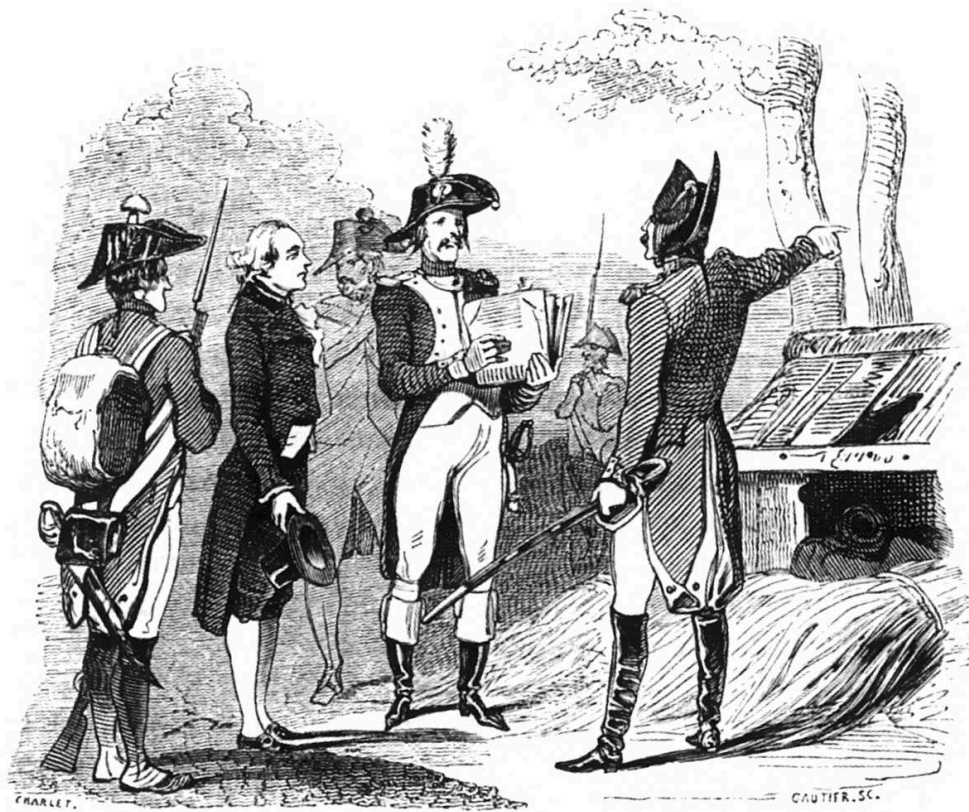
«Кларк, — заявил Наполеон, — сильно увлекался изучением вопросов, связанных с генеалогией. Во Флоренции он тратил много

времени, исследуя мою генеалогию. Он также прилагал массу усилий для выяснения родословной собственной семьи, и я полагаю, что он, в конце концов, убедил себя, что имеет родственные связи со всем Сен-Жерменским предместьем. Несомненно, он обладает необычайно высоким мнением о собственной персоне, ведь теперь он является министром законного короля, а раньше был министром всего лишь самонадеянного императора, оказавшегося просто выскочкой. Говорят, он сейчас находится в фаворе у короля; я желаю, чтобы он продолжал пользоваться этой благосклонностью. Она началась за несколько дней до моего прибытия в Париж, когда положение короля было отчаянным. Конечно, бессмысленно соглашаться на должность руководителя министерства, когда всё потеряно, и мне нечего сказать против этого. Подобное поведение может иметь определённое оправдание. Но всё же надо иметь и определённую долю декорума, и в этом Кларк был полностью востребован. Тем не менее я с готовностью прощаю ему всё, что касается меня... В 1813-м и в 1814 годах некоторые лица пытались заронить во мне зёрна сомнения в отношении верности Кларка, но я никогда не слушал ничего в этом роде. Я всегда считал его честным человеком». Близкие друзья Кларка, герцога Фельтрского, могут засвидетельствовать, что Наполеон был прав в оценке характера своего министра.

Герцог Фельтрский, сообщая императору секретные сведения о прибытии графа д'Артуа в Швейцарию, советовал ему заключить мир. Наполеон ответил ему в письме от 22 февраля 1814 года: «Что касается вашего совета относительно заключения мира, то это предложение абсурдно: оно зиждется на том мнении, что национальный дух французов окончательно сломлен. Кроме того, этот совет основывается на том предположении, что я или сумасшедший, или дурак, раз я не заключаю мир, если бы он был возможен. Все несчастья Франции, по-моему, приписываются тому распространённому убеждению, что в последние четыре месяца я мог заключить мир, но решительно отказывался сделать это. Я надеюсь по крайней мере на то, что меня избавят от необходимости выслушивать подобные мнения».

Обратившись к обсуждению проблем, связанных с событиями в Кампо-Формио, император упомянул об аресте графа д'Антрега, о документах, найденных у него, и о тех разоблачениях, к которым привели эти документы. Император также упомянул о тех привилегиях, которыми пользовался граф благодаря ему, и о том предательстве, которым граф отплатил за эти привилегии.

Граф д'Антрег, человек незаурядных способностей, склонный к интригам и наделённый от природы приятной наружностью, добился в определённой степени влияния в общественных кругах

Франции в начале нашей революции. Он был членом правого крыла Конституционной ассамблеи, но в результате её роспуска эмигрировал. В то время, когда французы собирались атаковать Венецию, граф д'Антрег обосновался в этом городе в качестве дипломатического представителя русского правительства и являлся главным источником и действующим лицом всех интриг, которые замыслились против Франции. Осознав опасность, угрожавшую Венецианской республике, он попытался сбежать, но на пути из неё неожиданно столкнулся с одним из наших форпостов и был схвачен со всеми его документами и ценными бумагами. Главнокомандующий французской армией назначил специальную комиссию для изучения этих документов, и секреты, содержащиеся в них, вызвали неподдельное изумление. Среди всего прочего они содержали неопровержимое доказательство измены Пишегрю, который приносил в жертву свои войска, чтобы облегчить военные операции врага. «Пишегрю, — возмущённо воскликнул император, — виновен в совершении самого гнусного преступления, которое когда-либо замыслилось, — в хладнокровном принесении в жертву солдат, чьи жизни были поручены ему».

Граф д'Антрег, поняв, что все его тайны раскрыты, повёл себя настолько ловко и с такой видимой искренностью, что Наполеон решил, что сумел убедить графа перейти на его сторону, или, говоря

более точно, позволил себе перейти на сторону графа, и поэтому стал обращаться с ним с крайней снисходительностью. Наполеон защитил его от судебного разбирательства Директории, которая настаивала на расстреле графа. Графу было позволено уехать в Милан под его честное слово. Но каково же было изумление Наполеона, когда он узнал, что д'Антрег сбежал из Милана в Швейцарию и там опубликовал гнусную клевету о нём, обвинив Наполеона в том, что он плохо обращался с ним, и даже жаловался, что его приковывали цепями. Вся эта ложь вызвала столь сильное негодование, что несколько иностранных дипломатов, хорошо знавших о том, как Наполеон в действительности относился к графу, добровольно выступили с публичным заявлением обо всём том, чему они были свидетелями.

В 1814 году графа д'Антрега постигла в Англии ужасная смерть, когда его убил его собственный камердинер в присутствии его жены, известной певицы Сен-Юберти.

Когда были захвачены документы графа д'Антрега, Пишегрю возглавлял Законодательное собрание и находился в состоянии почти открытой войны с Директорией. Легко себе представить, что члены Директории несказанно обрадовались, получив важные и подлинные документы, обвинявшие их противников. Раскрытие секретов Пишегрю оказало большое влияние на поведение Наполеона во время событий фрюктидора: оно оказалось одной из главных причин появления его знаменитой прокламации, приведшей к триумфу Директории.

Дезэ, служивший под командованием Моро во французской армии на Рейне, воспользовался перемирием, чтобы обратить на себя внимание главнокомандующего французской армией в Италии, к которому он испытывал глубочайшее уважение. Когда были обнаружены документы д'Антрега, Дезэ находился у Наполеона, и тот сообщил Дезэ о предательстве Пишегрю. На это Дезэ заметил: «Но мы знали об этом в армии на Рейне ещё три месяца назад. Фургон, принадлежавший корпусу генерала Клинглина и попавший в наши руки, дал нам возможность ознакомиться с перепиской Пишегрю с врагами Республики». — «И Моро не уведомил об этом Директорию?» — «Нет». — «Тогда он тоже виновен, — воскликнул Наполеон. — Когда безопасность страны поставлена на карту, умалчивать о преступлении наказуемо!»

После падения Пишегрю Моро сообщил Директории всё, что он знал о заговоре. Одновременно он гневно порицал всех тех, кто был связан с заговором. «Это лишь ещё один пример гнусного поведения, — заявил император. — Прежним молчанием он предал свою страну, а заговорив с таким опозданием, он всего лишь нанёс удар тому, кто уже пал».

Император видит сон

11 — 12 октября 1816 года

Сегодня в результате продажи части столового сервиза из серебра было получено почти 6000 франков. Эту сумму император считал необходимой для того, чтобы покрывать расходы французской колонии в конце каждого месяца, и он приказал регулярно повторять эти продажи столового сервиза.

Император продолжает чувствовать себя очень больным и находится в подавленном состоянии духа. Сегодня он до обеда не покидал своей комнаты, очень мало разговаривал и не занимался никакой работой. Большую часть дня я оставался вместе с ним. Он часто принимался говорить о наших отношениях с губернатором и сделал в связи с этим ряд знаменательных замечаний...

После обеда император упомянул о сне, который видел прошедшей ночью. Дама, с которой он был малознаком (госпожа Кларк, герцогиня Фельтрская), явилась к нему в его сне и заявила, что она умерла, и в то же время добавила несколько разборчивых и связанных между собой фраз. «Всё сказанное ею было столь ясным и отчётливым, — сказал император, — что произвело на меня сильное впечатление, настолько сильное, что если бы я в самом деле услышал о смерти герцогини Фельтрской, то мне пришлось бы признать, что мои укоренившиеся убеждения основательно поколеблены, и, возможно, — он лукаво посмотрел на одного из членов своей свиты, — я тоже стал бы верить в сны и в привидений».

Император ел мало; он продолжал оставаться в подавленном состоянии духа, и было ясно, что он очень болен. Он сразу удалился к себе после обеда, и его поведение сильно расстроило всех нас. Мы не могли не отметить, что он сильно изменился в последнее время.

Лишения, которым подвергается император — О принце Евгении

13 октября 1816 года

Примерно в десять часов утра к моей комнате подошёл император. Он заглянул через приоткрытую дверь и пожурил меня, что я поздно встал. Он застал меня в тот момент, когда я принимал ванну для ног, поскольку чувствовал себя нездоровым. Вскоре я присоединился к нему в шатре, где он пожелал завтракать. Он сообщил,

что распорядился подготовить ряд замечаний относительно новых ограничений, чтобы те, кто навязал их нам, не возлагали на нас всю ответственность за их введение. Затем император принялся подсчитывать количество партий столового серебра, предназначенных для продажи, и как долго оно послужит нашему существованию. Я повторил свои возражения, которые уже неоднократно высказывал, убеждая императора, что ему будет трудно обходиться без столового сервиза, и на это он мне ответил: «Мой дорогой Лас-Каз, в какие бы я ни был поставлен условия, эти предметы роскоши никогда не имели для меня никакого значения, а что касается других, то есть, что касается мнения общественности, то простота всегда будет моим лучшим украшением».

Император добавил, что в конце концов он может обратиться за помощью к принцу Евгению и что он склонен написать ему с просьбой о ссуде, которая потребуется, когда запас столового серебра будет исчерпан. Он также объявил о своём намерении поручить Евгению прислать ему некоторые важные книги из Лондона вместе с небольшим количеством отборного вина, необходимого ему в качестве лекарства. «Это поручение о вине, — заявил император, — заставит наших врагов в Европе говорить, что мы здесь думаем только о том, чтобы поесть и выпить». Император сказал, что он безо всяких колебаний может обратиться по этому поводу к Евгению, который обязан ему всем, что имеет; помимо всего прочего, император обладает законным правом получить от принца сумму в размере от десяти до двенадцати миллионов.

Пока мы завтракали, император послал за поляком, которому вскоре предстояло покинуть нас. После завтрака император пожелал заняться чтением или диктовкой, но он чувствовал себя очень вялым и несколько раз засыпал. Он удалился в свою комнату, чтобы немного полежать, пригласив меня к себе к часу дня для занятия английским. Но когда наступил назначенный час, он всё ещё пребывал в том же дремотном состоянии; и он преуспел только в том, что принял ванну, в которой, как обычно, оставался довольно долго. Удивительно, что эта его привычка — учитывая то, что он принимает очень горячую ванну, — не оказывается для него вредной.

За обедом император ел очень мало и пожаловался на отсутствие регулярного и глубокого сна. Он немного поговорил на тему о воздушных шарах, посмеявшись над рассказом о том, как ему пришлось с саблей в руке забраться в воздушный шар, когда он учился в военной школе. Он упомянул как о чуде об одном случае, когда воздушный шар, запущенный для оповещения жителей Рима о коронации, упал на землю через несколько часов в окрестностях этого города.

Император взялся за чтение «Дон Кихота», но через полчаса закрыл книгу: теперь он не может заставить себя долго читать.

Состояние его здоровья заметно ухудшилось. Он часто говорит мне, что мы оба сильно стареем и что он выглядит намного старше меня, — эти слова говорят о многом.

Требуемая декларация направлена губернатору — Ложные мнения — Генерал Мейсон

14 октября 1816 года

Сегодня гофмаршал направил губернатору новые декларации, которые последний потребовал от каждого из нас. Их текст одинаков:

«Я, подписавшийся, заявляю, что желаю оставаться на острове Святой Елены и разделять ограничения, предписанные лично императору Наполеону».

Около часа дня я посетил императора в его комнате и представил ему отчёт о выполнении ряда его личных поручений. Он занимался тем, что читал книгу о деятельности правительства Франции. Императору эта книга показалась весьма заурядной, и он отметил, что с тех пор, как у него стало привычкой просматривать подобные новинки, он находит, что их содержание основывается на слухах и что они рассчитаны лишь на то, чтобы приносить прибыль книготорговцам. Всему миру, заявил он, теперь угрожает лавина плохих книг, и он не видит способа, с помощью которого можно было бы противостоять такому огромному бедствию.

Одевшись, император удалился в гостиную, где ознакомился с содержанием некоторых английских газет, а затем прочитал несколько строк «Телемаха». Но, почувствовав себя уставшим и пребывая в плохом настроении, он прекратил это занятие. Мы обсудили ряд вопросов, связанных лично с императором, и он завершил нашу беседу, повторив несколько раз: «До чего же несчастна человеческая природа!»

Возобновив вскоре наш разговор, Наполеон, обсуждая некоторых известных лиц, которых он хорошо знал, сослался на одного из них, сказав, что тот отличался беспримерной аморальностью и подлостью. Я был знаком с человеком, упомянутым императором, и сказал, что знаю его с совершенно другой стороны. Я стал горячо защищать этого человека, но император прервал меня, сказав: «Я полностью верю тому, что вы говорите, но я слышал об этом человеке иное мнение; и хотя я обычно придерживаюсь правила выслушивать подобные вещи с определённой сдержанностью, но, как видите, я не всегда могу избавиться от мнений, которые мне сообщают. Было ли это моей ошибкой? Раз у меня не было особых оснований уточнять

сообщённые мне сведения, то каким образом я мог удостовериться в правдивости изложенных фактов? Это обстоятельство, — продолжал император, — является неизбежным следствием общественного хаоса: у разных людей всегда существуют различные мнения об одном и том же человеке. Какие только абсурдные и нелепые сплетни не распространяли о людях, ставших известными во время революции!* Парижские салоны были полны подобных сплетен и слухов, я несу всю ответственность за подобного рода скандалы. Тем не менее я решительно возражаю, что они оказывали существенное влияние на мой образ мышления или служили поводом для того, чтобы менять принятые мною решения».

Коснувшись некоторых офицеров, император упомянул генерала Мейсона. «Осуществлённый этим генералом тактический манёвр вокруг Лилля, — сказал император, — во время кризиса 1814 года привлёк моё внимание, и я его запомнил. Его не было среди нас в 1815 году. Что произошло с ним? Где он находился в то время?» Я не мог ответить на эти вопросы, поскольку не знал этого генерала.

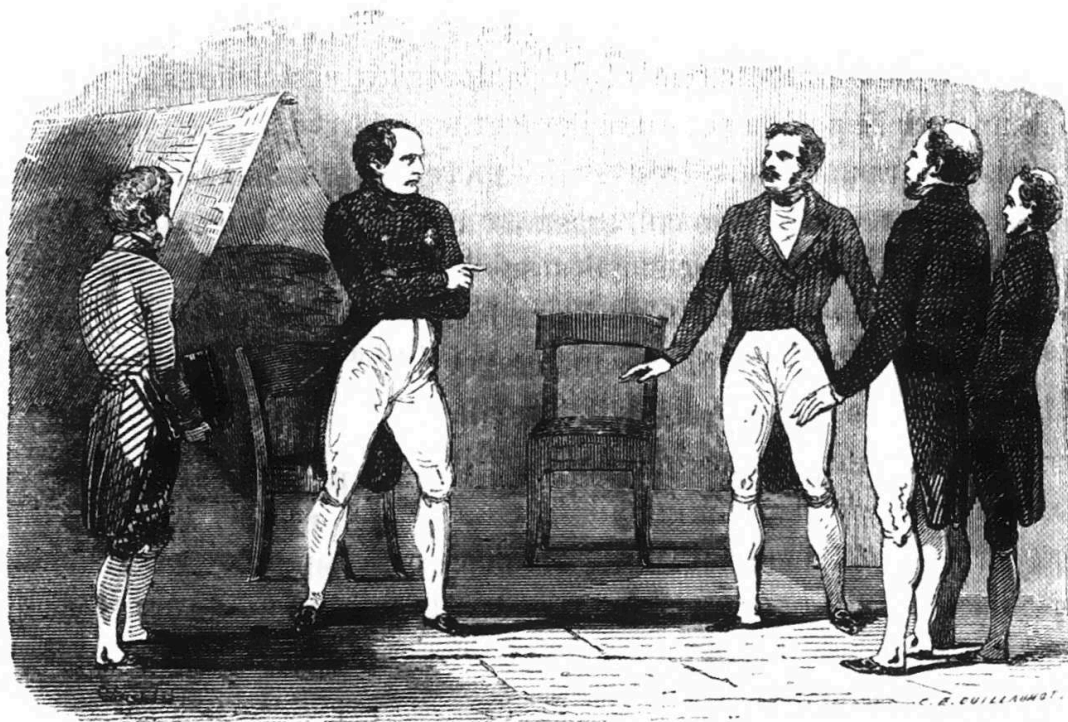
**Губернатор продолжает создавать нам затруднения —
Настроение императора в связи с этим —
Окончательное официальное оформление
нашей неволи**

15 октября 1816 года

В последнее время меня мучает бессонница; я провожу каждую ночь не сомкнув глаз. Сегодня утром примерно в восемь часов, когда я наконец уснул, в мою комнату вошёл гофмаршал, чтобы сообщить, что губернатор вернул наши декларации и направляется к нам. Он хочет заставить нас подписать новый образец нашей декларации, который отличается только титулом, которым мы обозначили императора. От нас требуют, чтобы мы назвали его в декларации всего лишь *Бонапартом*.

Гофмаршал проследовал в апартаменты императора, куда и я немедленно был вызван. Когда я пришёл к императору, то застал его

* Пользуюсь возможностью исправить ошибку по существу дела, которое обсуждалось в данной беседе. Я утверждал в дневнике, что господин Монж выходил на якобинскую трибуну для публичных выступлений, и т.д. Друзья и родственники этого выдающегося человека уверили меня, что все, кто знал его в то время, могут свидетельствовать: он никогда не появлялся в среде якобинцев и никогда не выступал с публичными речами в общественных местах.

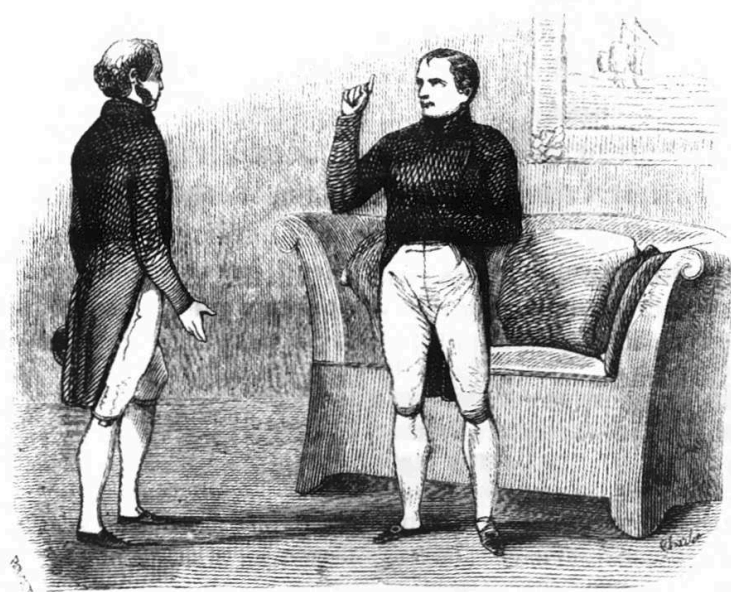

в тот момент, когда он возбуждённым тоном высказывал своё мнение по поводу поступка губернатора. В его апартаментах были собраны все члены его свиты. «Оскорбления, — заявил он, — которые ежедневно наносятся тем, кто целиком предан мне, оскорбления, которые, по всей вероятности, будут только множиться, создают ситуацию, которую я не могу и не должен более выносить. Господа, вы должны покинуть меня: я не могу видеть, как вы подчиняетесь ограничениям, которые навязаны вам и которые, несомненно, вскоре будут увеличены. Я останусь здесь в одиночестве. Возвращайтесь в Европу и предайте там гласности то ужасное обращение, которому я здесь подвергаюсь; засвидетельствуйте, что вы видели, как меня преждевременно загоняют в могилу. Я не позволю никому из вас подписать эту декларацию в том виде, в котором её от вас требуют. Я запрещаю вам делать это. Никогда не будет сказано, что тех, кем я властен командовать, использовали для того, чтобы увековечить мою деградацию. Если сегодня чинятся препятствия всего лишь в отношении глупой формальности, то завтра возникнут и другие затруднения. Принято твёрдое решение по очереди высылать вас с острова, но я бы предпочёл, чтобы вас отправили отсюда сразу всех вместе. Возможно, подобная жертва поможет привести к нужному результату». С этими словами император отпустил нас, и мы покинули его апартаменты, преисполненные тревоги.

Через несколько минут император вновь послал за мной. Он прохаживался взад и вперед во всю длину своих двух маленьких комнат.

В тоне его голоса чувствовалась необычная нежность, и я никогда ранее не был свидетелем более близкого отношения ко мне в его поведении. «Итак, мой дорогой Лас-Каз, — сказал он, — мне предстоит превратиться в отшельника». — «Сир, — возразил я, — а разве вы уже им не являетесь? Чем может наделить вас наше общество? Мы можем только предложить вам наши молитвы и добрые пожелания, которые, хотя они могут мало чем утешить вас, являются для нас всем. Наше нынешнее положение является самым мучительным, какое, вероятно, можно вообразить себе, ибо в сложившейся ситуации мы, возможно, теперь впервые считаем для нас затруднительным подчиниться Вашему Величеству. Вы говорите языком разума, в то время как мы руководствуемся только чувством. Доводы, которые вы только что донесли до нашего сведения, не допускают какого-либо ответа. Ваше решение полностью соответствует вашему характеру, оно никого не удивит, но его выполнение лежит вне пределов наших сил. Мысль о том, чтобы покинуть вас здесь в одиночестве, своим ужасом превышает всё, что может представить себе наше воображение». — «Однако такова моя судьба, — спокойно ответил император, — и я должен готовиться к худшему; мой разум достаточно силён, чтобы встретить его. Они сократят мою жизнь, это неизбежно». — «Сир, — возразил я, — решение, которое вы приняли, не подлежит даже рассмотрению. До последней минуты я буду высказываться откровенно, точно так же, как это делали вы; в данном вопросе я намерен сопротивляться всеми силами, хотя мне это будет трудно».

Император расположился в кресле и пожелал, чтобы я сел на стул рядом с ним. Он сказал, что очень устал, и распорядился, чтобы ему

принесли завтрак, попросив меня остаться с ним. В последнее время мне не приходилось есть вместе с ним; император объяснил мне причину, из-за которой я был лишён этого счастья, и я посчитал большой милостью, что он удостоил меня объяснением этой причины. Когда был подан кофе, то оказалось, что для меня нет чашки. Маршан собрался было пойти за ней, но император остановил его, сказав: «Возьмите ту чашку с каминной доски, — он будет пить кофе из моей красивой золотой чашки»*.

Как только мы с императором кончили завтракать, в комнату вошёл гофмаршал и сообщил нам, что прибыл губернатор. Он выразил желание встретиться с императором в новом доме Бертрана. Этот дом находится недалеко от Лонгвуда. Император пожелал, чтобы губернатора принял сам гофмаршал. Гофмаршал, собираясь удалиться, захотел узнать, по-прежнему ли император настаивает на своих указаниях, которые он дал нам сегодня утром, если губернатор не уступит в вопросе наших деклараций. Император заявил резким тоном: «Я не ребёнок; если я однажды тщательно рассмотрел проблему, то у меня в отношении неё более не существует двух мнений. Я руководил ходом сражений, решавших судьбы империй, и мои приказы всегда были результатом обдуманых решений. В данном случае проблема касается меня одного. Идите!»

Вскоре вернувшийся гофмаршал доложил императору о своей беседе с губернатором, которую он закончил отказом подчиниться требованию подписать изменённый текст декларации. Как сообщил гофмаршал, губернатор хотел переговорить по поводу декларации с тремя остальными членами свиты императора одновременно, но мы посчитали, что будет более правильным, если мы явимся на беседу с губернатором по очереди, один за другим.

Я отправился нанести визит губернатору и нашёл его в окружении нескольких его помощников в саду, около дорожки, ведущей к дому гофмаршала. Заметив меня, губернатор поспешил к дому, но я догнал его во дворе.

Так как он никогда не скрывал своей антипатии по отношению к моей особе, то и я при этой встрече был предельно собран. Тем не

* Это была чашка, которая стояла на каминной доске в качестве украшения. В настоящее время я имею счастье быть обладателем блюдечка к этой чашке. Маршан, этот верный слуга, к которому Наполеон был очень привязан, по возвращении с острова Святой Елены посетил меня и подарил мне это блюдечко. Этот благородный поступок Маршана вызвал у меня огромное чувство благодарности. «Эта красивая чашка, — сказал Маршан, — из которой вы иногда пили кофе, была одним из предметов набора для туалетного столика императора, и, соответственно, она была возвращена на своё прежнее место на столике. Блюдечко к чашке, наряду с некоторыми другими предметами, по завещанию досталось мне, я сейчас дарю его вам. Я уверен, что получить его — такое же удовольствие для вас, как для меня — вручить его вам».

менее он, насколько это было для него возможно, весьма вежливо проводил меня в дом, оставив свою свиту во дворе. Он сказал, что ожидал прибытия также и Монтолона и Гурго, чтобы вместе со всеми нами провести деловую беседу. Я спросил губернатора, не будет ли он возражать против того, чтобы провести эту беседу сначала со мной. Губернатор ответил, что не возражает, и, вызвав в дом своих офицеров, сказал мне в их присутствии, что я, несомненно, уже знаю от гофмаршала, что именно он собирается предложить мне по поводу моей декларации. Я ответил, что да, мне известно предложение губернатора, и заявил, что я следую примеру гофмаршала и руководствуюсь его мнением, учитывая его высокий ранг, а также то уважение, которое я испытываю к нему, и поэтому вполне естественно ожидать, что мой ответ губернатору будет совпадать с ответом гофмаршала. Я добавил, что не могу понять, почему вопросу, по своей сути формальному, придаётся такое большое значение, хотя он столь болезнен для наших чувств и в то же время не может быть полезным для тех, кто настаивает на его решении.

«Не в моей власти, — ответил губернатор, — внести то изменение в текст декларации, которое соответствует вашему желанию. Мне поручено предложить вам подписать декларацию в том виде, как я её составил; в данном случае я, будучи англичанином, не могу внести в текст тот титул, на котором вы настаиваете». — «Мне не было известно об этом, — ответил я, — и у меня нет ответа на этот ваш довод. Согласен, что вы, будучи англичанином, должны писать текст декларации именно таким образом, но я, будучи французом, должен подписать декларацию на моём языке, — то есть, в переводе с вашего языка. Поэтому разрешите мне добавить к моей подписи любую фразу, которую вы сочтёте необходимым продиктовать мне и в которой я могу выразить собственное мнение на моём языке. Теперь вы можете судить, — добавил я, — веду ли я себя искренне или стремлюсь создать трудности».

Это предложение явно заинтересовало его. «Мы сейчас, — продолжал я, — всего лишь спорим о словах, что может показаться нелепым, принимая во внимание те трудные условия, в которых мы находимся; но, сэр, кто создал эти трудности? Кто будет страдать от них? Ваш отказ ставит нас в весьма мучительную ситуацию. Вы же видите, что ввергаете меня в состояние крайнего отчаяния! Для меня разлука с императором — хуже, чем просто смерть; тем не менее я скорее предпочту смерть, чем стану орудием его унижения. Император объединил в себе всё то, что составляет личность, полную достоинств в глазах Бога и человека; отрицать это означало бы отрицать свет солнца».

Губернатор заявил, что он, будучи англичанином, не может признавать титул императора; на это я ответил, что его заявление не

вызывает у меня каких-либо возражений. Я добавил, что, как бы я ни был оскорблён манерой губернатора именовать императора каким-либо иным титулом, тем не менее я не собираюсь ставить под сомнение его право использовать любые титулы и звания, которые он считает подходящими в данном случае, и что, по этой же причине, он не должен высказывать неодобрение по поводу моих мнений и выражений, принимая во внимание тот факт, что я являюсь французом, а он требует от меня подписи под английской декларацией.

В этом месте беседы губернатор раздражённо сослался на некоторые прошлые обстоятельства, касавшиеся его лично, и заявил, что, в конце концов, моральный облик личности является единственным реальным титулом, требующим уважения. «В этом случае, губернатор, — ответил я с некоторой горячностью, повернувшись к присутствовавшим здесь офицерам, — император может отказаться от всех своих титулов и званий; он только возвысится в глазах всего человечества, если его личность будет оцениваться тем способом, о котором вы говорите». Губернатор погрузился в молчание; затем, выдержав паузу в несколько минут, он заявил, что мы по-прежнему относимся к своему генералу, словно он император. «И как же мы можем относиться к нему иначе?» — «Я имел в виду, что вы продолжаете относиться к нему как к монарху». — «Губернатор, вы говорите, что мы чтим его как нашего монарха; мы делаем больше — мы боготворим его! Мы считаем императора отрешённым от этого мира, мы смотрим на него так, словно он находится на небесах! Когда вы предлагаете нам нечто противоречащее его желанию, то это подобно тому выбору, который предоставляется мученикам, когда от них требуют или отказаться от своей веры, или умереть. Поэтому смерть должна стать нашей альтернативой». Эти слова произвели заметное впечатление на офицеров губернаторской свиты и даже на самого губернатора. Вопреки его привычкам, выражение его лица потеплело, а тон голоса смягчился.

«Наше положение здесь, на острове Святой Елены, — продолжал я, — настолько ужасно, что является почти невыносимым. Вам известно это; те страдания, которые мы испытываем сейчас, ничто по сравнению с тем, что уготовано для нас. То, чего я прошу, не требует каких-либо жертв с вашей стороны, но для нас означает буквально всё. Я умоляю вас разрешить нам то, о чём я вас прошу, а это дорогого стоит, ибо вы знаете, что у меня нет привычки выпрашивать милости от вас. Сделайте только одну уступку, и вы заслужите мою вечную благодарность. Кроме того, подумайте о той ответственности, которая возложена на вас; не забывайте о благоприятном общественном мнении в Европе, которого вы можете

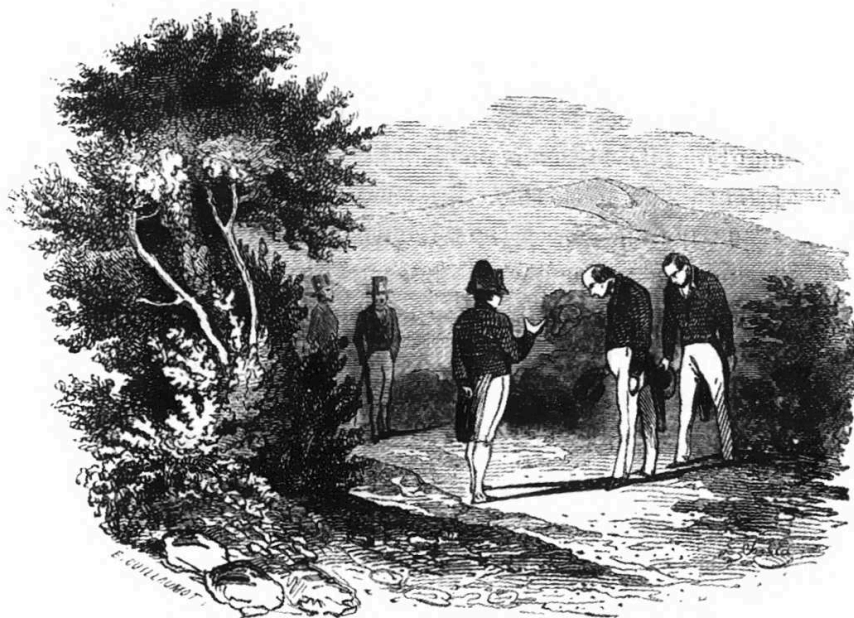
лишиться, не получив взамен никакой пользы. Вам не могут быть чужды чувства, которыми я преисполнен; они должны, я уверен, дойти до сердец всех тех, кто сейчас слушает меня».

Губернатор, казалось, был несколько тронут моими словами; офицеры его свиты были заметно взволнованы. После нескольких минут молчания он отвесил мне поклон, и я удалился.

Монтолон и Гурго тоже по очереди провели беседу с губернатором. Потом мы все четверо посетили императора, однако не могли сообщить, какое было принято решение по той проблеме, которая так сильно интересовала нас.

Император выразил желание выйти из дома, хотя ветер дул с неистовой силой. Мы все дошли до самого конца сада и обсудили поведение губернатора. По ходу этого обсуждения император в свойственной ему манере высказывал категоричные и в то же время весьма существенные замечания. Он закончил тем, что сказал, что если сегодня мы подпишем предложенный нам вариант декларации, чтобы избежать высылки с острова и остаться с ним, то завтра будет представлен новый повод разлучить его с нами. Поэтому он хочет, чтобы наша высылка с острова была осуществлена насильственно, немедленно и всех вместе, а не постепенно и каждого из нас в отдельности. Затем, неожиданно поменяв серьёзный тон на шуточный, император сказал, что, в конце концов, он едва ли может поверить, что губернатор хочет сократить численность его окружения до единственного подданного. «И какой бы это был подданный, — добавил он, — абсолютный дикобраз, до которого он не посмел бы и пальцем дотронуться!»

Во время нашей прогулки к нам неожиданно приблизились два незнакомца. Император распорядился, чтобы один из членов его свиты выяснил, кто эти люди. Оказалось, что незнакомцы сошли на берег с корабля, которому предстояло отплыть завтра в Европу. Император спросил их, есть ли вероятность, что по прибытии в Лондон они могут встретиться с кем-либо из английских министров. Они ответили, что встретятся с лордом Батхерстом. «Сообщите ему, — сказал Наполеон, — что его инструкции относительно обращения со мной здесь, на острове Святой Елены, отвратительны и что его подчинённый, губернатор острова, выполняет их с дотошной тщательностью. Если лорд Батхерст хочет отделаться от меня, то он может сделать это одним ударом, вместо того чтобы постепенно убивать меня. Подобное поведение — варварство, в нём нет ничего английского, и я могу объяснить это поведение только личной ненавистью. Я слишком уважаю принца-регента, большинство английских министров и всю английскую нацию, чтобы предположить, что они ответственны за такое обращение со мной. Как бы то ни

было, но власть распространяется только на физическое тело, а душа находится вне их досягаемости; она воспарит к небесам даже из темницы».

Вернувшись домой, император принял ванну; события дня утомили и измотали его. Он погрузился в сон, а я сидел рядом с ним, размышляя о наших новых обидах.

Во время обеда он ел очень мало. Один из нас что-то сказал, и император, не расслышав сказанного, спросил, о чём шла речь, — подобное происходит часто. Слова были повторены, но более громко. Тогда император заявил: «Я явно становлюсь глухим, поскольку иногда не слышу, о чём говорят в комнате, но раздражаюсь, когда люди говорят громче обычного». Вечер закончился тем, что он читал «Дон Кихота». Его очень развлекли некоторые комические сцены в книге, и, отложив её в сторону, он заметил, что мы, несомненно, проявляем немало мужества, поскольку, учитывая наши нынешние обстоятельства, мы способны смеяться, читая подобные пустяки. Несколько минут император молчал, явно о чём-то глубоко задумавшись, затем, встав из-за стола, он удалился, сказав: «Прощайте, мои дорогие друзья».

Во время обеда мне принесли письмо от гофмаршала, но я не вскрывал его, полагая, что оно ничего хорошего не предвещает. Я вскрыл его, как только император удалился. В письмо гофмаршала было вложено письмо от губернатора, сообщавшего, что если мы будем по-прежнему настаивать на отказе подписать декларацию, то он немедленно отдаст приказ о нашей высылке в Европу. Мы уступили велению наших сердец: принять решение покинуть императора

было для нас непосильно; в то же время это решение находилось в противоречии с желанием императора и даже его приказом. Охваченные единодушным чувством, мы подписали декларации в том виде, в котором они были переданы нам, и затем вручили их английскому дежурному офицеру в Лонгвуде вместе с письмом гофмаршалу, сообщив ему о том, что мы совершили без его участия. Мы руководствовались при этом только нашими чувствами и надеялись, что эти чувства принесут нам утешение, даже если император осудит сделанный нами шаг.

Теперь мы пришли к окончательному официальному оформлению нашей абсолютной неволи и к полной зависимости от воли и каприза губернатора — не только потому, что поставили наши подписи под присланными нам декларациями, но и потому, что теперь он знал наш секрет и был властен заставить нас подчиняться всему, что он пожелает.

Сийес — История о том, как император посещал инкогнито общественные праздники — Нравы во времена Директории

16 октября 1816 года

Император в полдень вызвал меня к себе. Он был занят чтением и только что кончил пить кофе. Он не обмолвился ни единым словом, которое дало бы мне возможность предположить, что ему известно о решении, принятом нами вчера вечером; в течение всего дня вопрос этот ни разу не был упомянут. Император прохаживался по своим апартаментам и вспоминал некоторые истории прежних времён, героем которых был Сийес. Император рассказал, что, когда Сийес был капелланом принца Орлеанского, он однажды совершал мессу. Что-то заставило принца покинуть церковь во время службы, и когда аббат поднял голову и увидел, что присутствуют только слуги, он немедленно закрыл церковную книгу, заявив, что его нанимали не для того, чтобы служить мессу для простолюдинов.

«Ваше Величество, — напомнил я императору, — были первым, кто познакомил меня с именем и личностью Сийеса. Через несколько дней после моего представления ко двору, вы, Ваше Величество, будучи тогда ещё консулом, во время одной из аудиенций, проходя мимо меня, остановились, чтобы поговорить с человеком, стоявшим рядом со мной, и назвали его по имени. Все мои эмигрантские предубеждения тогда ещё сохранялись в полной мере, и я чувствовал себя осквернённым, вступая в контакт с тем, кого я считал абсолютным

чудовищем и о ком всегда слышал как об объекте самых яростных проклятий». — «Несомненно, — пояснил император, — в тот момент Сийес подвергал критике моё консульское правление, и меня считали безусловным покойником. Но, как мне потом достоверно сообщили, Сийес отрицал подобную критику».

Затем я повторил историю, которую часто пересказывали в Сен-Жерменском предместье и которую, когда я впервые поведал о ней императору, он никак не комментировал. О Сийесе говорили, что он использовал эпитет *тиран* применительно к Людовику XVI. Утверждалось, что Наполеон сказал Сийесу по этому поводу: «Аббат, если бы он был тираном, то меня бы здесь не было, а вы по-прежнему служили бы мессу».

«Я мог так подумать, — заявил император, выслушав от меня эту историю во второй раз, — но я не настолько был глуп, чтобы сказать подобное. Это одна из тех абсурдных историй, которые придумывались в салонах Парижа. Я никогда не совершал ошибок подобного рода: я ставил перед собой цель гасить, а не разжигать пламя. Поток враждебного отношения был уже слишком сильно направлен против некоторых лидеров революции. Я считал необходимым поддерживать и поощрять их. Кто-то приобрёл — неизвестно где — бюст Сийеса в церковном облачении. Бюст был выставлен на публичное обозрение и вызвал всеобщее шумное неодобрение. Взбешённый Сийес поспешил ко мне, чтобы пожаловаться, но я уже сделал организаторам выставки необходимый выговор, и бюст вновь был предан забвению.

Мой главный принцип был — противодействовать политической реакции и предавать прошлое забвению. Я никогда не осуждал

чьё-либо мнение и не запрещал какое-нибудь дело. Я был окружён людьми, которые голосовали за смерть Людовика XVI; они были в кабинете министров и в Государственном совете. Я не одобрял их доктрины, но как именно я должен был поступать с ними? Какое я имел право становится их судьёй? Некоторые из них руководствовались своими убеждениями, других побуждали к действию слабость характера и всеобщий террор, всех вместе — бредовое состояние и неистовство текущего момента. Фатальность греческой трагедии служила примером для жизни Людовика XVI».

Я сказал императору, что, как говорили в Сен-Жерменском предместье, Сийес был замечен в заговоре против него в деле Клемана де Ри, а также, что он, Наполеон, простит Сийеса только при условии, что тот полностью отойдёт от участия в политике. «Это ещё одна выдумка, не имеющая под собой ни малейшего основания, — заявил император. — Сийес был всегда предан мне, и у меня никогда не было причин жаловаться на него. Он, возможно, был огорчён, когда понял, что я не разделяю его метафизические идеи, но он, в конце концов, убедился, что Франции необходим правитель, и предпочёл в этом качестве меня, а не кого-либо другого. Сийес был честным и очень умным человеком, он многое сделал для революции».

Император вспомнил, как на одном из первых общественных праздников, которые проводились во времена Консульства, наблюдая за иллюминацией вместе с Сийесом, он спросил последнего, что тот думает о положении дел в стране. Сийес по этому поводу дал весьма пессимистичный и удручающий ответ. «Однако, — возразил Наполеон, — сегодня утром я получил весьма обнадеживающие доказательства энтузиазма народа». — «Часто бывает так, — ответил Сийес, — что народ проявляет энтузиазм, когда ему предоставляют возможность воочию увидеть человека, обладающего верховной властью. Я могу заверить вас, что народ далёк от того, чтобы быть удовлетворённым своим положением». — «Следовательно, вы не считаете, что нынешнее правительство прочно стоит на ногах?» — «Нет». — «И когда, по вашему мнению, положение будет устойчивым?» — «Когда я увижу в приёмных залах вашего дворца герцогов и маркизов старого королевского двора».

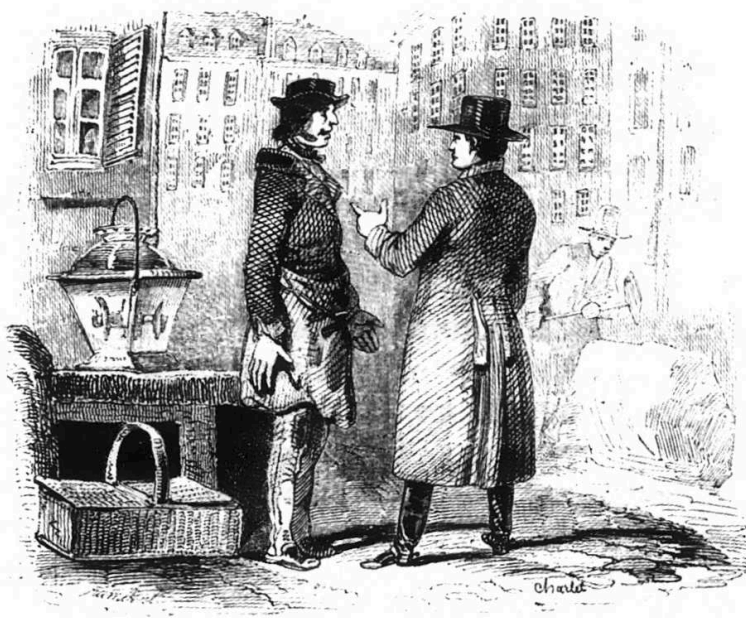
«Сийес, — добавил император, — даже не мог и вообразить себе, что это произойдёт так скоро. Он был политически близорук и не мог видеть то, что было вдали. Я считал, как и он, что всё не могло кончиться только республикой, но я предвидел установление империи. Соответственно, когда года через три в моей памяти были ещё свежи подробности этого разговора, я сказал Сийесу на одном из моих больших приёмов: “Итак, теперь, когда вы находитесь здесь вместе с герцогами и маркизами старого королевского

двора, не считаете ли вы, что положение страны стало прочным?” — “О да, — ответил Сийес, отвесив мне глубокий поклон, — вы совершили чудеса, которым нет равных и которые я никогда не мог предвидеть”».

Однажды во времена Консульства Наполеон стоял перед «Отелем де ла Марин», наблюдая за иллюминацией по случаю общественного праздника. Рядом с ним стояла женщина, которая, судя по её внешнему виду, прежде вращалась в великосветских кругах. Женщину сопровождала её дочь, очень красивая девушка. Женщина указывала дочери на разных знаменитых людей, которые выходили из отеля или входили в него. Привлекая внимание дочери к одному из них, женщина сказала: «Напомни, чтобы мы в один из ближайших дней нанесли визит вежливости этому человеку, — он оказал нам большую услугу». — «Но, мама, — ответила девушка, — я не знала, что нам предстоит благодарить подобных людей. Я думала, они счастливы уже тем, что могут оказать услугу особам нашего круга». «Лабрюйер, — заметил император, — непременно использовал бы этот случай в своей книге».

Наполеон иногда, переодевшись, рано утром в одиночку выходил из дворца, чтобы, смешавшись с толпой простых людей, представлявших рабочий класс, познакомиться с условиями жизни этих людей и понять их чувства и настроения. Во время заседаний Государственного совета я часто слышал, как он советовал префекту

полиции взять на вооружение этот опыт общения с простыми людьми. Он называл его *полицейской системой Калифа* и оценивал как лучший способ выяснить настроения народа.

Вернувшись в Париж после катастрофических кампаний Москвы и Лейпцига, Наполеон, чтобы не вызывать предположений, что у него ослабла твёрдость духа, часто появлялся на улицах города среди самой гущи парижан фактически в одиночку, без сопровождающих лиц. Он посещал рынки, предместья и все густонаселённые районы столицы, свободно беседуя с людьми; и повсюду его встречали с уважением.

Однажды, при посещении Наполеоном Центрального рынка, одна из торговек, с которой он обменялся несколькими фразами, без церемоний сказала ему, что он должен заключить мир. «Добрая женщина, — ответил ей император, — продавайте ваши овощи, а мне предоставьте возможность решать мои проблемы. Пусть каждый занимается своим ремеслом». Свидетели беседы императора с торговкой рассмеялись, и ему стали аплодировать.

В другой раз, когда в Сен-Антуанском предместье императора окружило много людей, которые вели себя по отношению к нему довольно прохладно, кто-то из толпы спросил: действительно ли положение настолько плохо, как это им говорят? «Да, это так, — ответил император. — Не могу сказать, что дела идут очень хорошо». — «Но какой будет конец всему этому?» — «Это знает один Бог!» — «Вступит ли враг во Францию?» — «Вполне вероятно, и он даже может войти в Париж, если вы мне не поможете. У меня нет миллиона рук. Я один не могу всё сделать». — «Мы поддержим вас», — воскликнули несколько человек. «Тогда я разобью врага и сохраню славу Франции». — «Но что мы должны делать?» — «Вы должны вступить в армию и сражаться». — «Мы согласны, — сказал один из толпы, — но мы выставим несколько условий!» — «Какие именно?» — «Мы не будем покидать территорию Франции и переходить через её границы». — «Вам это не потребуется». — «Мы хотели бы служить в гвардии», — сказал другой. «Вы будете служить в ней». В ответ немедленно раздались радостные возгласы. Сразу же был открыт список для желающих вступить в гвардию, и в течение дня она пополнилась двумя тысячами новобранцев. Наполеон направился обратно

в Тюильри; когда он уже въехал верхом на лошади на площадь Карусель, окружённый огромной толпой, чьи восторженные возгласы буквально сотрясали воздух, во дворце вообразили, что поднялся мятеж, и привратники дворца тут же принялись закрывать ворота.

По возвращении с острова Эльба император посетил Сен-Антуанское предместье, где с огромным энтузиазмом был встречен местными жителями, и он возвращался обратно во дворец в сопровождении восторженной толпы. Когда он проезжал Сен-Жерменское предместье, сопровождавшая его масса людей останавливалась перед самыми богатыми домами и демонстрировала своё негативное отношение к их обитателям гневными словами и угрожающими жестами. Император отметил, что он едва ли когда-либо оказывался в столь щекотливой ситуации. «Как много бед могло последовать, — сказал он, — если бы из толпы в эти дома был брошен хотя бы один камень. Если бы я произнёс хотя бы одно неосторожное слово или позволил себе двусмысленный взгляд в сторону одного из этих домов, то всё Сен-Жерменское предместье было бы подвергнуто разрушению; и я уверен, что оно сохранилось только благодаря моему хладнокровию и тому уважению, которое испытывали ко мне сопровождавшие меня люди».

Сегодня я присутствовал при том, как слуги императора помогали ему совершать его туалет. Сантини подстригал ему волосы, и один большой клочок волос с головы императора свалился к моим ногам. Я наклонился, чтобы подобрать этот пучок, и император, заметив мой произвольный поклон, спросил, что это значит. Я ответил, что кое-что уронил. Услышав мой ответ, император улыбнулся и уцепил меня за ухо: он догадался, что именно я подобрал с пола.

Рассказывая о порочных и коррумпированных нравах Директории в те времена, когда он командовал французской внутренней армией в Париже, Наполеон упомянул один случай: некий подрядчик явился к нему с просьбой подписать ряд документов и поддерживать некоторые назначения и поставки. Наполеон без колебаний обещал сделать это, полагая, что в подобных просьбах к нему нет ничего нечестного. Прежде чем уйти, подрядчик, пока Наполеон подписывал бумаги, оставил на каминной доске две завёрнутые стопки монет, содержавшие сто луидоров. Эти деньги были большой суммой, так как в то время в обращении находились главным образом бумажные деньги. К счастью, генерал был первым, кто заметил деньги, и посетитель, пока он не ушёл далеко, был вызван к нему обратно. Сначала подрядчик пытался отрицать, что это он оставил деньги; но потом признался, что это сделал он, заявив, что жить должен каждый и что способ, к которому он прибег, весьма распространён для

положительного решения деловых вопросов. Он, однако, надеялся на прощение, поскольку он неумышленно совершил дурной поступок, добавив, что часто бывает необходимо просить прощение за подобное оскорбление.

В тот час, когда император обычно гулял, он чувствовал себя вялым, но решил встряхнуться и вышел из дома, хотя дул сильнейший ветер. Немного погуляв, он вернулся в дом, и мы посетили апартаменты госпожи де Монтолон. Но, присев на диван, император тут же захотел спать. Он встал с дивана и проследовал в гостиную. Он пожаловался, что в доме очень жарко, и поэтому попросил стакан воды и ломтик хлеба. Его сонливое состояние всё ещё продолжалось, и он отправился в свои апартаменты прилечь.

Около семи часов вечера император вызвал меня к себе и передал мне следующую письменную декларацию, которую он попросил сохранить вместе с остальными официальными бумагами. Это была копия письменной декларации, которую он направил губернатору этим утром.

«Декларация

Я вспоминаю, что в разговоре, который имел место между генералом Лоу и некоторыми господами моей свиты (речь идёт о разговоре 15 октября), были сделаны некоторые замечания относительно моей ситуации, которые не соответствуют моим идеям. Я отрёкся от престола в пользу моего сына. Я проследовал в Англию с уверенностью, что буду жить там или в Америке в условиях полного уединения, приняв имя одного полковника, который был убит в сражении, находясь рядом со мной. *Я принял твёрдое решение полностью отказаться от какого-либо вида политической деятельности.*

Когда я вступил на борт “Нортумберленда”, я был извещён, что отныне я являюсь военнопленным и что меня перевезут через экватор, а также что меня следует именовать *генералом Бонапартом*. Это обстоятельство тем более вынудило меня сохранять титул *императора Наполеона*, а не звание *генерала Бонапарта*, которое было мне навязано.

Примерно семь или восемь месяцев тому назад граф Монтолон предложил во избежании постоянно возникающих трудностей позаимствовать для меня простое имя. Адмирал посчитал необходимым сообщить об этом предложении в Лондон, но там этот вопрос так и остался нерешённым.

Имя, которое в настоящее время используется при обращении ко мне, имеет то преимущество, что оно не наносит ущерба прошлому, но оно не находится в гармонии с установившимися правилами

общества. *Я по-прежнему склонен к тому, чтобы позаимствовать имя, которое бы соответствовало принятым обычаям; я вновь повторяю, что когда я стану свободным и буду выпущен из жестокого заключения, то я по-прежнему хочу оставаться полностью в стороне от всех политических дел, что бы ни происходило в мире.* Таково моё твёрдое решение, и никакое иное заявление по этому вопросу не получит моей санкции».

Во время обеда император практически не прикасался к еде; было что-то необычное в том летаргическом состоянии, в которое он впал. Его одолевала сонливость в течение всего дня, но когда он удалялся к себе, то не мог заснуть, — очень странное самочувствие. Он обычно быстро погружается в глубокий сон, когда хочет поспать, но нынче он весь день дремал, не будучи в состоянии крепко заснуть.

Сегодня в Европу отплыл фрегат.

Людовик XVI — Мария-Антуанетта — Госпожа Кампан — Принцесса де Ламбаль

17 октября 1816 года

В полдень меня вызвал император; он только что закончил свой завтрак. Ему не стало лучше по сравнению со вчерашним днём. Он немного поговорил со мной, а затем прочитал по-английски несколько страниц книги «Векфильдский священник». Он по-прежнему жаловался на дремотное состояние и после нескольких безуспешных усилий как-то встряхнуться, удалился в свою комнату, чтобы попытаться заснуть. Он был удивлён, что его депрессия продолжается, ведь, как он сказал, ночью он спал хорошо.

Он не покидал своей комнаты до тех пор, пока не был готов обед. После обеда он попытался немного почитать «Дон Кихота», но почти сразу же отложил книгу в сторону и ушёл в свои апартаменты. Поскольку было ещё рано, он послал за мной, когда лёг, и я оставался с ним почти целый час, беседуя на различные темы.

Мы говорили о Людовике XVI, о королеве, о сестре короля принцессе Элизабет и т.д. Император попросил меня рассказать ему всё, что я знаю о короле и о королеве, и что они сказали мне, когда я был им представлен. Правила и церемонии королевского двора, ответил я, были такими же, как и во времена Империи. Что касается королевской супружеской пары, то, по общему мнению, королева не оправдала ожиданий светского общества. В начале революционной

бури были все основания полагать, что она проявит себя женщиной больших способностей и энергии, но оказалось, что эти качества были ей совершенно не присущи. Говоря же о короле, я упомянул мнение о нём, составленное Берtrandом де Моллевиелем, с которым я был хорошо знаком и который занимал пост военно-морского министра правительства Людовика XVI в самый разгар политического кризиса. Он говорил о короле как о человеке, обладавшем обширной информацией, здравым мышлением и прекрасными намерениями; но на этом заканчивались все положительные качества короля. Он оказался в состоянии полной растерянности, получив многочисленные советы, которые сам же и просил, но нерешительно следуя им.

Император, в свою очередь, воссоздал в памяти портрет королевы, обрисованный госпожой Кампан, которая, как отметил император, будучи доверенным лицом королевы, служила ей с большим усердием, любовью и верностью, так что можно было ожидать, что она многое знала о ней. Она заслуженно считалась авторитетным источником в отношении всего, что касалось королевы. Госпожа Кампан, сказал император, сообщила ему немало подробностей частной жизни королевы; и он поделился некоторыми из них.

Королева, по мнению госпожи Кампан, была обворожительной женщиной, но лишённой каких-либо способностей: её скорее следовало оценивать как любительницу удовольствий, чем как участницу в решении государственных дел. Она обладала добрым сердцем, была скорее бережливой, чем расточительной, и ни в коем случае не имела силы характера, соответствующей трудным обстоятельствам, в которых она оказалась. Она получала регулярную информацию о планах, которые вынашивались за границей, и никогда не сомневалась в своём спасении, вплоть до фатального 10 августа — той катастрофы, которая свершилась только в результате интриг и ложных надежд королевского двора, получивших своё развитие из-за безрассудства короля и его окружения.

«В ту ужасную ночь с 5 на 6 октября, — рассказал император, — один человек, к которому королева испытывала большое уважение и к которому я относился резко отрицательно в Раштадте, поспешил присоединиться к королеве в Версале; был ли этот человек послан в Версаль специально или он отправился туда по собственной воле, чтобы разделить с ней её опасности, я не знаю. Именно в такие трудные моменты жизни, — продолжал император, — мы более всего нуждаемся в совете и в утешении тех, кто предан нам. В минуту катастрофы, когда дворец брали штурмом, королева бросилась спасаться в апартаменты короля, а её друг, которому грозила большая опасность, спас свою жизнь, выпрыгнув из окна».

Я сказал, что репутация королевы сильно пострадала в глазах эмигрантов в результате её поведения во время событий в Варенне:

её упрекали в том, что она не разрешила королю уехать одному, а также в том, что она не проявила необходимого умения и энергии во время бегства королевской семьи. Мало что могло сравниться с неразберихой во время плохо организованной поездки в Варенн. С этим событием связан курьёзный случай, касавшийся Леонарда, знаменитого парикмахера королевы, который нашёл способ выехать в своём кабриолете из Франции в самый разгар беспорядков в стране; он приехал в Кобленц, захватив с собой маршальский жезл, который, как он сообщил, король вынес из Тюильри, чтобы вручить господину де Буйе, когда последний должен был присоединиться к королю.

«Среди членов императорского двора Австрии, — сказал император, — стало правилом сохранять полнейшее молчание в отношении королевы Франции. Всякий раз, когда упоминалось имя Марии-Антуанетты, они опускали глаза и спешили сменить тему разговора, стараясь избежать обсуждения неприятного и затруднительного вопроса. Это правило было принято всеми членами императорской семьи и рекомендовано их представителям за границей. Усилия, предпринятые позднее французскими принцами для восстановления интереса к памяти несчастной королевы, несомненно, должны были вызвать неудовольствие императорского двора Вены».

Император затем задал мне несколько вопросов относительно принцессы де Ламбаль, о которой, как он сказал, он ничего не знал. Я мог ответить на его вопросы, так как хорошо знал принцессу. Одна из моих кузин была её фрейлиной, и по прибытии в Э-ла-Шапель, в начале моей эмиграции, я был принят как один из её придворных, и поэтому со мной обращались весьма любезно.

В Э-ла-Шапель принцесса де Ламбаль собрала вокруг себя многих бывших придворных Версаля: она была окружена аристократами и представителями великосветских кругов, которые были связаны со старым королевским двором. Её часто посещали знатные иностранцы; и пока я оставался с ней, я часто встречал Густава III, короля Швеции, который находился в Э-ла-Шапель под именем графа де Хага, прусского принца Фердинанда и его детей, старший из которых (принц Луи) был убит накануне битвы при Йене, герцогиню Камберлендскую, вдову брата короля Англии, и т.д.

Когда Людовик XVI торжественно принял конституцию и, таким образом, восстановил страну, принцесса получила официальное письмо от королевы с приглашением вернуться и занять прежнее положение. Она проконсультировалась со своими старыми друзьями, которые, придерживаясь того мнения, что королева не являлась свободной, а в Париже небезопасно, посоветовали ей не обращать внимания на письмо королевы, словно оно никогда не было получено. Принцесса,

однако, обратилась к другим лицам с вопросом, как ей поступить в данном случае. К сожалению, ей сказали: «Сударыня, вы застали эпоху процветания королевы, а теперь у вас появилась благородная возможность доказать свою верность, особенно сейчас, когда вы более не являетесь её фавориткой». Принцессе были присущи благородные принципы, ей была свойственна нежная привязанность, и она, в целом, представляла собой романтическую натуру. Она объявила о своём намерении выехать на следующий день в Париж. Несчастливая принцесса вернулась в столицу, ясно сознавая всю опасность, которая угрожала ей, и она стала жертвой великодушия и благородного чувства. Когда принцесса приняла решение вернуться в Париж, мои друзья предложили, чтобы я сопровождал её в качестве одного из членов её свиты. Моя молодость, а также то обстоятельство, что я был почти незнакомцем для Парижа, способствовали бы тому, чтобы я приехал в Париж никем не замеченным, и я, возможно, мог быть полезным для принцессы. Но в момент её отъезда возникли некоторые трудности, которые помешали мне сопровождать принцессу. Я стал вести с ней переписку и через день сообщал ей в письмах разные абсурдные истории, которые питали наши надежды и которым мы безоговорочно верили. Я продолжал писать ей, пока мы оставались там; я продолжал отправлять ей письма даже после того, как принцесса прекратила своё существование!

Чрезвычайное горе, постигшее меня, когда я узнал о страшной судьбе принцессы²⁰, иногда ещё усугублялось ужасом, что мои письма могли отчасти быть причиной страшного бедствия. Случайно в моём распоряжении оказались некоторые строки, которые принцесса написала за несколько дней до ужасной катастрофы, прекратившей её жизнь. Эти строки содержат сведения о её заключении в *темнице*, — именно так она называла павильон Флора, который в то время занимала в Тюильри.

Высылка четырёх лиц из числа персонала Лонгвуда — Воспоминания императора о днях своей молодости

18 октября 1816 года

Я встретился с императором только в пять часов вечера, когда он послал за мной, чтобы я составил ему компанию в гостиной. Он продолжал чувствовать себя нездоровым, однако всё утро занимался тем, что диктовал гофмаршалу. Затем император вызывал к себе по очереди всех остальных членов своей свиты. Он выглядел

подавленным и утомлённым, одновременно в его поведении ощущалось некоторое беспокойство. Император старался чем-нибудь занять себя: сначала он принялся играть в шахматы, потом в домино и вновь в шахматы, но, в конце концов, устав сидеть в кресле, вынужден был вернуться в свою комнату. Скверная погода и притеснения, которым мы подвергаемся, вызывают у всех нас почти невыносимые мучения. Плохая погода отрицательно сказывается на нашей нервной системе, а преследования, которые приняли постоянный характер в отношении всех нас, становятся всё более нестерпимыми. С каждым новым словом из уст губернатора наши страдания усиливаются. Сегодня он высказал намерение отозвать четырёх лиц из числа нашего персонала, которое стало причиной всеобщего сожаления среди обитателей Лонгвуда. Лица, отобранные для высылки, с грустью восприняли разлуку со своими товарищами, в то время как слуги, которым предстояло остаться с нами, не без причины серьёзно опасались, что и им вскоре предстоит разделить участь этой четвёрки. Мы сравнивали Лоу со Сциллой, сожравшей четырёх спутников Улисса.

Губернатор сообщил мне, что он также намерен отозвать и моего слугу, местного жителя, службой которого я был весьма доволен. Губернатор, несомненно, опасался, что этот человек станет чувствовать ко мне большую привязанность. Губернатор предложил лично выбрать для меня нового слугу. Я был весьма польщён его любезностью, хотя и не имел желания воспользоваться этим лестным предложением.

Во время обеда император почти не прикасался к еде, но к десерту его настроение немного улучшилось, и мы стали обсуждать события его молодости. Императору доставляет удовольствие говорить на эту тему, которая всегда является источником его живейшего интереса. Он сказал, что любит вспоминать то счастливое время, когда часы проходят в веселье и в удовольствиях, то счастливое время надежд и возрастающих амбиций, когда впервые перед вами раскрывается весь мир и разум доверчиво лелеет каждую романтическую мечту. Он говорил о своём полку и о том удовольствии, которое он получал, когда впервые стал вращаться в светском обществе. Упомянув различные балы и празднества, на которых он присутствовал в свои молодые годы, император подробно рассказал об одном из них, бывшем особенно великолепным. «Впрочем, — уточнил он, — в то время мои представления о великолепии весьма отличались от нынешних».

Император заметил, что ему трудно проследить собственную жизнь год за годом, на что мы сказали, что если бы он назвал нам дату события в пределах четырёх или пяти лет, то мы сами могли бы

легко определить даты остальных событий. Он вновь обратился к своему военному дебюту в период осады Тулона, в результате которого он впервые привлёк к себе внимание, к внезапному восхождению к власти, которого он добился после своих первых военных успехов, и к тому честолюбию, которое вызвали у него эти успехи. «И тем не менее, — заявил он, — я был тогда далёк от того, чтобы придерживаться высокого мнения о собственной персоне. Только после сражения при Лоди во мне зародилось то повышенное честолюбие, которое утвердилось в Египте после победы в сражении при пирамидах и при овладении Каиром. После этого, — подтвердил император, — я с готовностью отдавался в своих мыслях любой прекрасной мечте».

Воспоминания о днях молодости заметно подняли настроение императора, он стал весьма словоохотливым и удалился в свои апартаменты только в полночь. Мы восприняли это обстоятельство как признак его возвращения к нормальной жизни.

Романы госпожи де Жанлис

19 октября 1816 года

Сегодня около полудня нас покинули четыре изгнанника, а именно: поляк, Сантини, Аршамбо и Руссо. Через час они уже отплыли на корабле с попутным свежим ветром в парусах в направлении мыса Доброй Надежды.

Император послал за мной в три часа дня. Он находился в гостиной и пожелал, чтобы ему принесли романы госпожи де Жанлис. Он прочитал вслух несколько страниц, но вскоре отложил книги в сторону, сказав, что они ничего нового ему не сообщили. На меня же они произвели иное впечатление: несколько страниц, которые я только что выслушал, затронули немало нежных струн в моей душе. В романах была представлена картина жизни светского общества Парижа, приводились точные наименования улиц и памятников, а также знакомые сюжеты бесед в салонах столицы. Кроме того, в книге воссоздавались портреты хорошо известных личностей; всё это произвело на меня сильное впечатление. Реальность описываемого существовала, сам я также существовал, но, тем не менее, нас разделяли расстояние, время и, несомненно, Вечность! Сейчас я мог с безразличием воспринимать описание удовольствий и веселья, в которых проводили своё время герои романов, но воспоминания о них и Париже, возрождённые на страницах романов, наполнили мою душу чувствами глубокой печали и сожаления о прошлом.

К этому времени прибыл гофмаршал, и император вплоть до обеда диктовал ему свои воспоминания.

Вечером император попросил принести ему «Тысячу и одну ночь», но состояние здоровья не позволило ему читать книгу, и он отложил её в сторону.

Цена книг, присланных нам из Лондона — Переезд гофмаршала на жительство ближе к нам

20 октября 1816 года

Сегодняшний день я потратил на то, чтобы подсчитать стоимость присланных нам из Лондона книг, за которые императору был представлен для оплаты огромный счёт. Подсчитанная цена книг не достигла даже половины требуемой от нас суммы.

До самого обеда император не появлялся в гостиной, и он сказал, что в течение всего дня ни с кем не виделся; он искал возможность чем-то заняться и кончил тем, что в течение продолжительного времени вышивал. После обеда он вновь взялся за чтение «Тысячи и одной ночи».

Гофмаршал и его семья сегодня покинули «Ворота Хатта», их прежнюю резиденцию, расположенную на расстоянии одного лье от Лонгвуда. Наконец, они вступили во владение новым домом, и теперь мы живём вместе с ними почти под одной крышей. Это обстоятельство стало весьма важным событием для них и для нас.

Экспедиция Людовика IX Святого в Египет — Французские писательницы — Госпожа де Сталь — Авторы, неприязненно относившиеся к Наполеону

21 октября 1816 года

После завтрака я отправился навестить госпожу Бертран. Условия её жизни в коттедже «Ворота Хатта» были настолько ограниченными, что у неё нет причин сожалеть о том, что теперь ей предстоит жить в нашем Лонгвуде, отгороженном от всего мира. Мы же, со своей стороны, оказались только в выигрыше от близкого соседства с нею. Что касается меня, то кажется, что я обрёл часть моей семьи.

Зона нашего передвижения по острову постоянно подвергается ограничению, а численность часовых увеличивается. Всё постоянно напоминает о том, что мы находимся в ужасной тюрьме.

Пока император одевался, он сказал мне, что «принял твёрдое решение вновь приступить на регулярной основе к своим обычным занятиям, которые были прерваны жестоким обращением с нами со стороны нашего ужасного губернатора». Я настоятельно просил его следовать принятому им решению, приложив для этого все возможные усилия, ради него самого и ради нас, а также ради Франции и истории.

Погода была слишком плохая, чтобы император выходил из дома подышать свежим воздухом. Он отправился в библиотеку, где принялся перелистывать страницы книги Мишо «История крестовых походов», а также страницы мемуаров Жуанвиля. Затем пришёл в гостиную, где некоторое время беседовал со мной — в частности, о слуге, которого губернатор хотел отобрать у меня, и о том новом, которого Лоу намерен был навязать мне.

Губернатор был готов заплатить за императорский серебряный сервиз немногим более одной пятой той суммы, за которую сервиз можно продать в Париже, и, тем не менее, он не разрешал выставить этот сервиз на аукционе на острове или отправить его для продажи в Лондон!

Наших несчастных товарищей, высланных на мыс Доброй Надежды, во время плавания будут кормить как простых матросов. В связи с этим мне рассказали, что такая же вещь случилась и на борту «Нортумберленда». Тогда в отношении слуг императора не допускалось никаких поблажек в еде по сравнению с обычными матросами, за исключением тех случаев, когда за дополнительное питание французы должны были платить собственные деньги.

После обеда император читал описание Жуанвилем экспедиции Святого Людовика в Египет. Император проанализировал описание этой экспедиции и указал на её недостатки. Он сравнил движение войск крестоносцев и план этой экспедиции с планом, которого он придерживался во время собственной экспедиции в Египет. Этот анализ император завершил словами о том, что «если бы он действовал так же, как Святой Людовик, то, несомненно, разделил бы судьбу французского короля».

Рано удалившись в свои апартаменты, император вскоре послал за мной. Разговор вновь коснулся его военных походов в Египет и в Сирию, и случайно был упомянут роман госпожи Коттен «Матильда», сюжет которого затрагивает события в этих странах. Обсуждение этого романа привело к тому, что император сделал краткий обзор литературной деятельности французских писательниц. Он упомянул госпожу Ролан и её мемуары, госпожу де Жанлис, госпожу Коттен, произведение которой "*Claire d'Albe*" он только что читал, и госпожу де Сталь. Император довольно долго говорил о последней и частично повторил то, что было уже ранее сказано о ней.

Говоря о её ссылке, он сказал: «Её дом стал сборищем лиц, настроенных против меня; люди отправлялись туда, чтобы она посвятила их в рыцари на борьбу со мной. Она старалась мобилизовать моих врагов и сама сражалась со мной. Она представляла собой одновременно и Армиду, и Клоринду».

Затем, суммируя свои доводы, в соответствии со своей привычкой, император сказал: «В конце концов, нельзя отрицать, что госпожа де Сталь выдающаяся женщина, наделённая большими способностями и обладающая незаурядным умом. Её имя станет достоянием истории. Мне неоднократно намекали, чтобы я относился к ней более благосклонно, что её, в качестве противника, следует опасаться, но что она может стать полезным союзником; и, конечно, если бы, вместо того, чтобы осыпать меня бранью, что она и делала, она бы превозносила меня, то это, несомненно, было бы мне выгодным, ибо её положение и возможности дали ей абсолютную власть над светскими гостиными, а их влияние в Париже хорошо известно».

Затем он добавил: «Вопреки всему тому, что она говорила против меня, и всему тому, что она ещё скажет, я, конечно, далёк от того, чтобы думать и говорить, что у неё злое сердце; всё дело в том, что она и я вели друг против друга маленькую войну, и не более того».

Потом, говоря о разных писателях, которые выступали против него, император сказал: «Мне суждено быть, фигурально выражаясь, их пищей, но меня совершенно не страшит возможность стать их жертвой. Они напрасно будут тратить свои силы: история моей жизни состоит из фактов, и слова не могут противостоять им и уничтожить их. Для того, чтобы успешно бороться против меня, мой противник должен выйти на тропу войны, вооружённый весомыми фактами. Если бы человек, подобный великому Фридриху, или любой другой его уровня, собрался написать что-либо против меня, это было бы иное дело, — возможно, тогда бы для меня настало время действовать; но что касается других авторов, то их попытки будут напрасны. Моя слава выдержит испытание временем; и когда эти писатели захотят, чтобы ими восхищались, они должны будут восхвалять меня».

Забота о раненых — Барон Ларрей

22 — 23 октября 1816 года

Погода стоит необычайно скверная. Император, сильно страдающий от зубной боли, в результате которой у него опухла щека, не выходит из дома последние два дня. Большую часть времени я провёл вместе с ним в его апартаментах или в гостиной. Открыв все

двери смежных комнат, император использовал полученное пространство как место для прогулки.

В другой раз император выразил сожаление, что он ленится изучать английский язык. Я заверил его, что он уже достиг того уровня в изучении языка, к которому стремился. Он может читать любые книги, необходимо только свести все его знания к единой системе, — но разве ему подходят правила и установленные пределы?

Обсудив несколько тем, император заговорил о бароне Ларрее, о котором он отозвался самым восторженным образом, заявив, что он считает Ларрея истинно честным человеком: Ларрей замечательно объединил науку с добродетелью активной филантропии. Ларрей рассматривал всех раненых как членов собственной семьи; заботясь о нуждах госпиталя, он продумывал все возникающие проблемы до мельчайших подробностей. «В наших первых военных кампаниях во времена Республики, которые были столь оклеветаны, — заявил император, — в области хирургии произошла успешная революция, которая затем распространилась на все армии в Европе; и за это человечество во многом в долгу перед Ларреем. Отныне хирург разделяет с солдатом опасности военного сражения и уделяет солдату своё внимание в самый разгар битвы. Ларрей полностью пользуется моим уважением и благодарностью».

Это положительное мнение о Ларрее, видимо, чётко запечатлелось в памяти Наполеона в его последние часы жизни, ибо в своём завещании он не забыл Ларрея и отметил его следующим благородным признанием: «Это самый добродетельный человек из всех тех, кого я знал». Прочитав эти слова, я решил, что это на редкость замечательное выражение чувства уважения вызвано, наверное, каким-то особым обстоятельством. Вот результат моих исследований.

После сражений при Лютцене, Вурцене и Баутцене, одержавший в них победу Наполеон вызвал к себе хирурга (Ларрея), чтобы уточнить, как обычно, количество раненых и состояние их здоровья. Их оказалось значительно больше, чем после других сражений. Император был удивлён этим обстоятельством и потребовал объяснения причины этого. Ларрей считал, что причина заключается в большом количестве солдат, которые сражались в тот день впервые в своей жизни и потому были менее ловкими на поле сражения и менее опытными в знании того, как избегать опасностей. Император не был удовлетворён этим объяснением и провёл дополнительное расследование. В это время, между тем, в окружении императора было несколько лиц, которые крайне устали от войны; они хотели прекращения её на любых условиях и стремились убедить императора, что необходимо пойти на заключение мира.

Императору доложили в ответ на его запросы о раненых, что их огромное количество не должно удивлять: подавляющее большинство

из них получили ранение в руку, поскольку они сами наносили себе раны, чтобы избежать участия в военных действиях. Император был потрясён этой информацией; он потребовал провести новое расследование, но оно дало тот же результат. Император был в отчаянии. «Если дело обстоит именно так, — воскликнул он, — то, несмотря на наши военные успехи, положение безнадежно и Франция будет отдана варварам беззащитной». Размышляя над тем, какие меры принять, чтобы положить конец подобному моральному разложению солдат, он приказал, чтобы получившие ранение в руку были помещены в госпиталь отдельно от других раненых. Император назначил комиссию, составленную из хирургов во главе с Ларреем, чтобы выяснить характер ранений в руку; Наполеон решил наказать самым строгим образом тех, кто оказался настолько труслив, что готов был калечить себя. Ларрей, по-прежнему не желавший верить в это добровольное членовредительство, которое, по его мнению, было пятном на чести армии и нации, вновь предстал перед императором, чтобы опять изложить ему свою точку зрения. Но Наполеон, разгневанный его упрямством, которое некоторые лица постарались только усилить в глазах императора, жёстким тоном сказал ему: «Сударь, мне нужно официальное расследование дела. Идите и выполняйте свои обязанности».

Барон Ларрей немедленно принялся за дело, но стал выполнять поручение очень серьёзно и тщательно; он изучал самые незначительные детали, и поэтому его расследование продвигалось медленно, в то время как разные мотивы заставляли лиц из окружения Наполеона с нетерпением ждать результатов работы комиссии. Было известно, что и сам император проявлял в этом деле неменьшее нетерпение. Некоторые люди не уставали намекать Ларрею на ту весьма щекотливую ситуацию, в которой он оказался, но он оставался глух ко всем замечаниям и советам и непоколебим в своём желании довести дело до конца. Наконец через несколько дней он отправился к императору и просил разрешения лично представить Наполеону свой доклад.

«Итак, сударь, — спросил император, — вы по-прежнему настаиваете на своей точке зрения?» — «Более того, сир, я готов доказать Вашему Величеству, что я был прав, а этих храбрых молодых людей подло оклеветали. Я долго и тщательно всё расследовал и не нашёл ни единого виновного солдата. Представляю вам доклад с письменными отчётами о каждом случае ранения; показания легко проверить». Император окинул Ларрея мрачным взглядом и, взяв его доклад с некоторым чувством недовольства, сказал: «Хорошо, я ознакомлюсь с вашим докладом». Читая его, император быстрыми шагами прохаживался по комнате; в его настроении чувствовались возрастающая

возбуждённость и возникавшее сомнение в отношении принятого им решения. Наконец он подошёл к Ларрею с просветлённым лицом и, сердечно пожав ему руку, с волнением сказал: «Прощайте, господин Ларрей. Счастлив тот монарх, кто имеет дело с такими людьми, как вы; вам сообщат мои распоряжения». В тот же вечер Ларрей получил от Наполеона его портрет, осыпанный бриллиантами, 6000 франков золотом и назначение ему государственной пенсии в размере 3000 франков, помимо, как было сказано, всех других наград, на которые он будет иметь право в соответствии со своим рангом, возрастом и результатом будущей службы.

Подобные сюжеты бесценны для истории, так как они показывают, с одной стороны, честного человека, который без колебаний защищает правду в споре с предубеждённым и гневным монархом, с другой стороны, они демонстрируют благородного монарха, который открыто выражает чувства счастья и благодарности, когда узнаёт, что его не обманывают.

**Император принимает от меня четыре тысячи
луидоров — Перевод трагедии Еврипида, заказанный
для представления в театре в Сен-Клу —
Маршал Журдан**

24 октября 1816 года

Император не покидал своих апартаментов, никого не вызывал к себе и не вышел к обеду. Это вызвало у нас опасение, что он болен. В десять часов вечера он послал за мной, поскольку я ещё не лёг спать. Император сообщил мне, что весь день провёл на диване; он читал в течение почти восемнадцати часов и за это время только съел немного супа. Он страдает от зубной боли. Я сказал ему, что мы боялись, не случилось ли с ним чего-либо более серьёзного, ибо наше огорчение от того, что мы не видим его, всегда возрастало из-за дурных предчувствий.

Вскоре в разговоре император затронул проблему наших финансовых ресурсов. Сегодня утром, как он не без юмора выразился, он провёл заседание своего Совета; была взвешена серебряная посуда и подсчитано её количество для предстоящей продажи; благодаря ей, сказал он, мы можем продержаться ещё некоторое время. Я вновь повторил своё предложение о четырёх тысячах луидоров, которые я держал в английских фондах, и император сообразовался принять их.

«Моё положение достаточно своеобразно, — заявил он. — Я не сомневаюсь, что если бы связь со мной была разрешена и мои родственники, а также многие незнакомые мне люди узнали, что я нахожусь в стеснённых обстоятельствах, то я бы вскоре в обилии был обеспечен всем, в чём нуждаюсь. Но должен ли я стать бременем для моих друзей и злоупотреблять их помощью? Я обратился к английским министрам с просьбой о нескольких книгах, и они выслали их мне, продемонстрировав при этом всё невнимание и нерадивость небрежно относящегося к своей работе чиновника-бюрократа. Они потребовали с меня две тысячи фунтов стерлингов, то есть примерно 50 000 франков, за то, что я мог бы запросто приобрести за менее чем 12 000 франков. Не то же ли самое происходило с любой другой моей просьбой? Если я принимаю то, что вы предлагаете мне, то ваши деньги должны быть использованы строго для оплаты наших первоочередных потребностей, ибо мы действительно не можем жить на те средства, которые они дают нам. Небольшое прибавление в размере ста луидоров в месяц будет как раз достаточным, и именно эту сумму вы должны запросить, но прошу вас провести всю эту финансовую операцию с большой осторожностью».

В этот момент к нам подъехала карета, запряжённая четвёркой лошадей, ею правил один Аршамбо. Иначе и быть не могло после высылки с острова его брата. Сначала император отказывался сесть в карету: он считал неблагоприятным ехать в карете с одним кучером между пней, которые окружали нас. Он не забыл своё падение с каретой в Сен-Клу и пожелал, чтобы один из наших английских слуг поехал в качестве фореитора. Но Аршамбо стал протестовать, заявив, что с фореитором он не будет чувствовать себя в большей безопасности, чем правя каретой в одиночку. После отъезда своего брата, сказал Аршамбо, он постоянно тренировался управлять четвёркой лошадей, запряжённых в карету, в поездках по лесу, чтобы быть уверенным, что сможет в одиночку справиться с лошадьми. Выслушав объяснение Аршамбо, император сел в карету, и мы сделали по лесной дорожке два круга. Вернувшись в Лонгвуд, император пошёл посмотреть новую резиденцию гофмаршала, которую он ещё не видел.

Вечер завершился чтением отрывков из трагедии Лонжпьера «Медей». Император прервал чтение, чтобы сравнить её с трагедией Еврипида с аналогичным сюжетом, которую он попросил принести ему. В связи с этим рассказал, что некогда он дал указание поставить греческую трагедию на сцене дворцового театра. Он хотел, чтобы постановка была осуществлена на основе самого лучшего перевода трагедии с древнегреческого языка без каких-либо купюр,

чтобы сохранить нравы, одежду и пейзаж, описанные в оригинале. Император не мог вспомнить, что помешало осуществить это представление трагедии.

Удалившись в свои апартаменты, император, не чувствуя склонности ко сну, несколько раз прошёлся по комнате и затем расположился на диване. Он стал перелистывать страницы политического альманаха, оказавшегося у него под рукой, и наткнулся на список наших маршалов. Читая краткие сведения о них, император вслух добавлял уже описанные мною различные истории об этих лицах. Остановившись на маршале Журдане, он посвятил ему некоторое время и закончил следующими словами: «Это как раз тот человек, к которому я плохо относился; отсюда можно вполне естественно сделать вывод, что он должен был считать меня своим злейшим врагом. Мне было приятно узнать, что после моего падения он был весьма сдержан в своих высказываниях в мой адрес. Он дал пример того величия души, которое отличает только выдающихся людей и делает честь их характеру. Что ни говори, но он был истинным патриотом, и это объясняет многое».

Краткое изложение событий в июле, августе, сентябре и октябре — О книге доктора О'Мира

Обычное изложение событий впредь не может быть многословным; строго говоря, трёх предложений достаточно, чтобы проследить их:

Постоянные неприятности.

Абсолютная изоляция.

Неумолимое уничтожение.

Остаток дней существования Наполеона будет только жестокой и затянувшейся агонией.

Уже ясно, что прибытие нового губернатора стало для нас сигналом начала жизни, полной страданий. Несколько дней было достаточно, чтобы раскрыть его план, и вскоре неприятности и оскорбления, исполнителем которых губернатор сделал самого себя и которые он сам придумывал, достигли для нас высшей степени. Он сделал нас объектом страха для местных жителей, он подвергает нас самым жестоким притеснениям, он запретил нам писать, без предварительного сообщения ему об этом, даже тем лицам, с которыми он разрешил нам разговаривать без каких-либо ограничений, он пригласил *генерала Бонапарта* на званый обед к себе, чтобы показать его высокопоставленной даме, посетившей остров с кратким визитом, он арестовал одного из наших слуг.

Теперь он пытается обязать императора заняться, как Наполеон выразился по этому поводу, «мельчайшими деталями своих желаний» и обсуждать их с ним. Он требует, чтобы император дал деньги, которых у него нет, и, сокращая для нас количество предметов первой необходимости, губернатор вынуждает императора разбивать на куски серебряную посуду и продавать её. При этом он, властью губернатора, определяет стоимость этой посуды и лицо, которому предписывается покупать её. Он возмутительным образом ограничивает поставку нам вина, определяя её в количестве одной бутылки на человека, распространяя это ограничение и на императора. «Он понижает стоимость нашего существования, — заявил император, — он неохотно позволяет мне пользоваться воздухом, которым я дышу, а то, что он посылает для нашего пропитания, чаще всего настолько плохое, что мы вынуждены обращаться с просьбой о продуктах в лагерь к нашим соседям, офицерам английского пехотного полка!»

Губернатор расставляет ловушки для Наполеона и ликует в надежде, что сможет лично и с торжеством сообщить ему текст так называемого министерского распоряжения, которое столь отвратительно, что он отказывается оставить императору копию этого распоряжения.

Он предписывает императору выполнение самых абсурдных правил. Он своенравно и со злой иронией сокращает зону передвижения императора, отмечает следы его шагов и заходит настолько далеко, что пытается регулировать содержание бесед императора и характер его выражений. Он окружил нас окопами, частоколами и редутами. Он заставил каждого из нас лично подписать заявление, что мы подчиняемся всем этим ограничениям, ради того чтобы нам разрешили остаться с императором. Он превращает нас в своё орудие, чтобы унижить императора, заставляя нас называть его *Бонапартом* под угрозой немедленного изгнания из Лонгвуда и последующей высылки с острова.

Император, раздражённый подобным постыдным обращением и такими необоснованными оскорблениями, откровенно высказал сэру Хадсону Лоу всё то, что он о нём думает, и его слова не знали ограничений. Он навсегда отказался находиться в обществе губернатора и заявил, что никогда не встретится с ним вновь. «Самый недостойный поступок английских министров, — заявил он губернатору, — заключается не в том, что они выслали меня сюда, но в том, что они передали меня в ваши руки. Я жаловался на адмирала, вашего предшественника, но у него, по крайней мере, есть сердце! Вы являетесь позором вашей нации, и ваше имя навсегда останется пятном на её репутации!..»

«Этот губернатор, — часто говорит нам император, — со своим складом ума ничего общего не имеет с англичанином; он всего лишь никчёмный агент тайной полиции Сицилии. Сначала я жаловался, что мне прислали тюремщика, но теперь я утверждаю, что они прислали мне палача...»

Я записал эти выражения императора и мог бы привести многие другие, включая довольно грубые. Во-первых, потому что я лично слышал, как они произносились. Во-вторых, потому что Наполеон использовал их в личном разговоре с Лоу и был вынужден повторять их ему. В-третьих, наконец, потому что эти выражения заслуживали того, чтобы их произнесли, учитывая ту деспотичную, жестокую и грубую манеру, с которой губернатор (к огромному возмущению самих англичан, присутствовавших при беседе императора с губернатором и затем выразивших своё возмущение поведением губернатора), злоупотреблял властью, данной ему от имени нации, столь почитаемой во всём мире, по отношению к монарху, столь уважаемому в Европе, и по отношению к кабинету министров, в котором всё ещё был ряд достойных личностей, известных своей сдержанностью и изысканными манерами.

Притеснения, которым подвергался Наполеон, были постоянными; они продолжались всё время его существования на острове, и ни один день не проходил без того, чтобы ему не наносили свежей раны.

В течение этого периода времени здоровье императора постоянно и сильно ухудшалось. Его крепкое тело, которое вынесло столь тяжкие труды, победу и славу, теперь склонилось под тяжестью немощи, преждевременно вызванной несправедливостью людей. Почти каждый день он становился жертвой каких-то новых заболеваний: опухшее от лихорадки лицо, симптомы цинги, постоянные простуды; черты его лица изменились, его походка стала тяжёлой, ноги опухли. Наши сердца разрывались при виде того, как он неумолимо идёт к собственному концу; все наши заботы о нём оказывались напрасными.

Император уже давно отказался от конных прогулок и теперь почти полностью прекратил поездки в карете. Даже пешеходные прогулки стали редким событием, и он проводил почти всё время в уединении в своих апартаментах. Он больше не прибегал к регулярным и продолжительным занятиям; он редко диктовал нам, и только по тем темам, которые были прихотью момента. Большую часть дня он проводил один в своей комнате, перелистывая попавшую под руку книгу или просто ничем не занимаясь. Пусть те, кто уже составил надлежащее мнение о его необыкновенных способностях, оценят по достоинству силу интеллекта, необходимого для того, чтобы хладнокровно выдерживать невыносимую тяжесть столь

нудной и монотонной жизни; в нашем присутствии император всегда демонстрировал безмятежное выражение лица и сдержанность в своём поведении. Казалось, что он сохраняет спокойное состояние духа; в общем разговоре он прибегал к свойственному ему стилю оживлённых и остроумных выражений и иногда даже был склонен к веселью и юмору, но при интимной беседе было заметно, что он больше не думает о будущем, не размышляет о прошлом и его не интересует настоящее. Он всего лишь уступал действию физических законов природы и, чувствуя полное отвращение к жизни, возможно, тайно тосковал о моменте, который положит ей конец.

Таково было положение дел, когда меня насильственно выслали из Лонгвуда, — ибо это время приближается, оно уже недалеко.

В своём дневнике я не записывал все подробные обстоятельства наших ссор с губернатором и многочисленные официальные письма, которыми мы обменивались. Я также не упоминал те позорные лишения, которым мы подвергались в отношении предметов первой необходимости. Я ставил перед собой цель представить личность Наполеона в его истинном свете, а не писать историю Лонгвуда и не составлять список всех наших несчастий и бед. Те, кому это любопытно, могут найти подобные детали в книге господина О'Мира. Если бы я стал распространяться о них, то это свидетельствовало бы о мелочности в характере моей персоны, которая была одной из жертв; но что касается доктора, который был только свидетелем всего происходящего и чужаком для нас, а также, в некоторой степени, представителем враждебной нам стороны, то его мог побудить написать указанную книгу порыв сильного чувства и благородного возмущения, что делает честь его сердцу.

Я только что узнал (1824 год), что бывший губернатор острова Святой Елены возбудил судебное дело против господина О'Мира по обвинению его в клевете. Я глубоко уважаю английских судей, но как в наши дни можно быть уверенным в исходе такого судебного дела? В беспокойной политической обстановке нашего времени истина предстаёт, так сказать, одновременно в двух аспектах; правильным аспектом истины является для каждого отдельного человека тот, который существует в его собственном сердце, ведь, в конце концов, нельзя обмануть самого себя, и это соображение, несомненно, будет утешением для господина О'Мира, каким бы ни стал результат судебного разбирательства. И я должен заявить, что все факты, о которых я прочитал в книге господина О'Мира, и которые были мне известны, когда я находился на острове Святой Елены, являются абсолютно правдивыми. Отсюда, по аналогии, я естественно прихожу к выводу, что и остальные факты, свидетелем которых

я не был, также соответствуют истине. Я поэтому без колебаний заявляю, что в своих сердце и совести я считаю их именно такими.

В то время, когда я писал эти строки, я получил от Хадсона Лоу несколько выдержек из конфиденциальных писем, которые, как он сообщает мне, он в своё время получил от господина О'Мира. В этих письмах, сообщает Лоу, О'Мира отзывался обо мне в весьма непристойной манере, сопровождая их секретными донесениями о моей персоне. Каково могло быть намерение сэра Хадсона Лоу, когда он поступал подобным образом в отношении меня? Учитывая отношения, в которых мы состояли, его поступок не мог быть вызван его нежными чувствами ко мне. Хотел ли он доказать, что О'Мира действовал в качестве его шпиона против нас? Надеялся ли он настроить меня против доктора О'Мира, чтобы повлиять на мои свидетельские показания в суде в пользу его противника? И, наконец, являются ли эти письма подлинными и владеет ли Лоу их оригиналами? И не были ли они изменены в стиле острова Святой Елены? Но, если даже предположить, что содержание писем правдиво и недвусмысленно, чем они могут оскорбить меня? Какое право я имею на то, чтобы ожидать снисхождения господина О'Мира к моей персоне?

В действительности дело обстоит таким образом, что, когда после его возвращения в Европу я узнал, что он подвергается преследованиям из-за гуманного поведения в отношении Наполеона, я написал господину О'Мира письмо, в котором выразил ему сердечную благодарность и предложил ему найти прибежище в моей семье, если допущенная к нему несправедливость заставит его покинуть собственную страну. Я заявил ему, что он будет для меня желанным гостем. Но на острове Святой Елены я едва знал его и не думаю, что разговаривал с ним более десяти раз за всё время моего проживания в Лонгвуде. Я считал его человеком, представляющим враждебную для меня страну, не разделяющим моих точек зрения и моих интересов. Такова была природа моего знакомства с господином О'Мира. Поэтому он был волен в своих действиях в отношении меня: он мог *тогда* писать обо мне всё, что считал нужным, и это обстоятельство *теперь* не может изменить мнение, которое я с тех пор составил о нём. Сэр Хадсон Лоу намерен теперь намекать, что О'Мира был одновременно двойным и тройным шпионом, то есть работал на правительство, на Наполеона и на него, Лоу, но разве это опровергает правду и ставит под сомнение достоверность фактов, упомянутых в его книге? Напротив. И кто из трёх вышеперечисленных сторон получит пользу от обнародования этих фактов? Наполеона больше нет, и он ничего не может ожидать от доктора О'Мира. Публикация книги сделала две другие стороны его злейшими врагами.

Они уволили его со службы и стали угрожать нарушить его покой, поскольку его настоящее преступление, с их точки зрения, заключается в том пылком рвении, которое он проявил, неукоснительно соблюдая законы и приличия: возмущённый подлыми и неблагопристойными притеснениями в отношении Наполеона, он выставил на свет Божий истинных авторов этих притеснений, чтобы реабилитировать свою страну. Поэтому я рассматривал эту запоздавшую переписку мне конфиденциальных писем, которую Лоу организовал в момент возбуждения им судебного дела против доктора О'Мира, как некое пристрастное обвинение. Каждый может расценивать этот поступок Хадсона Лоу так, как сочтёт правильным. Я никогда даже не подтверждал сам факт получения этих писем, и ещё меньше я собирался жаловаться на содержание.

Мнения и намерения Наполеона в отношении войны с Россией

25 октября 1816 года

Я зашёл к императору в тот момент, когда он одевался. Погода была сравнительно хорошая, и он вышел из дома, совершив прогулку до самого леса. Император чувствовал себя очень слабым; прошло десять дней с тех пор, когда он в последний раз выходил из дома. Он чувствовал слабость в коленях и сказал, что вскоре будет вынужден во время прогулки опираться на меня.

Затронув разные темы, император сделал много замечаний относительно войны с Россией. Среди прочего он сказал: «Та война должна была бы стать наиболее популярной из всех войн современности. Это была война здравого смысла и подлинных интересов, война ради спокойствия и обеспечения всеобщей безопасности; она носила чисто пацифистский характер, поскольку имела в виду сохранение мира на Земле, она была европейской войной, ибо затронула весь континент. Её успешный исход установил бы баланс сил в Европе и привёл бы к созданию новых союзнических блоков, благодаря которым опасности нынешнего времени сменились бы будущим спокойствием. В этой войне моему честолюбию не было места. Создав Польское государство, что было краеугольным камнем этого политического решения, я бы позволил королю Пруссии, эрцгерцогу Австрии или любому другому занять польский трон. Я не стремился к каким-либо новым приобретениям и искал для себя только славу от свершения добрых дел и благословение потомства. Однако это предприятие потерпело неудачу и оказалось началом моего падения, хотя я никогда не действовал более бескорыстно и никогда

в большей мере не заслуживал успеха. Общественное мнение словно было охвачено заразной эпидемией, буквально в одну минуту против меня возникло всеобщее чувство протеста. Меня объявили чудовищем, которое ниспровергало королей, — меня, создававшего их! Меня провозгласили нарушителем прав наций, — меня, который был готов рисковать всем, чтобы защищать их! Народы и короли, эти непримиримые враги, объединились и сообща стали действовать против меня! Все деяния моей прошлой жизни были забыты. Действительно, я говорил, что благосклонность общества вернётся ко мне в результате моих побед, но меня ожидало поражение, и я был уничтожен. Такова людская природа, и такова моя судьба. Но и народы, и монархи будут иметь причину сожалеть обо мне, и память обо мне будет достаточной, чтобы отомстить за несправедливость, допущенную в отношении меня, — в этом нет никаких сомнений».

Если отдельные высказывания и положения приведённого выше разговора с Наполеоном требуют объяснений или доказательств, то их можно найти в письме, которое приводится ниже. Это чрезвычайно ценный документ, принимая во внимание дату написания письма и его содержание, — так как в нём Наполеон раскрывает мотивы и цели русской экспедиции в тот момент, когда он был готов приступить к её осуществлению. Простонародье было, конечно, далеко от того, чтобы понять и оценить намерения Наполеона, но справедливым будет отметить, что среди государственных деятелей и дальновидных людей с широкими взглядами война с Россией была очень популярной. Они не одобряли время, когда она произошла, но они высоко ценили все великие замыслы императора.

*Инструкции, данные 18 апреля 1812 года аббату
де Прадту в качестве руководства в его миссии в Польше*

«Сударь! Высокое мнение, которого император придерживается о вашей преданности и одарённости, побуждает его проникнуться к вам доверием до такой степени, чтобы поручить выполнение миссии, имеющей предельно важное политическое значение. Эта миссия потребует *активности, благоразумия и осторожности*.

Вам следует отправиться в Дрезден. Мнимая цель поездки будет заключаться в том, что вы вручите королю Саксонии письмо, которое император передаст вам завтра после своего утреннего приёма. Его Императорское и Королевское Величество уже ознакомил вас со своими планами; он устно сообщит вам свои окончательные инструкции относительно инициатив, с которыми вам предстоит выступить перед королём Саксонии.

Император желает, чтобы вы отнеслись к королю Саксонии со всем вниманием, на которое тот имеет право, учитывая особое личное уважение к нему со стороны Его Величества. Вы должны объясняться с королём и с его министрами самым откровенным образом; и вы должны отдать должное тем советам, которые вы, возможно, получите от графа де Сен-Пильзака.

Все жертвы Саксонии будут компенсированы. Саксония почти не придаёт значения независимости Варшавского герцогства в том виде, в котором оно существует в настоящее время, — это рискованное и хлопотное приобретение. Независимость этой части Польши ставит Саксонию в ложное положение в отношении Пруссии, Австрии и России. Постарайтесь развить эти идеи и рассмотреть этот вопрос в том направлении, в котором он обсуждался в вашем присутствии в кабинете его величества 17 апреля. Вы увидите, что правительство Дрездена не будет особенно склонно возражать вам; в отношениях с нами оно придерживалось такой же дипломатической линии в ходе нескольких предыдущих переговоров. Данный вопрос не имеет в виду посягательство на владения короля Саксонии.

После краткого пребывания в Дрездене вы объявите о своём отъезде в Варшаву, *где вы будете ждать новых указаний императора.*

Необходимо, чтобы поляки поддерживали планы императора и оказывали содействие в осуществлении их собственного возрождения. *Они должны рассматривать Францию только в качестве своей союзной державы.*

Император сознаёт трудности, с которыми ему придётся столкнуться, когда он будет прилагать усилия, направленные на восстановление Польши. Эта огромная политическая деятельность вступит в противоречие с *очевидными и непосредственными интересами союзников императора.*

Восстановление Польши вооружёнными силами Французской империи является рискованным и даже опасным предприятием, при осуществлении его Франции придётся бороться как против её друзей, так и против её врагов. Рассмотрим поподробнее этот вопрос.

Цель, которую император ставит перед собой, заключается в том, чтобы создать государство Польша *в пределах всей её или части её старой территории*; и император желает, по возможности, добиться этой цели, не вступая в войну. Для поддержки реализации этого плана Его Величество наделил своего посла в Санкт-Петербурге практически неограниченными полномочиями; он также направил в Вену своего представителя, которому поручено провести переговоры с главными европейскими державами, предложив им большие территориальные уступки за счёт Французской империи *в виде компенсации за восстановление королевства Польша.*

Европа состоит из трёх больших территориальных частей: французская империя на западе, немецкие государства в центре и Российская империя на востоке. Англия более не может иметь влияния на континенте, помимо того, которое европейские державы сочтут приемлемым позволить ей.

Сильная коалиция государств в центре континента будет необходима в качестве меры предосторожности, чтобы Россия или Франция в один прекрасный день, ради дальнейшего усиления своего могущества, не попытались добиться полного превосходства над всеми странами Европы. В настоящее время Французская империя достигла в своём существовании полного расцвета сил; если она сейчас не завершит политическое устройство Европы, то завтра она может потерять все преимущества своего положения, и реализация её политических замыслов станет невозможной.

Преобразование Пруссии в военное государство, правление и завоевания Фридриха Великого, дух века и Французская революция разрушили Германскую конфедерацию. Рейнская конфедерация является только частью временной системы. Немецкие монархи, получившие выигрыш от её создания, возможно, хотят консолидации этой системы, но те, кто оказался в проигрыше, — народы, пострадавшие от бедствий, сопутствующих войнам, и государства, которые опасаются слишком большого усиления французского могущества, — будут использовать любую возможность, чтобы воспротивиться утверждению Рейнской конфедерации. Даже те монархи, которые извлекли выгоду из новой системы, будут стремиться выйти из конфедерации, как только они утвердятся в качестве владык приобретённых ими территорий. В конце концов Франция окажется лишённой протектората над Рейнской конфедерацией, который она приобрела ценой слишком многих жертв.

Император полагает, что, в конечном счёте, в достаточно недалёком будущем надлежит восстановить полную независимость всех федеративных государств Европы.

Императорский дом Австрии, владеющий тремя обширными королевствами, должен стать душой этого восстановления независимости, учитывая географическое положение федеративных государств, но он не должен управлять этими государствами. Если конфедерация государств, находящихся между Францией и Россией, в случае разрыва отношений между этими двумя империями окажется во власти одной и той же воли, то неизбежно последует гибель одной из враждующих империй. Французская империя окажется больше подверженной опасности, чем Российская империя.

Центр Европы должен состоять из государств с различным уровнем военного и экономического могущества, и каждое из них должно

иметь свою собственную политическую систему. Эти государства, исходя из их географического положения и политических отношений, станут стремиться к покровительству со стороны доминирующих держав, и они будут заинтересованы в сохранении мира, так как всегда окажутся жертвами войны. Учитывая вышесказанное, после образования новых государств и усиления уже существующих, чтобы укрепить на будущее нашу систему союзнических отношений, учреждение Польского государства станет целью, имеющей чрезвычайно важное значение для императора и для Европы. Если не будет восстановлено Польское королевство, то в этом месте Европа не будет иметь границы, и тогда Австрия и Германия окажутся лицом к лицу с самой могущественной империей мира.

Император предвидит, что Польша, подобно Пруссии, неизбежно станет союзником России, но если Польша будет обязана Франции своим возрождением в качестве независимого государства, то период образования союза между Польшей и Россией окажется достаточно длительным, прежде чем будет консолидирован новый порядок в Европе. Когда Европа будет организована именно таким образом, то не останется причин для соперничества между Францией и Россией: эти две империи будут иметь одни и те же торговые интересы и будут действовать в соответствии с одними и теми же принципами.

До наступления прохладных отношений с Пруссией первым намерением императора было создать прочный союз с королём Пруссии и возложить на его голову корону Польши. Для этого следовало преодолеть ряд препятствий, ибо Пруссия уже обладала одной третьей территории Польши; России были бы оставлены те владения, на которых она стала бы настаивать; и были бы выданы компенсации Австрии. Но последовавшие события заставили императора поменять планы.

Во время переговоров в Тильзите возникла необходимость создать государства именно в тех странах, которые более других боялись могущества Франции. Момент казался благоприятным для возрождения Польши, хотя оно и было бы связано с насилием и с применением вооружённых сил. Необходимо было продолжать войну; французская армия страдала от холода и всевозможных лишений, русская армия находилась в состоянии полной мобилизации. Император был тронут теми благородными чувствами, которые проявлял к нему император Александр. Австрия, со своей стороны, ставила всевозможные препятствия на пути императора; и он позволил, чтобы его политический курс уступил желанию подписать мирный договор, который, как он надеялся, создаст условия для прочного мира в Европе, если с помощью влияния России и Австрии Англию можно будет заставить согласиться на всеобщее примирение.

Пруссия, после всех её неудач, проявила такой дух ненависти к Франции, что было признано необходимым уменьшить её силу. С этой целью было создано великое герцогство Варшавское. Его отдали во владение короля Саксонии — монарха, вся жизнь которого была посвящена благоденствию его подданных. Были приложены усилия для умиротворения поляков и учреждены гражданские институты, соответствующие их нравам и национальному характеру. Но управление всеми этими институтами велось скверно.

Саксония, отделённая от своих новых владений территорией Пруссии, не могла вместе с Польшей составить единое государство, в достаточной степени организованное, чтобы стать сильным и могущественным. Открытие военного сообщения через территорию Пруссии, чтобы установить связь между Саксонией и Польшей, сильно унизило пруссаков; поляки жаловались на то, что их надежды не оправдались.

Император решил оккупировать крепости Пруссии, чтобы быть уверенным, что эта держава не будет стремиться вновь зажечь факел войны. Кампания 1809 года подтвердила предусмотрительность его политики. Он принял твёрдое решение неослабно работать над завершением создания системы политической организации Европы, которая поставила бы точку разрушительным войнам.

Император сознавал, что он должен произвести внушительное впечатление уже тем, что направил свои войска к берегам Вислы и оккупировал крепости Пруссии; эти мероприятия, проведённые в результате переговоров, были необходимы для обеспечения верности его союзников, которую он мог, в конце концов, сохранить только с помощью войны.

Опасности, возникшие в результате создавшейся ныне ситуации, оказались огромными. Перемещение армий на расстояние пятисот лье от их родины не может не оказаться рискованным, и Польша должна полагаться на собственные усилия в такой же степени, как и на поддержку императора. Если последует война, то поляки, опираясь на собственные ресурсы, должны рассматривать Францию только в качестве вспомогательной силы. Пусть они вспомнят то время, когда благодаря своему патриотизму и мужеству они противостояли многочисленным армиям, посягнувшим на их независимость.

Народ великого герцогства Варшавского стремится возродить Польшу; сам польский народ должен подготовить средства, с помощью которых узурпированные провинции Польши смогут заявить о своих сокровенных желаниях. Правительство великого герцогства Варшавского должно, как только позволят обстоятельства, объединить под знаменем независимости расчленённые фрагменты своей несчастной страны. Если уроженцы Польши, проживающие под властью России или Австрии, откажутся возвращаться в родную страну, то

не надо пытаться заставить их сделать это. Польша должна черпать свои силы, опираясь на собственный общественный дух и на патриотизм, а также на институты, которые создадут новое социальное государство.

Поэтому цель вашей миссии состоит в том, чтобы просвещать и воодушевлять польских патриотов, а также давать им советы в ходе их операций. Вы будете представлять отчёт о ваших переговорах министру иностранных дел, который ознакомит императора с результатами вашей деятельности, и вы будете присылать краткие обзоры ваших отчётов.

Несчастья и слабость Польши были вызваны её знатью, которая не знала ни законов, ни ограничений своих действий. В то время, как и сейчас, знать обладала всей властью, простые граждане находились под её гнётом, и огромная масса людей просто ничего не значила. Но даже в условиях той плачевной ситуации в Польше существовала любовь к свободе и независимости, которая долго поддерживала её жалкое существование. Со временем эти чувства должны были усилиться в результате гнёта, испытываемого польским народом. Чувство патриотизма является естественным для поляков, оно существует даже в среде знатных семей. Император безоговорочно выполнит обещание, которое он дал в статье 25 договора от 9 июля 1807 года, а именно — управлять великим герцогством Варшавским посредством законов, рассчитанных на обеспечение свободы и привилегий народа, но сохраняя спокойствие соседних государств. *Польша будет обладать свободой и независимостью.* Что касается выбора монарха для неё, то этот вопрос будет решён договором, который Его Величество подпишет с другими державами. Его Величество не претендует на трон Польши ни для себя, ни для членов его семьи. Выполняя тяжелейшую работу по возрождению Польши, он имеет в виду только достижение благоденствия для поляков и спокойствия для Европы. Его Величество поручает вам сделать это заявление и делать его официально всякий раз, когда вы посчитаете, что оно будет полезным для политических интересов Франции и Польши.

Его Величество передаёт вам это заявление и эти инструкции, чтобы вы могли сделать их предметом бесед с министрами иностранных дел в Варшаве или в Дрездене.

Император распорядился направить официальные ноты военному министру и министру иностранных дел великого герцогства Варшавского. Если возникнет потребность в финансовых ресурсах, то Его Величество окажет содействие польскому казначейству, выделив ему на покрытие чрезвычайных расходов ассигнования из денежного фонда, которым Его Величество по-прежнему владеет в Польше и в Ганновере».

Плохое самочувствие императора — Различные истории из дворцовой жизни Тюильри

26 октября 1816 года

Мне сообщили, что император чувствует себя очень плохо и желает, чтобы я пришёл к нему. Войдя в его комнату, я увидел его сидящим в кресле около камина, в котором вовсю пылали поленья. Голова императора была повязана платком. «Какая, — спросил он меня, — на свете существует самая жестокая болезнь, самая острая боль, которой подвержен человек?» — «Боль, ощущаемая в данный момент, — ответил я, — всегда кажется самой острой». — «Тогда это — зубная боль», — заявил император. У него было сильнейшее выделение слюны, и его правая щека сильно опухла и воспалилась. Мне пришлось самому оказать ему медицинскую помощь. Я поочередно согревал кусок мягкой фланелевой ткани и салфетку, которые император постоянно прикладывал к воспалённой щеке. Он почувствовал благодаря этому немалое облегчение. Он также страдал от сильного нервного кашля, зевоты и приступов озноба, которые указывали на начинающуюся лихорадку.

«До чего же несчастен человек! — воскликнул император. — Достаточно мельчайшей частичке его тела подвергнуться заболеванию, чтобы расстроить здоровье всего организма! С другой стороны, несмотря на все болезни, которым подвергается человек, иногда необходим палач, чтобы положить конец всем его мучениям. До чего же странный механизм представляет собой это существо в жалкой оболочке! И, возможно, мне предстоит находиться в ней ещё лет тридцать!»

Император считал, что причиной его зубной боли была его последняя поездка в карете, так как он чувствовал, что пребывание на свежем воздухе не пойдёт ему на пользу. «Внутренняя природа всегда лучший советник, — заявил он. — Я отправился на прогулку в карете вопреки своему желанию, подчиняясь только здравому смыслу».

Пришёл доктор и сразу же обнаружил у своего пациента явные симптомы лихорадки. Император провёл остаток дня в своей комнате, время от времени испытывая острейшие приступы зубной боли. В промежутках между приступами, когда стихала зубная боль, он прохаживался от кресла к дивану и обратно, беседуя на различные темы.

Император, в частности, сослался на гнусное поведения некоторых персон из его окружения в то время, когда он находился на вершине власти. Одна семья, которая устроилась на службу в императорский дворец и была осыпана милостями и которая, нужно добавить, вела себя крайне недостойно в период политической катастрофы

императора, однажды была уличена им в постыдном поступке. Он всего лишь побранил их за дурное поведение, вместо того чтобы наказать. «И что же произошло в результате? — сказал он. — Мой выговор вызвал у них всего лишь раздражение, вместо того чтобы стать для них полезным уроком. Когда принимаются половинчатые меры, они всегда оказываются неэффективными. Не следует обращать внимание на провинность, но если уж вы её заметили, то за неё надо наказывать».

Затем император вспомнил одну женщину, которая, как и её муж, занимала должность, приносившую немалую прибыль, и которая, тем не менее, постоянно жаловалась императору на свою бедность. «Она часто, — сказал он, — писала мне, обращаясь с просьбой о деньгах, словно имела право рассчитывать на мою помощь так же, как госпожа Бертран или любой из вас сможет это сделать, когда вы вернётесь со Святой Елены».

Упомянув одного человека, который вёл себя крайне дурно по отношению к нему в 1814 году, император сказал: «Возможно, вы предположите, что он сбежал из Парижа, когда я вернулся с острова Эльба? Ничего подобного, — наоборот, он всё время осаждал меня. Он без зазрения совести откровенно признавал, что какое-то время был предан Бурбонам, за что, однако, как он заверял меня, был жестоко наказан. Но это обстоятельство, заявил он, только способствовало возрождению у него естественной привязанности, которую все столь заслуженно испытывали ко мне. Я прогнал его прочь с моих глаз; и у меня есть все основания верить, что сейчас он пресмыкается у ног членов королевской семьи, рассказывая обо мне всякие ужасы. Несчастливая человеческая натура, всегда и повсюду одна и та же!»

Наконец, император рассказал об одной весьма постыдной интриге, затеянной людьми, которых он осыпал милостями. Эти люди старались уговорить императрицу Жозефину подписать крайне унижительное письмо, чтобы гарантировать себе спокойное проживание во Франции, но, вне всяких сомнений, с истинной целью завоевать доверие к себе в других кругах. Письмо, адресованное королю, содержало отрицание всего того, кем Жозефина была раньше и кем она по-прежнему оставалась, а также просьбу обеспечить её средствами к существованию в той мере, в какой этого пожелает сам король. Императрица, вся в слезах, всеми силами противилась настойчивости этих лиц, попросив дать ей время, а затем обратилась с просьбой о совете к императору Александру, который сказал ей, что подобное письмо полностью опозорит её. Он посоветовал ей избавиться от назойливых интриганов, которыми она была окружена, заверил, что нет никаких намерений высылать её из Франции или каким-то

образом нарушать её покой, и пообещал быть лично ответственным за неё в случае необходимости.

Вечером императору стало лучше, и он смог немного поспать. Его вид явно свидетельствовал о той боли, которую он испытывал.

Император продолжает болеть — Безнравственность является наихудшим недостатком

27 октября 1816 года

Весь день император провёл у горевшего камина, сидя в кресле или иногда переходя на диван. Его по-прежнему мучает головная и зубная боль. Выделение слюны не уменьшается. Он вновь обращался к помощи тёплых кусков мягкой фланелевой ткани и салфеток, от которых вчера почувствовал небольшое облегчение. Я согревал их и потом прикладывал их к его щеке, как и накануне. Император был весьма тронут моей заботой о нём и несколько раз, положив руку мне на плечо, говорил: «Мой дорогой Лас-Каз, вы приносите мне большое облегчение!» В конце концов мучившая его боль ослабла, и он заснул на короткое время. Затем, проснувшись, он взглянул на меня и спросил: «Я долго спал? Вы не очень устали?» Он называл меня своим *медицинским братом, медицинским рыцарем острова Святой Елены*. Но вскоре боль вернулась с новой силой, и он вызвал доктора, который нашёл у него явные признаки лихорадки. У императора не прекращался озноб, приступы которого начались ещё вчера и который заставляет его находиться вблизи огня камина.

Он оставался в этом болезненном состоянии весь вечер и около семи часов пожелал лечь в постель. Ему совсем не хотелось есть, но он всё же распорядился, чтобы его камердинер слегка поджарил для него несколько ломтиков хлеба, и сам приготовил себе один такой ломтик и стакан подслащённой воды, настоянной на листьях апельсинового дерева.

В ходе вечернего разговора император сделал следующие высказывания. «Безнравственность, — заявил он, — несомненно, наихудший недостаток характера монарха, поскольку он тем самым показывает пример аморальности своим подданным, которые следуют этому примеру, чтобы угодить ему. Безнравственность усиливает каждый порок, разрушает все положительные черты человеческого характера и, словно чума, заражает собой всё общество. Короче, это настоящий бич нации. Общественная мораль, напротив, является естественным даром законов, она сама по себе — целый свод законов».

Император заявил, что революция, несмотря на все её ужасы, была, тем не менее, истинной причиной возрождения морали во

Франции, — «так же, как даже самые красивые цветы питаются самым грязным удобрением». Он без колебаний заявил, что его правительство ознаменует собой незабываемый переломный момент возвращения к морали. «Мы двинулись вперёд на всех парусах, — заявил император, — но, несомненно, последовавшие катастрофы в значительной степени повернут всё обратно, поскольку среди столь многих злодейств и беззаконий трудно противостоять соблазнам интриг, корыстолюбия и коррупции. Но хотя на пути прогресса могут возникнуть препятствия, его нельзя остановить. Общественная мораль принадлежит власти здравого смысла и просвещения, а они не могут повернуть вспять. Скандальную развращённость прошедших веков — бесконечные прелюбодеяния, распущенность регентства и мотовство последующего правления — нельзя возродить, если не вернутся условия, при которых она существовала, но это невозможно. Прежде чем произойдёт подобное изменение, высшие классы общества должны вновь дегенерировать и вернуться к состоянию абсолютной праздности, когда их единственным занятием становится распутство, дух трудолюбия, который в настоящее время воодушевляет и возвышает сознание представителей среднего сословия, должен исчезнуть, и, наконец, низшие классы общества вновь должны погрузиться в состояние рабства и деградации, которое когда-то опустило их до уровня вьючного животного. Но теперь всё это невозможно, поэтому нравственность общества находится на подъёме, и можно без риска предсказать, что она постепенно улучшится во всём мире».

В девять часов вечера император лёг в постель и пожелал, чтобы вся его свита пришла в его апартаменты. В её числе был и гофмаршал, который пришёл вместе с женой. Император беседовал с нами в течение тридцати минут; его постель со всех сторон была задёрнута занавесками.

**Император по-прежнему нездоров — Отсутствие
лекарств — Книга Сервана «Войны Италии» —
Госпожа де Монтессон**

28 октября 1816 года

Утром я почувствовал себя нездоровым и захотел попарить ноги, но для этой процедуры нельзя было достать воды. Я упоминаю это обстоятельство, чтобы дать картину нашего положения в Лонгвуде. Воды здесь всегда очень не хватало, но теперь её было как никогда мало, и мы считаем, что нам повезло, если мы можем достать воду

для ванны императора. Не лучшим образом мы обеспечены и лекарствами, необходимыми для лечения. Вчера доктор, в присутствии императора, перечислял разные лекарства и медицинские инструменты; называя каждую вещь, он добавлял: «К сожалению, этого нельзя достать на острове». — «Следовательно, — заметил по этому поводу император, — когда они посылали нас сюда, то считали само собой разумеющимся, что мы будем всегда здоровы?» В действительности мы нуждаемся в простейших мелочах и предметах первой необходимости. В качестве замены металлической грелки с углями император был вынужден дать указание проделать дырки в одной из больших серебряных посуды, которую использовали для того, чтобы мясо на обеденном столе сохранять горячим. Теперь в неё закладывают угли и с её помощью согревают постель императора. До этого в Лонгвуде ощущалась нехватка винного спирта, с помощью которого император подогревает своё питьё.

Весь день император продолжал чувствовать себя нездоровым; его лицо всё ещё было сильно опухшим, но зубная боль несколько ослабла. Войдя в его комнату, я увидел его сидящим около камина и читающим книгу Сервана «Войны Италии». Эта работа подсказала ему мысль о некоторых добавлениях к нашим главам об итальянских кампаниях. Император распорядился, чтобы ему принесли географическую карту. Я очень удивился, когда обнаружил, что автор книги, обращаясь к событиям нашего времени и рассказывая о кампаниях Наполеона, был чрезвычайно несовершенен в своих описаниях и, казалось, незнаком со страной, о которой он писал. «Это потому, — заметил император, — что он проезжал, ничего не замечая вокруг, и, вероятно, не был способен понять даже то, что смог заметить.

Но истинный дух великих предприятий и великих результатов состоит в умении догадываться, даже если ничего не видишь».

Сегодня император был вынужден отправиться спать так же рано, как и вчера. Его знобило, и ему, судя по всему, грозил новый приступ лихорадки; он также чувствовал симптомы судороги. Со вчерашнего дня его единственной едой было немного супа. Император пожаловался, что его кровать неудобна и постельное бельё и одеяло положены не так, как ему хотелось, и он распорядился перестелить их. Он высказался в том смысле, что все окружающие его рассчитывали на то, что он сохранит хорошее здоровье, и теперь, когда он стал жертвой серьёзной болезни, они оказались неопытными и неуклюжими.

Он заказал чашку чая, настоящего на листьях апельсинового дерева, которую ему пришлось долго ждать. В течение этой задержки с выполнением его заказа он проявил такую степень терпения, на которую я, несомненно, не был способен.

Улёгшись в постель, он стал рассказывать о годах молодости, проведённых в Бриенне, о герцоге Орлеанском и о госпоже де Монтессон, которую, как он вспомнил, он когда-то встречал. Он говорил о семьях Ножана и Бриенна, с которыми были связаны события его молодых лет.

«Когда я встал во главе правительства, — сказал Наполеон, — однажды ко мне обратилась госпожа де Монтессон с просьбой разрешить ей взять титул герцогини Орлеанской. Эта просьба показалась мне чрезвычайно странной». Император полагал, что она была всего лишь любовницей герцога, но я заверил его в том, что она действительно была замужем за герцогом Орлеанским с согласия Людовика XVI и после смерти супруга всегда подписывалась титулом «вдовствующая герцогиня Орлеанская». Император сказал, что не знал об этом обстоятельстве. «Но, во всяком случае, — заявил он, — какое отношение Первый консул имеет к этой проблеме? Так я всегда отвечал тем лицам, которые были заинтересованы в решении этого дела; они были разочарованы моим отношением к нему. Но разве следовало ожидать, что я должен немедленно соглашаться со всеми нелепостями прошлого времени?»

Император по-прежнему болен — О важности деталей

29 октября 1816 года

Мой сын болен, да и меня ни в коем случае нельзя считать здоровым, поскольку ночью меня мучает тревожное состояние, не дающее мне выспаться как следует. Нас пришёл навестить доктор.

Он сказал мне, что императору стало лучше, но что он поступает неправильно, отказываясь принимать лекарства.

Император вызвал меня только в пять часов дня. Он по-прежнему жаловался на сильную головную боль. Он принимал ножную ванну, и она принесла ему некоторое облегчение. Император прилёг на диван и взял мемуары Ноайля, из которых зачитал вслух несколько отрывков, касающихся герцога Вандомского, осады Лилля и герцога Бервикского; чтение книги он сопровождал замечаниями, высказанными в свойственном ему стиле — непривычно, оригинально и метко. Я очень сожалею, что не могу привести их в моём дневнике, так как я не делал сносной копии этих последних страниц дневника, когда у меня отобрали оригинал, и теперь я полагаюсь только на сделанные заметки и часто ссылаюсь на обстоятельства, которые время изгладило из моей памяти.

Император, увидев на выдвижном ящике комода сласти, случайно оставленные там, пожелал, чтобы я принёс их ему, и, заметив мою нерешительность, — я не знал, каким образом передать их ему, — сказал: «Возьмите их рукой; теперь в отношениях между нами нет необходимости соблюдать придворный церемониал, впредь мы должны быть сотрапезниками». Хотя для некоторых этот факт покажется незначительным, но, на мой взгляд, он раскрывает более ярко, чем масса всевозможных томов, склад ума, нрав и характер необыкновенной личности; проницательные люди поймут значение этого факта и сделают соответствующие выводы. Это соображение побудило меня вставить в эти тома дневника многие детали, которые я первоначально намерен был отвергнуть, опасаясь, что они покажутся незначительными или, во всяком случае, бесполезными.

Я уже упоминал, что в минуты добродушной фамильярности император с обычной для него непринуждённостью, приветствуя меня, шутливо присваивал мне различного рода титулы, говоря: «С добрым утром, *монсеньор*. Как поживает *ваше превосходительство*? Что сегодня скажет *ваша светлость*?» — и т.д. Однажды вечером, когда я направлялся в гостиную, слуга начал было открывать дверь для меня, и тут распахнулись двери, ведущие из апартаментов императора в гостиную, куда он тоже направлялся. Я отступил в сторону, чтобы пропустить его, и он, несомненно в эту минуту погружённый в свои мысли, остановился и, схватив меня за ухо, шутливым тоном спросил: «Вот те на! И куда же это направляется *ваше величество*?» Произнеся эти слова, он тут же отпустил моё ухо и, вновь приняв строгое выражение лица, начал обсуждать со мной важный вопрос. Верно, я научился тому, чтобы ничего не слышать, когда это необходимо, но император явно сожалел, что он произвольно произнёс слова *ваше величество*. Видимо, он считал, что можно в шутку

использовать другие титулы, но не тот, который он только что применил, — и по причине его собственной неординарности, и в силу условий, в которых мы находились. Как бы то ни было, читатель может сделать тот вывод, который ему нравится; я всего лишь привожу сам факт.

После обеда император принял у себя всю свиту. Он лежал в постели; беседу с нами он начал с того, что стал говорить о своём недоверии к медицине. Он заявил, что когда он раньше отстаивал свою точку зрения по этому вопросу, то прибегал к такой сильной аргументации, что Корвисар и другие знаменитые врачи не могли опровергнуть её, а если и пытались, то всего лишь ради поддержания чести своей профессии.

Пятый день уединения императора — История неоплаченного счёта — О непопулярности

30 октября 1816 года

Сегодня император не чувствует себя лучше, и его периодические приступы лихорадки возобновляются, как обычно, в одни и те же часы. Его беспокоит сыпь на губах и во рту, которая сопровождается такой болью в горле, что ему трудно говорить и глотать. Когда вечером пришёл доктор, то принёс с собой полоскание для больного горла императора; нам пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить его в необходимости этого медицинского средства. Нельзя было достать масла для императора, — это ужасно, — а ведь он очень привередлив.

Сегодня в ходе разговора император, говоря о расточительности и о долгах Жозефины, вспомнил о том, как он, самый пунктуальный человек в мире в отношении денег, однажды сам оказался в Сен-Клу в неприятной ситуации. «Я ехал в карете вместе с императрицей, — стал рассказывать он, — когда по дороге из толпы людей вышел один из моих кредиторов, который, в восточном стиле, как адресуются с просьбами к султану на его пути в мечеть, обратился ко мне с требованием вернуть значительную сумму денег, которую он не мог получить обратно в течение длительного времени. Требование этого человека было справедливым, — отметил Наполеон, — однако меня в этом деле ни в чём нельзя было упрекнуть. Я своевременно выплатил эти деньги, — во всём был виноват посредник».

В другой раз, беседуя о непопулярности, объектом которой он был недавно, я выразил удивление, что император не пытался противодействовать клеветническим измышлениям, публиковавшимся

против его особы, чтобы вернуть себе расположение общества. На это он с воодушевлением ответил: «Я преследовал более высокие цели, чем обращать внимание на лесть и обхаживать вульгарную толпу ничтожных людей. Если бы я вернулся из Москвы с победой, не только эти люди, но и вся Франция и весь мир восхищались бы мной и благословляли меня. Я мог бы тогда таинственным образом исчезнуть из этого мира, и людская доверчивость возродила бы легенду о Ромуле; говорили бы, что я вознёсся на небеса и занял своё место среди богов».

Около семи часов вечера император, почувствовав слабость, лёг в постель. Когда мы кончили обедать, он принял всех нас, как и вчера, в своей комнате; занавеси вокруг его постели были опущены. Мы немного поболтали, и потом император захотел, чтобы ему почитали «Робинзона Крузо». Все по очереди читали по отрывку из книги, только меня из-за плохого зрения освободили от этой обязанности. После двух часов чтения император разрешил всем нам удалиться, за исключением самого молодого из своей свиты, 33-летнего генерала Гурго, которого он задержал, чтобы тот продолжал чтение, и затем немного побеседовал с ним.

Император нарушает предписания доктора — Слова великая нация, впервые применённые Наполеоном в отношении Франции

31 октября 1816 года

Сегодня вновь установилась хорошая погода, день был прекрасный. Император не покидал своей комнаты уже шесть дней; устав от монотонного образа жизни, он решил нарушить предписания доктора и вышел из дома. Но он чувствовал себя настолько слабым, что едва мог ходить. Он приказал подать карету, и мы совершили в ней прогулку. У императора было плохое настроение, он хранил молчание. Его мучила боль, в частности, от сыпи на губах.

Вскоре после возвращения с прогулки он пожелал, чтобы я пришёл к нему в комнату. Он чувствовал себя очень ослабевшим и вялым. Я уговорил его немного поесть; он также выпил бокал вина, которое, как он сказал, до некоторой степени подкрепило его, и почувствовал себя слегка лучше. В результате он смог поддержать беседу со мной.

«Как только я ступил на землю Италии, — сказал он, — я изменил мнение о нашей революции — о том, что говорилось о ней, и о настроениях по отношению к ней. Я не расстреливал эмигрантов; я защищал священников и отменял мероприятия, рассчитанные на то, чтобы

унизить и опозорить нас. Поступая подобным образом, я руководствовался не минутной прихотью, но здравым смыслом и чувством справедливости — этими двумя основами высшей политики».

Император отметил, что он был первым, кто в отношении Франции применил выражение *великая нация*. «И, безусловно, — заявил он, — Франция оправдала это звание в глазах поверженного мира. — Затем, после небольшой паузы, он добавил: — Она вновь будет достойной этого гордого титула, когда её национальный характер ещё раз поднимется до уровня, равного её физическому превосходству и её нравственным ресурсам».

В другой раз, говоря о человеке, к которому он был сильно привязан, император сказал: «Его характер напоминает характер коровы — мягкий и безмятежный во всём, за исключением отношения к своим детям. Если кто-нибудь тронет их, он немедленно выставляет рога, раздражение доходит до ярости».

Вспоминая другого человека, которому исполнилось тридцать лет и о котором император говорил, что тот слишком молод, он заметил: «И, однако, я в этом возрасте уже сумел одержать все мои победы и правил всем миром. Я смирил революционную бурю, я объединил враждующие друг с другом партии, сплотил страну и создал империю; короче, мне не доставало только титула императора. Следует признать, — добавил он, — я был баловнем судьбы. С самого начала жизни я привык командовать; и особенности и сила моего характера были такими, что, как только я стал обладать властью, я никого не признавал над собой и не подчинялся никаким законам, за исключением тех, которые создал сам».

Здоровье императора заметно ухудшается, и доктор проявляет озабоченность — Французские военнопленные в Англии

1 ноября 1816 года

Сегодня погода была просто прекрасная, и император в два часа дня вышел на свежий воздух. Погуляв немного в саду, он почувствовал усталость и зашёл к госпоже Бертран, чтобы отдохнуть. В гостях у неё он просидел в кресле в полном молчании почти час, явно испытывая сильную боль и усталость. Затем он медленной походкой отправился в свою комнату, где улёгся на диван и, как накануне, погрузился в дремотное состояние. Мне было очень горько видеть это состояние его крайней слабости. император пытался преодолеть

свою сонливость, но не мог ни разговаривать, ни читать. Я покинул его, чтобы он мог немного отдохнуть.

На остров по пути в Европу прибыл английский фрегат. Это обстоятельство предоставило нам возможность написать письма друзьям. Я, однако, отказал себе в этом счастье, ибо постоянные угрозы и посягательства губернатора свели на нет всю мою переписку с Европой. Возможно, когда-нибудь наступит более благоприятный момент. Во всяком случае, я должен проявлять терпение.

Пришёл доктор О'Мира, чтобы осмотреть моего сына, состояние здоровья которого продолжает внушать опасения. Вчера у него опять шла кровь, и в течение дня он три или четыре раза терял сознание.

Доктор воспользовался возможностью поговорить со мной о состоянии здоровья императора и сказал, что он беспокоится из-за того, что император не бывает на воздухе. Доктор настаивает на необходимости прогулок, и он попросил меня уговорить императора чаще выходить из дома. Очевидно, что в состоянии здоровья императора произошла тревожная перемена. Доктор решительным образом подтвердил, что такой режим полнейшего уединения, после активной жизнедеятельности, приведёт к самым худшим последствиям, поскольку любое серьёзное заболевание, вызванное местным климатом, или любой несчастный случай, который может произойти с императором, окажется для него фатальным. Эти слова и беспокойство, с которым они были сказаны, произвели на меня сильнейшее впечатление. Я больше не сомневаюсь в искренности переживаний доктора по поводу состояния здоровья Наполеона.

Император вызвал меня к себе в шесть часов вечера. Он принимал ванну и выглядел гораздо хуже, чем когда я видел его в последний раз; свой плохой вид император объяснил вчерашней прогулкой. Ванна явно пошла ему на пользу; он взял книгу с описанием посольской деятельности лорда Макартни в Китае и некоторое время читал её, делая попутно различные замечания.

Отложив потом книгу в сторону, он приступил к беседе, и одной из тем разговора было положение французских военнопленных в Англии. В этом месте моего дневника я приведу обобщённое изложение проблемы, по которой император высказывался в разное время и в тот момент.

Внезапное аннулирование Амьенского мирного договора английским кабинетом министров, исполненное с таким вероломством, не могло не вывести из себя Первого консула, который понял, что над ним просто-напросто подшутили. Захват нескольких французских кораблей ещё до того, как была объявлена война, вызвал у него крайнее возмущение. «На мой незамедлительный протест, — стал рассказывать император, — они невозмутимо ответили, что это практика, которой они всегда придерживались; и в данном случае они

сказали правду. Но прошло время, когда Франция могла покорно подчиняться подобной несправедливости и такому унижению. Я стал защитником её прав и её славы, и я был полон решимости дать нашим врагам знать, с кем им придётся иметь дело. К сожалению, вследствие жёсткого противостояния наших двух держав я мог отомстить за грубый акт насилия только ещё более грубым актом насилия. Было тягостно подчиниться необходимости подвергать невинных людей репрессиям в качестве ответной меры, но у меня не было альтернативы.

Прочитав иронический и высокомерный ответ на мои жалобы, я в тот же самый вечер издал приказ об аресте повсюду во Франции и на всех территориях, оккупированных французами, всех англичан как военнопленных — в качестве ответной меры за несправедливый захват наших кораблей. Большинство этих англичан были знатными и богатыми людьми, которые путешествовали по Европе для своего удовольствия; но чем более экстраординарной казалась эта мера, чем сильнее проявлялась её несправедливость, тем лучше она отвечала моей цели. Аресты вызвали всеобщий гневный протест. Захваченные англичане обратились ко мне с просьбой об отмене моего приказа, но я посоветовал им переадресоваться по этому вопросу к их собственному правительству, поскольку только от его поведения зависела их судьба. Некоторые из этих англичан предложили собрать деньги по подписке, чтобы выкупить захваченные французские корабли, надеясь таким образом получить разрешение на возвращение домой. Однако я сообщил им, что деньги мне не нужны: я хочу всего лишь добиться справедливости и возмещения нанесённого Франции ущерба. Разве можно было поверить, что английское правительство, столь коварное и упрямое в отношении всего того, что касается морских прав (подобно тому, как римское папство ведёт себя в отношении своих религиозных притязаний), скорее позволит, чтобы многих знатных англичан несправедливо задержали на десять лет, чем в самом деле откажется от гнусной системы морского грабежа.

Когда я стал главой консульского правительства Франции, у меня с английским кабинетом министров возникло разногласие по проблеме военнопленных, но теперь я отстаивал свою позицию. Директория была настолько безвольной, что ранее безропотно согласилась урегулировать проблему на условиях, которые были чрезвычайно невыгодны для Франции.

Англия содержала своих соотечественников, оказавшихся военнопленными во Франции, а мы должны были содержать французов, находившихся в плену в Англии. У нас было всего лишь несколько английских военнопленных, а французских военнопленных

в Англии было очень много; продукты питания во Франции стоили крайне дешево, но были чрезвычайно дорогими в Англии. Таким образом, англичане расходовали крайне мало денег на пропитание английских военнопленных во Франции, в то время как мы должны были тратить колоссальные суммы; и это происходило в то время, когда мы могли лишь с большим трудом позволить себе подобные расходы. Более того, соглашение предусматривало обмен официальными представителями, и английский агент оказался шпионом, действовавшим против французского правительства; он был связующим звеном и организатором заговоров, которые вынашивались эмигрантами за границей для осуществления их на территории Франции. Как только меня ознакомили с положением дел в этом вопросе, я тут же одним росчерком пера ликвидировал вопиющую несправедливость. Английскому правительству сообщили, что отныне каждая страна сама должна содержать тех лиц, которых она берёт в плен, если нет договорённости об обмене военнопленными. В ответ английское правительство подняло страшный шум, угрожая тем, что тогда французских военнопленных будет ожидать голодная смерть. Я не сомневался, что английские министры в достаточной степени упрямы и бесчеловечны, чтобы захотеть осуществить эту угрозу, но я знал, что любая жестокость по отношению к военнопленным несовместима с чувствами английской нации. Английское правительство пошло на уступки в этом вопросе. В конечном счёте положение наших военнопленных в Англии стало не лучше и не хуже, чем оно было раньше, но в других отношениях мы извлекли большую выгоду и избавились от рабского состояния, заставлявшего нас выплачивать дань.

На протяжении всей войны я постоянно выступал с предложениями об обмене военнопленными, но английское правительство под тем или иным предлогом неизменно отказывалось, полагая их выгодными для меня. Я ничего не могу сказать против этого. На войне чувства должны уступить место политике, но зачем быть излишне жестоким? Но именно к жестокости прибегли английские министры, когда увидели, что количество военнопленных возрастает. Они создали для наших несчастных соотечественников гнусную систему плавучих тюрем — разновидность пытки, которую древние народы добавили бы к арсеналу своих бесчеловечных мер, если бы их воображение было способно придумать её. Я охотно признаю, что могли быть преувеличения со стороны обвинителей, но разве правду говорили те, кто защищал себя? Мы знаем, что представляет собой доклад парламенту. Мы можем составить себе правильное представление о таком докладе, когда читаем клеветнические и лживые

заявления, которые с такой невозмутимой наглостью делают в парламенте подлые люди, не постыдившиеся стать нашими палачами. Заключение в плавучую тюрьму — подобное не нуждается в объяснении, факт говорит сам за себя. Людей, не привыкших к жизни на борту корабля, толпами загоняют в небольшие, вредные для здоровья помещения в корабельных трюмах, слишком тесные, чтобы двигаться; в виде одолжения им разрешается дважды в сутки по полчаса дышать тлетворными испарениями морского отлива. И это мучение продолжается от десяти до двенадцати лет, — кровь леденеет от омерзительной картины такой бесчеловечности! В этом вопросе я виню себя, что не принимал ответных мер. Было бы правильно заточить в такие же плавучие тюрьмы не несчастных бедных солдат и матросов, чьи жалобы никто не услышит, но всех английских аристократов и состоятельных лиц, которые тогда находились во Франции. Я бы позволил им поддерживать переписку с друзьями и семьями, чтобы их жалобы достигли ушей английских министров и тем самым прекратили бы эти омерзительные меры. Определённые партии в Париже, которые всегда были лучшими союзниками нашего врага, конечно, назвали бы меня тигром и каннибалом, но это не имеет значения, — я бы выполнил свой долг перед французским народом, который сделал меня своим покровителем и защитником. В данном случае решительность характера изменила мне».

Император спросил меня, помещали ли французских военнопленных в плавучие тюрьмы в то время, когда я находился в Англии. Я не мог подтвердить ему этот факт и ответил, что я не думаю, что их помещали в такие тюрьмы; более того, мне известно, что в различных местах страны для них были устроены тюрьмы, в которые приходило много англичан покупать товары, сделанные руками военнопленных. Я добавил, что их очень плохо кормили и они подвергались многим тяготам. Рассказывали об одном правительственном чиновнике, который приехал на лошади в такую тюрьму. Едва он спешился и отошёл прочь, как заключённые схватили его лошадь, закололи, разрезали её на куски и тут же с жадностью съели. Я не мог, конечно, ручаться, что это факт, но такую историю рассказывали сами англичане, причём эти невежественные и предубеждённые люди считали её не доказательством крайних мучений, которым подвергались военнопленные французы, а всего лишь примером их ужасной прожорливости.

Император рассмеялся и сказал, что считает эту историю явной выдумкой: она рассчитана на то, чтобы заставить человеческую натуру содрогнуться, ибо только дикий голод мог бы подтолкнуть людей

к такой ужасной крайности. Я был склонен верить, что план содержания военнопленных в плавучих тюрьмах вообще не рассматривался в то время, когда я находился в Англии, поскольку я помнил, что много говорилось о размещении французских военнопленных на маленьких островах между Англией и Ирландией. Предлагалось переправить их туда и предоставить их самим себе в состоянии полной изоляции; чтобы они не сбежали, несколько лёгких кораблей должны были постоянно крейсировать вокруг островов. Однако противники этого плана возражали, что, в случае внезапного нападения врага с моря, он высадится на этих островах, раздаст оружие военнопленным и, таким образом, немедленно создаст целую армию. Возможно, добавил я, эта мысль могла породить план использовать плавучие тюрьмы, ибо количество военнопленных быстро росло, и считалось опасным держать их на берегу среди английского народа, так как последний проявлял большую склонность к братанию с французами.

«Ну что ж, — сказал Наполеон, — я легко могу представить себе, что существовали веские основания для того, чтобы отказаться от упомянутого вами плана. Прежде всего — собственная безопасность и самосохранение. Но плавучие тюрьмы — пятно на английской репутации, когда речь идёт о проявлении гуманности; острая боль от них никогда не исчезнет из сердец французских военнопленных.

Что касается проблемы военнопленных, — продолжал Наполеон, — то английские министры неизменно подходили к её решению с обычным вероломством и с макиавеллизмом, которым отмечена политическая реальность нынешнего времени. Приняв твёрдое решение всеми силами избегать обмена военнопленными, английские министры, не желая принимать на себя вину за отказ от него, придумывают и умножают всяческие предлоги. Прежде всего то, что я позволил себе рассматривать в качестве военнопленных, всего лишь задержанных, преподносилось как вопиющее нарушение законов цивилизованных стран и как принцип, который английское правительство никогда и ни под каким видом не признает.

Случилось так, что некоторые задержанные лица, отпущенные на свободу под честное слово, сбежали из Франции и были с триумфом встречены в Англии. С другой стороны, несколько французов осуществили побег из Англии во Францию. Я осудил их поведение и предложил, чтобы англичан и французов, нарушивших таким образом честное слово, на взаимной основе отправить обратно. Из ответа на моё предложение следовало, что лиц, оказавшихся задержанными, не подлежит рассматривать как военнопленных, что они всего лишь воспользовались законным правом избежать зла тирании,

что они поступили совершенно правильно и поэтому их поступок был оценён соответствующим образом. После такого ответа я получил все основания склонять французских военнопленных к побегу, а английские министры заполнили страницы своих газет самыми дерзкими оскорблениями в мой адрес, объявив меня человеком, который без угрызения совести нарушает нравственные принципы, веру и закон.

Когда, наконец, они решили вести переговоры об обмене военнопленными, или, точнее, когда они задумали затеять со мной пустое обсуждение этой проблемы, они направили во Францию своего полномочного представителя. Все главные препятствия, мешавшие решению этой проблемы, были устранены, и условия договорённости сопровождалось шумным проявлением самых прекрасных чувств. Они согласились включить лиц, подвергнутых задержанию, в список военнопленных, а также считать ими офицеров и солдат войск Ганновера, которых я взял в плен, но отпустил на свободу под честное слово. Последний пункт был постоянным препятствием, поскольку утверждалось, что ганноверцы не являлись англичанами. Переговоры продвигались достаточно гладко, и появилась вероятность их успешного завершения. Но я знал, с кем имею дело, и догадывался о планах, которые вынашивал Лондон. В Англии оставалось намного больше (примерно в три раза) французских военнопленных, чем английских военнопленных во Франции, и мне было хорошо известно, что, как только англичане благополучно вернутся домой, тут же будет найден какой-нибудь предлог прекратить обмен военнопленными, и тогда многие несчастные французы навеки останутся на борту плавучих тюрем.

Я заявил, что не соглашусь на частичный обмен военнопленными, что меня удовлетворит только один разовый и полный обмен ими; и для того, чтобы способствовать решению проблемы, я сделал следующее предложение. Я признал, что во Франции находится меньше английских военнопленных, чем французских военнопленных в Англии, но я обратил внимание на то обстоятельство, что среди взятых мною в плен находились испанцы, португальцы и подданные тех стран, которые воевали против меня вместе с англичанами под одним знаменем. Учитывая их количество, я мог представить для обмена гораздо больше военнопленных, чем насчитывалось французских военнопленных в Англии. Поэтому я предложил отдать всех, кто находился в плену во Франции, в обмен на всех французских военнопленных. Сначала это предложение вызвало некоторую растерянность, его обсудили и отвергли. Однако, как только они разработали план, с помощью которого, по их мнению, смогут добиться поставленной ими цели, они согласились с моим предложением. Чтобы

избежать недоразумений с любой стороны, я предложил обменивать военнопленных по три тысячи за раз: три тысячи французов будут возвращены мне, а я отправлю обратно одну тысячу англичан и две тысячи подданных Ганновера, Испании, Португалии и других союзников Англии. Таким образом, если возникнет какое-нибудь недоразумение и остановится процесс обмена, мы по-прежнему останемся с тем же пропорциональным соотношением количества военнопленных в Англии и во Франции, каким оно было и раньше; если же процесс обмена военнопленными будет продолжаться непрерывно и мне будут возвращены все французы, то я обещал отдать безвозмездно всех военнопленных, которые в конечном счёте могли бы остаться у меня. Мои догадки относительно истинных планов английского правительства оказались правильными: предложенные мною эти условия, столь разумные, и тот принцип обмена военнопленными, который уже был принят, были отвергнуты, и всё закончилось провалом. То ли английских министров на самом деле удовлетворяло положение их соотечественников, оказавшихся задержанными во Франции, то ли они убедились, что я твёрдо решил не становиться жертвой обмана, — я не знаю. В конце концов, впоследствии они были склонны заключить со мной соглашение по вопросу об обмене военнопленными, когда я представил проект такого соглашения с помощью обходного канала. Однако наши катастрофы в России сразу же возродили их надежды и разрушили мои планы».

Император затем затронул тему обращения с военнопленными во Франции, которое, как он заявил, было великодушным и либеральным, насколько это могло быть возможным; и он считал, что по этому вопросу ни одна страна не имела оснований упрекать нас. «В нашу пользу, — заявил он, — говорят свидетельства и чувства самих военнопленных, ибо, за исключением тех, кто горячо предан своим местным законам или понятиям свободы (это исключительно англичане и испанцы), все — австрийцы, пруссаки и русские — были готовы оставаться с нами; они с сожалением покидали нас и с удовольствием возвращались к нам».

Император также сделал следующее заявление: «У меня было намерение изменить в Европе систему обращения с военнопленными. Я планировал объединить их по принципу армейского полка и заставить их трудиться, следуя воинской дисциплине, на общественных работах. Они бы получали все заработанные ими деньги и, таким образом, спаслись бы от мучений полнейшего безделья и от сопутствующих ему беспорядков и волнений. Они бы хорошо питались, были бы одеты и обуты и ни в чём бы не нуждались, не став бременем для государства. Реализация этого плана принесла бы пользу всем без исключения. Но моя идея не встретила одобрения

со стороны Государственного совета, оказавшегося под влиянием ложной филантропии, которая приводит к такому множеству ошибок во всём мире. Стали утверждать, что несправедливо и жестоко заставлять людей трудиться. Высказывали опасение, как бы наши враги не приняли аналогичных ответных мер, и делали заявления, что военнопленный, потеряв свою свободу, уже достаточно несчастен, чтобы к тому же ещё и работать в принудительном порядке. Но как раз в праздности и заключается основа неправильного обращения с военнопленными; безделье и вызывало моё недовольство, безделье я и хотел исправить. Военнопленный, говорил я, обязан ожидать, что он будет находиться в условиях законного принуждения; и то принуждение, которое я буду навязывать ему, должно быть и в его интересах, и в интересах других. Я не требую, чтобы его мучили, — наоборот, я хочу, чтобы он находился в меньшей опасности, чем в прежних условиях. Вы боитесь, что враг примет аналогичные ответные меры и станет обращаться с французскими военнопленными так же, как мы будем обращаться с английскими. Дай-то Бог, чтобы это было именно так! Ничего лучшего я не желаю! Тогда я увижу, что мои матросы и солдаты занимаются полезным трудом на полях или на строительстве общественных дорог, а не заживо погребены в трюмах плавучих тюрем. Они вернутся домой здоровыми, трудолюбивыми и привыкшими к работе; и в каждой стране они оставят после себя некоторую компенсацию за губительные последствия войны. Пойдя на уступки, Государственный совет дал согласие на организацию нескольких трудовых корпусов, или чего-то в этом роде, для военнопленных, готовых работать на добровольной основе, но организация этих трудовых корпусов мало соответствовала тому плану, который я имел в виду».

**Планы Наполеона в отношении Антверпена —
Шатильонский мирный договор —
Морские работы — Официальный доклад
о состоянии дел империи в 1813 году**

2 ноября 1816 года

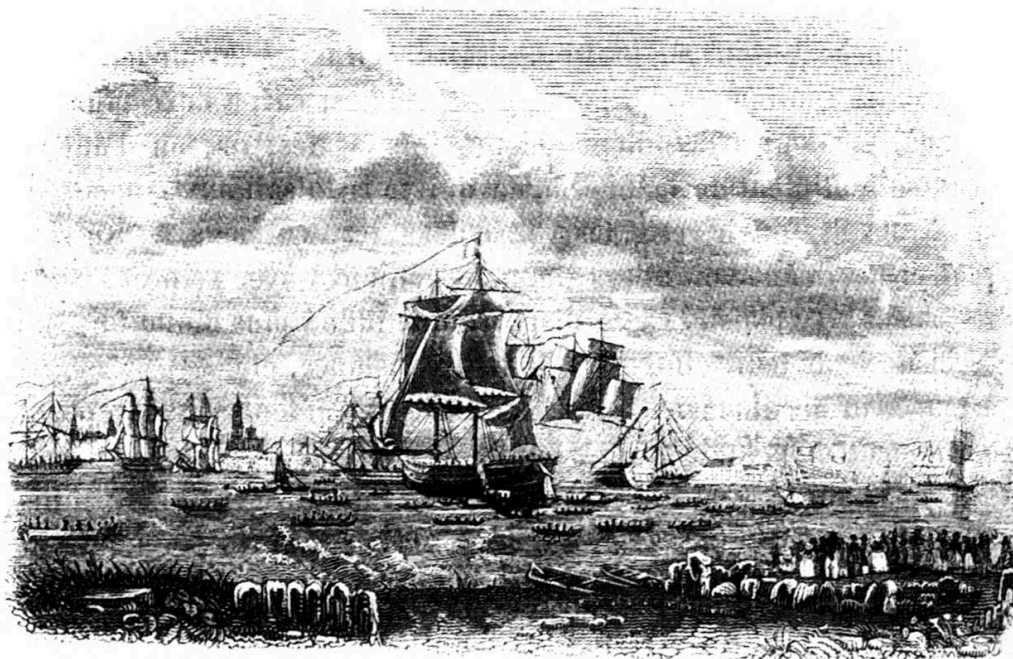
Сегодня император не покидал своей комнаты. Когда я навестил его, то нашёл его нездоровым из-за простуды; слюноотделение всё ещё продолжалось.

Я оставался у императора большую часть дня. Он иногда старался поддержать разговор со мной, а иногда пытался заснуть. Он вёл себя

очень беспокоило и стремился находиться поближе к горевшему камину. Его явно лихорадило.

В течение дня разговор коснулся Антверпена — его арсенала, его фортификаций, его значения. Император придерживался широко-масштабных военных и политических взглядов в отношении этого города, который в стратегическом плане был весьма благоприятно расположен.

Он заявил, что многое сделал для Антверпена, но этого было мало в сравнении с тем, что он предполагал сделать. Он намерен был превратить Антверпен в губительное место для врага, атакующего с моря. Что касается сухопутного расположения города, то император считал, что оно имеет определённые ресурсы для обеспечения национальной безопасности в случае больших военных катастроф. Император сделал бы Антверпен способным принять целую армию, после её поражения, и выдерживать непосредственную осаду врага на протяжении года, чтобы вся страна могла объединить свои усилия для спасения Антверпена и возобновления общего наступления. Пять или шесть городов, подобных Антверпену, добавил император, должны были войти в состав новой системы обороны, которую он намеревался создать. Работы, завершённые в городе в столь короткое время, многочисленные верфи, склады и каналы — всё это стало предметом восхищения, но, по мнению императора, в Антверпене ещё ничего сделано не было. Антверпен, заявил он, пока ещё был всего лишь торговым городом; военный город предстояло возвести на противоположном берегу реки. С этой целью по низкой

цене был закуплен большой участок земли, который необходимо было с выгодой вновь продать в интересах военного строительства; таким образом, благодаря этой спекулятивной сделке расходы на военное строительство были бы значительно уменьшены. Зимние доки были способны принять трёхпалубные корабли со всеми их пушками на борту, и планировалось построить крытые сухие доки для стоянки кораблей в мирное время.

Император сказал, что подготовленный им план превратил бы Антверпен в изумительный колоссальный бастион; сам по себе город стал бы целой провинцией. Сославшись на это грандиозное мероприятие, он сказал, что оно стало одной из причин его ссылки на Святую Елену: требование уступить Антверпен заставило его отвергнуть условия мира, предложенные в Шатильоне. Если бы союзные державы согласились оставить ему Антверпен, то он, по всей вероятности, заключил бы мирное соглашение; и император задавал себе вопрос, правильно ли он поступил, когда отказался подписывать предложенный ультиматум.

«В то время, — заявил он, — я имел много возможностей и шансов, но всё же, как много можно сказать в пользу принятых мною решений! Я правильно сделал, когда отказался подписывать ультиматум, и я всесторонне объяснил причины этого отказа; поэтому даже здесь, на этой скале, я ни в чём не раскаиваюсь. Я знаю, что мало кто понимал меня, но, несмотря на фатальный поворот событий, человечество теперь убедится, что долг и честь не оставили мне иных альтернатив. Если союзным державам пока удавалось унижать меня, то разве они прекратили бы делать это там, в Шатильоне? Были ли их предложения о мире и примирении искренними? Я знал их слишком хорошо, чтобы верить их заявлениям. Разве они не воспользовались бы огромными преимуществами, которые предоставлял им договор, чтобы закончить интригой то, что они начали силой оружия? Тогда где бы оказались безопасность, независимость и будущее благосостояние Франции? Где были бы моя честь и мои обеты? Разве союзные державы не стали бы унижать меня в глазах мирового общественного мнения так же эффективно, как они это сделали на поле сражения? Они бы обнаружили, что общественное мнение готово согласиться именно с тем представлением обо мне, которое они стремились навязать! Как Франция упрекала бы меня за то, что я позволил иностранцам расчленять территорию, которая была вверена моему попечению! Какое множество сделанных ошибок было бы приписано мне несчастными и нечестными людьми! Разве смогли бы французы, полные воспоминаний о своей славе, терпеливо вынести тяготы, которые неизбежно были бы им навязаны?

Возникли бы новые политические потрясения, анархия и опустошение! Я предпочёл сражаться до последней минуты, решив, в случае необходимости, отречься от престола»*.

Я признаю справедливость высказываний императора. Верно то, что он не потерял трон, а добровольно отрёкся от него; и он сделал это потому, что предпочёл скорее отказаться от него, чем поставить

* Эти высказывания Наполеона подтверждаются следующим письмом Коленкура редактору газеты «Конституционнель» (опубликовано 21 января 1820 года):

«Книга господина Коха, озаглавленная “Кампания 1814 года”, содержит несколько отрывков из писем, написанных мною императору и князю Невшательскому во время заседаний Шатильонского конгресса. Я обязан заявить, что эта переписка была приобретена и опубликована без моего ведома. Высокие источники, от которых, как утверждает автор книги, он получил свои материалы, придают его работе степень исторической важности; и поэтому я не могу умолчать об ошибках, содержащихся в книге. Большинство подробностей относительно переговоров, которые велись до 31 марта, не соответствуют действительности.

При рассмотрении итогов Шатильонского конгресса следует иметь в виду, что хотя события и оправдывали моё желание добиться установления мира, было бы неправильно утаивать от Франции и истории мотивы национального интереса и чести, помешавшие императору согласиться с условиями, которые иностранные державы желали навязать нам.

Поэтому я выполняю свой долг, поступая законно и откровенно, когда раскрываю эти мотивы с помощью следующего отрывка из указаний, направленных мне императором.

“Париж, 19 января 1814 года

Вопрос, на решении которого император особенно настаивает, предусматривает необходимость сохранения Францией её естественных границ; это является моим *непременным условием*. Все державы Европы, даже Англия, признали во Франкфурте эти границы. Франция, в случае её ограничения старыми границами, не будет обладать двумя третями сравнительной силы, которую она имела двадцать лет назад. Территория, приобретённая ею в направлении Рейна, несопоставима с теми, которые приобрели Россия, Пруссия и Австрия всего лишь в результате раздела Польши, — все эти государства возросли в своих размерах. Ограничение французской территории её старыми границами привело бы к унижению и ослаблению Франции. Франция без департаментов Рейна, без Бельгии, Остенде и Антверпена была бы ничем. План ограничить Францию её старыми границами неотделим от плана возрождения власти Бурбонов, ибо только они могут предложить гарантию сохранения такой Франции. Англия знает это; с любым другим правительством мир на подобной основе был бы невозможным и не мог бы продолжаться. Ни император, ни республика (в том случае, если революция вновь восстановит её) никогда бы не согласились с таким условием. Что касается Его Величества, его решение остаётся непоколебимым: он не оставит Францию меньшей, чем тогда, когда он обрёл её. Если союзные державы хотят изменить основные условия мирного соглашения, которые были предложены и приняты, — а именно, что Франция сохранит свою территорию в пределах естественных границ, — то у императора есть только три возможных варианта: сражаться и победить, сражаться и погибнуть со славой и, наконец, если страна не поддержит его, отречься от престола. Император не придаёт значения верховной власти, он никогда не станет приобретать её за счёт унижения”.

Я надеюсь, сударь, что ваша беспристрастность побудит вас предоставить этому письму место в газете, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить вам своё уважение.

Коленкур, герцог Виченцкий».

под угрозу наше благополучие и скомпрометировать собственную честь. История оценит по достоинству эту благородную жертву. Власть и жизнь преходящи, но слава бессмертна.

«В конце концов, — заявил император, — историку, вероятно, будет трудно отдать мне должное: мир переполнен клеветой и ложью, мои действия неимоверно искажены, моя личность представлена в чёрных красках и неправильно понята». На это один из присутствовавших при беседе ответил, что сомнения по поводу его личности могли существовать только во время его жизни, что несправедливость будет присуща только его современникам, что, как он сам уже говорил, тучи будут рассеиваться соразмерно тому, как память о нём будет оставаться в веках, что его личность с каждым днём становится всё более масштабной и станет самой благородной темой истории и что хотя первая катастрофа могла бы оказаться губительной для памяти о нём вследствие громких криков, раздававшихся тогда против него, однако чудеса его возвращения, деятельность его краткого правления и ссылка на остров Святой Елены теперь покрыли его славой в глазах наций всего мира и последующих поколений.

«Это верно, — согласился император с чувством удовлетворения, — и о моей судьбе можно сказать, что она очень отличается от других судеб. Падение обычно сопровождается понижением значения личности человека, но моё падение, напротив, чудесным образом возвысило меня. Каждый последующий день лишает меня частички моей *кожи тирана*».

После нескольких минут молчания разговор возобновился, и его темой стали Антверпен и английская экспедиция. «Английское правительство и его генерал, — заявил император, — казалось, соперничали друг с другом в отсутствии мастерства. Если бы лорд Чатам решился на энергичный шаг, то он мог бы, несомненно, уничтожить наше ценное сооружение одним смелым налётом, но момент внезапности был упущен, и наш флот спас Антверпен, перекрыв к нему доступ».

Упомянув некоторые факты, свидетелем которых я был, я заметил, что обычно маршалы устраивают смотры армиям, но в Антверпене роли поменялись, и уже армии устраивали смотры маршалам, трое из которых сменили друг друга в течение короткого отрезка времени. «Эту смену, — пояснил император, — вызвали политические обстоятельства. Я послал Бессьера в Антверпен, так как возникший кризис требовал пользующегося моим доверием человека с твёрдым характером, но как только прошёл критический момент, я послал другого маршала на смену Бессьеру, поскольку хотел, чтобы последний находился рядом со мной».

Морские работы в Антверпене, несмотря на их громадные размеры, являются всего лишь небольшой частью работ, осуществлённых

Наполеоном. Будучи прикомандированным, в качестве члена Государственного совета, к военно-морскому министерству, я обладаю, по должности, отчётом об этих работах. Их список я привожу сейчас в моём дневнике в географическом порядке, с юга на север.

1. Форт Байяр, сооружённый для расширения и защиты якорной стоянки острова Экс, от которого, благодаря настойчивости и смелости, был обнаружен морской проход, вне поля зрения врага, между островом Олерон и материком. По этому проходу даже линейные корабли могли достигнуть Жиронды.

2. Обширные и грандиозные работы Шербура. Дамбу, строительство которой было начато при Людовике XVI и которая сильно пострадала во время революции, восстановили. Центральную часть дамбы подняли на три метра над уровнем моря и продлили на 100 туазов, чтобы установить на ней батарею в составе двадцати пушек самого крупного калибра. Эта работа была выполнена менее чем за два года, с 1802-го по 1804-й, и столь успешно, что, хотя с 1813 года работы забросили, всё сооружение не подверглось разрушению и по-прежнему сохраняет всю свою первоначальную прочность.

В центральной части дамбы построили из гранита большую эллиптическую башню. Она врыта в дамбу, которая её поддерживает и которую, в свою очередь, эта башня защищает. Сооружение в открытом море массивного основания башни представляло огромные трудности, и когда строительство башни было завершено в конце 1812 года, она возвышалась на два метра над уровнем самых высоких морских приливов. Прочность этого сооружения, хотя оно и находится в заброшенном состоянии и подвержено разрушительному воздействию морских волн, явится убедительным доказательством эффективности оборонительных работ, запроектированных на этой искусственной скале, когда настанет время для полной реализации плана. Этот план предусматривал строительство на дамбе одноэтажного барака, чтобы разместить там гарнизон, пороховой погреб, водохранилище и т.д. Над бараком должна была находиться арочная платформа, позволяющая разместить на ней каземат, то есть стационарную батарею из девятнадцати пушек крупного калибра. Над этой платформой предусматривалось строительство второй платформы, позволявшей разместить на ней, если будет необходимо, пушки, установленные на лафетах. Все эти батареи должны были венчать батарею, уже существовавшую на самой дамбе. Таким образом, вражеской атаке противостояли бы четыре ряда батарей, один над другим.

Менее чем за восемь лет в массивной скале был вырыт котлован для военного порта. В нём можно было держать сорок пять линейных кораблей и столько же фрегатов и иметь три эллинга для строительства кораблей. Это убежище, столь необходимое для линейных

кораблей, так как рейды Шербура слишком открыты для бурных волн, было вырыто на глубину десять метров ниже уровня моря в самый низкий морской отлив, чтобы предоставить безопасную стоянку самым большим кораблям. Когда оно было открыто в 1813 году, императрица Мария Луиза и весь императорский двор стали свидетелями великолепной и грандиозной картины внезапного вторжения моря в вырытый котлован через специально открытые шлюзы огромной плотины, которая с тех пор надёжно защищает это убежище кораблей от любых капризов моря. Самые крупные корабли немедленно вошли во вновь созданную акваторию порта Шербур, который отныне стал удобной стоянкой для кораблей, а также предоставил необходимые условия для их строительства и ремонта. Этот порт обладает всеми преимуществами, которых можно ожидать от такого важного творения технического искусства, и его справедливо считают одним из величественных памятников правления Наполеона.

3. Подготовка флотилии к вторжению в Англию потребовала многочисленных работ. Необходимо было обеспечить флотилию якорными стоянками, осуществить в различных местах строительство каменных и деревянных фортов, морских причалов, пирсов, дамб, шлюзов и т.д.

В качестве основного пункта сбора флотилии была выбрана Булонь, а Вимерё, Амблетёз и Этабль стали второстепенными пунктами. Булонь была способна принять 2000 кораблей различного класса. Помимо её естественного порта, дополнительно был создан искусственный водоём — посредством плотины, закрытой в середине шлюзом; этот водоём был способен вместить до тысячи кораблей.

4. Важные ремонтные работы во всех портах побережья — Гавре, Сен-Валери, Дьеппе, Кале, Гравлине и Дюнкерке.

5. Работы во Флашинге. Этот город попал в руки англичан, и когда они эвакуировались, то разрушили все его военные сооружения. Император приказал восстановить эти сооружения, но сделать их более мощными, чем раньше, чтобы обезопасить их от пушечных обстрелов с вражеских кораблей, и разместить поверх военных складов и помещений артиллерийские батареи. Флашинг был бы тогда полностью оснащён пушками и стал бы неуязвимым.

6. Работы, начатые в Тернёзене, для создания более крупной, чем Флашинг, военно-морской базы, недалеко от устья реки Шельда.

7. Огромная работа в Антверпене. Этот город, находящийся на расстоянии почти двадцати лье от моря, от которого его отделяет извилистый и труднопроходимый канал, казалось, лишён каких-либо преимуществ для того, чтобы стать военно-морской базой; и до сих пор он представлял собой лишь незначительный торговый центр. Флот, построенный в Антверпене, с трудом смог бы спуститься

вниз по реке к морю и был бы беспомощен против суровой погоды и нападений со стороны врага. Флот был бы бесполезен в течение одной трети года, так как приближение зимы вынуждало корабли подниматься вверх по реке и на ней не было плавучих доков. Но эти многочисленные трудности, казалось, ничего не значили в глазах Наполеона. Не прошло и восьми лет, как Антверпен превратился в важную военно-морскую базу, и мощный флот стал ходить по реке Шельда. Были заново возведены военные склады, причалы, верфи и т.д., в самом Антверпене были созданы два плавучих дока, способных принимать корабли любых размеров. Наполеон совершил несколько поездок в Антверпен, чтобы лично инспектировать ход работ, включая самые незначительные детали.

Во время одной из таких поездок он случайно встретился с капитаном инженерных войск, который скромно делал своё дело, помогая возводить фортификации Антверпена, и с которым император вступил в дискуссию по поводу некоторых вопросов, связанных с его непосредственной работой. Вскоре после этого офицер неожиданно получил письмо, сообщавшее ему, что он назначен адъютантом

императора и что ему следует отправиться в Тюильри и приступить к своим новым обязанностям. Бедняга был крайне изумлён: он решил, что всё это ему приснилось, что письмо направлено не по адресу. Он был настолько застенчив и так мало знал мир, что это необыкновенное повышение повергло его в состояние крайней растерянности. Он вспомнил, что однажды встречался со мной в Антверпене, и попросил, чтобы я оказал ему помощь. Соответственно, прибыв в Париж, он явился ко мне и признался в своём полном невежестве в отношении нравов и манер императорского двора

и смятении при мысли о предстоящем представлении императору. Однако мне удалось несколько ободрить его, и он приобрёл некоторую уверенность. Этим офицером был будущий генерал Бернар, который во время наших катастроф отправился в Америку, где его назначили ответственным за проведение военных работ в Соединённых Штатах.

Наполеону нравилось, когда ему удавалось подобным образом застигнуть людей врасплох. Всякий раз, когда он обнаруживал особые способности, он возвышал такого человека до уровня, соответствующего его таланту, не утруждая себя какими-либо побочными соображениями. Это была одна из удивительных черт его характера.

8. Работы в Голландии. Как только Голландия попала в руки Наполеона, его творческий энтузиазм сразу же был направлен на самые различные области её экономики. Он отремонтировал, привёл в порядок и расширил арсеналы на реке Маас, в Роттердаме и в Хелле-вутслейсе. Он также приказал создать военно-морскую базу Нивендип, где в короткое время двадцать пять линейных кораблей были обеспечены безопасной зимней стоянкой, выстроившись вдоль великолепных причалов; план Наполеона состоял в том, чтобы сделать Нивендип Антверпеном Зейдерзее.

9. Работы на реках Везер, Эмс и Эльба. Когда Наполеон присоединил к Французской империи Бремен, Гамбург и Любек, то наряду с его владениями расширились и его планы и работы. Он принял меры для того, чтобы сделать реку Эльба доступной для линейных кораблей, и запланировал строительство военно-морской базы в Дельфзейле, в устье реки Эмс. Но цель, особенно занимавший внимание Наполеона, заключалась в том, чтобы прорыть ряд каналов, которые с помощью рек Эмс, Везер и Эльба соединили бы Голландию с Балтийским морем. Тогда мы смогли бы обеспечить, благодаря простой системе плавания по внутренним водным путям, безопасную связь между Бордо и Средиземным морем с одной стороны и северными державами Европы с другой.

Все эти важные работы были спланированы и большинство из них осуществлены с удивительной быстротой. Творческий гений Наполеона замышлял их, а Декре, военно-морской министр, неутомимо занимался выполнением этих проектов.

Если к тому, что я описал, добавить другие происходившие одновременно чудеса в иных областях общественной и государственной деятельности и в других частях империи, и если принять во внимание, что все это было осуществлено в условиях войны, то невозможно подавить в себе чувства изумления и восхищения. Все эти чудеса осуществлялись с помощью непоколебимой решимости, таланта, вооружённого властью, и финансов, использовавшихся разумно и экономно! Несомненно, если принять во внимание массу фортификаций,

множество общественных дорог, мосты, каналы и здания различного рода, то следует признать, что ни один монарх в мире никогда не совершал столь многого в столь короткое время, и не налагая бремени тягот на плечи народа.

Италия, королём которой был Наполеон, также получила свою долю улучшений в различных сферах. Он проложил прекрасные дороги через Альпы и Апеннины, создал военно-морскую базу в Генуе, построил фортификационные укрепления в Корфу, чтобы сделать этот остров ключом к Греции, отремонтировал, привёл в порядок и расширил порт Венеции. Кроме того, Наполеон намерен был создать военно-морской арсенал в Рагузе, а также в Пуле, в Истрии и в Анконе. Он замыслил удачную и смелую идею соединить Венецианский и Генуэзский заливы, используя для этого реку По и канал, прорытый через Апеннины от Александрии до Савоны. Реализация этого плана принесла бы важнейшие результаты, поскольку, независимо от огромных торговых и военных преимуществ, была бы установлена прямая и безопасная связь между Венецией и Тулоном. В результате порт Тулона стал бы получать морские товары из Адриатического моря, совершенно не опасаясь атаки со стороны врага. Наконец, Наполеон очистил Рим от мусора, которым был завален город, восстановил много памятников древней Римской империи, создал проект осушения Понтийских болот и т.д.

Ниже я добавляю к моему дневнику предисловие к докладу о положении дел Империи, представленному Законодательному собранию на заседании 20 февраля 1813 года графом Монталиве, министром внутренних дел. Этот великолепный доклад, основанный во всех деталях на первичных документах, даёт истинное представление о чудесах, сотворённых правительством Наполеона. Думаю, что я могу закрыть обсуждаемую тему, вставив в моё повествование официальный отчёт о расходах на общественные работы во время правления императора.

«Господа, Его Величество дал мне указание ознакомить вас с внутренним положением дел Империи в течение 1811-го и 1812 годов.

Вы с удовлетворением отметите, что, несмотря на огромную армию, которую состояние войны, морской и континентальной, сделало обязательной и необходимой, население страны продолжало возрастать, что французская промышленность добилась нового прогресса, что почва наших полей никогда не была лучше культивирована, а наше производство никогда не было столь цветущим, и что ни в какой период нашей истории благосостояние не было столь равномерно распределено среди всех классов общества.

Земледелец теперь пожинает плоды своего труда, которые раньше были ему недоступны. Он в состоянии покупать землю по самой

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЮТЦЕНЕ

высокой цене, его одежда стала лучше, пища — более обильной, а жилище — более прочным и более удобным.

Улучшения в области сельского хозяйства и промышленности более не отвергаются только потому, что они новаторские. Эксперименты проводятся в каждой отрасли, и те методы, которые оказываются наиболее выгодными, заменяют старые подходы. Умножаются искусственные луга, система вспашки под пар более не пользуется успехом; урожаи растут, а продуктивность почвы увеличивается. поголовье крупного рогатого скота умножается, и его различные породы улучшаются. Крестьяне находят средства закупать по высокой цене испанских баранов и жеребцов самой лучшей породы, — теперь они хорошо знают свои истинные интересы и без колебаний делают эти дорогие покупки. Таким образом, запросы наших предпринимателей, наших земледельцев и наших армий с каждым днём удовлетворяются всё лучше.

Высокая степень преуспеяния была достигнута за счёт либеральных законов, которыми управляется великая Империя, за счёт уничтожения феодализма, церковных десятин, неотчуждаемого права собственности на недвижимость церквей и монашеских орденов, за счёт мер, которые создали или освободили многочисленные частные поместья, являющиеся теперь свободным наследственным имуществом множества неимущих ранее семей. Это преуспеяние следует также приписать более равномерному распределению богатства, ясности и простоте законов в отношении земельной собственности и ипотеки, а также отсутствию проволочек в судебных процессах. Эти же причины плюс вакцинация привели к численному росту населения. Можно даже сказать, что воинская повинность, которая ежегодно собирает под наш флаг цвет французской молодёжи, в какой-то мере содействовала росту численности населения, умножая количество брачных союзов».

Официальный отчёт о расходах на общественные работы со времени вступления Наполеона на императорский трон, представленный Законодательному собранию министром внутренних дел:

Императорские дворцы и здания, принадлежащие короне	62 000 000
Фортификации	144 000 000
Морские порты	117 000 000
Дороги	277 000 000
Мосты в Париже и в департаментах	31 000 000
Каналы, судоходство и осушение болот	123 000 000
Работы в Париже	102 000 000
Правительственные здания департаментов и больших городов	149 000 000
<hr/>	
Итого	1 005 000 000

У императора плохое самочувствие и подавленное состояние — Забавные истории — Заговор Малле

3 ноября 1816 года

Император продолжает уединяться, подобно отшельнику. Когда наступил вечер, он послал за мной; он сказал, что его зубная боль несколько утихла, но, что касается других заболеваний, ему не стало лучше. Император сказал, что испытывает чрезвычайную слабость, его одолевает депрессия и в течение всего дня не покидают мрачные мысли. Он принимал ванну и после нескольких минут молчания сказал, словно пытаясь взбодриться: «Ну, мой верный сказочник, если вас не слишком клонит ко сну, тогда расскажите мне что-нибудь о ваших друзьях из Сен-Жерменского предместья».

«Сир, — ответил я, — я рассказал вам столько историй из жизни этого предместья, что исчерпал весь запас подобных историй, будь то правдивых или придуманных. Теперь остаются нерассказанными только скандальные истории, и Ваше Величество знает, что вас в них никогда не щадят. Впрочем, одна забавная история только что пришла мне в голову.

Однажды Талейран, отправляясь из дома, чтобы заняться своими министерскими делами, сообщил жене, что он пригласит господина Денона домой на обед. Он хотел, чтобы в его доме знаменитому путешественнику оказали максимум внимания, и поэтому сказал госпоже де Талейран, что ей стоит перелистать книгу Денона, чтобы она смогла сделать несколько приятных комплиментов автору; и он объяснил жене, на какой именно полке библиотеки она может найти книгу. Госпожа де Талейран отправилась выполнять задание; она нашла книгу чрезвычайно интересной и была счастлива от мысли, что вскоре будет представлена герою произведения. Как только гости сели за обеденный стол, она сообщила господину Денону, который сидел рядом с нею, что она читала его книгу и книга ей очень понравилась. В ответ на это Денон учтиво склонил голову, и дама продолжала говорить о тех необыкновенных странах, которые он посетил, и прилагала все усилия, чтобы заверить его в своём сочувствии ко всем его невзгодам. Господин Денон поклонился вновь; и всё шло прекрасно до тех пор, пока госпожа де Талейран, всё ещё обращаясь к Денону, не заявила, что она была очень обрадована, когда появился его верный *Пятница*, чтобы разделить его одиночество. «Он по-прежнему с вами?» — спросила она. Тут Денон вскочил с кресла и, обратившись к гостю, сидевшему с другой стороны от него, сказал: «Кажется, она принимает меня за Робинзона Крузо?!»

Бедная госпожа де Талейран читала “Приключения Робинзона Крузо” вместо книги Денона “Путешествия по Египту”». Император рассмеялся от всей души и потом сам несколько раз рассказывал эту историю.

Затем разговор коснулся изобретательной недоброжелательности парижского великосветского общества, и мы вспомнили злополучную историю об одном столяре-краснодеревщике, который неосторожно показал Б., при ремонте его письменного стола, потайной ящик, который, как оказалось, хранил много секретов, связанных с его семьёй. Императора весьма позабавил рассказ о том, что содержалось в этих письмах, и он выразил уверенность, что не всё в этой истории выдумка, ещё раз повторив своё осуждение салонов Парижа, которые, как он сказал, достойны именоваться дьявольскими районами — из-за их пристрастия к злословию и клевете.

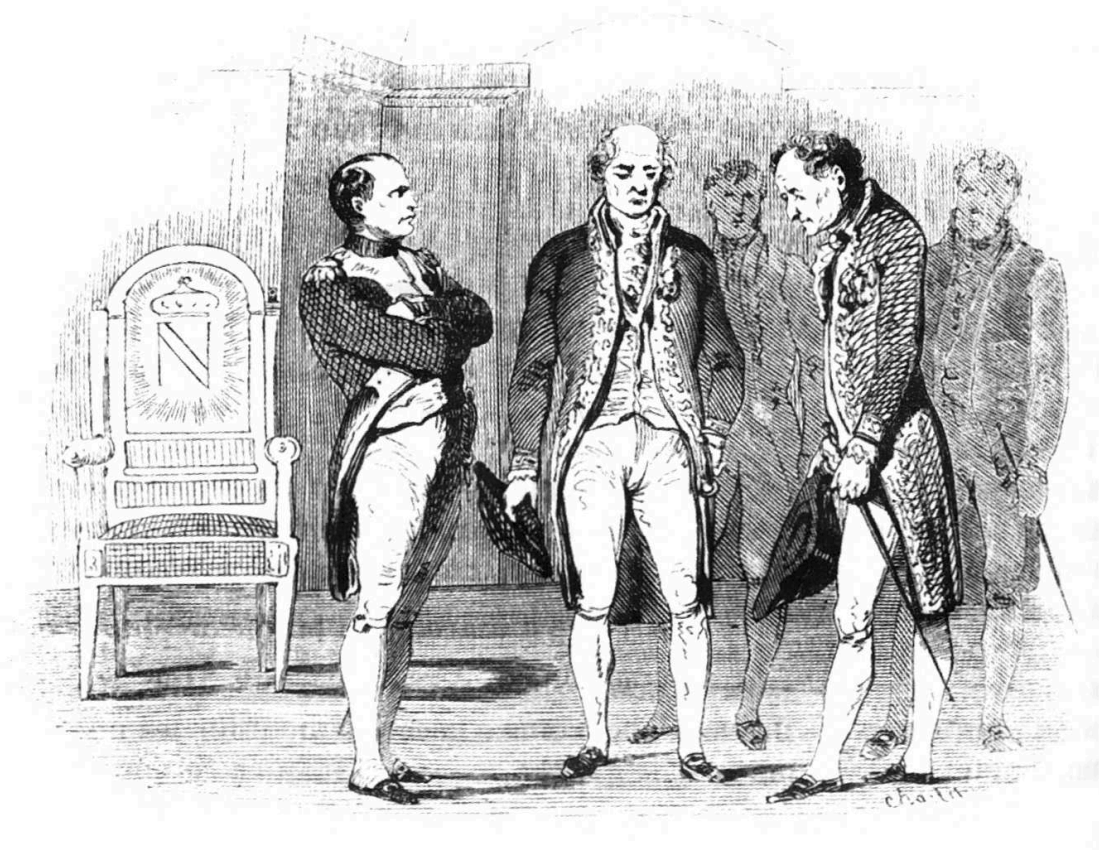
В ходе беседы император заметно оживился, и наш разговор продолжался. Он мимоходом упомянул одного офицера, к которому, по его словам, он не очень хорошо относился. Я решился заметить, что, насколько мне известно, этот офицер был адъютантом знаменитого генерала. «Ну и что из этого? — спросил, улыбнувшись, император. — Разве вы не знаете, что генерал часто имеет двух адъютантов: одного для боевых действий и другого для обслуживания своего дома?»

Он много говорил о национальном неумении французов завершить процесс революции и придерживаться определённого порядка вещей. При этом он сослался на знаменитое дело Малле, которое, как шутливо заметил император, могло быть названо карикатурой на его собственное возвращение с острова Эльба. «Абсурдный заговор Малле, — заявил он, — можно было бы, по правде говоря, считать мистификацией. Этот человек, тюремный арестант и невразумительная личность, сумел освободиться и, в свою очередь, сам арестовал префекта столицы и даже министра полиции, этих смотрителей подземных тюрем и разоблачителей заговоров, которые позволили себе попасться в ловушку, подобно стаду баранов. Префект Парижа, прирождённый организатор и беспредельно преданный мне человек, с готовностью дал втянуть себя во все планы по созданию правительства, которого никогда не существовало. Министры, назначенные заговорщиками, всё ещё совершали визиты вежливости, когда те, кто назначил их, уже сидели в тюрьме. Жители столицы, узнавшие об этом политическом дебоше, ни в коей мере не взволновались этим событием.

Столь нелепая попытка заговора никогда не смогла бы привести к какому-либо результату. Даже если бы она была успешной, она всё равно провалилась бы через несколько часов, и упоённым победой заговорщикам пришлось бы думать только о том, где спрятаться.

Поэтому меня намного меньше разгневала попытка злодея Малле, чем та лёгкость, с которой преданные мне люди позволили уговорить себя стать его сообщниками. Когда я прибыл в столицу, они чисто-сердечно рассказали мне все подробности. Они честно признались, что попали в ловушку и на какой-то момент полностью поверили в мою гибель. Они не отрицали, что принимали участие в реализации планов заговорщиков, и теперь вместе со мной они радовались своему счастливому освобождению. Ни один из них не оказал ни малейшего сопротивления, не сделал ни малейшей попытки защитить существовавшее правительство. Казалось, что это не пришло им в голову; все они полностью подчинились новому порядку вещей.

Они проявили полнейшее замешательство, когда я сказал резким тоном: “Итак, господа, выясняется, что вы считали, что моё правление пришло к концу, — по этому поводу мне нечего сказать. Но где же были ваши клятвы на верность Римскому королю? Что стало с вашими принципами и доктринами? Вы заставляете меня трепетать за будущее”. Надо было привести пример, хотя бы ради того, чтобы слабые люди были начеку, и мой выбор пал на беднягу Фрошо, префекта полиции, который, я уверен, был предан мне. Тем не менее, по простой просьбе одного из этих жуликоватых заговорщиков, вместо того чтобы оказать сопротивление, которого требовал

его долг, вместо того чтобы проявить твёрдую решимость скорее погибнуть на своём посту, чем уступить, — он с готовностью издал приказ о подготовке места заседания нового правительства! Вот уж в самом деле, — заявил император, — готовность, с какой французский народ приспосабливается к переменам, лишь продлевает злоключения, которые ни одна другая нация, кроме французской, не могла бы выдержать. Не всё ещё в стране приведено в порядок, и Европа разделяет это мнение; оно основано не столько на нашем непостоянстве и легкомыслии, сколько на многих событиях, которые случились в течение последних тридцати лет».

**Император продолжает болеть — Он заявляет, что ему
следовало умереть в Москве или в Ватерлоо —
Панегирик его семье**

4 ноября 1816 года

Сегодня император не желал никого видеть всё утро. Он вызвал меня в тот час, когда решил принять ванну, во время которой и некоторое время после неё вёл беседу о нашем знании древних веков и об историках, благодаря которым это знание дошло до нас. Размышления по этому поводу привели его к выводу о том, что мир ещё находится на ранней стадии развития, а человеческая натура тем более. Мы затем принялись рассматривать структуру Земного шара, неравномерность его поверхности, неравное разделение моря и суши, численность населения Земного шара и подробности процесса его заселения. Я подсчитал, что население Европы составляло 170 000 000 человек, и император заметил, что он сам правил 80 000 000 человек, и добавил, что после союза с Пруссией и Австрией он стоял во главе более чем 100 000 000 человек. Затем император неожиданно сменил тему разговора, попросил принести ему мой «Атлас» и, пока он перелистывал его страницы, несколько раз сказал, что эта книга бесценна для молодёжи.

Потом, говоря о чудесных событиях своей жизни и о превратностях судьбы, император заявил, что ему следовало умереть в Москве, поскольку в то время его военная слава не знала поражений, а политическая карьера была беспримерной в мировой истории. Заметив, что один из присутствующих не выразил одобрения его словам, император спросил: «Вы так не думаете? Вы не считаете, что мне следовало завершить мою карьеру в Москве?» — «Нет, сир, не считаю, — последовал ответ, — ибо в этом случае история была бы лишена событий, связанных с вашим возвращением с Эльбы, а это

один из самых благородных и героических поступков, которые когда-либо совершал человек; это было самое грандиозное и величественное событие, свидетелем которого когда-либо являлся мир». — «Ладно, — согласился император, — в этом есть доля правды, но что вы скажете о Ватерлоо? Разве мне не следовало погибнуть там?» — «Сир, — ответил его собеседник, — если я был помилован за Москву, то не вижу, почему бы мне не попросить помилования и за Ватерлоо. Будущее не принадлежит воле и власти человека: оно находится только в руках Бога».

В другой раз император говорил о различных членах его семьи, о том, как мало помощи он получал от них, о многих затруднениях, которые они причиняли ему. Он, в частности, сослался на ошибочное мнение, которого они придерживались, а именно: когда их ставили во главе того или иного народа, они должны были идентифицировать себя с этим народом и отдавать предпочтение интересам своих подданных в ущерб интересам общей страны, то есть интересам Французской империи. Эта идея, сказал император, была порождена благородным чувством, но оказывалась ошибочной и весьма опасной, когда воплощалась в практической деятельности. Следуя своему ошибочному пониманию независимости, члены его семьи иногда рассматривали власть над своими подданными как стоявшую особняком, забывая, что они всего лишь части единого великого целого, интересам которого они должны были содействовать, а не противостоять. «Но, — продолжал император, — они были слишком молоды и неопытны, их окружали ловушки, льстецы и интриганы, которые вынашивали тайные и злонамеренные замыслы». Затем, неожиданно сделав переход от перечисления недостатков членов семьи к обсуждению их хороших качеств, он добавил: «И тем не менее, если мы будем судить о них в сравнении с другими, то какая семья в аналогичных обстоятельствах поступила бы лучше? Не каждому суждено быть государственным деятелем, для этого требуется сочетание силы и власти, которые не выпадают на долю каждого человека. В этом отношении мои братья оказались в исключительном положении: они одновременно обладали и слишком большими, и слишком незначительными способностями. Они чувствовали себя слишком сильными, чтобы слепо довериться направляющему их действия опытному советнику, но при этом слишком слабыми, чтобы быть полностью предоставленными самим себе. Но в целом у меня, конечно, есть все основания гордиться моей семьей».

Жозеф был бы украшением общества в любой стране; и для всех политических собраний участие Люсьена было бы честью. Жером, по мере того, как он приобретал жизненный опыт, проявил качества, необходимые для монарха. Луи стал бы знаменитым в любом звании и при любых условиях жизни. Моя сестра Элиза наделена

мужской силой разума, ей надо было стать философом. Каролина обладает многочисленными талантами и огромными способностями. Полина, вероятно, самая красивая женщина своего времени, она была и останется до конца своей жизни самым приятным существом во всём мире. Что касается моей матери, то она заслуживает всякого преклонения. Как редко такая многочисленная семья удостоивается столь разнообразной похвалы! Добавьте к этому, что, оставив в стороне расхождение политических убеждений, мы искренне любили друг друга. Что касается меня, то я никогда не прекращал лелеять братскую любовь ко всем ним; и я уверен, что в своих сердцах они ощущали те же чувства в отношении меня и, в случае необходимости, предоставили бы мне любые доказательства этого».

После обеда император принял у себя всю свиту, и мы пробыли с ним почти час. Он оставался в постели, но беседа давалась ему легко, и ему было, очевидно, лучше. Мы покинули его с надеждой, что вскоре увидим его поправившимся. Мы отметили, что он не обедал с нами уже двенадцать дней и что без него наши жизни, наши часы и наши минуты прошли в полном беспорядке и были лишены всякого интереса.

**География становится страстью императора —
Из Лондона прислали пышную кровать,
и император называет её мышеловкой —
Истории, рассказанные англичанами**

5 ноября 1816 года

Император продолжает уединяться в своей комнате. Он послал за мной, как он это делал последние несколько дней, в час, назначенный им для приёма ванны. Воспаление во рту несколько спало, но зубы по-прежнему болезненно ноют. Он возобновил беседу на тему предыдущего дня, а именно — о структуре Земного шара и т.д., ибо император теперь проявляет настоящую страсть к географии. Он взял мою карту мира, отметил неравномерное распределение суши и моря, и на некоторое время его взгляд задержался на обширном плато Азии, потом с огромного Тихого океана он перевёл взгляд на Атлантический океан. Он задал много вопросов относительно переменных ветров, пассатов и муссонов Индийского океана, спокойствия Тихого океана, ураганов в Вест-Индии и т.д.; он находил на карте в соответствующих местах примеры гипотез, предлагаемых наукой в отношении этих природных явлений. Это занятие доставляло императору огромное удовольствие, и он продолжал

осмотр карты, делая время от времени замечания. «Таблицы, — заявил он, — крайне полезны для того, чтобы проводить сравнения: они пробуждают и стимулируют идеи. Вы превосходно придумали составлять исторические и географические таблицы таким образом, что они охватывают все значительные события и феномены, связанные с этими областями науки. С каждым днём мне всё больше и больше нравится ваша книга»*.

Император захотел обратиться к самым первым книгам, посвящённым путешествиям; ему были доставлены работы монаха Рубрика и итальянца Марко Поло. Он перелистал эти книги и заявил, что в них отсутствует какая-либо информация; их единственное достоинство, сказал он, заключается в том, что они очень давно написаны.

Выйдя из ванны, император пошёл в спальню, чтобы посмотреть на большую кровать, которую привезли из Лондона и только что установили для него в комнате. Кровать увенчивал балдахин, её поддерживали четыре большие подпорки, столь высокие, что оказалось необходимым отпилить часть, прежде чем установить эту кровать в императорской маленькой спальне, заполненной до отказа другой мебелью. Кроме того, от неё, по каким-то причинам, исходил очень неприятный запах. Кровать была такой громоздкой и шаткой, что напоминала собой старый трясущийся замок. Император заявил, что эта кровать выглядит абсолютной мышеловкой и что он не позволит себе угодить в неё. Он приказал немедленно убрать её, заявив, что не хочет, чтобы его беспокоил подобный хлам. Кровать унесли, и на её место вновь была поставлена старая походная кровать императора. Беспорядок и неудобства, вызванные этой сменой кроватей, привели императора в дурное настроение.

В течение дня у меня был продолжительный разговор с одним английским моряком, ревностным поклонником императора. Моряк рассказал мне несколько историй, которые тем более понравились мне, поскольку были мне совершенно неизвестны. Хотя о них мало кто знает, они от этого не становятся менее правдивыми, ибо некоторые факты, приведённые рассказчиком, были получены от авторитетного источника, а достоверность других событий не вызывала сомнений, поскольку их свидетелем был сам рассказчик. Когда

* На Святой Елене у меня был только один экземпляр этой книги, и она постоянно находилась в спальне императора. Если мне случалось брать её, чтобы навести справки или внести в неё исправления, император сразу же требовал возвратить её ему. В день моего отъезда граф Бертран попросил меня оставить ему эту книгу для занятий с его детьми. Впоследствии он сообщил мне, что не смог пользоваться ею: император забрал книгу в своё полное владение, и когда в свои последние минуты он перечислял книги, которые следует выбрать для личной библиотеки его сына, то «Атлас» был среди них. Если я не смог удержаться и сообщаю об этом, то, надеюсь, я буду прощён.

я потом упомянул о некоторых деталях этих историй императору, он сразу же вспомнил о них и признал их правдивость. Мой рассказчик заверил меня, что, к его большому удивлению, об этих историях практически ничего не известно в Англии: там, так же, как и во Франции, всё, что отображало благородство Наполеона или представляло в выгодном свете его личность, исчезло в результате фатальных событий, о которых я так часто пишу. Ибо клевета и ложь постоянно подавляют выдуманном злом всё хорошее. Вот несколько этих историй.

«С нами, английскими пленниками, — говорил мой рассказчик, — обращались как нельзя лучше. В Вердене, где находился лагерь для военнопленных, мы пользовались теми же привилегиями, что и местные жители. Верден — очень приятный город, а провизия и вино там очень дешёвы. Нам разрешали выходить за пределы города на расстояние в несколько миль без всяких пропусков, и мы могли, если хотели, отлучаться из лагеря на несколько дней. Короче, мы настолько не ощущали никаких притеснений, что генерала, командовавшего нашим лагерем, обвинили в неправильном обращении с английскими военнопленными. Ему приказали, в соответствии с распоряжением Наполеона, явиться в Париж. Опасаясь наказания, которое ожидало его, генерал покончил с собой. Однажды мы получили приказ не выходить за пределы лагеря в течение нескольких дней. Причина, по которой был издан этот приказ, заключалась в том, что император намеревался проезжать через Верден, и сочли,

что ему будет небезопасно оказаться в окружении столь большого количества вражеских военнопленных. Помимо охватившего нас разочарования, что наше любопытство не будет удовлетворено (ибо нам очень хотелось увидеть Наполеона), сам по себе этот приказ чрезвычайно огорчил нас. Разве они не доверяют храбрым английским морякам, думали мы. Неужели они путают нас с убийцами? Как бы то ни было, но нас обрекли быть узниками, лишёнными всякой свободы. Однако в день прибытия Наполеона нам, к нашему большому удивлению, сообщили, что мы вновь свободны, так как император осудил приказ об ограничении наших передвижений. Мы нетерпеливо ринулись толпами на улицы города, чтобы увидеть императора, и он проехал мимо нас, без сопровождения эскорта, с невозмутимым видом, уверенный в своей полной безопасности и даже с добрым выражением лица, что нас особенно восхитило. Наши шумные приветственные возгласы были не менее искренними, чем приветствия самих французов».

«Наполеон и Мария Луиза, возвращаясь из поездки по Голландии, прибыли в городок Гиве, расположенный у реки Мёз, в котором в то время собрали несколько сот английских военнопленных. Внезапно разразилась буря, полил сильнейший дождь, река вышла из берегов, и понтонный мост разрушился. Переправа через бурную реку стала невозможной. Однако император, желавший продолжить поездку и не имевший привычки считать что-либо невозможным, принял решение любой ценой переправиться через реку. Были вызваны все местные лодочники, но ни один из них не отважился пересечь реку. “Тем не менее, — заявил Наполеон, — я полон решимости оказаться до полудня на другом берегу реки”. Он тут же

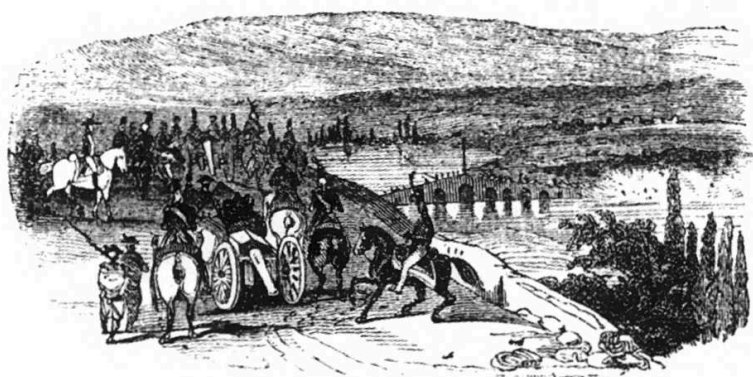
приказал привести к нему лидеров английских военнопленных. “Сколько вас здесь? — спросил он. — И сколько среди вас моряков?” В ответ ему сказали: “Нас здесь 500 человек, и мы все моряки”. — “Хорошо. Я хочу знать, считаете ли вы возможным переправиться через реку и готовы ли вы попытаться переправить меня на другой берег?” Английские моряки признавали, что это рискованно, но некоторые из наших ветеранов решили сделать такую попытку. Наполеон сел в лодку с поразившей нас уверенностью и благополучно достиг противоположного берега. Он от всей души поблагодарил тех, кто перевозил его, и приказал выдать этим морякам новую одежду, денежный подарок и пожаловал им свободу от плена».

«Молодой английский матрос, охваченный сильнейшей тоской по родине, сбежал из лагеря для военнопленных, успешно добрался до берега моря в окрестностях Булони и спрятался там в зарослях кустарника. Его страстное желание вернуться домой подсказало ему мысль соорудить небольшую лодку, чтобы добраться до одного из английских крейсеров, который он заметил в море, когда забирался на верхушку прибрежного дерева. Его схватили в тот момент, когда он уже был готов отправиться в плавание, и посадили в тюрьму по подозрению, что он шпион или грабитель. Об этом обстоятельстве узнал Наполеон, который тогда находился в Булони, и ему захотелось из любопытства увидеть лодку, о которой он много слышал. Когда эту лодку показали ему, он никак не мог поверить, чтобы мало-мальски разумный человек рискнул отправиться на такой жалкой посудине в море, и он приказал привести к нему этого английского матроса. Юноша сказал Наполеону, что действительно

намеревался бежать из Франции с помощью этой лодки и просит разрешения осуществить этот план. “Вы, видимо, очень хотите вернуться в Англию, — сказал император. — Возможно, вы там оставили любимую девушку?” — “Нет, — ответил молодой англичанин, — но у меня там дома мать, она уже старая и немощная, и я очень хочу вернуться к ней”. — “Хорошо, вы вернётесь домой”, — сказал Наполеон; и он приказал немедленно обеспечить молодого человека новой одеждой и отправить на борт первого английского крейсера, который окажется в поле видимости. Он также распорядился выдать деньги в качестве подарка его матери, заявив, что она, должно быть, хорошая мать, раз имеет такого сына»*.

Император совершил много добрых поступков в отношении англичан, задержанных во Франции. Среди них был мистер Маннинг; я хорошо знал его в Париже, он путешествовал по Земному шару, занимаясь научными исследованиями. Он посчитал, что сможет обрести свободу, направив соответствующую петицию на имя Наполеона с просьбой разрешить ему отправиться вглубь Азии с научными целями. Его наивность вызвала смех у его друзей, но потом уже он смеялся над ними, когда по истечении нескольких недель он с торжеством сообщил нам о положительном решении его просьбы. В книге доктора О’Мира я обнаружил, что именно этот мистер Маннинг, возвращаясь в Европу после нескольких лет странствий, посетил остров Святой Елены. Он настойчиво просил разрешения повидаться с Наполеоном, чтобы выразить ему свою благодарность, вручить ему несколько сувениров и ответить на вопросы императора в отношении далай-ламы, посетить которого он смог благодаря особой любезности со стороны императора.

* С тех пор, как я вернулся в Европу, были опубликованы «Письма с острова Святой Елены», в которых пересказаны вышеприведённые истории, почти слово в слово. Это и другие обстоятельства побудили меня провести расследование, и я могу подтвердить, что их содержание стало известно от весьма достоверных, хотя и анонимных, источников и заслуживает полного доверия.

**Преимущества России и её политическая мощь —
Индия — Питт и Фокс — Торговые компании
и свободная торговля — Господин де Сюффрен —
Высказывания императора о военно-морском флоте**

6 ноября 1816 года

Император продолжает выздоравливать, поэтому он в середине дня смог принять некоторых посетителей. Вместе с госпожой Монтолон я помогал ему принимать этих посетителей. Он много говорил о светском обществе Парижа и рассказал несколько историй из придворной жизни Тюильри.

Вечером император возобновил свои географические изыскания. Его внимание особенно привлекли Азия, положение России и та лёгкость, с которой эта держава могла бы завоевать Индию или даже Китай, что совершенно справедливо вызывало тревогу англичан. Император подсчитал количество войск, которое могла бы использовать Россия, определил исходный пункт для начала её наступления и возможный маршрут следования её войск, а также те богатства, которые она могла бы приобрести в результате подобного военного мероприятия. Я очень сожалею, что не могу привести здесь его весьма любопытные и ценные замечания по этому вопросу, поскольку у меня остались только отрывочные заметки, и я не могу полагаться на свою память.

Затем император обратился к обсуждению того, что он называл благоприятным положением России по сравнению с остальной Европой; он также говорил об огромной людской массе, которой Россия располагала для вторжения в Европу. Эту державу, сказал он, расположенную под Северным полюсом, поддерживает вечный ледяной бастион, который, в случае необходимости, сделает её неприступной. Россию, подчеркнул император, можно атаковать только в течение трёх-четырёх месяцев в году, в то время как в её распоряжении круглый год, целых двенадцать месяцев, чтобы напасть на нас. Её враги сталкиваются с суровым и холодным климатом, обещающим одни лишения, и с бесплодной почвой, в то время как её войска, хлынувшие на нас, пользуются плодородием и изобилием наших южных районов.

К этим географическим обстоятельствам, продолжал император, можно добавить преимущество России в виде огромного населения, храброго, закалённого, преданного своему монарху и послушного, включая те многочисленные дикие орды, для которых лишения и кочевой образ жизни являются естественным состоянием. «Кто не содрогнётся, — сказал император, — при мысли о подобной массе

людей, неприступной и с флангов, и с тыла, безнаказанно обрушивающейся на нас? В случае её торжества она сметает всё на своём пути, а в случае поражения отступает под прикрытием холода и полного опустошения, которые можно назвать её резервами; и она обладает всеми благоприятными условиями для того, чтобы вновь низвергнуться на нас при первой возможности. Не является ли она той самой головой Гидры, сказочным Антеем, победить которого можно было, только оторвав его от земли? Но где найти Геракла для этого подвига? Одна Франция могла бы подумать о свершении такого подвига, но следует признать, что наша попытка сделать это оказалась неудачной.

Император придерживается того мнения, что новая политическая структура Европы, судьба этой части света целиком зависят от компетенции и качеств одного-единственного человека. «Если появится, — заявил он, — храбрый, импульсивный и умный император России — одним словом, царь с бородой (он произнёс эти слова с особенным выражением), — то Европа станет его собственной вотчиной. Он может начать свои военные операции на немецкой территории, в ста лье от двух столиц, от Берлина и от Вены, чьи монархи являются его единственным препятствием. Он силой добьётся союза с одним монархом, а потом с его помощью одним ударом покончит со вторым. Так он окажется в самом центре Германии, среди второстепенных монархов, большинство которых являются его родственниками или зависимыми от него людьми. Тем временем он, если посчитает это необходимым, перебросит нескольких смутьянов через Альпы в Италию, созревшую для взрыва, и будет в состоянии совершить победный марш в Париж, чтобы объявить себя новым освободителем. Если бы я оказался в подобной ситуации, я предпринял бы марш-бросок к Кале, чтобы стать хозяином Европы и арбитром её дел».

Затем, после нескольких минут молчания, император добавил: «Возможно, мой дорогой Лас-Каз, вам не терпится спросить, подобно тому, как министр Пирра спросил своего господина: “И, в конце концов, ради чего всё это?” Мой ответ заключается в следующем: ради того, чтобы создать новое общество и избежать больших несчастий. Старая общественная система закончилась, а новая ещё не устоялась и не устоит до тех пор, пока не свершатся новые продолжительные и яростные общественные и политические потрясения».

Император вновь замолчал и затем, измерив расстояния на карте, заявил, что Константинополь мог бы, исходя из его географического положения, считаться центром всемирной власти.

Потом он коснулся вопроса английских поселений в Индии и спросил меня, знаю ли я что-нибудь об истории их создания. Я рассказал ему то небольшое, что мне известно по этому вопросу.

Королева Елизавета создала Восточно-Индийскую компанию на основании своей королевской прерогативы. Сто лет спустя парламент учредил ещё одну компанию. Однако, так как эти две компании наносили своим соперничеством ущерб друг другу, их объединили, и они стали функционировать в соответствии с одним и тем же уставом.

В 1716 году компания получила от правителей Индии лицензию, или, как её называли, Индийский патент, дававший компании право экспортировать и импортировать товары без взимания пошлин.

В 1741 году компания впервые начала военное вмешательство в дела Индии, встретив противодействие со стороны французской компании. С тех пор обе страны постоянно воевали друг с другом в Индии всякий раз, когда между ними возникали военные действия в Европе. Французской компании сопутствовал короткий период успеха в войне 1740 года, она потерпела поражение в 1755 году, воевала на равных в 1779-м и, наконец, полностью исчезла в результате войн эпохи революции.

В настоящее время английская Восточно-Индийская компания полностью властвует на полуострове с населением свыше шестидесяти миллионов человек, из которых двадцать миллионов являются её подданными, ещё столько же напрямую зависят от компании или являются её союзниками; остальное население Индии вовлечено в политико-административную систему компании и вынуждено считаться с ней*.

Такова знаменитая Восточно-Индийская компания, которая одновременно играет роль и купца, и монарха; её богатство накапливается за счёт торговых доходов и территориальных налогов. Отсюда следует, что купец часто действует, побуждаемый амбицией монарха, а английские королевские планы в отношении Индии составляются и осуществляются с алчностью купца. Эти своеобразные обстоятельства, этот двойной политический характер компании являются причиной и прогресса, и конфликтов, включая восстания местного населения.

Продолжительное время английская Восточно-Индийская компания царствовала в одиночестве и независимо. Её представляло и по-прежнему продолжает представлять правление директоров, выбранных из числа её собственников. Эти директора облачают властью регентский совет, состоящий из губернатора и нескольких чиновников, которые представляют и осуществляют в Индии верховную власть.

* Это было написано в 1816 году, то есть до тех событий, в результате которых весь полуостров оказался во власти Англии.

В 1767 году король Англии впервые предъявил требования на территорию и доходы Индии, но компания выкупила отказ от этих требований за двенадцать миллионов франков.

В 1773 году Восточно-Индийская компания, дела которой пришли в расстройство, обратилась за помощью к парламенту, который воспользовался плачевным состоянием дел компании, чтобы сделать её зависимой от него. Владения компании были подчинены новым политическим, юридическим и финансовым правилам, которые, однако, не привели к удовлетворительному результату. Положение дел на Индийском полуострове оказалось в полнейшем беспорядке, а учреждение Высокого суда, назначенного для введения в Индии английских законов, вызвало у местных жителей особое неудовольствие и тревогу. Вражда противоборствующих партий и их взаимные обвинения и жалобы дают нам картину безграничной жадности и жестокой тирании этого бурного периода, наиболее постыдного в истории Восточно-Индийской компании.

В 1783 году Фокс, тогдашний премьер-министр, выдвинул, для радикального излечения всех этих зол, законопроект, провал которого вызвал его отставку. Питт, бывший противником этого законопроекта, на следующий год представил свой вариант, который сделал его автора знаменитым.

Питт был более искусным политиком и проявил в своих действиях большую сдержанность. В своём законопроекте он всего лишь удовлетворился тем, что поставил компанию под своего рода контроль, подчинив все её операции комитету, назначенному для того, чтобы проводить ревизии этих операций и ставить под их документами вторую подпись. Питт оставил за компанией право назначения всех её сотрудников, но зарезервировал за королём право назначения генерального губернатора компании и право наложения вето на все другие назначения. Этот комитет, назначаемый королём, образовал новую ветвь администрации, и появились жалобы на значительное усиление королевской власти, которое, как утверждалось, неизбежно нарушит конституционное равновесие. Фокса упрекали за то, что он хотел полностью лишить короля власти в отношении компании; Питт был обвинён в том, что он целиком вручил это усиленное влияние в руки короля. Всё, что один хотел сделать для компании, второй сделал для монарха. Фактически в этом вся разница между двумя законопроектами, которые привели к решающей схватке между вигами и тори. Питт одержал победу, и тори торжествовали.

Недостатки законопроекта Фокса по-прежнему остаются гипотетическими, поскольку он никогда не был реализован, но зло, которое предсказывали после принятия мер Питта, произошло. Равновесие власти было нарушено, первоначальная английская конституция

ПРОЩАНИЕ В ФОНТЕНБЛО

170. LA FAMILLE DE L'ARTISTE

прекратила своё существование, королевская власть, усиливавшаяся с каждым днём, проникала по всем направлениям и в настоящее время беспрепятственно шествует широкой дорогой к деспотичной и абсолютной власти. Соответственно, теперь можно смело утверждать, что Фокс был прав, что он был мудрее и не столь злонамерен, как его соперник.

После того, как были упомянуты имена Питта и Фокса, император довольно долго говорил о характерах и политических убеждениях этих двух знаменитых государственных деятелей и о мерах, принятых ими, и он закончил разговор о них следующим высказыванием: «Питт, — заявил он, — был знатоком европейской политики; он держал в своих руках нравственную судьбу наций, но он плохо использовал свою власть. Он разжигал огонь разногласий во всём мире, и его имя, подобно имени Герострата, будет записано в истории среди пламени, жалоб и слёз! Первые искры нашей революции, затем сопротивление, оказанное национальной воле, и, наконец, последовавшие ужасные преступления, — всё это было делом его рук. Двадцать пять лет мирового пожара, бесчисленные коалиции, которые подливали масло в огонь, революция и разорение Европы, массовое кровопролитие, огромный долг Англии, из-за которого произошли все эти ужасы, тлетворная система займов, которая способствовала угнетению народов Европы, всеобщее недовольство, которое сейчас властвует, — всё это должно быть приписано Питту. Последующие поколения заклеят его как кару Божью, и человек, столь восхваляемый в своё время, будет считаться гением зла. Не то что я считаю, что он действительно был безнравственным, или ставлю под сомнение его убеждённость, что он поступал правильно. Но у Варфоломеевской ночи тоже были сознательные защитники: папа римский и кардиналы отметили её благодарственным молебном, и у нас нет оснований сомневаться в том, что они поступали совершенно искренне. Такова слабость человеческого разума и здравого смысла! Но за что последующие поколения будут, прежде всего, питать отвращение к Питту, так это за ненавистную политическую школу, которую он основал, за её макиавеллиевскую надменность, за её абсолютную безнравственность, за её холодный эгоизм и за её полное безразличие к справедливости и человеческому счастью.

Будь то следствие восхищения и признательности или результат всего лишь инстинкта и расположения, но Питт является и не перестанет оставаться кумиром европейской аристократии. В его личности в самом деле есть что-то от Суллы. Его политическая система предусматривала контроль интересов народа и была причиной триумфа патрициев. Что касается Фокса, то не следует искать подобных ему среди героев Древнего мира. Он сам по себе является образцом, и его принципы рано или поздно будут править миром».

Император много говорил о Фоксе и упомянул о той глубокой привязанности, которую он испытывал по отношению к нему. Ещё до того, как император познакомился с Фоксом лично, он установил в Мальмезоне его бюст. Свои высказывания о Фоксе он закончил заявлением, которое часто делал в различное время и по разным поводам. «Конечно, — заявил он, — смерть Фокса стала одним из несчастий моей политической карьеры. Если бы он продолжал жить, дела приняли бы совершенно иной оборот, интересы народа восторжествовали бы и мы бы установили новый политический порядок в Европе».

Возвращаясь к разговору о Восточно-Индийской компании, император сказал, что вопрос сравнительного преимущества монополии одной компании и свободной торговли для всех является важным предметом обсуждения. «Компания вручает, — сказал он, — большие преимущества в руки немногих лиц, которые могут использовать их в своих интересах, забывая об интересах масс. Таким образом, каждая компания в скором времени вырождается в олигархию: она всегда является другом власти, которой готова оказать любую помощь. С этой точки зрения монопольные компании удовлетворяют требованиям старых времён и старых политических систем. Свободная торговля, напротив, благоприятна для интересов всех классов; она способствует изобретательности и усиливает активность народа, она идентична равенству и естественным путём ведёт к независимости. В этом отношении свободная торговля находится в полной гармонии с нашей современной системой. После подписания Амьенского мирного договора, в результате которого Франция вернула себе свои территориальные владения в Индии, я тщательно обсуждал этот важный вопрос, выслушав мнения государственных деятелей и представителей торговли, и моё окончательное суждение сложилось в пользу свободной торговли и против деятельности компаний».

Затем император стал обсуждать вопросы политической экономии, которые рассматривал Адам Смит в своей книге «О природе и причинах богатства народов». Он признал, что в принципе они были правильными, но оказались ложными в применении на практике. К сожалению, скудость моих записей мешает мне привести подробности рассуждений императора.

«Ранее, — заявил он, — был известен только один вид собственности — земельные владения; потом возник второй вид собственности, а именно — промышленная и производительная собственность, которая в настоящее время противостоит первому виду; затем возник третий вид собственности, а именно, тот, который ведёт своё происхождение из бремени налогов, взимаемых с народа, и который, распределяемый нейтральным и непредвзятым правительством,

мог бы устранять зло монополии со стороны первых двух видов собственности, быть посредником между ними и мешать им вступать в подлинный конфликт». Эту великую схватку современности император называет *войной полей против фабрик и замков против бухгалтерских контор*.

«Это потому, — заявил он, — что люди не признают великой революции в сфере собственности; они упрямо закрывают глаза на ту истину, что в настоящее время совершается много глупостей, и нации беззащитны перед лицом разных бедствий. Мир претерпел сильнейший шок и сейчас стремится вернуться в состояние покоя. Следующее сравнение, — заявил император, — даст понимание ситуации всеобщего возбуждения, которое властвует в настоящее время: груз корабля перемещён с места на место, его балласт передвинут с носа на корму; в результате возникли опасные колебания, которые могут стать причиной кораблекрушения при первом же шторме, если команда будет продолжать вести корабль, не заботясь о том, чтобы привести его в состояние равновесия».

Этот день был богат материалами для моего дневника. Помимо того, что я уже записал, в нашем разговоре затрагивались и другие вопросы. Когда обсуждались проблемы Индии и английской Восточно-Индийской компании, было упомянуто имя господина де Сюффрена. Император не имел возможности составить полное представление о личности этого офицера, он слышал только, что Сюффрен оказывал важные услуги своей стране, — по этой причине он, Наполеон, был очень великодушен по отношению к семье офицера. Император стал расспрашивать меня о Сюффрене. Я не знал его лично и поэтому мог рассказать только то, что сам слышал о нём от других лиц; они признавали, что со времён Людовика XIV Сюффрен был единственным офицером, который полностью отвечал образу выдающейся личности в самый блестящий период нашего военно-морского флота.

Сюффрен был на редкость одарённым человеком, он обладал изобретательностью, честолюбием, огромным энтузиазмом и несгибаемой стойкостью; он был одним из тех, кого природа одарила необходимыми качествами для любого свершения. Я слышал, как весьма проницательные и здравомыслящие люди говорили, что его смерть в 1789 году можно считать национальным бедствием: если бы он входил в королевский совет в тот критический момент, то дела решались бы с совершенно иным результатом. Сюффрена, резкого в выражениях, своенравного и с большим самомнением, никто не любил, хотя все ценили его и восхищались им.

Он был человеком, с которым никто не мог поддерживать хороших отношений. Он был нетерпим к контролю, любил осуждать всех

и вся, и хотя постоянно резко выступал против пользы тактики, сам был блестящим тактиком. Короче, он проявлял всю раздражительность и неутомимость гения, а также властолюбие, лишённое простора.

Назначенный командиром французской эскадры, направлявшейся в Индию, он явился в королевский дворец, чтобы попрощаться с королём. Придворный смог с трудом обеспечить ему проход во дворец сквозь толпу. «Спасибо, — поблагодарил он этого офицера, тут же презрительно фыркнув в своей обычной манере, — но когда я буду покидать дворец, вы, сударь, увидите, что я знаю, как расчищать путь для себя».

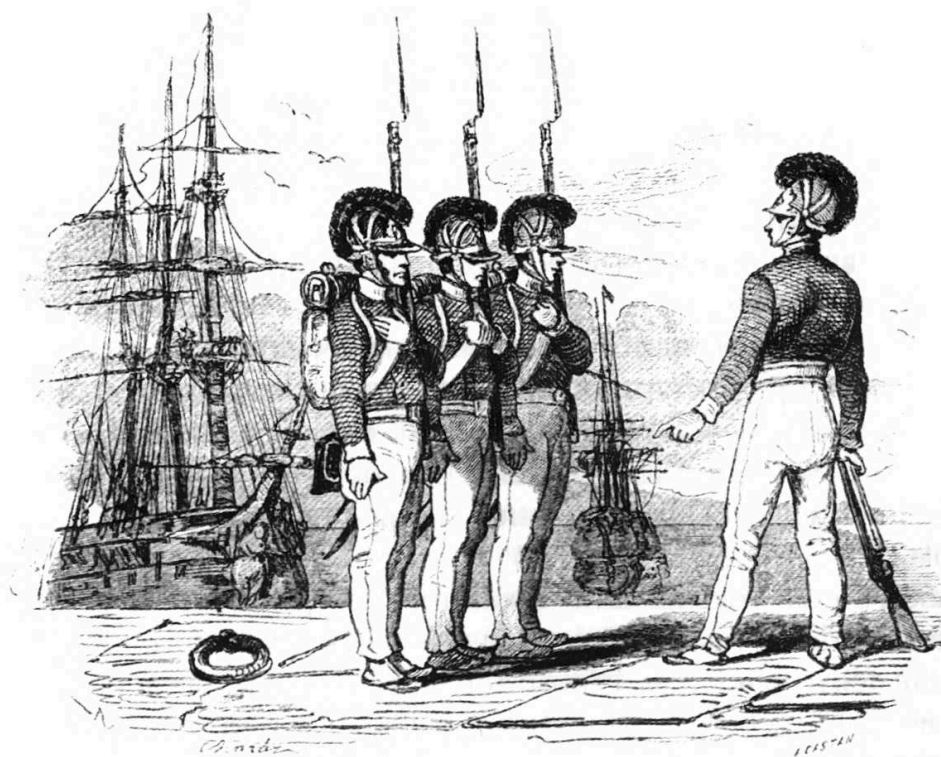
И он говорил правду. Прибыв в Индию, он открыл новый театр военных действий для вооружённых сил Франции и на этом театре совершал чудеса, которые не были оценены должным образом в Европе. Он применил стратегию командования, до тех пор неизвестную; он всё брал на себя, рискуя всем, планируя всё и предвидя всё. Он распоряжался судьбами своих офицеров как считал нужным, снаряжал корабли, которые уже давно были признаны негодными, и укомплектовывал их личные составы, и он нашёл зимние стоянки для кораблей, которые, в соответствии с установившейся тогда практикой, должны были плыть к острову Иль-де-Франс на расстояние полторы тысячи лье. Наконец, действуя вопреки всем правилам, Сюффрен приблизился к берегу, взял на борт кораблей войска, сражавшиеся против нашего старого врага, и, после того, как они помогли ему противостоять английской эскадре, он переправил их обратно на берег в их лагерь, чтобы они возобновили военные действия на суше. Таким образом французы добились превосходства, которое привело врага в замешательство.

«Эх, — воскликнул император, — почему Сюффрен не дожил до моего времени и почему я случайно не натолкнулся на человека одного с ним склада? Я бы сделал его нашим Нельсоном. Я постоянно искал человека, способного поднять достоинство французского военно-морского флота, но мне так и не удалось найти его. В военно-морском флоте существуют специфика и такие технические детали, которые препятствуют всем моим концепциям. Если я предлагал новую идею, то немедленно Гантом и весь морской департамент восставали против неё: “Сир, этого сделать нельзя”. — “И почему же?” — “Сир, ветра не допустят этого”.

Затем начинались возражения, связанные со штилями и течениями, и я был вынужден замолчать. Каким образом можно вступать в дискуссию с теми, чей язык мы не понимаем? Как часто в Государственном совете я упрекал морских офицеров, что они неправомерно пользуются преимуществом этого обстоятельства! Слушая их, можно

было предположить, что надо родиться на военном корабле, чтобы что-то знать о нём. Тем не менее, я часто говорил им, что если бы я мог совершить с ними плавание в Индию, то по возвращении я так же хорошо знал бы их профессию, как я знал профессию солдата на поле битвы. Но они не хотели верить этому. Они всегда повторяли, что ни один человек не может быть хорошим моряком, если он не обучался морскому делу с колыбели; и они наконец убедили меня принять план, в отношении которого я долго колебался, — зачислить на морскую службу несколько тысяч мальчиков в возрасте от шести до восьми лет.

Моё сопротивление было напрасным: дружный голос моряков заставил меня уступить; тогда я заявил тем, кто вынудил меня принять эту меру, что вся ответственность лежит на них. И каков же был результат? Это предложение вызвало шумный протест со стороны общественности, которая подвергла его насмешкам и назвала избиением невинных младенцев. Впоследствии де Винтер, Веруэль, все знаменитые морские офицеры Северной флотилии, да и другие моряки уверяли меня в том, что возраст от восемнадцати до двадцати лет достаточен для того, чтобы начать обучение. Датчане и шведы используют своих солдат для службы в военно-морском флоте. Что касается русских, то их флот является частью армии; это даёт неоценимое преимущество для содержания постоянно действующей армии и для достижения двойной цели.

Я сам, — добавил император, — планировал нечто в этом роде, когда создавал подразделения морской пехоты, но какие препятствия мне приходилось преодолевать, какие предубеждения я должен был подавлять, какую настойчивость я был вынужден проявлять, прежде чем мне удалось надеть на матросов сухопутную форму, составить из них полки и вымуштровать их военными упражнениями! Мне говорили, что я всё погублю. И, тем не менее, возможна ли большая польза для одной страны, чем обладание и армией, и военно-морским флотом? В случае необходимости морские пехотинцы могли служить в качестве матросов, солдат, артиллеристов, понтонёров и т.д. Если бы я нашёл в военно-морском флоте человека, способного полностью разделить мои взгляды и претворить в жизнь мои идеи, сколь многого мы смогли бы достичь! Но за всё время моего правления я так и не нашёл морского офицера, который сумел бы отрешиться от устаревшей рутины, чтобы следовать новым курсом. Я был очень привязан к военно-морскому флоту, я восхищался мужеством и патриотизмом наших моряков, но я так и не нашёл между ними и мною посредника, который мог бы повести их за собой в нужном мне направлении».

Система императорского правления — Префекты — Причины, в силу которых император жаловал прибыльные должности

7 ноября 1816 года

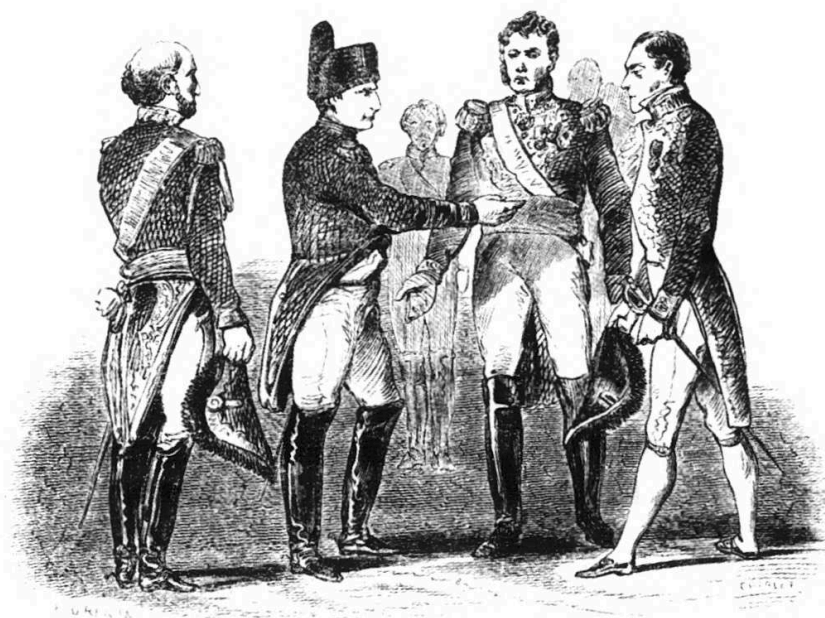
Говоря о своей системе императорского правления, Наполеон сказал, что она была средством создания самого компактного правительства, достижения самого быстрого решения вопросов и мобилизации наибольших усилий. «Именно это, — заявил он, — позволило нам преодолеть многочисленные трудности и совершить так много чудес. Организация префектур, их работа и результаты, которых они добились, — всё это было замечательным. Порыв энтузиазма охватил более 40 000 000 человек, — и благодаря помощи префектур движение было не менее быстрым и энергичным на окраинах страны, чем в самом её центре.

Иностранцы, посещавшие Францию, которые были способны всё замечать и всё понимать, были изумлены до крайности. Эта единообразная деятельность на огромной территории привела к чудесным и потрясающим результатам, которые до того времени считались немыслимыми.

Префекты, имея местную власть и ресурсы, были сами по себе *императорами в малом масштабе*. Так как вся их власть исходила от главного источника, для которого они были только каналами связи, так как их влияние было не личным, но проистекало из их временных функций, то есть у них не было личных связей с районом, на который распространялась их юрисдикция, — они пользовались всеми преимуществами посредников старой системы, отказавшись от всех её недостатков. Необходимо было создать такую власть, — продолжал император, — ибо сила обстоятельств поставила меня в положение диктатора. Нужно было, чтобы все нити, исходявшие от меня, находились в гармонии с главным делом, в противном случае моя политическая система не принесла бы никакого результата. Сеть, которую я раскинул над французской территорией, требовала сильнейшего напряжения и удивительной силы и гибкости для того, чтобы отразить ужасающие удары, которые постоянно грозили стереть нас с лица земли. Таким образом, большинство пружин моего государственного механизма были диктатурой, принятой для воинственной защиты. Когда должен был наступить момент для ослабления вожжей, все мои связующие нити были бы ослаблены, и мы бы тогда возобновили наше мирное строительство и создание местных институтов. Если мы пока ещё ничего этого не сделали, то лишь потому, что этого не позволяли обстоятельства.

Наше немедленное падение было бы неизбежным, займись мы мирным строительством с самого начала. Не следует предполагать, что страна была готова сразу же использовать свободу должным образом. И по образованию, и по своему характеру народ был слишком пропитан предрассудками прошлых времён. Мы с каждым днём совершенствовались, но нам предстояло ещё очень многого достичь. Во время революционного взрыва патриоты, вообще говоря, становились таковыми в силу своей природы, своего инстинкта: патриотизм был их врождённым чувством, страстью, безумием. Отсюда следуют возбуждение, сумасбродство, неистовство, которыми отмечен этот период. Но было бы совершенно напрасно создать и довести до зрелости современную систему с помощью ударов и резких скачков. Эту систему следует насаждать с помощью образования, она должна пускать корни с умом и убеждённостью, — тогда этот процесс пойдёт, ибо современные принципы основаны на простых истинах.

Но, — добавил император, — люди нашего времени так страстно стремились обрести власть! И при этом они, с другой стороны, были готовы стать рабами тех, кто стоял выше них! Мы всегда проявляли нерешительность между этими двумя крайностями. Во время поездок по стране я часто был обязан говорить высокопоставленным офицерам, находившимся рядом со мной: “Прошу вас, пусть

префекты сами говорят за себя”. Если я отправлялся в какое-нибудь подразделение департамента, то должен был говорить префектам: “Пусть ваш заместитель или мэр ответит на мой вопрос”. Если я посылал моих старших офицеров или министров председательствовать на заседаниях избирательной коллегии, то я всегда советовал им стараться не выставлять свои кандидатуры в Сенат, так как я хотел, чтобы они отказывались от этой чести в пользу ведущих лиц провинции; но они никогда не шли навстречу моим пожеланиям».

Это высказывание императора напомнило мне об одном недоразумении, которое однажды возникло между ним и министром Декре по вопросу, затронутому выше. Когда император выразил недовольство, что министра выбрали в Сенат, тот ответил: «Сир, ваше влияние сильнее вашей воли. Я безуспешно противился и уверял их, что вы хотели, чтобы выбирали местных уроженцев. Они настаивали на том, что уважают ваш выбор, но если вы опять пошлёте меня туда, они опять выберут меня».

«Я назначал, — заявил Наполеон, — огромные жалованья префектам и другим лицам, но что касается моей щедрости, то надо делать различие между тем, что было правильной системой, и тем, что диктовали временные обстоятельства. Последнее заставляло меня делать назначения, приносившие большие доходы, тогда как первое давало мне возможность пользоваться безвозмездными услугами. Вначале, когда моей целью было осуществить примирение отдельных личностей, восстановить некое подобие единого общества и возродить нравственность, щедрые жалованья и неограниченные состояния были обязательны, но как только был бы получен искомый

результат и восстановлен естественный порядок вещей, я намеревался сделать почти все высокие общественные должности безденежными. Я бы отказывал от места тем, кто не мог сам содержать себя и чья крайняя нужда порождает политическую безнравственность. Я бы настолько изменил общественное мнение, что люди стали бы добиваться государственных постов, почитая за честь занять их, а не ради денег.

Мировыми судьями становились бы состоятельные люди, которые, руководствуясь только долгом, филантропией и благородным честолюбием, могли бы обеспечить безусловную независимость мнений. Именно это определяет достоинство и величие нации, совершенствует её характер и укрепляет общественные нравы. Необходимо изменить общественное мнение во Франции, и нежелание занимать неоплачиваемую государственную должность следует рассматривать как преграду нашему возвращению к нравственной политике. Мне говорили, что мания охоты за должностями уже пересекла океан и что эта инфекция передалась нашим соседям. Англичане в прошлом столь же преуспевали в этом виде низости, как преуспевают в этом в настоящее время Соединённые Штаты.

Любовь к должности является наилучшей проверкой нравов общества. Человек, который выпрашивает государственную должность, уже заранее сознаёт, что его независимость продана. В Англии самые знатные семьи, всё сословие пэров не считали ниже своего достоинства охотиться за должностями. Они объясняли это тем, что колоссальное бремя налогов, лишаящее их средств к существованию, требует дополнения к их доходам. Жалкий предлог! Это потому, что их принципы ещё в большей степени пришли в упадок, чем их состояния. Когда люди определённого высокого ранга деградируют до того, что выпрашивают государственные должности ради денег, наступает конец независимости и достоинству национального характера. Во Франции потрясения и волнения революции могли бы считаться извинением за подобное поведение. Всё пришло в упадок, и все чувствовали необходимость собственного восстановления. Для того, чтобы содействовать достижению этой цели с наименьшим ущербом для возвышенных чувств, я был вынужден назначить значительный размер жалованья и придать высокую степень уважения всем государственным должностям. Но со временем я намеревался силой убеждения внести изменения в эту ситуацию. И это было вполне возможно. Всё должно уступать силе, когда она используется для достижения справедливых, благородных и великих целей.

Я готовил счастливое правление для моего сына. Ради этого я в новой школе воспитывал многочисленный класс аудиторов Государственного совета. Получив образование и достигнув соответствующего возраста, они заняли бы все государственные должности

в империи. Носители новых принципов, вдохновлённые примером своих предшественников, они были на двенадцать—пятнадцать лет старше моего сына, который благодаря этому оказался бы между двумя поколениями со всеми их преимуществами: с одной стороны — зрелость, опыт и благоразумие, а с другой — юность, быстрота и активность».

В этом месте я не удержался и выразил своё удивление тем, что император никогда даже и не высказывался в отношении великих и важных целей, к которым он стремился. «Какая была бы польза, обнародуй я мои намерения? — ответил он. — Меня бы стали называть шарлатаном, обвинять в порочных измышлениях и в коварстве; я был бы скомпрометирован. В том положении, в котором я оказался, я был лишён наследственной власти и иллюзии, называемой законностью власти, я был вынужден избегать опасности оказаться в одном списке с моими противниками, я был обязан быть смелым, деспотичным и решительным. Вы говорили мне, что в вашем Сен-Жерменском предместье его обитатели обычно заявляли: “Почему он не законный правитель?” Если бы я был им, то, безусловно, я не смог бы сделать больше того, что я сделал, но моё поведение казалось бы более привлекательным».

Вандея — Шаретт — Ламарк — Трагедии Эсхила и Софокла — Реальные трагедии древних римлян

8 ноября 1816 года

Сегодня император диктовал, чему мы были очень рады, так как это доказательство, что он стал чувствовать себя лучше.

Я посетил его после обеда. Усилия, потраченные на диктовку, судя по всему, подняли его настроение. Он был разговорчив, и мы беседовали, прогуливаясь взад и вперёд по его комнате. Главной темой были беспорядки в Вандее и люди, сыгравшие заметную роль в этих событиях.

Шаретт был в Вандее единственным, кому император придавал особое значение. «Я читал историю Вандеи, — сказал он, — и если описание событий и портреты персонажей правильны, то Шаретт был там единственной великой личностью, настоящим героем этого знаменательного эпизода нашей революции, которая, даже если она принесла с собой большие бедствия, всё же, по крайней мере, не принесла в жертву нашу славу. В войнах Вандеи французы убивали друг друга, они получали помощь от иностранцев, но они не опускались до такого позора, чтобы маршировать под их знамёнами

и получать деньги только за то, что выполняли их команды. Да, — продолжал император, — Шаретт произвёл на меня впечатление своей великой личностью. Он несколько раз действовал с редкой энергией и отвагой и показал себя гениальным человеком».

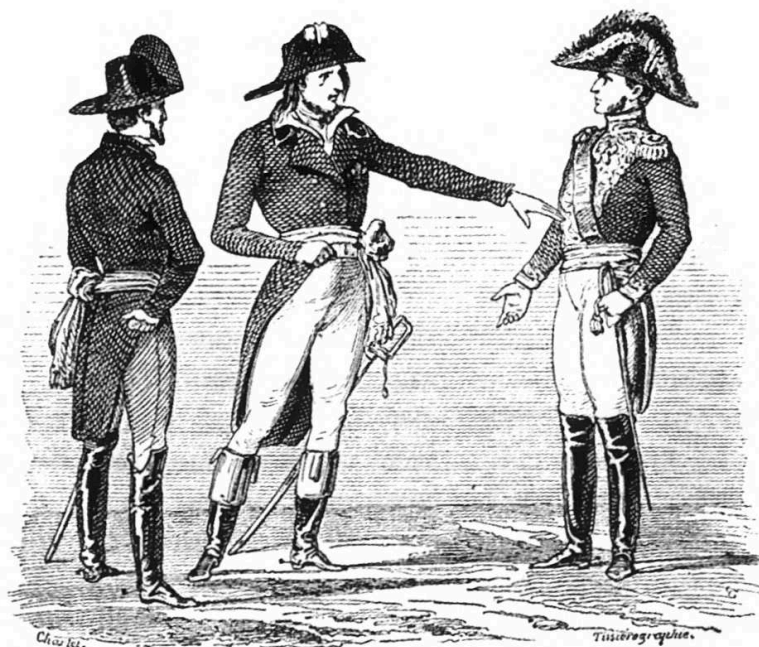
Я упомянул о том, что хорошо знал Шаретта в мои молодые годы. Мы вместе с ним служили морскими пехотинцами в Бресте и в течение продолжительного времени делили одну и ту же комнату и ели за одним столом. Блестящая карьера и подвиги Шаретта весьма удивили всех, кто знал его раньше: мы считали его заурядным человеком, малообразованным, со скверным характером и чрезвычайно ленивым; мы единогласно причисляли его к классу ничтожных существ. Но верно и то, что, когда он стал приобретать известность, мы вспомнили об одном случае, где он явно проявил решительность характера. Когда Шаретта впервые призвали на воинскую службу, — а случилось это во время американской войны, и он тогда был всего лишь юнцом, — ему пришлось зимой плыть из Бреста на маленьком одномачтовом парусном судне. Этот парусник, когда начался шторм, потерял мачту, а для судна этого класса такой несчастный случай означает явную гибель. Разразился сильнейший шторм, смерть казалась неизбежной; матросы упали на колени, потеряли остатки разума и отказывались что-либо предпринимать, чтобы спастись. Шаретт, несмотря на свой чрезвычайно молодой возраст, застрелил одного из матросов, чтоб заставить остальных приложить необходимые усилия для спасения. Этот ужасный поступок возымел желаемый эффект, и судно было спасено. «Вот видите, — сказал император, — истинная решительность характера всегда проявляется в критических обстоятельствах. Достаточно было одной искры, чтобы обнаружить героя Вандеи. Черты характера человека часто понимаются неправильно. Существуют сони, чьё пробуждение ужасно. Клебер был закоренелой соней, но в нужный момент он просыпался настоящим львом».

Я добавил, что часто слышал, как Шаретт рассказывал, что в момент крайней опасности вся команда парусника, в едином спонтанном порыве, поклялась босиком, в одних нижних рубашках пройти по улицам Бреста и поставить восковую свечку нашей деве-покровительнице, если она соизволит обеспечить их безопасность. «Верьте этому или нет, — добродушно добавил Шаретт, — но факт остаётся фактом: как только матросы произнесли молитву и дали обет, ветер внезапно ослаб, и с той минуты нас вдохновляла надежда на спасение». Вступив на землю, матросы во главе со своими офицерами набожно выполнили свой обет.

Это был не единственный чудесный случай, связанный с маленьким парусником. Стоял декабрь, и ночь была долгой и тёмной. Судно

оказалось среди рифов без мачты и без навигационных приборов. Парусник плыл наугад, и его команда отдалась на волю судьбы, когда неожиданно они услышали звон колокола. Они стали измерять лотом глубину и, обнаружив мелкое место, бросили якорь. Каковы же были их удивление и радость, когда с рассветом они увидели, что находятся в устье реки Ландерно! Колокол, который они слышали, принадлежал соседней приходской церкви. Парусник чудесным образом избежал столкновения с многочисленными скалами, которые разбросаны у входа в порт; судно было отнесено морским течением через узкий проход в порт Бреста, прошло мимо четырёхсот кораблей, стоявших на рейде, и, наконец, нашло прибежище в устье реки, в тихом и уединённом месте. «Этот случай, — заявил император, — свидетельствует о разнице между усилиями людей, действующих вслепую, и законами природы. То, чему вы так удивляетесь, неизбежно должно было произойти. Вполне вероятно, что общее смятение и допущенные ошибки вызвали бы крушение судна, однако природа спасла парусник. Судно было подхвачено морским приливом, и сила течения несла его точно посередине прохода».

Вновь обратившись к теме войны в Вандее, император упомянул о том, что он был отозван из французской армии в Альпах для перевода в Вандею, но отказался от этого назначения, где, как он считал, он будет только содействовать злу, не получая от этого никакой личной пользы. Он сказал, что одним из самых первых действий Консульства стало прекращение беспорядков в Вандее. Он много сделал для этого несчастного края, и его жители были ему за это очень благодарны. Когда он проезжал по Вандее, то,

казалось, что даже священники проявляли искреннее уважение к его особе. «Поэтому, — продолжал император, — последние восстания в департаменте имели уже не такой характер, как первые: это был уже не слепой фанатизм, но всего лишь результат пассивной покорности правящей аристократии. Как бы то ни было, но Ламарк, которого я послал в Вандею в самый разгар кризиса, совершил чудеса и даже превзошёл мои надежды». Что могло бы случиться, если бы не его влияние на развитие острой борьбы в Вандее?! Самые известные главари Вандеи, которые, несомненно, пользовались благосклонностью королевского двора, признавали, благодаря Ламарку, Наполеона императором даже после Ватерлоо, даже после его отречения от престола! Неужели Ламарку не было известно реальное положение дел? Или это было всего лишь причудой со стороны победителя? Ламарк в настоящее время находится в ссылке — легче осуждать, чем побеждать.

Сегодня император обедал вместе с нами впервые после его болезни, то есть впервые за шестнадцать дней, поэтому наш обед был своего рода праздником. Но мы не могли не отметить, к сожалению, изменение выражения лица императора: были явно видны болезненные следы его продолжительного заточения в четырёх стенах.

После обеда мы возобновили чтение вслух, которое было временно приостановлено. Император читал нам «Агамемнона» Эсхила, который ему очень нравился своей силой и простотой. Мы были особенно потрясены нагнетанием ужаса, который характерен в произведениях отца трагедии, — то была первая искра, от которой прослеживается свет современной драмы.

Когда закончилось чтение «Агамемнона», император попросил принести «Эдипа» Софокла, которого мы прослушали с большим интересом, и император выразил сожаление, что трагедия не была поставлена на сцене театра в Сен-Клу. Тальма всегда выступал против этой постановки, и император сожалел, что уступил ему. «Не то что я бы хотел скорректировать нашу драму в соответствии с античными образцами, — заявил император. — Боже упаси! Я всего лишь хотел получить возможность судить о том, как сочинения древних гармонируют с современными убеждениями». Он сказал, что был убеждён: такое представление на сцене театра доставило бы всем большое удовольствие; и он высказал несколько замечаний по поводу того впечатления, которое, вероятно, произвели бы на современного зрителя греческие корифеи хора и балета.

Затем император обратился к «Эдипу» Вольтера, которому дал высочайшую оценку. Это произведение, сказал он, содержит самые

прекрасные образцы французской драматургии. Что касается недостатков трагедии — например, нелепой страсти Филоктета, — то их следует приписывать не драматургу, но нравам того времени и ожиданиям тогдашних великих актрис. Похвала Вольтеру несколько удивила нас: это было что-то новое и необычное в устах императора.

В одиннадцать часов вечера, уже после того, как император удалился в свои апартаменты, чтобы готовиться ко сну, он послал за мной и возобновил разговор о древней и современной драматургии; он высказал ряд любопытных замечаний. Прежде всего он выразил удивление по поводу того, что у древних римлян отсутствовал интерес к трагедиям, но затем вновь отметил, что трагедия, в её драматургической интерпретации, не смогла бы вызвать адекватную реакцию древних римлян, поскольку они были свидетелями реальных трагедий на аренах своих цирков.

«Битвы гладиаторов, — сказал он, — и зрелище неистовства диких животных были намного страшнее, чем все наши драматургические ужасы. Зрелища на аренах цирка были единственными трагедиями, соответствующими железным нервам древних римлян. Впрочем, древние римляне обладали драматическими произведениями Сенеки. Любопытно, что в трагедии Сенеки “Медея” хор совершенно явно предсказывает открытие Америки, которое произошло через тысячу четыреста лет после того, как она была написана. Там, во втором акте, сказано, что Новый Тифон, сын земли, в предстоящих веках откроет на западе отдалённые края, и Тулия больше не будет крайней точкой Вселенной».

**Император чувствует себя значительно лучше —
История адской машины — Две императрицы —
Расточительность Жозефины — О табаке**

9 ноября 1816 года

Сегодня император чувствовал себя гораздо лучше. Находясь в окружении свиты, он стал говорить о чудесах своей карьеры в молодые годы. «Это впечатление было настолько сильным, — сказал один из присутствующих, — что некоторые лица были склонны считать подобные чудеса сверхъестественными». В связи с этим была рассказана следующая история. Когда взорвалась адская машина, некий человек, только что узнавший об этой новости, посетил один столичный дом и, поспешив в гостиную, в которой проходил приём, сообщил собравшимся, что Наполеона больше нет. Он рассказал

обо всех подробностях события, которое только что произошло, и закончил свою речь словами: «Он буквально разорван на куски». — «Он разорван на куски?! — воскликнул пожилой австрийский офицер, очень внимательно слушавший рассказ; в своё время он был свидетелем многочисленных опасностей, которых молодой генерал французской армии в Италии избежал самым чудесным образом. — Он разорван на куски?! Ха! Вы ничего не знаете о нём! Рискну сказать, что в эту самую минуту он находится в таком же добром здравии, как любой из нас. Я знаю его и все его старые трюки!»

В ходе общей беседы была упомянута госпожа Реньо де Сен-Жан д'Ажели, и один из присутствующих сказал императору, что она проявляла чувство большой привязанности к нему, когда он был в ссылке на острове Эльба. «Как?! Именно она?» — воскликнул император со смешанным чувством удивления и удовлетворения. — «Да, сир». — «Бедняга! — сказал император с некоторой долей сожаления в голосе. — А я так плохо относился к ней! Ну что ж! Это обстоятельство, по крайней мере, вознаграждает меня за неблагодарность тех изменников, которых я осыпал многими милостями. — Затем, после минутного молчания, он многозначительно заметил: — Совершенно очевидно, что нельзя узнать характер и чувства людей, пока не грянут большие испытания».

Во время обеда император пребывал в хорошем настроении и был весел. Он поздравил себя с тем, что справился с болезнью, не прибегая к лекарствам и не давая доктору лечить его, из-за чего последний был очень сердит. Император сказал, что только из чувства любезности он однажды уступил доктору и стал полоскать горло, но эта мерзкая процедура оказалась ему противопоказанной, его организму больше подходят слабые медицинские средства. «Только лёгкие лечебные средства, будь то физические или моральные, — заявил император, — могут оказать на меня какой-либо эффект».

Потом император стал говорить об императрицах Жозефине и Марии Луизе, о которых он рассказал некоторые весьма интересные подробности, закончив их своим обычным замечанием о том, что одна была образцом изящества и обаяния, а другая — символом невинности и очарования.

Император упомянул о том, что поместье Мальмезон обошлось ему в четыреста тысяч франков, то есть стоило столько, сколько он в то время имел на своём счету. Затем он подсчитал размер сумм, которые императрица Жозефина получала от него, и добавил, что если бы она навела хотя бы небольшой порядок в своих финансовых делах и была бы расчётливой, то обладала бы состоянием от пятидесяти до шестидесяти миллионов франков. «Её расточительность, — заявил

император, — раздражала меня до крайности. Сам я человек расчётливый и, конечно, скорее потрачу миллион франков, чем буду смотреть, как проматывают сто тысяч». Он рассказал нам, как однажды утром, неожиданно зайдя в кабинет Жозефины, застал там в числе её гостей знаменитую модистку, которой он категорически запретил появляться около императрицы, так как она разоряла её своими непомерными предложениями.

«Моё неожиданное появление вызвало явное смятение среди дам, гостей императрицы. Я незаметно отдал приказ, и, когда модистка покидала дворец, её схватили и переправили в Бисерт. В великосветских кругах Парижа поднялся страшный шум: говорили, что моё поведение отвратительно. Вскоре стало модным наносить визит модистке в её камере, и ежедневно у ворот тюрьмы выстраивалась очередь карет. Полиция сообщила мне об этом. “Тем лучше, — сказал я. — Надеюсь, с ней обращаются не очень сурово, её ведь не заключили в подземный каземат?” — “Нет, сир, у неё хорошие апартаменты и отдельная гостиная”. — “Ну, тогда прекрасно, пусть она там и остаётся. Если эту меру наказания считают причудой деспота, тем лучше, — это будет наглядный урок для других; чтобы доказать, что я способен на многое, мне достаточно продемонстрировать самую малость”».

Император также упомянул одного знаменитого портного, который, по его мнению, был самым большим наглецом, которого он когда-либо встречал в своей жизни. «Однажды, — сказал император, — я разговаривал с ним о брюках, которые он принёс мне, когда он имел наглость поставить под сомнение моё поведение. Он сделал то, что ни один человек во Франции не рискнул бы сделать: он с большой непринуждённостью стал доказывать мне, что я не даю достаточно денег императрице Жозефине и она не в состоянии оплачивать свои наряды, получая от меня такие гроши. Я тут же положил конец его нахальному красноречию, оборвав его речь одним многозначительным взглядом; я оставил его наедине с самим собой в полной растерянности».

Удалившись в свою комнату, император послал за мной и, улёгшись в постель, продолжал с живостью обсуждать различные темы. Он сказал, что чувствует себя намного лучше и получает удовольствие от беседы. Однако его очень мучил кашель; это обстоятельство заставило его встать из-за обеденного стола раньше, чем он сделал бы это в противном случае. «Я необдуманно слишком часто прибегаю к нюхательному табаку, — объяснил он. — В таких случаях вы всегда должны отбирать у меня табакерку, — именно так следует помогать тем, кого любишь».

**Дюмурье действовал более дерзко, чем Наполеон —
Принцесса Шарлотта Уэльская
и принц Саксен-Кобургский**

10 ноября 1816 года

Последние дни император читал книги о войне, фортификациях, артиллерии и т.д. Он внимательно прочёл работу Вобана, отчёт о военных кампаниях во время революции, «Военный словарь» Гассенди и «Тактику» Гибера; все эти работы ему очень понравились. Чтение книг по военной тематике привело к разговору о нескольких генералах, которые уже упоминались в этом дневнике. «Они могли вести только войну без активных наступательных действий, — заявил император, — и в пределах пушечного выстрела, в то время как поля их сражений должны были простираться по всей стране».

Во время обеда император говорил о военной кампании Дюмурье в Шампани, о которой он только что прочитал. Он был невысокого мнения о герцоге Брауншвейгском, который, имея на руках план наступательных операций, за сорок дней смог продвинуться вперёд только на восемнадцать лье. Но, с другой стороны, он весьма порицал Дюмурье, который, как считал император, действовал чересчур рискованно. «Сказать такое — означает для меня очень многое, — признался император, — ибо в войне я считаю себя самым дерзким человеком, который когда-либо жил. И, однако, я опасался бы занять ту позицию, которую удерживал он, настолько многочисленными были угрозы, которым эта позиция подвергалась. Я могу объяснить его манёвр, только предположив, что он не мог рисковать, предприняв отступление, ибо он, возможно, отступая, столкнулся бы с ещё бóльшим риском, чем если бы оставался там, где он был. Веллингтон оказался в такой же ситуации в Ватерлоо.

Французские войска самые храбрые в мире. Французы будут сражаться в любой позиции, если их атакуют, но они никогда не умеют отступать перед победоносным врагом. При малейшем отпоре они теряют самообладание и дисциплину; они способны, так сказать, проскользнуть сквозь ваши пальцы. Дюмурье, я полагаю, имел это в виду; а может, он находился под влиянием каких-то секретных переговоров, о которых нам неизвестно».

Газеты, которые мы просматривали сегодня, сообщали о женитьбе принца Леопольда Саксен-Кобургского на принцессе Шарлотте Уэльской.

«Принц Леопольд, — заявил император, — однажды имел возможность стать моим адъютантом. Он добивался этого назначения, и я не знаю, что именно помешало ему получить его. Однако ему

повезло, что его просьба об этом назначении не была удовлетворена, иначе его нынешнее бракосочетание никогда бы не состоялось. Кто осмелится сказать, что является удачей или неудачей в событиях человеческой жизни?!»

Затем мы стали говорить о принцессе Шарлотте Уэльской. Один из собеседников сказал, что она чрезвычайно популярна в Англии и что она предоставила немало несомненных доказательств силы своего характера. Англичане придерживаются мнения, что она будет второй королевой Елизаветой. Она сама, кажется, разделяет это мнение. Говоривший добавил, что ему пришлось находиться в Лондоне в 1814 году, то есть в то время, когда молодая принцесса, возмущённая тем, что с её матерью плохо обращались, сбежала от принца-регента и, вскочив в первый встреченный на улице наёмный экипаж, поехала в резиденцию своей матери, которую она нежно любила. В связи с этим случаем природная строгость характера англичан уступила место снисходительности, и все они были склонны простить принцессе нарушение этикета, учитывая нежные чувства, ставшие причиной этого нарушения. Молодая принцесса не покинула бы свою мать, если бы герцог Йоркский или другой её дядя, лорд-канцлер, не уговорил её вернуться к отцу, убедив в том, что иначе она поставит под угрозу счастье своей матери или даже её жизнь.

Принцесса Шарлотта уже доказала однажды решительность характера, когда отказалась выйти замуж за принца Оранского. Она отвергла этот брачный союз, так как иначе ей бы пришлось время от времени покидать Англию; и эта привязанность к родине сделала её любимицей английского народа.

Англичане, находящиеся на острове Святой Елены, уверяют нас, что её брачный союз с принцем Саксен-Кобургским полностью соответствовал её желанию и что она открыто заявила, что собирается быть счастливой, поскольку в своём выборе она руководствовалась только своим чувством. Говорят, что она очень привязана к принцу Леопольду. «Я верю этому, — сказал император. — Я помню его очень хорошо; когда он появился в Тюильри, я считал его одним из самых красивых юношей, которых мне когда-либо приходилось встречать». На днях англичане, живущие на острове, рассказали об одном случае, который они рассматривают как доказательство отважности и высокого чувства собственного достоинства их будущей королевы. До замужества принцессы один из министров посетил её, чтобы уладить некоторые вопросы, касавшиеся содержания королевского двора. Его предложения показались ей недостаточно соответствующими положению британского трона. «Милорд, — сказала она, — я являюсь наследницей трона Великобритании, и моё состояние духа

уже достигло уровня того высокого положения, которое мне предназначено занять. Поэтому я должна быть обеспечена соответствующим образом. Не думайте, что я, вступая в брак с принцем Леопольдом, когда-либо могу или буду опускаться до положения *хозяйки дома Кобургов*. Прошу вас, раз и навсегда забудьте об этой мысли».

Молодая принцесса является кумиром английского народа, который связывает её предстоящее правление с надеждой на своё счастливое будущее.

Император, вновь сославшись на принца Леопольда, который мог стать его адъютантом, сказал: «Целая толпа немецких принцев ходатайствовала о той же милости с моей стороны. Когда я создал Рейнскую конфедерацию, то короли и эрцгерцоги, входившие в её состав, считали само собой разумеющимся, что я был намерен возродить, с учётом положения моей особы, этикет и привычки Священной Римской империи; и все они, даже короли, стремились войти в состав моей свиты. Один из них хотел, чтобы его назначили виночерпием моей императорской особы, другой — главным дворецким императорского двора и т.д. В то время немецкие принцы буквально наводнили Тюильри; они заполнили парижские салоны и пытались вращаться в среде приближённых моего двора. Точно так же вели себя представители монарших дворов Италии, Испании и Португалии. Короче, все самые высокопоставленные особы Европы собрались в Тюильри. Факт остаётся фактом, — добавил император, — во времена моего правления Париж был столицей Европы, а французы были первой нацией в мире!»

Важные высказывания императора — Дебют Наполеона в дипломатии — Великие планы императора — Война с Россией — Бернадотт

11 ноября 1816 года

Сегодня император не покидал своей комнаты. Я провёл с ним весь день, только уходил обедать.

В наших беседах мы касались самых разнообразных тем, так как в этот день император был особенно словоохотлив. Он затрагивал многочисленные вопросы, абсолютно неоднородные по своей природе, но их обсуждение естественным образом переходило от одного к другому и было насыщено идеями и фактами, совершенно новыми для меня. Количество высказываний императора лишило меня возможности записать их все: пока я старался записать одни его высказывания, от меня ускользали другие, сделанные только что;

зато я могу с большей уверенностью ручаться за достоверность и аккуратность того, что мне удалось записать.

Говоря о политическом строе общества, император заявил: «Демократия может быть неистовой, но у неё есть сердце, и её можно растрогать. Что же касается аристократии, то она всегда равнодушна и неумолима».

Потом, после некоторых предварительных замечаний, он сказал: «Все формы правления можно рассматривать с двух противоположных точек зрения; все они имеют свои преимущества и свои недостатки: например, республиканское и монархическое правления, — их можно и защищать, но им можно и противиться. Несомненно, в теории можно легко доказать, что они в равной степени хороши и даже очень хороши, но на практике сделать это не так-то легко». Император заметил, что крайностью правительства является анархия, а крайностью отдельного человека — деспотизм, что лучше всего, бесспорно, золотая середина между ними, если бы сила разума позволяла придерживаться этого курса. Император добавил, что эти истины постоянно повторяли, пока они не стали банальными, не давая никаких результатов; об этой проблеме написано немало томов и ещё много будет написано впустую.

Он также сказал: «Деспотизм — понятие не абсолютное, а лишь относительное. Человек не может безнаказанно сосредоточить всю власть только в своих руках. Если султан, полагаясь на минутную прихоть, отрубает головы своих подданных, то он рискует потерять собственную голову в результате такого же каприза. Чрезмерность всегда предрасположена к крайностям. Прилив в одном направлении означает отлив в другом. Когда я был в Египте в качестве завоевателя, абсолютного правителя и повелителя, диктующего народу законы всего лишь ежедневным приказом по армии, я всё же не мог позволить себе обыскивать дома, и я был бы бессилен помешать местному населению свободно беседовать в их кофейнях, в которых свобода слова и независимость мнений господствовали даже в большей степени, чем в Париже. Люди, рабски покорные во всех других местах, были полны решимости пользоваться безграничной свободой слова в своих кофейнях, которые были для них цитаделью свободы, их базарами общественного мнения. Там открыто рассуждали о моих мерах, принятых в тот день; было бы невозможно закрыть им рот. Если мне случалось заходить в такие места, то все кланялись мне, это правда, но это означало знак уважения ко мне лично. Ни одному из моих подчинённых не оказывалось подобного почтения».

«Как бы то ни было, — сказал император по другому поводу, — Франция была на грани падения от ударов коалиционной Европы, когда она подчинялась противоречивым влияниям многих, но она

вручила кормило власти в руки одного человека, и сразу же Первый консул стал на равных говорить с Европой. Такова сила сплочённости и сосредоточения; таковы факты, которые должны убедить самых непонятливых.

Было любопытно наблюдать за тем, как правительства старых государств Европы оказались неспособными постигнуть значение этой перемены и как они продолжали относиться к идее сплочённости и сосредоточения таким же образом, как к идее разобщённости и рассредоточения. Не менее знаменателен и тот факт, что император Павел, которого считали сумасшедшим, был первым, кто понял эту разницу, тогда как английские министры, имевшие репутацию искусных и опытных государственных политиков, оказались последними в этом ряду. “Я оставляю в стороне эксцессы вашей революции, — писал мне Павел, — я придерживаюсь фактов, для меня этого достаточно; в моих глазах Вы представляете собой правительство, и я обращаюсь к Вам, так как мы можем понять друг друга, и я могу иметь дело с Вами”.

Что касается английского кабинета министров, то я всегда был вынужден сначала победить и силой добиться соглашения о мире, а также полностью отделить Англию от остальной Европы, прежде чем заставить их слушать меня; и даже тогда, когда они приступили к переговорам со мной, они не спеша тянулись по колее старой рутины. Они старались отвлечь моё внимание проволочками, предварительными условиями, формальностями, прецедентами и бог знает чем ещё. Но я чувствовал себя настолько сильным, что мог позволить себе смеяться над всем этим!

Новое положение вещей требовало новой линии поведения, но английские министры, казалось, полностью потеряли представление о времени, в котором мы живём, забыли о живших тогда людях и о текущих проблемах. Моё поведение привело их в полное замешательство. Я выступил в роли дипломата в том же духе, в котором я уже выступал в роли военачальника. “Вот мои предложения, — заявил я английскому кабинету министров, — мы владеем Голландией и Швейцарией, но я готов отказаться от них обеих в обмен на возмещение убытков нам и нашим союзникам. Мы также владеем Италией, но я уступлю её часть ради мирного существования всей Европы. Таковы мои основополагающие условия; исходите из них и выдвигайте любые свои предложения, но цель переговоров и их результат должны оставаться в том виде, в каком я их определил, — я ни на йоту не отступлю от принятого мною решения. Я не ставлю перед собой цели добиться уступок от вас, но я хочу принять обоснованные, почётные и долговременные взаимные обязательства, — это тот круг условий, который я очертил. Мне кажется, что у вас

отсутствует представление о существующей ситуации и наших возможностях. Я не боюсь вашего отказа и тех трудностей, которые вы можете создать на моём пути. У меня сильные руки, и я хочу, чтобы они работали на пределе”.

Этот необычный дипломатический язык, — продолжал император, — привёл к желаемому результату. Во время переговоров в Амьене они были намерены всего лишь отвлечь нас, но теперь

они приступили к серьёзному разговору. Не зная, как меня уязвить, они предложили сделать меня королём Франции. Отличная мысль! Стать королём по милости иностранцев, когда я уже был монархом по воле народа!

Я достиг такой власти, что во время проходивших переговоров итальянцы были вынуждены назначить меня президентом своей республики; но это обстоятельство, которое в нормальных условиях вызвало бы много препятствий, не привело к каким-либо процедурным задержкам. Все вопросы на переговорах были решены, благодаря откровенному ведению дела я добился своего скорее и лучше, чем если бы втянулся во все обычные дипломатические тонкости. Многие клеветнические памфлеты обвиняли меня в вероломстве и в нарушении слова на этих переговорах, но я никогда не заслуживал подобных обвинений, которые, напротив, можно было бы всегда предъявить другим европейским правительствам.

В Амьене я искренне считал, что судьба Франции и Европы, а также моя собственная доля, решены навсегда: я надеялся, что войне пришёл конец. Однако английский кабинет министров опять разжёл пламя войны. Одна Англия находится в ответе за все те несчастья, которым с тех пор подвергалась Европа. Что касается меня, то я был намерен полностью посвятить себя внутренним делам Франции, и я уверен, что совершил бы чудеса. Я бы ничего не потерял в масштабе славы и добился бы многого в масштабе счастья французского народа. Я тогда добился бы нравственного завоевания Европы, которое я впоследствии почти осуществил силой оружия. Какой блистательной славы я в результате лишился!

Враги всегда говорили о моей любви к войне, но разве я не был вынужден постоянно заниматься собственной защитой? После каждой победы, которую я одерживал, разве я сразу же не выдвигал предложения о мире? Истина заключается в том, что я никогда не был хозяином своих действий. Я никогда полностью не принадлежал самому себе. Я мог замыслить множество планов, но их осуществление никогда не было в моей власти. Я держал кормило власти сильной рукой, но неистовство волн было мощнее, чем та сила, с которой я мог противостоять им; и я благоразумно отступил, чтобы не подвергать себя риску утонуть из-за упрямства противников. Фактически я никогда не был хозяином самому себе, но всегда находился под властью обстоятельств. В начале моего восхождения к вершине власти, во время Консульства, мои искренние друзья и пылкие сторонники часто спрашивали меня — с самыми лучшими намерениями и для того, чтобы правильно выстроить своё собственное поведение: к чему именно я стремлюсь? И я всегда им отвечал, что не знаю. Они удивлялись, возможно, они не были удовлетворены моим ответом, и, однако, я говорил правду. Позже, во времена империи, когда было меньше фамильярности, многие, казалось, были готовы задать мне тот же самый вопрос, но я по-прежнему дал бы тот же самый ответ. Фактически я не был хозяином своих действий, поскольку я недостаточно глуп для того, чтобы пытаться заставить события соответствовать моей системе. Наоборот, я создавал свою систему в соответствии с тем, как развивались события. Это часто выглядело как неустойчивость и непоследовательность, и меня несправедливо обвиняли за них».

По другому поводу император сказал: «Целью одного из моих великих планов было воссоединение наций, которые были разъединены и разделены на части революцией и политикой. В Европе жило более тридцати миллионов французов, пятнадцать миллионов испанцев, пятнадцать миллионов итальянцев и тридцать миллионов немцев, и я был намерен объединить каждый из этих народов в одно

государство. Было бы благородным делом войти в историю благодаря такому достижению, в сопровождении благословений будущих веков. Я чувствовал себя достойным такой славы!

Добившись этой цели, можно было бы перейти к несбыточной мечте о *прекрасном идеале* цивилизации. Тогда появилась бы возможность создать в каждой стране единый свод законов, принципов, мнений, настроений, точек зрения и интересов. Тогда, с помощью всеобщего распространения знаний, можно было бы подумать о попытке использовать опыт американского Конгресса или греческой амфикинии в великой европейской семье; и тогда появилась бы перспектива единой силы, величия, счастья и процветания! Какая величественная, какая замечательная идея!

Сосредоточение тридцати с лишним миллионов французов было завершено; то же самое было почти завершено с пятнадцатью миллионами испанцев; ибо очень просто превратить случай в принцип. Только потому, что я не покорил испанцев, впредь будут утверждать, что они оказались непобедимыми. Но факт остаётся фактом: они на самом деле были побеждены и в тот самый момент, когда они спасались от меня, кортес Кадиса вёл со мной тайные переговоры. Они освободились не в результате собственного сопротивления и усилий со стороны англичан, но из-за поражений, которые я потерпел в отдалённых от Испании местах, и, прежде всего, из-за ошибки, совершённой мною, когда я отправил все мои войска за тысячу лье в далёкую страну, чтобы они там погибли. Ибо никто не может отрицать, что если бы, как только я вступил на территорию той отдалённой страны, Австрия не объявила мне войну, но предоставила бы мне четыре долгих спокойных месяца, то дело в Испании было бы закончено: испанское правительство укрепилось бы, общественное мнение успокоилось, противоборствующие партии объединились. Три-четыре года возвратили бы испанцев к полному миру и блестящему процветанию; они стали бы единой нацией, и я справедливо заслужил бы их благодарность, ибо я спас бы их от тирании, которая их сейчас угнетает, и от ужасных беспорядков, которые их ожидают*.

Что касается пятнадцати миллионов итальянцев, то их объединение уже далеко продвинулось, оно ждёт только своей зрелости.

* По этому поводу Наполеон выразился следующим образом: «Присутствие Генерала является обязательным; он глава всему, он олицетворяет собой всю армию. Не армия древних римлян покорила галлов, но Цезарь. Не карфагенская армия заставила дрожать республику у ворот Древнего Рима, но Ганнибал. Не македонская армия вышла к Индии, но Александр Македонский. Не французская армия привела войну на берега Везера и Инна, но Тюренн. Не прусская армия в течение семи лет защищала Пруссию против величайших держав Европы, но Фридрих Великий».

С каждым днём в народе всё более укореняются единые принципы и законы, мысли и чувства, — а это лучший цемент соединения людей. Объединение Пьемонта с Францией и объединение Пармы, Тосканы и Рима были, с моей точки зрения, лишь временной мерой, предназначенной для того, чтобы дать гарантии и содействовать образованию итальянской нации*.

* Столь важное решение о будущем отказе от Италии, высказанное в данном заявлении в первый раз и в такой бесстрастной манере, без указания цели и без предоставления доказательств, следует признать, не достойно, казалось бы, большего внимания, чем те заявления, на которые так часто отваживаются и которые так же часто прощаются в пылу беседы. Но время и тесная связь с императором научили меня тому, что каждое заявление, сделанное Наполеоном, имеет глубокое, полновесное и буквальное значение.

В настоящее время я обнаружил в первом томе мемуаров Наполеона, продиктованных им графу Монтолону, столь убедительное подтверждение этого заявления, что не могу удержаться и выписываю отрывок из этих мемуаров:

«Наполеон хотел заново создать итальянскую нацию и объединить людей, живущих в Венеции, Пьемонте, Генуе, Тоскане, Парме, Модене, Риме, Неаполе, Сицилии и Сардинии, в одном независимом государстве, границами которого служили бы Альпы и Адриатическое, Ионическое и Средиземное моря. Это бессмертное деяние увенчало бы его славу! Великое и мощное итальянское королевство стало бы на суше препятствием императорскому двору Австрии, а на море флотилии королевства совместно с флотом Тулона правили бы Средиземным морем и охраняли бы старый торговый путь в Индию через Красное море и Суэц. Рим, столица этого государства, стал бы вечным городом, прикрытым тремя преградами в виде Альп, реки По и Апеннин; по сравнению с другими крупными городами, Рим находился бы ближе всего к трём главным островам Средиземного моря. Но Наполеону предстояло одолеть много препятствий. Он заявил на заседании городского Совета Лиона, что потребуется двадцать лет, чтобы восстановить итальянскую нацию.

Было три препятствия на пути к осуществлению этого грандиозного плана: во-первых, владения иностранных держав в Италии, во-вторых, влияние местных властей и, в-третьих, резиденция папы в Риме.

Прошло почти десять лет после заседания городского Совета в Лионе, прежде чем было полностью преодолено первое препятствие. Иностранные державы более не владели ни одним клочком земли в Италии, она теперь полностью находилась под непосредственным влиянием императора. Ликвидация Венецианской республики, свержение короля Сардинии и великого герцога Тосканы, присоединение к империи церковной собственности престола Святого Петра устранили второе препятствие. Подобно тому, как литейщики, которым предстоит превратить несколько пушек мелкого калибра в одну пушку крупного калибра, сначала бросают эти пушки в горнило, чтобы расплавить металл, так и основатель новой Италии присоединил к Австрии и Франции маленькие итальянские государства, чтобы они освободились от своих старых воспоминаний и претензий и, таким образом, были готовы к своей политической перестройке. Венецианцы, присоединённые к австрийской монархии, в течение нескольких лет испытывали горечь порабощения со стороны немцев. Когда их возвратили бы Италии, венецианцам было бы уже всё равно, станет ли их город столицей и будет ли их правительство более или менее аристократичным. Сходные изменения произошли бы и в Пьемонте, в Генуе и в Риме...

Не было бы больше венецианцев, пьемонтцев или тосканцев; жители всего полуострова становились бы только итальянцами. Всё было подготовлено для создания великой итальянской нации. Великое герцогство Берг [Вестфалия] оставалось вакантным для династии, которая пока временно занимала трон Неаполя. Император терпеливо ждал рождения второго сына, чтобы провозгласить его королём Италии и объявить о независимости прекрасного полуострова под регентством принца Евгения».

Вы можете судить о правильности моей точки зрения: части Италии, объединённые с Францией, хотя этот союз мог бы рассматриваться как оскорбительное завоевание с нашей стороны, были, несмотря на весь итальянский патриотизм, как раз теми частями страны, которые продолжали оставаться наиболее преданными нам. Теперь же, когда они восстановлены в своих прежних границах, они сознают, что подвергались вражескому вторжению и были лишены будущего; действительно, так и было!

Весь юг Европы, поэтому, вскоре стал бы единым с точки зрения местоположения, мнений, настроений и интересов.

Объединение немцев Германии и Австрии должно было осуществиться за большой срок, поэтому я пока ограничивался только тем, что упрощал их чудовищные сложности. Не потому, что они не были способны объединиться, напротив, — они были очень хорошо подготовлены к этому; они слепо противодействовали бы нам только до тех пор, пока не поняли наши замыслы. Но почему ни один немецкий принц до сих пор не сформировал ясное представление о моральном духе своей нации и не использовал его в своих интересах? Несомненно, если бы Небеса сделали меня монархом Германии в условиях столь критических событий нашего времени, я неизбежно привёл бы тридцать миллионов немцев к объединению; с учётом того, что мне известно о них, я рискну утверждать, что если бы они однажды провозгласили меня своим монархом, то потом уже не бросили бы меня, и я никогда не оказался бы на Святой Елене».

Затем, после нескольких грустных подробностей и сравнений, он сказал: «Во всяком случае, это объединение состоится рано или поздно благодаря самой силе событий. Импульс этому дан; и я считаю, что со времени моего падения и разрушения моей системы никакого устойчивого равновесия сил в Европе, вероятно, невозможно добиться без конфедерации и объединения основных государств континента. Монарх, который в первом же серьёзном конфликте будет искренне стоять на страже интересов народов, окажется во главе Европы и будет иметь возможность вершить дела по своему усмотрению.

Вероятно, зададут вопрос, почему я не допустил, чтобы эти мысли стали известны? Почему я не представил их на обсуждение общественности, ведь они, несомненно, стали бы популярны и это было бы огромным моральным подкреплением для меня? На этот вопрос я отвечаю, что недоброжелательность всегда активнее, чем доброе намерение; злой язык верховенствует ныне над здравым смыслом и затеняет самые блестящие идеи; представить эти важные вопросы на публичное обсуждение означало бы вверить их на милость партийного духа, страстей, интриг и сплетен. Очевидным результатом этого

стали бы сомнения и противодействия. Поэтому я полагал скрытность более целесообразной. Я окружил себя ореолом таинственности, которая нравится массе и интригует её, даёт пищу для спекулятивных умозаключений, занимающих общество, и, наконец, предоставляет возможность делать неожиданные и блестящие открытия, которые оказывают на него такое важное влияние. Это тот самый принцип, который ускорил принятие решения о моём неудачном походе на Москву. Если бы я был более осмотрительным, то сумел бы предотвратить любое зло, но я не мог медлить, у меня не было времени для размышлений. С моей карьерой, уже начертанной, с моими идеями, уже сформированными на будущее, было необходимо, чтобы мой поход и новый военный успех стали бы казаться сверхъестественными».

В этом месте своих высказываний император коснулся темы русской экспедиции, повторив многие замечания, которые я уже занёс в мой дневник. Сейчас я записываю только то, что считаю новым.

«Я приведу другое событие, — сказал он, — в результате которого случай был возведён в принцип. Я проиграл войну русским, и поэтому они считают себя непобедимыми. Но может ли что-нибудь быть более ошибочным? Спросите у тех же русских, но обладающих здравым смыслом и склонных к глубокому размышлению! Спросите самого Александра, и пусть он вспомнит своё мнение, которого он придерживался в то время! Разве я потерпел поражение в результате усилий русских? Нет! Моё поражение следует приписать чистой случайности, абсолютной фатальности. Сначала столица сгорела до основания вопреки воле её жителей, затем вдруг наступила суровая зима, — она наступила с такой необычной внезапностью и была настолько суровой, что её считали своего рода феноменом. К этим несчастьям следует добавить массу ложных донесений, жалких интриг, предательств, глупостей и множество других вещей, которые, возможно, однажды выйдут на свет Божий и послужат оправданием двух больших ошибок, совершённых мною в дипломатии и на войне; а именно — что я осуществлял такое предприятие, как поход в Россию, оставив на флангах, ставших вскоре моим тылом, два правительства, которые вышли из-под моего контроля, и две союзнические армии, которые при малейшем затруднении стали моими врагами. Но, делая окончательный вывод и аргументированно аннулировав каждое обвинение, которое делалось в мой адрес, я могу сказать, что это смелое предприятие, эта знаменитая война была с моей стороны совершенно непреднамеренной. Я не хотел сражаться, этого не хотел и Александр, но сложившиеся обстоятельства вынудили нас начать войну, а судьба довершила остальное».

После минутного молчания и словно отвлекаясь от мечтаний, император добавил: «Француз держал в своих руках судьбу мира!

Если бы он обладал здравым смыслом и духом, равными той возвышенной ситуации, в которой он оказался, если бы он был истинным шведом, каким он пытался себя выказать, он мог бы восстановить славу и силу своей приёмной страны, вновь занять Финляндию и появиться в Санкт-Петербурге ещё до того, как я достиг Москвы. Но он поддался влиянию личных соображений, глупого тщеславия и всякого рода презренных страстей. Его голова пошла кругом, когда он увидел, что его, закоренелого якобинца, обхаживают и забрасывают комплиментами законные монархи, когда он оказался за столом политических и дружеских переговоров лицом к лицу с царём всея Руси, который, не жалея сил, всячески льстил ему. Говорят даже, что ему намекали о возможности получить руку одной из сестёр русского императора, если он разведётся с первой женой; и в письме, адресованном ему французским принцем, автор самодовольно заявлял, что французская провинция Беарн является колыбелью двух их королевских дворов! Поистине — *королевский двор Бернадотта!*

В своём опьянении он пожертвовал и своей новой страной, и своей родиной, своей собственной славой, своей истинной властью, делом народа и процветанием Европы! За это он дорого заплатит! Говорят, что он раскаивался по поводу своего поведения, но он ещё не искупил свою вину. Сейчас он всего лишь монарх-выскачка в Европе. Скандал остаётся безнаказанным, это опасный пример».

Император теряет уверенность в результате событий 1815 года — Фемистокл — Катастрофа 1814 года — Проблема Бурбонов — Договор Фонтенбло

12 ноября 1816 года

Император, коснувшись своего возвращения с острова Эльба и вторичного лишения его власти в результате поражения при Ватерлоо, сделал ряд знаменательных высказываний по поводу этих двух событий.

«Совершенно очевидно, — заявил он, — что во время событий 1815 года я перестал ожидать наступления конечного успеха, меня впервые покинула уверенность. Возможно, я обнаружил, что прошло то время, когда судьба обычно была ко мне благосклонной, а может, в моих глазах, в моём воображении чарующая сила, которая сопровождала мою удивительную карьеру, полностью иссякла, но, во всяком случае, я почувствовал, что чего-то мне не хватает. Добрая фортуна более не следовала по моим стопам и не расточала мне свои

улыбки; теперь её сменила суровая судьба, которая всячески мстила мне за те немногие милости, которые я приобретал силой. Удивительно, но факт: любой успех, которого я добивался в этот период времени, немедленно сменялся поражением.

Пока я возвращался в столицу, меня сопровождало всеобщее шумное одобрение восторженно настроенного народа, но как только я достиг Парижа, так сразу же, словно по мановению волшебной палочки, без какой-либо явной причины, все вокруг неожиданно стали избегать меня, дипломатично ссылаясь на своё нездоровье.

Я приводил явные доказательства своего вполне искреннего примирения с Австрией, направляя туда для переговоров своих доверенных лиц, более или менее известных*.

Но Мюрат предпринял в Италии свою фатальную военную авантюру. В Вене пришли к выводу, что Мюрат действовал в соответствии с моими приказами, и, оценивая меня на свой собственный лад, австрийцы посчитали всё моё поведение хитроумной комбинацией и решили перехитрить меня встречной интригой.

Начало моей военной кампании было хорошо организовано и оказалось успешным. Я бы застал врасплох моих врагов, каждого в отдельности, если бы дезертир из среды наших генералов не передал врагам мои планы, расписанные по дням.

Я одержал блестящую победу в сражении при Линьи, но мои подчинённые лишили меня всех её плодов. Я готов был праздновать победу даже в сражении при Ватерлоо, но сразу же был низвергнут в бездну. Тем не менее надо признаться, что все эти удары судьбы скорее огорчили меня, чем удивили. У меня было предчувствие несчастливой конца. Не то чтобы это предчувствие каким-то образом влияло на мои решения и принимаемые мною меры, но дурное предзнаменование, конечно же, не давало мне покоя».

Это настроение Наполеона в описываемый период очевидно из следующей истории, которая настолько знаменательна, что я не могу удержаться, чтобы не представить её читателю. Однажды рано утром, находясь на берегу реки Самбра, император, сопровождаемый только дежурным адъютантом, подошёл к группе солдат, расположившихся

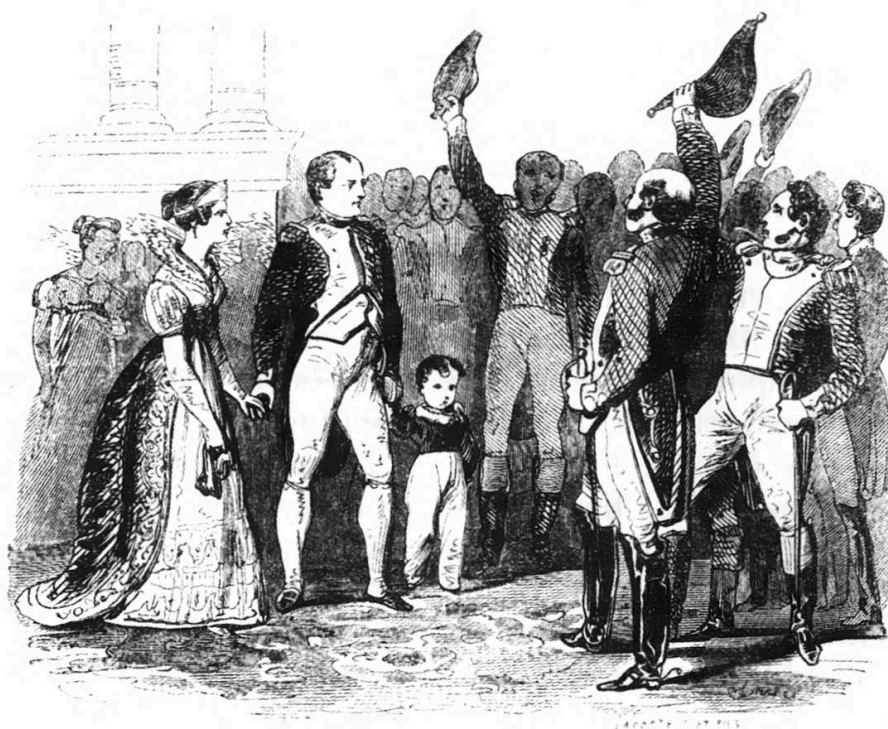
* В их числе был барон Стассар, на чью преданность Наполеон полагался настолько, что он послал его на Венский конгресс для переговоров о сохранении Парижского мирного договора. Но, к сожалению, барона дальше Линца не пропустили; наиболее ярые и закоренелые враги Франции среди министров союзных держав приняли все меры для недопущения любых контактов с Наполеоном. Однако барону Стассару косвенно дали знать, что если до начала военных действий император решит отречься в пользу своего сына, то Австрия согласится на это условие в том случае, если Наполеон сдастся своему тестю; император Франц тогда вновь будет гарантировать ему независимость на острове Эльба или в другом аналогичном месте.

биваком. Солдаты варили картофель на костре, и император, попросив одну картофелину, стал её есть и задумчивым и несколько печальным тоном произнёс следующие не связанные между собой фразы: «В конце концов, это хорошо, это терпимо... Человек может жить в любом месте и любым образом... Возможно, этот момент не так уж и далёк... Фемистокл!»

Адьютант, который сам рассказывал мне эту историю, когда я вернулся в Европу, заметил, что он был поражён воспоминанием об этом биваке на берегу Самбры после того, как ознакомился со знаменитым письмом императора английскому принцу-регенту. Поведение Наполеона и тон, которым он произнёс эти фразы, настолько не давали адъютанту покоя, что он никогда не мог выбросить эту историю из своей памяти.

Ошибочно предполагать, что Наполеон всегда был воодушевлён той внутренней уверенностью, которой, казалось, отмечены его поступки и решения. Когда в январе 1814 года он покинул Тюильри, чтобы начать свою бессмертную, но неудачную военную кампанию в окрестностях Парижа, его ум был отягощён мрачными предчувствиями; обстоятельство, которое свидетельствует о его проницательности и о его даре предвидения, заключается в том, что в то время он был убеждён (о чём большинство его окружения совершенно не подозревало): если он падёт, то по вине Бурбонов. Этой мыслью он поделился с немногими лицами из числа своих близких друзей, которые безуспешно старались укрепить его уверенность, заявляя

о том, что Бурбоны забыты и неизвестны нынешнему поколению. «Угроза реальна», — следовал неизменный ответ императора. Так, например, сразу же после яркого и страстного обращения к офицерам национальной гвардии, в котором он среди прочего сказал: «Вы избрали меня, — я результат дела ваших рук, и именно вам предстоит защищать меня», — он представил им императрицу и Римского короля со словами: «Я еду сражаться с врагом и поручаю вам заботу о тех, кто мне наиболее дорог». В тот решающий момент, немедленно после этого обращения, уже готовый покинуть Тюильри, он предвидел предательство и вероломство, ожидавшие его, и принял решение заключить в тюрьму человека из своего ближайшего окружения, который оказался главной движущей силой заговора, в результате которого было осуществлено свержение императора. Ему помешали привести в исполнение это намерение некоторые его министры: они взяли на себя личную ответственность, заявив, что подозреваемый человек более других имеет причины бояться возвращения Бурбонов. Наполеон уступил этим министрам, но настойчиво продолжал выражать опасения, что у него могут появиться основания сожалеть о своей снисходительности!

Следующее обстоятельство, о котором мало известно, представляется важным, так как оно подтверждает, до какой степени в самый разгар кризиса мысли Наполеона были заняты проблемой Бурбонов. После поражения при Бриенне, отступления из Труа, вынужденного

отхода к берегам Сены и унижительных условий перемирия, присланных из Шатильона и так благородно отвергнутых, император уединился с одним из своих друзей, сломленный при виде несчастий, уже нависших над Францией; внезапно он встал с кресла и горячо воскликнул: «Возможно, у меня ещё есть средство спасти Францию... Что, если я сам призову Бурбонов?! Союзники тогда будут вынуждены приостановить своё наступление под угрозой оказаться опозоренными, под угрозой быть обвинёнными в двуличии, под угрозой быть вынужденными признать, что их планы были направлены против Франции, а не против моей особы. Я пожертвую всем ради моей страны. Я стану посредником между французским народом и Бурбонами. Я заставлю последних признать национальные законы и поклясться в верности существующим договорам. Моя слава и моё имя будут гарантией французскому народу; что касается меня, то я правил достаточно долго. В моей карьере много славных поступков, и этот последний поступок не будет считаться самым ничтожным. Я поднимусь в своей славе ещё выше благодаря тому, что упаду так низко...» Затем, после минутной паузы, он добавил: «Но сможет ли отверженная династия Бурбонов когда-либо простить? Сможет ли она когда-либо забыть? Можно ли доверять Бурбонам? Разве Фокс был не прав в своём известном афоризме в отношении Реставрации?..»

Охваченный горем и беспокойством, император бросился на диван. Но вскоре он должен был подняться с него, чтобы выслушать новость о марш-броске его войск к флангу корпуса Блюхера, за движениями которого он некоторое время втайне от других следил. Он встал, чтобы собрать всю энергию и все ресурсы, и это обесмертило такие названия, как Шампобер, Монмираль, Шато-Тьерри, Вошан, Нанжис, Монтеро, Краон и т.д. Эти изумительные военные успехи привели в смятение Александра и англичан и внушили им мысль о целесообразности вести переговоры; эти успехи могли полностью изменить положение дел, если бы планы Наполеона не оказались расстроены случайностями, непостижимыми для человеческого расчёта. Например, то, что важные приказы не дошли до Евгения Богарне, вице-короля Италии, а также отступничество Мюрата, вялость и нерадивость отдельных маршалов и, наконец, даже успешное маневрирование французов, которое, отрезав войска императора Австрии от армий других союзных монархов, развязало последним руки, чтобы подготовить план отречения Наполеона в Фонтенбло.

Философы, мыслители и художники человеческого сердца, обратите ваши взоры к Фонтенбло и созерцайте падение самого великого

монарха! Обратите внимание на то, как свита, которой был окружён наш несчастный герой, — те самые люди, которых он осыпал милостями, почестями и богатством, — при первых же гримасах судьбы бросала его, предавала и даже стремилась оскорбить! Отметьте то обстоятельство, как первый среди его окружения по рангу, по милостям, по доверию — тот, кого великий монарх безуспешно стремился воодушевить высокими идеалами, общаясь с ним как со своим товарищем и другом, этот человек деградировал до уровня мамелюка, чьи прирождённые нравы, возможно, несколько прощают его, и который считает совершенно нормальным бросить своего хозяина.

В Фонтенбло, когда заканчивался кризис и когда Наполеон был серьёзно занят, этот его любимец пришёл к нему, чтобы попросить разрешения поехать в Париж только, как он сказал, на короткое время, чтобы уладить некоторые дела, после чего он обещал вернуться к императору и никогда более не покидать его. Но Наполеон умел читать тайны человеческого разума, и, как только этот человек удалился, император, прервав срочную работу, сказал: «Итак, он отправился довершить своё падение, усугубить свою деградацию; и, несмотря на все его обещания, он никогда ко мне не вернётся». Наполеон оказался прав: дезертир поспешил приветствовать первые лучи восходящего солнца; и как только оно взошло над ним, он отказался от своего благодетеля, друга и властелина! Говоря об императоре, он даже использовал выражение *этот человек*! И тем не менее Наполеон с такой готовностью прощал человеческую слабость и был настолько выше проявлений мстительности и обиды, что когда он вернулся с Эльбы, то выразил сожаление, что не видит этого человека, который сыграл такую предательскую роль, и добавил с улыбкой: «Полагаю, негодник боится меня, но для этого у него нет причин. Единственное наказание, которое я назначил бы ему, это требование явиться ко мне в своём новом костюме. Говорят, он выглядит в нём ещё более уродливым, чем обычно».

И какое количество других примеров людской низости можно было бы привести! Я сам могу подтвердить, что один важный господин, который особо отличился своим подлым поведением после отъезда из Фонтенбло, первым появился в Тюильри 20 марта. Этот человек казался весьма смущённым тем случайным или намеренным одиночеством, в котором его оставили другие прибывшие вельможи. Свидетель его недавнего постыдного поведения предал забвению прошлые неприятности и в обстановке тогдашнего проявления всеобщей радости, поспешил к нему и освободил его от определённого чувства замешательства, в котором он пребывал. Подобное великодушие стоило дёшево в тот момент.

Я хочу сослаться на «Рукопись 1814 года», дающую картину этих унижительных событий*.

Читатель в этой работе может узнать... Но нет, ничего нового он не узнает: во всех обстоятельствах, во все времена и во всех странах люди, особенно придворные, всегда одни и те же; необходимо также вспомнить, что к этому времени лагерь Наполеона стал императорским двором. Пусть эти люди говорят, что их поведение было продиктовано заботой о благосостоянии и интересах родной страны. На самом деле мечта сохранить безмятежное обладание полученным богатством и привилегиями вытеснила из их голов все патриотические соображения. Но история будет справедлива. Я говорю *история*, поскольку основная масса нынешнего поколения не может претендовать на эту честь. Где было наше негодование? Где достоверно и торжественно прозвучало наше осуждение? Причём упрёки эти совершенно не связаны с политическими соображениями. Вопрос заключается не в том, какое именно дело поддерживают эти люди, но лишь в том, какие принципы они исповедуют. Не ждите, что приступы мизантропии приведут меня к тому, что я нарисую картину, обескураживающую все сердца, и закончу объявлением вне закона всего человечества. Ни в коем случае! Мне хорошо известно, что великие испытания проверяются в крайностях, и что среди самых низких страстей ярко сияют самый блестящий героизм и благородная добродетель. Поэтому пусть будут удостоены славы те ветераны, чьи горькие слёзы свидетельствовали об их искреннем горе! Пусть будут удостоены славы те младшие офицеры, которые по первому зову готовы были проливать свою кровь! Воздадим должное великодушному крестьянству, которое отдавало нашим войскам последний кусок хлеба и, пренебрегая собственными лишениями,

* Барон Фейн, первый кабинет-секретарь Наполеона, опубликовал мемуары под названием «Рукопись 1814 года». Эта работа представляет живые и интересные подробности важных, но недостаточно хорошо известных событий того периода, и в частности короткую, но бессмертную военную кампанию 1814 года. Это настоящая вереница чудес, в течение которой Наполеон предстаёт сверхъестественным человеком, проявляющим изобретательность гения, энергию разума, быстроту маневрирования армией, постоянство мнений и величественность мужества. Ничто нельзя сравнить с чудесами, которые он творил, за исключением бесконечного энтузиазма горстки храбрых солдат, которые, словно незнакомые с потребностями природы и лишённые еды и отдыха, казалось, множились перед легионами врага, чтобы постоянно сражаться и всегда побеждать.

Барон Фейн представил нам документ национальной славы, и он справедливо имеет право на благодарность своих соотечественников. В его описании войны, беспорядков и неудач характерные черты разума и сердца Наполеона часто сияют великолепием. Для меня, специально занимающегося событиями, описываемыми в книге барона Фейна, особенно приятно сознавать, что и другим читателям будет любопытно сравнить подробности, приведённые двумя авторами, совершенно незнакомыми друг с другом и описывающими абсолютно разное время и обстоятельства.

помогало храбрым защитникам своей страны! Воздадим должное благородным чувствам, которые выражали граждане всех классов, обоих полов и любого возраста! Если сердце, с одной стороны, переполнено возмущением, то, с другой стороны оно находит восхитительный источник удовлетворения.

На Святой Елене император диктовал изложение событий в Фонтенбло и ссылки на Эльбу, но я не касаюсь этих фактов. Я их не записывал, так как ограничивался собственной работой и взял за правило не приводить те факты, которые диктовались другим лицам из свиты императора, уверенный в том, что такие факты будут воспроизведены точно, во всех деталях. И поэтому я лишь добавлю некоторые частности, которые собраны лично мною в ходе разговоров с Наполеоном или бесед с другими достоверными источниками.

Когда катастрофы 1814 года стали очевидны, когда угроза стране стала неминуема, особенно после вступления союзников в Париж, многие французские генералы начали проявлять нерешительность. Те, в ком эгоизм превалировал над патриотизмом, те, кто скорее предпочёл бы удалиться от утомительных реальностей войны, чем подчиниться требованиям долга, чести и славы, — все эти люди с нетерпением ждали катастрофы, вместо того чтобы искать возможность предотвратить её. Прославленные генералы отваживались советовать Наполеону отречься от престола, заявляя, что это решение обязательно. Некоторые из них заходили настолько далеко, что намекали императору: они не могут отвечать за последствия того разочарования и возмущения, которые проявят по отношению к нему солдаты. И это в то время, как, напротив, по словам самого Наполеона, преданность войск и привязанность к нему со стороны офицеров

были таковы, что если бы он предал гласности замышляемые интриги, то тем самым поставил бы под угрозу жизнь тех, кто был виновен в подготовке подобных интриг. Одного его слова было бы достаточно для того, чтобы их принесли в жертву. Наполеон устраивал смотры войскам, — их бурное одобрение отличалось всеобщим проявлением энтузиазма. Казалось, что превратности судьбы только содействовали тому, чтобы сделать императора ещё более дорогим для них, — их преданность никогда не была выражена столь решительно. «Иначе и невозможно, — заявил Наполеон, — таково было единение этих храбрых солдат со мной и таково было наше взаимное родство душ, что я никогда не сомневался в их преданности мне».

В этом тяжёлом положении Наполеон напряжённо раздумывал о том, как ему наиболее целесообразно поступить. В его распоряжении всё ещё было от сорока до пятидесяти тысяч солдат, самых лучших и самых преданных в мире; он мог бы, ничем не рискуя, держать в страхе или изгнать вероломных генералов. В этой ситуации три различные идеи, поочерёдно, пришли ему в голову.

Его первая мысль заключалась в том, чтобы вернуться в Париж, ибо он считал, что ни один генерал на Земле не осмелится дать ему сражение, когда за ним стоит его огромная столица. «По моей команде, — сказал император, — поднялось бы всё население. В дополнение к своим войскам я бы набрал от ста до двухсот тысяч солдат. Но союзные армии при отступлении могли сжечь столицу, и это бедствие было бы приписано делу моих рук. Это правда, что разрушение Парижа с помощью пожара могло оказаться спасением Франции, как пожар Москвы стал спасением России, но подобные жертвы могут быть принесены только теми, кто в этом заинтересован».

Вторая идея, над которой размышлял император, заключалась в том, чтобы проследовать в Италию и там сформировать коалицию с Евгением Богарне, вице-королём Италии. «Но это было бы, — сказал Наполеон, — отчаянной попыткой, не имевшей шанса добиться адекватного результата. Это отодвинуло бы главный театр военных действий в слишком отдалённое место. Общественный энтузиазм со временем ослабел бы, и мы более не смогли бы сражаться во Франции; но только на её священной земле мы могли надеяться совершать чудеса, которые стали необходимыми».

Ни один из этих двух вариантов не принёс бы практических результатов. Поэтому оставался третий путь — продолжать защищаться, сражаться за каждую пядь земли и вести войну, пока не появятся новые возможности. Оцепенение, вызванное присутствием оккупантов, вскоре исчезло бы, несчастья, которые они принесли, вскоре сделали бы оккупантов предметом отвращения и ненависти, национальный энтузиазм возродился бы, и союзные войска обрели

бы свои могилы в земле, которую они позволили себе осквернить. Но для всего этого была обязательна работа времени, — одним словом, успех был сомнителен, в любом случае, весьма далёк, в то время как страдания народа становились явными, непосредственными и неисчислимыми. Благородная душа Наполеона была глубоко взволнована, и он принял решение отречься от престола.

Тем временем Наполеон направил к императору Александру депутацию маршалов, среди которых находился Мармон, герцог Рагузский, к которому он был глубоко привязан. Депутации было поручено предложить отречение Наполеона в пользу его сына. Таким образом император надеялся спасти Францию, сохранить её независимость и функционирование существовавших институтов. Император Александр, который за несколько дней до того публично заявил, что не станет вести переговоры ни с Наполеоном, ни с кем-либо из членов его семьи, тем не менее обсуждал такой вариант с частью Сената, которая предлагала отречение Наполеона. Маршалы от имени всей армии горячо выступали в защиту высказанного ими предложения. Решимость Александра была поколеблена, и депутация, высказывавшаяся в пользу регентства, должна была, казалось, добиться успеха, когда неожиданно поступила информация о дезертирстве герцога Рагузского; и это обстоятельство убедило Александра в правильности ранее принятого им решения. Событие, связанное с дезертирством герцога Рагузского, стало для императора Александра подобным лучу света: следовательно, французская армия не единодушна, подумал он! С этой минуты, отставив в сторону все оговорки, он занял непоколебимую позицию. В создавшемся положении Наполеона взяли в кольцо и настоятельно убеждали подписать несомненное и безоговорочное отречение от престола. После огромной внутренней борьбы Наполеон уступил и продиктовал документ об отречении в следующих словах: «Так как союзные державы заявили, что император Наполеон является единственным препятствием для установления мира в Европе, то император, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии, ибо нет такой личной жертвы, включая его жизнь, которую он не был бы готов принести в интересах Франции».

Эта декларация — а союзные державы совершенно не предполагали, что она будет выражена в столь безусловной форме, — устранила все препятствия, и маршалы вернулись с переговоров с тем, что называют Договором Фонтенбло. Его текст я позже приведу в этом дневнике.

Я обнаружил в «Рукописи 1814 года» барона Фейна полное объяснение отдельных высказываний, сделанных императором, которые

я записал в моём дневнике в своё время, не совсем понимая их значение. Например, у меня в дневнике ранее было записано, что император, ссылаясь на Договор Фонтенбло, говорит: «У меня нет ничего общего с этим договором, я отрекаюсь от него. Я далёк от того, чтобы гордиться им, я стыжусь его. Его обсуждали без меня и против моей воли...» А в другом случае он говорит: «Когда история событий в Фонтенбло будет предана гласности, она многих удивит».

Мемуары барона Фейна доказывают, что Наполеон действительно ничего общего не имел с Договором Фонтенбло. Был предпринят максимум усилий, чтобы уговорить его подписать договор. Наполеон считал унижительным и бесполезным подписывать такой договор. Сохранив своё величие, он хотел впредь жить в качестве частного лица; и он чувствовал себя оскорблённым, когда размышлял над тем, что огромные жертвы, принесённые им ради мира на Земле, теперь смешивались с финансовыми договорённостями. «Какая польза от этого договора, — заявил он, — если они не принимают со мной решений, связанных с интересами Франции? Если речь идёт только о моих личных интересах, то вообще нет никакой необходимости в специальном договоре. Я побеждён, я уступаю силе оружия. Всё, чего я прошу, так это не считать меня военнопленным, а для этого достаточно простого соглашения!»

Любая попытка обратить внимание императора на его положение, на его собственное существование и будущие потребности оказывалась тщетной. На все подобные предложения он энергично отвечал: «Какое это имеет значение? Коня и немного денег на жизнь — это всё, чего я хочу».

Я, со своей стороны, могу свидетельствовать, что император безгранично сокрушался по поводу того, что ратифицировал Договор Фонтенбло, и в то время это было не единственное решение, которое заставляло его тяжело переживать. Он также весьма сожалел, что, успешно сражаясь у Сен-Дизье и у Дулевана, он уступил настойчивым просьбам и предложениям, которые изменили его планы в отношении Парижа.

«Тогда мне не хватило твёрдости, — заявил он. — Я должен был следовать моему намерению продвигаться к берегам Рейна, собирая подкрепления в гарнизонах на моём пути и поднимая крестьян на борьбу с врагом; тогда я вскоре имел бы в своём распоряжении громадную армию. Мюрат немедленно присоединился бы ко мне; он и Евгений, вице-король Италии, сделали бы меня хозяином Вены, если бы союзные державы отняли у меня Париж. Но нет: враг старался бы избежать опасностей, которыми он был бы окружён. Союзные монархи посчитали бы за милость получить возможности для отступления, и тогда действовавший против нас огнедышащий

вулкан иноземцев был бы потушен. Мир был бы заключён и честно соблюдался. Ибо все были бы в состоянии изнеможения, все должны были залечивать раны! О войне за границей нельзя было бы и думать, и дома заключение мира должно было бы произвести положительный эффект благодаря уничтожению иллюзий и злонамеренных планов и благодаря объединению взглядов, убеждений и интересов всех партий. Я бы вновь торжественно восседал на троне в окружении моих непобедимых маршалов. Преданная мне героическая часть народа привела бы в чувство тех, кто проявлял нерешительность, а те, кто так стремился получить отдых, смогли бы насладиться им. Новое поколение лидеров сформировало бы обновлённый характер нации. Все усилия были бы направлены на внутреннее благосостояние страны, и Франция была бы счастливой!»

Когда разговор зашёл о беспорядках, захлестнувших Париж из-за приближения союзных армий, об унынии — чтобы не использовать более сильных слов, — охватившем высшие слои общества, о моральном духе и энтузиазме, проявленных большинством людей, которые были готовы сражаться, если бы их обеспечили оружием, — я сказал, что отъезд императора произвёл фатальный эффект на общественное мнение. Я упомянул, в качестве единичного обстоятельства, что юный Римский король, вопреки своей привычке, упорно отказывался покидать дворец; он горько плакал, и пришлось силой уводить его оттуда. Я также добавил, что знали, что императрица хотела остаться в Париже и что Государственный совет был склонен поддержать это её желание, пока не было получено точное указание от императора, предписывавшее ей выехать из Парижа из-за надвигавшейся угрозы со стороны врага.

«Да, — подтвердил император, — и это указание было весьма необходимым. Императрица была молодой и совершенно неопытной. Если бы она способна была принимать собственное решение, моё указание было бы абсолютно иным. Тогда Париж стал бы для неё подходящим местом. Но я предвидел интриги, целью которых стала бы её особа, и я хотел помешать тому, что впоследствии произошло в Орлеане. Там люди, планировавшие учреждение регентства, в ожидании часа, когда они возьмут бразды правления при императрице в свои руки, сделали всё, чтобы помешать ей присоединиться ко мне. Какие роковые последствия были тем самым вызваны! Боже, как бы мне хотелось, чтобы я также направил своевременное указание с предписанием ей покинуть Орлеан!»

Очевидно, что в Фонтенбло Наполеон стал жертвой всевозможных стрессов и нравственных страданий, которые только могут постигнуть человека. Подавленный изменой, но не силой оружия, он чувствовал всё, что могло вызвать возмущение возвышенной души или

поразить нежное сердце. Его друзья покинули его; его слуги предали его; один сдал его армию, другой — его казну. Люди, которых он возносил, поддерживал и осыпал милостями, оказались теми, кто трудился над его свержением. Члены Сената, которые только днём ранее щедро снабжали его новобранцами, чтобы противостоять врагу, не стеснялись стать орудием в руках именно этого врага. Под ударами иностранных штыков они вменяли ему в вину то, что было делом их собственных рук, и подло сбросили и разбили кумира, которого сами создали и так подобострастно боготворили. Какая глубина позора и деградации! Наконец (и это для Наполеона был самый чувствительный удар из всех), его жена и ребёнок были увезены от него, и, вопреки договорам и законам, вопреки всем нравственным принципам, ему никогда более не позволили увидеться с ними!

Очевидно, что Наполеон, угнетённый тяжестью всех этих бедствий, окружённый этой гнусной низостью и питавший крайнее презрение к человеческой натуре и ко всему, связанному с этим миром, решил положить конец своей жизни. Сохранилось письмо, написанное его рукой императрице, в котором он сообщает, что наступил момент, когда она должна быть готова ко всему; что всё возможно, *даже смерть императора*. Несомненно, это был намёк на таинственное событие в ночь с 12-го на 13 апреля, которое окутано глубокой тайной. «Рукопись 1814 года», однако, содержит некоторые подробности относительно этого происшествия, которые, если они соответствуют истине, лишают ярых врагов Наполеона удовольствия повторять подлые глупости о том, что *ему не хватило смелости умереть*, ибо из рукописи барона Фейна явствует прямо противоположное: *он не мог умереть*! Это ещё одно чрезвычайное событие в жизни Наполеона. Его слова: «Небеса предписали, что я буду жить!» — и хладнокровие и благородное смирение, которые овладели им с той минуты, представляются истинно величественными.

Знаменитое прощание Наполеона с его войсками и знамёнами, которые он обессмертил, хорошо известны. Прусский дипломат, который присутствовал при этом, уверял меня в том, что эта сцена произвела на него впечатление, которое никогда не изгладится из его памяти. Он добавил, что английский полномочный представитель во Франции, который стоял рядом с ним и который считал себя закоренелым врагом Наполеона, был так глубоко тронут этой сценой, что не мог сдержать слёз.

Чувства уважения и почитания, вдохновлённые Наполеоном, были таковы, что, несмотря на риск и беспокойство, вызванные его присутствием во Франции, никто не осмеливался ускорить его отъезд, и ему было позволено, в соответствии с его желанием, использовать

столько времени, сколько необходимо было ему для приведения в порядок всех его дел.

Договор об отречении датирован 11-м апреля, но Наполеон покинул Фонтенбло только 20 апреля, девять дней спустя. Всю первую часть своей поездки он был объектом всеобщего уважения и часто самого искреннего и любезного внимания*.

До сих пор иностранцы, по-видимому, не имеют никакого представления о том настроении, которое царило во Франции, и об истинных чувствах народа по отношению к императору. Сочли благоразумным организовать поездку Наполеона по стране таким образом, чтобы он прибыл в Лион вечером; и я склонен верить, что планировалось вообще воспрепятствовать его въезду в этот город. Я услышал следующие подробности от англичанина, одного из тех, кто был задержан во Франции и потому в то время проживал в Лионе. Мой собеседник и один австрийский генерал, переодетый в штатское, вышли на улицу, где смешались с толпой людей, собравшихся увидеть, как проезжает свергнутый с трона монарх. Они предполагали развлечься видом народа, осыпающего проклятиями этого монарха. Но, как только император появился, масса людей застыла в полном молчании, и только одна пожилая женщина, из состоятельной, по всей видимости, семьи, одетая в траурную одежду, с решительным выражением лица бросилась к карете императора. «Сир, — произнесла она торжественным тоном, — пусть благословение Божье сопровождает вас! Постарайтесь быть счастливым. Они отрывают вас от нас, но наши сердца будут с вами, куда бы вы ни отправились». Австрийский генерал, весьма смущённый, сказал своему спутнику: «Нам пора уходить, мне надоело слушать эту сумасшедшую старуху. Люди потеряли голову».

Несколько поодаль от Лиона на дороге появилась карета с маршалом Ожеро, командующим армией Восточной Франции, и Наполеон вышел из своей кареты и недолго прогулялся с маршалом. Когда он откланивался, то один из полномочных представителей союзных держав, сопровождавших императора, выразил удивление по поводу того, что император говорил с маршалом Ожеро явно в дружеском и доверительном тоне. «А почему же я должен был вести себя с ним иначе?» — поинтересовался Наполеон. — «Ваше

* Император выехал из Фонтенбло 20 апреля 1814 года, эскортируемый группой конных гренадёров. Вместе с ним в карете ехал граф Бертран. Вечером 20 апреля он доехал до Бриара. 21 апреля он прибыл в Невер. 22 апреля — в Роан. 23 апреля — в Лион. 24 апреля — в Монтелимар. 25 апреля — в Оргон. 26 апреля он спал близ Люка. 27 апреля он прибыл во Фрежюс. 28 апреля в восемь часов вечера он взшёл на борт английского фрегата «Отважный», которым командовал капитан Ашер.

Величество, по-видимому, не осведомлены о его поведении?» — «И что же он сделал?» — «Сир, несколько недель тому назад он пришёл с нами к соглашению». — «Более того, — заявил император, — он, кому я поручил защиту Франции в Лионе и вокруг него, пожертвовал страной и предал её». Пожаловавшись на вероломство людей, которым он оказывал доверие, император сказал: «Маршал Ожеро более не является солдатом. Проявленные им на первых порах мужество и доблесть возвысили его над общей массой, но почести, высокие звания и богатство вновь опустили его на прежний, общий уровень. Завоеватель Кастильоне мог бы оставить после себя имя, дорогое для его страны. Но Франция будет проклинать память о предателе Лиона и обо всех тех, кто поступал так же, как он, если только их будущая служба не загладит вину за их прошлые прегрешения».

Эта случайная встреча с маршалом Ожеро послужила причиной знаменитой прокламации, которую император выпустил, когда вернулся с острова Эльба.

«Дезертирство герцога Кастильоне, — писал он, — оставило Лион беззащитным и во власти врага. Армия, командование которой я поручил этому военачальнику, была способна, учитывая количество её батальонов и храбрость и патриотизм её солдат, разгромить противостоящие корпуса австрийской армии и выйти в тыл левого фланга врага, угрожавшего Парижу. Победы при Шампобере, Монмирале, Шато-Тьери, Вошане, Мормане, Монтеро, Краоне, Реймсе, Арси-сюр-Об и Сен-Дизье, восстание храбрых крестьян Лоррена, Шампани, Эльзаса, Франш-Конте и Бургундии, позиция, которой я овладел в тылу врага, перехватив его склады, запасные артиллерийские парки, транспортные средства и снаряжение, — всё это поставило вторгнувшиеся силы врага в отчаянную ситуацию. Французский народ никогда не имел такой перспективы стать более могущественным. Враги были бы разбиты и нашли бы свои могилы на тех самых равнинах, которые они так безжалостно опустошали, когда измена герцога Рагузского привела к сдаче столицы и дезорганизации армии. Непредвиденное поведение этих двух маршалов, которые одновременно предали свою страну, своего монарха и своего покровителя, поменяло судьбу войны. Положение врага было настолько отчаянным после наших побед — до сдачи Парижа, — что он полностью лишился военного снаряжения, был отрезан от запасных артиллерийских парков и т.д.».

Наполеона, по мере того, как он приближался к Провансу, встречали всё менее благосклонно, ибо там его ожидали интриги его врагов. Он избежал засады в Мобрейле, но не мог сделать этого в Орго-не; и эта часть продиктованной им рукописи не менее любопытна.

Прибыв на место посадки на корабль, император увидел два корабля, готовых принять его на борт: один — французский и другой — английский. Наполеон вступил на борт английского фрегата, заявив, что он никогда бы не позволил, чтобы говорили, что его из Франции вывозил француз.

Таково краткое описание великого события, подробности которого, продиктованные самим Наполеоном, будут, как я уже об этом упоминал, представлены общественности. В то время Франция была наводнена памфлетами по этому вопросу, заполненными такой ложью и нелепостями, что каждый честный и разумный человек теперь краснеет за то, что поверил им, и даже за то, что он читал их.

Ниже следует текст Договора Фонтенбло, на который я уже ссылался. Его тщательно скрывали от общественности в то время, когда он был составлен, его никогда не публиковали в газете «Монитор», и он долго оставался неизвестным. Его можно обнаружить только в официальных сборниках, и даже там тексты отличаются друг от друга. Поэтому я полагаю, что его включение в этот дневник не будет излишним. Он близко связан с темой, которую я исследую здесь, и многие статьи Договора по-прежнему актуальны, и, конечно, лучше, когда есть возможность обсуждать проблему, имея на руках все факты.

Договор Фонтенбло

«I. — Его Величество император Наполеон от своего имени, от имени своих наследников и потомков, равно как и от имени членов его семьи, отказывается от всех прав на верховную власть над Французской империей, над королевством Италии и над любой другой страной, а также на все их владения.

II. — Их Величества император Наполеон и императрица Мария Луиза пожизненно сохраняют свои титулы и звания.

Мать, братья, сёстры, племянники и племянницы императора также сохраняют повсюду, где бы они ни пожелали жить, титулы принцев и принцесс семьи императора.

III. — Остров Эльба, принятый Его Величеством императором Наполеоном в качестве места его пребывания, составит в течение его жизни отдельное владение, которое станет его полной собственностью.

Кроме того, императору Наполеону будет пожалована в полную собственность ежегодная рента в размере 2 000 000 франков из средств казначейства Франции, рента в 1 000 000 франков будет пожалована императрице.

IV. — Все державы окажут своё содействие в том, чтобы побудить чужестранные государства, в том числе берберийские страны,

уважать флаг и территорию острова Эльба; с этой целью отношения острова Эльба с чужестранными государствами будут приравнены к отношениям последних с Францией.

V. — Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла будут пожалованы в полное владение Её Величества императрицы Марии Луизы. Они перейдут во владение принцу, её сыну, и его наследникам по прямой линии. Принц впредь получит титул принца Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы.

VI. — На территориях, от которых Его Величество император Наполеон отказывается по этому Договору, для него и для членов его семьи будут сохранены поместья. Доходы от этих поместий в виде ренты будут им ежегодно выплачиваться казначейством Франции в размере 2 500 000 франков, свободных от любых налогов и удержаний. Эти поместья и рента будут находиться в полной собственности принцев и принцесс семьи императора, и они будут ими распоряжаться, как посчитают нужным. Поступающая в их распоряжение собственность будет распределена между ними таким образом, чтобы приносимые от неё доходы отдельных членов семьи императора составляли следующие суммы:

Мадам Мер	300 000 франков
Королю Жозефу и его королеве	500 000 франков
Королю Луи	200 000 франков
Королеве Гортензии и её детям	400 000 франков
Королю Жерому и его королеве	500 000 франков
Принцессе Элизе	300 000 франков
Принцессе Полине	300 000 франков

Кроме того, принцы и принцессы семьи императора Наполеона сохраняют всю свою собственность, движимую и недвижимую, которой они владеют в частном порядке; документацию на эту собственность они могут хранить, равно как и получаемую ренту, в казначействе Франции или в банке «Монте-Наполеоне» в Милане.

VII. — Ежегодная пенсия императрице Жозефине составит 1 000 000 франков. Она будет также иметь возможность сохранить в полном объёме всё своё личное состояние, движимое и недвижимое, и право распоряжаться им в соответствии с французскими законами.

VIII. — Принцу Евгению, вице-королю Италии, будет пожалована соответствующая его рангу резиденция вне пределов Франции.

IX. — Собственность, которая принадлежит императору Наполеону во Франции, останется во владении королевской короны.

Из денежных фондов, принадлежавших императору в казначействе Франции, в банке Франции, в виде «Лесных акций» или в любом другом виде, и которые Его Величество передал королевской короне, будет выделена специальная сумма, не превышающая

2 000 000 франков, для распределения в знак благодарности в пользу тех лиц, чьи имена будут содержаться в списке, подписанном императором Наполеоном и переданном французскому правительству.

X. — Все бриллианты императорской короны должны остаться во Франции.

XI. — Его Величество император Наполеон возвратит в казначейство и в другие государственные денежные фонды все суммы и средства, которые могли быть изъяты из указанных государственных учреждений в соответствии с его указаниями, за исключением тех средств, которые предназначены к выдаче по гражданскому листу.

XII. — Долги, связанные с содержанием двора Его Величества императора Наполеона, остающиеся к моменту подписания настоящего Договора, должны быть немедленно оплачены за счёт обязательств государственного казначейства по гражданскому листу, в соответствии со списком, подписанным специально назначенным для этого уполномоченным.

XIII. — Обязательства банка «Монте-Наполеоне» в Милане всем кредиторам, как французским, так и иностранным, должны быть исполнены без всяких изменений.

XIV. — Будут выданы все необходимые паспорта для свободного проезда Его Величеству императору Наполеону, императрице, принцам и принцессам, а также всем лицам их свит, которые пожелают сопровождать их или определить своё пребывание в иностранных государствах, а также для проезда всех их экипажей, лошадей и перевозки принадлежащего им имущества. Союзные державы предоставят офицеров и солдат для их сопровождения в качестве эскорта.

XV. — Французская императорская гвардия выделит от 1200 до 1500 солдат при оружии для эскорта императора в Сен-Тропе, месте посадки на корабль.

XVI. — Будут снаряжены бриг и необходимые транспортные корабли, чтобы перевезти к месту назначения Его Величество императора Наполеона и его императорский двор. Бриг будет полностью принадлежать Его Величеству императору.

XVII. — Императору будет разрешено взять с собой, в качестве своей охраны, 400 человек — добровольцев и офицеров, а также младших офицеров и солдат.

XVIII. — Каждый француз, пожелавший последовать за императором Наполеоном или за членами его семьи, будет лишён своих прав французского гражданина, если он не вернётся во Францию в течение трёх лет и не будет включён в число тех, кому французское правительство предоставит, в порядке исключения, право возвращения на родину по истечении указанного срока.

XIX. — Все польские войска, находящиеся на службе Франции, могут, по своему желанию, вернуться домой и сохранить своё оружие и имущество как свидетельство их благородной службы. Офицеры, младшие офицеры и солдаты сохраняют у себя награды, которые им вручались, и пенсии, положенные за эти награды.

XX. — Союзные державы гарантируют исполнение статей настоящего Договора и обещают получить признание Договора Францией.

XXI. — Настоящий Договор будет ратифицирован, и обмен ратификационными грамотами будет проведён в Париже в течение ближайших десяти дней или раньше, если это будет возможно.

Исполнено в Париже, 11 апреля 1814 года

Подписали: Коленкур, герцог Виченцкий;

Маршал Макдональд, герцог Тарентский;

Маршал Ней, герцог Эльхингенский*;

Князь Меттерних».

Эти статьи Договора были подписаны отдельно в тот же день графом Нессельроде от имени России и бароном Гарденбергом от имени Пруссии.

*Заявление о присоединении к Договору,
сделанное от имени Людовика XVIII*

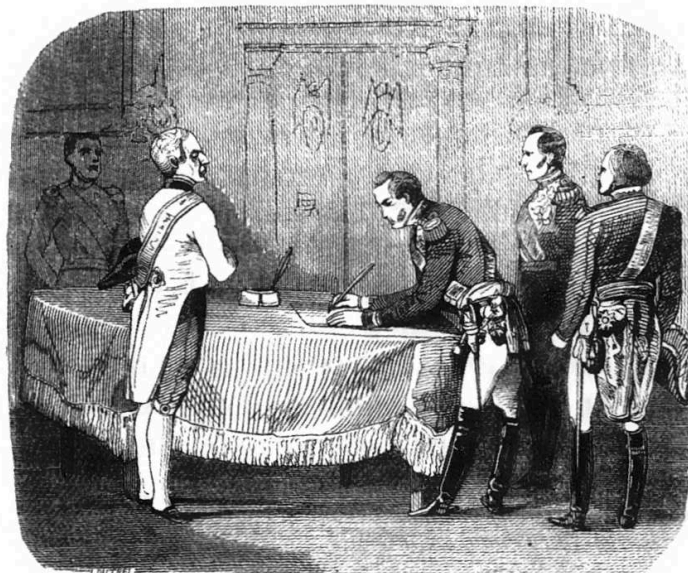
«Нижеподписавшийся, государственный секретарь и министр иностранных дел, представил королю справку, подготовленную их превосходительствами, полномочными представителями союзных держав, по указанию своих монархов, относительно Договора от 11 апреля, с которым согласилось временное правительство; Его Величество соизволил поручить нижеподписавшемуся заявить от его имени, что условия Договора в том, что касается Франции, будут безоговорочно выполнены. Нижеподписавшийся имеет честь сообщить об этом заявлении их превосходительствам.

Князь Беневентский

Париж, 31 мая 1814 года».

Великий европейский триумвират составил Договор Фонтенбло. Англия согласилась с ним. В заявлении, сделанном от имени короля Франции, было обещано выполнение условий Договора в той части, которая касалась короля Франции. И, тем не менее, несмотря на все эти гарантии, можно сказать, что едва ли хоть одна из статей Договора

* Следует отметить, что маршал Ней в этом месте не подписался титулом князя Московского из чувства деликатности по отношению к императору Александру.

была выполнена. Несомненно, трудно представить себе более вопиющее нарушение честного слова и бóльшую компрометацию августейших подписей, в сохранении которых незапятнанными и неприкосновенными, как следовало ожидать, была бы заинтересована каждая сторона, подписавшая этот Договор. Нравственное оправдание того, что совершил Наполеон в 1815 году, основывается на этих очевидных нарушениях. Эта точка зрения получила довольно широкое признание: её поддержали наиболее известные члены английского парламента, эти неутомимые сторонники великих принципов, и видные государственные деятели разных стран. Я могу добавить к этим высокоавторитетным лицам личное мнение одного человека, которое, хотя оно и выражено не без чувства юмора, было не менее справедливым.

Один находившийся в Париже в 1815 году высокопоставленный австрийский гражданин, закоренелый враг Наполеона, нанёс мне визит как раз в то время, когда приближение императора к столице начало вызывать огромное волнение. Австриец уже принял решение покинуть Париж, и он сказал мне со всей искренностью и серьёзностью, на которые был способен: «Конечно, прежде он занял трон Франции как настоящий узурпатор, это не подлежит никаким сомнениям! Но, — добавил он, принимая дипломатический тон, — если он теперь завоюет Францию, после чего все монархи Европы должны будут признать его монархом и дать ему право вступить в войну, не соблюдая их условий, то дело примет совершенно иной поворот. И честное слово... по крайней мере, что касается меня... я думаю, что в этом случае могут возникнуть некоторые основания утверждать, что он стал законным монархом. По крайней мере, я думаю, что сам буду склонен считать его таковым».

*Письмо лорда Каслри лорду Батхерсту
относительно Договора Фонтенбло*

«Париж, 15 апреля 1814 года

...Пользуюсь случаем, чтобы объяснить, что произошло в связи с будущим местом пребывания Наполеона и его семьи.

Вашу светлость уже информировал лорд Кэткарт об акте отречения от престола, который подписал Бонапарт 6-го числа сего месяца, и о гарантии, данной ему императором России и временным правительством Франции в отношении финансового обеспечения в размере шести миллионов франков и безопасного убежища на острове Эльба. Обсуждаемый акт был отдан в руки господина де Коленкура и маршалов Нея и Макдональда, чтобы он был передан для выполнения обязательств со стороны союзных держав в соответствии с предложенным урегулированием вопроса. Этим лицам было также поручено согласовать условия перемирия и установить такую демаркационную линию, которая была бы удовлетворительной для союзных войск и препятствовала бы излишнему кровопролитию.

По прибытии я обнаружил, что всё готово для того, чтобы приступить к выполнению намеченного урегулирования вопроса. Соглашение было обсуждено, и оно действительно было бы подписано в течение дня русским министром, если бы не объявили о скором приезде министров союзных держав. Мотивы, послужившие для ускорения заключения соглашения, заключались в том, что, во-первых, было нежелательно, и даже опасно, продлевать пребывание Наполеона в Фонтенбло, где он находился в окружении войск, которые по-прежнему, в значительной степени, оставались ему верными, во-вторых, опасались интриг в армии и в столице, и, в-третьих, значительное количество офицеров считало важным урегулировать все вопросы для их шефа и удовлетворить их личную честь ещё до того, как они покинут его.

В тот вечер, когда я приехал, четыре министра провели совещание с князем Беневентским по вопросу о предлагаемом соглашении, в отношении которого я высказал возражения, желая в то же время, чтобы они поняли, что я не стремлюсь подвергнуть угрозе спокойствие внутривосточного положения Франции и не хочу поставить под сомнение те гарантии, которые, в условиях критического положения того момента, были даны Россией.

Князь Беневентский признал весомость многих моих возражений, но заявил, что он, выступая от имени временного правительства, не считает предметом первостепенной важности попытку избежать чего-либо, что может принять характер гражданской войны, даже на короткое время; он также находит некоторые подобные

меры необходимыми, чтобы заставить армию спокойно воспринять их. В связи с этими заявлениями, а также с заявлениями графа Нессельроде о том, что его император посчитал необходимым, в отсутствие других союзников, действовать от их имени как от своего, я снял всякие возражения в отношении основного принципа, предложив только некоторые уточнения в деталях. Однако, от имени моего правительства, я отказался стать не более чем примкнувшей к Договору стороной и заявил, что акт восшествия на престол, по мнению Великобритании, не должен рассматриваться отдельно от территориального урегулирования, предусмотренного Договором. Мои возражения по поводу чрезмерного внимания формальным вопросам, особенно по поводу признания титула Наполеона, были восприняты как абсолютно разумные; и к настоящему письму я прилагаю протокол обсуждения статей Договора и ноту, которые детализируют гарантии, данные мною от имени королевского двора Великобритании.

В соответствии с моим предложением, признание имперских титулов для членов семьи Наполеона было ограничено периодом их жизни, — чему уже имелся прецедент в случае с королём Польши, когда он стал курфюрстом Саксонии.

Что касается пунктов в отношении императрицы, то я не только не возражал, но считал принятое решение соответствующим той большой личной жертве, на которую пошёл император Австрии ради дела Европы. Мне бы хотелось заменить остров Эльба другим местом для проживания Наполеона, но, как оказалось, его не нашлось, учитывая обеспечение мер безопасности, на которых он настаивал, и я не был склонен поддерживать альтернативу, о которой, как меня заверял господин де Коленкур, постоянно напоминал Бонапарт, а именно — убежище в Англии.

В тот же вечер министры союзных держав провели совещание с Коленкуром и маршалами, на котором присутствовал и я. Проект Договора со всеми изменениями был принят и согласован. После этого он был подписан и ратифицирован. Завтра или послезавтра Бонапарт тронется в путь в южном направлении.

Каслри».

Я считаю целесообразным привести текст этого письма в моём дневнике; оно полностью проливает свет на Договор от 11 апреля и на его детали, о которых мне не было известно даже во время пребывания на Святой Елене; оно также свидетельствует о двух моментах, к которым я особенно хочу привлечь внимание. Это письмо объясняет одно замечание, которое я услышал от императора, когда сказал ему, что однажды во время важного события он, казалось, забыл о том, что англичане подтвердили в Фонтенбло его титул.

В ответ он лишь сказал, что это было сделано специально. Теперь же из вышеприведённого письма я узнаю, что лорд Каслри старательно избегал признания титула императора; но это не оспаривает правильность утверждений Наполеона.

Второй момент заключается в том, что лорд Каслри в своём письме пишет об альтернативе, предложенной Наполеоном, а именно, об уединении в Англии, за неимением подходящей замены острову Эльба. Несколько страницами далее, в записи от 16 ноября, будет заявлено, что Наполеон, напротив, упрекал лорда Каслри за то, что тот приписывал ему слова о том, что было бы предпочтительнее выбрать Англию в качестве его места резиденции. Эти два заявления самым определённым образом противоречат друг другу, но объективность, как я ранее уже говорил, заставляет меня привести здесь оба эти заявления. Поэтому читатель свободен решать, как ему заблагорассудится, поскольку, как я часто слышал от императора, слово одного человека не хуже слова другого человека.

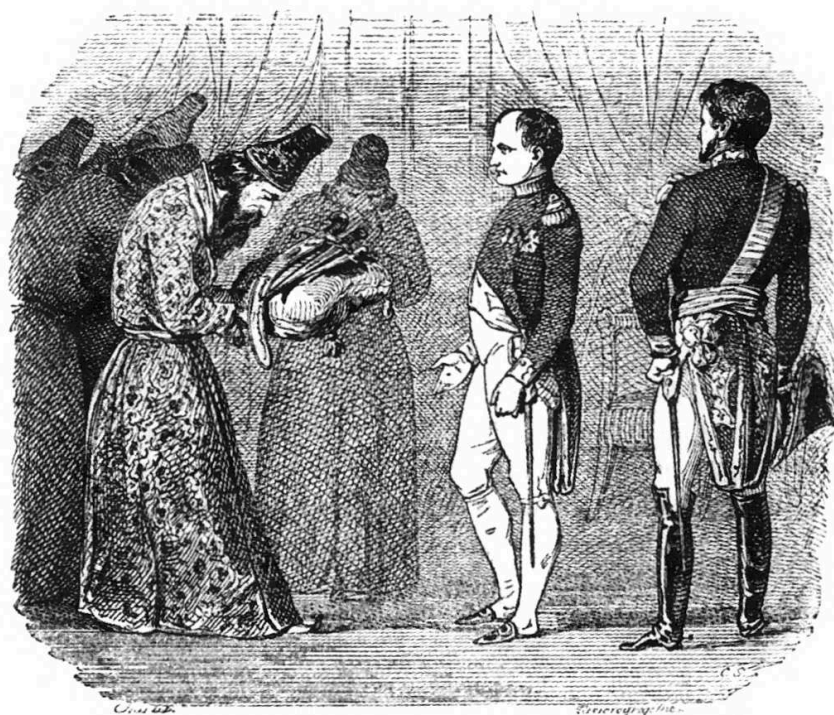
Что касается меня, то мой выбор определился быстро: я согласен со словами Наполеона, несмотря на утверждения лорда Каслри. В моей памяти по-прежнему хранятся ошибочные заявления лорда Витворта, которые приводились на страницах этого дневника, скандальные утверждения относительно Наполеона, сделанные лордом Каслри в парламенте и во время его публичных выступлений, фальсифицированные документы, на основании которых было вынесено судебное решение о низложении Мюрата с престола, и многочисленные опровержения, самоуверенно высказываемые лордом Батхерстом в Палате лордов, — их лживость была очевидна всем без исключения на острове Святой Елены, они вызвали растерянность даже у Хадсона Лоу.

Поэтому я буду придерживаться своего мнения, пока у меня не появятся веские причины изменить его.

**Шпага Фридриха Великого — Надежда, что после
женитьбы Наполеона «лев погрузится в сон» —
Раздражающее поведение губернатора — Наша участь
вызывает зависть, несмотря даже на наши страдания**

13 ноября 1816 года

Сегодня утром, когда я находился в комнате императора и не был занят выполнением его поручений, мне почему-то захотелось получше рассмотреть большие настенные часы Фридриха Великого, которые висят рядом с камином. Заметив это, император сказал:

«У меня были чудесные и ценные реликвии. У меня была шпага Фридриха Великого. Испанцы подарили мне в Тюильри шпагу Франциска I. Это была огромная любезность с их стороны, и, делая этот подарок, они, должно быть, пожертвовали весьма многим. Турки и персы тоже дарили мне много холодного оружия, принадлежавшего, как говорили, Чингисхану, Тамерлану, Надир-шаху и многим другим, которых я не знал. Но я придавал значение не самому подарку, но намерению, с которым он мне преподносился».

Я высказал своё удивление, что император не сохранил шпагу Фридриха. «А зачем, ведь у меня была собственная», — сказал он, улыбнувшись, и ущипнул при этом моё ухо. Он был прав: я в самом деле сказал глупость.

Затем, заговорив о своей второй женитьбе, император сказал, что он собирался сделать выбор в пользу француженки и что было бы гораздо лучше, если бы он так и сделал. «Такой брачный союз явился бы в высшей степени национальным, — заявил он. — Франция была достаточно великой, и её монарх достаточно могущественным для того, чтобы оставить в стороне любые соображения внешней политики. Кроме того, среди монархов брачные связи всегда устанавливаются ради политических интересов; в результате часто перед всем миром предстают чрезвычайно скандальные нарушения нравственного чувства. Другое возражение, которое можно высказать против брачных союзов подобного рода, заключается в том, что иностранная принцесса допускается к государственным секретам. Такая

соблазнительная возможность может привести её к предательству; если монарх станет доверять своим иностранным родственникам, он может обнаружить, что упал в яму, прикрытую цветами. Короче, глупо предполагать, что такой брачный союз может гарантировать и обеспечить какую-нибудь пользу».

Объявление о новом браке императора было источником радости для тех расчётливых граждан, которые с надеждой смотрели в будущее. Через несколько дней после того, как он принял решение, Наполеон сказал одному из своих министров (герцогу Декре) в минуту благожелательной откровенности: «Итак, судя по всему, люди очень довольны моим запланированным брачным союзом». — «Да, сир». — «Полагаю, они ожидают, что лев погрузится в сон». — «По правде говоря, сир, мы в какой-то степени склонны пребывать в ожидании этого». — «Ну что ж, — заявил Наполеон после некоторого молчания, — это ошибка, лев тут ни при чём. Сон сладостен для него, как и для любого другого. Но разве вы не видите, что в то время, когда, как вам кажется, я *постоянно атакую*, я всегда занят лишь *самообороной*?»

В течение этого и двух последующих дней моё внимание было полностью занято конфликтом, который касался меня лично и который столь сильно повлиял на мою последующую судьбу, что я не могу умолчать о нём. С тех пор, как я поселился в Лонгвуде, у меня в качестве слуги работал свободный мулат, который меня вполне устраивал; но неожиданно в голову Хадсона Лоу пришла мысль отозвать его.

Побуждаемый решимостью изводить нас всеми средствами, которые могло предложить его воображение, — или, как склонны считать многие, упорно следуя вероломно составленному плану, — губернатор послал дежурного английского офицера сообщить мне, что у него возникли некоторые сомнения в целесообразности службы у меня жителя острова; он намерен отозвать моего слугу и прислать вместо него другого, но уже по своему собственному выбору. Мой ответ дежурному английскому офицеру был краток и ясен: «Губернатор, — заявил я, — властен отозвать моего слугу, если это доставит ему удовольствие, но он может избавить себя от труда направлять мне нового по собственному выбору. С каждым днём я всё лучше и лучше узнаю, как обходиться без жизненных удобств. Я смогу, если необходимо, сам ухаживать за собой, — это дополнительное лишение практически не будет ощущаться среди всех тех страданий, которым мы подвергаемся».

Это обстоятельство стало причиной обмена огромным количеством посланий и записок. Лоу ежедневно по три или четыре раза

писал дежурному офицеру указания передавать мне различные сообщения. Он заявлял, что не понимает моих колебаний и не может постигнуть, почему у меня должны быть возражения против слуги, которого он пошлёт мне: его выбор так же хорош, как и любой другой; предложение самому выбрать слугу для меня было всего лишь знаком внимания с его стороны, и т.д.

Я с болью наблюдал за бедным дежурным английским офицером, которого, таким образом, безжалостно гоняли туда и обратно; я и сам искренне устал от всего этого дела. Поэтому я попросил, чтобы Лоу освободил себя от дальнейших забот, заверив, что на все его сообщения мой ответ неизбежно будет одним и тем же: он может отозвать моего слугу, если это доставит ему удовольствие, но пусть он не думает, что заставит меня принять слугу по своему выбору; он может силой переправить меня в гарнизон, но не с моего согласия. Пока продолжался этот обмен корреспонденцией, моего слугу отзывали, допрашивали, освобождали от службы у меня, затем присылали обратно и, в конце концов, отзывали окончательно.

Я рассказал обо всём этом императору, который высоко оценил мою решимость не допускать шпиона в наше окружение. «Но, — заявил он самым тёплым тоном, — так как эта жертва была принесена вами в интересах всех нас, то неправильно, если вы один будете страдать за всех. Пошлите за Жентилини, моим лакеем, и пусть он ухаживает за вами. Он будет весьма рад заработать несколько наполеондоров в дополнение к своему жалованью, и скажите ему, что это сделано в соответствии с моим желанием». Сначала Жентилини охотно принялся выполнять свои обязанности, но вечером бедняга пришёл ко мне, чтобы сообщить: кто-то сказал ему, что слуге императора не подобает обслуживать частное лицо! Император любезно послал за Жентилини и повторил ему свой приказ.

Губернатор ежедневно подвергает нас всевозможным гонениям. Я не упомяну все примеры подобного рода, которые случаются беспрерывно, — не потому, что свыкся с ними, но потому, что неприятности, возникающие из-за простого недоброжелательства, всего лишь пустяки по сравнению с огромными страданиями, которые мы должны терпеть.

Если я попытаюсь нарисовать здесь картину своего положения, то следует принять во внимание, что меня сослали — и, возможно, навсегда — на голую скалу, в двух тысячах лье от дома, заключив в маленькую тюрьму под небом, с климатом и почвой, отличными от климата и почвы моей родной страны. Я спешу к преждевременной могиле, к единственному возможному концу моего несчастья. Лишённый жены, детей и друзей, которые, хотя они по-прежнему живы, можно сказать, более не находятся в одном мире со мной,

не допущенный к любой связи с внешним миром и человечеством, я оплакиваю память о семейной нежности и о прелестях дружбы и общения. Конечно, не найдётся ни одного человека, из какой бы ни был он страны и какие бы у него ни были убеждения, кто не посочувствует моей участи.

Но в мгновение ока я могу перевернуть эту картину, и моё положение покажется завидным!

Есть ли такое сердце, которое не бьётся учащённо при воспоминаниях о подвигах Александра Македонского и Цезаря? Кто может без душевного трепета приблизиться к реликвиям Карла Великого? Как бы мы были счастливы слышать слова и голос Генриха IV Наваррского! Таким образом, когда я нахожусь в подавленном настроении, когда я чувствую необходимость приободриться и выйти из состояния душевного уныния, хочу переполнить своё сердце положительными эмоциями и занять свой ум мыслями о прекрасном, то я восклицаю: я обладаю всем этим, и даже бóльшим, чем это! Здесь, на острове Святой Елены, я окружён не только иллюзиями и историческими воспоминаниями, — я нахожусь в непосредственном контакте с живым человеком, который совершил такое множество чудес. Ежедневно и каждую минуту я могу созерцать черты человека, который одним взглядом направлял армии в сражения и решал судьбы империй. Я могу наблюдать за выражениями лица человека, который украшен лаврами Риволи, Маренго, Аустерлица, Ваграма, Йены и Фридланда. Я могу осмелиться дотронуться до руки, которая владела столь многими скипетрами и раздала так много корон, которая выхватывала у врага знамёна в сражениях при Арколе и Лоди и которая трогательно вернула несчастной жене единственное доказательство вины её мужа. Я слышу голос человека, который, обращаясь к своим войскам при виде египетских пирамид, сказал: «Дети мои, с вершин этих памятников на нас смотрят сорок веков!» — который, остановившись и обнажив голову перед колонной раненых австрийских солдат, воскликнул: «Честь и уважение неудачливым храбрецам!» Я беседую, почти фамильярно, с монархом, который правил Европой, который тратил свой досуг на то, что украшал наши города и приумножал благосостояние наших провинций, который вызвал уважение к нам со стороны других народов и вознёс нашу славу до облаков! Я видел его, я слышал, как он говорит, я ухаживал за ним и, возможно, даже помогал утешать его! Неужели в этом случае я могу претендовать на то, чтобы меня жалели? Напротив, разве тысячи людей не завидуют моей участи? Кто ещё может гордиться столь многими источниками счастья в условиях, подобных нашим?

Новые работы, запланированные императором — Его мнения о военачальниках, различных институтах, адвокатах и священниках

14 ноября 1816 года

Император вызвал меня в шесть часов вечера. Он сообщил, что только что продиктовал главу о морском праве. Он поговорил со мной и о других работах, которые планировал сделать. Я осмелился напомнить ему о списке из четырнадцати пунктов, которые он уже запланировал и на которые я ссылался в разговоре с ним в разное время. Ему явно понравилось, что я напомнил ему об этом, и он заверил меня, что в ближайшие дни приведёт свой план в исполнение.

Император прочитал и отредактировал то, что диктовал гофмаршалу Бертрону о древних и современных приёмах ведения войны, различных вариантах организации и управления армиями и т.д. Затем, среди прочего, он сказал: «Ни одно великое дело не является результатом лишь случая и удачи, оно всегда — итог размышлений и действий гения. Великие люди редко терпят неудачу в самых рискованных мероприятиях. Посмотрите на Александра Македонского, Цезаря, Ганнибала, Густава и на других, — они всегда добивались успеха. Разве они великие только потому, что им сопутствовала удача? Нет, они стали великими людьми, потому что обладали искусством покорять удачу. Если исследовать причины их успеха, то с удивлением обнаруживаешь: они делали всё для того, чтобы добиться его.

Александр Македонский ещё в ранней юности всего лишь с горсткой храбрых войск завоевал четверть Земного шара. Но разве это достижение стало результатом только случая, вроде неожиданного наводнения? Нет, всё было тщательно продумано, смело исполнено и расчётливо сделано. Александр Македонский одновременно оказался выдающимся полководцем, политиком и законодателем. К сожалению, когда он достиг зенита славы, от всего этого у него голова пошла кругом, а сердце ожесточилось. Он начал свою карьеру с головой Траяна, а закончил её с сердцем Нерона и нравами Гелиогабала». И тут император описал кампании Александра Македонского так, что я увидел их в совершенно новом свете.

Обратившись к Цезарю, император сказал, что этот полководец, в противоположность Александру Македонскому, начал свою карьеру в довольно зрелом возрасте; его юность прошла в пороках и праздности, но в конце концов ему удалось проявить своё весьма активное и выдающееся мышление. Наполеон считал Цезаря одной из самых

привлекательных личностей в истории. «Цезарь, — заявил он, — победил галлов и сделал законы своей страны менее строгими. Но его великие военные достижения нельзя приписывать только случаю и удаче», — и он проанализировал победы Цезаря, как это уже делал в отношении побед Александра Македонского.

«Ганнибал, — продолжал император, — является наиболее удивительной из них личностью, судя по его отваге, уверенности и величю, проявленным во всех его свершениях. В возрасте двадцати шести лет он постиг то, что было едва ли постижимым, и осуществил то, что, казалось, осуществить было нельзя. Лишившись всех связей со своей страной, он совершил поход через враждебные и неизвестные ему страны, которые он был вынужден атаковать и покорять. Он пересёк Пиренеи и Альпы, что считалось невозможным, и спустился в Италию, пожертвовав половиной своей армии, чтобы всего лишь приобрести поле сражения, только ради самого сражения. Он захватил Италию и правил ею в течение шестнадцати лет; несколько раз он был на волосок от того, чтобы овладеть Римом, и оставил в покое свою жертву только тогда, когда его враги, воспользовавшись уроками, которые он дал им, отправились на территорию Карфагена, чтобы уже там дать ему бой. Разве можно предположить, что блестящая карьера и достижения Ганнибала всего лишь результат случая и милость судьбы? Конечно, Ганнибал должен был быть наделён огромной силой ума и искусством военачальника; когда его допрашивал молодой победитель, он, хотя и побеждённый, без колебаний поставил себя сразу после Александра Македонского и Пирра, которых он оценил как первых в ряду полководцев.

Все эти полководцы Древнего мира, — продолжал Наполеон, — а также те, кто в современном мире успешно следуют по их стопам, добиваются больших успехов только благодаря тому, что они подчиняются правилам и принципам военного искусства, — то есть, благодаря правильно комбинированным действиям и хорошо вычитанному балансу между средствами и последствиями, между действиями и препятствиями. Они добиваются успеха только благодаря строгому соблюдению этих правил, какова бы ни была смелость их действий или степень полученного преимущества. Они неизменно рассматривают войну как науку. Таким образом они стали нашими лучшими образцами, и, только тщательно подражая им, мы можем надеяться, что приблизимся к ним.

Мои главные успехи отнесут на счёт счастливого случая, а мои поражения, несомненно, припишут моим ошибкам. Но если я напишу историю моих военных кампаний, то все увидят, что в обоих случаях мой здравый смысл и способности соответствовали моим принципам».

Следует надеяться, что император осуществит идею написать историю своих военных кампаний. Какими бесценными были бы «Комментарии» Наполеона!

Император проанализировал характеры Густава Адольфа и Конде; что касается последнего, сказал Наполеон, то он, судя по всему, инстинктивно использовал элементы науки в военных действиях, природа наградила его зрелостью интеллекта. Тюренн, напротив, совершенствовал свой талант с помощью стараний и занятий. Я обратил внимание на то, что у Тюренна не было учеников, в то время как Конде оставил после себя много знаменитых учеников. «Это лишь дело случая, — ответил император, — всё могло случиться наоборот. Не всегда в силах мастера создать хороших учеников, — природа должна оказать свою помощь, зерно должно быть посеяно в плодородную почву».

Император много высказывался о Евгении Савойском, Мальборо, Вандоме и других. Фридрих Великий, заявил он, был во всех отношениях в высшей степени превосходным тактиком, обладавшим искусством превращать свои войска в абсолютные машины. «Как часто, — сказал он, — люди оказываются совершенно иными, чем то, о чём свидетельствовали их поступки в молодости! Знали ли они сами, кем являются на самом деле? Фридрих Великий, — продолжал он, — в начале своей карьеры сбежал от собственной победы, и, конечно, вся его последовавшая жизнь доказывает, что он был на редкость отважным, очень настойчивым и крайне хладнокровным человеком».

После обеда император, который ещё утром увлёкся диктовкой и беседой на военные темы, в течение часа продолжал обсуждать те же вопросы; он мастерски и с выдумкой говорил о различных проблемах, связанных с искусством ведения войны. Сославшись на большую разницу между древними и современными военными действиями, он заявил: «Изобретение огнестрельного оружия привело к тотальным изменениям и полностью пошло на пользу нападающей стороне, хотя многие современные военачальники придерживаются противоположного мнения. Физическая сила древних, — добавил он, — находилась в гармонии с их наступательным и оборонительным оружием, тогда как наше оружие полностью нарушает эту гармонию».

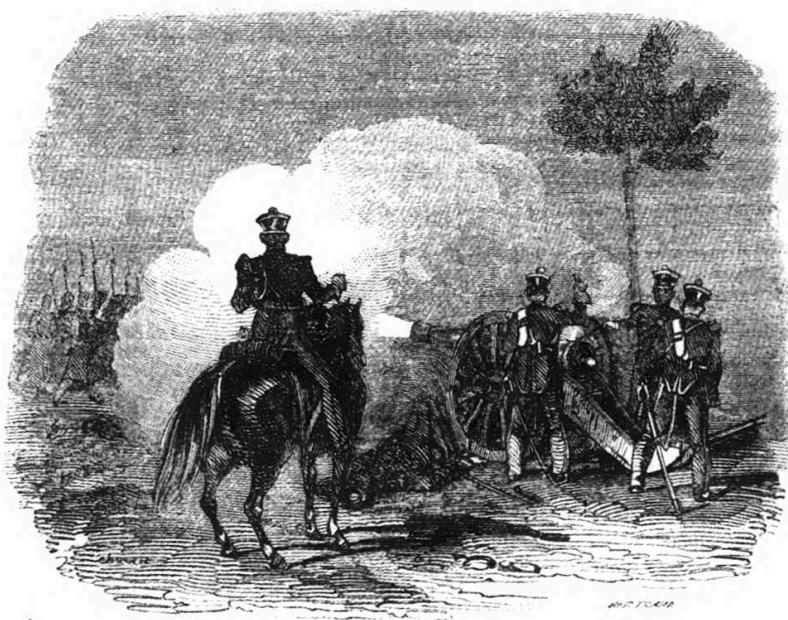
Если бы император оставил после себя мысли по этим вопросам, то они стали бы поистине бесценными. В течение вечера он высказывал своё мнение в отношении некоторых военных проблем; иногда он касался самых общих вопросов, а иногда обсуждал мельчайшие подробности затронутой темы.

Он отметил, что война часто зависит от конкретного случая и что, хотя командующий офицер должен руководствоваться общими принципами, ему никогда не следует выпускать из поля зрения всё, что может предоставить ему возможность воспользоваться случайным обстоятельством. Простонародье называет счастливым случаем то, что на самом деле является результатом расчётов гения.

В нынешнем методе ведения военных операций, как считает император, полезно обеспечить большую согласованность третьей линии обороны — пехоты, в противном случае она понесёт невосполнимые потери; и император объяснил причины этого.

Он придерживается мнения, что пехота, атакованная кавалерией, должна вести огонь с дальней дистанции, а не стрелять в упор в соответствии с нынешней тактикой, и он доказал преимущество этого метода.

Император подчеркнул, что пехота и кавалерия, предоставленные самим себе, без поддержки артиллерии, не могут обеспечить решающего результата, но что с помощью артиллерии, при всех прочих равных условиях, кавалерия может разгромить пехоту. Он доходчиво объяснил эти факты и, кроме того, многие другие.

Император добавил, что на самом деле артиллерия решает судьбу битв: солдаты теперь сражаются, обмениваясь выстрелами пушечных ядер, подобно тому, как в прошлом они обменивались ударами кулаков; в сражении, как и во время ведения осады, военное искусство состоит в том, чтобы перекрыть одну и ту же точку поражения многочисленными пушечными залпами, и в военном конфликте

тот, кто обладает достаточным искусством внезапно направить массированный артиллерийский огонь на намеченную цель в расположении вражеского войска, конечно же, добьётся победы. В этом, заявил он, заключалась великая тайна его военных побед, это был его главный тактический план.

Император сознавал, что невозможно создать идеальную армию без революции нравов и воспитания солдата и даже офицера. Этого нельзя было добиться с нашими хлебными печами, складами, интендантами, фурами и повозками. Не может быть идеальной армии, пока, в подражание древним римлянам, солдат не будет получать свою порцию кукурузы, молоть её в своей ручной мельнице и сам печь себе хлеб. Мы не можем надеяться иметь настоящую армию, пока не откажемся от всех наших чудовищных обозов гражданских обслуживающих лиц.

«Я размышлял над всеми этими изменениями, — сказал император, — но их нельзя было осуществить на практике до наступления длительного мира. Армия, находящаяся в состоянии войны, неизбежно восстала бы против подобных нововведений».

Теперь я приведу некоторые собранные мной в различное время высказывания императора относительно его проектов не только в армии, но и по ряду многих других проблем, обязательных для общества.

Император часто говорил, что он намеревался, когда будет установлен мир, убедить державы Европы провести значительное сокращение своих регулярных армий. Он хотел, чтобы каждый монарх в качестве ядра армии ограничился своей гвардией, которую можно увеличить в случае необходимости. Император планировал, если бы он оказался вынужденным содержать многочисленную армию в мирное время, занять войска на общественных работах, муштруя их и снабжая продовольствием по особой схеме.

Он сказал, что выяснил: в его планах военных кампаний и походов самая большая трудность возникала из-за снабжения войск продовольствием; в соответствии с новым методом, сначала необходимо было сделать запасы кукурузы, затем перемолоть её на муку и потом из муки испечь хлеб. Обычай древних римлян, который император полностью поддерживал и который был намерен использовать целиком или частично, устранял все эти неудобства. «Позаимствовав практику древних римлян, — заявил он, — армия могла прийти до самого конца мира. Но потребовалось бы время, чтобы осуществить переход к методу древних римлян, его нельзя было выполнить приказом на день. Я долго обдумывал идею такого изменения, но как ни велика была моя власть, я никогда не пытался ввести его силой. Не существует субординации на пустой желудок.

Подобное новшество можно было ввести только в мирное время и только незаметно; я бы добился его, создав новые воинские обычаи».

Император постоянно настаивал на подчинении всей страны законам воинской повинности. «Я неумолим в вопросе об освобождении от военной службы, — однажды заявил он на заседании Государственного совета, — оно было бы преступным. Как бы я смирился с собственной совестью, если бы подвергал опасности жизнь одного человека ради спасения жизни другого? Думаю, я не освободил бы от воинской повинности и собственного сына».

В другой раз он сказал: «Воинская повинность является постоянным источником существования нации, его нравственным очищением, подлинной основой её обычаев. С помощью воинской повинности нация распределяется в соответствии с её истинными интересами для защиты от внешнего вмешательства и для внутреннего порядка. Организованный таким образом французский народ мог бы бросить вызов всему миру и справедливо повторить слова гордых галлов: “Если небо будет падать, то мы поддержим его нашими копьями”».

В соответствии с планами Наполеона, воинская повинность не только не препятствовала бы образованию, но была бы средством содействия ему. Император был намерен учредить в каждом полку школу начального обучения и классы для продолжения образования — научного, гуманитарного и в области прикладной механики. «Ничего не было бы проще, — заметил он. — Признав принцип необходимости образования в армии, мы бы обеспечили каждый полк всем, что требовалось, включая преподавателей из его собственных рядов. И какая польза была бы всему обществу благодаря появлению в стране этих молодых людей с их новыми знаниями, пусть даже всего лишь элементарными, и новыми привычками, непременно выработанными этими знаниями!»

Однажды император в ходе разговора заметил, что если бы у него было свободное время, то мало нашлось бы институтов, чью деятельность он бы не усовершенствовал. Он подробно остановился на бедах, являвшихся результатом судебной системы, которая, как он сказал, была настоящей проказой, социальным раковым заболеванием. «Мой Кодекс, — заявил Наполеон, — резко уменьшил судебные тяжбы, сделав многочисленные судебные процессы понятными каждому человеку. Но законодателю предстоит ещё многое сделать. Не то что он может надеяться помешать людям ссориться, — люди занимаются этим всегда, — но он мог бы помешать третьей стороне наживаться на ссорах и даже вызывать их ради собственных интересов. Поэтому я хотел установить правило, которое обязывало бы адвокатов никогда не получать вознаграждений, если они не выиграли

судебный процесс. Сколько тяжб было бы предотвращено благодаря этому. При первом же ознакомлении с делом юрист отклонял бы его, если оно явно сомнительное. Исчезла бы опасность, что человек, живущий своим трудом, затевает тяжбу из чувства оскорблённого самолюбия; и если бы он это сделал, то он стал бы единственным потерпевшим в случае проигрыша дела в суде. Но моя идея была встречена массой возражений и, поскольку у меня тогда не было времени, чтобы её отстаивать, я отложил дальнейшее обсуждение этого вопроса. Тем не менее, я по-прежнему уверен, что моя идея, пусть и с некоторыми изменениями, могла бы принести пользу».

Говоря о духовенстве, император подчеркнул, что он был намерен сделать из священников важную и полезную прослойку общества. «Чем более они просвещённые, — заявил он, — тем менее они склонны вводить в заблуждение свою паству». Поэтому он хотел, чтобы в дополнение к их богословским занятиям они приобретали знания в области сельского хозяйства и знакомились с элементами медицины и юриспруденции. «Тогда, — сказал он, — догматизм и полемика, эти боевые кони и оружие дураков и фанатиков, реже звучали бы с кафедры проповедника, зато чаще провозглашались бы доктрины чистой нравственности, всегда привлекательные, красноречивые и убедительные. Так как люди обычно любят говорить о том, что знают, то духовенство инструктировало бы крестьян в их сельскохозяйственной работе, рекомендовало бы им не заниматься сутяжничеством и давало бы советы больным. Такие пастыри были бы настоящим благом для народа, и так как им выдавали бы щедрое жалованье, то они бы пользовались большим вниманием, они бы уважали себя, и все прихожане уважали бы их. Они бы обладали властью феодалов и могли бы, ничего не опасаясь, осуществлять своё влияние. Священник был бы естественным мировым судьёй и нравственным руководителем, которому без риска поручили бы управление населением, так как он сам зависел бы от правительства, назначившего его и выдававшего ему жалованье. Если ко всему этому добавить приобретённые ими знания и обладание лучшими качествами души и сердца, то следует признать, что пастыри такого рода вызвали бы революцию в обществе, чрезвычайно выгодную для дела нравственности».

Я вспоминаю, как мне пришлось слушать императора в Государственном совете, когда он произносил речь против «левых» заработков проповедников и указывал на некорректность их торговли, как он сказал, священными и в то же время необходимыми предметами. Поэтому он предложил положить конец этой практике. «Обязав священников бесплатно совершать религиозные обряды, — заявил император, — мы сделаем их достоинство и сострадание более

весомыми, и принесём бóльшую пользу бедным. Нет ничего проще, чем заменить эти приработки законными пошлинами. Каждый человек рождается, многие женятся, и все умирают, и всё же крещение, венчание и отпевание являются тремя главными религиозными обрядами, за которые берут плату, которая, с моей точки зрения, особенно вызывает возражения и которую я хотел бы отменить. Поскольку эти обряды касаются всех в равной степени, то почему бы не ввести на них специальную пошлину или не включить их в систему общего налогообложения?» Это предложение не получило одобрения.

Я также вспоминаю, как я слушал императора в Государственном совете, когда он предлагал, чтобы все общественные функционеры и государственные чиновники, даже офицеры в армии, образовали бы денежный фонд для своих будущих пенсий, делая небольшие отчисления от своего жалованья. «Тогда, — сказал он, — финансовая поддержка этих лиц в старости более не будет предметом ходатайств или особой милости, пенсия станет их правом. Отчисления от их жалованья будут вноситься в особый фонд, предназначенный именно для этих вложений. Это будет их собственность, и они смогут беспрепятственно изымать свой взнос при выходе в отставку с государственной службы». Утверждалось, в качестве возражения, что доходы, например, офицеров на действительной службе не позволяют делать подобные отчисления. — «Хорошо, — ответил император, — я покрою дефицит. Я добавлю всё, что будет необходимо». — «Но что это даст? — спросил кто-то. — В чём польза вносимого предложения?» — «Польза, — ответил император, — будет заключаться в разнице между определённой и неопределённостью, между устойчивым курсом казначейства, которому не надо ни о чём беспокоиться, и спокойствием граждан, которые будут иметь свои гарантии». Император горячо защищал эту идею и не раз возвращался к ней, однако это не принесло каких-либо результатов.

Следующая краткая цитата даёт представление об активной деятельности во время правления императора: «Подсчитано, что правительство Наполеона за четырнадцать лет и пять месяцев провело в Государственном совете 61 139 обсуждений различных вопросов!»*

Я часто слышал от Наполеона, что он хотел создать Европейский институт и учредить Европейские премии, чтобы контролировать работу научных обществ в разных странах и стимулировать их деятельность.

Он хотел установить во всех странах Европы единую денежную систему, систему мер и весов, а также единообразие законов. «Почему, — спрашивал он, — мой “Кодекс Наполеона” не может служить

* Монтеран «Историческая критика и рассуждения».

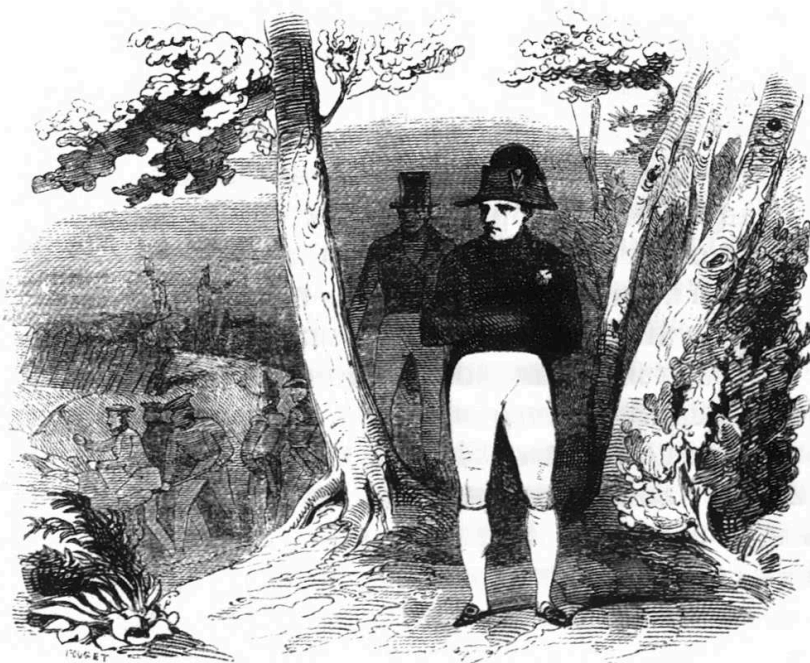
основой для создания единого Кодекса Европы, а мой Императорский университет — образцом для Европейского университета? Всё население Европы стало бы единой семьёй, и любой человек во время поездки за границу по-прежнему чувствовал бы себя так, словно он находится на родине».

Различные другие проблемы такого же рода, как и упомянутые здесь, обсуждались в разное время, но я воздерживаюсь записывать их в дневник, поскольку моя память не сохранила все их подробности.

Фортификационные сооружения и панические страхи Хадсона Лоу — Госпожа Рекамье и прусский принц — Госпожа де Сталь

15 ноября 1816 года

В три часа дня император, с которым я завтракал этим утром, вызвал меня. Он хотел прогуляться на свежем воздухе и дойти до самого леса, но погода с пронизывающим ветром была слишком холодной для него. Возвращаясь домой, он зашёл к гофмаршалу и довольно долго сидел в кресле, чувствуя себя сильно уставшим. Мы отметили нездоровый цвет его лица и то, что он заметно похудел. Его немощное состояние очевидно, и мы очень обеспокоены переменой его здоровья в худшую сторону.

Когда мы проходили через лес, император обратил внимание на сооружённые вокруг нашего обиталища фортификации и не смог удержаться от улыбки при виде этих бесполезных и абсурдных сооружений. Он сказал, что земля в окрестностях Лонгвуда оказалась полностью обезображенной из-за того, что верхний слой срыли, чтобы возвести валы вокруг нас. И действительно, последние два месяца губернатор постоянно рыл канавы и рвы, сооружал брустверы, возводил частоколы и т.д. Он полностью заблокировал нас в Лонгвуде, и конюшня в настоящее время явно приняла вид редута. Мы терялись в догадках в отношении того, какую пользу приносят расходы и труд, затрачиваемые на эти фортификационные сооружения, которые вызывают дурное настроение и насмешку солдат и китайцев, занятых этой работой; они теперь называют Лонгвуд и его конюшню соответственно *фортом Хадсона* и *фортом Лоу*. Нас уверяют, что Хадсон Лоу часто недосыпает и, вскочив с постели ночью, начинает придумывать новые планы предотвращения побега Наполеона с острова.

«Его поведение явно свидетельствует о сумасшествии, — заявил император. — Почему этот человек не может спокойно спать, оставив нас в покое? Неужели ему не хватает здравого смысла, чтобы понять: принятые меры для охраны нас, в нашем положении на острове, вполне достаточны, чтобы устранить все его панические страхи?» — «Сир, — сказал один из присутствовавших членов свиты, — он не может забыть остров Капри, на котором было 2000 солдат и тридцать пушек, расположенных высоко среди облаков, но он был взят 1200 французами под командованием храброго Ламарка, который смог добраться до Хадсона Лоу только с помощью тройной лестницы». — «Ну что ж, — заявил император, — это всего лишь доказывает, что наш губернатор является гораздо лучшим тюремщиком, чем генералом».

В последнее время я серьёзно обеспокоен состоянием здоровья моего сына. На смену боли, на которую он ранее жаловался, пришло сильное сердцебиение, сопровождаемое обмороками; он вынужден часто вставать с постели ночью, чтобы прогуляться и размять тело. Доктор О'Мира считает, что мой сын ощущает симптомы аневризмы, то есть расширения сердечной артерии, и полагает, что его здоровье находится в опасном состоянии. Я попросил главного английского медицинского офицера, доктора Бакстера, провести консультацию с доктором О'Мира. Результат консультации успокоил меня: состояние здоровья сына было признано не таким уж тревожным.

Во время сегодняшнего разговора император упомянул госпожу де Сталь, о которой, однако, он ничего нового не сказал, за исключением того, что в её письмах, перехваченных полицией, сообщалось

о госпоже Рекамье и об одном прусском принце. «Эта переписка, — сказал император, — представила несомненные доказательства большого внимания принца к её особе. В письмах содержались предложения и обещания женитьбы со стороны принца».

Вот история этого любовного романа. Прекрасная госпожа Рекамье, чья незапятнанная репутация оставалась безупречной в ту бурную эпоху, когда немногие избежали порицания, жила вместе с госпожой де Сталь, которой она героически полностью посвятила себя. В это время один из прусских принцев, взятый в плен в сражении при Эйлау, следовал по разрешению Наполеона в Италию. Он остановился в замке Коппе с намерением отдохнуть там только несколько часов, но тем не менее пробыл там всё лето: принц был удержан чарами госпожи Рекамье, которая добровольно делила в замке ссылку со своей подругой. Эта дама и молодой принц оба считали себя жертвами Наполеона, и их общая ненависть к врагу, на которого они смотрели как на своего угнетателя, вероятно, вызвала взаимный интерес друг к другу. Воодушевлённый пылкой страстью, принц, несмотря на трудности, которые были связаны с занимаемым им высоким положением, принял решение жениться на госпоже Рекамье. Он сообщил о своей идее госпоже де Сталь, чьё поэтическое воображение подсказало ей план, который был рассчитан на то, чтобы распространить некий романтический интерес по всему Коппе. Принца отозвали в Берлин, но разлука не изменила его чувства. Он по-прежнему продолжал свататься, но госпожа Рекамье постоянно отклоняла неожиданную возможность повышения своего социального статуса — или вследствие благородства её чувств, или из-за её католического предубеждения в отношении развода.

Благодаря этому обстоятельству был создан портрет Корины, который считается одним из самых незаурядных творений карандаша Жерара; принц заказал рисунок в качестве подарка госпоже Рекамье.

Обращаясь вновь к госпоже де Сталь, я воспользуюсь возможностью сказать, что после публикации предыдущих частей моего дневника мне нанесли визит некоторые из самых близких друзей этой знаменитой женщины. Эти лица заверили меня, что госпоже де Сталь часто приписывали отдельные высказывания в отношении Наполеона, на которые она была совершенно неспособна, — например, фразу *Робеспьер на коне*, с которой, как они сказали, они полностью не согласны. Более того, мне сообщили, что госпожа де Сталь в своих частных беседах была нередко более благосклонна к Наполеону, чем в своих книгах, которые, следует признать, во всём, что касается императора, пронизаны духом недоброжелательности и обиды. Один из её друзей уверял меня, что ему доставило удовольствие обнаружить в моём дневнике упоминание о том, что Наполеон

на острове Святой Елены сравнивал госпожу де Сталь одновременно с Армидой и Клориндой. Мне сообщили, что госпожа де Сталь, со своей стороны, во времена её восторженного отношения к молодому генералу французской армии в Италии сравнивала его одновременно со Сципионом и Танкредом; как она говорила, он сочетал в себе добродетели одного с подвигами другого.

После обеда император распорядился принести книгу его любимого Расина и прочитал нам ряд замечательных мест из «Ифигении», «Митридата» и «Баязета». «Хотя Расин создавал произведения, которые часто были шедеврами, — сказал император, — в них чувствуется атмосфера вялости. В них вечно представлена любовь, описанная апатично и утомительно. Впрочем, это недостаток не столько Расина, сколько того времени, когда он писал свои произведения. Тогда, и даже в более поздний период, любовь была главным занятием каждого. Так происходит всегда, когда общество находится в состоянии праздности. Что касается нас, — сказал император, — то наши мысли были безжалостно обращены к другим проблемам, вызванным великими событиями революции».

Между прочим император осудил весь знаменитый план военной кампании Митридата. Он отметил, что этот план хорош для рассказа, но в качестве концепции он абсурден.

Характеристики нынешних английских министров — Чувства Наполеона в отношении тех, кто служил ему

16 ноября 1816 года

Я обнаружил императора просматривающим английское издание, нечто вроде политического альманаха. Имея в виду членов английского кабинета министров, упомянутых в нём, он спросил меня: «Вы знаете кого-нибудь из них? Каково было общее мнение о них, когда вы находились в Англии?» — «Сир, — ответил я, — я так давно покинул Англию, что почти все те, кто теперь играют ведущую роль в правительстве, тогда только начинали свою карьеру. В то время никто из них ещё не вышел на авансцену политического театра».

Император, упомянув лорда Ливерпуля, сказал: «Мне кажется, что это самый достойный человек среди них. Я много хорошего слышал о нём. Он явно следует правилам приличия, и он хорошо воспитан. У меня нет возражений, когда в силу обстоятельств мне приходится иметь дело с врагом; каждый человек занимается своим делом, и у него есть собственные обязанности, которые он должен выполнять, но я, конечно, имею право возмущаться недостойным поведением и мерами, выходящими за рамки приличий».

Я сказал императору, что, когда я был в Англии, отец лорда Ливерпуля, мистер Дженкинсон, стал лордом Хоксбери, и его сыну удалось сделать успешную политическую карьеру. О нём говорили, что он очень добрый человек, и он был личным другом Георга III, выделялся своим усердием и, в частности, много работал над дипломатическими документами.

Затем император упомянул лорда Сидмута. «Мне говорят, — сказал император, — что он тоже довольно достойный человек, но он не обладает большой сообразительностью. Он один из тех честных болванов, которые с самыми искренними намерениями приносят много разного вреда».

«Сир, — ответил я, — в моё время лорд Сидмут, тогда ещё мистер Аддингтон, был членом Палаты общин и пользовался всеобщим уважением. Говорили, что он креатура Питта, который, как считалось, назначил Аддингтона своим преемником для того, чтобы обеспечить возможность своего возвращения в кабинет министров, когда посчитает это нужным. Английское общество было, конечно, очень удивлено, увидев, что Аддингтон стал преемником Питта, так как считалось, что по своим способностям Аддингтон совершенно не подходит для такой должности. Одна из английских оппозиционных газет, имея в виду Аддингтона, привела цитату одного философа (кажется, Локка), который говорит, что разум ребёнка представляет собой чистый лист бумаги, на котором природа ещё ничего не написала; газета в шутку заметила, что когда природа что-то стала писать на чистом листе Доктора (прозвище, данное тогда мистеру Аддингтону), то следует признать, она оставила там много пустого места».

«Ладно, — продолжил император, — но что вам известно об этом ужасном человеке, под надзор которого мы были отданы, о лорде Батхерсте?» — «Абсолютно ничего, сир, — ответил я, — ни о его происхождении, ни о его личности, ни о его характере». — «Что касается меня, — сказал император с некоторой горячностью, — то у меня не было возможности знать его, исключая ту, которая связана с его поведением по отношению к моей персоне; и, судя только по этому, я считаю его гнуснейшим из самых подлых и трусливых людей на свете. Жестокость его приказов, грубость его языка, выбор своего представителя для нас — всё это даёт мне право сделать такое заявление. Палача, которого он прислал сюда, не так-то легко было найти, подобный выбор не сделаешь наугад. Его следовало хорошенько поискать, тщательно проверить, составить о нём определённое мнение и затем до мелочей проинструктировать. Конечно, для меня этого достаточно, чтобы подтвердить нравственное осуждение человека, который мог так низко пасть. Судя по той руке, которой он руководит издалека, легко догадаться, какое он должен иметь сердце!»

Должен признаться, что, уступая чувству деликатности, я сначала почти убедил себя исключить или смягчить вышеприведённые выражения, но определённые сомнения удержали меня от этого. Тень того, чью душу так глубоко ранили, в эту минуту парит надо мной, подумал я, и, наверное, хочет сказать: «Поскольку вы заставили меня говорить, то, по крайней мере, сохраните все мои слова». Справедливость отстаивает свои права. Люди, упиваясь почестями и властью, должны чувствовать, что они обязаны отвечать на обвинения, которые предъявляют им. Пусть обвинённый сам оправдывает себя; если он способен на это, тем лучше.

Император сказал о лорде Каслри: «Этот человек правит всеми остальными и управляет самим принцем-регентом, прибегая к наглости и к интриге. Поддержанный большинством тех, кого он сам привёл к власти, он всегда готов бесстыже противостоять здравому смыслу, закону, справедливости и правде. Никакая ложь не потрясает его, и ничто не останавливает, так как он хорошо знает, что всегда может набрать большинство голосов, чтобы они аплодировали ему и придавали законную силу всему, что бы он ни делал. Он полностью пожертвовал своей страной и ежедневно унижает её, поступая в ущерб её политике, доктринам и интересам, короче, он полностью вручил её континенту. Положение Англии становится всё хуже и хуже. Одному Богу известно, каким образом она сможет выпутаться из создавшегося положения!

Лорд Каслри, — продолжал он, — насколько мне известно, даже в Англии считается человеком политически безнравственным. Он начал свою карьеру с политического ренегатства, что хотя и вполне обычно в его стране, тем не менее всегда оставляет несмываемое пятно. Он начал политическую деятельность, выступая в защиту народа, но потом стал орудием власти и деспотизма. Если всё, что говорят о нём, соответствует истине, то он должен быть проклят ирландцами, его соотечественниками, которых он предал, и англичанами, которые справедливо могут считать его разрушителем их национальных свобод и интересов. Ему хватило бесстыдства поставить на обсуждение парламента документы, которые, как он знал, были фальсифицированы, — вполне вероятно, он сам их и сфабриковал; и, тем не менее, на их основании был решён вопрос о свержении Мюрата с престола. Лорд Каслри сделал своей профессией ежедневно противоречить самому себе в парламенте и во время публичных выступлений, приписывая мне высказывания, рассчитанные на создание обо мне предвзятого мнения в глазах англичан, хотя хорошо известно, что он выступает с ложными утверждениями. Подобное поведение тем более подло, поскольку он лишил меня права опровергать его.

Лорд Каслри является учеником Питта, которого он, возможно, считает равным себе, хотя он всего лишь пародия на этого знаменитого государственного деятеля. Он постоянно исполнял планы и осуществлял заговоры своего хозяина против Франции; но даже в этом упорство и настойчивость были, возможно, его единственными хорошими качествами. Питт был человеком широких взглядов, при нём Англия имела весьма разносторонние интересы. Он обладал талантом, способностями и средствами для достижения цели; он из Лондона правил континентальными монархами и оказывал на них влияние по своему усмотрению. Каслри, напротив, подменяет изобретательность интригой, а способности — денежными ассигнованиями; он не думает об интересах своей страны и постоянно использует доверие и влияние континентальных монархов лишь для того, чтобы утверждать и увековечивать собственную власть в Англии. Однако такова жизнь, что Питт со всеми своими талантами постоянно терпел неудачи, а бестолковый Каслри во всём был удачлив. О, слепота судьбы!

Каслри оказался полностью человеком континента. Став хозяином Европы, он удовлетворял всех монархов континента и забыл только о собственной стране. Его поведение настолько пагубно для национальных интересов, настолько несовместимо с доктринами Англии и настолько не соответствует занимаемому им положению, что трудно понять, как англичане, такой мудрый народ, могут позволить себе находиться под властью такого дурака!

Каслри принимает на вооружение легитимность в качестве основы своих убеждений и желает установить её в качестве политической догмы, хотя этот принцип расшатывает трон его собственного монарха. Кроме того, он признаёт Бернадотта в противовес законному монарху Густаву IV, который пожертвовал собой ради Англии, и он признаёт узурпатора Фердинанда VII в ущерб его почтенному отцу Карлу IV.

Он и союзники заняты фундаментальной работой по реставрации старого порядка вещей, исправляя то, что они называют *прошлые нарушения, несправедливости и хищения*. Они, наконец, хотят вернуть *политическую нравственность*. Однако Каслри без колебаний жертвует Венецианской республикой и Генуей, оставляя первую Австрии и присоединяя вторую к Пьемонту. Он обогащает Россию, передавая ей Польшу. Он ограбил, в пользу Пруссии, короля Саксонии, который не может более оказывать какую-либо помощь Англии. Он отделил Норвегию от Дании, хотя, если бы последняя оставалась более независимой от России, она могла бы вручить Англии ключ к Балтийскому морю. Потом Норвегию передали Швеции, которая, потеряв Финляндию и острова Балтийского моря, полностью попала

в подчинение к России. Наконец, в нарушение твёрдых принципов всеобщей политики, Каслри не позаботился, упиваясь своим всемогущим положением, восстановить независимость Польши и, таким образом, поставил под удар Константинополь, подверг опасности всю Европу и подготовил почву для тысячи неприятностей в Германии.

Мне нет необходимости что-либо говорить о чудовищной непоследовательности министра, представителя исключительно свободной нации, который вновь впрягает Италию в ярмо рабства, держит Испанию в состоянии кабалы и предпринимает максимум усилий, чтобы заковать в кандалы весь континент. Не думает ли он, что свобода присуща только англичанам и не годится для того, чтобы ею пользовалась остальная Европа?* Но даже если предположить, что он придерживается этой точки зрения, то как он объясняет своё поведение в отношении собственных соотечественников, у которых он ежедневно отнимает их права? Например, временное приостановление введения закона об иностранцах, в соответствии с которым (можно ли этому поверить) жена англичанина, если она оказалась иностранкой, может быть выслана из Англии по воле и желанию министра; бесконечное увеличение по всей стране количества шпионов и доносчиков, этих дьявольских подстрекателей, при помощи которых всегда можно превратить честных людей в преступников и увеличить количество жертв правосудия. Одним словом, Каслри создал дома систему хладнокровного насилия и железного ярма, которую он уже применяет и в других подвластных ему странах**.

Нет, лорд Каслри недостоин быть первым министром свободного народа и пользоваться уважением иностранных наций. Он — визирь континентальных монархов; приучая по их наущению своих соотечественников к рабству, он — связующее звено, проводник, благодаря которому английское золото разбрасывается по всему континенту, а деспотические доктрины других стран импортируются в Англию.

Он проявляет себя приверженцем и раболепным партнёром Священного союза, этого таинственного объединения, о значении и цели которого я не могу догадаться и которое не может принести ни пользы,

* Лорд Каслри фактически имел наглость сделать это заявление, почти теми же словами, что и приведённые выше, во время дебатов в парламенте по вопросу конституции Бадена и Баварии.

** Мне рассказали, что уже после моего отъезда со Святой Елены император, прочитав о жалобах населения Ионических островов и с возмущением перечислив поступки союзных держав, которые под шумок разглагольствований о нравственности, справедливости и независимости боролись друг с другом, захватывая для себя остатки великой империи и расчленяя территории с населением, насчитывающим миллионы людей, сказал: «И эти наглые и лицемерные люди позволяют себе, перед лицом всего мира, заявлять, что я был эгоистичным, вероломным и деспотичным?!»

ни преимущества. Может ли он быть направлен против турок? Тогда англичане должны будут выступить против него. Может ли он ставить перед собой цель установления всеобщего мира? Но такая цель — химера, ею не одурачишь дипломатов. Союзы могут формироваться только с целью создания оппозиции и равновесия сил. Поэтому я не могу понять этот Священный Союз, за исключением того варианта, что его следует рассматривать в качестве лиги монархов против своих подданных; но тогда при чём тут Каслри? Если это так, то разве он однажды не заплатит за своё поведение?

Как-то лорд Каслри буквальным образом оказался в моих руках, — заявил император. — Он плёл свои интриги на переговорах в Шатильоне, когда, во время успешного проведения молниеносных манёвров, наши войска оказались позади места заседания конгресса, которое, в результате, было окружено. Премьер-министр Англии присутствовал на заседании в качестве неофициального лица, и на него, не имевшего дипломатического паспорта, не распространялась защита законов стран — участников конгресса.

Каслри был осведомлён о затруднительном положении, в котором он оказался, и проявил крайнее беспокойство, обнаружив, что находится в моей власти. Я уведомил его, что ему не следует волноваться, — он совершенно свободен. Я сделал это ради самого себя, но не ради него, ибо, конечно, у меня не было причины ждать от него чего-либо хорошего. Однако некоторое время спустя он проявил свою благодарность довольно странным образом. Когда он увидел, что я остановил выбор на острове Эльба в качестве моей будущей резиденции, он стал добиваться, чтобы мне предложили для убежища Англию, и призвал на помощь всё своё красноречие и ловкость, чтобы уговорить меня сделать выбор в пользу этой страны как места моего проживания. Теперь же, однако, я могу справедливо относиться с подозрением к предложению Каслри: несомненно, он уже тогда обдумывал то ужасное обращение со мной, которое он осуществляет сейчас!

Для Англии было несчастьем, что её премьер-министр лично общался с континентальными монархами, — это нарушение духа британской конституции. Поначалу англичане были крайне польщены тем фактом, что их представитель диктует законы Европе, но теперь у них появилось немало причин сожалеть об этом, поскольку результат его деятельности лишь увеличил беспорядок, деградацию и убытки.

Несомненно, что Каслри мог получить всё; он же, наоборот, пожертвовал всем из-за своей слепоты, неспособности и вероломства. Заседая на банкете монархов, он стеснялся диктовать условия мирного договора как купец, — он хотел великодушно вести переговоры

как лорд. Таким образом он удовлетворил собственное тщеславие и, можно предположить, ничего не потерял с точки зрения своих интересов; пострадала лишь его страна, и она ещё долго будет продолжать страдать.

Континентальным монархам, по всей вероятности, также пришлось сожалеть, что они разрешили своим премьер-министрам вступать в личные контакты между собой. В результате премьеры создали в своём кругу некое подобие вторичной верховной власти, которую они взаимно гарантировали друг другу; и есть все основания предполагать, что эти встречи премьер-министров сопровождались субсидиями, предоставляемыми с ведома их монархов. Эту сделку можно осуществлять очень легко: расходуя секретные служебные деньги, надо просто небрежно упомянуть, что некто на континенте был очень полезен, что этот человек может быть по-прежнему столь же полезен и поэтому нужно выразить ему признательность за его услуги. Этот человек, со своей стороны, может доложить своему правительству, что некто за границей предоставил важные услуги и даже действовал вопреки своим интересам и что, соответственно, о нём не надо забывать. Вполне вероятно, что именно подобные сделки заставили одну известную персону воскликнуть в Вене в минуту раздражения: «Он вынуждает меня быть крайне бдительным!» Несомненно, эти позорные махинации в один прекрасный день выйдут на свет Божий. Мы тогда увидим, какие громадные суммы были безрассудно растрачены».

Я впервые слышал, как Наполеон говорил с такой горячностью и горечью о тех лицах, на которых он мог жаловаться по личным причинам; он несколько минут хранил молчание. Затем продолжал: «Лорд Каслри оказался достаточно ловким, чтобы полностью положить на лорда Веллингтона (чьё имя император только что обнаружил среди членов английского кабинета министров). Веллингтон стал его креатурой! Возможно ли такое, чтобы современный Мальборо присоединился к свите некоего Каслри и сочетал свои победы с позором политического шарлатана? Это непостижимо! Как Веллингтон допустил такое? Разве его мышление не поднялось до уровня его военных успехов?»

Я уже отмечал, что император не любит говорить о Веллингтоне. Казалось, что он тщательно избегает высказывать своё мнение о нём, явно чувствуя неуместность публичной недооценки генерала, который одержал над ним победу. В данном случае он, однако, уступил откровенному и полному выражению своих чувств. Осознание унижений, которые накопились в его душе, казалось, в ту минуту, помимо его воли, полностью овладело его разумом. Хотя он обычно сохранял спокойствие и невозмутимость в отношении тех, кто наносил ему наибольшие обиды, император сейчас проявлял такую

степень горячности, которую я раньше никогда не наблюдал за ним. Его жесты, выражение его лица, тон его голоса — всё свидетельствовало о крайнем возмущении. Я слушал его с удивлением.

«Мне говорили, — заявил он, — что тем, что я нахожусь здесь, я обязан Веллингтону, и я верю этому*. Подобное поведение вполне достойно его, который, вопреки торжественной церемонии капитуляции, допустил, чтобы Ней погиб. Ней, с которым он так часто сражался на поле битвы! Что касается меня, то совершенно точно: я доставил ему пятнадцать ужасных минут. Такие минуты обычно приносят огромные испытания благородным умам, его же ум был неспособен почувствовать их. Моё падение и уготованная мне участь дали ему возможность заслужить гораздо бóльшую славу, чем та, которую он завоевал всеми своими победами. Но он не понял этого. Ну что ж, во всяком случае, ему следует быть от всего сердца благодарным старику Блюхеру: если бы не он, то я не знаю, где бы сегодня находилась *его светлость*; но я знаю, что я, по крайней мере, не находился бы на острове Святой Елены. Войска Веллингтона были превосходными, но его планы — просто жалкими, или, хочется сказать, у него вообще не было никаких планов. Он загнал себя в такое положение, в котором никакого плана создать было невозможно; и, благодаря курьёзному случаю, именно это обстоятельство и спасло его. Если бы он мог начать отступление, он бы неизбежно погиб. Он, конечно, оставался хозяином на поле сражения, но разве его успех был результатом его мастерства? Он пожинал плоды блестящей победы, но разве её подготовил его гений? Его слава полностью негативна. Его ошибки были огромны. Он, европейский генералиссимус, которому было вверено так много судеб, который имел перед собой столь быстрого на решения и дерзкого врага, как я, разбросал свои силы по разным местам и улёгся спать в столице Бельгии, пока его не подняли с постели по тревоге. И, тем не менее, такова сила рока! В течение трёх дней я трижды видел, как судьба Франции и Европы ускользает из моих рук.

Во-первых, из-за измены генерала, который дезертировал из наших рядов и передал врагу все наши планы: я собирался разбросать в разные стороны отдельные группировки войск врага и уничтожить их ещё до того, как они соберутся вместе в корпуса.

Затем, если бы не странная нерешительность Нея в сражении при Катр-Бра, я бы уничтожил всю английскую армию.

Наконец, необычные манёвры Груши на моём правом фланге вместо того чтобы обеспечить мне победу, завершили мою гибель и низвергли Францию в пропасть.

* Эта мысль вновь встречается в последних строках, написанных Наполеоном перед смертью.

Веллингтон обладал только одним особым видом таланта, — продолжал император, — так же как и Бертье! Веллингтон в своём таланте превзошёл самого себя. Но он был лишён изобретательности; судьба сделала для него больше, чем он сделал для неё. Насколько же он отличался от Мальборо, которого он, видимо, считал равным себе и своим соперником! Мальборо выигрывал сражения, руководил кабинетами министров и вёл за собой государственных деятелей; что же касается Веллингтона, то он только проявил себя способным следовать мнениям и планам Каслри. Госпожа де Сталь говорила о нём, что когда он находится вне поля сражения, то его голова способна обдумывать только одну мысль за раз. Салоны Парижа, известные своим тактом и утончённым вкусом, сразу же признали правоту слов де Сталь, и полномочный представитель Франции в Вене подтвердил это мнение. Победы Веллингтона, их результат и их влияние приобретают всё большее значение в истории, но его имя померкнет ещё при его жизни».

Говоря о министрах в целом, об их интригах, о больших и мелких страстях, которые правят ими, император сказал: «В конце концов, все они представляют собой скопище больных, заражённых чумой. Ни один из них не в состоянии избежать заразы. Человек может быть честным, когда он только входит в состав кабинета министров, но редко случается так, чтобы он уходил в отставку, не утратив своей чистоты. Возможно, есть только два исключения: мой кабинет министров, так как мои министры были всего лишь людьми дела, и я один отвечал за всё, и правительство Соединённых Штатов, потому что в нём министры обладают общественным доверием, и поэтому им всегда свойственны справедливость и непреклонность».

Император закончил свои высказывания следующими знаменательными словами: «Полагаю, что ни один монарх никогда не будет окружён более верными слугами, чем я в конце моего правления. И если я не получал должного доверия за сделанный мною выбор, то это потому, что французы слишком подвержены постоянному брюзжанию».

Затем император дал характеристики своим главным министрам, подсчитывая их на пальцах руки. «Мои два высокопоставленных министра Камбасерес и Лебрен, — сказал он, — были выдающимися людьми, своими характерами и знаниями они полностью соответствовали занимаемым ими должностям. Бассано и Коленкур — эти двое отличались особенной честностью и высокой нравственностью. Моле, чьё имя делает честь французской магистратуре, вероятно, суждено сыграть особую роль в будущих кабинетах министров. Монталиве был честным человеком; Декре был чистосердечен и скрупулёзен; Годен отличался твёрдостью и отличной организацией своего труда;

Мольен обладал большой ясностью изложения предмета и быстротой исполнения заданий; и все члены моего Государственного совета были рассудительны и усердны! Все эти имена останутся неразрывно связанными с моим именем. Какая страна, какой век когда-либо представляли лучше составленный и более нравственный кабинет министров? Счастлива та страна, которая обладает такими орудиями власти и знает, как использовать их в своих интересах! Хотя я не привык хвалить и мои суждения обычно отрицательны, я высоко ценю тех, кто служил мне и имеет право на мою вечную благодарность. Их число огромно, и наиболее скромные из них в неменьшей степени заслуживают поощрения. Я не стану пытаться поимённо называть их, поскольку многие будут жаловаться на то, что они забыты, а подобная забывчивость может показаться неблагодарностью с моей стороны!»

**Генералы в Итальянской кампании — Наполеон был
приёмным отцом одного из своих адъютантов —
Неприязнь Наполеона к азартным играм —
Семья Ларошфуко**

17 ноября 1816 года

Император болен и в течение дня никого не видел. Вечером он вызвал меня. Я выказал большую озабоченность по поводу состояния его здоровья, но он заверил меня, что его гораздо больше беспокоит депрессия, чем физическое недомогание. Он стал обсуждать различные вопросы, и это, судя по всему, несколько улучшило его настроение.

Император вновь заговорил о генералах французской армии, принимавших участие в Итальянской кампании, и рассказал о них немало историй. Он говорил об эгоизме одного, о надуманных претензиях другого, о глупости третьего, о мародёрстве одних, о хороших качествах других и о важной работе, проделанной всеми.

Император подробно остановился на истории одного из них — того, к кому он испытывал сильную привязанность, — его измена оказалась для него большой душевной раной²¹. Исходя из того, что он знал о своём подчинённом, император был уверен, что тот временами глубоко страдает от угрызений совести. «Никогда, — заявил император, — измена не была более роковой и столь явной. Её история опубликована в газете “Монитор”, причём статья эта написана собственной рукой изменника. Это была непосредственная причина наших катастроф, могила нашей мощи, тень на нашей славе.

И тем не менее, — продолжал император с нежностью в голосе, — я уверен, что его чувства выше его репутации, а его душа выше его поведения. Очевидно, что он сам сознаёт это. Газеты сообщают нам, что, безуспешно ходатайствуя о прощении Лавалетта, он горячо воскликнул в ответ на возражения монарха: *Сир, разве я не отдал вам всю свою жизнь и даже больше?!* Это верно, что нас предавали и другие, — заметил император, — причём ещё более подлым образом, но ни разу отступничество не было так полно подтверждено официальными документами».

Император затем рассказал, что в молодости он сыграл роль приёмного отца вышеупомянутого генерала, который не смог поступить в королевский артиллерийский корпус и был вынужден служить в провинциальном полку. «Он был, — сказал император, — племянником одного из моих товарищей в школе в Бриенне и в полку Ла Фера, и когда этот товарищ эмигрировал из Франции, то попросил меня проявить заботу о его молодом родственнике. Это обстоятельство возложило на меня обязанность играть роли его дяди и его отца, что я и делал. Я проявил искренний интерес к его делам и получал удовольствие от того, что способствовал его судьбе. Его отец был рыцарем ордена Св. Людовика, владельцем нескольких чугунолитейных фабрик в Бургундии и человеком, обладавшим большим состоянием».

Наполеон рассказал, как в 1794 году, возвращаясь из армии в Ницце в Париж, он посетил замок отца молодого человека, где он был великолепно принят, так как сам уже стал в определённой степени известным человеком. Отец, судя по рассказам сына, был абсолютным скрягой. Однако он решил оказать пышный приём гостю, который был так добр к его сыну. Приём отличался хвастовством и расточительством, которые так обожают проявлять скряги. Дело происходило в июле или в августе, но хозяин распорядился затопить каминные печи во всех комнатах. «Это, — заявил император, — был сюжет для Мольера».

Говоря о нравах Парижа и его огромного населения, император указал на многочисленные пороки, которые, как он заметил, должны неизбежно процветать во всех крупных столицах, где развращённость всякого рода постоянно питается нуждой, страстью и безграничными возможностями, которые предоставляет городская суета.

Император сказал, что стремился, насколько это позволяли обстоятельства, пресекать на корню многие источники безнравственности, но в некоторых случаях ему не хватало мужества входить в детали. Например, он запретил тайные азартные игры и даже имел в виду запрещение деятельности игорных домов. Я рассказал императору, что полиция запретила нам играть даже в тесном кругу близких

знакомых в одном из самых фешенебельных домов Сен-Жерменского предместья. Император ответил, что он не имел никакого представления о таком произволе, я заверил его, что это запрещение исходило от Фуше, действовавшего от имени самого императора. «Может быть, — сказал император, — но я ничего не знал об этом; так же обстояло дело со многими аспектами работы высшего, среднего и низшего эшелонов полиции».

Затем он поинтересовался той карточной игрой, о которой я только что говорил, и, обратив внимание, что в моих ответах я всегда использую местоимение *мы*, прервал меня, спросив: «Вы сами участвовали в игре? Вы были картёжником?» — «Увы, сир, к сожалению, да, я им был. Правда, с большими перерывами. Но по-прежнему, когда я играю, азарт захватывает меня до крайности». — «Очень рад, что ничего не знал об этом в своё время, — заявил император. — В противном случае я бы потерял к вам всё уважение. Этот пример показывает, как мало мы знаем друг друга; он также доказывает, что вы не нажили себе много врагов: в моём окружении всегда были так называемые доброжелатели, которые бы постарались донести мне о вашей слабости. Моё предубеждение против азартных карточных игр было хорошо известно, и картёжник обязательно потерял бы моё доверие. У меня не было времени выяснять, прав я или нет. Но всякий раз, когда я слышал, что человек имеет склонность к карточной игре, я более не доверял ему».

Упоминание Сен-Жерменского предместья вызвало в памяти много известных имён жителей столицы. Император заговорил о различных членах семьи Ларошфуко. Он упомянул фрейлину императрицы Жозефины, её мужа, который был послом в Вене и в Голландии, её брата, члена Законодательного собрания, их отца, господина де Лианкура, которого он весьма уважал, и, наконец, дочь, которую он выдал замуж за принца Альдобрандини, брата принца Боргезе. Император повторил, что он как-то обдумывал идею сделать её женой Фердинанда VII. Он также упомянул ещё одного человека по имени Ларошфуко, который умер в тюрьме в начале его правления, и спросил меня, какое отношение тот имел к семье Ларошфуко. Я ничего не мог сообщить по этому поводу, так как не знал ни этого человека, ни тех обстоятельств, о которых рассказал император.

«Он был, — пояснил Наполеон, — творцом заговора против меня, о котором я никогда не говорил вам; просто это дело всплыло в моей памяти. Этот Ларошфуко организовал в Париже от имени короля, обитавшего тогда в Митаве, заговор, первым ударом которого должна была быть смерть главы правительства. Одному человеку стало известно об этом деле, и секретный агент полиции сумел войти в состав заговорщиков и стать одним из самых активных членов

заговора. Он получил письменные полномочия в замке в Лоррене от одного пожилого господина, который занимал высокий пост в армии Конде и не вернулся во Францию во время амнистии, объявленной Первым консулом. Этот господин, который, следует отдать ему должное, был весьма достойным человеком, был уполномочен выдавать аккредитации членам заговора и обеспечивать их необходимыми документами для того, чтобы получать доступ к Людовику XVIII в Митаве. Он проявил явную антипатию к заговору: он говорил, что теперь уже слишком поздно думать о подобных мероприятиях, поскольку Франция начинает привыкать к отдыху. Он торжественно заявил о своём неодобрении любого насилия по отношению к Первому консулу, которого он теперь считал какой-то священной личностью. После нескольких бесед с Людовиком XVIII в Митаве полицейский агент вернулся в Париж с полной информацией обо всём этом деле, и Ларошфуко, и других участников заговора арестовали. Если бы они только знали, кто раскрыл их заговор! Ларошфуко завершил свои дни в тюрьме после долгого заключения в ней».

**Понятовский, истинный король Польши —
Знаменательные истории,
связанные с личностью Наполеона**

18 — 19 ноября 1816 года

Разговор, инициатором которого был Наполеон, коснулся Польши. Мы говорили о лицах, которым, казалось, было суждено взойти на трон этой страны; каждый из нас делал свои предположения на этот счёт. Император некоторое время хранил молчание и, в конце концов прервав нас, заявил: «Понятовский был истинным королём Польши. Он обладал всеми качествами, необходимыми для этого высокого поста». Больше он ничего не сказал.

В другой раз император рассмеялся, узнав о тех усилиях, которые предпринимались, чтобы стереть его эмблемы и девизы с общественных памятников, воздвигнутых по его указанию. «Они могут быть удалены, — заявил он, — чтобы их не видели люди, но их нельзя стереть со страниц истории и из памяти знатоков и художников. Я поступал иначе, — добавил он. — Я уважал всё, что было связано с королевской властью, которая существовала до моего правления. Я даже восстанавливал геральдическую лилию и другие королевские эмблемы, когда этого требовала хронологическая точность».

Человек, присутствующий при разговоре, отметил, что принц Люсьен проявил точно такие же чувства. После возвращения императора в 1815 году в качестве места резиденции принца Люсьена был выбран Пале-Рояль. Спускаясь по дворцовой лестнице, принц обратил внимание на геральдические лилии на гобеленах, висевших на стенах. Принц спросил офицера, сопровождавшего его: «Эти гобелены, наверное, снимут со стен?» — «Почему, монсеньор?» — «Потому что это эмблемы врага». — «Но, монсеньор, почему бы не оставить их в качестве наших трофеев?» — «Вы правы, — ответил принц, — на самом деле именно так я и думал».

Сегодня из разговора с императором я смог извлечь очень мало, поэтому я заполню пустоты тем, что вставлю в дневник некоторые истории, которые я обнаружил в написанных наспех листках, содержащих подробности, которые я забыл поместить в надлежащем месте, и разные воспоминания, пришедшие мне в голову. Я также затрагивал там те деликатные вопросы, которые, в нашем положении пленных, обязывали меня писать о них с осторожностью и оглядкой.

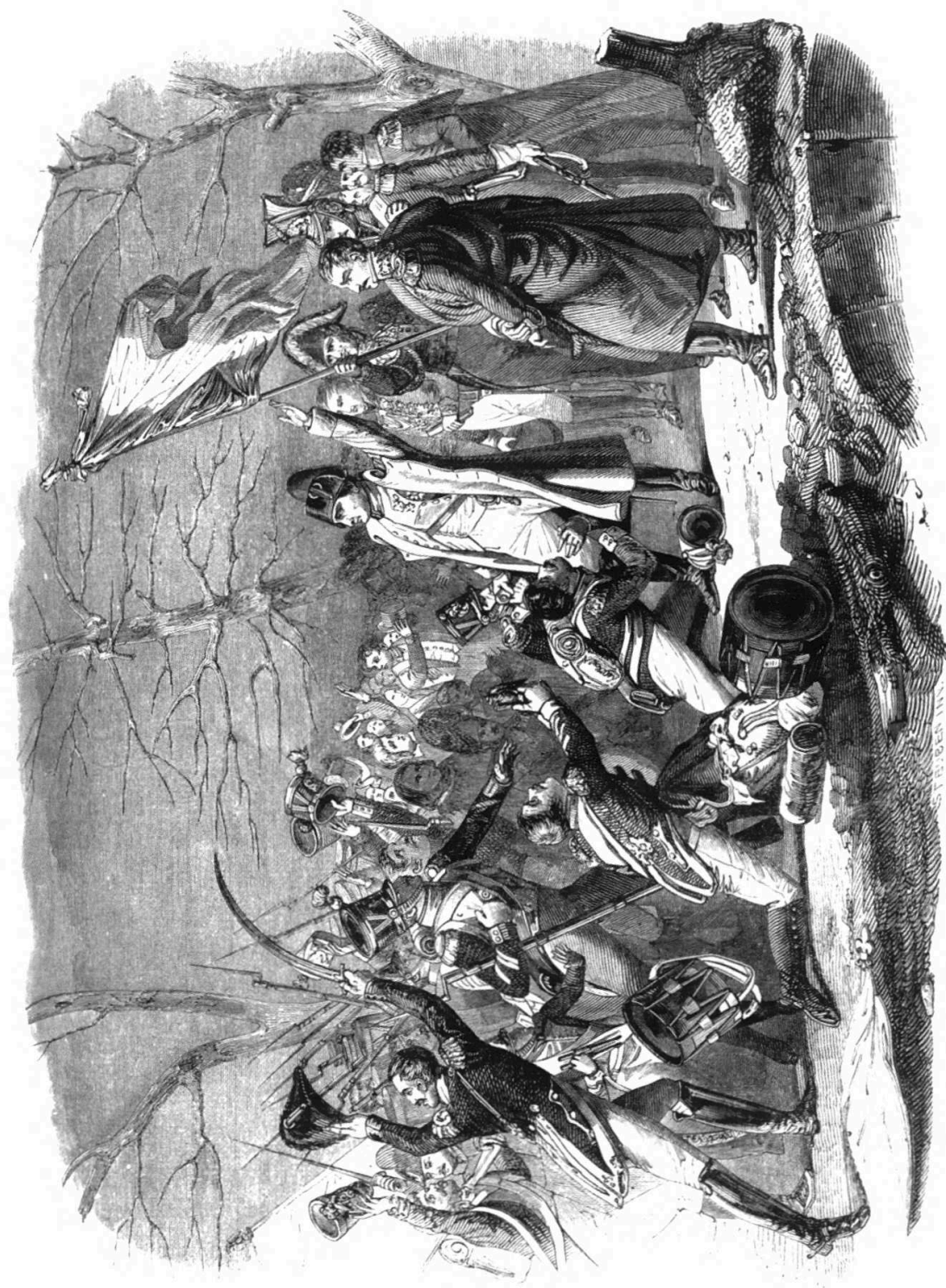
Многие из этих листков не связаны между собой, но все они имеют прямое отношение к цели данной работы независимо от того, стремятся ли они опровергнуть лживые сведения о Наполеоне или, наоборот, показывают истинные черты его характера. Так пусть же чтение этого дневника побудит тех, кто был рядом с императором, тоже записать всё то, что они знают или слышали о нём!

Много говорилось о чрезмерной строгости императора и о том, что он применял физическую силу в отношении тех, кто непосредственно обслуживал его. Однако теперь признаётся, что все, кто служили ему, обожали его именно за доброту его сердца и манер. После моего возвращения в Европу некий высокопоставленный человек, одного имени которого было достаточно, чтобы внушить доверие, и чьи высокие обязанности заставляли его постоянно находиться около особы императора во дворце и во время зарубежных поездок, уверял меня, что ему никогда в жизни не приходилось слышать, чтобы Наполеон ударил слугу, — за исключением одного случая. Это произошло, когда один из его конюхов, при отступлении от крепости Сен-Жан д'Акр, отказался отдать свою лошадь для перевозки раненых, в то время как главнокомандующий французской армией отдал свою лошадь и приказал всем в его штабе поступить таким же образом. Но, в конце концов, добавил мой собеседник, легко понять, что этот поступок был подсказан скорее благоразумием, чем природной строгостью характера: вся эта сцена произошла в присутствии упавших духом войск, и нужно было продемонстрировать сочувствие к их состоянию.

Бытовало общее мнение, что Наполеон был так же необщителен со своими придворными, как с обслуживающим его персоналом, и что ему всегда было некогда сказать им что-нибудь лестное или приятное. Среди множества фактов, которые можно привести для опровержения этого утверждения, я упомяну тот, которому сам был свидетелем. Вернувшись после драматического сражения при Лейпциге, император принял приближённых своего императорского двора в необычный час и предстал перед нами в несколько меланхолическом настроении. Подойдя к человеку, стоявшему рядом со мной (кажется, это был господин де Бово), чей сын, совсем ещё юноша, участвовал в сражении при Лейпциге в составе гвардии или какого-то другого корпуса, Наполеон сказал: «Поведение вашего сына было превосходным. Он сделал своё имя достойным уважения. Он был ранен, но что из этого? Теперь он может гордиться, что ещё в юном возрасте пролил свою кровь за родину».

В те же дни, на одном из своих утренних приёмов во дворце, император отдал несколько приказов генералу Жерару и закончил свои распоряжения несколькими словами, явно добрыми, но сказанными в довольно туманной форме. Сделав несколько шагов, продолжая обход, вернулся обратно к генералу Жерару, очевидно, догадавшись по выражению его лица, что тот не совсем его понял, и на этот раз отчётливо произнёс: «Я сказал, что если бы у меня было много таких, как вы, то все мои потери были бы восстановлены и я бы считал себя хозяином судьбы».

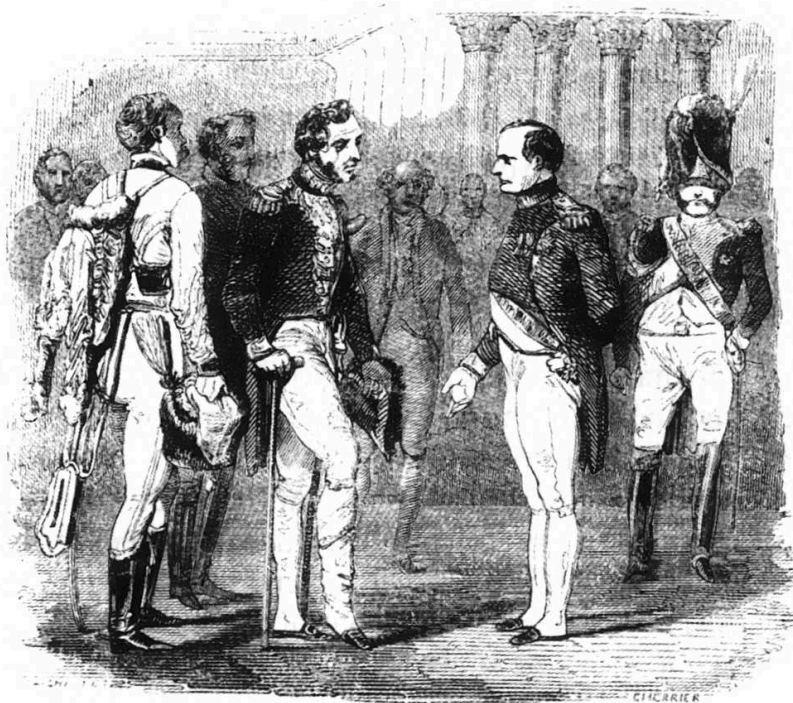
В то время я имел возможность быть свидетелем власти, которую император имел над человеческим разумом, и почитания, с которым к нему относились. Один генерал, имени которого я не знал и который получил серьёзное ранение в ногу, присутствовал на утреннем приёме императора. Наполеону сообщили, что было признано абсолютно необходимым ампутировать генералу ногу, но этот несчастный упорно отказывался дать своё согласие на операцию. «Почему вы отказываетесь от операции, которая сохранит вам жизнь? — спросил Наполеон. — Ваш отказ от неё не может быть результатом отсутствия у вас мужества, ведь вам так часто приходилось встречаться с опасностью на поле битвы! Тогда, может, вы просто презираете жизнь? Но разве сердце не подсказывает вам, что даже без ноги вы можете быть полезным родине и оказывать ей выдающиеся услуги?» Генерал хранил молчание; его лицо выражало спокойствие, безмятежность и по-прежнему упорный отказ от операции. Явно огорчённый его упорством, император с сожалением отошёл от генерала к другой группе лиц, когда генерал, очевидно, принявший внезапное решение, обратился к императору: «Сир, если Ваше

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОСТРОВА ЭЛЬБА

Величество приказывает мне согласиться на операцию, то я готов на неё». — «Мой дорогой, — ответил император, — я не властен отдавать подобные приказы. Я хотел убедить вас сделать операцию, но Небеса запрещают мне приказывать такие вещи!» Мне потом рассказывали, что, покинув дворец, генерал согласился на операцию.

Император по возвращении с Эльбы появился в Тюильри очень поздно вечером. Его утренний приём на следующий день, как и следовало предполагать, был чрезвычайно многочисленным. Когда парадные двери распахнулись и он предстал перед нами, то мне было бы трудно описать охватившие меня мысли и чувства. Император казался совсем не изменившимся, словно он никогда не покидал дворца, а последний утренний приём проводил только вчера; его лицо, осанка, одежда, манеры — всё оставалось неизменным. Я был необыкновенно взволнован, и, думаю, мои чувства разделяли все

присутствующие. Эмоции оказались сильнее правил этикета, и все бросились навстречу императору. Он сам был явно тронут и обнял некоторых. Затем, как обычно, он приступил к обходу. Его голос был мягким, лицо выражало безмятежность, и его манеры были очень любезными; с каждым он разговаривал приветливо. «Как! — воскликнул император, обращаясь к одному из нас. — Надо же, сам генерал-майор Белой армии находится в двух шагах от меня!» Некоторые присутствовавшие на приёме явно были в состоянии лёгкого

замешательства под впечатлением происходящего на их глазах; что же касается Наполеона, то он выглядел так, словно ничего экстраординарного не случилось. Он не забыл, что в Фонтенбло он освободил всех от клятвы верности императору.

Следующие истории доказывают правильность суждений императора и хладнокровие его характера. Они также демонстрируют, что, когда он находился на вершине власти, выдержка и беспристрастность никогда ему не изменяли даже в вопросах, касавшихся непосредственно его личных дел, и в решении проблем, которые, как можно предположить, были для него весьма деликатны и чувствительны.

Когда Моро арестовали по обвинению в участии в деле Жоржа и Пишегрю, один из адъютантов Первого консула, который раньше был адъютантом Моро или служил под его началом, навестил последнего в тюрьме и проявил по отношению к нему немалую заботу. «Это вполне естественно, — заявил Наполеон, узнав об этом факте. — Я, конечно, не могу осуждать такое поведение, но я должен назначить другого адъютанта. Должность адъютанта абсолютно конфиденциальна; нельзя допускать раздвоения симпатий в таком деле». Наполеон отдал один из полков под командование этого адъютанта (то был полковник Лансе), и тот погиб в одной из стычек с противником, незадолго до капитуляции Ульма.

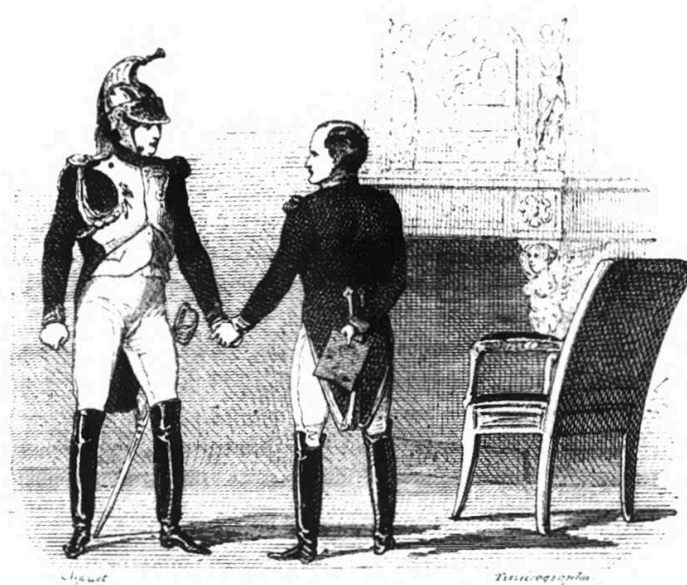
Примерно тогда же префект Льежа, отличавшийся административными способностями и прекрасным характером, был неожиданно вызван в Париж; он поспешил туда в ожидании доказательств высокой оценки своей деятельности, вполне заслуженной, как он верил. Однако он был приглашён в Верховный суд ещё до того, как он должен был явиться к Первому консулу; и неожиданно оказался на официальном допросе по поводу одного письма, которое ему показали. Сначала префект не мог отказаться от своей подписи в письме, настолько аккуратно она была подделана, но он решительно отрицал содержание письма: оно оправдывало Моро и было наполнено проклятиями в адрес Первого консула. Вся затея с этим письмом оказалась подлым заговором, который замыслил один высокопоставленный чиновник, личный враг префекта, чтобы погубить последнего. Префект доказал, что ему ничего не известно о письме, авторство которого ему приписывалось, и добился приёма у Первого консула. Наполеон оказал префекту особое внимание и, когда последний откланивался, сказал ему: «Возвращайтесь и вновь приступайте к своим обязанностям. Вы хорошо знаете, как их следует

выполнять. Вы заслужили моё самое глубокое уважение, и пусть публичное признание вашего безукоризненного поведения станет утешением вам за те горькие чувства, которые могли вызвать у вас клевета и ложь».

Следующий эпизод подтвердит, что Наполеон не был склонен второпях пресекать проявление некоторой независимости, даже если она была в какой-то мере неразумной.

Господин де Монталиве, занимавший пост министра внутренних дел во времена Империи, рассказал мне, что, однажды оставшись наедине с императором после заседания Совета министров, он поделился с ним возникшей у него проблемой личного характера: «Сир, не без некоторого колебания я осмеливаюсь сообщить Вашему Величеству об одном обстоятельстве, которое явно выглядит чрезвычайно нелепым. Один префект, молодой аудитор, упрямо продолжает уклоняться от обращения ко мне так, как это полагается по отношению к министрам. Несколько чиновников моего министерства заметили, что он никогда в разговоре обо мне не употребляет слово “монсеньор”, и, посчитав это капризом, потребовали от него соблюдать принятую форму титулования министра, но он категорически отказался. Мне крайне неловко, что возникла эта проблема, но теперь дело зашло так далеко, что я не могу оставаться к нему безразличным». Сначала император едва мог поверить подобному упрямству и безрассудству, проявленным со стороны префекта. Затем, после небольшой паузы, он, улыбаясь, сказал Монталиве: «Но, в конце концов, подобное обращение не декретируется сводом законов. Этот молодой человек, вероятно, неплохой работник, но ещё не совсем зрелый, и его упрямство следует подавить. Потребуйте, чтобы его отец явился ко мне; несомненно, молодой человек не посмеет ослушаться его приказов». Какое деликатное и высоконравственное чувство!

Вечером 20 марта, как только император прибыл в Тюильри, перед ним предстал капитан драгун Дж.Д. Он доставил сообщение о капитуляции Венсенна, который только что был взят благодаря исключительному мужеству и искусству. Наполеон поначалу с радостью воспринимал сообщаемые ему подробности капитуляции, но, удивлённый высокопарной манерой, с которой они пылко излагались курьером, и внезапно вспомнив о судьбе губернатора Пюивера в Венсенне, он воскликнул: «Но, сударь, вы ничего не сказали о губернаторе, что же случилось с ним?» — «Сир, — ответил офицер уже более спокойно, — его снабдили паспортом и с эскортом отправили из Парижа». После этих слов Наполеон сделал шаг навстречу

офицеру и, пожав его руку, с лицом, выражавшим беспокойство по поводу эмоционального состояния курьера, сказал: «Теперь я удовлетворён; вы поступили хорошо, очень хорошо!»

В течение своей военной карьеры Наполеон провёл шестьдесят сражений, Цезарь — только пятьдесят.

Однажды в присутствии Наполеона был задан вопрос: как это получается, что несчастья, последствия которых ещё пока не совсем ясны, часто мучительнее, чем бедствия, от которых мы уже страдаем. «Это происходит оттого, — пояснил император, — что в нашем воображении сила неизвестного беспредельна».

Поручив кому-либо важное задание или набросав план очередного великого предприятия, император обычно говорил: «Вперёд, сударь! И поспешите, — не забывайте, что мир был создан за шесть дней».

Как-то раз император сказал: «Просите меня о чём угодно, за исключением времени: это единственная вещь, которая мне неподвластна».

В другом случае Наполеон поручил одному человеку выполнить важное задание, которое, как он ожидал, следовало закончить к концу дня. Однако оно было выполнено только через сутки. Император выразил своё явное неудовольствие, и человек, которому было поручено это дело, оправдывался тем, что он работал весь день. «Но разве в вашем распоряжении не было целой ночи?» — в ответ задал ему вопрос Наполеон.

Император уделял особое внимание улучшению работы рынков и созданию новых. Он обычно говорил: «Рыночная площадь — Лувр для простых людей».

Равенству в правах Наполеон придавал особое значение. Вообще понятие равенства неразрывно связано с его личностью. «Я не правил страной в течение всей своей жизни, — обычно говорил он. — Прежде чем я стал монархом, я был простым подданным; и я никогда не забуду, как сильно идея равенства влияла на мой разум и волновала сердце».

Когда однажды император поручал одному из государственных советников набросать какое-то постановление, он сказал: «Позвольте мне обязать вас уважать свободу, но ещё больше — равенство. Свободу можно в крайнем случае ограничить, — обстоятельства могут потребовать и оправдать подобный шаг, но Небеса запрещают нам посягать на равенство! Это страсть нашей эпохи, и я хочу оставаться современным человеком!»

В глазах Наполеона заслуга являлась понятием штучным, и он за неё вознаграждал одинаково: одни и те же титулы и одни и те же награды присуждались священнику, солдату, художнику, философу и писателю. Можно сказать, что ни в одной стране и ни в какое другое время заслуга так высоко не почиталась и способности так щедро не вознаграждались. В этих вопросах убеждения императора не знали границ. Я уже упоминал, как он однажды заявил: «Если бы Корнель жил в моё время, я бы сделал его князем».

Во время ссылки на острове Святой Елены император сказал: «Природа, видимо, создала меня для жестоких поражений; мой разум высечен из мрамора. Вспышка молнии не оставляет на нём следа, удар скользит по нему».

В другой раз, когда на острове у нас возросло количество неприятностей, один из членов свиты Наполеона воскликнул: «Сир, эти неприятности должны только усилить вашу ненависть к англичанам». В ответ император, пожав плечами, сказал тоном, в котором слышались усмешка и некоторая презрительность: «До чего же вы предубеждённый человек! Правильнее сказать, что эти неприятности могут усилить мою ненависть к тому или другому англичанину. Но, поскольку мы затронули эту тему, позвольте заметить, что человек, действительно обладающий гуманными чувствами, никогда не станет таить ненависть. Его гнев или дурное настроение никогда не

выходят за рамки минутного раздражения. Тот, кто создан для высокой должности и огромной власти, обращает внимание не на отдельных личностей, а на проблемы, их вес и их последствия».

Как-то раз император заявил, что не сомневается: значение его личности будет возрастать с каждым новым веком, и будущие историки осознают необходимость мщения за несправедливость его современников. На смену одной крайности всегда приходит ей противоположная. Кроме того, он придерживался мнения, что если его личность рассматривать издалека, то она видится в более привлекательном свете, так как освобождается от многих излишних помех. В будущем о нём будут судить на основании общей оценки его личности, а не по мелким подробностям. Всё в его личности покажется гармоничным, а все частные отклонения от нормы исчезнут. Прежде всего, его будут сравнивать не с ныне существующим Наполеоном, а с тем представлением о нём, которое сложится в будущем. Император добавил, что и сейчас и в будущем можно подвергнуть каждый поступок его личной жизни самой суровой проверке, — он уверен, что самые строгие судьи не признают его виновным ни в каком преступлении.

Император однажды сказал мне, что у него созрела идея подготовить том «Дипломатической истории Наполеона» или полный сборник документов его дипломатических переговоров начиная с Кампо-Формио и вплоть до отречения. Если бы он воплотил в жизнь этот план, какое историческое сокровище он бы подарил миру!

Говоря о военном красноречии, император сказал: «Когда в разгар сражения я проезжал вдоль строя моих войск и обычно восклицал: “Солдаты, развёртывайте знамёна, наш час настал”, — то французы буквально прыгали от охватившего их чувства восторга. Казалось, что их становится больше. В такие минуты я верил, что нет ничего невозможного».

Многие его страстные речи полководца хорошо известны. А вот что рассказал мне один из тех, кто был непосредственным свидетелем события. Когда за два дня до сражения при Йене Наполеон в Лобенштейне производил смотр 2-го полка конных стрелков, он спросил командира полка: «Сколько солдат у вас здесь?» — «Пятьсот, — ответил полковник, — но среди них много молодых и неопытных». — «Какое это имеет значение, — заявил император тоном удивления, — разве не все они французы?» Затем, повернувшись к солдатам, он продолжал: «Дети мои, вы не должны бояться смерти. Когда солдаты презирают смерть, они загоняют её в ряды врага». И рукой он показал, куда следует загонять смерть. При этих словах возникшее движение в строю восторженно зашумевших солдат стало предвестником знаменательной победы, когда сорок восемь часов спустя была разгромлена прусская колонна Росбаха.

В битве при Лютцене французская армия в основном состояла из новобранцев, которые никогда не участвовали в боевых действиях. Говорят, что во время сражения Наполеон проезжал вдоль тыла

третьей шеренги пехоты, поддерживая молодых солдат. «Ничего страшного, дети мои, — говорил он, — держитесь стойко. На вас смотрит вся Франция. Покажите, что способны умереть за свою страну».

Наполеон испытывал большое уважение к немцам. «Да, я облагал их многомиллионными налогами, — говорил он, — это было необходимо, но я никогда не оскорблял их и не относился к ним с презрением. Я уважал немцев. Они могут ненавидеть меня, — это вполне естественно. Я был вынужден десять лет сражаться на полях, усеянных мёртвыми телами их соотечественников. Они не могли знать моих истинных намерений и доверять моим конечным планам, которые были рассчитаны на то, чтобы сделать Германию великой страной».

Император, сославшись на одно из своих решений, заметил: «В этом случае я ничего не мог поделать, ибо позволил себе растрогаться и уступил. Я был неправ: сердце государственного деятеля должно находиться в его голове».

Наполеон говорил, что физические возможности людей увеличиваются перед лицом возникающих перед ними опасностей и в силу необходимости. «Так, — сказал он, — бедуины в пустыне обладают острым зрением, а дикарь, живущий в джунглях, — хорошим чутьём хищного зверя».

Однажды был упомянут один человек, который хотя и отличался разумными идеями и поступками, но допускал немалые ошибки в манере поведения и в способах выражения своих мыслей. Император так объяснял это: «Видите ли, это всё результат его первоначального воспитания; его пелёнки не отличались ни хорошим качеством ткани, ни чистотой».

В разговоре об опасности, которой он подвергался, когда находился среди членов Совета пятисот 18-го брюмера, Наполеон объяснял её возникновение чисто с военной точки зрения: он был вынужден войти в зал заседаний Совета пятисот через одну из дальних дверей оранжереи и пройти вдоль всего зала. «Беда была в том, — пояснил он, — что, вместо того чтобы идти лицом к своим противникам, я был вынужден подставить им свой бок».

Когда мы упомянули одного человека, который, видимо, считал, что он мог держать нас в благоговейном страхе, прибегая к языку угроз, император сказал: «Это весьма нелепая мысль. Теперь никто ничего не боится. И ребёнок не станет бояться. Даже маленький

BATEPAOO

Эммануэль, — он указал на моего сына, — обменяется пистолетными выстрелами с любым человеком, который обидит его». Эти слова императора, вероятно, окажут влияние на всю последующую жизнь Эммануэля.

Наполеон, когда он вернулся во Францию после русской кампании, был настолько восхищён храбростью и силой духа Нея, что присвоил ему титул князя Московского. Император часто говорил: «В моём денежном сундуке есть двести миллионов, и я их все отдал бы за Нея».

Говоря о своей уверенности в конечном триумфе современных идей, император сказал: «Они не могут не победить. Посмотрите на ход событий: угнетение в наши дни приносит только вред самим угнетателям».

Как-то императору сказали, что он не любит распространяться о собственных заслугах. «Это потому, — ответил он, — что моё нравственное поведение и великодушие у меня не на устах, а в нервной системе. Мой железный кулак был напрямую связан с моей головой. Не эмоции заставляли меня пользоваться им, а только один холодный расчёт».

Во время разговора о дурном настроении и недовольстве, часто проявляемых жителями Парижа, императора спросили, что он был намерен делать после завершения всех дел. «Многие желали, чтобы вы остановили своего коня», — сказал кто-то. — «Остановить моего коня! — воскликнул Наполеон. — Легко сказать! Действительно, моя рука была достаточно сильна, чтобы мгновенно остановить всех коней континента. Но я не мог обуздать английские флотилии, а именно от них происходят все беды. Разве народ не обладает достаточным здравым смыслом, чтобы видеть это?»

Однажды, упрекая одного из членов своего окружения за то, что тот не исправляет известные ему недостатки своего характера, император сказал: «Сударь, если человек знает о своих нравственных слабостях, то он может излечить своё состояние духа точно так же, как он излечил бы свою руку или ногу».

Император, говоря о знати, которую он создал, сожалел, что в этом вопросе его так плохо понимали. Её создание, заявил он, являлось одной из самых грандиозных и счастливых идей. Он имел в виду достижение трёх наиважнейших целей: во-первых, примирение Франции с Европой и восстановление гармонии, благодаря явной

адаптации Францией к европейским обычаям, во-вторых, достижение полного примирения и союза между старой и новой Францией, и, в-третьих, изгнание феодальной аристократии, единственного сословия, которое агрессивно, деспотично и неестественно. «Благодаря моему плану, — заявил император, — я вскоре добился бы, чтобы отжившие и мерзкие предрассудки уступили место позитивным и заслуживающим поощрения качествам. Мои национальные титулы как раз восстанавливали равенство, которое осудила феодальная аристократия; эти титулы давались в качестве награды за заслуги самого разного рода. Генеалогические пергаментные рукописи я заменил благородными поступками, а личные интересы — интересами страны. Семейная гордость более не была бы основана на неясных и мнимых обстоятельствах, она опиралась бы на самые благородные страницы нашей истории. Наконец, я запретил бы нелепые претензии крови и саму ту абсурдную теорию, которая не имела реального подтверждения, ибо все мы очень хорошо знаем, что у людей есть только одна раса, и не бывает, что один человек рождён с сапогами на ногах, а другой — с выючным седлом на спине.

Всему правящему классу Европы мой план понравился. Они единодушно приветствовали его, ибо новизна его ещё более утверждала их исключительность; и, тем не менее, мой план подорвал бы их основу и, вне всяких сомнений, уничтожил бы саму эту знать. Почему же эта идея, которой я обеспечил победу, во многом отвечала целям её противников? Но мне приходилось не раз претерпевать подобную неудачу».

О трудностях, которые преподносит история — Жорж, Пишегрю, Моро, герцог Энгийенский

20 ноября 1816 года

«Следует признать, мой дорогой Лас-Каз, — сказал мне сегодня император, — что чрезвычайно трудно добывать точные факты, необходимые в интересах истории. К счастью, этот вопрос чаще имеет характер скорее простого любопытства, чем действительной важности. Существует так много различных видов истины! Например, правда, которую сообщит Фуше или другой интриган его сорта, и даже та правда, которую могут сказать многие весьма честные люди, в некоторых случаях будет существенным образом отличаться от той правды, которую могу рассказать я. Столь востребованная историческая правда, которой все так страстно жаждут, слишком часто оказывается всего лишь пустым словом. Во время происходящих событий, в самый разгар конфликта страстей историческая правда

существовать не может; и если позже все противоборствующие стороны соглашаются уважать историческую правду, то это случается потому, что лиц, которые могли бы возразить тому, что утверждалось, более уже не существует.

Что же тогда вообще представляет собой правда истории? Всего лишь выдумку и басню, как это было весьма остроумно замечено. Причём в этом вопросе есть две стороны, весьма отличные друг от друга: явные факты и моральные намерения. Что касается фактов, то предполагается, что они неоспоримы; однако вы не обнаружите и двух мнений, которые один и тот же факт рассматривают в полном взаимном согласии: некоторые и по сей день оспаривают те или иные факты и всегда будут их оспаривать. Что касается моральных намерений, то каким образом мы можем судить о них, даже признавая искренность тех, кто рассказывает о событиях? И как следует рассматривать тот случай, когда рассказчики не являются искренними или когда они руководствуются личной выгодой или порывом чувств? К примеру, я отдал распоряжение, но кто был в состоянии прочесть мои мысли и понять мои истинные намерения? Тем не менее каждый, получивший моё распоряжение, примет его к исполнению и станет определять его характер в соответствии с занимаемым им положением и уровнем его способностей или станет выполнять его, исходя из собственных планов или следуя собственной системе убеждений. Посмотрите, как интриганы станут искажать мой приказ в зависимости от того, насколько он соответствует их собственным планам. Достигший высокого положения человек, которому министры или сам монарх могут конфиденциально намекнуть о существовании вопроса, сделает то же самое; так же поступят и многочисленные дворцовые бездельники, которые способны только на то, чтобы подслушивать у дверей и потом выдумывать небывлицы. И каждый человек будет безусловно уверен в том, о чём он рассказывает! Люди низшего сословия, получив информацию от привилегированного класса, тоже, в свою очередь, будут уверены в правдивости этой информации! И затем будут писаться письма и сочиняться мемуары, и на основе всех этих материалов будет составляться история!

Мне приходилось узнавать о том, что планы моих сражений, намерения моих приказов подвергались сомнению и что принимались решения вопреки моему мнению! Не получается ли так, что творение лжёт собственному творцу? Тем не менее мой оппонент, который возражает мне, будет иметь своих приверженцев. Именно это стало помехой, которая не дала мне возможности приступить к написанию моих мемуаров, раскрыть мои чувства, которые, естественно, высветят оттенки моего характера. Я не мог снизойти до того, чтобы написать собственную исповедь, подобно Жан-Жаку Руссо,

которую каждый мог бы сделать предметом нападок; и поэтому я посчитал правильным ограничить темы моих диктовок здесь, на острове Святой Елены, общественными событиями и деяниями. Я сознаю, что правда даже этих повествований может быть оспорена, ибо есть ли на свете человек, как бы он ни был прав и какова бы ни была сила и мощь его правоты, который избежал бы нападков и правоту которого не оспаривала бы враждебная ему сторона? Но по мнению тех, кто обладает достаточной мудростью и беспристрастностью, тех, кто способен размышлять и кто благоразумен, мой голос, в конце концов, будет так же полезен, как и любой другой; и меня мало страшит окончательное решение.

В наши дни так много говорят о моей славе, которая останется после того, как улягутся страсти и рассеются тучи. Но тем временем возникнет такое множество ошибок! Люди будут отдавать мне должное за глубину и проницательность в событиях, которые, вероятно, сами по себе были весьма простыми; меня будут подозревать в планах, которые я никогда не составлял*.

Будут проводить исследования, действительно ли я стремился к мировому господству. Будут подробно обсуждать вопросы, являлись ли абсолютная власть и деспотичные поступки результатом моего характера или моих политических расчётов, были ли они обусловлены моей склонностью к ним или влиянием обстоятельств, вёл ли я войны, в которых я постоянно участвовал, в силу моей склонности к ним или вопреки моей воле, возбуждалось ли моё ненасытное властолюбие, которое так часто и резко осуждали, стремлением к господству и славе или моей любовью к порядку и заботой о всеобщем благополучии, ибо это моё властолюбие будет заслуживать того, чтобы его рассматривали со всех сторон.

Люди будут во всех подробностях обсуждать мотивы, которыми я руководствовался в отношении катастрофы с герцогом Энгиенским** и многих других событий. Иногда они будут извращать то, что было абсолютно правильным, и обелять то, что было вполне естественным. Здесь, на острове Святой Елены, мне не следует анализировать все эти проблемы, иначе покажется, что я пытаюсь оправдать себя, — а я считаю ниже своего достоинства заниматься этим. Если

* Хорошо информированный и весьма разумный человек, пользовавшийся большим доверием императора и часто общавшийся лично с ним, сообщил мне с видом глубокой убеждённости, после первого отречения Наполеона, что император планировал покинуть Париж по завершении своих завоеваний и сделать Рим столицей империи. В то время я так мало знал императора, что эта информация ошеломила меня; но теперь я хочу выяснить, где мой информатор узнал об этой идее?

** Хорошо известно, что это печальное событие дало повод для множества различных версий и разнообразных предположений.

честность и здравомыслие историков помогут им сформировать из того, что я продиктовал по общим вопросам, правильное мнение и справедливые представления о тех вещах, которые я не упоминал, то тем лучше. Однако какое множество ложного предстанет перед ними — от выдумок и лжи великих интриганов (все они из собственных интересов творили свои заговоры и вели тайные переговоры, что создавало бесконечный хаос) до разоблачений с документами в руках моих министров, которые, с самыми лучшими намерениями, констатировали не столько то, что существовало в действительности, сколько то, что существовало в их воображении, ибо кто из них когда-либо обладал способностью видеть, как я, всю картину сразу? То немного, что они знали, зачастую было только частью великого целого, которого они не ведали. Они видели только ту сторону призмы, которая касалась их, — и даже тогда, хорошо ли они видели её? Была ли она полностью доступна им? Разве не была она уже разбита? И, тем не менее, каждый из них, судя по тому, что он видел, представит фантастический результат собственных комбинаций в качестве моей истинной системы, и мы вновь получим общепризнанные выдумки, которые будут называть историей. Иначе и быть не может. Это правда, что поскольку их много, то им будет трудно соглашаться друг с другом. Однако они, с их самоуверенными утверждениями, будут иметь преимущество передо мной, ибо мне часто будет трудно сказать с уверенностью, каковы были в действительности мои мысли в тот или иной момент. Хорошо известно, что я не стремился подчинять обстоятельства моим идеям; в целом, я, наоборот, позволял обстоятельствам вести меня, а кто может заранее рассчитать результат случайных обстоятельств или непредвиденных событий? Поэтому при необходимости я существенно менял план своих дальнейших действий и руководствовался в жизни скорее общими принципами, чем твёрдо установленными планами. Общие интересы человечества — вот те якоря, которые помогали мне держаться на плаву, хотя часто мне приходилось плавать вокруг них по капризу случая...»

Теперь, после этих знаменательных высказываний, наступил момент, дающий наилучшую возможность обратиться к вопросу, который в начале этого дневника я обещал рассмотреть позднее и которому уже давно пора обрести своё место на этих страницах: я имею в виду заговор Жоржа и Пишегрю, а также суд над герцогом Энгиенским.

«Прошло немного времени с тех пор, как возобновилась война с Англией, — сказал император, — когда неожиданно наше побережье, главные дороги и сама столица оказались переполненными

агентами, засланными во Францию Бурбонами. Большое число их было арестовано, но их планы всё ещё не были раскрыты. Эти агенты были разного происхождения и буквально всех званий. Страсти накалились до предела, волнение народа приняло чрезвычайный характер, политическая буря набирала силы, кризис принял самый тревожный аспект; агенты полиции исчерпали все свои возможности, но не были в состоянии добыть какую-нибудь стоящую информацию. Меня спасла моя проницательность. Однажды ночью, встав с постели, чтобы поработать, как я это часто делал, я по воле случая, который правит миром, бросил взгляд на один из последних докладов полиции, содержащих имена лиц, уже арестованных по делу, к которому никакие ключи пока ещё не были подобраны. Среди этих имён я заметил имя одного армейского хирурга и сразу пришёл к выводу, что такой человек должен быть скорее интриганом, чем фанатиком. Я приказал принять меры, чтобы добиться от него немедленного признания. Дело передали в руки военной комиссии, и утром ему был вынесен приговор, предписывающий безотлагательную казнь, если он не начнёт говорить. Через полчаса он раскрыл всё, вплоть до самых мельчайших подробностей. Суть и размах заговора, нити которого исходили из Лондона, стали известны. Вскоре была раскрыта интрига Моро, присутствие Пишегрю в Париже и т.д.».

Я опускаю все подробности этого дела: о них можно прочитать в «Письмах с Мыса Доброй Надежды», написанных с целью опровержения домыслов доктора Уордена, а также в книге О'Мира. Те подробности, о которых я буду рассказывать, приводятся в книге О'Мира, они получены от одного и того же источника. Что касается

обвинения, в связи со смертью Пишегрю, что он был задушен по приказу Первого консула, то Наполеон заявил, что это обвинение слишком абсурдно и ему унижительно пытаться опровергнуть его. «Какую выгоду, — заметил он, — я мог бы получить от его смерти? Человек моего склада не станет совершать подобный поступок, не имея на то весьма основательной причины. Разве обо мне когда-либо могли сказать, что я пролил кровь исключительно по прихоти? Несмотря на все попытки очернить мою репутацию и представить в ложном свете мою личность, знающим меня людям известно, что преступление чуждо моему естеству. В течение всего моего правления не найдётся ни одного случая, связанного с решением человеческой судьбы, о котором я не мог бы говорить перед судебным трибуналом не только без ущерба для собственной репутации, но даже с определённой выгодой для неё. В действительности Пишегрю оказался в безнадёжном положении, его высокий дух не мог вынести позора процедуры публичной казни; он отчаялся в моём милосердии и положил конец своему существованию.

Если бы я был склонен совершить преступление, — продолжал император, — то оно было бы направлено не на Пишегрю, потому что его зло я мог легко обезвредить; я направил бы его против Моро, который в то время поставил меня в весьма опасное положение. Если бы последний тоже покончил с собой, находясь в тюрьме, то мне было бы намного труднее оправдаться в связи с подобным его поступком, принимая во внимание ту выгоду, которую я бы получил, отделавшись от него. Вы, господа, находившиеся за границей, и ультрароялисты, затаившиеся в Париже, никогда не знали истинного состояния общественного мнения во Франции. Пишегрю, как только с него сбросили маску и разоблачили как предателя, более ни у кого не вызывал сочувствия; и это чувство было настолько сильным, что сам факт его связи с Моро оказался достаточным для того, чтобы привести к гибели последнего, который обнаружил, что его оставили многие его приверженцы; ибо в борьбе противостоящих партий большинство людей заботится прежде всего о своём благополучии, а не о чужом.

Я оценил это дело настолько правильно, что, когда Реаль пришёл ко мне с предложением арестовать Моро, я без колебаний отверг эту идею. Я сказал ему, что Моро является слишком значительной личностью и слишком откровенно противостоит мне; я слишком заинтересован в том, чтобы отделаться от него, и потому не хочу ставить себя под удар лишних подозрений со стороны общественного мнения. “Но что, если Моро состоит в одном заговоре с Пишегрю?” — спросил Реаль. — “Тогда дело примет иной оборот, — отвечал я. — Докажите мне это, убедите меня в том, что Пишегрю находится в Париже, и я немедленно подпишу приказ об аресте Моро”.

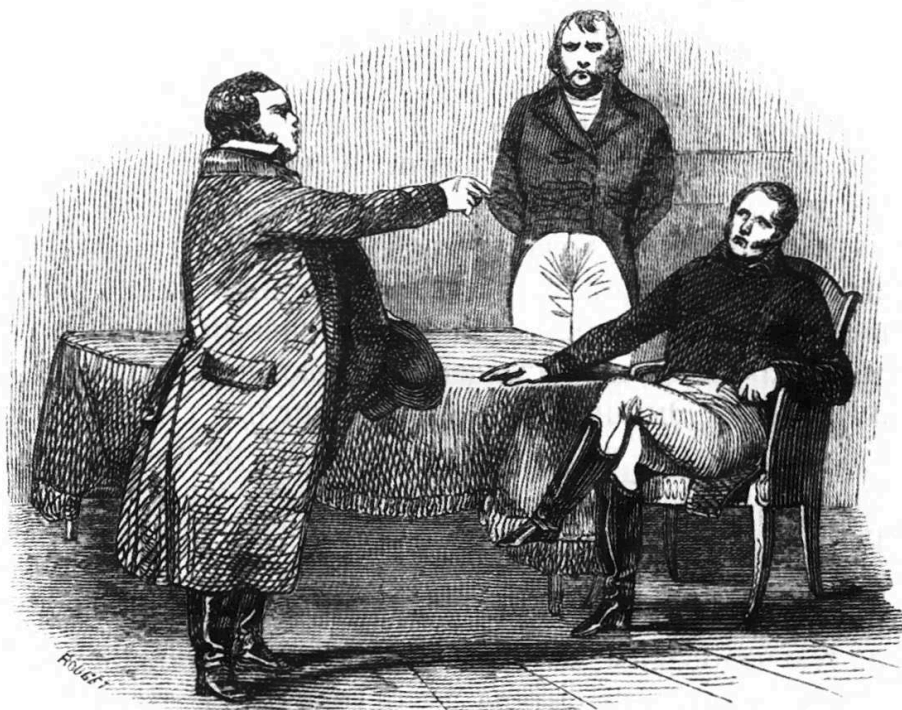
Реаль получил косвенную информацию о приезде Пишегрю в Париж, но никак не мог напасть на его след в столице. «Поспешите в дом брата Пишегрю, — сказал я, — если он покинул свою квартиру, то это будет явный признак того, что Пишегрю находится в Париже; если же его брат по-прежнему обитает в той квартире, арестуйте его: его реакция на арест даст вам ключ к истине». Этот брат Пишегрю был монахом и жил на четвёртом этаже парижского дома. Как только его арестовали, он тут же спросил, в чём его вина и разве является преступлением то обстоятельство, что ему, помимо его воли, нанёс визит его брат. Брат, заявил монах, объяснил ему всю опасность положения и посоветовал ему покинуть Париж. Всего этого было вполне достаточно, — приказ об аресте Моро был подписан. Сначала, казалось, Моро не испытывал никакого страха, но когда он понял, что его арестовали за участие, вместе с Пишегрю и Жоржем, в заговоре против правительства, он очень расстроился и выглядел чрезвычайно угнетённым».

Первый консул задолго до того разорвал всякие отношения с Моро, который полностью подчинился воле своей жены. «Это всегда большое несчастье, — заявил император, — поскольку мужчина в этом случае перестаёт быть самим собой, он просто ничто». Моро иногда проявлял чувство расположения к Первому консулу, а иногда выступал против него; иногда он раболепствовал перед ним, а иногда разговаривал с ним язвительно. Первый консул, который вначале хотел снискать любовь Моро, в конце концов вынужден был прервать какие-либо отношения с ним. «Моро, — говорил Наполеон, — в итоге серьёзно скомпрометирует себя, в один прекрасный день он разобьёт свою голову о колонны дворца». Моро портил свою репутацию необдуманным поведением и смехотворными претензиями его жены и тёщи. Последняя зашла настолько далеко, что стала оспаривать у жены Первого консула старшинство во время проведения официальных мероприятий. «Однажды, — сказал Наполеон, — министр иностранных дел был вынужден во время приёма применить грубую силу, чтобы призвать к порядку эту женщину».

После того как Моро арестовали, Первый консул дал ему понять, что ему достаточно признать факт встречи с Пишегрю, чтобы прекратить судебное разбирательство против него. Моро на это ответил письмом в адрес Первого консула, выдержанным в высокомерном тоне; затем, когда Пишегрю арестовали и всё дело начало принимать серьёзный оборот, Моро написал Первому консулу весьма раболепное письмо, но было уже слишком поздно.

Достоверно, что Моро вёл переговоры с Пишегрю и с Жоржем и что он дал следующий ответ на их предложения: «В нынешнем

положении дел я ничего не могу сделать для вас, я даже не могу полагаться на собственного адъютанта, но избавьтесь от Первого консула, — у меня есть сторонники в Сенате, и я немедленно буду назначен вместо него. Вас, Пишегрю, будут допрашивать по обвинению в измене нации, уверяю вас, что вам необходимо предстать перед судом, но я отвечаю за его конечный результат, — вы станете вторым консулом; мы потом выберем третьего консула по собственному желанию и станем работать все сообща в полном согласии и без помех».

Жорж, с которым Моро до этого не был знаком, присутствовал при этих переговорах и упорно домогался для себя места третьего консула. «Это невозможно, — возразил Моро, — вы не знаете состояния общественного мнения во Франции; вы всегда были белым*, а Пишегрю будет вынужден скрывать своё намерение стать таким же». — «Я понимаю! — сказал разъярённый Жорж. — Что за фарс мы здесь разыгрываем, и за кого вы меня принимаете? Вы, следовательно, работаете только ради самого себя и совсем не за короля? Если это так и если во главе правительства должен находиться голубой**, то я предпочитаю того, кто сейчас возглавляет правительство». После этого участники переговоров разошлись с чувством

* То есть роялистом.

** То есть представитель революционной партии.

обиды в душе, и Моро попросил Пишегрю более не приводить на переговоры это животное, этого быка, лишённого здравого смысла и знаний.

«На суде, — сказал Наполеон, — твёрдость характеров сообщников, величие души, которым они облагораживали мотивы своего поведения, и принятая ими линия абсолютного отрицания, рекомендованная адвокатом Моро его подзащитному, спасли Моро. Когда его спросили, соответствуют ли действительности предъявленные ему обвинения в том, что он участвовал в переговорах с преступниками и проводил встречи с ними, он ответил: “Нет, не соответствуют”. Но победитель сражения при Гогенлиндене не привык лгать, — внезапно краска стыда выступила на его лице, и никто из присутствовавших на суде не был обманут его ответом.

Тем не менее Моро оправдали, а большинство его сообщников были приговорены к смертной казни. Я помиловал некоторых из них: всех тех, чьим жёнам удалось добиться личной аудиенции у меня, и тех, за которых ходатайствовали влиятельные лица. Полиньяк и его брат, де Ривьер, и другие, несомненно, погибли бы, если бы не ряд счастливых обстоятельств. В равной степени повезло и другим, менее известным осуждённым участникам заговора, таким как некий Борель, Энган де Сен-Мор, Рошель и т.д. Верно и то, — добавил император, — что впоследствии они не проявили особой благодарности за подобную милость и что если бы они стоили того, чтобы их поведение подвергли расследованию, то выяснилось бы, что их действия не заслуживали милосердия. Один из них, обязанный сохранением своей жизни главным образом ходатайству Мюрата, стал тем человеком, который в 1815 году в Провансе назначил цену за голову своего спасителя. Если он считал, что преданность должна перевешивать благодарность, то принесённая им жертва должна была, по крайней мере, стать для него тягостной. Другой помилованный заговорщик немало способствовал распространению смехотворного и абсурдного обвинения меня в убийстве Пишегрю, причастности к убийству английского лейтенанта Райта и т.д.

В разгар расследования дел Жоржа, Пишегрю и Моро, — продолжал император, — возникло дело герцога Энгиенского, приведшее к удивительным осложнениям».

И император затем в подробностях рассказал об этом деле. Это обстоятельство является той причиной, которая в своё время побудила меня отложить до сего дня изложение дела герцога Энгиенского: я чувствовал сильное нерасположение затрагивать проблему, столь болезненную саму по себе и столь огорчительную для некоторых моих знакомых, которые находились в родственных отношениях с герцогом и были лично преданы ему. И прежде всего, я опасался

пробудить законную печаль о высокой особе, в своё время удостоившей меня проявлениями доброты, которые я всегда буду бережно хранить в своей памяти. Таковы мои мотивы; они, надеюсь, будут поняты и оценены. Но я теперь приближаюсь к окончанию работы над дневником, и мой долг правдивого историка властно обязывает меня взяться за эту печальную тему, иначе моё молчание будет превратно истолковано. Однако я опущу, в силу приведённых выше причин, все подробности, которые уже известны и о которых можно прочитать в уже упомянутых работах («Письма с Мыса Доброй Надежды» и книга господина О'Мира); моё изложение событий будет таким, как о них рассказал сам Наполеон. Я также изложу некоторые подробности, не приведённые в книгах, упомянутых выше, но которые представляются мне слишком близко связанными с типичными чертами характера Наполеона, чтобы не упоминать о них.

Это событие в своё время сильно повлияло на моё настроение, так же как и на настроение жителей Парижа. Я, вероятно, воспринял его тем более близко к сердцу, учитывая обстоятельства моего детства, обычаи и связи моей молодости и особенность моих политических убеждений; и я в то время был далёк от того, чтобы преодолеть это чувство. То первое впечатление от свершившегося всё ещё было сильным, и моё мнение по этому вопросу было таковым, что я, конечно, не посмел бы произнести имя герцога в присутствии императора: это показалось бы мне попыткой осудить случившееся. Это чувство владело мной до такой степени, что, когда я впервые услышал, как император сам произнёс имя герцога, я, растерявшись, покраснел. К счастью, я шёл позади императора по узкой тропе; в противном случае он бы, конечно, заметил мою растерянность.

Однако когда император впервые подробно и всесторонне представил дело герцога Энгийенского, со всеми его подробностями и обстоятельствами, когда я услышал, как он объясняет свои различные мотивы с выразительностью, блеском и силой убеждения, которые так для него характерны, то, надо признать, дело герцога Энгийенского приобрело для меня новый аспект. Когда император перестал говорить, я, поражённый его словами, хранил молчание, весь углубившись в свои мысли; я призывал память напомнить мне мои прошлые возражения; я был весьма недоволен собой из-за того, что в тот момент я ничего не мог ответить императору и был вынужден признаться себе, что я оказался силен в чувствах, но не в аргументах или в убедительных возражениях.

Император не раз возвращался к обсуждению этой проблемы, что дало мне возможность отметить сильно выраженные типичные черты его характера. Я отчётливо видел, как в нём борется частный

гражданин с государственным деятелем и как естественные чувства его души противостоят тем чувствам, которые подсказывают ему его гордость и достоинство его положения. В откровенные минуты нашего разговора он проявлял интерес к судьбе несчастного герцога Энгийенского, но если разговор касался государственных интересов, то его речь принимала совершенно иной характер. Говоря однажды со мной о молодых годах и безвременной кончине злосчастливого герцога Энгийенского, император закончил следующим высказыванием: «И я потом узнал, мой дорогой Лас-Каз, что он хорошо относился ко мне. Меня уверяли, что он обычно говорил обо мне с определённой степенью восторженности; такова карающая справедливость в этом мире!» Эти последние слова были произнесены с таким выражением, и все черты лица Наполеона настолько соответствовали этому выражению, что я не сомневаюсь: если бы герцог в тот момент ещё находился в его власти, он был бы без колебаний прощён, каковы бы ни были его поступки и намерения. Несомненно, это чувство было выражено достаточно неосторожно в тот момент, когда я, так сказать, застал императора врасплох, и я не думаю, что многие могли бы оказаться на моём месте. Эта деликатная тема была слишком явно связана с гордостью Наполеона и со специфическим складом его ума, чтобы позволить ему быть щедрым на выражение подобных чувств; и он варьировал свои аргументы и даже слова в зависимости от величины круга его слушателей. Я только что показал, как он выражал свои чувства в доверительной обстановке неофициальной беседы; его высказывания были совершенно иными, когда вся его свита собиралась вокруг него: дело герцога Энгийенского, как он тогда обычно говорил, вызывало у него некоторое сожаление, но не раскаяние и не угрызения совести. А если при беседе присутствовали посторонние люди, то он обычно заявлял, что герцог Энгийенский заслужил свою судьбу.

Император обычно рассматривал это дело с двух совершенно различных позиций: с одной стороны, ссылаясь на общее право или на установленные законы, с другой стороны — на законы природы или на действия, связанные с применением насилия. С нами он обычно говорил на эту тему, опираясь на принципы общего права; и он, казалось, делал это, оказывая нам снисхождение, учитывая близость между нами и своё превосходство над нами. Он обычно заканчивал разговор замечанием о том, что, вероятно, его могли бы упрекнуть в суровости, но что его не могли обвинить в каком-либо нарушении законности, так как, несмотря на всю клевету и ложь, выдуманную по этой проблеме, все формальности, предусмотренные законом, неизменно и строго выполнялись.

В присутствии посторонних лиц император придерживался аргументации, основанной почти исключительно на законах природы и на

требованиях государственной политики. Было заметно, что ему тягостно унижаться до них, чтобы отстаивать принципы общего права, поскольку тем самым он, казалось, пытается оправдаться. «Если бы на моей стороне не было закона, чтобы наказать преступника, — обычно говорил тогда император, — то у меня по-прежнему был бы закон природы, который даёт право на легитимную самозащиту. У герцога и его сторонников постоянно была только одна цель: лишить меня жизни, они на меня яростно нападали со всех сторон и при каждом удобном случае, используя духовые ружья, адские машины, всякого рода заговоры и засады. Наконец я устал от всего этого и воспользовался возможностью устрашить своих противников в Лондоне; мне удалось добиться своего, и с той минуты наступил конец всем заговорам. Кто может обвинять меня в том, что я поступил именно таким образом? Ежедневно с расстояния в сто пятьдесят лье на меня были направлены удары, угрожавшие моему существованию; ни одна власть на Земле, ни один трибунал не могли обеспечить мне возмещение ущерба. И что — мне не разрешили бы использовать закон природы и ответить войной на войну?! Какой беспристрастный человек, обладающий хотя бы долей здравого смысла и справедливости, возьмётся осуждать меня? С какой стороны в мой адрес посыпятся упрёки, будет вызвана ненависть, будут брошены обвинения в совершении преступления? Кровь за кровь — таков естественный, неизбежный и непогрешимый закон возмездия, — горе тому, кто провоцирует его!

Те, кто разжигают гражданскую вражду и вызывают политические беспорядки, подвергают себя опасности стать жертвой этого закона. Попытка вообразить себе, что целая семья будет обладать странной привилегией день за днём угрожать моему существованию, лишая меня права возмездия, была бы доказательством слабоумия и сумасшествия. Они не могли в здравом рассудке претендовать на то, чтобы стать выше закона, для того чтобы уничтожать других. Они не могли требовать права на это под предлогом самосохранения, — шансы должны быть равными. Я никогда лично никого из них не оскорблял; великая нация выбрала меня править ею, почти вся Европа одобрила выбор моего народа; в конце концов, моя кровь не была стоялой водой; настало время, чтобы поставить мою кровь наравне с их кровью. И что было бы, если бы я продолжил осуществлять акты возмездия? Я мог сделать это: неоднократно мне предлагали право распоряжаться их судьбой, жизнью каждого из них, с самого верхнего звена до самого низшего, но я с возмущением отвергал это предложение. Не то даже, что я считал нечестным для себя согласиться на это, но я чувствовал себя столь могущественным, я считал, что нахожусь настолько в полной безопасности, что

рассматривал согласие на это предложение как проявление подлой и необоснованной трусости. Моим главным принципом было то, что во время войны, как и в политике, каждый дурной поступок, даже если он законен, может быть осуществлён только в случае абсолютной необходимости; всё, что осуществляется вне этого, преступно.

Возмутительно, когда те, кто нарушал столь открыто закон наций, сами апеллировали к нему. Нарушение границы Бадена, о котором так много говорилось, совершенно не относится к главному пункту вопроса. Закон о нерушимости территории разрабатывали не на пользу виновной стороне, а лишь для сохранения независимости наций и достоинства монарха. Поэтому жаловаться мог только сам герцог Баденский, и только он один, но он этого не делал; он, несомненно, уступил насилию из-за собственной политической неполноценности, но какое это имело отношение к существу дела, ко всем тем заговорам и грубым нарушениям закона, на которые я должен был жаловаться и за которые я должен был мстить?»

И император закончил свои высказывания тем, что заявил: истинные зачинщики этой ужасной катастрофы, люди, которые одни несут за неё всю ответственность, — это те, кто из-за границы замышлял и осуществлял заговоры против жизни Первого консула. «Ибо, — отметил он, — или они вовлекли несчастного герцога Энгийенского в эти заговоры и тем самым обрекли его на гибель, или, забыв сообщить ему о том, что собираются сделать, они допустили, чтобы он безрассудно дремал на краю пропасти и находился так близко от границы в тот момент, когда они готовились нанести Франции сильнейший удар во имя и от имени его семьи».

Император в интимной обстановке частной беседы обычно говорил нам, что вину можно было бы приписать излишнему рвению тех, кто окружал его, их тайным интригам и личным убеждениям, что сам он был опрометчиво задействован в этом деле, что люди из его окружения застали его, так сказать, врасплох и что исполнение принимаемых им мер было ускорено и их результаты предрешены.

«Однажды я находился у себя один, — стал рассказывать император, — я помню этот момент очень хорошо: я пил кофе, полусидя на углу стола, за которым я только что обедал, когда неожиданно ко мне пришли и доложили о том, что раскрыт новый заговор. Я с горячностью потребовал положить конец этим гнусностям; пришедшие заявили, что наконец настало время преподать хороший урок тем, кто день за днём плетёт заговоры, чтобы лишить меня жизни, что эта цель может быть достигнута, когда прольётся кровь одного из зачинщиков заговоров, и что этим человеком должен быть герцог Энгийенский, которого можно обвинить в организации части этого нового заговора, и его причастность к нему можно

доказать. Было добавлено, что его видели в Страсбурге, предполагали даже, что он находится в Париже, и что план заговорщиков заключается в том, что он вступит на территорию Франции с востока в момент взрыва предназначенной для меня бомбы, в то время как герцог Беррийский высадится на западном побережье страны.

Я должен сказать вам, — заметил император, — что я даже не знал точно, кто такой этот герцог Энгийенский (революция произошла, когда я был ещё совсем молодым, и я никогда не присутствовал на приёмах королевского двора), и мне было совершенно неизвестно, где он находился в тот момент. Получив эту информацию, я воскликнул, что если это всё так, то герцога следует арестовать, и необходимо отдать соответствующие приказы. Всё было предусмотрено и подготовлено; различные приказы были уже составлены, ничего не оставалось делать, лишь подписать их, и, таким образом, судьба молодого герцога Энгийенского была решена.

В последнее время он проживал на расстоянии примерно трёх лье от Рейна, в государстве Баден. Если бы я раньше знал об этом факте и о его значении, то я бы не потерпел подобного и не позволил бы герцогу Энгийенскому оставаться так близко от границ Франции; и это обстоятельство, как потом выяснилось, спасло бы его жизнь. Что же касается появившихся в то время утверждений, что мне усиленно противились во всём этом деле и что ко мне обращались с многочисленными ходатайствами в отношении герцога Энгийенского, то это абсолютно ложные утверждения, и их выдумали с целью представить меня в более отвратительном свете. То же самое можно сказать и о различных мотивах дела, приписываемых мне; такие мотивы могли существовать в душе тех, кто играл скверную роль в этом деле и руководствовался ими в соответствии со своими личными планами, но на моё поведение повлияли только сам факт и горячность моего характера. Несомненно, если бы мне своевременно сообщили о личных убеждениях герцога Энгийенского и о его характере, если бы, прежде всего, я прочитал письмо, которое он написал мне и которое — лишь Небесам известно, по какой причине, — мне было доставлено только после его казни, то я бы, конечно, помиловал его».

Нам было легко понять, что эти высказывания императора были продиктованы его сердцем и самой природой его личности и предназначались только для нас, ибо он почувствовал бы себя униженным, если бы предположил, что кто-то мог хоть на минуту подумать, что он пытается переложить вину на других лиц и унижается до такой степени, что стремится оправдать себя. И это чувство уводило его настолько далеко, что когда он говорил с посторонними или диктовал своё мнение об этой проблеме для возможных читателей

его мемуаров, то ограничивался тем, что говорил: если бы он вовремя увидел письмо герцога Энгиенского, то, вероятно, простил бы его ради большой политической выгоды, которую можно было извлечь из этого милосердного поступка. И, редактируя собственной рукой продиктованные им свои последние мысли, которые, как он считал, будут опубликованы и станут достоянием грядущих поколений, он по-прежнему заявлял по поводу этой проблемы, которая, как он понимал, будет наиболее чувствительна для его памяти, что, если бы он вновь оказался в том положении, он вновь поступил бы точно так же! Таков был этот человек, таков был склад его ума и его личности.

Пусть те, кому доставляет удовольствие изучать человеческое сердце, заглядывая во все его укромные уголки, чтобы делать выводы и приходить к заключениям, теперь проявят свою изобретательность и мастерство, — я обеспечил их ценными материалами, я представил подлинные документы. Я добавлю ещё и другой, но уже последний, который достоин неменьшего внимания.

Однажды Наполеон сказал мне, касаясь этой проблемы: «Если я вызвал всеобщий ужас этим печальным событием, то с каким страхом было бы воспринято всеми другое зрелище, которым я мог удивить весь мир! Мне часто предлагали жизнь тех, чьё место я занял на троне, по цене в один миллион за голову. На них смотрели как на моих конкурентов и предполагали, что я жажду их крови; но даже если бы мой характер был иным, даже если бы я был склонен к злодейству, то я бы отверг все мысли о таком преступлении, предложенном мне, судя по всему, совершенно добровольно. Я был тогда таким могущественным владыкой страны, у меня было такое прочное положение, что они казались мне слишком ничтожными, чтобы опасаться их! Обратитесь вновь ко времени Тильзита и Ваграма, к моей женитьбе на Марии Луизе, к положению Европы и её отношению ко мне! Однако в самый разгар кризиса дела Жоржа и Пишегрю, когда я стал мишенью для убийц, сочли, что наступил благоприятный момент для того, чтобы я поддался искушению, и предложение о мщении было возобновлено; целью было выбрано одно лицо, — общественное мнение в Англии и во Франции указывало на него как на главного зачинщика всех этих ужасных заговоров.

В то время я находился в Булони, туда и прибыл некий человек со всеми этими предложениями о мщении. Я решил лично удостовериться в правдивости и сути предложения и приказал привести этого человека ко мне. “Итак, сударь! — сказал я, когда он появился у меня. — Слушаю вас”. — “Сир, ради вас мы уничтожим его за один миллион”. — “Сударь, я дам вам два, если вы доставите его ко

мне живым”. — “Нет, этого я не могу обещать”, — поколебавшись, ответил тот человек, весьма расстроенный тоном моего голоса и выражением моих глаз в эту минуту. — “Следовательно, вы принимаете меня за простого убийцу? Знайте же, сударь, что хотя я могу считать необходимым наказать преступника, в том числе и в назидание другим, но я не склонен поощрять вероломные засады!” — И я выгнал этого человека прочь. Действительно, одно его присутствие рядом со мной уже было слишком большим осквернением».

Отозванный губернатором слуга наносит мне тайные визиты — Я доверяю ему письмо для передачи принцу Люсьену, и это приводит к моему изгнанию с острова Святой Елены

21 — 24 ноября 1816 года

Накануне я оставался с императором почти до двух часов ночи; возвратившись в свою комнату, я узнал, что в тот вечер мне нанёс визит один человек, который ушёл, устав ждать меня.

Об этом человеке, которого принял в моё отсутствие мой сын, я тогда же написал в дневнике, приняв меры предосторожности, весьма туманными фразами. Сейчас я могу и должен полностью рассказать об этом визите.

Это было посещение того самого слуги, которого сэр Хадсон Лоу отобрал у меня. Для того, чтобы повидаться со мной, мой бывший слуга, воспользовавшись темнотой ночи и знанием местных условий, преодолел все препятствия на своём пути, пересёк все пропасти и избежал встреч с часовыми. Всё это он сделал ради того, чтобы сообщить мне, что поступил в услужение к человеку, который через несколько дней собирается отправиться в Лондон, и поэтому он, мой бывший слуга, хочет оказать мне услугу. Он долго ждал меня в моей комнате, но, увидев, что я не возвращаюсь от императора, ушёл, опасаясь, что его поймут; он обещал вернуться под предлогом свидания со своей сестрой, которая служила у нас в Лонгвуде, или прибегнув к тому же способу, благодаря которому он пришёл в первый раз.

На следующий день я немедленно сообщил о моей неожиданной удаче императору, он был весьма доволен этим благоприятным для нас обстоятельством. Я горячо воспринял подвернувшуюся возможность: мы находимся на Святой Елене уже больше года, не сделав ни одного шага для улучшения нашей жизни, с каждым днём мы

подвергаемся всё бóльшим ограничениям, с нами обращаются всё хуже, и мы всё больше и больше страдаем; мы затеряны во Вселенной, Европа совершенно не осведомлена о нашем действительном положении, — она должна узнать об этом от нас самих. День за днём газеты скрывают нас от мира завесой обмана, они делают нас объектом бесстыдной и отвратительной лжи. Я настаивал на том, что только от нас самих зависит возможность опубликовать правду; она дойдёт до ушей монархов, которым, вероятно, она неизвестна; она станет известна народу, чьё сочувствие к нам будет нам утешением и чьё возмущение, по крайней мере, отомстит за нас нашим жестоким гонителям.

Мы немедленно стали составлять список обрушившихся на нас бед. Император разделил список на части, указав каждому из нас причитающуюся долю, чтобы переписать его в одно большое сообщение. Однако день прошёл, и ничего не было сделано. На следующий день, в пятницу, как только я увидел императора, я позволил себе напомнить ему о наших планах предыдущего дня, но он, казалось, стал думать меньше об этом деле и закончил наш разговор, сказав: «Посмотрим». День прошёл так же, как и предыдущий; я находился в мучительном ожидании. Поздно вечером, словно для того, чтобы усилить моё нетерпение, мой бывший слуга вновь пришёл ко мне и повторил предложение о своих услугах. Я сказал ему, что воспользуюсь ими, и пусть он не волнуется — я не поставлю его в опасное положение и не вовлеку его в какое-нибудь преступление. На это он ответил, что всё это его не беспокоит и что он возьмёт у меня всё, что я захочу передать через него; он сказал, что обязательно зайдёт за передачей в воскресенье, накануне его вероятного отплытия в Лондон.

На следующий день, в субботу, как только я встретился с императором, я поспешил сообщить ему всё, что узнал, и подчеркнул, что в нашем распоряжении остаются только двадцать четыре часа, но император с абсолютным равнодушием перевёл разговор на другую тему, совершенно чуждую моей цели. Моё изумление не имело границ. Я знал характер императора и был абсолютно убеждён, что его равнодушие (что-то вроде рассеянности), которое он проявлял в данный момент, не могло быть случайным и что это тем более не прихоть; но какими тогда могли быть его мотивы? Эта мысль не давала мне покоя весь день и привела в плохое настроение. Ночью это недоумение, которое будоражило мою душу в течение дня, полностью лишило меня сна. Я мучительно припоминал каждое обстоятельство, связанное с этим делом, и тут неожиданно в уме у меня сверкнула новая мысль. «Чего же я требую от императора? — подумал я. — Что он должен снизойти до пустяков, слишком низких

для его достоинства?!» Несомненно, раздражение и тайное недовольство вызвали его молчание, которое стало причиной моего беспокойства. Можем ли мы быть бесполезными ему? Разве мы не должны служить ему, не огорчая его? Затем мне вспомнилось несколько его высказываний. Разве я не сообщил ему об этом деле, разве он не одобрил его? Чего ещё я мог бы ожидать от него? Впредь только я сам должен был действовать, и я моментально принял соответствующее решение. Я был полон решимости продолжать, не говоря императору ни единого слова об этом; а для того, чтобы моё намерение оставалось тайным, я решил никому не сообщать о нём.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мне удалось, в ответ на письмо сэра Хадсона Лоу, передать знаменитое письмо относительно полномочных представителей союзнических держав, — это был единственный документ, направленный в Европу вплоть до настоящего времени. Человек, любезно согласившийся передать моё письмо по назначению, принёс мне тогда большой кусок шёлковой ткани; на одной части его и было написано письмо. У меня осталась эта ткань, — это было как раз то, что мне требовалось. Таким образом, всё соединилось, чтобы заставить меня приблизиться к краю пропасти, с которого мне суждено было низвергнуться.

С первым лучом утреннего света я передал остатки шёлка моему сыну, на осторожность которого я мог полагаться, и он провёл весь день, переписывая на него моё письмо принцу Люсьену. Пришла ночь, и, верный своему слову, у меня появился молодой мулат, мой бывший слуга. Он умел немного портняжничать и собственными руками пришил мой кусок шёлка к своей одежде, затем он попрощался со мной. Я пообещал передать ему некоторые вещи, если он посетит меня ещё раз до своего отъезда, и пожелал ему счастливого пути на тот случай, если вновь не увижу его. После этого я лёг в постель с лёгким сердцем и с чувством удовлетворения, что с пользой провёл день, отмеченный счастливым событием. В этот момент я был далёк от мысли, что только что собственными руками перерезал нить, связывавшую меня с судьбой Лонгвуда!

Увы! Не истекло и двадцати четырёх часов, как под предлогом того, что я написал это письмо, я был изгнан из Лонгвуда, а моя персона и все мои бумаги оказались во власти и в полном распоряжении губернатора Хадсона Лоу. И если бы меня сейчас спросили, как я мог быть таким беспечным и не подозревать, что, возможно, мне была подстроена ловушка, то я бы ответил: мой слуга казался

* Благодаря книге господина О'Мира мне стало ясно, по прошествии шести лет, что я абсолютно точно догадался о чувствах императора в связи с этим делом.

мне честным, я считал его верным мне и мне всё ещё была чужда идея засылки шпионов с целью провокаций — новое изобретение британских министров того времени, которое с тех пор расцвело пышным цветом по всему континенту!

Моё изгнание из Лонгвуда — Одинокое заключение на острове

25 ноября 1816 года

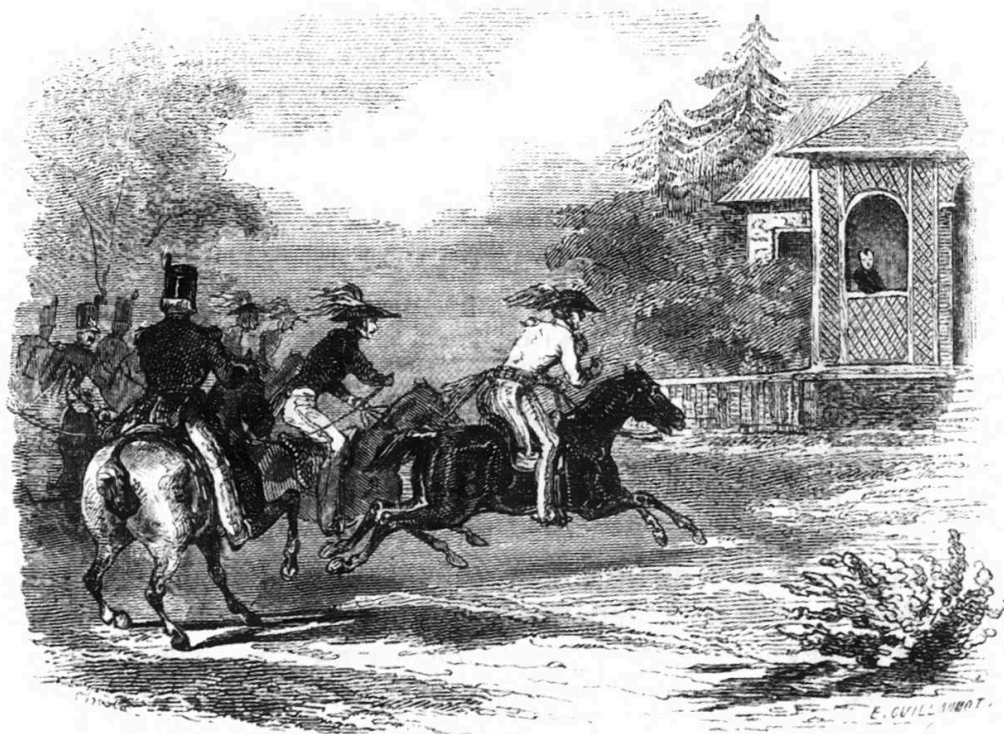
Император вызвал меня в четыре часа дня; он только что закончил работать и, судя по всему, был очень доволен результатом своих дневных занятий. «Весь день я был занят вместе с Бертраном работой, связанной с вопросами фортификации, — сказал он мне, — и день просто пролетел». Я уже говорил, что это, вполне ко времени, было новым увлечением императора; Небесам известно, что такое времяпрепровождение здесь, на Святой Елене, является полезным!

Я последовал за императором к лужайке около шатра; отсюда мы отправились в нижнюю часть сада. Нам принесли на тарелке пять апельсинов, а также десертный нож и несколько кусков сахара. Апельсины очень редки на острове, их привозят с мыса Доброй Надежды. Император очень любит этот плод. Эти апельсины прислала в подарок госпожа Малькольм; когда адмиралу удаётся достать их, он всякий раз посылает их на остров Святой Елены. В этот раз

нас было трое с императором; он дал мне один апельсин, чтобы я положил его в карман для сына, а остальные очистил и дольками разложил на тарелке. Затем он присел на низко склонившийся ствол дерева и с удовольствием принялся есть эти дольки, одновременно, как обычно, угощая ими своих спутников. Благодаря какому-то фатальному инстинкту я как раз в тот момент размышлял об огромном наслаждении, которое я получал от данной ситуации! Увы! Я был тогда так далёк от того, чтобы думать, что именно в тот момент я принимаю последний подарок из рук Наполеона!

Император затем сделал несколько кругов по дорожкам сада; усилившийся ветер стал холодным. Император вернулся обратно в дом и предложил мне одному последовать за ним в гостиную и комнату для игры в бильярд, где он стал прохаживаться взад и вперёд по всей длине двух смежных комнат. Он вновь стал рассказывать мне о том, как он провёл день, и спросил, чем я занимался. Затем разговор коснулся его женитьбы, он стал вспоминать празднества в честь этого события, которые закончились ужасным пожаром, случившимся во время бала в особняке австрийского посла князя Шварценберга. Слушая его, я подумал о том, чтобы внести в мой дневник запись об этом событии, когда неожиданно император прервал свой рассказ, чтобы посмотреть в окно на большую группу английских офицеров, направлявшихся к дому. Это был губернатор с большей частью своего штаба.

Гофмаршал, который в этот момент вошёл в комнату, сказал, что губернатор уже был в Лонгвуде утром и посетил дом гофмаршала, оставаясь там некоторое время. Гофмаршал добавил, что речь у них шла о перемещении английских войск. Это показалось мне странными и — обратите внимание на влияние нечистой совести! — мысль о моём письме, тайно отправленном, немедленно пришла в голову, и предчувствие сигнализировало, что все эти странные события касаются именно меня. И действительно, так оно и было: несколько минут спустя мне передали, что в моей комнате меня ждёт английский полковник, посланец Хадсона Лоу. Я ответил, что занят с императором, который спустя несколько минут сказал: «Идите, Лас-Каз, и выясните, что этому животному нужно от вас». И, когда я пошёл, император добавил: «И скорее возвращайтесь». Это были последние сказанные мне Наполеоном слова. Увы, с тех пор я больше его не видел! Но эти слова, его голос по-прежнему звучат у меня в ушах. Как часто с тех пор я испытывал удовольствие, вспоминая их! Какие смешанные чувства удовольствия и сожаления могут быть вызваны болезненными воспоминаниями!

Полковник, который хотел видеть меня, был полностью предан губернатору и готов выполнять все его желания; мне часто приходилось общаться с ним в качестве переводчика. Как только я вошёл в комнату, он, с выражением доброжелательности в голосе и на лице, с живейшим интересом осведомился о моём здоровье. Это был поцелуй Иуды, ибо, когда я сделал ему знак рукой, приглашая сесть на диван, и сам сел на него, он воспользовался этим моментом и встал между мной и дверью. Затем, сразу же изменив тон голоса и выражение лица, он сообщил мне, что арестовывает меня от имени губернатора, сэра Хадсона Лоу, в соответствии с показаниями моего слуги, который обвинил меня в пересылке секретной корреспонденции.

Моя комната уже была под охраной драгун, все протесты с моей стороны оказались бесполезными, я был вынужден подчиниться насилию, и меня увезли из Лонгвуда под конвоем. Император потом написал, как об этом можно будет прочитать позже, что когда через окно он увидел меня, идущего по полю в окружении вооружённых людей в шапках с плюмажами, перья которых развевались на ветру, то это зрелище напомнило ему животную радость дикарей с островов Тихого океана, танцующих вокруг пленника и готовых жадно его пожрать.

Меня разлучили с сыном, которого держали под арестом в нашей комнате; его вскоре переправили ко мне под конвоем. Именно с этого момента внезапно и окончательно прекратилась наша связь с Лонгвудом. Нас обоих заперли в жалкой лачуге около бывшей резиденции генерала Бертрана и его семьи. Я был вынужден спать

на узких нарах, на которых с большим трудом уместился ещё и мой несчастный сын, иначе ему пришлось бы спать на полу. Его здоровье в последнее время находилось в опасности, он сильно страдал от аневризмы и несколько дней назад чуть было не умер у меня на руках. Нам не давали никакой пищи до одиннадцати часов вечера, и когда, чтобы чем-то накормить сына, я стал подходить к двери и ко всем окнам с просьбой к часовым, охранявшим нас, о кусочке хлеба, в ответ они направляли в мою сторону штыки ружей.

Мои бумаги и документы подвергаются тщательному изучению

25 – 26 ноября 1816 года

До чего же ужасна первая ночь, проведённая в тюрьме! Какие только мысли ни возникали в голове! Моя последняя мысль перед сном и первая, когда я проснулся утром, была та, что я всё ещё нахожусь в нескольких минутах ходьбы от Лонгвуда, но, вероятно, уже отлучён от него навсегда.

Утром гофмаршал, в сопровождении офицера, проходил мимо моей лачуги в пределах слышимости, но я не мог его спросить из моей темницы, как себя чувствует император. Гофмаршал направлялся к губернатору в «Колониальный дом». Несомненно, он наносил визит губернатору из-за меня, но какова цель его миссии? Каковы были мысли и желания императора в связи с этим? — только этим

были заняты мои мысли. Возвращаясь обратно и проходя вновь мимо моей лачуги, Бертран, с печальным выражением лица, подал мне знак, который я воспринял как прощание со мной, и это сильно омрачило мою душу. В течение утра генерал Гурго и Монтолон также проходили в направлении бывшей резиденции госпожи Бертран, которая находилась недалеко от моей тюрьмы. Для меня было утешением видеть и оценить проявленные ими знаки дружбы и нежного участия к моей судьбе. Они безуспешно просили разрешения войти ко мне, но были вынуждены вернуться в Лонгвуд, ничего не добившись. Вскоре после этого госпожа Бертран переслала мне несколько апельсинов и сообщение, что она окольными путями получила новости о моей жене и что та пребывает в добром здравии. Это внимание ко мне, эта демонстрация доброты со стороны всех моих товарищей были для меня доказательством, что несчастье пробуждает чувства семейной любви, и это было определённым утешением для меня, когда я стал арестантом.

После моего ареста тюремщики не теряли времени даром; полицейский офицер провёл первый осмотр моей комнаты в Лонгвуде. Он обыскал мой секретер, вскрыл все выдвижные ящики комода и конфисковал все мои бумаги; и в своём стремлении продемонстрировать мощь и размеры своих умственных способностей он немедленно разобрал наши постели, разбил на части мой диван и даже говорил о том, что надо вскрыть пол.

Губернатор, заполучив все мои бумаги, теперь был намерен со злорадным торжеством предъявить их мне. Он, в сопровождении восьми или десяти офицеров, явился в бывший дом госпожи Бертран напротив моей лачуги и направил одного из офицеров спросить меня, приду ли я к нему в этот дом, где мне будет представлена опись моих бумаг и документов, или я предпочитаю, чтобы он, губернатор, пришёл в мою лачугу. Я ответил, что поскольку он оставляет мне право выбора, то мне более всего подходит второй вариант. Когда все уселись, я встал, чтобы самым решительным образом выразить протест против непристойной манеры, с которой я был выдворен из Лонгвуда, против незаконной конфискации моих бумаг в моё отсутствие, против нарушения моих прав на мои личные бумаги, священное хранилище моих мыслей, существовавших только для меня одного и до того дня остававшихся тайной для всех в мире. Я протестовал против злоупотреблений, которые могли быть осуществлены в результате незаконного использования содержания моих бумаг. Я сказал сэру Хадсону Лоу, что если он считает, что обстоятельства дела требуют изучить мои бумаги и документы, то пусть он использует для этого свои полномочия, что никаких последствий его ознакомления с моими бумагами я не опасаюсь, но

обязан перед собственной совестью и перед общими принципами возложить всю ответственность за такой поступок полностью на его особу, и что я вынужден уступить насилию, но не даю своего согласия на его действия.

Эти слова, произнесённые в присутствии его офицеров, вызвали у губернатора сильное раздражение, и он воскликнул: «Граф Лас-Каз, не старайтесь сделать ваше положение хуже, чем оно есть! Оно уже достаточно плохое!» Делая это заявление, он, вероятно, намекал на возможность применения смертной казни, которая, как он часто напоминал, угрожала всем нам, если бы мы содействовали побегу Великого Пленника. Он, несомненно, решил, что мои бумаги дадут возможность сделать самые важные открытия; одному Богу известно, насколько далеко могли зайти его мысли в этом отношении.

Прежде чем приступить к чтению моих бумаг, губернатор вызвал генерала Бингема, второго по старшинству генерала на острове, чтобы тот лично помог ему просматривать мои бумаги; но понимание этим офицером правил тактичного поведения полностью отличалось от губернаторского. «Сэр, — ответил генерал Бингем с явно выраженным чувством недовольства, — прошу извинить меня, но не думаю, что я способен разобрать рукописные записи на французском языке».

На самом деле у меня не было каких-либо серьёзных возражений против того, чтобы губернатор читал мои бумаги, и я сказал ему, что не потому, что он судья или следователь — он ни то ни другое, — но из чувства моей личной снисходительности я считаю возможным позволить ему прочитать их. Он немедленно набросился на мой дневник. Можно представить себе его радостные ожидания, когда он понял, что дневник сообщит ему всё, что происходило у нас в Лонгвуде. Дневник был достаточно удобно составлен, поскольку содержал оглавление и в начале каждого месяца давал перечень описываемых тем. Часто встречая своё имя, Хадсон Лоу открывал соответствующую страницу, чтобы прочитать все подробности о себе; я сказал ему, что если он нетерпелив, то это не моя вина, а результат его собственного неблагоприятия. Я заверял его, что мой дневник никому не известен, что сам император, описание личности и деяний которого было единственной целью дневника, прочитал только его первые пять страниц; что структура дневника ещё не сложилась окончательно и что я предполагал оставить дневник до лучших времён в тайне, известной только мне одному.

После того, как Хадсон Лоу почти три часа просматривал мой дневник, я заявил ему, что хотел дать ему возможность составить правильное представление о содержании дневника, и поскольку он это уже сделал, теперь я чувствую себя обязанным по многим причинам запретить ему дальнейшее его чтение; что он может, конечно,

делать всё, что ему заблагорассудится, но что я буду протестовать против насилия и злоупотребления им своей властью. Я заметил, что мой протест вызвал у него большую досаду, он даже почувствовал себя как-то неуверенно; так или иначе, мой энергичный протест принёс результат и дневник был оставлен в покое. Я мог бы распространить свой протест и на все остальные мои бумаги, но они меня мало заботили, и в течение нескольких последующих дней их подвергли тщательному изучению.

Моё завещание было в запечатанном конверте; я был вынужден вскрыть конверт, так же как и другие конверты с сокровенными для меня документами. На самое дно моего портфеля я в своё время положил некоторые вещи, на которые я не решался смотреть с тех пор, как покинул Европу. Теперь я должен был выложить их из портфеля. Вид этих предметов пробудил в моей душе воспоминания, которые подавили всё моё мужество, так как напомнили мне о некоторых мучительных разлуках. Я разволновался до крайности и поспешил покинуть комнату. Мой оставшийся там сын потом сказал мне, что в результате даже сам губернатор почувствовал себя как-то явно не в своей тарелке.

Меня перемещают в коттедж Балькомба

28 — 30 ноября 1816 года

28 ноября нас переместили из жалкой лачуги в небольшой коттедж, принадлежавший господину Балькомбу, бывшему хозяину коттеджа «Бриары». Наше новое жилище находилось на расстоянии примерно одного лье от «Бриаров», дом был маленький, но вполне сносный. Он был расположен неподалёку от Лонгвуда, хотя нас разделяли несколько горных кряжей с пропастями и крутые вершины гор. Нас охранял отряд английского шестьдесят шестого полка; многочисленные часовые наблюдали за нами и запрещали кому-либо подходить к нашей тюрьме. Хадсон Лоу направил в наше распоряжение офицера — как он выразился, для нашего удобства. Любая связь с внешним миром была строго запрещена; мы находились в полнейшей изоляции. По вершинам холмов, окружавших лошину с нашим домом, проходила дорога, на ней мы сегодня увидели генерала Гурго, проезжавшего в сопровождении английского офицера. Мы заметили его попытки подъехать к нам как можно ближе и с чувством радости и любви восприняли его дружеские знаки рукой, которые наш товарищ делал нам. Мы тем же способом приветствовали его. Добрая и непревзойдённая госпожа Бертран вновь

прислала нам несколько апельсинов; нам не разрешили поблагодарить её письмом, и мы были вынуждены ограничить выражение нашей благодарности посылкой нескольких роз, которые мы собрали вокруг нашей тюрьмы.

На следующий день нас в этом новом жилище посетил губернатор. Он пожелал узнать, какого вида постель предоставили мне; я провёл его в следующую комнату и показал матрас на полу. Его вниманием была удостоена и пожалованная нам еда. «Я показал вам всё это, — сказал я, — потому что вы просили, но самому мне всё это безразлично». Ознакомившись с условиями нашего проживания, губернатор не на шутку разгневался на своего чиновника, которому он поручил надзор за условиями нашего быта в этом новом жилище. Он прислал нам еду с собственного стола в «Колониальном доме», несмотря на расстояние в два лье, и продолжал делать это до тех пор, пока нам не стали регулярно доставлять необходимые продукты питания.

Следовало придумать какие-нибудь занятия в нашей новой тюрьме, чтобы как-то убить время. Я стал давать уроки по истории и математике моему сыну; мы читали, мы гуляли вокруг дома. Место расположения нашего дома было — для острова Святой Елены — достаточно приятным, там имелась растительность, даже несколько деревьев. Там же содержалось большое количество домашней птицы, которую разводили для потребления в Лонгвуде, немного цесарок и другой крупной птицы, которую мы вскоре приручили, — арестанты всегда изобретательны и жалостливы. Вечером мы обычно разжигали камин, и я рассказывал сыну истории из жизни нашей семьи, о моих семейных взаимоотношениях, упоминал и просил записывать имена тех, кто проявил ко мне доброту в своё время и оказал мне какие-нибудь услуги. Короче, наша жизнь была скучной и унылой, но настолько спокойной, что была не лишена некоторой приятности. Только одна чрезвычайно болезненная мысль постоянно мучила нас: хотя император был там, в Лонгвуде, почти в поле нашего зрения, мы, однако, жили в двух различных мирах; нас разделяло небольшое расстояние, но всякая связь между нами была прекращена!

Ужасная ситуация: я больше не был с ним, но не был и со своей семьёй, которую я оставил, чтобы последовать за ним. Что мне оставалось?.. Сын разделял эти чувства; побуждаемый создавшейся ситуацией и энтузиазмом юности, славный мальчик предложил мне, в минуту возбуждения, следующее: он воспользуется темнотой ночи, обманет бдительность охраны, спустится в многочисленные пропасти, взберётся на крутые вершины, которые отделяют нас от Лонгвуда, увидит Наполеона и доставит мне новости от него. И всё

это он собирался сделать под покровом ночи, до наступления рас-света. Я усмирил его рвение: даже если бы эта попытка удалась, она доставила бы только чувство личного удовлетворения, но могла вызвать самые серьёзные последствия. Император беседовал со мной так часто и так обстоятельно, что я не думал, что есть что-либо ещё, о чём он мог бы хотеть сообщить мне; и если бы моего сына обнаружили, какой бы поднялся шум, какое значение придал бы губернатор этой попытке, какие абсурдные истории были бы придуманы и распространены!..

Мои письма губернатору с требованием отправить меня в Европу — Допрос

1 — 6 декабря 1816 года

Дни нашего тюремного заключения медленно тянулись один за другим, но губернатор, хотя он продолжал часто посещать нас, ничего не говорил о нашей ситуации: он всего лишь намекнул, что моё пребывание на острове и тюремное заключение могут затянуться до получения инструкций из Лондона.

Прошло почти восемь дней, и ничего не изменилось. Это состояние бездеятельности и инертности не соответствовало природе моего характера, а здоровье сына временами вызывало большую тревогу. Лишённый всякой связи с Лонгвудом, я был предоставлен самому себе, предаваясь мучительным размышлениям. Я проанализировал положение, в которое меня поставили, разработал план и принял решение. Я выбрал экстремальный вариант, считая, что если император его одобрит, то он может быть полезным, но что я смогу легко отступить, если император того пожелает. Поэтому я написал губернатору следующее письмо:

«Сэр! В результате ловушки, подстроенной моим слугой, 25-го числа прошлого месяца я был оторван от Лонгвуда, а все мои бумаги были конфискованы за то, что я нарушил Ваши правила ограничений, которые я ранее соблюдал. Если бы Вы доверили соблюдение этих правил моему честному слову или моему такту, то я бы считал их священными, но Вы предпочли оберегать их с помощью наказаний за их нарушение, а я, со своей стороны, предпочёл рискнуть оспорить их. Вы применяли эти наказания по собственному усмотрению, и у меня не было возражений, — всё это, в известной степени, является вполне нормальным, но мера наказания не должна превышать меру проступка.

В чём же сейчас заключается дело? Без Вашего ведома были отданы два письма для их передачи в Европе, одно из них содержало

изложение событий, произошедших с нами, одно предназначалось принцу Люсьену. Оно бы прошло через Ваши руки, если бы Вы не заявили, что продолжение моей переписки и стиль моих писем приведёт к тому, что Вы отлучите меня от особы императора. Второе письмо было всего лишь посланием моему другу. В результате все мои бумаги и документы оказались в Ваших руках, Вы лично ознакомились с ними, даже с теми, которые имеют самый интимный характер. Я облегчил Вам изучение моих бумаг, согласившись позволить Вам прочитать, исключительно под Ваше честное слово, всё то, что прежде было известно только мне, что является пока ещё лишь собранием хаотичных и неопределённых мыслей, в любую минуту подлежащих исправлению или изменению, — одним словом, тайной моего хаоса.

Поступая таким образом, я хотел убедить Вас — и я апеллирую к Вашей доброте, когда говорю, что я надеюсь, что убедил Вас, — что в той куче бумаг, которые Вы наспех просмотрели, нет ничего такого, что можно рассматривать как стремление воспрепятствовать выполнению вами благородной и важной части ваших обязанностей: никакого заговора, никакого плана, никакой даже мысли, имеющей отношение к побегу Наполеона с острова. Вы ничего подобного не смогли обнаружить, так как ничего такого не существовало. Мы придерживаемся мнения, что его побег с острова невозможен, и мы не думаем об этом. Тем не менее, я не стану отрицать, что охотно попытался бы осуществить его, будь я убеждён в возможности успеха. Я бы с готовностью пожертвовал своей жизнью, чтобы вернуть императору Наполеону свободу. Я стал бы мучеником, и память обо мне навсегда осталась бы во всех благородных и великодушных сердцах. Но я вновь повторяю, что никто не считал подобную попытку осуществимой, никто и не думал совершать её. Планы и пожелания императора Наполеона по-прежнему те же, которые он сформулировал, когда направлялся *без принуждения и чистосердечно* на борт “Беллерофона”, а именно, отправиться в Америку или даже в Англию, чтобы обрести спокойную жизнь под защитой законов.

Я мог бы сказать, что всем своим существом возражаю против того, чтобы Вы впредь читали *все мои бумаги и документы*, но я ограничиваюсь *дневником*. Я делаю это из огромного уважения, которое испытываю к августейшей особе, чьё имя заполняет страницы дневника. Я делаю это из уважения к самому себе и, соответственно, решительно возражаю, чтобы Вы читали мой дневник. Поэтому я требую, чтобы эти бумаги или немедленно возвратили мне или — если Вы считаете, что их содержание чуждо великим целям Вашей администрации и полагаете, что некоторая часть этих бумаг должна быть предъявлена британским министрам, — отправили их все

в Англию, и меня вместе с ними. Вы, сэр, так часто ссылаетесь на эти бумаги, что чувство такта действительно требует, чтобы Вы приняли одну из этих двух альтернатив...

Будь что будет, сэр! Какими бы ни были Ваши намерения в отношении меня, я с этой минуты, насколько мне позволяет нынешнее положение, отказываюсь от добровольного порабощения, в которое я отдал Вам себя. В начале Вы сказали, что в любое время я волен отказаться от него, и поэтому, с нынешнего момента я желаю вернуться в класс простых граждан. Я вновь отдаю себя в распоряжение Ваших гражданских законов; я прошу Ваши суды проявлять не благосклонность, но справедливость и здравый смысл. Я предполагаю, генерал, что Вы слишком уважаете законы и обладаете природённой справедливостью, чтобы вынуждать меня оскорблять Вас заявлением, что Вы будете нести ответственность за все нарушения закона, которые, непосредственно или косвенно, могут быть осуществлены в отношении меня...

Я ещё не знаю, сэр, какими могут быть Ваши намерения относительно будущего моей персоны, но я уже возложил на себя величайшую из всех жертв. Я по-прежнему нахожусь совсем близко от Лонгвуда, но, возможно, уже разлучён с ним вечностью; эта ужасная мысль опустошает мне душу и преследует моё воображение! Всего лишь несколько дней назад Вы заставили бы меня пойти на любые жертвы под страхом разлуки с особой императора; сегодня не в Вашей власти вернуть меня к нему. Арест почти на его глазах наложил на меня пятно. Я больше не могу быть источником утешения для него; он будет видеть во мне только обесчещенного человека, вызывающего мучительные воспоминания. И всё же его присутствие, внимание, которое я с радостью оказывал ему, для меня дороже, чем собственная жизнь...»

На следующий день я вновь написал губернатору, чтобы сообщить, что вследствие письма, отправленного мною накануне, я теперь официально требую моего отъезда с острова Святой Елены и возвращения в Европу. На следующий день, в моём третьем письме, я затронул тот же вопрос, рассматривая его в связи с моим положением, которое влияет на мои домашние дела.

«В двух предыдущих письмах, — писал я, — касавшихся моей политической ситуации, я считал неуместным и неприличным написать хотя бы слово, затрагивающее мои личные дела, но теперь, когда я считаю себя всё более и более принадлежащим к общей массе простых граждан, я без колебаний, в качестве случайного жителя Вашего острова, сообщаю Вам о всех ужасах моей личной ситуации. Вам известно об опасном состоянии здоровья моего сына, — об этом Вам должны были доложить врачи. С тех пор как оборвалась

заветная и священная нить, связывавшая нас с Лонгвудом, все его мысли, все желания и надежды страстно повернулись в сторону Европы; его болезнь будет только возрастать под воздействием нетерпения и силы воображения. Такое его физическое состояние делает мою моральную ситуацию ещё более ужасной, если это только возможно. Я должен был бороться одновременно и против чувств моего сердца, и против беспокойств моего разума. Я не могу думать без ужаса о том, что это я несу ответственность за то, что привёз его сюда, за то, что здесь стал причиной его ареста. Что я отвечу его матери, которая спросит меня о своём сыне? Что я буду отвечать другим людям, которые, хотя и оставаясь безразличными к обстоятельствам, всегда готовы судить и осуждать?

Я ничего не говорю о моём состоянии здоровья, оно не имеет большого значения среди подобных душевных волнений. И всё же, моё здоровье оказалось в весьма печальном состоянии, ибо с тех пор, как у меня исчезла причина, которая заставляла активно действовать мой разум, моё тело ослабевает в результате ужасного разрушения, вызванного восемнадцатью месяцами борьбы, волнений и несчастий, которые едва ли может представить воображение. Я более не нахожусь рядом с августейшей особой, ради которой я охотно переносил страдания, однако я разлучён и со своей семьёй, её отсутствие вызывает у меня большую печаль. Лишённое и того и другого, моё сердце разрывается между ними, оно блуждает в первозданном хаосе, оно более не может переносить такое положение.

Я предоставляю Вам, сэр, возможность оценить эти доводы. Не приносите в жертву сразу двоих. Я прошу Вас отправить нас в Англию, в этот источник науки и всякого рода помощи. Это первое требование такого рода, с которым я обращаюсь к Вам. Но печальное состояние здоровья сына пересиливает мой стоицизм; разве оно не пробудит в Вас гуманность? Несколько причин могут повлиять на Ваше решение, — все они содержатся в моём письме от 30 ноября. В данном письме я лишь добавлю, что у Вас появилась возможность дать великий и редкий пример беспристрастности, направив Вашим министрам одного из своих противников».

Получив эти письма, сэр Хадсон Лоу посетил меня и, коснувшись первого письма, немедленно стал отрицать тот факт, что он устроил для меня ловушку, используя моего слугу. Затем он принялся обсуждать отдельные части моих писем, подробно остановившись на ряде выражений, которые, как он заявил дружеским тоном, не могли быть приятны для него. Тут надо сказать, что обычно Хадсон Лоу избегал отвечать мне в письменной форме и, по обыкновению, приходил ко мне, как это я только что описал, чтобы поговорить со мной о только что полученных от меня письмах, и, добившись от

меня нескольких исправлений в них, тут же удалялся, заявляя, что вскоре даст обстоятельный ответ. Этого он в то время так и не сделал, да и потом тоже не сделал. Но, как мне сообщили из Англии, он теперь платит периодическим изданиям и случайным пасквилянтам за то, чтобы они бранили мою работу.

Во время многочисленных дискуссий, поводом для которых служили мои письма, сэр Хадсон Лоу, за исключением вычёркивания из текста писем немногих выражений, не добивался никаких важных уступок и не достигал своих целей. Покидая меня, он обычно характеризовал меня как исключительно хитрого человека, как человека, которого следует опасаться. Для него хитрым, коварным и опасным был тот человек, у кого хватало ума не уступать его точке зрения или не попадать в подстроенные им ловушки. Тем не менее, следующий случай — единственный, когда мне удалось обмануть его. Праздность и невзгоды неволи обостряют изобретательность; кроме того, этот случай был справедлив в отношениях между нами: арестант обладает неоспоримым правом пытаться обмануть тюремщика.

Я писал, в начале моего дневника, что император в момент нашего отъезда на Святую Елену тайно поручил мне хранить ценное бриллиантовое ожерелье. Привычка носить его на себе в течение продолжительного времени привела к тому, что я перестал думать о нём. Только после нескольких дней изоляции я совершенно случайно вспомнил о нём. Поскольку за мной пристально наблюдали, я не мог вернуть ожерелье императору, который, несомненно, забыл о нём так же, как и я сам. Потратив много времени на обдумывание возникшей проблемы, я измыслил план использовать самого губернатора в её решении. Я попросил разрешения попрощаться с моими товарищами и написал гофмаршалу следующее письмо:

«Сударь! Оторванный от всех вас, предоставленный самому себе, лишённый какой бы то ни было связи с внешним миром, я был вынужден принимать решения, основанные на моём собственном здравом смысле и на моих собственных чувствах. О них я официально сообщил сэру Хадсону Лоу в письме от 30 ноября. В ответ на разрешённую мне свободу я не скажу ни слова о содержании этого письма и полагаюсь на тактичность высокой власти, которая сообщит Вам содержание всего письма лишь в том случае, если когда-либо будет упомянута только часть его или на него лишь будут ссылаться; в общем, я покоряюсь моей судьбе.

Мне остаётся только просить Вас возложить к ногам императора заверение в моём уважении, почитании и любви к нему; моя жизнь по-прежнему полностью посвящена ему. Я всегда буду испытывать счастье, лишь находясь рядом с его августейшей особой.

В том несчастном положении бедности, до которого вы все доведены, мне бы от всей души хотелось оставить после себя некоторые драгоценности моей жены... ожерелье... лепту вдовицы! Но как я осмелюсь предложить его? Я часто предлагал передать вам четыре тысячи луидоров, которые находятся на моём счету в Англии; сейчас я вновь повторяю это предложение, — моё положение, каким бы оно ни было, не меняет это намерение. Впредь я буду гордиться тем, что во мне нуждаются! Ещё раз, сударь, прошу Вас заверить императора в моей полной преданности его особе, моей верности ему и моём непоколебимом постоянстве...

И вы, мои дорогие товарищи в Лонгвуде, разрешите мне всегда оставаться в вашей памяти! Я знаю о лишениях и несчастьях, которым вы подвержены; моё сердце обливается кровью за вас. Находясь с вами, я так мало был полезен вам; когда же я окажусь вдали от вас, вы узнаете о моём усердии и о моей нежной заботе о вас... Я нежно обнимаю вас всех...

P.S. Это письмо было написано некоторое время назад, когда я думал, что меня собираются отправить отсюда. Сегодня губернатор, давая мне разрешение отправить это письмо Вам, сообщил, что мне предстоит ждать здесь, пока не будут получены ответы из Англии. Таким образом, я месяцами буду находиться на острове Святой Елены, и всё же Лонгвуд прекратит для меня своё существование, — новый вид мучения, о котором я не думал!»

Губернатор, которому я вручил это письмо в открытом виде, ибо таково было условие, прочитал его и был настолько любезен, что взял на себя обязанность лично передать письмо адресату. Это обстоятельство вызвало повышенное внимание со стороны императора и содействовало, хотя и косвенно, тому, что ожерелье было возвращено Наполеону.

Наконец наступило время появиться на свет знаменитым тайным документам: моему письму принцу Люсьену и письму моим лондонским знакомым. Сэр Хадсон Лоу приказал, чтобы с них сняли тщательные копии, которые оказались с большими пробелами из-за невозможности разобрать весь текст: отдельные слова были смыты с куска шёлка из-за того, что он случайно подмок уже после того, как я расстался с ним. Я оставался любезным и благожелательным до тех пор, пока не получил их обратно; и тогда началось нечто вроде допроса.

Внимание губернатора больше всего занимали два вопроса, которые ему хотелось прояснить, если, как он сказал, у меня нет возражений против этого. Первый вопрос касался следующих слов в моём письме принцу Люсьену: «Те, кто окружают нас, горько жалуются

на то, что их письма фальсифицируются при публикации в газетах...» Я был спрошен, кто именно эти люди; адъютант губернатора держал наготове перо, чтобы записать мои ответы. Я ответил, что эти слова в моём письме были неопределёнными, общего характера и я вообще никого не имел в виду; это то, что люди говорили, когда стремились утешить нас в связи с весьма непристойными выражениями в наш адрес и неприличными карикатурами, которые мы время от времени находили в лондонских газетах. При этом в публикациях указывалось, что материалы для них доставлены с острова Святой Елены.

Второй вопрос губернатора касался моего личного письма. Среди прочего в нём содержалась просьба спросить лорда Холланда, получил ли он пакеты, которые я направил ему. Губернатор осведомился, что это за пакеты и с кем я направил их в Англию. Он признал, что не имеет права заставлять меня отвечать на его вопросы, но мой ответ, сказал он, существенно ускорит и упростит дело. Я ответил, довольно официальным тоном, что это *секрет*. Такой ответ явно вызвал соответствующее выражение лица сэра Хадсона Лоу. Поскольку мои слова записывались его адъютантом по мере того, как я произносил их, то я продолжал диктовать и сказал, что данный мною только что ответ — единственный, который подсказывают мне воспитание и привычки, что любой другой ответ мог бы вызвать у губернатора сомнения и что я поступил бы неправильно, подвергнув правдивость моих слов малейшему подозрению. Потом, сделав это заявление, я сказал, что никогда в жизни не вступал в связь с лордом Холландом. Это неожиданное завершение моего ответа произвело настоящий театральный эффект, вполне достойный стать кульминацией комедийной сцены. Трудно описать удивление губернатора и изумление присутствовавших английских офицеров; перо застыло в руке адъютанта, записывавшего мои ответы. Лоу поспешил ответить, что он полностью верит мне, но должен признаться: он ничего не понял из того, что я сказал. Я рассмеялся при виде растерянности, которую вызвал у него, и подтвердил, что всё дело в том, что я был намерен, когда вернётся мой бывший слуга, поручить ему несколько документов о нашем положении на острове Святой Елены для передачи их лорду Холланду, но у меня не хватило времени сделать это: английские офицеры забрали меня из Лонгвуда. Я имею честь знать лорда Холланда только благодаря благородному достоинству его публичных выступлений, и сообщить его светлости, потомственному законодателю-парламентария и члену Верховного суда Великобритании правду казалось мне вполне правильным и полезным для чести британского характера.

Мои тревоги — Письмо от императора, истинное благословение

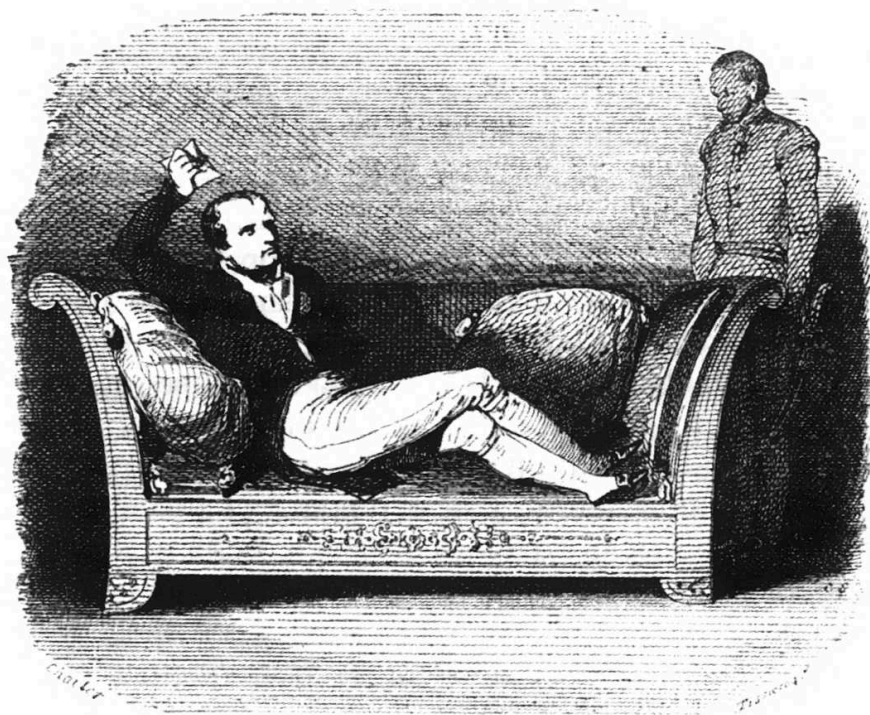
16 декабря 1816 года

Прошло более двадцати дней, и нет никаких изменений нашего ужасного положения. Болезнь сына проявлялась самыми тревожными симптомами; моё здоровье явно ухудшалось из-за печали и постоянного беспокойства. Наше тюремное заключение было настолько строгим, что мы не слышали ни единого слова из Лонгвуда; мне совершенно не было известно, как в Лонгвуде истолковывают моё дело, я только узнал, что последние восемнадцать дней император не покидает своих апартаментов и почти всегда питается у себя в одиночестве. Какие только страдания я не испытывал из-за этого! Император очевидно страдал, но каким образом и отчего? Был ли я причиной этого? Это сомнение стало для меня источником страшных душевных терзаний; оно не оставляло меня ни на минуту с тех пор, как я покинул Лонгвуд, ибо император находился в полнейшем неведении относительно причины моего изгнания, — так было предопределено судьбой. Что он подумал, когда узнал о моих тайных письмах? Какая причина, по его мнению, подтолкнула меня к тому, чтобы обмануть его, — меня, который, по укоренившейся привычке, не делал ни одного шага, не сообщив ему заранее об этом?! Я сравнивал свои проступки с его трогательной добротой последних минут, которые я провёл с ним. За несколько мгновений до того, как меня оторвали от него, он был как никогда хорошо настроен по отношению ко мне, но вот он почувствовал что-то странное и таинственное в моём поведении, у него появилось право на сомнение и осуждение. Эта мысль страшно огорчала меня и заметно влияла на моё здоровье.

К счастью, губернатор возвратил меня к жизни. Он появился к вечеру и выглядел весьма озабоченным тем, что должен был сообщить мне. После долгой преамбулы, которую я с трудом понимал, он наконец сказал мне, что у него есть письмо, которое, учитывая мою ситуацию, он имеет право утаить от меня, но что он знает, насколько дорога для меня рука, писавшая это письмо, насколько сильно я ценю выраженные в нём чувства, и поэтому он собирается показать мне это письмо, несмотря на многие личные причины не делать этого! Это было письмо от императора!

Независимо от вреда, который Хадсон Лоу причинил нам, независимо от тех мотивов, которыми он руководствовался, в тот момент я был у него в долгу за счастье, которым он одарил меня; и, когда я вспоминаю об этом чувстве счастья, я не могу не упрекнуть себя

за некоторые обвинения в его адрес. Я был настолько взволнован в тот момент, что он, казалось, был тронут этим и согласился с моей просьбой разрешить снять копию с того, что было личным в письме. Мой сын поспешно переписал эти абзацы, настолько мы боялись, что он передумает. И когда губернатор ушёл, мы ещё несколько раз переписали снятую копию; мы даже выучили письмо наизусть, настолько велик был наш страх, что за ночь Хадсон Лоу передумает и всё отберёт. И действительно, когда он вновь появился у нас на следующее утро и выразил сожаление по этому поводу, я без колебаний предложил вернуть ему снятую накануне копию, заверив его, что буду чувствовать себя не менее благодарным. Мы старались всеми средствами показать себя благодарными. То ли он верил, то ли хотел продолжать казаться добрым, я этого не знаю, но он отклонил моё предложение вернуть копию.

Теперь я предлагаю вниманию читателя это письмо, оригинал которого остался на хранении у сэра Хадсона Лоу. Губернатор дал мне слово, что это письмо разделит судьбу других моих бумаг. Тем не менее, у меня возникли всевозможные трудности при попытке получить всё обратно: я их получил, только когда английское правительство, после кончины Наполеона, посчитало, что оно не может избежать необходимости вернуть мне мой дневник.

Курсивом в письме выделены абзацы, которые сэр Хадсон Лоу дал мне тогда прочесть и списать.

«Мой дорогой граф де Лас-Каз, я всем сердцем глубоко чувствую всё то, что Вам сейчас приходится переживать. Оторванный от меня две недели назад, Вы оказались тайно заперты и лишены возможности общаться с кем-либо, будь то француз или англичанин, лишены даже права выбрать себе слугу.

Ваше поведение на острове Святой Елены, достойное всякого уважения, было безукоризненно, как и вся Ваша жизнь, — мне доставляет удовольствие сообщить Вам это. Ваше письмо другу в Лондон не имеет оснований для порицания: в нём Вы только открыли своё сердце в рамках дружеских чувств.

Это письмо точно такое же, как и те восемь или десять других, которые Вы написали тому же лицу и отправили незапечатанными. Губернатор этого острова, у которого отсутствует чувство деликатности, тщательно изучал выражения, подчёркивавшие Ваши дружеские чувства, и недавно подверг их упрёкам, угрожая выслать Вас с острова, если письма вновь будут содержать жалобы на него. Поступая подобным образом, он нарушил свою главную обязанность, первую статью своих инструкций, нарушил понятие чести; тем самым он дал Вам основания искать средства, позволяющие вашим чувствам дойти до Ваших друзей и познакомить их с преступным поведением этого командующего островом. Но Вам чужды вероломство и хитрость, поэтому было так легко воспользоваться Вашим доверием!

Они выискивали предлог конфисковать Ваши бумаги. Письмо другу в Лондон не может оправдать полицейский визит в Ваш дом, ибо в письме не описывался тайный заговор, в нём не содержалось никакой тайны, и оно лишь выражало чувство благородного и искреннего сердца. Незаконное и возмутительное поведение властей по этому поводу несёт на себе знак низкой личной ненависти.

В менее цивилизованных странах ссыльные, военнопленные и даже преступники находятся под защитой законов и судебных властей; над теми лицами, которым поручено их тюремное содержание, стоят чиновники более высокого ранга, наблюдающие за своими подчинёнными. Но на этом острове один и тот же человек устанавливает самые абсурдные правила, и он же с особой жестокостью осуществляет их на практике, нарушая при этом все законы; и не находится ни одного человека, который бы обуздал его крайности.

Принца-регента никогда не ставили в известность о деяниях, совершаемых от его имени, отказывались передавать ему мои письма, отправляли обратно жалобы, посланные графом Монтолоном, а графу Бертрону сообщили, что в дальнейшем наши письма вообще не будут принимать, если они окажутся такими же клеветническими, какими были до сих пор.

Лонгвуд окружён завесой, с помощью которой они хотели сделать его недоступным, чтобы скрыть своё преступное поведение. Все эти меры предосторожности дают повод для подозрений в ещё более гнусных намерениях!

С помощью умело распространяемых слухов совершается попытка одурачить офицеров, иностранцев и жителей этого острова, и даже иностранных представителей. Конечно, британское правительство дурачат точно таким же образом с помощью неискренних и лживых докладов.

Ваши бумаги — некоторые из них, и это им известно, принадлежали мне, — были конфискованы без соблюдения формальностей в непосредственной близости от моих апартаментов и с выражением дикой радости на лицах. Мне сообщили об этом спустя всего лишь несколько минут. Я выглянул из окна и увидел, как они спешат забрать Вас из Лонгвуда. Они толпой резвились вокруг Вас. Я подумал, что наблюдаю дикарей с островов Тихого океана, отплясывавших вокруг пленников, прежде чем съесть их.

Ваши услуги были необходимы мне. Только Вы читали, говорили и понимали английский язык. Как много ночей Вы провели около меня, наблюдая за мной во время моих болезней! Однако я настоятельно прошу Вас и, если необходимо, приказываю Вам обратиться с просьбой к командующему островом отправить Вас обратно на континент. Он не может отказать Вам в этом, так как не обладает властью над Вами, если не считать добровольно подписанной Вами декларации. Для меня будет большим утешением узнать, что Вы находитесь на пути к более счастливым берегам.

Как только Вы прибудете в Европу и отправитесь или в Англию, или на родину, забудьте обо всём том зле, от которого Вы здесь страдали. Вы можете гордиться лояльностью, которую проявили по отношению ко мне, и любовью, которую я испытываю к Вам.

Если когда-нибудь Вы встретите мою жену и сына, то прошу Вас обнять их от моего имени; в течение последних двух лет я не получал никаких известий о них, непосредственно или косвенно.

За последние шесть месяцев был случай, когда здесь побывал один немецкий ботаник, видевший их в садах Шенбрунна за несколько дней до своего отъезда. Варвары запретили ему навестить меня, чтобы сообщить известия о моей жене и о моём сыне.

Однако утешьтесь сами и утешьте моих друзей. Моё тело, это верно, находится во власти врагов; они не забыли ничего из того, что могло бы утолить их месть. Они убивают меня булавочными уколами, но Провидение слишком справедливо, чтобы позволить продолжаться этому слишком долго. Нездоровый характер этого губительного климата, недостаток всего, что может поддерживать жизнь, вскоре, как я чувствую, положат конец моему существованию.

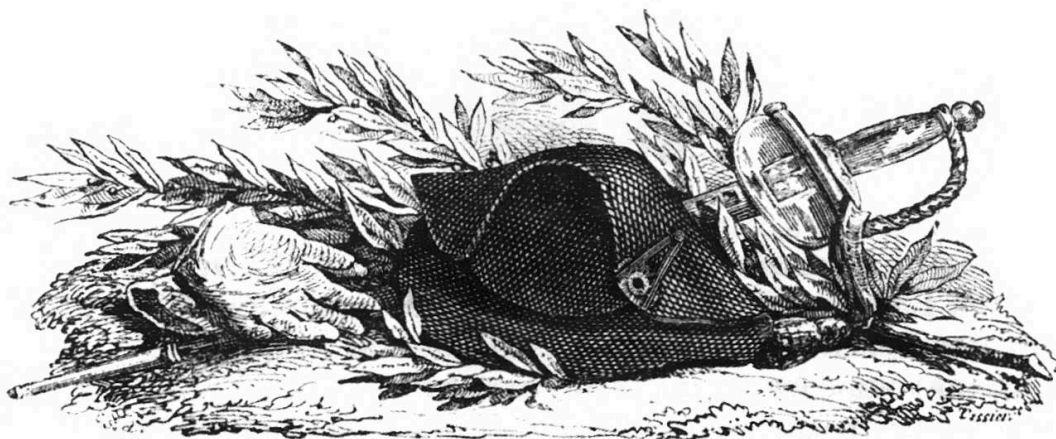
Мои последние минуты обернутся позором для английской репутации; и Европа в один прекрасный день с ужасом укажет на этого лицемерного, злобного человека, которого истинные англичане откажутся признавать британцем.

Так как всё заставляет меня верить, что нам не разрешат повидаться перед Вашим отъездом, то прошу принять мои объятия и заверения в уважении и дружбе к Вам. Будьте счастливы!

Любящий Вас

Наполеон.

Лонгвуд, 11 декабря 1816 года».

На этом воспоминания графа Лас-Каза о его пребывании на Святой Елене в обществе Наполеона завершаются, и начинается 100-страничный мемуар (включая многочисленные письма и приложения) о последующих семи годах жизни автора.

В них часто встречается имя императора, но главным героем повествования становится сам Лас-Каз, и это, строго говоря, уже другая книга. Она, безусловно, достойна всяческого внимания и, скорее всего, будет включена в следующее русское издание. Ниже следует, сохраняя рубрикацию автора, опись содержащихся там материалов.

17 — 19 декабря 1816 года. Размышления о письме Наполеона. Новые препятствия, чинимые Хадсоном Лоу.

20 — 21 декабря 1816 года. Официальное решение губернатора выслать Лас-Каза на Мыс Доброй Надежды.

22 — 23 декабря 1816 года. Письма Лас-Каза Хадсону Лоу.

24 декабря 1816 года. Переезд из коттеджа Балькомба в Джеймстаун.

25 — 28 декабря 1816 года. Пребывание под арестом на территории резиденции губернатора.

29 декабря 1816 года. Прощание с гофмаршалом Бертраном.

30 декабря 1816 года. Прощальный визит адмирала Малькольма. Опечатывание бумаг. Отъезд с острова.

31 декабря 1816 года — 17 января 1817 года. Восемнадцать дней на борту брига «Гриффин».

18 января 1817 года. Описание мыса Доброй Надежды, на котором Лас-Каз провёл почти семь месяцев.

19 — 28 января 1817 года. Тюремное заключение в старом замке. Переписка с местным губернатором лордом Чарльзом Сомерсетом. Письма Лас-Каза в Лондон лорду Каслри и принцу-регенту.

29 января — 5 апреля 1817 года. Пребывание в Ньюленсе, загородной резиденции губернатора Малькольма.

6 апреля — 19 августа 1817 года. Жизнь на мысе Доброй Надежды в Тайгерберге. Чтение знаменитой книги «Письма с острова Святой Елены», вызвавшей всеобщее любопытство в Европе. Переписка с администрацией колонии с целью ускорить отъезд в Европу.

16 ноября — 11 декабря 1817 года. Доставленного в Англию Лас-Каза принудительно пересаживают на другой корабль и высылают в Остенде. Письма министрам полиции Франции и Голландии. Пребывание Лас-Каза в Брюсселе под полицейским надзором. Переезд по этапу через Голландию на территорию Пруссии во Франкфурт. Приезд жены.

Декабрь 1817 года — апрель 1819 года. Пятнадцать месяцев в Германии. Попытки Лас-Каза облегчить положение обитателей Лонгвуда. Его письма Марии Луизе и монархам союзных держав. Письмо лорду Батхерсту и петиция британскому парламенту. Контакты с различными членами семьи Наполеона. Поездка в Баден и переезд в Мангейм. Действия Лас-Каза в связи с конгрессом союзных монархов в Э-ла-Шапель. Получение им письма от матери Наполеона. Документы, полученные из Лонгвуда. Новые обращения к монархам. Письмо лорду Каслри и лорду Ливерпулю. Общественное мнение Европы того времени. Переписка Лас-Каза с графом Бертраном. Высылка из Мангейма и переезд в Оффенбах.

Май 1819 года — вторая половина 1821 года. Подробности жизни в Оффенбахе. Приезд госпожи Монтолон в Европу. Лас-Каз переезжает с места на место: Брюссель, Льеж, Шод-Фонтэн, курортный городок Соа, Антверпен, Малинэ. Известие о смерти Наполеона.

Лас-Каз возвращается во Францию, получает назад свои рукописи, которые у него забрали на Святой Елене, и начинает готовить дневник-воспоминания к публикации. Эта работа была завершена им в Пасси 15 августа 1823 года.

Наконец, следует указать, что первые издания «Мемориала Святой Елены» заканчивались двумя приложениями: 1) выдержки (всего около 10 страниц) из книги доктора Антомарки, врача Наполеона, о последних минутах Наполеона, его смерти и погребении; 2) завещание Наполеона.

КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

1. *...его корабли могли бросить якорь у самой дамбы и там устроить нам новую Абукирскую катастрофу...* — В 1798 году в ходе Египетской экспедиции Бонапарта в Абукирском заливе произошло морское сражение, в котором французский флот потерпел сокрушительное поражение от английской эскадры адмирала Нельсона. Абукирская катастрофа лишила армию Наполеона всех коммуникаций с Францией, что в 1801 году позволило англичанам одержать победу у Александрии.

2. *...теперь я хотел иметь своё озеро Морис.* — Озеро Морис — древне-египетское искусственное озеро, с которым Нил был соединён каналом. Впоследствии канал был перекрыт плотиной, и озеро почти высохло. В настоящее время на его месте находится небольшое озеро Карум.

3. *Я бы выиграл войну, одержав победу в битве, подобной Акцийской...* — Акций — мыс в Ионическом море. У этого мыса в 31 г. до н.э. во время гражданской войны в Древнем Риме флот полководца Августа Октавиана разгромил флот полководца Марка Антония и Клеопатры.

4. *Данное обстоятельство дало повод заметить, что правительство было обязано запретить представление «Ричарда» пятого и шестого октября...* — Осенью 1789 года продовольственное положение в Париже резко ухудшилось. Стремительно стало расти недовольство, в особенности среди женщин, часами простаивавших в очередях за хлебом. Оно усиливалось ещё и под влиянием упорных слухов о контрреволюционных приготовлениях двора, готового разогнать Учредительное собрание. 5 октября огромные толпы народа двинулись на Версаль. Толпа окружила королевский дворец, а на рассвете 6 октября ворвалась туда. Король вынужден был не только утвердить все решения Учредительного собрания, но и, по требованию народа, переехать со всей семьёй в Париж. Вслед за королём туда же перенесло свои заседания и Учредительное собрание.

5. *Империя, подобная Франции, может и обязана иметь дома для сумасшедших, которых зовут траппистами.* — Трапписты — монашеский орден, основанный в 1636 году де Рансе, аббатом цистерцианского монастыря Ла-Трапп. Для своих последователей Рансе ввёл строгие правила, представлявшие полный возврат к восточному аскетизму: 11 часов в сутки проводить в молитвах, а остальное время посвящать тяжёлым полевым работам; вечером трудиться над сооружением для себя могилы, спать

в гробу на соломе; а также хранить глубокое молчание. Во время Великой французской революции трапписты были изгнаны из Франции и селились в Швейцарии, Пруссии, Польше и России. Но везде подвергались преследованиям.

6. *Эта просьба была подобна той, с которой Дидона обратилась к Энею, и я также мог бы воскликнуть: «Infandum regina, jubes...»* — Тут Лас-Каз ошибается: Наполеон имел в виду просьбу Энея к Дидоне из поэмы Вергилия «Энеида» (книга 2): «Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!» (пер. С.Ошерова).

7. Жак Бенинь Боссюэ (1627—1704) — знаменитый французский поведенник и богослов, писатель, епископ Мо.

Четыре положения о вольностях галликанской церкви Жана Боссюэ, изложенные им в Париже в 1682 году от имени национального Собора:

1. Папа обладает властью лишь в делах духовных, в светских делах государь не подчиняется никакой власти.

2. Признаются все постановления Констанцского собора как утверждённые папой и принятые галликанской церковью.

3. Папа связан этими постановлениями, и согласно им утверждаются все правила, обычаи и порядки галликанской церкви.

4. Хотя в делах веры папе принадлежит власть, однако решения его могут считаться неопровержимыми только после согласия с ними всей церкви.

8. *...где наблюдал манёвры нашего Остгота.* — Остготы — германское племя, восточная ветвь готов. При короле Теодорихе Великом (474—526 годы) остготы завоевали Италию и основали Остготское королевство со столицей в Вероне. Остготы наиболее ярко проявили себя в историческом процессе захватом Италии и созданием там своих королевств.

9. *...после катастроф Шерера...* — Имеются в виду поражения французского генерала Бартельми Луи Жозефа Шерера (1747—1804) в качестве главнокомандующего Итальянской армией в 1799 году от австрийцев — при Пастренге, Вероне и Маньяно, — после чего он передал главное командование генералу Моро.

10. *...Я осмелился заметить, что оценка, данная в то время его патриотическому поступку, сильно удивила меня, поскольку Раstopчин очень интересовал меня, не вызывая моего возмущения, — более того, я завидовал ему...* — Пожар Москвы произвёл прямо противоположное впечатление на русское и французское общества. В России признание Раstopчина, что он участвовал в сожжении Москвы, хотя бы даже с патриотической целью, показалось бы чудовищным и вызвало бы бурю негодования, так как только в официальных реляциях утверждалось, что Москва оставлена пустой и что из неё всё вывезено. Раstopчин должен был считаться с враждебным настроением тех, кто потерпел материальные убытки от пожара. При таких условиях ему приходилось умалчивать о своём «подвиге». В то же время за границей появилась «патриотическая легенда» о пожаре

Москвы: этот поступок вызывал скорее восхищение, чем порицание. Ещё до падения Наполеона Растропчин сделался французской знаменитостью. Все хотели его видеть, издавались его портреты с подписями «Легендарный Растропчин».

11. *Потеря семи часов оказалась очень огорчительной для начала всей кампании.* — Возможно, что у Лас-Каза в подсчёт часов вкралась ошибка.

12. *Он скопировал Фемистокла, не выслушав Аристид.* — Аристид (ум. ок. 467 года до н.э.) — афинский государственный деятель во время Греко-персидских войн. При Марафоне он был одним из военачальников, но сам отказался от командования, передав его вождю, план которого считал лучшим. При Саламине в решающем бою против Ксеркса он отбил у персов тот островок, на котором потом был поставлен памятник в честь этого сражения. При Платее он начальствовал над всеми афинскими частями в союзной греческой армии. У него было прозвище Справедливый. Его соперником был Фемистокл (537—459 годы до н.э.); раздоры были такие, что Аристид говорил: «Лучше всего бы афинянам взять да и бросить в пропасть и меня и Фемистокла». Однако потом он сам пришёл к Фемистоклу и сказал: «Бросим раздоры, дело у нас общее: ты лучше умеешь командовать, а я буду твоим советником».

13. *...и напомнил нам об адмирале де Грассе и о его поражении 12 апреля.* — Франсуа Жозеф Поль де Грассе (1722—1788) — французский адмирал, участник войны за независимость США. Имеется в виду поражение французско-испанского флота под его командованием 12 апреля 1782 года во время экспедиции на Ямайку — с целью её завоевания, когда, несмотря на явное преимущество в силах и сопутствующую удачу, французы потерпели сокрушительное поражение от англичан. Пленный адмирал был доставлен на Ямайку, а оттуда в Лондон. В 1783 году де Грассе вернулся из плена, был предан суду и оправдан. Он опубликовал «Оправдательные записки», в которых объяснил свое поражение малодушием некоторых командиров французских кораблей. Однако суд оправдал и тех, кого он обвинил, а король, недовольный несправедливыми нападками на его офицеров, запретил де Грассе появляться при дворе.

14. *Если бы, — заявил он, — Людовик XV умер в детстве, то кто бы стал сомневаться, что герцог Орлеанский отравил всю королевскую семью?..* — Внебрачные дети короля Людовика XVI от маркизы де Монтеспан — герцог Менский и граф Тулузский — плели интриги против племянника короля герцога Орлеанского, обвиняя его в отравлении ядом семьи Людовика. Их главной целью было отнять регентство у герцога, которому оно по праву принадлежало, и предоставить его герцогу Менскому. Недоверие к племяннику укоренилось в сердце старого и больного короля, тем более что один за другим умерли все его прямые наследники. Выжил только его правнук — четырехлетний герцог Анжуйский. Если бы умер и он, то французский трон перешёл бы к герцогу Орлеанскому, которому и так предназначалась роль регента до совершеннолетия нового короля. Людовик XVI, боясь, что герцог Орлеанский отравит и его малолетнего правнука,

узаконил ранг своих внебрачных детей: указом от 2 августа 1714 года он предоставил корону усыновленным принцам и их потомкам в случае недостатка принцев крови, а 23 мая 1715 года обнародовал декларацию, согласно которой усыновлённые принцы во всём становились равны принцам крови. Герцог Менский настаивал, чтобы умирающий король сделал завещание, которое отняло бы регентство у герцога Орлеанского, и Людовик сделал *духовное завещание*, в котором ограничил власть своего племянника. Для этого был создан Совет регентства, в который вошло несколько человек, и все решения должны были приниматься большинством голосов.

15. *...они сразу же переходили в наступление.* — Генерал Моро по приезде в Главный штаб союзных армий дал советы о способе борьбы с Наполеоном. Эти советы послужили впрок. Сущность заключалась в том, чтобы избегать столкновений там, где руководил лично Наполеон, а стараться бить отдельных его маршалов, разбросанных с корпусами в разных местах театра войны.

16. *...В шестнадцатом веке папа римский, Испания и «Шестнадцать»...* — Во время религиозных войн во Франции в XVI веке между протестантами и католиками последними руководили местные лиги католиков, которые в 1576 году образовали национальную католическую Священную Лигу во главе с семьёй Гизов. Королю Франции Генриху III удалось распустить Лигу, но в 1588 году он был изгнан из столицы. Лига, развернув активную деятельность, избрала свой центральный комитет, названный комитетом «Шестнадцати», объявивший в стране правление террора.

17. *...потомками Гуго Капета...* — Гуго Капет (938–996) — французский король, основатель династии Капетингов, давшей Франции 16 королей и прекратившейся. В 1328 году начинается правление старшей линии династии Капетингов — Валуа. Династия Бурбонов началась с Генриха IV, который после умерщвления в 1589 году Генриха III, последнего Капетинга из дома Валуа, сделался прямым наследником французского престола.

18. *Таким образом, имея некоторые старые законы Хильперика или Фарамонда...* — Хильперик I (539–584) — франкский король из династии Меровингов, правитель Суассона. Современники сравнивали его с Нероном, настолько он был честолюбив, жесток и одержим властью.

Фарамонд (ок. 426 г.) — мифический предок Меровингов. Жил ли он на самом деле, неизвестно.

19. *...это одна из величайших побед госпожи де Жанлис.* — Госпожа де Жанлис (1746–1830) — французская писательница, автор сентиментальных и педагогических романов. Герцог Шартрский (Филипп Орлеанский, известный как Филипп Эгалите) взял её воспитательницей своих детей, среди которых был будущий король Франции Луи-Филипп (1830–1848 гг.). До возвращения во Францию в 1814 году Луи-Филипп находился в эмиграции.

20. *...я узнал о страшной судьбе принцессы...* — Принцесса де Ламбаль славилась при дворе красотой и доверительными отношениями с королевой Марией-Антуанеттой. После возвращения в Париж её заключили

в тюрьму Ла Форс. Ей сказали, что она будет помилована, если отречётся от короля, королевы и королевского звания. Принцесса отвечала, что это против её сердца. Тогда её вывели из тюрьмы, и она мигом была растерзана озверевшей толпой, убийцы рвали её тело на части, голову и сердце они насадили на пики и носили по Парижу.

21. *Император подробно остановился на истории одного из них — того, к кому он испытывал сильную привязанность, — его измена оказалась для него большой душевной раной.* — Речь идёт о маршале Мармоне, герцоге Рагузском (1774—1852). В марте 1814 года он предал Наполеона и подписал — вместе с маршалом Мортье — договор о сдаче Парижа союзникам. После реставрации Бурбонов перешёл на их сторону и получил звание пэра. Во время Ста дней сопровождал Людовика XVIII в Гент. Слово «рагуза» с тех пор стало синонимом предательства, а во французском языке появился глагол *raguser*, что значит предавать.

**Граф Лас-Каз
МЕМОРИАЛ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ,
ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ
ИМПЕРАТОРЕ НАПОЛЕОНЕ**

Книга II

Редакторы

Ирина Богат
Игорь Захаров

Корректор

Анна Танчарова

Вёрстка

Валерий Кечкин

Подготовка иллюстраций

Тимофей Струков

Художественное оформление

Григорий Златогоров

Выпускающий редактор

Вероника Рямова

9 785815 909960

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
77 № 006722212 от 12.10.2004

121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(рядом с Никитскими воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: (495) 691-12-17, 258-69-10. Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: info@zakharov.ru

Подписано в печать 10.10.2010. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Уч. печ. л. 36,5+1,5 илл.
Тираж 1500 экз. Заказ № 761.

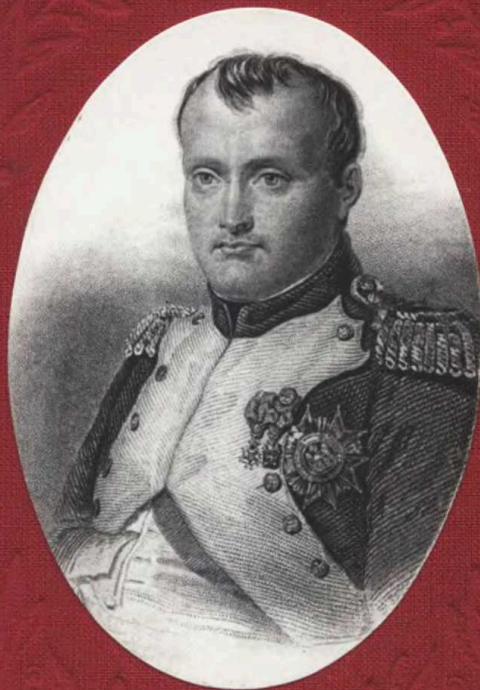
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

МЕМОРИАЛ
СВЯТОЙ
ЕЛЕНЫ

II

ГРАФ ЛАС-КАЗ

МЕМОРИАЛ
СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

**ИМПЕРАТОР ЧАСТО СПРАШИВАЕТ МЕНЯ,
ПРОДОЛЖАЮ ЛИ Я ВЕСТИ ДНЕВНИК
И ЧЕМ Я ЗАПОЛНЯЮ ЕГО СТРАНИЦЫ.**

В ОТВЕТ Я КАК-ТО СКАЗАЛ:

**— СИР, ВСЕМ ТЕМ, ЧТО ДЕЛАЕТ И ГОВОРIT
ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО С УТРА ДО НОЧИ.**

**— ТОГДА, — ЗАЯВИЛ ОН, —
ВЫ ДОЛЖНЫ ЧУДОВИЩНО МНОГО ПОВТОРЯТЬСЯ
И СООБЩАТЬ МАССУ БЕСПОЛЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ!**